

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

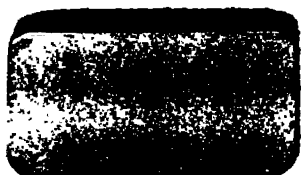
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855298 5

*QCA

Alaska, Inc.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

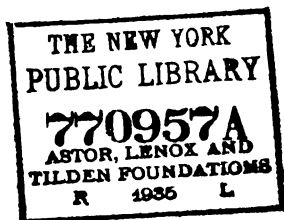
1853.

ТОМЪ VI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: В. Готье, Университетской и Степановой.
1853.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 2 дня, 1853 года.

Цензоръ *Дмитрій Ржевскій.*

МОСКОВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВИТАНИНЪ.

1853.

№ 21.

Ноябрь.

Кн. 1.

КРЕСТЬЯНКА.

Романъ въ 2 частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

ГЛАВА I.

СЕМЕЙСТВО ИВАНА ПРОХОРЫЧА.

У Ивана Прохорыча и Арины кромѣ Аннушки былъ еще сынъ—Зосима, молодой мужикъ лѣтъ 28. Онъ былъ уже женатъ, имѣлъ двухъ маленькихъ сыновей, но жилъ съ отцемъ въ одномъ домѣ. Отецъ не хотѣлъ отдѣлить его, и имѣлъ на то основательныя причины. Зосима, обыкновенно угрюмый, молчаливый и покорный отцу, подъ часъ шибко запивалъ, и тогда ему все было, какъ говорится, тринь-трава. Пропадаетъ дни два, три неизвѣстно гдѣ, пропьеть

1*

все, что есть на немъ, и потомъ придетъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало: отецъ побранить, иной разъ и поколотить его, Зосима повинится и снова принимается за свое дѣло, пока не найдетъ на него прежній стихъ, какъ выражалась Арина. Эти стихи нападали впрочемъ на Зосиму не часто, можетъ быть, оттого, что онъ боялся отца и не имѣлъ у себя никогда денегъ: ему ихъ не давали въ руки. Напивался онъ такъ, ни съ-того, ни съ-сего, безъ всякой основательной причины, не къ празднику, ни съ радости, ни съ горя, а точно вдругъ ему вѣсть захочется: пойдеть, да и напьется. Пьяный онъ рѣдко приходилъ домой, а если случалось это, такъ ужъ откуда слова берутся: веселый, разговорчивый, и отцу не очень уступить, когда тотъ вздумаетъ *пошугать* его.

Въ трезвомъ видѣ Зосима работалъ, какъ медвѣдь, но повидимому не принималъ никакого участія въ домашнихъ дѣлахъ и интересахъ, какъ будто онъ были для него всемъ постороннія, а онъ только исправный наемный работникъ. Въ судьбѣ Аннушки онъ точно также не принималъ никакого участія: ее отдали нѣмцамъ на воспитаніе, потомъ нѣмцы взяли ее къ себѣ въ дочки, потомъ онъ слышалъ, что баринъ горманихской хочетъ жениться на ней, наконецъ отецъ съ матерью поговариваютъ о томъ, чтобы взять Аннушку опять къ себѣ въ домъ,—на все это Зосима смотрѣлъ совершенно равнодушно, какъ будто дѣло нисколько его не касалось. Онъ видѣлъ Аннушку ребенкомъ, видѣлъ потомъ ее дѣвушкой, сначала она ходила грязная, босикомъ, чуть не въ рубищѣ, говорила, какъ всѣ деревенскія дѣвчонки, потомъ стала одѣваться и говорить, какъ настоящая барышня, — Зосима точно и не замѣчалъ этихъ переменъ, а если и замѣчалъ, то онъ нисколько его не интересовали. За то, бывало, пьяный встрѣчному и поперечному рассказываетъ, какая у него сестра красавица, умная да ученая, какъ будто онъ только и думалъ, что о ней одной.

Жена Зосимы Александра была совершенная противоположность мужу: у ней только и заботы было, что чужія дѣла; она гораздо больше интересовалась ими, нежели своими

собственными. Въ судьбѣ Аннушки она принимала живѣйшее участіе, да та бѣда, что ни Иванъ Прохорычъ, ни даже Арина не слушали болтливой бабы, не принимали ея совѣтовъ, даже не спрашивали ея мнѣнія и не рассказывали ничего о томъ, что ихъ особенно волновало и занимало. Александра имѣла необыкновенную способность надобѣдать своею болтливостью и навязчивостію. Къ Аннушкѣ она чувствовала какое-то слѣпое уваженіе и нѣкоторую зависть.

Арина, ожидая прихода дочери, суетилась, приготавлила для нея помѣщеніе въ сѣнникъ или свѣтлѣкъ: выносила оттуда всякую дрянъ и хламъ, мыла, выметала, какъ будто ждала къ себѣ какой дорогой и небывалой гостыи. Александра безпрестанно навязывалась къ ней съ своими услугами и совѣтами.

— Матушка, а матушка, говорила она, не лучше ли будетъ Аннѣ-то Ивановѣ за перегородкой въ избѣ? Оно, хошь не такъ чистенько, да все къ намъ-то поближе будетъ, а здѣсь ну-ка ей одной черезъ сѣни-то жить: вѣдь, страшно, чай!...

— Полно-ка, Александра, какое ужъ ей дѣло за перегородкой жить: одни твои ребятишки, такъ одолять, а здѣсь она сама себѣ хозяйка.

— Такъ какъ же она зимой-то будетъ въ сѣнникѣ-то жить: вѣдь, чай, холодно будетъ безъ печки-то?...

— Отступись-ка, Александра; ну, неужто ужъ мы заморозимъ ее? Отецъ-отъ печку хотѣлъ сдѣлать.

— То-то! развѣ что печку-то.... Ну, а какъ печку-то станутъ дѣлать, такъ гдѣ же она будетъ,—чай, за перегородкой же?

— Эхъ, отстань ты мнѣ: ну, вѣстимо, недѣлю другую перебьется за перегородкой....

— То-то, и я, молъ, тоже, а то куда же больше....

— Что ты не посмотришь въ печку-то? вотъ перебираешь

здѣсь языкомъ-то, а дѣла не дѣлаешь, а тутъ они подойдутъ: либо не допрѣтъ, либо перепрѣтъ что.... Пирогъ-отъ, чай, не высадила ?...

— Нѣтъ еще: не угодила !

— То-то не угодила ! дѣла-то, вишь ты, много больно ; языкомъ-то молоть.... Подъ-ка, подъ, высади, докудова не пригорѣлъ.

Александра ушла въ избу, высадила изъ печки пирогъ, который успѣлъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пригорѣть, и тотчасъ же отправилась за ворота смотрѣть, неидетъ ли Аннушка. Долго стояла она, глядя безъ всякой надобности во всѣ стороны, наконецъ увидѣла вдали Ивана Прохорыча съ дочерью, и опрометью бросилась въ избу, чтобы сказать Аринѣ, что идетъ ея Аннушка. Потомъ она заметалась по избѣ, какъ угорѣлая, переставляя съ мѣста на мѣсто разную посуду, передергивала на себѣ сарафанъ, подправляла волосы и перевязывала платокъ, словомъ, такъ была озабочена ожиданіемъ гости, какъ будто была главный членъ въ семействѣ и Аннушка шла прямо къ ней.

Въ то же время Зосима, призванный съ поля ради такого важнаго событія въ домъ, былъ совершенно равнодушенъ, и когда жена, прибѣжавши въ избу, нѣсколько разъ повторяла ему, что Аннушка идетъ, онъ ничего не отвѣчалъ, а когда она, чтобы возбудить его вниманіе, толкнула его въ плечо со словами: слышь ли, Аннушка идетъ,—онъ произнесъ только протяжное: ну !

Когда Аннушка согласилась идти жить къ отцу, она почти не думала о свѣемъ намѣреніи. Душа ея была такъ измучена, такъ устала, что она даже безъ особеннаго сожалѣнія оставляла тотъ домъ, въ которомъ провела самыя лучшія годы жизни и имѣла такъ много искреннихъ привязанностей. Выходя изъ этого дома, въ самыхъ послѣднихъ дверяхъ она встрѣтилась съ Аксиньей, которая съ злобной улыbkой

посмотрѣла на нее, и, не смѣя ничего говорить при Иванѣ, удовольствовалась тѣмъ только, что толкнула Аннушку, какъ бы ненарочно. Этотъ толчокъ и злобный взглядъ Аксины возбуждиль въ Аннушкѣ мысль, что она оставляла въ этомъ домѣ только одну ненависть къ себѣ.

— Что же? я лучше дѣлаю, что ухожу отсюда, думала она: здѣсь меня уже никто не любитъ.... я опять сдѣлаюсь крестьянкой, и, можетъ быть, буду счастливѣе....

Когда они шли чрезъ деревню, многія бабы, по чутю, или по слуху узнавшія, въ чемъ дѣло, высовывали свои головы сквозь окошки, другія выбѣгали за ворота и съ любопытствомъ смотрѣли на Аннушку. Нѣкоторые подходили къ Ивану съ вопросами:

— Что Иванъ Прохорычъ, али дочку-то опять къ себѣ берешь?

— Да! отвѣчалъ онъ.

— Такъ!... Вѣдь, чай, тебѣ, Аннушка.... Анна Ивановна, не больно хочется послѣ экой-то жизни да въ деревенскую-то избу?...

— Да что ей не хотѣться-то? вѣдь, чай, въ родной домъ-отъ идетъ, не въ чужой?... возражалъ Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Знамо дѣло, батъка, да все ужъ ей не такая жизнь-то будетъ теперь, какъ тамъ....

— Ну, полноте вы! кто васъ спрашиваетъ?... не въ свое-то дѣло суются.... прямыя бабы.... до всего имъ дѣло! Подите.... Что вамъ тутъ?

Арина встрѣтила дочь съ распростертыми объятіями и слезами.

— Ахъ, ты, бользно мое дитятко, говорила она, обнимая ее, ахъ ты дочка моя любезная, на-силу-то ты опять къ намъ воротилася, на-силу дождалась я тебя, мое красно солнышко... Подь, подь къ намъ, родная: будетъ ужъ, нама-лася ты на своемъ вѣку, будетъ съ тебѣ, поживи-ка у насъ,

да дай Богъ въ радости.... Вонъ, вѣдь, какая, ровно спичка стала: исхудала какъ.... Подъ, матушка!...

Чувствительное сердце дѣвушки тронули эти ласки материнской любви, хотя и облеченныя въ грубую форму: ей сдѣлалось какъ будто полегче на душѣ: она могла весело улыбнуться въ отвѣтъ на слова матери.

— Здорово, Аннушка! сказалъ Зосима, подходя къ сестрѣ и вытирая рукавомъ губы. Онъ крѣпко поцѣловался съ нею, и въ глазахъ его на этотъ разъ сверкнуло чувство искренности, теплой любви къ сестрѣ, но онъ больше не сказалъ ни слова, и снова вытерши губы рукавомъ, отошелъ прочь, впрочемъ скося поглядывая на Аннушку.

— Здравствуйте, Анна Ивановна! заговорила наконецъ и Александра, цѣлуясь съ Аннушкой.

Давно уже стояла она около нея, переминаясь съ ноги на ногу и ожидая своей очереди, чтобы поздороваться съ нею.

— Ну, вотъ и опять къ намъ, продолжала она; милости просимъ, гостя желанная! Просимъ насъ любить да жаловать, Анна Ивановна; на нашемъ необразованъ не обезсудьте, а мы васъ вотъ какъ, всей душой желали!...

— Зачѣмъ ты, сестрица, зовешь меня Анной Ивановной? Зови просто: Аннушкой....

— Какъ можно, сестрица! отвѣчала Александра, поддѣлываясь подъ тонъ Аннушки, какъ можно? Вы у насъ такая ученая, да умная, а я что? какъ есть дура,—крестьянка необразованная.

— Я сама такая же крестьянка, какъ и ты.

— Какъ можно, что вы это?... Насъ ужъ не осудите, каковы есть, а то это, какъ можно!... И смотреть-то на васъ, такъ изъ-подъ ручки надо, а мы что?...

Александра желала порисоваться передъ Аннушкой.

Сверхъ прочихъ своихъ качествъ она имѣла стремленіе къ цивилизации и зналась преимущественно съ дворовыми женщинами: въ настоящемъ случаѣ она старалась говорить какъ

можно краснорѣчивѣе, и, вѣроятно, долго бы не кончила своей рѣчи, если бы ее не остановила Арина.

— Ну-ка, полно, Александра, перестань: тебя, вѣдь, не переслушаешь, сказала она. Подай-ко вотъ лучше пирожка, да аладушекъ нашей-то гостыюшкѣ дорогой.... Садись-ко, матушка, Аннушка, садись, родная, вотъ сюда, говорила Арина, усаживая дочь на почетное мѣсто подъ образами.... На-ка вотъ, покушай пирожка-то на доброе здоровье....

— Нѣтъ, матушка, я не хочу.

— А что? али не по скусу.... Ну, такъ вотъ аладецъ-то поѣшь, славныя алады,—сама про тебя пекла.

— Право, матушка, мнѣ ничего не хочется ѣсть.

— Что-йто это?... А ты привыкай къ нашей-то ѣдѣ, какъ быть-то! говорила Арина съ полушутливымъ упрекомъ. Вѣдь ужъ что дѣлать-то? попала къ намъ, такъ надо привыкать....

— Да я, матушка, не оттого не ѣмъ, а что же дѣлать: мнѣ не хочется!...

— Ну, ну, ладно; вѣдь, я такъ только.... Ну, не хошь теперь, послѣ, коли захочется, попроси.... Вѣдь, мнѣ только бы ѣлось на здоровье, а то, вѣдь, не жаль: избави Господи....

— Вотъ я лучше племянничка поподчую! сказала Аннушка. Калистратушка, поди-ка сюда.

Но мальчишка дичился мало знакомой гостыи и не шелъ на ея зовъ, закрываясь рукавомъ рубашенки, хотя и съ жадностью смотрѣлъ на пирогъ и блины.

— Калистратушка, что же! поди ко мнѣ!... на вотъ тебѣ пирожка.

— Что же ты нейдешь, дурашка, къ тетѣ? заговорила Александра. Поди. Вишь, она у насъ какая добрая.... Ужь не осудите, сестрица, продолжала она, обращаясь къ Аннушкѣ и вытирая носъ сыну, вѣдь у насъ дѣти деревенскія.... Вишь, какъ перепачкался: цѣлый день то и дѣло, что жуеть, да въ грязи баландается.... Что дѣлать-то? гдѣ намъ ума-то взять?... Поди же, поди къ тетѣ....

Мальчишка подошелъ къ Аннушкѣ бокомъ. Она дала ему пирога, приласкала его, хотѣла было взять къ себѣ на колѣни, но ребенокъ былъ весь грязный, и ее, привыкшую къ опрятности, это взволновало, впрочемъ она пересилила непріятное чувство и посадила мальчика къ себѣ на колѣни.

— Погоди, ты будешь меня любить! сказала она.

— Какъ ему не любить тебя, сестрица: вы такія умныя, да ученые.... Поучите и его когда своимъ наукамъ! сказала Александра.

— Полно-ко, мелево, возразилъ Иванъ Прохорычъ. Какія еще ему науки! живетъ и безъ нихъ! Науки-то не всякому даются, а кому и даются, такъ не всегда до добра доводятъ.

Эти слова многое напомнили, многое возбудили въ душѣ Аннушки: она задумалась.

— Полно-ко, доченька, объ чемъ еще задумалась?... не думай-ка лучше ни объ чемъ, такъ и на сердцѣ-то веселье будетъ! сказала Арина.

Аннушка принужденно улыбнулась.

Весь этотъ день ея не оставляли Арина и Александра.

Она насильно поддерживала съ ними разговоръ до тѣхъ поръ, пока не пришло время ложиться спать. Ее отвели тогда въ назначенную для нея свѣтелку. Изъ всѣхъ вещей Аннушки перенесена была отъ управителя только одна ея кровать съ постелью, и она заняла половину комнатки.

— Вишь, какъ у тебя хорошо здѣсь! говорила Арина, осматриваясь: право, ровно комнатка стала. Ложись, матушка, ложись, родная! Чай, хочется спать-то. Вотъ и я здѣсь лягу на лавкѣ: все тебѣ на первый-то разъ не такъ боязно будетъ.

— А то инъ, пожалуй, я лягу, а ты, матушка, въ избѣ ложись! подхватила Александра.

— Отступись, Александра! Кто тебя спрашиваетъ? у тебя свои ребята есть—ну, и знала бы ихъ....

— Матушка, не беспокойся и ты: я не боюсь и одна остаться! говорила Аннушка.

Она чувствовала себя измученной, усталой. Отъ насилія надъ сбою въ продолженіе цѣлаго дня и отъ духоты въ избѣ у ней разболѣлась голова: ей хотѣлось поскорѣе броситься въ постель и стараться заснуть, не думая ни о чемъ.

Арина не оставляла Аннушки, но уложивши ее въ постель, сѣла около нея, начала гладить голову и спину дочери, и готова была баюкать ее, какъ маленькую. Но какъ ни были нѣжны и искренни ласки Арины, Аннушкѣ хотѣлось поскорѣе остаться одной, поскорѣе заснуть, и она ни слова не отвѣчала матери.

Арина наконецъ улеглась на лавкѣ въ той же свѣтелкѣ и тотчасъ же уснула, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ Аннушки: воображеніе противъ ея воли рисовало предъ нею картины прошедшаго, душа ныла, а нѣжное тѣло ея страдало отъ мухъ и другихъ непримиримыхъ враговъ спящаго челоуѣка, отъ которыхъ Аннушка давно уже отвыкла въ домѣ своихъ благодѣтелей. Бессонница мучила ее и голова ея горѣла: она не могла болѣе оставаться въ постели, и накинувши на себя первое, что попало подъ руку, вышла на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ..... Былъ сентябрь мѣсяцъ, почъ темная, дулъ холодный осенній вѣтеръ, въ воздухѣ—сырость.... Но Аннушка безбоязненно открывала свою голову и грудь: она не думала о томъ, что можетъ простудиться и заболѣть, она, можетъ быть, даже хотѣла бы этого....

Цѣлую ночь ходила Аннушка взадъ и впередъ подъ окнами своей избы, безъ цѣли, безъ опредѣленной мысли и чувства. Начало уже свѣтать.... Усталость овладѣвала членами дѣвушки, и она хотѣла идти опять въ избу, какъ вдругъ замѣтила, что кто-то потихоньку сошелъ съ крылечка и началъ смотрѣть во всѣ стороны: это была Александра. Аннушка пошла ей на встрѣчу.

— Ахъ, сестрица! сказала Александра шепкомъ и съ лукавымъ выраженіемъ лица. А я встала, да тотчасъ и пошла посмотрѣть на васъ; смотрю, а васъ и нѣтъ....

— Мнѣ не спалось, такъ я вышла погулять на воздухъ.

— Ну, ну! я, вѣдь, матушку-то нарочно не разбудила: ничего, никто не видалъ!... Я, вѣдь, сестрица, никому не скажу.... продолжала Александра также шепкомъ и съ тѣмъ же лукавымъ выраженіемъ лица.

Очевидно было, что она что-то подозрѣвала, что именно, она и сама хорошенько не знала, но по ея понятіямъ дѣвушка даромъ не пойдетъ ночью на улицу.

Аннушка поняла это подозрѣніе и оскорбилась, но не сказала ни слова.

Между тѣмъ Александръ очень хотѣлось войти въ довѣренность сестры и узнать ея тайну, но какъ начать, она не знала, и очень досадовала, что Аннушка ни слова не отвѣчаетъ ей. Наконецъ она нашлась.

— Сестрица, сказала она, коли иной разъ куда этакъ сходить-то нужно будетъ вамъ, такъ бери меня съ собой.... Напередъ скажи: я и спать не буду.... Со мной все не такъ опасно, а ужъ я никому не скажу....

Эти слова были новымъ ударомъ въ сердце Аннушки.

— Полно, сестрица, какъ тебѣ не стыдно такъ думать обо мнѣ! сказала она.

— Я ничего, я ничего не думаю, сестрица! забормотала Александра, сконфуженная отвѣтомъ Аннушки, а сама между тѣмъ думала:

— Экая скрытная какая!... да вѣдь знаемъ мы тебя, голубушку.... не проведешь.

Аннушка вошла въ свѣтелку свою, а Александра осталась у дверей, чтобы поглядѣть, что будетъ дѣлать сестра. Приходъ Аннушки разбудилъ мать ея.

— Что, Аннушка, неужто ужъ ты проснулась? спросила Арина.

— Нѣтъ, матушка, я и совсѣмъ не спала....

— Что же, родная, отчего?

— Такъ, матушка, безсонница какая-то.

— Ахъ, ахъ, думала про себя Александра, экая безстыжая, а?

— Чтѣ же бы тебѣ меня-то разбудить: я бы посидѣла съ тобою! говорила Арина.

— Мнѣ жалко было будить тебя, матушка.

— Чтѣ же ты дѣлала-то?

— Ничего.... Вышла на улицу, да все и бродила около дому.

— Хитрячка! а? бой дѣвка! думала Александра.

— Такъ ложись, болѣзная: усни хошь теперь-то! сказала Арина.

— Хорошо, матушка, я лягу.

Аннушка легла въ постель, чтобы скрыть свои слезы и свою тоску, чтобы не говорить ничего, но не могла заснуть и часа черезъ два опять встала.

ГЛАВА II.

ДОБРАЯ ДУША.

Августъ Карлычъ, хотя и считалъ себя нѣсколько обиженнымъ Аннушкой, за то, что она такъ скоро оставила его, но на другой день соскучился безъ нея и пошелъ къ Ивану Прохорычу, чтобы посмотреть, какъ помѣстилась его бывшая дочка, а также и для того, чтобы исполнить завѣщаніе жены. Вслѣдъ за нимъ привезли большой сундукъ и нѣсколько узловъ, въ которыхъ помѣщалось все платье и всѣ вещи, принадлежавшія Амадію Федоровичъ. Аннушка бросилась къ Августу Карлычу съ радостью и не могла удержаться отъ слезъ.

— Ну, чтѣ, Анхенъ, какъ ты?... довольна ли, что ушла отъ меня? спросилъ Августъ Карлычъ не безъ упрёка, по-нѣмецки.

Аннушка ничего не отвѣчала, но закрыла лице платкомъ, скрывая слезы.

Августу Кармычу стало жаль ее и совѣстно за свой вопросъ.

— Ну, Богъ съ тобой: я не сержусь; мнѣ только жаль тебя! сказалъ онъ. Вотъ возьми платье покойной Амаліи и билетъ на деньги, которыя принадлежали ей.

— Мнѣ ничего не надобно! отвѣчала Аннушка.

— Какъ не надобно? спросилъ удивленный Кнабе.

— Не надобно; я и безъ того много вамъ обязана.

— Да, вѣдь у тебя ничего нѣтъ? чѣмъ же ты будешь жить?

— Я буду работать, я хочу быть простой крестьянкой, какъ была!...

— Полно, Анхенъ, что ты?... ты не такъ воспитана.

— Я привыкну.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты должна взять все это на память объ Амаліи.... Она этого хотѣла.

Августъ Кармычъ прослезился.

— Пожалуй, я возьму на память нѣкоторыя платья, любимыя муттеръ, но денегъ мнѣ не надобно.

Весь этотъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Арина и Александра, находившіяся при немъ, не понимали ни слова, но по выраженію лицъ и по движеніямъ разговаривающихъ догадывались, что Августъ Кармычъ отдаетъ привезенное имъ имущество, а Аннушка отказывается отъ него. Последнее очень не нравилось Аринѣ и удивляло Александру, которая съ жадностью заглядывала на узлы и сундуки. Арина находилась въ большой тревогѣ, опасаясь, какъ бы дочь и въ самомъ дѣлѣ не отказалась отъ добра, которое ей достается даромъ, и не знала, что дѣлать, какъ бы надумать дочку, да и узнать хорошенько, въ чемъ дѣло.

— Осмѣлюсь я твоей милости спросить, рѣшилась нако-

нецъ сказать Арина, что́ это за сундукъ да узлы натаскали въ избу: что́ съ ними прикажешь дѣлать?

Аннушка сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла при этомъ вопросѣ матери.

— А, это все дочкѣ... отвѣчалъ Августъ Карлычъ, Амалия на память... Возьми, возьми, Арина, убирать...

— Ахъ, вы наши отцы и благодѣтели, заголосила старуха, бросаясь въ ноги нѣмцу... Экіе вы благодѣтели наши... Аннушка, matka, что́ же ты? кланяйся, да благодари!.. Что́ ты такъ-то стоишь, помилуй, скажи?

— Мнѣ ничего не надобно! торопливо сказала Аннушка.

— Полно, полно, не слушать!.. говорилъ Кнабе, она сама не понимаетъ, что́ говорить...

— Не понимаетъ, батюшка, не понимаетъ... по глупости своей! подтвердила Арина съ низкимъ поклономъ. Послѣ, батюшка, будетъ благодарить... благодѣтели вы наши!..

— А вотъ это возьми: билетъ... 500 рублей.

— Батюшка, благодѣтель, отецъ, кормилецъ... восклицала Арина, и, принимая билетъ, поцѣловала руку у Августа Карлыча.

Аннушку измучила эта сцена: она горѣла отъ стыда за свою мать, но она не знала еще цѣны деньгамъ и не хотѣла подумать, что мать благодарила не за себя, а за нее. Аннушкѣ было особенно стыдно посторонняго свидѣтеля этой сцены—Александры. Она робко взглянула на нее, но прочла въ ея глазахъ только жадность и зависть, между тѣмъ какъ на лицѣ матери выражалась одна радость. Благородное сердце дѣвушки сжалось отъ негодованія. Она не могла говорить и молча простилась съ Августомъ Карлычемъ; ей стыдно было даже взглянуть на него.

— Отпускай ее ко мнѣ когда! сказалъ Августъ Карлычъ, обращаясь къ Аринѣ.

— Какъ же, батюшка, какъ же!.. Отецъ ты нашъ!.. когда угодно... за всякое время! отвѣчала старуха.

— Ну-ка, Аннушка, что ты? и спасибо-то не сказала экому своему благодѣтелю! замѣтила Арина, когда нѣмецъ ушелъ изъ избы.

— Какъ это, матушка, не стыдно было тебѣ все это взять отъ него! спросила Аннушка съ упрекомъ.

— А то что, али бы и не взять?... Полно-ко, Аннушка, пятьсотъ-то рублей на землѣ не валяются, не подымешь... Шутка въ дѣлѣ: пятьсотъ рублей!... тебѣ надо Богу за нихъ молиться, благодѣтелей своихъ....

— Ужъ подлинно, сестрица, благодѣтели, подхватила Александра; какъ только онъ васъ любить: ничего ему не жаль!... Что вы, сестрица, узелки-то не развяжете? хошь бы посмотрѣла, кажись....

— Развяжи, пожалуй! отвѣчала Аннушка.

— Ну-ка, ну-ка, Александра, полно: не вороши! куда какая прѣткая! замѣтила Арина. Подь-ка, лучше сбѣгай за отцомъ:—перво надо ему рассказать про экую радость, а насмотрѣться-то и послѣ насмотришься до-сыти.

Поджигаемая любопытствомъ и нетерпѣніемъ, Александра опрометью бросилась въ поле, гдѣ работалъ Иванъ Прохоровъ, но дорогѣй успѣла рассказать чуть не всей деревнѣ, какое Богъ подаль счастье ихъ Аннушкѣ.

Иванъ Прохоровъ долго не вѣрилъ Александрѣ при разсказахъ ея о посѣщеніи нѣмца и о подаренныхъ имъ 500 рублѣхъ, впрочемъ изъ любопытства пошелъ въ избу; Зосиму почти насильно утатила Александра. Старикъ былъ удивленъ и пораженъ поступкомъ управляющаго: качалъ головой, разводилъ руками, крестился. Зосима оставался равнодушнымъ слушателемъ.

— Ну, жалобился я сначала на нѣмцевъ, какъ они стали Аннушку всему обучать,—можетъ они и шибко испортили ее у меня,—а ужъ это.... нѣтъ, добрые люди, любили они ее,

коли такое дѣло сдѣлали.... Дай Господи ей царства небеснаго, а ему добраго здоровья. Надо сходить да поблагодарствовать.... Ну, Аннушка, счастлива ты.... Да что ты не веселѣ сидишь? спрашивалъ Иванъ Прохорычъ.

— Ничего, батюшка, такъ!

— А вотъ, сестрица, развеселитесь: прикажите узелки-то развязать.... говорила Александра, которая давно уже горѣла нетерпѣніемъ посмотрѣть, что такое скрыто въ этихъ узлахъ, и уже нѣсколько разъ щупала ихъ руками.

— Полно-ка, Александра, экъ тебѣ! твое что ли тутъ? что те ровно подмываетъ? Она и сама развяжетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, я не хочу.... Пусть смотреть сестрица.

— Такъ ужъ лучше же я стану вымать, да тебѣ показывать!... отозвалась Арина и начала развязывать узлы и вынимать изъ нихъ платья одно за другимъ; каждую новую вещь подносила она къ Аннушкѣ, показывала ей и разсматривала вѣсть съ Александрой и Иваномъ Прохорычемъ, при чемъ безпрестанно сыпались восклицанія восторга и удивленія. Когда же дошла очередь съ сундука, и изъ него Арина вынула небольшую шкатулочку, въ которой оказались разныя золотыя и серебряныя вещицы: сережки, колечки, булабочки, принадлежавшія Амалиѣ Оедоровнѣ и скопленныя ею въ теченіе жизни, то все семейство, не исключая даже и Зосимы и маленькаго Калистратки, превратилось въ зрѣніе и любопытство. Впрочемъ Арина прежде, нежели рѣшилась всѣ эти вещи вынуть изъ шкатулочки, изъ предосторожности приперла двери въ избу.

Одна только Аннушка оставалась при всемъ этомъ грустною и совершенно равнодушною.

— Ну, Аннушка, вотъ ты какая теперь у насъ богатая! сказала Арина, разводя руками, когда всѣ вещицы были вынуты изъ шкатулки и разложены на столѣ. Наградилъ тебя Богъ за твою доброту, да простоту.... А! Иванъ Прохорычъ, глянь-ка!

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ старикъ и перекрестился.

— Слава тебѣ Господи! повторила Арина, и потомъ начала обнимать и цѣловать Аннушку.

— Вотъ, кажется, ничего бы въ жизни не пожалѣла, сказала Александра, у которой глаза сверкали свѣтлѣ всѣхъ вещицъ, разложенныхъ на столѣ, какъ бы да у меня было этакое платье, да вотъ этакія сережки.... Ничего бы въ жизни не надо.

— Развѣ они тебѣ очень нравятся, сестрица? спросила Аннушка.

— Ахъ, Анна Ивановна, такъ неужто нѣтъ? Кажись, отродясь экаго наряда не видывала!.... экое платье-то; шелковое, вѣдь, это, Анна Ивановна?...

— Шелковое....

— Я и вижу, что шелковое.... Ахъ, ты, батюшки мои, а сережки-то.... браліанды, вѣдь, настоящіе, Анна Ивановна!...

— Такъ возьми себѣ, сестрица, и платье и серги!

— Полноте-ка, сестрица.... что вы! отвѣчала Александра съ недоувѣрчивой улыбкой, между тѣмъ какъ глаза ея прыгали и сверкали.

— Право, возьми, сестрица, я не шучу.

Александра продолжала смотреть то на предлагаемые ей подарки, то на сестру все еще недоувѣрчиво, но съ нѣжной улыбкой, впрочемъ не рѣшалась протянуть руку къ сокровищамъ, которыя ей отдавали.

— Ахъ, какая же ты! сказала Аннушка, вставая, взяла платье и сережки и отдала ихъ въ руки Александрѣ.

Послѣдняя, увѣрившись, что ее и въ самомъ дѣлѣ дарятъ, вздумала изъ приличія поломаться.

— Нѣту, нѣту, ни за что не возьму!... что вы, сестрица, вѣдь, я такъ только.... Куда мнѣ, не надо! говорила Александра, полу-придерживая, полу-отталкивая отъ себя подарки.

— Ну, если любишь меня: возьми! говорила Аннушка.

— Ахъ, что-йто это, сестрица!... отозвалась Александра, и, не умѣя болѣе скрывать своей радости, бросилась цѣловать и обнимать сестру.

— Такъ неужто и впрямь ты взять хочешь?... Какъ же!

такъ я тебѣ и дала! заговорила Арина. Полно-ка, полно.... вишь ты безстыжая, подай сюда.... Да и ты, Аннушка, что ни-на-есть лучшее отдаешь.... А эта и рада.... эка.... Подай-ка, полно....

— Матушка, какъ тебѣ не стыдно, отозвалась Аннушка: это, вѣдь, мое, ну, я и хочу подарить сестрицу.... не тронь ее; возьми, сестрица, изъ любви ко мнѣ....

— Эка безстыжая, эка адовка, ровно Аксютка вонъ экая же завидующая.... говорила Арина, качая головой на Александру.

— Ахъ, матушка, какъ тебѣ не стыдно!.... мнѣ ничего не надо.... Вотъ эти платья возьми себѣ, вотъ эти отдай племянникамъ, это братцу....

— Какъ же, какъ же, тотчасъ.... вотъ такъ бы все и раздала!... отвѣчала Арина, поспѣшно укладывая вещи, запирая шкатулку и завязывая узлы съ платьями. Пѣтъ, видно, дѣвка, глупенька еще ты.... запрю сундукъ и ключа тебѣ въ руки не дамъ.... И денегъ ей въ руки не давай, Иванъ Прохорычъ: тотчасъ кому-нибудь отъ простоты своей отдастъ.... вотъ такая попрошайка подобется.... Что-йто?... на что это похоже и всамъ дѣль?... Не отдавай ей денегъ, Иванъ Прохорычъ....

— Да мнѣ и не надо этихъ денегъ: я ихъ отдаю своимъ племянникамъ....

Все семейство пришло въ неописанное волненіе; по апатическому лицу Зосимы пробѣжалъ отблескъ какого-то свѣтлаго и глубокаго чувства.

— На-ка, на-ка, что еще выдумала! вскричала Арина, всплескивая руками.... Да кто это тебя послушаетъ?

— Мнѣ ничего не надо! повторяла Аннушка съ грустью. Братецъ, эти деньги принадлежатъ твоимъ дѣтямъ: возьми ихъ!...

— Ну, только удивленье! воскликнула Арина и ударила себя руками по бедрамъ.

Никто изъ всего семейства не понималъ, что происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, никто не замѣтилъ, какою радо-

стію блеснули ея глаза, когда они встрѣтились съ глазами Зосимы, устремленными на нее съ выраженіемъ глубокой, безпредѣльной любви и благодарности. ●

— Нѣтъ, погоди, дочка, вымолвилъ наконецъ Иванъ Прохорычъ, ужъ и я скажу: чтò не дѣло, то не дѣло. Ужъ и я не послушаюсь: денегъ не отдамъ.

— И я не возьму ихъ, батюшка: они не мои, я ихъ отдала.... Мнѣ ничего не надобно.

— Ну, полно, безъ времени не клади заклѣтья: може и понадобится.... Тамъ, какъ хошь, пожалуй, отдавай, только я билета въ руки Зосимѣ не дамъ.... какъ разъ за полштофа ухлопаетъ....

Зосима мрачно взглянулъ на отца, но не сказалъ ни слова.

— Эхъ, Аннушка, Аннушка, глупенька ты еще, продолжалъ Иванъ Прохорычъ, а я думалъ, что тебя и нивѣсь какой премудрости научили... Подаль Богъ счастья, такъ сама отъ него отворачивается: мнѣ, чу, ничего не надо: и видно, что не жила своимъ-то домомъ, да не было своей заботушки....

Но Аннушка была вполне счастлива, видя радость Александры вслѣдствіе ея подарка, и искреннее чувство благодарности, которое она прочла въ глазахъ Зосимы. Она не понимала еще смысла собственности; притомъ нѣсколько мечтательная дупа ея была слишкомъ утомлена сильными движеніями и не могла чувствовать какую-нибудь привязанность къ вещественнымъ благамъ. Сопровитвеніе родителей желанію ея отдать то, чтò для нея не имѣло никакой цѣны, и сдѣлать чрезъ это счастливыми другихъ, возмущали и оскорбляли ее, а между тѣмъ она чувствовала себя счастливою, доставляя удовольствіе другимъ,—вслѣдствіе этихъ противоположныхъ движеній душа ея расширилась, и ей хотѣлось бы раздать все, чтò она имѣла.... Но и тутъ она встрѣтила только одну оппозицію, одно непониманіе... Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ.

ГЛАВА III.

Пьянъ, да уменъ—два угодыя въ немъ.

Дня три спустя послѣ описанной сцены, Аннушка сидѣла одна въ своей свѣтелкѣ: вся семья, не исключая даже Арины, была на полѣ, торопясь дожать яровое. Собесѣдникомъ Аннушки былъ только осмилѣтнѣй Калистратъ; другаго груднаго еще сына Александра взяла съ собой на поле, какъ дѣлають вообще всѣ крестьянки.

Много грустныхъ, печальныхъ мыслей тревожило Аннушку, но она силилась освободиться отъ нихъ и забыться въ ребяческой болтовнѣ съ племянникомъ. Мальчикъ былъ вымытъ, причесанъ, на немъ была чистая и хорошенькая ситцевая рубашка: видно было, что это дѣло Аннушки. Ребенокъ преспокойно оставался одинъ съ теткой, весело шалилъ и самоуверенно теребилъ ее.

— Перестань, Калистратушка, не шали; поговори со мной' сказала Аннушка.

— А что?

— Ну, скажи-ка: ты ужъ привыкъ ко мнѣ?

— А-а?

— Ты не боишься ужъ меня?

— Нѣту-у!

— Да не кобенься же, перестань. Слушай меня: отчего же ты прежде-то меня дичился?

— А-а?

— Отчего ты прежде-то меня не любилъ?... Ну, не шали же, отвѣчай мнѣ: отчего прежде не любилъ меня?

— Не знаю-ю! отвѣчалъ мальчикъ, растягивая окончаніе слова.

— А теперь любишь?

— Да-а.

— Отчего же любишь, за что?

— А ты мнѣ всего даешь!...

— Ну, а кого же ты больше любишь, отца или маму?

— Тятю.

— Отчего?

— Тятя-та такую загвоздку спустить, а ничего, а мамка-та все за вихорь... то и дѣло.... таково больно....

— За что же тебя бьютъ?

— А тятя-та, коли сбалуешь, а мама-та.... такъ, все за вихорь.... да все ругается, а тятя-та только выбрать, а когда и калачъ дать, а мама-та ничего не дать.... только не подходи къ ней....

Въ это время въ сѣняхъ послышались чьи-то тяжелые и неровные шаги, потомъ дверь свѣтелки быстро отворилась на-стежъ, и на порогъ показался Зосима. Онъ стоялъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону; на немъ была одна рубашка, на головѣ шапки не было; лицо его было красно, глаза сверкали, но смотрѣли ласково, губы улыбались.

— Аннушка.... сестрица!... то-то... говорилъ Зосима, ухмыляясь. Красавица.... ученая.... умница.... писаная.... кормилица.... то-то!... вотъ какъ! И Зосима ударилъ себя кулакомъ въ грудь противъ сердца.

Аннушка догадалась, что братъ быть пьянъ; ей въ первый разъ приходилось быть такъ близко съ пьянымъ: она испугалась.

— Чтѣ ты, братецъ? спросила она робко.

— Я? ничего.... постой.... Хороша дочка Аннушка, коли хвалить мать да бабушка.... запѣлъ Зосима. Аннушка.... нѣтъ! продолжалъ онъ, благодѣтельница ты моя.... добрая... кажется вотъ какъ.... всей душой.... а не то, что....

— Братецъ, ты бы легъ спать!... нерѣшительно проговорила сестра.

— Я? нѣтъ, стой, погоди.... Я тебѣ скажу. .. я, Аннушка, гуляю.... У-ухъ.... такой и эдакой комаринскій мужикъ.... Аннушка, и пѣсня-то про меня сложена.... ха, ха, ха!...

— Братецъ, ради Бога, поди спать... коли любишь меня: поди, да лягъ.

— А ты постой, Аннушка, нишкни... что я тебѣ скажу... я тебя люблю... ты мнѣ знаешь какая... Господи только!... чувствую, все чувствую....

И Зосима заплакалъ.

— Ну, да что толковать.... такъ ли, Аннушка, а? Дай-ка, я тебя поцѣлую.

И онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ сестру. Аннушку опахнуло запахомъ вина и лука: она чувствовала отвращеніе, но преодолѣла себя и не отвернулась отъ брата.

— То-то, Аннушка.... Вѣдь, я мужикъ... а ты барышня... ученая... умница... на что ты сюда пришла?... а?... то-то!... О-хъ! самъ-то бы я... что онъ? что что онъ уменъ?... отецъ-отъ?... а что я?... батракъ я, али сынъ?... ты скажи мнѣ: батракъ я, али сынъ?... что онъ меня?... что я выпилъ-то?... такъ что?... нечто я... Калистратка, поди сюда, шельма.. поди.. нечто я его не люблю что ли... Калистратку?... нечто онъ не сынъ мнѣ? а?... то-то!... Аннушка... вотъ ты у меня благодѣльница... я, вѣдь, понимаю... матушка... дай-ка я тебя еще поцѣлую... У-ухъ... ты, вѣдь, отъ души... вотъ что !...

— Братецъ, пожалуйста, поди спать... Неравно отецъ вдругъ придетъ...

— Такъ что мнѣ?

— Онъ браниться будетъ, разсердится.

— Ахъ... вотъ тебѣ на... Нечто я испугался что ли? Нѣту, не испугался... Я самъ ему такую...

— Братецъ, не говори, ради Бога, это грѣхъ: Богъ велитъ уважать своихъ родителей.

— Ахъ, Аннушка!... Знаю, вѣдь, я, знаю... умница ты у меня, ученая... А на что онъ сказалъ, что я Калистратковы... что ты Калистраткъ деньги дала... что я пропью..., на что онъ сказалъ, что я Калистратковы деньги пропью? а? на что онъ это сказалъ?... Нечто я его не люблю... нечто онъ не сынъ мнѣ?... Калистратка... Чтѣ онъ мнѣ никакой воли не даетъ?... чтѣ онъ... не пускаетъ меня своимъ домомъ жить? Чтѣ я выпью-то?... Ну, выпью, коли захотѣлъ... такъ что ему?... не работаю что ли я?... чтѣ онъ меня пьяницей-то срамить?... у меня вотъ тутъ червякъ сидитъ... вотъ тутъ... подъ сердцемъ... засосетъ... пойду и выпью... рубаху сниму, да выпью... А онъ что думаетъ?... себя что ли я не понимаю?... понимаю!... все понимаю!... хотѣлъ на Проскухѣ жениться... не велѣлъ... А Александра-то лучше? ха, ха, ха!... лучше!... Мнѣ что?... мнѣ не то нужно... я и съ нимъ живу... онъ мой отецъ... я ему долженъ вѣрой и правдой... а зачѣмъ онъ меня срамить?... что я не баю-то?... онъ думаетъ я дуракъ?... я-то? нѣтъ, я умнѣе его... да!... такъ-то!... Вотъ теперь ничего... хорошо... сытъ... Аннушка, подари-ка мнѣ что-нибудь...

— Да на что же тебѣ?

— Ну, ужъ подарю... тогда скажу.

— А ты лягъ спать... какъ проснешься, тогда я тебѣ и подарю чтѣ хочешь.

— Нѣтъ, тогда мнѣ не надо... мнѣ теперь надо... а тогда я и не возьму.

— Чтѣ же тебѣ подарить? ну, на вотъ платочикъ шелковый, а то все у матушки заперто.

— Ха, ха! заперто... и твое-то заперли... Ну, ладно, вотъ спасибо и на платочкѣ...

— Ну, скажи же, зачѣмъ же ты просилъ?

— Зачѣмъ?... сказать?... хи, хи!... не я просилъ... червякъ запросилъ... ха, ха, ха!... теперь гуляй, погуливай!... У-ужъ какъ нѣтъ у насъ такого молодца!...

— Такъ неужели же ты хочешь пропить?... Ну, я этого не ожидала отъ тебя: я подарила тебѣ на память, а ты хочешь пропить... Вотъ и видно, что не любишь меня...

— Я тебя не люблю... я?... такъ неужто думаешь пропью, коли на память подарила... Пусть же всю грудь онъ у меня высосетъ... а ужъ нѣтъ... не видать ему этого платочка... на шею повяжу, да и пойду гулять...

— Нѣтъ, братецъ, коли любишь меня, лягъ спать, походи въ избу...

— Изволь, лягу, только не въ избѣ... а здѣсь... да-ка, Аннушка, я на твоей-то постелькѣ... косточки понѣжу... а?

Зосима пошелъ къ кровати, но Аннушка ничего не отвѣчала: онъ оглянулся на нее и остановился.

— Чтѣ же, ложись, братецъ, ничего! — сказала дѣвушка, скрѣпя сердце.

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ... мужицкая рожа!... Аннушка, умница... барышня...

— Ну, такъ вотъ тутъ, хоть на лавку ложись: погоди вотъ я постелю что-нибудь...

— Нѣту, я на полу лягу...

— Ахъ, чтѣ ты, братецъ, не ложись на полъ, чтѣ ты.

— На полъ лягу! отвѣчалъ Зосима и улегся на голомъ полу прежде, нежели Аннушка успѣла что-нибудь положить ему подъ голову.

— Аннушка... добрая... вотъ какъ... отъ сердца жалю... бормоталъ Зосима, но скоро заснулъ и захрапѣлъ.

Аннушкѣ было и стыдно и отвратительно смотрѣть на брата, валявшагося на полу, но въ то же время ей и жалко было его: она видѣла въ немъ добрую душу и любовь къ себѣ, поняла, что онъ недоволенъ отцомъ и что послѣдній не умѣетъ цѣнить его... Бѣдная дѣвушка страдала отъ этихъ мыслей, но рѣшилась употребить все усиліе, чтобы примирить брата съ отцомъ и вылечить первого отъ его пагубной страсти.

Аннушка устылась въ самый дальній уголъ свѣтелки, посадила около себя Калистрата, и старалась не глядѣть на Зосиму, чтобы не возмущаться при видѣ пьянаго.

Такъ прошло нѣсколько тяжелыхъ часовъ для Аннушки.

Наступалъ вечеръ, стали возвращаться съ поля. Первая пришла Александра, и кинувши серпъ, поспѣшила къ сестрицѣ, къ которой она чувствовала особенную любовь съ тѣхъ поръ, какъ получила отъ нея подарокъ.

Александра оторопѣла, увидѣвши въ свѣтелкѣ на полу своего мужа, впрочемъ тотчасъ сообразила, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, сестрица, Анна Ивановна, заговорила она, извините. Видно пьяный ввалился? Цѣлый день пропадалъ сегодня, а сюда спать нелегкая занесла... экой нагрѣшникъ!... Извините, сестрица... меня-то совсѣмъ пристыдилъ... не обидѣлъ ли онъ васъ чѣмъ? вѣдь, онъ пьяный-то себя не понимаетъ... охъ, охъ! простите вы насъ!... Вставай, безстыдникъ! экой человекъ только... ну, вставай же, окаянный...

Александра теребила, толкала мужа, но тотъ еще не проспался, хмѣль въ немъ не прошелъ, и онъ отвѣчалъ женѣ только мычаніемъ и бранью.

— Ахъ, ахъ, стыдобушка моя... вотъ муженька Богъ далъ!... Вотъ попрошу батюшку, чтобы поколотилъ хорошенько... Ахъ, озорникъ ты этакой... что ты станешь дѣлать? не просыпается, нейдетъ... хошь бы батюшка-то пришелъ поскорѣе, хошь бы въ избу-то стащить... ахъ, батюшки мои!... извините, сестрица!...

— Да не тронь его, пожалуйста... только вотъ не хорошо, что на полу лежитъ: положи ему подъ голову-то хоть подушку.

— Полноте-ка, сестрица, стѣитъ ли онъ того вниманія, чтобы... валяется и на полу... пьяница этакой...; а вотъ вамъ-то онъ такое безпокойство дѣлаетъ.

— Ничего, ничего!

— Какъ ничего, сестрица, развѣ вы къ этому привычны? экой, вѣдь, срамникъ... меня-то осрамилъ... тѣфу! ..

— Послушай, какъ тебѣ не стыдно? вѣдь онъ мнѣ братъ...

— Какой ужъ онъ вамъ братъ, Анна Ивановна?... такое ли его и образованье, чтобы вамъ въ братья причитаться...

Въ это время въ свѣтелку вошелъ Иванъ Прохоровичъ.

— Батюшка, посмотри-ка, хорошъ ли сынокъ-отъ, обратилась къ нему Александра. Нахлестался гдѣ-то, да и пришелъ къ сестрицѣ. Знаешь, вѣдь, ты его пьянаго-то: чай, чего-чего, какой гадости не наговорилъ, да еще и спать у нея завалился... экой обидчикъ! а?... бужу и не встаетъ никакъ...

— Эко стерво... сказалъ съ сердцемъ Иванъ Прохоровичъ. Люди торопятся дожинать, а онъ пьянствуетъ... Вотъ я те дамъ! вставай!.. И старикъ ткнулъ сына ногой.

— Батюшка, что ты дѣлаешь? проговорила Аннушка умоляющимъ голосомъ.

— Такъ что? не поблажку ли ему дать? Люди работаютъ, а онъ что дѣлаетъ... Вставай же, говорятъ.

Зосима полу-проснулся и сѣлъ на полу; онъ посмотрѣлъ на отца мутными глазами, и потомъ тотчасъ же опустилъ голову на грудь.

— Эка, вѣдь, пьяница!... наказалъ меня Господь! сказалъ старикъ и ударилъ Зосиму.

Аннушка вскрикнула, заплакала и закрыла лице руками.

Зосима посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была сестра, потомъ свирѣпо взглянулъ на отца, и, не сказавши ни слова, поднялся на ноги, и покачиваясь вышелъ изъ свѣтелки, сопровождаемый бранью отца. Александра пошла было вслѣдъ за мужемъ съ тѣмъ, чтобы уложить его спать, но чрезъ минуту опять прибѣжала въ свѣтелку запыхавшись и со слезами на глазахъ.

— Нейдетъ, вѣдь, спать-то, а вышелъ на улицу: видно, опять натрескаться хочетъ; стала останавливать, да уговаривать, такъ ударилъ, да толкнулъ: чуть съ ногъ не слѣзла. Батюшка, поди останови...

— Ахъ, Зосимка, погоди жъ ты, я те покажу! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и намѣреваясь отправиться вслѣдъ за сыномъ. Въ котору сторону онъ пошелъ?

— Вотъ сюда въ деревню...

— Батюшка, ты опять приѣдешь его? спросила Аннушка.

— Мало приѣду, выпорю цѣлымъ міромъ, коли не послушаетъ: не поидетъ домой.

— Батюшка, позволь мнѣ позвать его: онъ меня сейчасъ послушаетъ, только ты не бей и не брани его.

— Полно, послушаетъ ли онъ тебя, коли и меня не слушаетъ: чтò хошь говори, ровно дерево.

— А вотъ посмотри только, я съ тобой пойду.

— Ну, поди попробуй, коли да онъ не обругаетъ тебя.

Аннушка поспѣшила выдти на улицу, и замѣтя вдаль по улицѣ медленно бредущаго Зосиму, оставила отца и побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Братецъ, братецъ! кричала она ему.

Зосима остановился, услыша голосъ сестры.

Аннушка подошла къ нему.

— Куда ты пошелъ?

— Куда?... куда нужно! отвѣчалъ Зосима угрюмо.

— Сдѣлай милость, не ходи: поди домой.

— Какъ же, сейчасъ!

— Ради Бога, если любишь меня!

— Да на что я домой-то пойду? чтобы брань-то да побои видѣть...

— Да тебя никто не станетъ ни бить, ни бранить...

— А онъ-то? спросилъ Зосима, указывая на подходящаго къ нимъ отца.

— Онъ обѣщалъ мнѣ, что ни слова не скажетъ.

— Ну, ладно, подемъ домой... для тебя.

— Чтò, пьяница, али почувствовался, разбойникъ этакой: за что прибилъ-то? такимъ вопросомъ встрѣтила Александра мужа, когда онъ, идя назадъ, поровнялся съ нею и отцомъ.

Зосима нахмурился и молчалъ.

— Эка стыда-то въ тебѣ нѣтъ, продолжала Александра, слѣдуя за мужемъ, пьянца этакая, хошь бы сестрицы-то постыдился...

Аннушка давала знаки сестрѣ, чтобы та замолчала, но Александра или не замѣчала ихъ, или не хотѣла умолкнуть. Зосима вдругъ среди самыхъ краснорѣчивыхъ увѣщаній и упрековъ жены, опять, ни слова не говоря, повернулся и пошелъ въ противоположную сторону.

— Братецъ, куда это ты? спросила Аннушка испугавшись. Отвѣта не было.

— Зосима, пошелъ домой! закричалъ Иванъ Прохоровичъ. Зосима ни слова не отвѣчалъ, но и не думалъ остановиться.

— Ну, смотри, Зосима, плохо будетъ, коли не послушаешь! кричалъ старикъ.

— Братецъ, ради Бога, воротися! уговаривала Аннушка чуть не со слезами.

— Экого Богъ далъ муженька.. батюшка, ужъ что онъ, коли и тебя-то не слушаетъ... каковъ же ужъ онъ человѣкъ!.. безстыжій ты человѣкъ, бить бы тебя! кричала она вслѣдъ мужу.

Зосима вдругъ повернулся, захохоталъ, погрозилъ женѣ кулакомъ и опять пошелъ прежней дорогой, скорыми шагами.

— Не пускайте его, схватите, батюшки, схватите! кричала Александра двумъ мужикамъ, идущимъ на встрѣчу Зосимѣ.

Тѣ хотѣли остановить его, но Зосима такъ сильно толкнулъ одного изъ нихъ, что другой почелъ за лучшее, не дотрагиваясь Зосимы, поднять страшный крикъ на всю деревню. Тогда изъ всѣхъ избъ повыскакали мужики и бабы, а Зосима ударился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Начались разспросы, толкованье, шумъ, крикъ; обступили Ивана Прохоровича и Александру; старикъ жаловался на сына, Александра на мужа. Аннушка заплакала и ушла въ свою свѣтслюку.

Аннушка успѣла уже проплакаться и сидѣла подгорюнившись и задумавшись, когда въ свѣтелку къ ней пришли Иванъ Прохоровичъ, Александра, кончившіе свое объясненіе на улицѣ, и Арина, которая только что возвратилась съ поля и узнала, что на Зосиму опять нашелъ стихъ.

— Ну, чтó, много ли послушался тебя? спросилъ дочери Иванъ Прохоровъ.

— Это виновата сестрица, отвѣчала Аннушка: если бы она не стала его упрекать, онъ пришелъ бы домой...

— Полно-ка, Аннушка, вѣдь, ужъ не первый годокъ я съ нимъ маюсь: развѣ у него есть какое чувствіе? Вотъ какъ я завтра схожу къ управителю, да попрошу, чтобы его вздули хорошенько, такъ може лучше дурь-то спадеть.

— Ай, батюшка, сохрани Богъ, чтó ты? нѣтъ, ты не дѣлай этого! развѣ это можно?...

— А для чего нельзя. Такъ-то отбарабанишь, что любо два.

— Вѣдь, у него у самого дѣти; развѣ онъ мальчикъ какой?

— Ладно! такъ что же онъ отцу-то не уважаетъ, коли у него у самого дѣти? на что онъ себя не помнитъ, дуритъ, ровно у него и заботушки никакой нѣтъ? люди работаютъ, а онъ гулять вздумалъ?

-- Батюшка, онъ пьетъ оттого, что ему тошно, что ты съ нимъ не ласковъ.

— Да чтó съ нимъ быкомъ сдѣлаешь? не цѣловаться же мнѣ съ нимъ: ты пожалуй ему говори, а онъ все въ землю смотреть... ровно дуракъ какой или непонятной...

— Это все, батюшка, оттого, что ему тошно... можетъ быть, у него болѣзнь такая, что онъ пьетъ.

— Толкуй, какъ не болѣзнь!... нѣтъ, онъ злой: какъ не пьяный-то, такъ боится меня, не смѣетъ слова сказать, а напьется-то, такъ для-того, чтобы сгрубить какъ... того только и смотреть.

— Полно, батюшка, онъ добрый. Вѣдь, онъ никогда не бранится, всегда слушаетъ тебя, когда не пьянъ; если и ты когда его побранишь трезваго, такъ, вѣдь, онъ никогда ничего не отвѣчаетъ тебѣ...

— Ужь это точно: иной разъ плюху дашь, кажись бы и другую спустилъ, такъ руки отпускаются: глазомъ не мигнетъ...

— Вотъ видишь, батюшка, это и значтъ, что онъ добрый и любитъ и уважаетъ тебя... можетъ быть, ему и стыдно, что онъ пьетъ, да что же ему дѣлать, если это у него болѣзнь... А онъ, батюшка, добрый, право, добрый...

— Полноте-ка, сестрица, ужъ не говорите, перебила Александра, какой ужъ добрый! такое золотцо, что и Господи не приведи. Иной разъ и трезвый, да слова ему не скажи...

— Э-эхъ, Александра, молчала бы ты, молчала, замѣтила Арина; другой бы мужъ, кабы и всамъ-то дѣлъ злой былъ, такъ походя бы тебя колотилъ.

— А что-йто это, матушка, ужъ и походя? да чѣмъ я хуже другихъ? За что бы это меня походя-то бить? вотъ тебѣ на! возразила Александра, обидясь.

— А вотъ за то, что тебѣ мужъ-то не хорошъ: онъ у меня прежь того, до тебя былъ парень веселый, и хмѣлемъ зашибался, такъ не шибко; а вотъ какъ ты къ намъ въ домъ, такъ онъ хуже да хуже; а ребята пошли подростать, еще хуже.

— Такъ ничто я виновата?

— А, вѣстимо, ты: не умѣешь ни словомъ, ни лаской его остановить, а все бы вотъ не дѣло языкомъ молола.

— Ну, матушка, все я у тебя не хороша... Извѣстно, ужъ у свекрови когда... бываетъ ли хороша?...

Ахъ, ты... То-то вотъ... послала бы я тебя у другой свекрухи-то пожить, такъ и узнала бы ты, каково житье-то... сегодня кто съ поля-то раньше ушелъ: ты, али я?...

— Нѣтъ, батюшка, право, онъ отъ того и пьетъ, что вы не такъ съ нимъ обходитесь! сказала Линнушка, желая прервать непріязненный разговоръ между матерью и невесткой.

— А какъ же бы еще съ нимъ обходиться-то? Я говорю, цѣловаться, молъ, что ли съ нимъ?

— Ты все его бранишь, а попробуй обходиться съ нимъ ласково, онъ и пить, можетъ быть, перестанетъ.

— Полно-ко, дочка, больно ты умна: хошь ужъ и отца-то уму-разуму учить; ты сначала сама-то умомъ-то запасись, а я пожилъ съ-свое... Вотъ, какъ выпорю его, такъ ровно рукой всю блажь сниметъ ..

— Я не учу тебя, батюшка, а только прошу: прости его хоть въ этотъ разъ, не бей и не брани, а только постыди ласково...

— Эхъ, отступись-ка ты мнѣ... Чтó ты разумѣешь? ровно съ маленькимъ валандаться? вѣдь, слава Богу, не Калистратка, свой царь въ головѣ... А больно я не люблю, какъ мнѣ науки-то эти рассказываютъ... молодѣнька еще ты... вотъ что!

И Иванъ Прохоровичъ ушелъ вонъ изъ свѣтелки, недовольный дочерью.

— Матушка, попроси его, чтобы онъ простилъ братца.

— Нѣту, Аннушка, ужъ онъ теперя пикнуть не дастъ — не послушаетъ.

— Какъ не послушать, если всѣ будемъ просить? Сестрица, неужели тебѣ не жаль его: вѣдь, онъ мужъ тебѣ.

— Кому же и жалѣть, Анна Ивановна, какъ не мнѣ, да что ужъ я... вонъ, матушка говоритъ, что я всему и причина, что и мужъ-то чрезъ меня пьянствуетъ...

— Такъ чтó не дѣло что ли я говорю, отозвалась Арина: какъ бы ты была бабенка путная, такъ неужто бы онъ не установился, какъ бы просила, да кланялась, такъ неужто бы его стыдъ не взялъ...

— Матушка, ради Бога, попроси отца, чтобы онъ простилъ братца! твердила Аннушка.

— Да изволь, Аннушка, попросить я попрошу, для че не попросить — не за чужаго... А и то сказать: надо его и поучить: себя, вѣдь, не помнить, вѣдь, трое на шеѣ у него сидятъ.

— Такъ неужели тебѣ, матушка, не стыдно будетъ, если такого большого сына станутъ... съць?

— Да что за стыд?... и старше его стьнуть... Жалко, слова нѣтъ, а стыдъ-то какой?... Мало ли кого уму-разуму учать! Провинился, такъ и отвѣчай: самъ виновать.

Аннушка не нашлась ничего возразить на эти слова матери, но ей грустно было видѣть, какъ расходятся ея понятія съ понятіями матери; эти слова напомнили ей, какой она чуждый элементъ въ своей родной семьѣ, но эти напоминанія были слишкомъ часты... и теперь они вызвали только глубокий вздохъ изъ груди Аннушки. Она впрочемъ продолжала просить мать ходатайствовать у отца за Зосиму.

Мать обѣщала. На Александру Аннушка чувствовала большое негодованіе за ея равнодушіе къ мужу, и ни слова не говорила съ ней. Она ничего не отвѣчала ей даже и тогда, когда Александра, оставшись на-единъ съ нею, сказала грустнымъ тономъ:

— Вотъ, сестрица, какова моя жистъ здѣсь; не много радости вижу: мужъ не любитъ, пьлнствуетъ, матушка все бранится, да меня во всемъ винить... Ахъ, кажется, убѣжала бы на край свѣта, ничто-то не мило, ничто-то не весело...

Александра смотрѣла на Аннушку, ожидая отъ нея утѣшенія, но та сама была полна своимъ горемъ, и сидѣла задумавшись; ей хотѣлось плакать. Александра тоже подгорюнилась, но не могла сидѣть молча: она забыла и свое собственное горе, видя чужое.

— Чтó, сестрица, не веселы? спросила она.

— Ничего! отвѣчала Аннушка отрывисто.

— Али по прежней по любви встосковалось сердечко? продолжала Александра неотвязчиво, желая войти въ довѣренность сестры—ея давнишнее желаніе! Ахъ, сестрица, ужъ именно, какъ тебѣ не тосковать? такое ли было ваше прежнее житье, а теперь чтó съ нами, съ мужиками: совсѣмъ мы безъ понятій... вотъ и про прежнюю про любовь поговорить не съ кѣмъ... ахъ, какой только былъ женишокъ-то—заглядѣнье только!... Что, сестрица, пишеть ли онъ вамъ про любовь про свою, али и совсѣмъ позабылъ?...

Аннушка не выдержала: эта болтовня раздирала ея сердце; она зарыдала и бросилась въ постель, чтобы скрыть и задуть рыданія.

— Чтѣ, сестрица, матушка, тошно?... только я одна и знаю твое горе!... Расскажи мнѣ, матушка, чтѣ такъ надрываешься, Расскажи—легче будетъ, говорила Александра.

— Отстань, ради Бога, уйди отсюда... оставь меня... проговорила Аннушка съ досадою... И можетъ быть, первый разъ въ жизни она такъ сердилась на человѣка, какъ теперь на Александру, но та не поняла этого.

— Ну, ну, проплачься! отвѣчала она. Я вотъ здѣсь сяду, посижу,—все не одна будешь.

Аннушка лежала на постели, лицомъ къ стѣнѣ, и тихо плакала.

Сколько ни старалась Александра заговорить съ нею, она не отвѣчала, и та, потерявъ наконецъ терпѣніе, ушла изъ свѣтелки.

ГЛАВА IV.

ЛАСКОВОЕ СЛОВО ПУЩЕ ДУБИНЫ.

На другой день Аннушка успѣла упросить отца, чтобы онъ не наказывалъ Зосиму, а ограничился только однимъ внушеніемъ и выговоромъ. Много не совсѣмъ пріятныхъ рѣчей должна была выслушать она отъ отца прежде, нежели онъ изъявилъ свое согласіе на ея просьбу, но была счастлива уже тѣмъ, что успѣла сдѣлать, счастлива надеждою исправить Зосиму и примирить его съ отцомъ... но не на долго. Прошелъ цѣлый день, а Зосима не возвращался домой: гдѣ онъ былъ, ни слуху, ни духу; а вечеромъ, когда вся семья укладывалась спать—не оказалось одного полушубка; сколько ни искали его, не могли найти—онъ былъ украденъ... Впрочемъ

не много нужно было соображенія, чтобы объяснить все дѣло: полушубокъ принадлежалъ Зосимъ, лежалъ онъ на полатяхъ вмѣстѣ съ полушубкомъ Ивана Прохорова и Арины; чужой воръ, конечно, ужь коли воровать, такъ укралъ бы всѣ три; сверхъ того, кромѣ полушубка не оказалось шапки Зосимы, между тѣмъ, какъ все остальное было цѣло. Изъ всего этого становилось ясно, что воръ былъ никто другой, какъ самъ Зосима, что онъ прокрался въ избу въ то время, какъ всѣ уходили на поле, а Аннушка спдѣла въ своей свѣтелкѣ, и что онъ захватилъ полушубокъ и шапку именно съ тою цѣлью, чтобы пропить.

Когда все это разъяснилось, Иванъ Прохоровичъ разразился страшною бранью, побожился завтра же сходить къ управителю, пожаловаться на сына и просить, чтобы его высѣкли хорошенько въ примѣръ всѣмъ прочимъ пьяницамъ; Арина и Александра охали, толковали о томъ, что уже было окончательно объяснено, качали головами и разводили руками.

Аннушка, которая пришла въ избу на шумъ и узнала, въ чемъ дѣло, ничего не могла сказать въ защиту брата и уныло опустила голову.

На другой день Иванъ Прохоровъ дѣйствительно ходилъ къ управляющему, но что говорилъ съ нимъ, никому не сказалъ: онъ былъ сильно разсерженъ и не хотѣлъ говорить о Зосимѣ даже съ Аннушкой.

Три дня безъ вѣсти пропадалъ Зосима, и во все это время Аннушка была особенно грустна и печальна, наконецъ на четвертый она услышала страшную брань и крикъ въ избѣ: то былъ голосъ отца. Аннушкѣ почему-то представилось, что это возвратился Зосима, и какъ ни тяжела была для нея всякая грубая сцена, но она бросилась въ избу, чтобы по возможности защитить брата отъ гнѣва отцовскаго. Она не ошиблась. Зосима дѣйствительно возвратился; при входѣ ея въ избу, онъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивши глаза въ землю.

На немъ была одна только рубашка, въ которой онъ ушелъ три дня назадъ, полушубка и шапки не было, но на шеѣ остался тотъ платочникъ, который подарила ему Аннушка.

Опухшее лицо доказывало, что эти три дня Зосима таки повеселился на-славу и успѣлъ заморить своего червячка. Противъ него стоялъ отецъ со сжатыми кулаками и гнѣвнымъ лицомъ.

— Гдѣ ты былъ, разбойникъ? кричалъ старикъ.

Отвѣта не было.

— Говори, гдѣ заложилъ полушубокъ-отъ да шапку, стерво поганое, пьяница ты пропойная! говори что ли.

И выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ сына, старикъ началъ бить его. Зосима, не подвигаясь съ мѣста, покорно опустилъ голову и великодушно принималъ побои. Аннушка, съ слезами на глазахъ, схватила отца за руку и упрашивала остановиться.

Зосима поднималъ голову, взглянулъ на сестру, и въ его равнодушныхъ доселѣ глазахъ отразилось такъ много любви и благодарности, что съ перваго взгляда на апатичное лицо его никто бы не могъ подумать, что въ душѣ его кроется такъ много глубокаго и сильнаго чувства. Онъ всталъ и, взглянувши еще разъ на сестру, пошелъ было вонъ изъ избы, вѣроятно для того, чтобы приняться по своему обыкновенію за дѣло.

— Куда ты? закричалъ отецъ.

— Косулю посмотрѣть: орать пора! отвѣчалъ Зосима.

— Нѣтъ погоди: ты думалъ и все? нѣтъ, ужъ ты мнѣ насолѣлъ: подь-ка къ управителю, онъ тебя взбарабанить, чтобы ты меньше домъ-отъ раззорялъ, да больше о немъ думалъ... погоди, онъ тебя порядкомъ вздуетъ... Подемъ къ нему! говорилъ не уходившійся еще старикъ.

Зосима молча взялъ шапку, приготовляясь идти на расправу такъ же равнодушно, какъ и на работу.

— Батюшка, вѣдь, ты ужъ прибилъ его, зачѣмъ же его стѣчь,—прости! говорила Аннушка, обнимая отца, и въ этотъ разъ она была очень похожа на ребенка, который упрашиваетъ простить провинившагося товарища своихъ шалостей.

— Незамай, пусть выскутъ! — сказалъ Зосима, оставаясь совершенно покойнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Аннушка, я ужъ и управителю сказалъ, и онъ велѣлъ непременно привести! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ, смягчась.

— Если ты это сдѣлаешь, мнѣ стыдно будетъ на людей смотрѣть... мнѣ жалко его... батюшка, прости!...

— Слышь, управителю сказалъ. Чтѣ онъ подумаетъ, что потачку я ему даю что ли?

— Батюшка, я сама пойду просить за него, онъ проститъ, только ты прости его.

— Поди, пожалуй, проси, а я не пойду.

— Братецъ, ты не станешь пить? спрашивала Аннушка, бросаясь на шею къ брату.

— Пусть издохну, коли хошь рюмку выпью теперя!... коли ты просишь!... сказалъ Зосима, и, высвободясь изъ рукъ Аннушки, отвернувшись къ стѣнѣ, чтобы отереть слезу.

— А за старое пусть выскутъ! сказалъ онъ, оборачиваясь и снова совершенно спокойный.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ пойду къ фатеръ, попрошу его! говорила Аннушка съ увлеченіемъ.

— Какъ хошь! сказалъ Зосима съ глубокимъ вздохомъ и сѣлъ на лавку, по-прежнему угрюмый и повидимому ко всему равнодушный.

— Батюшка, я пойду? спрашивала Аннушка.

— Пожалуй, поди! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ, совершенно озадаченный всѣмъ, чтѣ происходило предъ его глазами, и не понимавшій, отчего Аннушка такъ вступается за брата.

— А мнѣ идти? спросилъ Зосима.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я одна пойду.

И Аннушка тотчасъ же отправилась къ Августу Кармычу, а Зосима, съ любовью посмотрѣвши вслѣдъ ей, и не взглянувши ни на кого изъ оставшихся въ избѣ, выпелъ на дворъ и принялся за работу.

На дворъ подошла къ нему Александра, чтобы выразить свое участіе и показать сочувствіе.

— Ахъ, Зосимушка, экая добрая у насъ сестрица, должны Бога благодарить... говорила она. А я было ужъ какъ напугалася, чтобы тебя и въ самомъ дѣлѣ не высъкли... Просила, просила отпа-то, слезами изошла вся — не слушаетъ... Ну, а теперь Богъ милостивъ!.. нѣмецъ-отъ ее любить...

— Ну, ладно! пошла въ избу! отвѣчалъ Зосима очень неласково, и отвернулся отъ жены.

Александра знала, что послѣ такого отвѣта ей нечего ждать больше, кромѣ брани, либо холоднаго молчанія, еслибы продолжала говорить, и потому она ограничилась только одной фразой:

— Экого муженька Господь далъ!.. много разговорится съ женой... по дѣломъ бы!.. И отошла прочь.

Аннушка сначала поспѣшно шла къ Августу Карлычу и была зайята исключительно одною мыслію: какъ бы избавить брата отъ предстоящаго ему наказанія. Но чѣмъ ближе подходила она къ дому, гдѣ выросла и пережила самыя лучшія и самыя печальныя минуты своей жизни, тѣмъ медленнѣе и нерышительнѣе становились шагн ея, и мысль ея отъ брата невольно обращалась къ ней самой. Она не была въ домъ управляющаго съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышла изъ него; она оставила этотъ домъ какъ родной, она ушла изъ него какъ дочь, — а теперь приближалась къ нему какъ чужая, шла просить... о прощеніи брата — пьяницы. Какъ ни была чиста и прекрасна душа Аннушки, но она невольно краснѣла при этой мысли, какъ будто стыдилась своего новаго положенія... Когда она проходила черезъ дворъ господскаго дома, съ ней встрѣчались нѣкоторые дворовые и кланялись хотя ласково, но фамильярно и какъ будто съ насмѣшливой улыб-

кой—такъ казалось по крайней мѣрѣ Аннушкѣ. До слуха ея долетѣла чья-то фраза: «ахъ, барыня наша—лапотница, откуда взялась!» и вслѣдъ за тѣмъ раздавшійся злой смѣхъ.

Аннушка узнала голосъ Аксиньи и увидѣла ее самую, сморщившую на нее и язвительно улыбающуюся... Бѣдная дѣвушка покраснѣла еще больше, сердце ея наполнилось грустью и негодованіемъ пополамъ со стыдомъ—и она спѣшила пробѣжать дворъ и войти въ домъ. Но и тамъ ей было не отраднѣе: знакомый воздухъ, знакомые предметы—и все чужое, все чужое; родная внѣшняя обстановка—и ни одного родного милаго образа, который привыкли видѣть глаза среди этой обстановки... Аннушкѣ сдѣлалось такъ грустно, что она готова была разрыдаться, и, увидя Августа Кармыча, бросилась къ нему на шею и не могла удержаться отъ слезъ.

— Чтѣ ты, Анхенъ? спросилъ ее Августъ Кармычъ по-нѣмецки. Соскучилась что ли, мой ангелъ?

Аннушка долго не могла промолвить ни одного слова.

— Чтѣ, мой ангелъ, видно, правду я говорилъ: тамъ тебя не умѣютъ понять, ты не можешь привыкнуть къ этой жизни?

— Я пришла къ тебѣ съ просьбой, фатеръ... сказала Аннушка, оправляясь.

— Съ какою? Вѣрно не хочешь тамъ больше оставаться, хочешь лучше идти въ гувернантки? Да, да, Анхенъ, тебѣ тамъ нельзя жить: тамъ все дико, грубо, грязно.

Каждое слово нѣмца болезненно отзывалось въ сердцѣ дѣвушки, но она не хотѣла обвинять своихъ родителей: она любила ихъ.

— Нѣтъ, меня тамъ любятъ, мнѣ хорошо! отвѣчала она. Я пришла просить не о себѣ, а о братѣ.

— Это пьяница и воръ?

— Онъ братъ мой, возразила Аннушка съ упрекомъ.

Августу Кармычу сдѣлалось совѣстно.

— Чтѣ же ты хочешь, Анхенъ? спросилъ онъ.

— Батюшка жаловался вамъ на него, вы хотѣли его наказать—простите его, фатеръ.

— Изволь, изволь, моя Анхенъ, но, вѣдь, самъ отецъ твой просилъ, чтобы я его выскъ хорошенько.

— Мой братъ добръ и благороденъ; они не понимаютъ его: онъ любить ласку, а его бранятъ.

— Анхенъ, ты добра, и не понимаешь его, — отвѣчалъ Августъ Карлычъ съ улыбкой.

— Я сама дочь мужика! возразила Аннушка съ несвойственной ей горечью.

— Но ты образована, а онъ дикъ и глупъ! сказалъ Кнабе, который послѣ жены сдѣлался еще упрямѣе и раздражительнѣе.

— Я жалю, что я образована: я была бы счастливѣе, еслибъ ничему не училась.

— Ты неблагодарна, Анхенъ; я не ожидалъ этого отъ тебя! отвѣчалъ нѣмецъ запальчиво.

— Нѣтъ, нѣтъ, я люблю васъ, я благодарна тебѣ, фатеръ, и... ей... муттеръ...; не сердись на меня, не думай такъ обо мнѣ... но и не обижай моихъ родныхъ.

— Да, ты не родная дочь моя... Я сдѣлалъ для тебя все, что могъ... У меня теперь никого нѣтъ... ты оставила меня!...

— Господи!.. фатеръ, ради Бога, не говори такъ... прости меня...

— Богъ съ тобой... будь счастлива... я одинъ теперь...

Августъ Карлычъ, мрачный и угрюмый, сталъ ходить по комнатамъ скорыми шагами.

— Фатеръ, ты не сердишься на меня?...

— Нѣтъ!

— Я ни въ чемъ не виновата... прости меня!

— Я не сержусь!

— А брата прощаешь?

— Да.

Августъ Кармычъ продолжалъ ходить по комнатѣ молча. Аннушка тоже молча нѣсколько минутъ смотрѣла на него: ей показалось, что Августъ Кармычъ похудѣлъ и постарѣлъ, на лицѣ его изображались тоска и страданіе. Аннушкѣ стало жаль разставаться съ нимъ.

— Фатеръ, если хочешь, я приду къ тебѣ погостить.

— Не надо! отвѣчалъ Кнабе и горько усмѣхнулся.

— Прощай, фатеръ! робко проговорила Аннушка послѣ нѣкотораго молчанія.

— Прощай!

— Ты не хочешь меня больше видѣть?

— Приходи!

Аннушка еще нѣсколько минутъ оставалась съ Августомъ Кармычемъ; онъ продолжалъ ходить, не поднимая глазъ.

— Прощай! сказала дѣвушка и поспѣшно вышла изъ дому съ грустью еще болѣе сильной, нежели вошла въ него.

— погоди, и ты будешь скотницей! говорила Аксинья, высунувшись изъ окна людской въ то время, какъ Аннушка проходила мимо ея. погоди, поклонись и намъ... Богъ-отъ знаетъ, что дѣлаетъ.

Аннушка едва имѣла силы дойти до дому и сказать Зосимъ, что онъ прощенъ. Она пролежала въ постели весь этотъ и слѣдующій день. Зосима, въ теченіе этихъ дней, нѣсколько разъ входилъ въ свѣтелку и заботливо спрашивалъ сестру:

— Что ты, али не здоровится?

— Нѣтъ, мнѣ тошно! это ничего, братецъ! отвѣчала Аннушка ласково.

Зосима ни слова не спрашивалъ болѣе, и уходилъ мрачный, какъ темная ночь.

ГЛАВА V.

ЧУЖАЯ ДУША — ПОТЕМКИ.

Мало по малу между Аннушкой и Зосимой образовалась какая-то странная симпатія. Этотъ грубый, угрюмый и мрачный съ виду мужикъ одинъ изъ всей семьи вполне понималъ положеніе прекрасной, невинной, развитой дѣвушки въ чуждой ей сферѣ, и вполне сочувствовалъ всѣмъ ея нравственнымъ страданіямъ. Аннушка также одна изъ всего семейства умѣла отгадать прекрасное сердце и добрую душу подъ этой грязной и грубой вѣшностью брата, понимала его сочувствіе къ себѣ и дорожила имъ тѣмъ болѣе, что оно не выражалось ни въ бесполезномъ соболѣзнованіи, ни въ пустыхъ фразахъ. Зосима почти все свободное время проводилъ около сестры, и по прежнему молчаливый при другихъ, онъ, оставаясь съ нею наединѣ, становился нѣсколько разговорчивъ. Нахмуренныя брови его выпрямлялись и улыбка появлялась на губахъ, особенно, когда онъ видѣлъ, какъ Аннушка нянчила и лелѣла его сына Калистрата. Часто Зосима просиживалъ по нѣсколькимъ часамъ, не спуская глазъ съ сестры и слушая, какъ она учила племянника грамотѣ.

Прошло уже болѣе мѣсяца, но Зосима ни разу не былъ пьянъ. Вся семья удивилась переменѣ, которая совершилась въ немъ, и Арина иногда втихомолку, толкуя съ мужемъ объ этой переменѣ въ единственномъ сынѣ, крестилась и отплевывалась, чтобы не сглазить его похвалою.

Однажды послѣ порядочной перебранки съ женою, которыя были не рѣдки, Зосима пришелъ къ сестрѣ, когда она была одна, совершенно мрачный и угрюмый.

— Чтѣ ты, братецъ? спросила его Аннушка.

— Ахъ, Аннушка, совсѣмъ замучило меня... такая тягота... такъ и тянетъ выпить... Кажись бы, ничего не пожалѣть, да тебя стыдно... отвѣчалъ Зосима.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, сохрани тебя Богъ: помни, что ты общалъ мнѣ. Если будешь пить, значить не любишь меня.

— Больно тошно, Аннушка... такъ и тянетъ...

— Да что это такое съ тобой дѣлается — скажи мнѣ пожалуйста, отчего?

— Гмъ! отчего?... кто знаетъ отчего?... отвѣчалъ Зосима... А можетъ статья и есть причина... да какъ тебѣ сказать-то... прибавилъ онъ нерѣшительно.

— Да давно ли это съ тобой сдѣлалось?

— А вотъ какъ Калистратъ родиться.

— Какъ же это началось, расскажи мнѣ.

— Изволь... пожалуй, коли хошь... тебѣ расскажу. Э-эхъ, Богъ наказалъ за грѣхи... Вишь какъ было дѣло... ужъ я тебѣ все открою... Какъ былъ я парень молодой, и была тутъ на деревнѣ дѣвка Праскуха, дѣвка такая, что самая первая и изъ себя и разговоромъ, ну, а не богатая, и нечегантъ, надо правду молвить, погуливала, не такъ, чтобы очень, а это точно, съ однимъ парнемъ до-прежъ меня точно гуляла... Ну, а тутъ мы съ ней слюбились, да такъ, что не быть не жить—все бы вмѣстѣ... Такъ и гуляли мы съ ней цѣло лѣто. Батюшка замѣтилъ... ну, сталъ ругать, когда и поколотить, ничего, а еще ровно въ удовольствіе—онъ тебя прибьетъ, а ты съ поля уйдешь, да гдѣ-ни гдѣ ужъ свидишься. Праскуху-то тоже когда отецъ ея-то, али мать потаскаютъ,—и той ровно ничего — убьютъ ко мнѣ, когда ужъ мы такъ сговоримся... Вотъ только я думать, да думать, переговорилъ съ Праскухой-то, да и язнулъ къ отцу, что, молъ, не хочу, батюшка, во грѣхъ жить, а жени ты меня на Праскухѣ... Батюшка заругался... такая, слая и нищая она сбрунья, и потаскуха... всяко ее обругалъ... да и меня-то поколотилъ... Вотъ я тогда не то, что какъ теперь, а такъ... ровно бы съ горя-то что ли... впервой такъ натянулся, что до безпамятья... Ну, а послѣ проспался... и опять пошло у насъ то же гулянье съ Праскухой, да любовь... Между тѣмъ временемъ отецъ высваталъ мнѣ эту Александру... ну, да и

велѣлъ... вѣдь, отцовская воля... перечить не станешь, и управитель приказалъ... мила ли не мила ли, говорю Праскухъ: прощай, молъ, Параня, прошла наѣша любовь... И такъ я съ ней до самаго до послѣдняго дня, какъ въ церковь идти, все гулялъ... Тутъ, охъ, поревѣли, да нечего дѣлать... и то думаю: у меня будетъ жена, а она... до меня былъ... и опосля меня будетъ... найдетъ... а то за-мужъ выдадутъ. И сказать, — какъ я святымъ дѣломъ въ законный бракъ вступилъ, не имѣлъ я съ ней никакого дѣла, и встрѣчу попадетсѣ, такъ отвернуся, чтобы душу свою соблюсти... А тошно по ней было, и изъ укрادки когда все посмотрю, только ей этого виду не даю... Такъ прожили мы больше полугода.. Только была у насъ въ семикъ гулянка... Жена-то ужъ тяжела была, не пошла, я одинъ пошелъ... Ну и выпилъ, только самымъ малымъ дѣломъ... такъ, на-веселъ... и такая она показалась мнѣ хорошая... заговорила она со мной, не осилилъ я себя, сталъ съ ней говорить... Она мнѣ тутъ и молвила: отшатнулся, говорить, ты отъ меня совѣмъ, а я все объ тебѣ кажинную минуту думаю... сгубилъ, говорить, ты мое сердце... Вотъ, говорить, и меня за-мужъ отдають... хоть бы, говорить, попрощался во всю любовь... Отъ этой ея рѣчи у меня сердце разгорѣлось, и пошли мы дальше отъ народа... Купилъ я двѣ бутылки меду и сталъ ее угощать... Выпили мы по стаканчику, по другому... и такія у насъ тутъ были любовныя рѣчи, и плакали мы и смѣялись... Разошлись ужъ куда солнышко съмо... Только какъ остался я одинъ, такая на меня напала тоска, такъ подъ сердцемъ засосало... не знаю, не хочу на ея совѣсть укоръ класть: положила ли она мнѣ въ медъ каксго приворота, али ужъ такъ отъ одного горя захотѣлось мнѣ этого вина пить... пошелъ я, да тѣмъ же часомъ такъ напился, что тутъ же ровно снопъ и повалился... На другой день отецъ посрамилъ меня, побранилъ, ну и плюху далъ... это мнѣ не въ трезвость... сталъ искать случая, какъ бы опять все вмѣстѣ съ ней быть... И совѣсть и законъ позабылъ... приворотила она меня къ себѣ... только не долго я такъ грѣшилъ: скоро ее въ другую дальнюю

вотчину за-мужъ отдалн... Еще какъ и она-то была, такъ меня все тянуло къ хмѣльному, а какъ не стало ее, все хуже да хуже... сосетъ подъ сердцемъ да и все тутъ... Перемогаюсь, перемогаюсь... да нѣтъ, силушки моей не станетъ... ну, и совѣсть-то меня мучила. Прошелъ годъ, другой, объ ней-то бы ровно ужъ я и ничего бы... и мало когда въ мысль придетъ, а это подъ сердцемъ все сосетъ да сосетъ. А тутъ еще отецъ сталъ ругаться, да бить, срамить походя, слова въ ласку не скажетъ, все пьяница, да пьяница, а мнѣ оттого пуще... сердце-то что ли меня беретъ, что я и самъ вижу, что не дѣло дѣлаю, да мочи моей нѣтъ, а тутъ бранятся да срамятъ меня... такая возьметъ тягота да зло—ни на кого бы и не смотрѣлъ... Жена... ну, Богъ ей судья... самъ я виновать противъ нея... а непутная баба... говоритъ, говоритъ языкомъ-то, а все не дѣло... а меня горюшко беретъ, что не дѣло-то говорить... Такъ вотъ все... отецъ ли поругаетъ, жена ли досадитъ, а иной разъ и такъ просто... засосетъ, ну и нѣтъ моихъ силъ... Иной разъ такъ, что кажись бы руки на себя наложилъ... Вотъ, Аннушка, дѣло-то какое... Ты вотъ пришла, да ласковыя-то слова стала говорить, такъ ровно я свѣтъ увидѣлъ, а тѣ всѣ ровно мнѣ вороги были какіе... прости Господи мои великія согрѣшенія... Это самъ въ себѣ понимаю, что великой грѣхъ, и Господа призываю, ужъ себѣ воли не дамъ—отцу матери не сгрублю, а все у меня зло на сердцѣ... Вотъ на тебя смотрю, ровно на ангела Божьева, и на душѣ стало, кажись, полегче при тебѣ, а все еще сосетъ, все тянетъ... ужъ далъ тебѣ заклатье, такъ надо держать... а кажется, кабы ты слово сказала, что, молъ, ну, Богъ съ тобой, такъ бы ни на что иной разъ не посмотрѣлъ...

— Нѣтъ, братецъ, ради Бога, коли любишь меня, потерпи, да молись больше Богу: Онъ поможетъ тебѣ перенести это испытаніе.

— Вотъ что, Аннушка, а ты мнѣ вели хошь по двѣ рюмочки пить, когда ужъ больно-то меня прихватитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты поклялся, что не дотронешься до рюмки.... помни же это.

— Ну, ладно, Аннушка, буду терпѣть, только бы совсѣмъ у меня всю грудь не высосало.

— Я буду молиться о тебѣ.

— Ахъ, золото ты мое, гдѣ-то экія душеньки только берутся!... сказалъ Зосима съ глубокимъ вздохомъ, и посмотрѣлъ на сестру съ необыкновенной любовью.

ГЛАВА VI.

(Не по недугу лекарство.

Безъ мала два мѣсяца прожила Аннушка въ домѣ своего отца, и все не могла привыкнуть къ быту, отъ котораго отстала и образомъ мыслей и воспитаніемъ. Она старалась показывать себя счастливою, довольною, но не даромъ худѣла она и блѣднѣла: и внутреннія страданія и внѣшняя обстановка терзали ее. Ея нѣжная натура, ея эстетическое чувство не могли ужиться съ грубостью формъ и понятій тѣхъ людей, среди которыхъ суждено ей было жить. Нерѣдко примѣры благородства, великодушія ея родныхъ, доказательства искренней и безпредѣльной любви ихъ къ ней, утѣшали и успокаивали ее, она примирялась съ той грубой внѣшностью, подѣ которой скрывалось такъ много прекраснаго, какъ на примѣръ въ Зосимѣ.... но не на долго. Она испытывала странное одиночество—и скучала. Здѣсь были все родные ей люди по крови, но почти чужіе по душѣ: она любила ихъ и они любили ее, но этимъ и ограничивалась вся связь между ними: они не понимали другъ друга, и Аннушка оставалась одна.... совершенно одна, среди людей, такихъ ей близкихъ по крови, такъ горячо ее любившихъ. Ближе всѣхъ къ Аннушкѣ по душѣ былъ Зосима, но онъ могъ понимать всѣ ея движенія только, такъ сказать, инстинктивно, чуьемъ, между ними лежала большая разница во

всемъ—и Зосима никакъ не могъ быть другомъ Аннушки, ея полнымъ повѣреннымъ: ей было только спокойнѣе, веселѣе, легче при немъ.... А душа семнадцатилѣтней дѣвушки, испытывшей любовь, страдаетъ, если бываетъ должна замкнуться, сосредоточиться сама въ себѣ: для нея и радость спльнѣе, если она можетъ подѣлиться ею съ своей подругой, и горе не такъ тяжело, если она можетъ выплакать его на груди своей повѣренной.... Но Аннушка была одна, одна въ цѣломъ мірѣ.... И она переносилась *мыслью въ бывшее счастливое время: думала объ Анхенѣ, объ Амалиѣ Федоровнѣ.... Но эти мечты еще болѣе растравляли раны ея сердца.... Въ дѣйствительности оставался одинъ человекъ, для котораго и теперь снова раскрылось бы сердце Аннушки—этотъ человекъ — Дмитрій Петровичъ но гдѣ онъ? что онъ теперь для нея?...

— Но нѣтъ, нѣтъ, онъ не забылъ меня, онъ любитъ меня по-прежнему, онъ страдаетъ также, какъ я! думала Аннушка, и нерѣдко въ такія минуты брала перо и писала къ Дмитрію Петровичу. Она писала къ нему:

«Неужели ты думаешь, что я позабыла тебя, что я измѣнилась къ тебѣ? О, нѣтъ, нѣтъ, мое сердце все также полно любовью къ тебѣ, оно только тоскуетъ теперь и страдаетъ.... Зачѣмъ ты не бѣденъ столько же, какъ я, зачѣмъ ты не крестьянинъ?... тогда ничто не могло бы разлучить насъ, я еще болѣе любила бы тебя.... А ты? теперь я возвратилась въ ту же избу, изъ которой вышла, и.... и.... довольна тѣмъ, что меня окружаетъ.... я, можетъ быть, скоро надѣну сарафанъ, чтобы мнѣ ничто не напоминало прошедшаго, въ которомъ одни только несчастія для меня.... Я рада, что возвратилась въ тотъ бытъ, изъ котораго вышла, и сътую только на то, что получила совсѣмъ не нужное для меня образованіе.... поскорѣе бы все позабыть, поглубѣть, потерять все, что пріобрѣла.... Но зачѣмъ же я лгу передъ тобою, зачѣмъ не скажу тебѣ всю правду?... мнѣ тошно здѣсь: здѣсь все то, отъ чего я отвыкла и къ чему уже

не могу болѣе привыкнуть.... Я не могу любить то, что помѣшало моему счастью, разрушило нашу любовь.... О, вырви, вырви меня поскорѣ изъ этой жизни!... А между тѣмъ меня всѣ любятъ здѣсь, и я люблю своего отца, мать, добраго, прекраснаго по душѣ брата, люблю — и мнѣ скучно, тошно съ ними.... О, зачѣмъ учили меня, зачѣмъ я узнала тебя?... Я понимаю, понимаю теперь, почему ты не могъ жениться на мнѣ: ты не могъ бы сблизиться съ моими родными, не могъ бы считать необразованныхъ отца и мать своими родителями.... зачѣмъ я еще думаю о тебѣ?... Прощай, прощай!...» И Аннушка плакала и рвала письмо свое....

Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ, она рѣшилась было сдѣлаться вполне крестьянкой даже по наружному виду: сшила себѣ сарафанъ, надѣла его, причесала волосы по-деревенски.... Но что же вышло?... Арина чуть не плакала о прежнемъ костюмѣ Аннушки, Александра совершенно растерялась, увидя ее въ сарафанѣ, и, не умѣя достаточно выразить своего удивленія, побѣжала и рассказала о превращеніи сестры на господскомъ дворѣ и по всей деревнѣ.... И Аннушка видѣла, какъ дворовыя и крестьянскія бабы и дѣвки прибѣгали въ избу къ Аринѣ нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Аннушку; она видѣла, какъ перешептывались и смѣялись первыя, съ какимъ удивленіемъ оглядывали ее съ ногъ до головы послѣднія, и дичились ее еще болѣе, нежели когда она была въ прежнемъ платьѣ своемъ. Самой Аннушкѣ тоже какъ-то стыдно было своего новаго костюма и неловко въ немъ.... Она сняла его и не надѣвала болѣе.

Между тѣмъ Арина часто говорила мужу:

— Чтó, Иванъ Прохорычъ, причѣаешь ли ты? ровно бы Аннушка-то у насъ все худѣетъ, да такая, ничто, все невеселая: ину пору слова отъ нея не добьешься.

— За-мужъ ее надо выдать.... вотъ что! отвѣчалъ Иванъ Прохорычъ.

— За мужъ.... вѣстимо, это бы хорошо. Да за кого ты ее выдашь? за мужика она, чай, не пойдетъ.

— А вотъ поживетъ у насъ, да попривыкнетъ, да ба-рина-то того недобраго позабудетъ, такъ може и поидетъ: вѣдь, не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ сидѣть.

— Гдѣ, батюшка, не поидетъ за мужика! да никто и по-думать не посмѣетъ присвататься-то къ ней съ этакимъ ея ученіемъ.... Да и что она? и привычки такой не имѣетъ, чтобы въ избѣ бабой быть.... куда ей!... грамотница такая!...

— Ну, чего Богъ не дѣлаетъ. Въ Бубеновъ-то не мало богачей.... тысячники есть, въ Питеръ ходятъ, дѣти-то бо-роды брѣютъ и тоже грамотники.... чего Богъ не дѣлаетъ.... А она не нищя какая.... есть что принести за собою....

— Развѣ что этакъ-то, чтѣ Богъ даетъ!... Больно бы хо-рошо, а то ишь ты какъ исхудала да выцѣла. Такъ съѣзди коли съ ней въ Бубеново-то за обѣдно.... теперъ дѣло-то къ зимѣ: всѣ ребята-то, чай, изъ Питера-то теперъ къ до-мамъ пришли. Съѣзди! авось, Богъ милосливъ, не выпадетъ ли такой жеребей; а я Александръ скажу: она баба на это дѣло горазда, какъ разъ смастерить. Пра, Иванъ Прохорычъ, съѣзди! говорила Арина, крѣпко схватившись за счастливую мысль мужа.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Иванъ, вотъ дай, погоди, до-рога совсѣмъ установится — съѣздимъ! Чего Богъ не дѣлаетъ!

— Дай-ка Господи! да какъ, кому экая красавица да ученая не мила!

Настала зима. Стала крѣпкая санныя дорога. Однажды на-канунъ праздника Арина обратилась къ Аннушкѣ съ такою лукавою рѣчью:

— Аннушка, не хощь ли, съѣзди-ка завтра къ обѣднѣ въ Бубеново, по новой-то по дорожкѣ, покатайся, а то чтѣ все сидишь: вѣдь, чай, и скука возьметъ. Вотъ отецъ да Александра ѣдутъ, и ты бы съ ними.

— Пожалуй, матушка! отвѣчала Аннушка, не подозрѣвав-шая, что ее хотятъ везти на-показъ.

— Пра, родная, поразгуляйся маненько, ну да и Богу помолишься, а то что́, статное ли дѣло, все сидѣть да сидѣть. Потѣжай, матушка.

На другой день Аннушку удивили парадные сборы отца и Александры. Первый надѣлъ самый лучшій синій кофтанъ, который онъ надѣвалъ только развѣ въ Свѣтлый Праздникъ, подпоясая шелковымъ кушакомъ, противъ обыкновенія разчесалъ волосы на головѣ и бородѣ. Александра надѣла самый лучшій на-золотъ платокъ, красную шелковую шубку и шелковый сарафанъ. Она показывала особенное желаніе разрядить Аннушку, но та, къ величайшему ея неудовольствію, не рѣшилась даже надѣть шляпку на голову, а накрылась большимъ шерстянымъ платкомъ, именно съ тою цѣлю, чтобы не очень бросаться въ глаза незнакомому народу.

— Что-йто, сестрица, надѣньте шляпку-то, ровно у васъ ихъ мало, надѣнь, матушка.

— Да для чего?

— Ну, какъ для чего? Бубеново село большое, не то, что наше. Ай, что-йто, и салопъ-то старый; надѣньте, сестрица, шелковый-то. Ну-ка какой у васъ есть салопъ хорошій, а вы этотъ надѣваете; надѣнь, матушка, шляпку-то, да шелковый-то салопъ....

— Да для чего я надѣну?

— Какъ для чего, что-йто, сестрица.... неужто тебѣ и порядиться-то не хочется. Надѣнь, пожалуй, надѣнь. Посмотри-ка, тамъ поповны-то какія модныя.

— Ну, такъ то поповны.... Нѣтъ, не надѣну, не стану дереодѣваться ни за что.

— Экія вы, сестрица, упрямые. Матушка, посмотри-ка, въ чемъ сестрица-то ѣдетъ, и шляпки не хочетъ надѣть, а салопъ-отъ какой.

Арина тоже стала было говорить въ пользу шляпки и шелковаго салопъ, но Аннушка не послушалась и ея убѣжденій.

Впрочемъ не смотря на то, что она была въ старомъ салопѣ и покрыта платкомъ, она оставалась все такою же хорошенькою и не походила на крестьянку.

Въ церкви, при ея появленіи, между крестьянками началось перешептыванье, а мужское молодое поколѣніе скося безпрестанно поглядывало на нее. Аннушка замѣтила это общее вниманіе, и конфузилась тѣмъ болѣе, что Александра, которая стояла съ нею рядомъ, безпрестанно одергивала на ней салопъ, поправляла платокъ и мѣшала ей молиться. Въ церкви было нѣсколько молодцовъ, которые на лѣто ходятъ въ Петербургъ; нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли купцами: бороды подстрижены, волосы примазаны, одѣты въ синія чуйки, и стояли не какъ всѣ православные, а выставивъ одну ногу впередъ. Они-то по преимуществу не сводили глазъ съ Аннушки.

Въ Бубеновъ знали исторію Аннушки, знали Александру, и потому, когда обѣдня кончилась, и Александра, отпустивши сестру съ отцемъ впередъ, сама нарочно осталась на паперти, то бабы толпой окружили ее.

— У васъ что ли она теперя живетъ? спрашивали онѣ.

— У насъ, у насъ.

— Экая красавица.

— То-то, а ученая-то кака, а нѣмка-то сколько отказала ей: одного платья, да разнаго добра больше, чѣмъ на тысячу рублѣй.... чего ваши-то женихи смотрятъ?

— Гдѣ ужъ имъ! пойдеть ли она за нихъ, коли баринъ хотѣлъ жениться.... Да что говорить: барышней такъ и смотреть!...

— Хотѣлъ жениться, да не женился, такъ все равно, что ничего.... Мало ли у васъ богатыхъ жениховъ — питерцовъ.... ужъ кака ни есть ученая, а все нашего же роду-то, крестьянскаго.... Не вѣкъ же въ дѣвкахъ будеть сидѣть....

Александръ некогда было говорить болѣе: ее дожидались у саней Иванъ Прохорычъ и Аннушка, на которую народъ смотрѣлъ съ любопытствомъ; но этихъ словъ Александры было достаточно: они достигли цѣли.

Не больше какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ этой поѣздки, утромъ въ воскресенье къ Ивану Прохорычу пріѣхалъ самъ бурмистръ бубеновскій, мужикъ очень богатый и чванливый. Носились слухи, что Гаврила Гаврилычъ,—такъ звали бурмистра,—смѣкалъ махнуть въ гильдію и завести свои обороты на широкую руку, да, правду сказать, онъ и теперь ужъ смотрѣлъ купцомъ-капиталистомъ: толстый, съ краснымъ оплывшимъ лицомъ, съ тучнымъ чревомъ и одышкой, онъ и говорилъ и держалъ себя не такъ, какъ простой мужикъ. У Гаврилы Гаврилыча былъ сынокъ на возрастъ и проживалъ все больше въ Питерѣ.

Иванъ Прохорычъ, Арина и Александра тотчасъ смѣкнули, зачѣмъ пріѣхалъ дорогой гость. Гаврило Гаврилычъ, какъ туча ввалился въ избу Ивана Прохорыча, былъ встрѣченъ низкими поклонами, и не мало смутилъ хозяевъ своей лисьей шубой.

Аннушка была въ своей свѣтелкѣ.

— Ахъ, дорогой гость, просимъ милости! Вотъ не ждали, не чаяли! говорили Иванъ Прохоровъ и Арина.

— А, то-то.... не ждали.... ухъ! дайте отдохнуть ...

— Просимъ милости садиться, Гаврило Гаврилычъ.... Чѣмъ дорогаго гостя подчивать? чайку не прикажемъ ли?... съ морозцу-то хорошо. Александра, поди-ка наставь самоваръ ...

— А вы тоже чайкомъ-то забавляетесь?... а?

— Нѣтъ, мы-то этой привычки не пьемъ, а вотъ дочка у насъ на этомъ дѣлѣ воспитана, такъ она-то у насъ за-всегда ужъ разъ другой въ сутки побалуется....

— А, дочка!... а гдѣ же дочка-то у васъ? что ея не видать!

— А, у нея особливый покой—свѣтелка теплая.

— Такъ!.. Видѣлъ я ономнися у насъ въ церкви дочку-то вашу,—славная.... Ну!... такъ она съ вами и живетъ?

— Съ нами, Гаврило Гаврилычъ.

— А прежде-то она у нѣмцевъ, слышь, вашихъ жила?

— Да, точно это, жила.

— Такъ, чай, ей теперь скучно у васъ-то, непривычно: хоромы-то у тебѣ, Иванъ Прохорычъ, вѣдь, вонъ какія, мужицкія....

— Ну, да что дѣлать-то, Гаврило Гаврилычъ. Богъ велѣлъ жить такъ, такъ и живетъ — привыкаетъ.

— Такъ, такъ!... А славная, славная дѣвушка!... А который ей отъ роду-то?

— Это годокъ-отъ?

— Ну, да!

— Да ужъ вотъ восемнадцатый.... кажись, такъ, Арина?

— Нѣтъ еще, семнадцатый только, Иванъ Прохорычъ.... что ты прибавляешь! отвѣчала Арина.

— Ну.... самая настоящая пара. Чай, тоже женихи понаклеиваются?... а?

— Нѣтъ, еще этого нѣтъ!... отвѣчалъ Иванъ.

— Вѣдь она у насъ такая учена, Гаврило Гаврилычъ! подхватила Арина. Такая учена, да умная, и Господи.... на разные языки учена....

— Слышали мы, слышали.

— Ну и за собой тоже: окромя платья, одежды, капиталъ тоже имѣетъ! продолжала Арина. Такъ надо, батюшка, Гаврило Гаврилычъ, чтобы и женихъ былъ поэтому....

— Такъ!... А сколько за ней капиталу-те?

— Да пятьсотъ рублей.

— Ну не такъ, чтобы больно много.

— А окромя того, подхватила Арина, что матерчатыхъ платьевъ, и салопъ есть матерчатый, и разныхъ кольца, да серги золотыя, да браслетныя.

— Это ей все нѣмка-то что ли отказала?

— Она, Гаврила Гаврилычъ, она, дай ей Богъ царство небесное.

— Ну!... какъ же? чай, надо и жениха приискывать?...

— Ужъ это какъ сказать, Гаврило Гаврилычъ, ужъ это какъ, примѣрно, судьба, а не Богъ....

— Такъ!... Ну, да что съ вами много толковать-то: вотъ вамъ женихъ—мой Серёга.... Любовь ли? спросилъ Гаврило Гаврилычъ самоувѣренно.

Иванъ Прохорычъ и Арина кланялись: первый придумывалъ отвѣтъ поблагоприличіе.

— Что, али не любовь? продолжалъ Гаврило Гаврилычъ. Ученіе имѣеть тоже не малое: почитай, съ-измаленька все въ Пгтерѣ проживалъ, при нѣмцѣ артельщикомъ былъ, и тоже нѣмелкій разговоръ знаетъ: иной разъ скажетъ—и не поймешь. А о капиталахъ нашихъ, чай, слышали?... Что же, говорите: любовь ли, али нѣтъ.

— Можно ли, чтобы былъ не любовь! отвѣчалъ Иванъ Прохорычъ. Честью твоей много довольны, а только вотъ какъ дочка..., надо ее поспросить.... какъ то есть ея желаніе?

— А что? ломаться что ли будетъ?

— Гдѣ, чай, ломаться, Гаврило Гаврилычъ: отъ такихъ жениховъ не хоронятся; а такъ какъ она, напримѣръ, у насъ учена, и сама себѣ разумъ имѣеть, такъ ужъ мы ей при нужденія дѣлать не будемъ.... все надо спросить....

— Ишь ты!... Ну, ладно, спроси! Такъ пятьсотъ рублей за ней?

— Точно такъ, Гаврило Гаврилычъ.

— Ну да, чай, и ты что подбавишь: слыхалъ я, что и у тебя гроши-то водятся.

— Когда же это въ нашемъ родѣ крестьянскомъ бываетъ, Гаврило Гаврилычъ: еще въ домъ вносятъ, коли невѣсту изъ дому берутъ.... Да и что вамъ въ моихъ деньгахъ при такомъ нашемъ богатствѣ?...

— Скуповать, вижу, ты Иванъ Прохоровъ.... Ну да и то, куда мнѣ и есть съ твоими деньгами: тысячъ не дашь.... Серёгѣ-то моему очень полюбилась дочка-то твоя, и спать и видить, какъ бы ее получить.... Ухъ.... Ну, когда же вы ее спросите?

— А вотъ, пожалуй, чайку-то отвѣдай, а Арина-то сходитъ, перемолвить съ ней.... Поди, Арина.

— Хорошо!

— Да что вы ея станете спрашивать-то, сказалъ вдругъ молчавшій до сихъ поръ Зосима: нечто она скажетъ вамъ что, коли и парня-то въ глазъ не видала.

— И то дѣло! подтвердила Арина и посмотрѣла на мужа.

— Дѣло и есть! подтвердилъ послѣдній.

— Ну, такъ какъ же, привести вамъ что ли его? показать?

— Да ужъ, Гаврило Гаврилычъ.... милости просимъ: коли вмѣстѣ, вотъ хошь тѣмъ воскресеньемъ, мы и угощеніе такое приготовимъ.

— Ладно, ладно!.... Такъ покажи хошь мнѣ дочку-то свою, какъ ее.... Аннушка, кажись.... Дай я съ ней потолкую.... а?

— Дляче-же? это можно, Гаврило Гаврилычъ, отчего не показать. Арина, поди, позови ее сюда.

Аннушка пришла въ избу по призыву матери.

— А, вотъ!... Ну, здравствуй, Аннушка, здравствуй.

— Это бурмистръ бубеновскій, Гаврило Гаврилычъ, богатый, распробогатый! подшепнула Арина Аннушкѣ.

— Ну-ка, садись, да потолкуемъ мы съ тобой. Какимъ ты наукамъ-те обучалась: скажи-ка мнѣ?

Аннушка затруднялась отвѣтомъ на этотъ мудреный вопросъ, но словоохотливый бурмистръ продолжалъ, не дождавшись его:

— Ну, что, какъ живешь — поживаешь у роднаго отца матери, по старомъ житью-бытью не тоскуешь ли?

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

— Ну, это дѣло! Вотъ надо и объ женихъ подумывать. А? чай, тоже ину пору думается о женихъ-то? а? тоже, чай, за-мужъ-то хочется?

— Нѣтъ, я не пойду за-мужъ! отвѣчала Аннушка, покраснѣвши вслѣдствіе вовсе неделикатнаго вопроса своего собесѣдника.

— Какъ не пойдешь? совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Иванъ Прохорычъ, Арина и Александра переглянулись между собою. Зосима посматривалъ изподлобья то на Гаврило Гаврилыча, то на Аннушку.

— Чтѣ такъ это? ужъ и совсѣмъ не пойдешь! отчего такъ? спросилъ бурмистръ.

— Оттого, что не хочу! отвѣчала Аннушка съ нѣкоторою досадою.

— Вотъ тебѣ на! молодая дѣвка и за-мужъ не хочетъ. Что, али о прсжнемъ все еще думаешь, да печалишься?... Слышалъ я, слышалъ.... Полно, матушка, не думай ты объ немъ, плюнь ты на него! Народъ совсѣмъ не постоянный.... Гдѣ ужъ намъ мужикамъ....

Но Аннушка не дослушала рѣчи бурмистра. При самомъ началѣ ея она вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, губы ея задрожали, и чтобы скрыть слезы, наворачнувшіяся на глазахъ, она быстро встала и ушла изъ избы въ свою свѣтелку.

Зосима все это замѣтилъ, и очень недоброжелательно по-смотрѣлъ на бурмистра.

— Чтѣ она ушла? спросилъ недалъновидный Гаврило Гаврилычъ.

— Не знаю! такъ что-нибудь! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ.

— Неужто она и взаправду объ баринѣ-то этомъ думаетъ?

— Нѣту, гдѣ, чай? ни слуху, ни духу нѣтъ о немъ.

— А чтѣ не весела-та?

— Да такъ, тоже не мало горя-то видала, иное и вспомнится.... Ну, да и то сказать, дѣло-то дѣвичье—не замужняя.

— А вотъ погоди, я своего парня привезу: разутѣшитъ онъ ее; такой говорунъ, да балагуръ—умолку нѣтъ.

— Милости просимъ, Гаврило Гаврилычъ, будемъ ждать дорогихъ гостей.

— Ладно, ладно! А вы ей скажите, что, молъ, такъ и такъ, насчетъ этого дѣла, чтобы она знала, да хорошенько высматривала парня-то, а ужъ онъ себя покажетъ.... Ухъ.... Прощайте-ка доколева.

— Прощенія просимъ, Гаврило Гаврилычъ.

Послѣ отъѣзда бурмистра между Иваномъ Прохорычемъ, Ариной и Александрой составилось совѣщаніе о томъ, кому и какъ объявить Аннушкѣ о сватовствѣ. Александра вызвалась все дѣло взять на себя, и общалась какъ нельзя лучше уладить его, но Арина не хотѣла уступить ей этого, и совѣтовала поговорить вмѣстѣ съ нею и мужу. Рѣшено было наконецъ отправиться къ Аннушкѣ всѣмъ троицъ вмѣстѣ; пожалуй, старикки и не звали бы съ собой Александра, но она начала это дѣло, и ея вмѣшательства уже нельзя было избавиться. Причиной же этого совѣщанія былъ довольно рѣзкій и озадачившій всѣхъ отвѣтъ Аннушки бурмистру, что она ни за кого не пойдетъ за-мужъ.

Итакъ всѣ трое пошли въ свѣтелку. Зосима также послѣдовалъ за ними: дѣло касалось его любимой сестры, и онъ принималъ въ немъ живѣйшее участіе, хотя и молчалъ.

— Ну, Аннушка, начала Арина, знаешь ли, зачѣмъ пріѣзжалъ бурмистръ бубеновской?

— Пѣтъ, не знаю, матушка.

— Тебѣ судьба выходить: сына своего бурмистръ сватаетъ.

— Я не пойду за-мужъ! сказала Аннушка рѣшительнымъ голосомъ.

— Ай, что-йто, Аннушка, парень какой хорошей: вѣдь это не то, что простой какой мужикъ, а пинтерецъ, вѣкъ свой въ Питерѣ жилъ, и по-нѣмецкому знаетъ; за него, хошь какая купчиха, такъ пойдетъ.

— Я ни за кого не пойду.

— Да, вѣдь, вы его не видали, сестрица, изъ себя-то какой молодецъ, бравой такой, и повадка совсѣмъ не наша мужицкая, и бороду брѣтеть! говорила Александра.

— А богатство-то какое: тысячники; отецъ-отъ откупиться хочетъ. Ты посмотри на него, може и помравится! прибавила Арина.

— И смотрѣть не хочу, потому-что ни за кого не пойду за-мужъ, ни за него, ни за другаго.

— Такъ что-йто, Аннушка, неужто же вѣкъ свой въ дѣвкахъ останешься? подхватилъ Иванъ Прохорычъ.

— Отчего же бы мнѣ, батюшка, и не остаться въ дѣвушкахъ?

— Статное ли это дѣло, дочка, въ дѣвкахъ сидѣть, когда женихи сватаются; ну другое дѣло, кабы ихъ не было, а то.... это кто же себѣ ворогъ.... нѣтъ, ты не дѣло говоришь! замѣтилъ Иванъ Прохорычъ.

— Чтó же мнѣ дѣлать, батюшка: я не хочу за-мужъ.

— Ну вотъ тебѣ на. Чего же ты хочешь? Безъ закону что ли станешь?—Аннушка готова была заплакать.

— Да чтó ты, батюшка, ее обижаешь: ну не хочетъ, значитъ такого желанія нѣтъ! неожиданно сказалъ молчавшій до тѣхъ поръ Зосима.

— А ты чтó? тебя кто спрашиваетъ? возразилъ Иванъ Прохорычъ. Ты чтó разумѣешь? Вѣтрить что ли оставить ее въ дѣвкахъ-то? Туда же.... молчалъ-бы!... брякнетъ-то, такъ не слушали бы ушеньки мои.

— Такъ чтó, силой что ли ты ее выдашь, коли она не хочетъ?

— Ахъ ты, дурачина, да развѣ ее тащатъ и всамъ дѣлѣ силой: слышь, уговариваютъ.

— Да чтó тутъ за уговоры? Слышь, не хочетъ, такъ чтó еще надо.

— А ты чтó глотку-то развѣаешь? али давно не пилъ? дуракъ, дуракъ, пустая башка!... Чѣмъ слово свое сказать, онъ только дѣвку-то сбиваетъ. Молчи, дура-голова, коли не умѣешь путнаго молвить, да коли не спрашиваютъ.

Зосима замолчалъ, но нахмурился и потушилси по своему обыкновенію.

— Посто́й, Аннушка, да ты не отнекивайся, ты только посмотри на него, вотъ онъ въ то воскресенье съ отцомъ пріѣдетъ. Можетъ и приглянется! начала опять Арина.

— Матушка, я сказала, что не хочу идти за-мужъ. Ради Бога, оставьте меня!

— Да вы только посмотрите на него, сестрица, право, понравится! примолвила съ своей стороны Александра.

— Молчи! сказалъ Зосима, обращаясь къ женѣ. Батюшка не хочетъ меня слушать, а надъ тобой-то имѣю волю. Кто тебя тутъ спрашиваетъ?

— Чтѣ ты, батька, какъ кто спрашиваетъ? объ твоей же сестрѣ-то стараюсь, не объ себѣ....

— Ну!... отрывисто сказалъ Зосима, и такъ страшно посмотрѣлъ на жену, что та не осмѣлилась болѣе ни слова вымолвить.

Иванъ Прохорычъ и Арина продолжали убѣждать Аннушку, но та отвѣчала на ихъ слова только слезами.

— Ну, дочка, не чаялъ я отъ тебя этого! сказалъ отецъ.

— Ужъ и я не чаяла! подтвердила мать: коли этотъ женихъ не хорошъ, не знаю ужъ, какого тебѣ еще надо.

И старики съ поникшими головами оставили Аннушку, но въ дальнѣйшей искренней бесѣдѣ своей поръшили, что вотъ какъ въ то воскресенье пріѣдетъ молодецъ, да покажетъ себя, такъ авось и у дочки сердце разгуляется.

ГЛАВА VII.

Чѣмъ не женихъ?

Настало слѣдующее воскресенье. Арина и Александра въ ожиданіи гостей испекли пирогъ съ кашей, зажарили цѣлую четверть барана, состряпали лапшу и личицу. Въ избѣ все было вымыто, прибрано. Наконецъ гости пріѣхали.

Сергѣй, сынъ Гаврилы Гаврилыча, былъ дѣйствительно молодецъ: широкоплечій, здоровый, не въ мѣру румяный, онъ обѣщалъ въ послѣдствіи пойдти толщиною въ родителя: смотрѣлъ онъ бойко, даже нѣсколько нагло, манеры имѣлъ размашистыя.

Усѣвшись на лавку, подъ образа, и переведа духъ, Гаврило Гаврилычъ обратился къ Ивану Прохорычу и Аринѣ, указывая на сына.

— Ну, вотъ вамъ и женнихъ.... Хорошъ ли?

Иванъ Прохорычъ и Арина встали и съ улыбкою поклонились Сергѣю; послѣдній отвѣтилъ имъ тоже поклономъ, но не очень низкимъ и почтительнымъ, какъ слѣдовало бы ожидать отъ женниха.

— Въ Питерѣ проживать изволишь, Сергѣй Гаврилычъ? спросилъ Иванъ.

— Да, больша въ Питерѣ.

— А по какимъ больша дѣлать?

— Да по разнымъ: всего долго рассказывать! отвѣчалъ небрежно Сергѣй.

— Такъ! А я полагаю, по своему глупому разуму, продолжалъ Иванъ, что.... конечное дѣло, вамъ.... при вашемъ богачествѣ, хоть бы Гаврило Гаврилычъ.... оно точно, что въ Питерѣ большіе обороты можно вести и промышлять, а вотъ, если взять наше дѣло, какъ есть мужицкое, такъ никакого, кажись, резону нѣтъ своего дома отбиваться, а и коло него своимъ трудомъ да заботой можно себя копѣйку сколотить.

— Нѣтъ, вѣдь, сампетербурская жизнь совсѣмъ другая, возразилъ Сергѣй. Сампетербургъ городъ большой, всякое удовольствіе тутъ можно себя получить; все на виду, значить человекъ себя можетъ всякое обхожденіе и политику такую узнать.... значить онъ на всякую руку выходить человекъ, а не то, что необразованный мужикъ.

— Да нѣтъ, Сергѣй Гаврилычъ, я и не на счетъ этого образованья, а говорю къ тому, что гдѣ, молъ, нашему

брату, мужичку, то-есть сподручите гдѣ копѣйку себѣ зашибѣть, а то это образованье при нашихъ капиталахъ послѣднее дѣло.

— И на этотъ счетъ Санктпетербургъ первый городъ, продолжалъ Сергѣй. Имѣетъ себѣ человекъ понятіе въ мастерствѣ какомъ—поди, всегда зашибешь копѣйку, потому народу много, всего нужно; а коли желательнѣ въ торговлю вступить да капиталъ малъ, ничего: сначала хощь съ лоткомъ пойти, такъ и тутъ капиталъ получишь..

— То-то вотъ и оно, Сергѣй Гаврилычъ, а какъ вотъ на мое замѣчанье, такъ вотъ ходять и отъ насъ иные мужики тамъ на баркахъ, а иные въ разносчикахъ, тамоди, ну, что онъ лѣто-то проходитъ, много ли онъ принесетъ: развѣ что развѣ сотнягу какую эго барышей-то, и то коли себѣ во всемъ откажетъ, а тутъ у него можетъ коло дому-то не на сотню пропало: остались одни бабы, какія ужь работницы, та-ли сила; а коли работника нанять, такъ ему заплати, а ужь сработано-то не дюжо: чужія руки.... Такъ вотъ оно что. А бываютъ и такіе случаи.... что вотъ на-счетъ образованія-то молвилъ: иной парень-то молодой займется этимъ образованіемъ-то, да пить начнетъ, а дѣла-то не дѣлаетъ, и придетъ совсѣмъ съ пустыми руками....

— Ну, это развѣ какой безъ понятій! сказалъ Сергѣй, какъ видно, задѣтый словами Ивана за живую струну. По правдѣ сказать, онъ самъ шибко придерживался рюмки, и отецъ выписалъ сына изъ Петербурга ради той причины, чтобы поостепенить его, хотя при настоящемъ случаѣ и не говорилъ объ этомъ. И теперь отправляясь смотреть на невѣсту и себя показать, Сергѣй таки прихватилъ куражу.

— Да что вы все не дѣло-то толкуете, вмѣшался Гаврило Гаврилычъ. Что ты, Иванъ Прохорычъ, невѣсту-то намъ долго не показываешь, а? Али спаряжается?

— Нечто, чай! Арина, поди приведи Аннушку, а ты, Александръ, давай покоева, чѣмъ поподчивать дорогихъ гостей: сначала по стаканчику, Гаврило Гаврилычъ, а тамъ чайку.

— Ладно, ладно, это дѣло.

Пока происходило пированье, гдѣ Сергѣй не упустилъ случая еще позапасться куражомъ, уже вмѣстѣ съ родителемъ, Арина ходила въ свѣтелку, но возвратилась оттуда одна и со смущеннымъ видомъ.

— Чтѣ же не привела? неужто еще не снарядилась?

— Да.... еще.... отвѣчала Арина нерышительно.

— Чтѣ дѣлать-то? шепнула она мужу; никакъ нейдетъ.

— Постой я схожу! сказалъ Иванъ Прохорычъ, но и онъ возвратился тоже одинъ.

— Чтѣ, али нейдетъ?

— Да!... стыдится нечтѣ!...

— Стыдится!... ну!... такъ вотъ что, стой! мы сами подемъ къ ней: пусть только она на моего Серёгу посмотритъ, а онъ себя ей покажетъ.... по-нѣмецкому съ ней поговоритъ, коли по-русски стыдится....

— Это можно! отчего не поговорить по-нѣмецкому. Самп у нѣмцевъ живалп! сказалъ Сергѣй, уже порядочно охмѣлѣвшій.

Иванъ Прохорычъ рѣшилсѣ на это послѣднее средство, и не противорѣчилъ гостямъ, а повелъ ихъ.

Аннушка плакала, разстроенная разговоромъ съ матерью и отцемъ; около нея сидѣлъ Зосима, по обыкновенію своему, мрачный, какъ вдругъ въ дверяхъ свѣтелки показалась фигура Гаврилы Гаврилыча, а за нимъ Сергѣя, Ивана Прохорыча и Арины.

Аннушка никакъ не ожидала этого посѣщенія и поблѣднѣла.

— Чтѣ, Аннушка, не показываешьсѣ?... чтѣ прячешьсѣ? заговорилъ Гаврило Гаврилычъ. А вотъ я тебѣ жениха привелъ.... чтѣ много-то толковать: вотъ тебѣ женихъ.... ну, любѣ али не любѣ?

— Позвольте, Анна Ивановна, пріобрѣсти ваше знакомствіе! сказалъ Сергѣй, по-своему ловко раскланиваясь. Какъ проживавши я въ Сампетербургъ, много всего видѣлъ, а теперича

съ полнымъ чувствіемъ своимъ получилъ любовь къ вамъ: не оставьте своимъ пріятнымъ расположеніемъ....

Испугъ Аннушки прошелъ и слезы возвратились: она плакала и ни слова не могла выговорить.

— Чтó же, Аннушка, молчишь? чтó лицо-то закрываешь? стыдиться нечего!... Да ты плачешь нечто?... али не любовь?... а?... небось, не ударить лицомъ въ грязь.... Парень и не тебѣ годится.... погляди-ка на него-то.... вѣкъ свой въ Питеръ проживалъ..... небось, и ученіемъ не уступитъ.... самъ у нѣмцевъ жилъ.... Ну-ка, Серёга, махни по-нѣмецкому.... чтó она больно!...

— *Васъ дече шпрехенъ етвасъ ихъ ферзе нихтъ....* имѣлъ безстыдство выговорить полупьяный Сергѣй.

Аннушка до такой степени была огорчена всей этой сценой, что даже не улыбнулась при нѣмецкой фразѣ своего жениха, но продолжала тихо рыдать.

— Ну, чтó же молчишь.... продолжалъ Гаврило Гаврилычъ. Не стыдись, молви: любовь, али нѣтъ женихъ-отъ?

— Аннушка, чтó жъ ты въ самомъ дѣлѣ ничего не молвишь, сказалъ Иванъ Прохорычъ: неужто еще этотъ женихъ тебѣ не хорошъ?

— Господи!... едва проговорила бѣдная дѣвушка.... оставьте меня.... я ни за кого не пойду!

— Чтó жъ такъ-съ? спросилъ Сергѣй. Анна Ивановна, не брезгуйте нами. Собственно какъ любовь я къ вамъ такую получилъ.... что ничего, не жаль.... въ Сампетербурхѣ будемъ жить... какую фатеру найму.... Вы не бывали, вѣдь, въ Сампетербурхѣ.... первый городъ.... прешпектъ, театры, вслкое удовольствіе будете имѣть.... въ каретѣ буду возить... вотъ какъ.... только счастливымъ сдѣлайте, Анна Ивановна.... Чтó жъ такое?... не хуже иныхъ прочихъ.... въ гильдію выйду....

Аннушка ничего не отвѣчала.

— Пстой! началъ опять Гаврило Гаврилычъ. Послушай, Аннушка.... Вѣдь ты не Богъ знаешь чтó, хошь и ученъ

много.... все мужицкаго рода.... Какъ не жаль мнѣ ничего для Серёги.... право въ купцы выведу.... на поди!... Ужь присталь онъ ко мнѣ: жени да жени на тебѣ!... Ты думаешь, лучше тебя не найдутъ?... Али все еще въ барыни хочется попасть.... объ баринѣ своемъ все думаешь?... а?

Чувство оскорбленной гордости вспыхнуло въ сердцѣ Аннушки; она быстро подняла голову и хотѣла сказать что-то рѣзкое, но передъ нею были не одни чужіе люди, противъ нея были всѣ: и отецъ и мать; сердце надорвалось горемъ, тоской, стыдомъ, и слова замерли на губахъ ея; она снова могла только заплакать.

— Да что вы и всамъ-дѣлъ пристали къ дѣвкѣ, сказалъ наконецъ Зосима, потерявши терпѣніе. Сказано, что не надо — и провалпвайте.

— Зосима, опять глотку открылъ; ужь я те переломаю бока! запальчиво закричалъ на него Иванъ Прохорычъ.

Да что, батюшка, дерись пожалуй, а я ихъ по шеемъ выгоно: что они надъ дѣвкой-то надругаться что ли вздумали. Ты чего смотришь? али не видишь? слезами изошла.

— Тѣфу вы!... плевать на васъ и всамъ-дѣлъ... Срамоты только съ вами дожدهшься.... эко сватовство: сами назвали, да по шеемъ гнать хотятъ. Подемъ, Серёга: плевать на нихъ!... эка еще барыня нашлась!... сказалъ обидившійся Гаврило Гаврилычъ.

— Эхъ, братъ, не бывалъ ты, видно, въ Сампетербурхъ.... не знаешь обхожденія, да понятій, дуракъ-дуракомъ! сказалъ въ свою очередь Сергѣй, обращаясь къ Зосимѣ. Ну, Анна Ивановна, не хотѣли вы моей любви.... почище васъ найдемъ, на то имѣемъ свое образованіе, да капиталы!...

— Гаврило Гаврилычъ, Сергѣй Гаврилычъ! не обезсудьте вы насъ! говорилъ Иванъ Прохорычъ, который всегда чувствовалъ особенное уваженіе къ людямъ богатымъ. Это у меня, вѣдь, дуракъ поло-умный.... я его за это добрымъ порядкомъ поучу.... Я желалъ всей душой, видѣть Богъ, желалъ... хошь нашимъ хлѣбомъ-солью не побрезгуй: ждали дорогихъ гостей—ничего не жалѣли....

— Ну-ка, поди: стану я съ тобой хлѣбъ-соль водить.... Вамъ бы дуракамъ!... Счастье выпадало!... Будь она моя дочка, а я на твоёмъ мѣстѣ.... задалъ бы я ей кочеваниться... Тѣфу вамъ.... вотъ что!... Ухъ!...

И Гаврило Гаврилычъ ухалъ съ сыномъ, пославши хозяевамъ на прощанье порядочную брань.

— Ну, дочка, сказалъ Иванъ Прохорычъ по отъѣздѣ гостей, для чего ученье-то тебѣ было: на непопеченье да непокорство къ отцу-матери ... Чуюло мое сердце...

— Батюшка, да чтó я сдѣлала? за что ты сердишься?

— Какъ за что? Еще тебѣ этотъ не женихъ?... Кладъ Богъ подавалъ: первые богачи у насъ.... подлинно барыней бы жила.... и впрямь въ купцы бы выписался....

— Батюшка, да я не хочу совсѣмъ идти за-мужъ ни за кого!

Да отчего не хошь-то? Это ты мнѣ скажи: отчего не хошь-то ты?

Аннушка молчала.

— И впрямь, чтó не молвить Гаврилычъ, о полюбивникѣ-то что ли своемъ думаешь?... такъ, вѣдь, ужъ показалъ онъ тебѣ хвостъ.... мало тебѣ этого?... вѣтеръ у тебя въ голову-то ходитъ....

— Батюшка, пожалѣй меня: за что ты бранишься?

— Да отчего, ты мнѣ скажи, за Сергѣя-то Гаврилыча не пошла, коли бы ты думала о своей головѣ?... пра, барыней бы жила.... никакой бы заботы не знала.... А чтó ты теперь?... вѣдь тебѣ еще цѣлый вѣкъ жить-то.... Съ ученьемъ-то твоимъ лучше тебѣ въ деревенской-то избѣ жить — у меня?

— Лучше, батюшка!

— Лучше!... А все вотъ этотъ, окаанный, смущаетъ.... Свой-то умъ проинмъ, такъ другихъ подучать сталъ.... Изъ моего дома добрыхъ людей вздумалъ по шеямъ гнать.... Да кто тебѣ волю-то эту далъ!... На пакости тебя только....

— Да что, батюшка, я бы слова не молвилъ, какъ бы не стали они надъ Аннушкой надругаться....

— Молчи ты, дура-голова; они съ полнымъ желаніемъ своимъ, а тебѣ что ни есть дурь пришла, что надругаться пріѣхали.... за тѣмъ!... Слово пикни, какъ шельму изобью: вотъ ты мнѣ какъ насомлѣлъ, пьяница ты пропойная.

— Да бей, батюшка, кто тебѣ перечить.... покрайности теперя за нее буду терпѣть....

— Цыцъ, собака! закричалъ разгорячившійся Иванъ Прохорычъ на сына.

— Батюшка, не тронь его! Бей лучше меня! Если ты станешь бить братца, я убѣгу отъ васъ, куда глаза глядятъ уйду, собирать стану, въ чужой домъ въ работницы наймусь, только бы не видѣть, какъ ты бьешь его понапрасну.

— Тѣфу ты!... Да что у васъ за любовь такая?... другъ за друга ровно Богъ знаетъ что: рады и въ огонь и въ воду.

— Онъ мнѣ братъ, батюшка.... Онъ добръ, уменъ и благороденъ... Ты самъ долженъ его любить и любишь....

— Не за что мнѣ его любить, пьяницу.... пропадай онъ совсѣмъ.

— Вотъ зачѣмъ ты его обижаешь: развѣ онъ пьетъ нынче?

— И ты супротивничать стала отцу.... Вотъ оно ученье-то...

— Батюшка, что хочешь дѣлай со мной, только не тронь братца.... Онъ и пилъ оттого, что ты не ласковъ съ нимъ былъ, а онъ любитъ тебя и уважаетъ.... Больше онъ и пить никогда не будетъ....

— Учи ты меня.... Не люблю я науки-то: старъ ужъ сталъ.... Супротивники этикіе! сказалъ Иванъ Прохорычъ, и ушелъ изъ свѣтелки, крѣпко хлопнувши дверью въ доказательство своего негодованія.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

МОСКВИТЯНИНЪ.

1853.

№ 22.

Ноябрь.

Кн. 2.

КРЕСТЬЯНА.

Романъ въ 2 частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

ГЛАВА VIII.

Старыл погудки на новый ладъ.

Послѣ этого неудачнаго сватовства Иванъ Прохорычъ питалъ постоянное неудовольствіе на Аннушку: онъ никакъ не могъ простить ей, что она отказалась отъ такого выгоднаго жениха, лучше котораго онъ и представить себѣ не могъ. Старикъ видѣлъ въ этомъ только упрямство дочери, предполагалъ, правда, и остатокъ прежней любви, но мало давалъ цѣны этой привязанности, а еще ставилъ ее въ вину Аннушкѣ. Вслѣдствіе этого онъ обходился съ нею

лодно и неласково, а добрая, любящая дѣвушка не могла видѣть нерасположенія къ себѣ, всѣми силами старалась за-добрить отца, ласкалась къ нему, но въ отвѣтъ выслушивала только упреки и выговоры. Она старалась доказать отцу, что она не могла бы быть счастлива съ Сергѣемъ, но на всѣ ея доводы Иванъ Прохорычъ обыкновенно отвѣчалъ одно и то же:

— Полно-ко, дочка, молода еще ты умомъ-то своимъ жить: это все непослушанье одно, да свообышество, а всему причина ученье твое проклятое, оттого и почтенія нѣтъ къ отцу, къ матери. Какого еще тебѣ парня нужно, коли этотъ не гождь? Дурь у тебя въ головѣ-то ходитъ; а вотъ станешь вътрить, такъ ужъ потачки не дамъ—не думай.

Сердце Аннушки раздиралось отъ этихъ рѣчей, и болѣло еще больше отъ того, что Зосима былъ также въ немилости у отца за его вмѣшательство въ сватовство. Съ печалію и страхомъ видѣла она, что братъ ея становился все мрачнѣе и угрюмѣе: это не предвѣщало ничего добраго; онъ съ нею даже былъ менѣе разговорчивъ, нежели прежде. Зосима понималъ всю тяжесть положенія сестры, и страдалъ за нее, но не зналъ какъ помочь горю, не умѣлъ ни утѣшить, ни развлечь ее.

Даже Арина не рѣдко высказывала Аннушкѣ свое неудовольствіе за отказъ выгодному жениху, хотя и не сердилась на нее; за то Александра принимала въ сестрѣ горячее участіе, и, заставляя ее задумчивою, или въ слезахъ, старалась всѣми силами утѣшать ее, но это участіе только раздражало и возмущало Аннушку...

Такъ шли дни за днями медленно, безотрадно. Сверхъ всѣхъ прочихъ непріятностей бѣдную дѣвушку мучила скука одиночества и бездѣйствія. Не разъ покушалась она принимать участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ и заботахъ матери, но послѣдняя не охотно допускала дочь къ грубой работѣ, да и самая эта работа была несподручна и тяжела для нея. Кое какъ убивала Аннушка время за шитьемъ сорочекъ для

Зосимы и Калистрата; послѣдній былъ для нея совершенной игрушкой; она нянчилась съ нимъ, какъ съ своимъ собственнымъ сыномъ, учила его грамотъ, но мальчишка не любилъ сидѣть съ теткой, а рвался на улицу къ ребятишкамъ и не очень ея слушался.

Между тѣмъ умъ Аннушки былъ до такой степени развитъ, что требовалъ пищи: она перечитала и почти выучила наизусть нѣсколько книгъ, которыя были у Августа Карлыча, но за всѣмъ тѣмъ оставалось много времени празднаго, котораго нечѣмъ было коротать — и она скучала. По воскресеньямъ Аннушка ходила къ Августу Карлычу, но онъ становился все молчаливѣе и угрюмѣе, и, казалось, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлался равнодушнѣе къ своей названной дочери: привычка видѣть ее безпрестанно и считать дочерью, замѣнявшая узы крови, уже не существовала и забывалась, а съ нею вмѣстѣ мало по малу разрушалась и любовь, основанная на ней.

Аннушка замѣчала это охлажденіе—и вотъ новая рана для ея любящаго сердца.

Все это производило неблагопріятное дѣйствіе на характеръ нѣкогда веселой, откровенной дѣвушки: она сосредоточивалась сама въ себѣ, дѣлалась скрытна, молчалива, въ ней начинало развиваться недовѣріе къ людямъ и раздражительность. Такое болѣзненное состояніе души отражалось и на тѣлѣ Аннушки, и только обиліе силъ, вложенныхъ въ нее природою, не допустило развиваться въ немъ сильной и опасной болѣзни, но тѣмъ не менѣе оно страдало и Аннушка худѣла и блѣднѣла... Положеніе ея становилось наконецъ до такой степени тягостно и невыносимо, что она, не сказавши ничего домашнимъ, стала просить Августа Карлыча пріискать ей мѣсто гувернантки, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы это было подальше отъ Тужиловки. Августъ Карлычъ обѣщалъ, но не могъ вскорѣ исполнить своего обѣщанія, потому что кругъ его знакомыхъ былъ очень ограниченъ.

Такъ прошла зима, наступила весна: солнышко съ каж-

дымъ днемъ становилось все лучезарнѣе и теплѣе, гнало снѣгъ, согрѣвало замерзшую землю, вызывало изъ нея произрастене, природа начала улыбаться человѣку.

Аннушка съ нетерпѣніемъ ожидала весны: тѣсныя стѣны ея скучнаго жилища надоели ей, и душа ея рвалась въ приволье и просторъ лѣсовъ и полей.

Но вотъ мутные снѣжные ручьи сбѣжали съ полей въ рѣки, озера, болота, и переполнили берега ихъ, луга покрылись свѣжей зеленью, деревья развернули свои благоуханныя почки, Богъ вѣсть откуда налетѣвшіи гости-пѣвуньи запѣли свои нескончаемыя трели, свои звучныя, веселыя пѣсни, ожилъ и коченѣвшій дотолѣ цѣлый міръ наскромыхъ, общій восторгъ жизни разлился надъ землею — наступилъ всегда веселый, улыбающійся май.

Аннушка цѣлые дни дѣлила съ этой ожившей веселой природой, цѣлые дни бродила она по лѣсамъ и лугамъ, но не надолго раскрылась ея душа, чтобы вкусить общую радость всего живущаго: она была одна, ей снова становилось скучно среди любимой ею природы, сердце сильнѣе начало чувствовать одиночество, сильнѣе просило привязанности, любви...

И какъ измѣнилась Аннушка въ теченіе этого года, который прошелъ отъ прошлой весны, когда она бѣгала и рѣзвилась по тѣмъ же самымъ лѣсамъ и лугамъ, когда она всей душой наслаждалась природой, когда вся она проникнута была однимъ свѣтлымъ чувствомъ радости и не имѣла никакой печальной думы, никакой опредѣленной, сильно волновавшей ея мысли, когда сама она была не больше, какъ свѣжій весенній цвѣтокъ, полный силъ и жизни... Аннушка много измѣнилась съ того времени. Она похудѣла, и, на первый взглядъ, какъ будто подурнѣла противъ прежняго. На лицѣ ея не сіяла прежняя свѣтлая улыбка, въ глазахъ не сверкала бывалая радость, не отражалось спокойствіе душевное, тѣло не дышало прежнимъ обиліемъ жизни, вся особа ея не представляла уже въ себѣ той полноты и гармоніи силъ нравственныхъ и физическихъ, которая такъ очаровывала въ

ней годъ назадъ. Но Аннушка и теперь была хороша, только красотою другаго рода: въ глазахъ ея отражалось теперь болѣе ума, болѣе глубокаго чувства, болѣе думы и мечтательности, лицо ея получило болѣе опредѣленныя и строгія очертанія, вся наружность ея говорила объ ея нравственной красотѣ, объ избыткѣ нравственныхъ силъ. Годъ назадъ эта дѣвушка общалась въ любви радость, миръ, счастье, — теперь она общалась восторгъ, наслажденіе.

Однажды утромъ Аннушка, грустная и задумчивая по обыкновенію, гуляла въ знакомой намъ рощѣ, но въ этотъ день ей было какъ-то особенно тяжело. Роца ей напоминала очень многое изъ ея жизни, и воображеніе невольно рисовало предъ нею картины прошедшаго. Здѣсь она, бывало, рѣзвилась съ своей милой Анхенъ, здѣсь послѣдняя высказывала ей свое предчувствіе смерти, здѣсь проводили они извѣстный послѣобѣденный часъ всѣ вмѣстѣ: Августъ Карлычъ, 'Амалія Федоровна, Анхенъ и она; потомъ Анхенъ не стало, но они все-таки собирались сюда; здѣсь, она какъ теперь видитъ, встрѣтились они съ Дмитріемъ Петровичемъ, здѣсь имѣла она съ нимъ свиданіе ночью, послѣ котораго онъ поклялся жениться на ней: тогда она была такъ счастлива, но... онъ обманулъ ее... Гдѣ-то теперь Дмитрій Петровичъ, что съ нимъ? давно уже нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу, онъ позабылъ меня совершенно!... думала Аннушка, и шла все впередъ скорыми шагами. Вдругъ она замѣтила вдали между деревьями чью-то фигуру. Ближе, ближе... Аннушка вскрикнула и побѣднѣла: предъ нею стоялъ онъ... Дмитрій Петровичъ.

— Анхенъ! Аннушка! вы ли... ты ли это? говорилъ молодой человѣкъ, простирая къ ней руки.

Нѣсколько секундъ Аннушка стояла предъ Губовымъ безмолвная, неподвижная: вся душа ея, вся жизнь въ эти мгновенія сосредоточились въ ея сердцѣ, а оно замерло.. Наконецъ она зарыдала и бросилась въ объятія молодаго человѣка.

Дмитрій Петровичъ страстно цѣловалъ Аннушку и сжималъ въ своихъ объятіяхъ, между тѣмъ какъ она рыдала, положивши голову на плечо его и находилась въ полузабытьѣ. Въ душѣ ея накопѣло такъ много горя и тоски, а тутъ вдругъ нечаянно, неожиданно такъ много радости: сердце дѣвушки преисполнилось блаженствомъ, она ничего не помнила, ничего не чувствовала, кромѣ счастія настоящей минуты. Нѣсколько минутъ она ни слова не могла вымолвить въ отвѣтъ на восторженные ласки, которыя разсыпалъ ей молодой человѣкъ. Наконецъ нѣсколько успокоившись, она устремилла на Дмитрія Петровича взглядъ неизъяснимой любви: она смотрѣла на него такъ, какъ будто бы видѣла самый очаровательный сонъ и боялась проснуться и потерять его.

— Какъ ты перемѣнилась, Аннушка! сказалъ Губовъ.

— Что же: подурнѣла? съ улыбкою спросила Аннушка.

— Нѣтъ... да, немного, но ты все также прекрасна для моего сердца.

— А вы не перемѣнились... Вы не забыли меня?...

— И ты спрашиваешь?... Ты говоришь мнѣ: вы, какъ чужому... Ты сама, видно, разлюбила меня...

— Нѣтъ... я люблю...

— Такъ почему же ты думаешь, что я могъ позабыть о тебѣ, разлюбить тебя... Ахъ, Аннушка, ты не думала бы этого, еслибъ видѣла, какъ прожилъ я эту ужасную зиму. Правда, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы забыть тебя, но не могъ: мнѣ опротивѣлъ Петербургъ, я не могъ видѣть его и уѣхалъ опять сюда... Вчера вечеромъ я только что пріѣхалъ, а сегодня уже шелъ, чтобы хоть издали посмотреть на тебя, но вотъ насъ свела сама судьба, либо сочувствіе... И намъ не даютъ счастья... судьба разлучаетъ насъ...

— Зачѣмъ же вы пріѣхали?... робко проговорила Аннушка... Лучше не видѣть другъ друга... позабыть!

— О, нѣтъ, нѣтъ, это не въ моихъ силахъ... Я за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы видѣть тебя, мое сокровище, чтобы дышать

съ тобой однимъ воздухомъ... Аннушка, не говори же такъ, не отравляй счастливѣйшей минуты въ моей жизни... Радость моя, скажи мнѣ: вѣдь, ты любишь меня?

И Дмитрій Петровичъ обхватилъ талию Аннушки...

Она трепетала въ его рукахъ, но имѣла на столько мужества, чтобы высвободиться изъ нихъ.

— Я люблю васъ... отвѣчала Аннушка. Но, вы теперь не можете меня любить: я живу у отца своего, въ деревенской избѣ.

— Напротивъ, теперь я еще больше люблю тебя, потому-что ты, вѣроятно, изстрадалась въ томъ кругу, отъ котораго отвыкла... Признайся, тебѣ тяжело, мучительно жить теперь тамъ, съ ними?...

— Да, скучно... но они меня любятъ.

— Да развѣ можетъ кто не любить тебя, мое счастіе, развѣ это въ силахъ человѣческихъ!... Анхень, сидь здѣсь со мной, расскажи мнѣ все, что было съ тобой безъ меня, какъ ты рѣшилась идти къ отцу.

Аннушка нѣсколько мгновений колебалась, но ей жаль было скоро разстаться съ Губовымъ, она съѣла. Дмитрій Петровичъ тотчасъ же обнялъ ее и хотѣлъ прилечь головой на ея грудь.

— Прежде чѣмъ начнешь рассказывать, поцѣлуй меня! говорилъ онъ.

Аннушка горѣла отъ стыда и страсти, но отстранила руку молодого человѣка.

— Что же, ты не хочешь поцѣловать меня? спрашивалъ Дмитрій Петровичъ.

— Нѣтъ... оставь... ради Бога... я не могу...

— Ну, Богъ съ тобой, Аннушка, ты любишь меня меньше прежняго... Рассказывай: я слушаю.

Аннушка такъ любила Дмитрія Петровича, такъ была счастлива въ настоящія минуты, что не замѣтила переменъ въ обращеніи его съ нею, не замѣтила, что онъ держалъ себя

гораздо свободнѣе и самоувѣреннѣе прежняго, что былъ даже дерзокъ. Ея слѣпая любовь помѣшала ей догадаться, что въ душѣ молодаго челоуѣка были далеко не прежнія чувства, что онъ любилъ ее гораздо меньше прежняго.

Аннушка начала разсказывать Дмитрію Петровичу всю свою печальную исторію, начиная отъ разлуки съ нимъ, но она многое смягчила въ своемъ разсказѣ и не рѣшилась вполнѣ высказать всю тяжесть ея положенія въ родительскомъ домѣ... Дмитрій Петровичъ не съ полнымъ вниманіемъ слушалъ ея разсказъ... онъ смотрѣлъ на нее со страстью и былъ весь поглощенъ однимъ чувствомъ матеріально страстнаго созерцанія... Огонь его глазъ смущалъ блѣдную дѣвушку: она нѣсколько разъ принуждена была почти невольно потуплять свои взоры и съ усиленіемъ переводила дыханіе, подавляя невольное волненіе... И какъ она хороша была въ эти минуты: яркій румянецъ выступалъ на ея блѣдныя щеки, глаза сверкали, грудь колыхалась, она вся млѣла и трепетала.

Смотря на нее, не могъ бы остаться хладнокровнымъ, не могъ бы не увлечься чувственностью даже челоуѣкъ съ болѣе чистыми нравственными побужденіями, нежели Дмитрій Петровичъ, особенно при той обстановкѣ, среди которой находилась Аннушка въ настоящія минуты: былъ май мѣсяцъ, воздухъ свѣжъ и упоительно ароматенъ, небо ясно и чисто и какъ будто дышало теплотой, молодая зелень очаровывала зрѣніе яркостію красокъ, обиліемъ жизненныхъ соковъ...

Аннушка кончила свой разсказъ и задумалась: она многое не высказала, но все вспомнила, ей сдѣлалось нѣсколько грустно, но эта грусть была не прежняя тоскливая, похожая на отчаяніе: она была смягчена присутствіемъ любимаго челоуѣка, который могъ ей сочувствовать, понимать ее... Эта грусть, можетъ быть, и совершенно бы разсѣялась, если бы Аннушка могла вполнѣ высказаться предъ Дмитріемъ Петровичемъ, раскрыть предъ нимъ всю свою душу, все свое страданіе, но она не рѣшилась на это: ей было жалко унижить родныхъ своихъ въ глазахъ молодаго челоуѣка, ей казалось

что онъ будетъ осуждать ихъ, смѣяться надъ ними, что за вѣшнюю грубою стороною онъ не захочетъ признать въ нихъ то, что въ самомъ дѣлѣ есть въ нихъ хорошаго, наконецъ ей было стыдно и самую-себя показать въ той обстановкѣ, въ которой она дѣйствительно находилась... А между тѣмъ ей хотѣлось бы все рассказать ему—и ей сдѣлалось грустно...

— И ты не скучаешь въ домѣ своихъ родителей?

— Скучаю, но... я ихъ люблю и они меня любятъ.

— А меня ты не переставала любить, любишь и теперь? спрашивалъ Дмитрій Петровичъ.

— Я ужъ говорила...

— А если-бы ты знала, если-бъ ты могла понять и оцѣнить какъ я люблю тебя... Ахъ, сколько я пережилъ и страдалъ въ это тяжкое время... Анхенъ, Анхенъ, если-бъ ты только понимала всю силу моей страсти... Я не въ силахъ владѣть собой... Я боюсь, что меня сожжетъ тотъ огонь, который горитъ въ моей груди... Радость моя, Анхенъ, поцѣлуй меня...

— Нѣтъ, нѣтъ... Дмитрій Петровичъ...

— Ну дай мнѣ хоть ручку твою поцѣловать...

Аннушка протянула руку, Губовъ схватилъ ее и цѣловалъ крѣпко, страстно, наконецъ онъ совершенно забылся подъ вліяніемъ страсти, и вдругъ обнялъ Аннушку и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Анхенъ, Анхенъ!... говорилъ онъ прерывающимся отъ страсти голосомъ.

Дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ, но вырвалась изъ его рукъ и быстро вскочила на ноги.

— Дмитрій Петровичъ!... я сей-часъ уйду, если вы будете такъ... мы никогда не увидимся... прощайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, Анхенъ, не уходи, побудь со мной хоть минутку еще... прости меня...

— Нѣтъ, нѣтъ... мнѣ надо идти...

— Анхенъ, если любишь меня: останься...

— Я останусь... но для чего?...

— Нѣтъ, ты не любишь меня... Аннушка, скажи мнѣ: неужели тебѣ не тяжела разлука со мной, неужели ты не страдаешь, когда не видишь меня?...

— Я люблю тебя...

— Любишь и хочешь страдать?...

— Но что же дѣлать?

— Любить и быть мужественной... Послушай: я знаю, я увѣренъ, что ты измучена тѣми грубыми людьми, среди которыхъ живешь... Они родные тебѣ, ты говоришь: они любить тебя, — можетъ быть, но имъ никогда не понять и не оцѣнить тебя, ты такъ воспитана и образована, что ихъ грубость должна возмущать тебя, а между тѣмъ мы любимъ другъ друга, не можемъ жить одинъ безъ другаго... Неужели же у тебя нѣтъ на столько силы воли, чтобы бросить все, съ чѣмъ ты случайно связана и что тебѣ немило, и никогда не разставаться со мной, если ты только любишь меня?...

— Но какъ же?

— Аннушка... ты, вѣдь, знаешь, что бракъ для насъ невозможенъ, но также невозможна и разлука: мы пробовали, разлучались на долго, но любовь наша не охладѣла чрезъ это, а только усилилась, и мы испытывали оба страшныя страданія въ разлукѣ... Не разставайся же со мною опять, не отдавай¹ сама себя страданіямъ, по собственной своей волѣ, уѣдемъ отсюда куда хочешь: въ Петербургъ, въ Москву, хоть на край свѣта, и будемъ жить, такъ счастливо, какъ только могутъ жить люди...

Аннушка молчала и думала...

— Ты колеблешься, рѣшайся скорѣе: пора же узнать наслажденіе въ жизни...

— Нѣтъ, нельзя!... сказала Аннушка рѣшительно.

— Отчего?...

— Нельзя...

— Ты скажи мнѣ: отчего же нельзя? отъ малодушія, отъ безхарактерности, отъ слабости воли, отъ нелюбви ко мнѣ?

— Меня возненавидятъ отецъ съ матерью, проклянутъ...

— За что же?..

— Вѣдь, ты не женишься на мнѣ...

— Но они ничего не будутъ знать, они будутъ думать, что ты пропала безъ вѣсти...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Такъ ты хочешь опять страдать, хочешь, чтобы и я страдалъ...

— Пусть я страдаю, а ты будь счастливъ...

— Но я не могу быть счастливъ безъ тебя...

Аннушка очевидно страдала, на глазахъ ея были слезы, въ душѣ борьба..

— Нѣтъ... не могу! сказала она наконецъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Если такъ... прощай, Анхенъ, мы больше никогда не увидимся... Прощай.

— Прощай!... едва выговорила Аннушка, поблѣднѣла и заплакала.

— Рѣшайся, Анхенъ, или будетъ поздно: ты будешь убійцей: только надежда видѣть тебя удерживала меня, мои пистолеты всегда заряжены.

— Убей меня!...

— Анхенъ, если дорога тебѣ моя жизнь—рѣшись...

— Дай мнѣ подумать...

— Нѣтъ, нѣтъ, думать некогда: сейчасъ же, или ты меня не увидишь болѣе.

— Дмитрій... ради Бога..

— Прощай, Аннушка...—И онъ пошелъ.

— Погоди... я рѣшилась! закричала ему вслѣдъ бѣдная дѣвушка, заливаясь слезами.

Дмитрій Петровичъ вернулся. Аннушка упала къ нему въ объятія.

— Вотъ, Анхенъ, теперь я вижу, что ты любишь меня. Благодарю тебя, мое сокровище... пойдемъ же.

— Куда?

— Ко мнѣ, а потомъ сейчасъ въ дорогу—въ Петербургъ.

— Сей-часъ же?

— Да.

— Погоди, дай мнѣ проститься съ родителями, съ братомъ, еще разъ взглянуть на нихъ... иначе я не могу.

— Хорошо... такъ сегодня же ночью я буду ждать тебя здѣсь... Поцѣлуй же меня, радость моя, счастье; полно плакать: ты будешь счастлива, ты не станешь раскаиваться въ своемъ намѣреніи.

— Ну, прощай же... мнѣ пора!

— До свиданія. Помни же Анхенъ, что я жду тебя сегодня ночью. Слышишь?

— Да.

Дмитрій Петровичъ нѣсколько минутъ слѣдовалъ глазами за удаляющейся Аннушкой, потомъ вдругъ бросился вслѣдъ за нею, нагналъ, и, крѣпко сжавъ въ своихъ объятіяхъ, началъ страстно цѣловать.

— Дмитрій... съ упрекомъ проговорила Аннушка, вырываясь изъ его рукъ.

— Ахъ, радость моя, восторгъ мой, Аннушка, твердилъ Дмитрій Петровичъ, ты не можешь представить себѣ, какъ я люблю тебя: больше всего на свѣтѣ, больше жизни... Я самъ не думалъ, чтобы когда-нибудь могъ любить тебя такъ сильно. Клянусь тебѣ, ты будешь счастлива, только не расставайся со мною никогда.. Сокровище мое...

— Дмитрій Петровичъ... я не приду...

— Ну, ну, ну!... Богъ съ тобой... Еще одинъ день разлуки—и мы никогда больше не разстанемся... Въ 12 часовъ... помнишь?...

— Да... но если...

— Я не хочу слышать: *если*, иначе ты меня никогда не увидишь... Я тебя буду ждать: ты придешь?

— Приду...

— До свиданія!

Аннушка пошла домой быстрыми шагами. Ей было и весело и скучно; она не могла отдать себѣ яснаго отчета ни въ томъ, что случилось, ни въ томъ, что хотѣла дѣлать, сердце ея то радостно билось, то замирало съ невольнымъ страхомъ, но чѣмъ ближе подходила она къ своему дому, тѣмъ сильнѣе чувствовала разлуку съ Дмитріемъ Петровичемъ, тѣмъ прекраснѣе возставалъ его образъ въ ея воображеніи, тѣмъ тягостнѣе представлялась ей жизнь въ родительскомъ домѣ,—и входя въ свою избу, она уже твердо рѣшилась бѣжать съ Дмитріемъ Петровичемъ.

А онъ между тѣмъ, возвращаясь домой, думалъ самъ про себя: что за чудная дѣвушка эта Анхень: кажется, вѣдь, какъ будто подурнѣла, а на самомъ дѣлѣ сдѣлалась еще очаровательнѣе. Какая въ ней страсть, сколько огня! кажется, будто всякая жилка въ ней горитъ огнемъ!... и какъ любить меня!... А я думалъ, что уже совсѣмъ позабылъ ее... нѣтъ, я люблю ее теперь еще больше прежняго... И эта дѣвушка живетъ между мужиками... О, какое счастье будетъ имѣть ее любовницей!...

Дмитрій Петровичъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что любить Аннушку, но онъ самъ себя обманывалъ. Эта любовь была не больше какъ бредъ растревоженнаго чувственностью воображенія; то, что онъ называлъ любовью къ Аннушкѣ, былъ самый суровый животный эгоизмъ. Отсутствіе чистаго начала любви выражалось у него въ каждой мысли, въ каждой фразѣ. За отсутствіемъ этого начала, освѣщающаго нѣкогда душу Дмитрія Петровича, теперь самъ онъ становился пошлѣ, ничтоженъ, безирравственъ.

Полгода назадъ, разставаясь съ Аннушкой и отправляясь въ Петербургъ, онъ любилъ ее и считалъ разлуку съ нею—

геройскимъ подвигомъ съ своей стороны. Нѣсколько времени онъ скучалъ и думалъ объ Аннушкѣ даже въ Петербургѣ, и этой скукой и этими воспоминаніями оправдывалъ себя и успокаивалъ подѣ-часть поднимавшійся въ душѣ его голосъ не совѣсть чистой совѣсти.

Но мало-по-малу шумъ общественной столичной жизни, полный разнообразныхъ удовольствій, весьма достаточныхъ для того, чтобы наполнить пустоту такой души, какая была у Дмитрія Петровича, началъ изглаживать въ сердцѣ молодого человѣка любовь и самыя воспоминанія о миломъ нѣкогда образѣ. Они, какъ будто, возникали въ его душѣ только изрѣдка, когда Дмитрій Петровичъ оставался наединѣ съ самимъ собою, и слѣдовательно, скучалъ. Тогда онъ переносился мечтою въ знакомое нѣмецкое семейство, возсоздавалъ предъ собою милое, полное любви лицо Аннушки, заставлялъ его радостно, любовно улыбаться себѣ, но не могъ иногда не представить его грустнымъ, печальнымъ, тоскующимъ: и невольно пробуждались тогда въ немъ укоры совѣсти, но Дмитрій Петровичъ считалъ себя человѣкомъ честнымъ и благороднымъ вообще, а въ сношеніяхъ съ Аннушкой—при самомъ строгомъ анализѣ своихъ поступковъ—онъ не находилъ ничего предосудительнаго, и даже гордился своимъ великодушіемъ и строгостію своихъ правилъ... да притомъ, когда же не сѣмъ-есть успокоить себя въ подобныхъ обстоятельствахъ практическій человѣкъ съ помощію своего всемогущаго эгоизма?... На душѣ Дмитрія Петровича съ каждымъ днемъ становилось все спокойнѣе: любовь къ Аннушкѣ наконецъ казалась ему только пріятнымъ воспоминаніемъ чего-то давно-прошедшаго.

При наступленіи весны, онъ уже смѣло отправлялся въ свою усадьбу, не опасаясь встрѣчи съ Аннушкой. И чѣмъ ближе подѣвзжалъ онъ къ Горланихъ, тѣмъ больше интересовался судьбою нѣкогда любимой имъ дѣвушки: ему хотѣлось знать, помнитъ ли она его, любитъ ли по-прежнему, тоскуетъ ли о немъ, ему хотѣлось увидѣть ее поскорѣе... для чего?... онъ не спрашивалъ себя: ему просто хотѣлось

этого, хотя онъ и чувствовалъ, что не любить Аннушку по-прежнему. Онъ не заботился строго повѣрять и судить самаго себя: онъ опять былъ благоразумный, практическій человѣкъ, чуждый всѣхъ глупыхъ и ложныхъ увлеченій чувства; петербургская жизнь освободила его отъ этихъ увлеченій, и Дмитрій Петровичъ дорогою не разъ говорилъ самому себѣ: нѣтъ, ужъ я не способенъ быть малодушнымъ по-прежнему, я чувствую, какъ возмужалъ въ эти полъ-года!...

Первый вопросъ Дмитрія Петровича по пріѣздѣ въ усадьбу былъ объ Аннушкѣ... и не безъ удовольствія узналъ онъ, что она живетъ у своихъ родителей въ деревнѣ, и что Амалия Федоровна уже нѣтъ на свѣтѣ. — Это хорошо! подумалъ Дмитрій Петровичъ и не покраснѣлъ при этой мысли... Да и отчего было краснѣть ему? — Я докажу ей, что люблю ее, и спасу изъ этой убійственной для нея сферы! прибавилъ онъ съ достоинствомъ, и на другой же день отправился въ Тужиловку, чтобы какимъ-нибудь образомъ дать знать Аннушкѣ о своемъ пріѣздѣ. Мы знаемъ уже, какъ они встрѣтились.

ГЛАВА IX.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

— Гдѣ, сестрица, загулялись? Я ждала ждала, ужъ и пообѣдала безъ тебя, а Калистратку на поле съ обѣдомъ послала.

Такою фразою встрѣтила Аннушку Александра, которая одна оставалась въ избѣ, между тѣмъ какъ все остальное семейство было на полѣ.

— Такъ, все гуляла, отвѣчала Аннушка.

— А никого не видали, сестрица? спросила опять Александръ съ лукавой улыбкой.

— Нѣтъ, никого! Аннушка вспыхнула при этомъ отвѣтѣ.

— А я васъ ждала, сестрица... Ужь, что я скажу, никакъ не отгадаешь... Отгадай-ка, что я узнала?

— Что такое? робко спросила Аннушка.

— А ну, отгадай?

— Я не знаю.

— Ужь такая вамъ радость, ужь такая радость... не знаю какъ и сказать-то... Вѣдь, Дмитрій Петровичъ пріѣхалъ.

Аннушка вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Вѣдь, я никому, сестрица, не сказывала... Давеча забѣжала на господскій дворъ: Танька родила, такъ я и забѣжала, а мнѣ Аксинья и сказываетъ: вчера, говоритъ, пріѣхалъ... да, вѣдь, экая дѣвка только, на всю-то кухню и говоритъ: пріѣхалъ, говоритъ, полюбовникъ-то вашей-то, говоритъ.... а? ну-ка!... Я и говорю: какъ, я говорю, тебѣ, Аксинья Андреевна, не стыдно? что, я говорю, ты это говоришь: какой полюбовникъ? наша Анна Ивановна этимъ не занимается.—Знаю, говоритъ, я, все знаю, какъ она съ нимъ таскалась-то, не рассказывай ты мнѣ розказни-то этѣ... Право, такъ и говорить. Ну, ужь и я не утерпѣла, такъ отпѣла ей: я говорю, ты сама, я говорю, мерзавка ты этакая, смѣешь, я говорю, ты порочить, кто почестище тебя... Ты сама, я говорю, къ камердину-то Дмитрія-то Петровича подбивалась, да кукишь, я говорю, отъ него увидѣла... а тебѣ бы, я говорю, только какъ бы мерзость какую выдумать, чего и нѣтъ совсѣмъ... Такъ отпѣла ей. А все люди-то слышали, какъ она мнѣ это говорила... Я нарочно и на поле-то не пошла, думаю—сказать сестрицѣ-то: какъ бы чего, избави Господи! все будетъ знать, такъ поостережется... А онъ какъ пріѣхалъ, только и разговоровъ и разспросовъ было, что про тебя, сестрица.. видно, онъ очень тебя любитъ... И сегодня, какъ всталъ, такъ и пошелъ сюда... Какъ только она, эта Аксинья, все знаетъ... все знаетъ, матушка моя... Вы будьте, сестрица, поосторожнѣе.

Александра такъ была увлечена своей рѣчью, что не замѣтила того волненія, въ которомъ находилась Аннушка.

Гордость, негодование, чувство оскорбленного достоинства, досада, наконецъ неожиданность и невольный страхъ привели блѣдную дѣвушку въ страшное смущеніе: она то блѣднѣла, то краснѣла, то дрожала всѣми членами, какъ въ лихорадкѣ.

— Сестрица, да неужели вы не видали его сегодня? неужто не встрѣтились?... Полно, матушка, не скрывайся отъ меня, право, лучше будетъ... я, вѣдь, что и узнаю, такъ никому не скажу, равно и не слыхала никогда... а все лучше, какъ я-то знаю: и присмотрю и приостерегу... Ахъ, сестрица, развѣ вы меня не знаете... я для васъ всей душой рада стараться... Тоже иной разъ и увидѣть захочется! да что такое и самъ-дѣлъ? и впрямь живой человѣкъ!... да и ученѣе-то ваше... и не съ такимъ ученѣемъ кто... да посади-ка къ намъ, такъ соскучится... а это вамъ ужъ и развлеченье-то не знать... Право, сестрица, раскройте-ка мнѣ всю вашу душеньку, такъ лучше будетъ: ужъ такой услуги себѣ не получить вамъ нигдѣ, я подлинно во всякое время готова для васъ...

Гордость наконецъ взяла верхъ надъ всѣми другими чувствами въ душѣ Аннушки. Она скорѣе рѣшилась бы лучше совсѣмъ никогда не видаться съ Дмитріемъ Петровичемъ, прекратить съ нимъ всѣ сношенія, нежели взять Александру въ повѣренныя.

— Перестань, сестрица, ты все вздоръ говоришь: какъ тебѣ не стыдно! сказала она твердо.

— Ахъ, сестрица, да вѣдь я изъ одного только моего усердія желала... для васъ только. Развѣ вы не знаете, какъ я васъ люблю: да я подлинно ночь просижу, да не усну, коли что... до чего не доведись... А безъ меня-то долго ли до бѣды?... одна эта Акинья, такъ теперь ступить не дастъ... каждый шагъ будетъ смотрѣть, какъ бы послѣ что навратъ да наплести.. Вотъ, вѣдь, я только изъ-за чего, а то неужто мнѣ что нужно... Вѣдь, я для васъ-то какъ бы лучше стараюсь... а вы что думаете?

— Ничего я не думаю... Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ и не говори объ этомъ... мнѣ и безъ того тошно...

— Знаю, сестрица, что тошно... Изъ-за-чего же я и бьюсь-то, какъ не изъ этого, чтобы вамъ какъ услужить-то, чтобы вы видѣли всю мою любовь да послугу, какъ я васъ люблю да жалюю... Что же, сестрица, неужели я не чувствую... сама тоже человѣкъ, хошь и глупая, не ученая... Право, раскройте мнѣ, сестрица, всю истинную... тоже любовь... развѣ я не понимаю...

Аннушка ничего не говорила болѣе, но скрѣпил сердце, бросилась въ постель—средство, къ которому она всегда прибѣгала, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго усердія Александры.

— Ну вотъ, сестрица, и разсердились... А за что? за одно мое усердіе... Ну, Богъ съ вами!... говорила Александра, а сама думала: ужь погоди, не увернешься же ты у меня: подсмотрю.

Аннушка весь этотъ день была въ страшной тревогѣ: мысль ея безпрестанно переходила отъ одного представленія къ другому: то думала она о Дмитріѣ Петровичѣ, о его любви къ себѣ — и ей становилось весело и отрадно, то приходило ей на мысль обѣщаніе, данное ею Губову, бѣжать изъ роднаго дома—и ей становилось жаль родителей, Зосиму, ее пугала неизвѣстность будущаго, то представлялась ей невозможность исполнить свое обѣщаніе, а тамъ дальше, Богъ знаетъ, какія печальныя послѣдствія: скорбное, полное упрека и страданія лицо Дмитрія Петровича, готоваго посягнуть на собственную жизнь, и даже самая смерть его, и ея вѣчныя слезы, неутѣшныя страданія и укоры совѣсти,—и она готова была тотчасъ же бѣжать къ Дмитрію Петровичу, чтобы никогда не разлучаться съ нимъ.

Вечеромъ, когда вся семья возвратилась съ поля, тревожное состояніе Аннушки еще болѣе увеличилось. Всѣ уже знали о пріѣздѣ Дмитрія Петровича, и Иванъ Прохорычъ сказалъ дочерн:

— Ну, дочка, говорятъ, твой окаянный опять на сей землѣ появился... Смотри, чтобы ты и духу его не знала, а то лучше и на глаза ко мнѣ не кажися, никакой срамоты

не понесу на душѣ своей. Пора тебѣ въ разумъ войти: поведешься съ нимъ—добра не видать... Помни, что ты учена уму-разуму и слову Божию...

— Полно, Прохорычъ, что ты это говоришь ей, ровно ужъ она совсѣмъ какая безчинная у насъ... Знамо дѣло: сама въ разумъ, не кинется ужъ теперь на шею къ нему, коли одна нова обманулъ! сказала Арина.

— И впрямь, не дѣло говорить! И то она у насъ... эхъ!... промолвилъ Зосима и махнулъ съ сердцемъ рукою.

— Да я знаю, что говорю: ей въ науку! сказалъ Иванъ Прохорычъ; мало ли что бываетъ... може, у ней и теперь туманъ въ головѣ ходитъ, такъ чтобы побереглася... Онъ-то, я вижу, на всякіе фокусы гораздъ... и не ее такъ поддѣнеть.

Аннушка находилась въ страшномъ замѣшательствѣ: ей казалось, что отецъ знаетъ о свиданіи съ Дмитріемъ Петровичемъ.

Между тѣмъ наступила ночь, приближался часъ, назначенный Дмитріемъ Петровичемъ; тревожное состояніе Аннушки увеличилось. Надобно было идти, но если знаютъ объ ея намѣреніи, если присматриваютъ за нею, если увидятъ, что тогда?... Но если она и успѣетъ пробраться осторожно, успѣетъ бѣжать: отецъ, мать, братъ, всѣ будутъ въ горѣ, будутъ проклинать ее,—страшно! и жалко ихъ, и стыдно заплатить имъ такой неблагодарностью за всю любовь, ласки и заботливость. А нейти?... Дмитрій Петровичъ разлюбитъ, возненавидитъ ее. Онъ благороденъ и исполнитъ свое слово: она не увидитъ его болѣе, онъ будетъ тосковать, онъ убьетъ себя... Аннушку бросало въ ознобъ и жаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше идти: отецъ съ матерью, можетъ быть, простятъ ее... Робко, осторожно приотворила Аннушка двери въ сѣни: тамъ у самыхъ почти дверей спала Александра, какъ будто именно съ тѣмъ, чтобы присматривать за Аннушкой. Она сердита на нее за скрытность, за недовѣріе: она остановитъ ее, скажетъ отцу, матери... Нога не повинно-

валась воля Аннушки, не переступала порогъ дверей... Развѣ не побѣдить ли гордость, не признаться ли во всемъ Александръ, не попросить ли ея помощи?... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, стыдно, не станеть духа.

— Господи, что же дѣлать?

Аннушка бросилась на колѣни и молилась Богу... о чемъ? сама не знала. Молитва была безъ словъ, безъ мыслей, чувства спутаны, неясны... А между тѣмъ вся душа ея была въ этой молитвѣ, и, наконецъ, она выговорила опредѣленную просьбу: Господи, сдѣлай, чтобы все благополучно кончилось!

Но время идетъ то медленно, мучительно, то быстро, смотря потому, какія мысли и чувства проходятъ чрезъ душу. Бѣги, бѣги скорѣе, время, проходи ночь, покажись скорѣе солнце, разгони мракъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнула душа отъ этого ужаснаго, нерѣшительнаго состоянія, чтобы настала наконецъ необходимость рѣшиться на что-нибудь... Нѣтъ, нѣтъ, лучше помедли, время: можетъ быть, что-нибудь надумается, можетъ быть, сама судьба научить, какъ поступить, поможетъ исполнить желаніе...

— А между тѣмъ онъ тамъ ждетъ меня, онъ также страдаетъ, какъ я теперь, онъ проклинаетъ меня, считаетъ обманщицей...

Аннушка отворяетъ маленькое окошко своей свѣтелки, высовываетъ въ него свою голову, смотритъ въ ту сторону, гдѣ долженъ ожидать ее Дмитрій Петровичъ, но она видитъ только мракъ ночной, слышитъ только крикъ пѣтуховъ, да лай собакій... Душа обезсиливается отъ того смятенія, которое происходитъ въ ней, Аннушка почти въ оцѣпѣненіи, безъ мысли, безъ всякаго намѣренія, съ однимъ тяжелымъ чувствомъ страданія остается неподвижно у окна. Она смотритъ въ него...

И вотъ мало по малу ночныя тѣни убѣгаютъ съ земли, уступая мѣсто свѣту, розовая полоса зари на востокъ горитъ все ярче, солнечныя лучи радужными цвѣтами начинаютъ играть на маленькихъ стеклахъ окошекъ деревенскихъ избъ, кое-гдѣ отворяются ворота, камитки, заботливые поселяне

одинъ за другимъ показываются на улишъ бодрые, свѣжіе и готовые на работу, раздается разноголосный крикъ стада, отправляющагося на пастьбу, и рожокъ сопровождавшаго его пастуха, просыпается вся, веселая, освѣженная отдыхомъ, природа... Все такъ хорошо, свѣжо, такъ спокойно и радостно... За то на душъ Аннушки тяжело и смутно... Вся ночь проведена безъ сна и въ тревогъ, вотъ ужъ и день, вся семья ушла на работу въ поле, но сонъ не приходитъ успокоить ее... тоска давить ей душу.

Александра также, собравшись на поле, не могла удержаться, чтобы не заглянуть въ свѣтелку сестры, и не посмотреть, что она тамъ дѣлаетъ. Приотворила немножко дверь, смотреть: на постелъ нѣтъ сестрицы; Александра оторопѣла, быстро отворила всю дверь, вошла и сконфузилась, увидя Аннушку совсѣмъ одѣтую и сидящую у окна.

— Ахъ, сестрица! невольно проговорила она.

Аннушка оглянулась; лицо ея было блѣдно и носило слѣды ночной тревоги.

— Вы ужъ и встали?

— Да.

— Что-йто рано больно, али не спалось?

— Да.

— Али и совсѣмъ не спали, сестрица, всю ночь?

— Да.

— Мухи видно не дали?

Аннушка ничего не отвѣчала.

— А я вотъ на поле собралась...

Аннушка опять не сказала ни слова.

— Прощайте, сестрица, доколева... Да не наставитъ ли самоварчикъ, не хотите ли, сестрица, поставлю?

— Нѣтъ.

— А что же? головка-то, чай, болить отъ безсонницы-то: изопьете чайку-то, все оно легче.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, какъ угодно!

Александра ушла на работу, думая сама съ собою: неужто она и вправду ходила куда ночью-то? нѣтъ, быть того не можетъ: ужь не миновать бы, чтобы я не видала... Да вотъ погоди, ту ночь наскрозь просижу, глазъ не сомкну, а ужь изловлю ее, голубушку.

ГЛАВА X.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, Дмитрій Петровичъ былъ уже на мѣстѣ, назначенномъ для свиданія.

— Слышимъ-съ! отвѣчали кучеръ и лакей.

Дмитрій Петровичъ, не смотря на всю свою практичность, смотрѣлъ не совсѣмъ спокойно и просто на обстоятельство, къ которому приготовился. Онъ считалъ себя въ настоящемъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ рыцаремъ, готовящимся похитить и спасти изъ тяжелой неволи свою возлюбленную; онъ чувствовалъ въ себѣ геройскій духъ и храбрую рѣшимость на подвигъ, хотя сердце у него немножко замирало, противъ его собственнаго желанія. Чтобы оправдать себя въ этомъ предъ сѣмимъ собою, онъ старался придать дѣлу видъ нѣкоторой торжественности и таинственности. Къ такого рода взгляду на дѣло, можетъ быть, побуждала его и не совсѣмъ чистая совѣсть, неполная увѣренность въ правотѣ предстоящаго поступка, и мало ли еще что такого, что въ подобныхъ обстоятельствахъ поднимаетъ въ душѣ своей голосъ, хотя этотъ голосъ и не передается сознанию...

Дмитрій Петровичъ, въ ожиданіи Аннушки, сталъ ходить быстрыми шагами по дорогѣ, пролегавшей чрезъ рощу; онъ

ничего не думалъ, но нетерпѣливо прислушивался къ малѣйшему шуму, раздававшемуся въ лѣсу, или въ полѣ... Но до слуха его доходилъ только шелестъ листьевъ, приводимыхъ въ движеніе легкимъ вѣтеркомъ, хлопанье крыльевъ тяжелой ночной птицы, перелетающей съ мѣста на мѣсто, отрывочный, неясный перекликъ полусонныхъ птицъ, рѣзкій, несущійся съ поля скрипъ коростеля, да отголосокъ въ тихомолку разговаривающихъ между собою, людей оставленныхъ при экипажѣ... но шаговъ Аннушки не слыхалъ онъ, она что-то долго не шла.

Долго Дмитрій Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по одному и тому же пространству дороги: нетерпѣніе его возрастало, а Аннушка не приходила. Молодой человѣкъ начиналъ сердиться. Чудная весенняя ночь окружала его, но онъ не наслаждался ея очарованіемъ. Голубое, безоблачное небо обнимало землю, ни мѣсяца, ни звѣздъ не было на немъ, и оно какъ будто сливалось съ прозрачнымъ ароматнымъ воздухомъ; тишь, спокойствіе и благоуханіе кругомъ; тихо, едва колебля вѣтвями, стояли березы, бѣлаясь своими стволами, не вполне прикрытыми молодой зеленою листвою, и вершины ихъ, казалось, упирали въ самое небо; полной грудью дышала своимъ благоуханнымъ дыханіемъ всегда уединенная, бѣлая какъ молоко, фіялка, темно-зеленымъ ковромъ разстилалась подъ ногами деревьевъ земля...

— Что же это такъ долго нейдетъ она? думалъ Дмитрій Петровичъ. Неужели она обманула меня?... Развѣ остановило что-нибудь? можетъ быть, помѣшали? но неужели есть за нею какой-нибудь присмотръ и въ деревенской избѣ... Всего вѣрнѣе: мышасть ея глупая робость, малодушіе... охъ, какъ это пошло!

Дмитрій Петровичъ выходилъ изъ рощи на поле и смотрѣлъ вдаль: рѣзко кидалась въ глаза, идущая среди зеленыхъ полей, желтая дорога... Она упиралась въ темную кучу домовъ деревни и скрывалась среди ихъ... Все тихо было кругомъ и пустынно; ни одного огонька не свѣтилось въ деревнѣ....

Дмитрій Петрович подошелъ къ самой деревнѣ: въ ней еще все спало, онъ не рѣшился войти въ нее, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь и не изобличить себя... А между тѣмъ ему стоило сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, и онъ увидѣлъ бы Аннушку, которая въ то самое время сидѣла у окна и смотрѣла въ даль на дорогу, по которой подходилъ къ деревнѣ Дмитрій Петровичъ.

— Это несносно, думалъ молодой человѣкъ: заставлятъ ждать цѣлую ночь, не умѣтъ извѣстить о невозможности исполнить своего обѣщанія... И я какъ глупъ: она, можетъ быть, преспокойно спитъ, а я здѣсь хожу, какъ часовой... Неужели она осмѣлилась посмѣяться надо мной, нарочно обманула?... о, какой вздоръ: она такъ любитъ меня!... Но если это малодушіе только съ ея стороны?... Нѣтъ, видно, не придетъ!... вонъ ужъ начинается свѣтать... Пора вхатъ домой.... но во чтѣ бы то ни стало, я ее увижу...

Дмитрій Петровичъ быстрыми шагами пошелъ назадъ къ своему экипажу.

Густой туманъ, лежавшій на бесконечно-тянувшихся по обѣ стороны дороги поляхъ, облаками и клубами поднимался къ небу, а въ иныхъ мѣстахъ разрѣжался и прорѣзывался насквозь полосами свѣта, идущими отъ востока... И чрезъ эти просвѣты неясно виднѣлись: то деревенька, рассыпавшаяся небольшимъ числомъ своихъ домиковъ среди деревьевъ, овиновъ и огородовъ, то одинокій старикъ—вязъ, высащійся на вершинѣ зеленого холма, то бѣлая сельская церковь, тамъ, въ самой дали, какъ будто въ преддверіи неба, то темная стѣна густаго сосноваго бора.

Дмитрій Петровичъ не любовался этою картиною: онъ чувствовалъ только обычную утреннюю сырость. Сердитый, раздраженный подошелъ онъ къ своему экипажу и нашелъ спящими обоихъ своихъ людей.

— Эй! закричалъ онъ, садясь въ экипажъ. Пошолъ.

— Куда? спросилъ кучеръ.

— Куда?... домой!...

Кучеръ, подбирая возжи многозначительно взглянулъ на Василья, послѣдній, понявши его взглядъ, скоса посмотрѣлъ на барина и также многозначительно взглянулъ на кучера. Этотъ нѣмой разговоръ взоровъ заключалъ въ себѣ много лукавства и русскаго себѣ-на-умѣ.

Коляска быстро покатила въ Горляниху. Дмитрій Петровичъ угрюмо сидѣлъ въ продолженіе всей дороги въ самомъ углу ея. Дома онъ не легъ спать, но началъ ходить большими шагами по комнатамъ, придумывая средства увезти Аннушку. Неудача настоящей ночи возмущала его. Онъ думалъ объ Аннушкѣ, и она представлялась его воображенію такой хорошенькой, такой очаровательной, что намѣреніе его все болѣе и болѣе укрѣплялось въ душѣ, и каждый мигъ, проведенный безъ Аннушки, казался для Дмитрія Петровича потеряннымъ.

Нѣтъ, во что бы то ни стало, но она будетъ моею! повторялъ онъ мысленно.

— Василій! закричалъ онъ наконецъ. Василій!

— Чего изволите? спросилъ слуга, входя въ комнату барина и смотря въ сторону.

— Послушай... разсѣянно проговорилъ Губовъ. — Послушай, Вася, ты знаешь ту дѣвушку, что жила въ Тужилковѣ у нѣмцевъ, Аннушку?...

— Это, что жениться-то еще хотѣли?...

— Ну да... знаешь?

— Знаю-съ... какъ не знать.

— Такъ вотъ-что... какъ бы ей передать письмо, но чтобы никто не видалъ этого?... Она теперь живетъ въ деревнѣ у своего отца... А?... я думаю, это можно?...

— Это теперь? сей-часъ?...

— Нѣтъ, не теперь... ты сначала усни, а уже днемъ... пожалуйста, Василій, а?

А! и мы пошли въ ходъ! я говорилъ, что упрыгается! думалъ Василій.

— Да, вѣдь, какъ ей, сударь, отдашь?... сказалъ онъ вслухъ... конечно, оно можно, только...

— Послушай еще: нужно, чтобы и тебя никто не видалъ кромѣ ея. Пожалуйста, Василій: если ты сослужишь мнѣ эту службу, цѣлковый на водку!... Вѣдь, я знаю: ты захочешь, такъ сдѣлаешь!...

Эге, на ласку пошелъ, уважать сталъ! думалъ Василій.

— Мнѣ, сударь, ничего вашего не пужно, продолжалъ камердинеръ уже вслухъ, я безъ того много вами доволенъ... а это извольте: буду стараться...

— Что же, сдѣлаешь?

— Сдѣлаемъ... не въ-первѣй, кажись...

— Ну, какъ же сдѣлаешь?

— Ужь будьте покойны... въ-акуратъ...

— Однако, скажи мнѣ... Помни, что ни тебя, ни письма никто не долженъ видѣть изъ родныхъ Аннушки... Понимаешь?...

— Ужь понимаю... Никто не увидитъ: есть у меня тамъ въ Тужиловкѣ дѣвка знакомая... Аксинья, на барскомъ дворѣ... ужь такая на эти дѣла... такъ все это исправить, никто и духу-то не услышитъ...

— Ну, такъ, пожалуйста, Вася, постарайся!... говорилъ Дмитрій Петровичъ, и трепалъ камердинера по плечу. Поди, теперь выспись, а ужь и сдѣлай, только до вечера непременно нужно передать... Я вотъ сей-часъ напишу записку...

Василій пришелъ въ совершенно хорошее расположеніе духа.

— Да вотъ что, Дмитрій Петровичъ,—вамъ что нужно: видѣть что ли? спросилъ онъ.

— А тебѣ что?

— Да такъ! вы мнѣ, сударь, скажите по всей открытости...

— Ну, да!... Что же?

— Это вы и письмо-то къ ней хотите писать?

— Да.

— Напрасно.

— А что?

— Да что за моды такія? вѣдь, не барыня какая... такъ вытребуемъ...

— Ну перестань врать!... строго замѣтилъ Губовъ.

— Какъ угодно! отвѣчалъ Василій съ нѣкоторой досадою.

— Ты ее, братецъ, не знаешь; она дѣвушка умная, образованная! прибавилъ Дмитрій Петровичъ.

Камердинеръ ничего не отвѣчалъ.

Между тѣмъ Губовъ сталъ писать письмо. Онъ отлично владѣлъ перомъ, и въ какія-нибудь четверть часа успѣлъ написать Аннушкѣ кучу упрековъ, жалобъ, воззваній, напомнилъ ей ихъ прежнія отношенія, ихъ постоянную любовь и страданіе, въ самыхъ яркихъ краскахъ представилъ муки, которыя испыталъ онъ въ теченіе прошедшей ночи, умолялъ ее пожалѣть себя и его, не быть малодушною и не закапывать себя, самовольно, въ ту душную яму, въ которую она попала случайно, наконецъ угрожалъ рѣшительно убить себя, если Аннушка не будетъ принадлежать ему. Письмо заключалось слѣдующими словами:

«Я такъ много страдалъ; жизнь въ разлукѣ съ тобою такъ меня измучила, что если мечта моей души не исполнится, если ты не будешь принадлежать мнѣ, я не буду принадлежать той жизни, въ которой для меня одни только страданія, я убью себя. Заклинаю тебя: если ты не хочешь моей смерти, то исполни свое обѣщаніе. Сегодня ночью я опять буду ждать, если ты хочешь быть моею, если надоѣло самой тебѣ томиться въ разлукѣ, въ противномъ случаѣ прощай на вѣки. Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, чтобы или жить и быть счастливѣйшимъ человѣкомъ, или умереть и успокоиться на всегда».

«Твой на вѣки Дмитрій.»

— Вотъ, Василій, возьми это письмо, передай какъ можно осторожно и принеси мнѣ отвѣтъ.

— Слушаю.

— Да смотри же, чтобы никто не видалъ, и, если пойдетъ та дѣвка, какъ ее... Акинья что ли? такъ чтобы никому не говорила. Скажи ей, что я ничего не пожалѣю, лишь бы она сдѣлала это аккуратное. Слышишь?

— Ужь слышу-сь.,.

— Ну, поди же...

Василій пошелъ было, но у дверей остановился въ-полуоборотъ, поглядывая на письмо и какъ будто что соображалъ.

— Такъ какъ же, сказалъ онъ, вѣдь, надо Акинью-то что-нибудь дать, задобрить ее... на-счетъ того, чтобы она всегда ужь наша была.

— Хорошо. На вотъ цѣлковый—отдай ей.

Василій взялъ деньги, и, выйдя въ другую комнату, съ какой-то особенной улыбкой посмотрѣлъ на него и потомъ на только-что затворенную дверь въ комнату барина.

Дмитрій Петровичъ, оставшись одинъ, еще нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ легъ въ постель и заснулъ со сладкими мечтами объ Аннушкѣ.

ГЛАВА XI.

Иной другъ хуже недруга.

Порядкомъ выспавшись, Василій отправился въ Тужиловку. Тамъ онъ пробрался въ людскую. У разсчегливаго, экономнаго нѣмца дворня была не велика и состояла преимущественно изъ ветерановъ—слугъ, которые не могли быть годны ни на какую работу, и изъ женщинъ, а потому Василій въ людской нашелъ только кухарку, старика—кучера, поваренка и горничную дѣвку—все это былъ народъ знакомый.

— Ахъ, Василій Ивановичъ, здравствуйте! сказали они всѣ, увидя неожиданнаго гостя.

— Милости просимъ садиться!... трубочки не прикажете ли? подхватилъ поваренокъ лѣтъ восемнадцати.

— Вотъ вы и опять къ намъ пріѣхали.... Слышали мы, слышали.... замѣтилъ кучеръ. Что какъ въ Питеръ поживали?

— Что, въ Питеръ, извѣстно.... городъ хорошій.... весело!

— А видно и объ нашихъ мѣстахъ востосковались?...

— Да, вѣдь, ужъ какъ ни живи, а все и въ деревню нужно.... тоже хозяйствомъ надо заняться.... въ службѣ никакой не служимъ....

— А мы думали, что вы и совсѣмъ къ намъ не пріѣдете?

— Отчего не пріѣхать? Въ свое мѣсто ѣдемъ, не въ чужое....

— Такъ.... оно конечно, знамо дѣло, что въ свое мѣсто.... тоже у васъ своя вотчина.... А такъ какъ эта оказія была съ Аннушкой нашей у барина-то вашего....

— Э, э! вона! это вашъ нѣмецъ-отъ думалъ, что онъ женится-то на ней.... нѣтъ еще, подождетъ.... баринъ и въ мысляхъ-то этого не имѣлъ....

— Ну, какъ это, Василій Ивановичъ, не имѣлъ?... все было у нихъ къ этому шло, да такъ вдругъ что-то оборвало.

— Такъ коли на правду пошло... кто ему это растолковалъ-то, кто на разумъ-то наставилъ? все я же.... открылъ ему: что, говорю, вы, сударь, смотрите: такъ и такъ.... вотъ онъ у меня и назадъ....

— А толкуютъ, онъ, чу, и теперь къ ней всѣмъ своимъ сердцемъ.

— Да извѣстно! отчего молодому человѣку?... ему и лафа... дѣвка молодая!... А то жениться!... Ужъ жениться, такъ мы въ Питеръ станемъ, чтобы все было, какъ оно слѣдуетъ: и по породѣ, и по капиталу, чтобы, значить, не стыдно было и въ люди показать, чтобы по плечу приходилась...

— Что же вы барина-то въ Питеръ-то не жените?

— Да что намъ жениться-то?... Человѣкъ еще молодой, пусть поживетъ въ свое удовольствіе.... а я имъ и такъ доволенъ: обиды не вижу, что мнѣ?

— Ужъ истинно, замѣтилъ поваренокъ, чай, жисти нѣтъ лучше, какъ у барина молодого да форсистаго....

— Нѣтъ, оно ничего, возразилъ Василій, пусть бы его женился: все постепеннѣе, а то иной разъ и досадить; ночи ли не ночуетъ, дома ли прокантуетъ! а коли есть своя-то, значить,.... ужъ.... онъ ни объ чемъ больше и не думаетъ....

— А что онъ, тоже, молодымъ дѣломъ, погуливаетъ когда?

— А какъ же ты думаешь? тоже живой человѣкъ.... особенно, вотъ, нынче-то какъ въ Питерѣ былъ, кажись, больше прежняго.

— Вотъ онъ какой, вашъ-то баринъ, непостоянный, сказала горничная, а какъ Аннушка-то убивалась, какъ онъ попишулъ ее: исхудала вся....

— А вотъ онъ теперь ее опять развеселить, Лизавета Степановна! лукаво возразилъ Василій. Ничего: это заживетъ!...

— А что?

— А что?... ничего! вотъ что!... Гдѣ бы вотъ мнѣ повидать Аксинью Андревну?

— А на что вамъ ее? спросила Лизавета.

— А вамъ на что?... надо!... экая любопытница!

— Ужъ извѣстно, зачѣмъ вамъ надо-то.... хп, хп, хп!

— Ну, какъ не извѣстно.... Экая, вѣдь, воструха!... э-э!... Лизавета Степановна?... ухмыляясь, прищуриваясь и лукаво покачивая головою, говорилъ Василій.

— Да пойдите, пойдите скорѣе къ ней; что ужъ мерѣть-то? тамъ она въ скотной.

— А то инъ сюда можно предоставить, сказалъ поваренокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше туда пойду. Нѣмецъ-отъ, вѣдь, вашъ, чай, на полъ?

— Ну, гдѣ ему больше-то быть: все тамъ, торчитъ-торчитъ....

— До увиданія пока!

— Прощайте, Василій Ивановичъ, желаю всякаго удовольствія! закричала горничная вслѣдъ уходящему камердинеру, и захохотала.

— Ну, ладно, ладно! отвѣчалъ Василій, грозя ей пальцемъ. Лизавета Степановна!...—Василій встрѣтился съ Аксиньей на дворѣ.

— Ахъ, Василій Ивановичъ!

— Аксинья Андревна.

— Какъ это васъ Богъ принесъ въ наши страны?

— А вотъ съ вами захотѣлось повидаться, Аксинья Андревна.

— Ужъ полноте вы, Василій Ивановичъ.... Ну, милости просимъ, пойдите къ намъ.

— Нѣтъ, Аксинья Андревна, право-слово, до васъ однихъ дѣло есть: въ секретъ поговорить.

— Да полноте ужъ вы мнѣ.... Ну, что, что, какое дѣло?

— А вотъ какое: знакомъ вамъ эта Аннушка, что у вашихъ нѣмцевъ жила?

— Ну, какъ не знать Анютки: насолѣла она мнѣ, барыня сиволапая....

— Такъ вотъ что, Аксинья Андревна: первый пунхтъ, чтобы все дѣло было въ секретъ, какъ есть чтобы никто не зналъ, окромя насъ двоихъ, ужъ чтобы одно слово: по душѣ было.

— Да что, что такое?

— Нѣтъ, ужъ, вы мнѣ сначала такъ скажите, что сдѣлаете ли вы для меня эту послугу?

— Для васъ я все равно, какъ для себя, Василій Ивановичъ.

— Ну, а ужъ нами съ бариномъ останетесь довольны....

— Я не изъ того, Василій Ивановичъ, мнѣ отъ васъ ничего не надо, я желаю сдѣлать по душѣ.... Да что такое?

— А вотъ что: этой самой Аннушкѣ нужно передать записочку отъ барина, да такимъ манеромъ, чтобы никому этого и не въ-домѣкъ....

— А объ чемъ пишетъ-то къ ней вашъ баринъ?.. вѣдь ты, ровно и въ-правду барыня какая ни на-есть: письма къ ней отписываютъ.... Объ чемъ же, объ чемъ же онъ пишетъ-то къ ней, Василій Ивановичъ?

— Ужъ этого я не знаю, не извѣстенъ.

— Какъ ужь вамъ не знать, Василій Ивановичъ, только что такъ, значитъ, неоткрытость ваша.... Ну, такъ и мнѣ ужь обидно служить вамъ. ...

— Конечно, Акинья Андревна, отъ насъ у барина секретовъ нѣтъ, и сказать можно, коли вы въ нашемъ дѣлѣ участіе возьмете, только, чтобы все это было въ тайности.

— Вѣдь, отчего ужь, коли вы просите.... вамъ служить я согласна, вѣдь, не для нея же, для сиволапой это дѣлать буду.... нѣтъ, еще я ей не слуга, еще подождетъ, не была, да и не буду, а для васъ могу все это сдѣлать, что нужно... Ужь и на-счетъ скрытности, такъ я, кажется, не болтушка какая многоязычная.... Можете повѣрить....

— Ну, такъ просто вамъ сказать: видѣть желаетъ.... Вотъ сегодня всю ночь въ роцѣ промалчилъ, да, видно, не дождался, такъ вотъ черезъ письмо-то опять ее и вытребываетъ....

Экая мерзкая.... тьфу!... а тоже важности-то не оберешься, даромъ что мужичка.... Такъ они это опять стали по ночамъ-то....

— Ну, ужь чего не бываетъ.... сказалъ Василій и подмигнулъ глазомъ.

— Пусть тогда говорили: жениться хочется, а теперь что?... а?... подлость этакая скверная!... Вся роденька ихъ такая: отецъ дуракъ — потатчикъ, мать подхалима, братъ — воръ-разбойникъ, пьяница, а Сашка-то, жепя-то его.... этакого язычка, этакого пустодому — и не привидано, а ужь Аниотка-то: этакая нахалка, этакая наглость, а тоже простотой прикидывается, подумаешь: — дѣвка воды не замутитъ ... Что она только вашему барину пондравилась: ни рожи, ни кожи, ни деликатности никакой, какъ есть мужикъ — неотѣсокъ....

— Ужь,.... это,.... кто его знаетъ: ну, такъ какъ же, Акинья Андревна, на-счетъ письма-то?...

— Да извольте, Василій Ивановичъ.... не за что бы вамъ много-то радѣть: не больно ласковы.... ну да ужь.... крайности знаю, для кого служу.... Только, Василій Ивановичъ.. какъ по всему моему расположенію говорю.... вы

за бариномъ-то своимъ присматривайте: опять бы она не оплела вашего-то, — опять не надумалъ бы онъ жениться на ней....

— Нѣтъ, ужъ онъ теперь и самъ не дастся.... не то у него на умъ....

— Ну, а это то.... провались она совсѣмъ, негодница этакая....

— Такъ какъ же вы, Акинья Андревна, писмецо-то предоставите?... мнѣ, вѣдь, нужно поскорѣе и отвѣтъ ему принести.

— А вотъ я тотчасъ и пойду.... самой-то мнѣ не сподручно къ ней идти, а я чрезъ Александру-то ихнюю: она это все въ минуту смастачить.... Теперь и идти: все ея-то въ полъ....

— Только смотрите, Акинья Андревна, чтобы все было въ скрытности....

— Ужъ и вы смотрите, Василій Ивановичъ.... потому и стараться буду.... не стыдно будетъ и мнѣ что-нибудь за труды.... вамъ, вѣдь, только слово барину-то сказать....

— Да ужъ не безъ того, Акинья Андревна.... тамъ чего не будетъ: не пожалѣемъ.... Вы на насъ надѣйтесь...

А все лучше цѣлковаго-то ей не отдавать: и безъ того сдѣлать! подумалъ Василій.

Онъ не ошибался: Акинья дѣйствительно съ удовольствіемъ бралась за это, и имѣла на то свои секретныя соображенія, нисколько не клонящіяся въ пользу Аннушки, которую она и теперь еще ненавидѣла. Ненависть эта вспыхивала въ Акинью при каждомъ напоминаніи объ Аннушкѣ, при малѣйшей похвалѣ, при малѣйшемъ вниманіи къ ней кого бы то ни было.

Акинья отправилась въ избу Ивана Прохорыча, смѣло рассчитывая на помощь Александры, потому что между ними вовсе не было такого непріязненнаго спора, о которомъ рассказывала Александра сестрѣ; напротивъ болтливая и пустая баба, смиряясь предъ авторитетомъ дворовой дѣвки,

даже во всемъ соглашалась съ нею и поддерживала ея оскорбительныя предположенія и замѣчанія относительно Аннушки. Но, вѣдь, предъ нею нельзя же было Александрѣ не похвалиться своею преданностію.

Аксинью сильно мучило любопытство узнать содержаніе письма, которое у нея было въ рукахъ, но какъ это сдѣлать? письмо запечатано, а распечатать страшно, да если и распечатать, гдѣ найдешь чтеца, который бы могъ прочесть, можетъ быть, нѣмецкую, тарабарскую грамату. Впрочемъ Аксинья успокоилась, надѣясь все узнать посредствомъ Александры, которая вывѣдаетъ у Аннушки.

Въ избѣ Ивана Прохорыча Аксинья никого не нашла: всѣ были на полѣ, даже Александра. Аннушка, должно быть, сидѣла въ своей свѣтелкѣ, но войти къ ней одной и быть съ глазу на глазъ, Аксинья никакъ не могла рѣшиться, и потому отправилась искать Александру на полѣ. Тамъ она скоро ее увидѣла, и издали разными знаками подозвала къ себѣ; впрочемъ Аксинья нисколько не считала необходимостію особенно секретничать въ настоящемъ случаѣ: соображенія требовали даже, чтобы родные Аннушки знали объ ея тайныхъ сношеніяхъ съ Александрой, и она достигла своей цѣли: Зосима, работавшій на одной полосѣ съ женою, видѣлъ, какъ Аксинья вызывала ее и какъ та пошла къ ней, онъ видѣлъ, но не показавъ этого, и жена ушла въ полной увѣренности, что мужъ ничего не замѣтилъ.

— Чтó, матушка, Аксинья Андревна! подобострастно и полная любопытства спрашивала Александра.

— Пойдемъ подальше: я тебѣ расскажу; есть до тебѣ дѣло.

— Чтó, матушка?

— Вотъ что: къ вашей-то у меня есть письмо отъ барина изъ Горланихи.

— Неужто?

— Право. Вѣрно отдать.

— О чемъ же онъ пишетъ-то, не знаете, Аксинья Андревна?

— Нѣтъ, до тонкости не знаю.... Знаю это, что вызываетъ уже ночью въ лѣсъ, а всего, какъ чтó отписываетъ, не

знаю.... обо всемъ. А вотъ что: ты возьми-ка его, да поди ей и отдай, да скажи, что, молъ, отвѣта просятъ, да выспроси, что онъ-то пишетъ, что и она-то будетъ ему отвѣчать... выспросишь, такъ и мнѣ расскажешь.

— Давай же, матушка, давай письмо-то.... снесу.... ахъ, Аксиныя Андревна!...—У Александры отъ такого неожиданнаго событія и отъ радости, что она принимаетъ въ немъ участіе, даже духъ захватило: руки затряслися, въ глазахъ зарябило.

— Эки дѣла! а? Аксиныя Андревна! вотъ ужъ дѣла, такъ дѣла!...

— Ну что говорить-то: всегда она была такая подлая, ни стыда, ни совѣсти, я и батькѣ-то съ маткой давно всѣ ея гадости указывала, да толковала.

— Ахъ ужъ, ахъ ужъ, Аксиныя Андревна.... такая-то нагрѣшница, да срамница.... Что-то онъ въ письмѣ-то отписываетъ? вотъ бы, кажись, прочиталъ.... Подемъ поскорѣе, Аксиныя Андревна, отдать ей: то-то, чай, вспорыхнется, какъ увидитъ.... Милый, вѣдь, дружокъ-отъ.... вѣдь, я вижу, только у нея и думушки-то, что онъ.... ужъ я это вижу....

— Да ужъ что и говорить! отъ сердца что ли у нея на умъ-то? одна только пакосъ на умъ-то и есть... Такъ бы, кажись, въ рожу-то ей безстыжей этакой и нахаркалъ... Вотъ она мнѣ какова сладка, красная смородинка!...

— Ужъ точно, точно, Аксиныя Андревна! точно!... на что это хуже!—Въ такомъ родѣ шла бесѣда между двумя достойными пріятельницами, пока онѣ шли до дому Ивана Прохорыча.

— Ахъ, да, вотъ и позабыла было спросить-то, Аксиныя Андревна, какъ вамъ письмо-то это досталось.... неравно она спроситъ....

— Какъ досталось? Самъ баринъ, Дмитрій Петровичъ, изъ рукъ въ руки подалъ; говорить: Аксиныюшка, на, пожалуйста, снеси, да отвѣтъ принеси поскорѣе.... Онъ, вѣдь, меня давно знаетъ.... такъ самолично и говорилъ.... Такъ и

сказки. А сама, молъ, не пошла, потому знаетъ, что ты ее не любишь, а она всегда о тебѣ старается.... Такъ и скажи!

Я те покажу послѣ, какъ стараюсь-то! думала Аксинья, говоря эти слова.

Аннушка сидѣла въ своей свѣтелкѣ одна-однѣшенька, скучная и задумчивая, вся погруженная въ свои мрачныя думы. Надрывалось ея бѣдное сердце тоскою неизвѣстности, тяжѣла голова отъ смутныхъ, неясныхъ, но страшныхъ представлений. Думала она о Дмитріѣ Петровичѣ, о его негодованіи на нее за обманутое ожиданіе, припоминала его угрозы никогда не видаться съ нею, убить себя, если она сдѣлаетъ то, что уже она сдѣлала, думала о себѣ, о томъ, что будетъ съ нею... и страшныя картины возставали предъ ея воображеніемъ.... мысли терялись, спутывались, но сердце ныло и болѣло. Аннушка слишкомъ любила Дмитрія Петровича, и не могла повѣрять его слова и поступки, а потому безотчетно вѣрила въ каждое его слово и безотчетно боялась послѣдствій протекшей ночи.... Не разъ она готова была сама идти въ Горляниху, чтобы только узнать, что дѣлаетъ Дмитрій Петровичъ, но невольно ее удерживали и дѣвическая стыдливость, и робость, и нерѣшительность, и какое-то вообще нравственное безсиліе, овладѣвшее ею вслѣдствіе душевнаго страданія....

Въ такомъ состояніи духа была Аннушка, когда къ ней вошла Александра.

Она вошла съ таинственнымъ видомъ, съ озабоченнымъ и вмѣстѣ лукавымъ выраженіемъ лица, даже особенной какой-то походкой. Аннушка ничего этого не замѣтила.

Александра подѣла къ ней, и прежде нежели приступила къ объясненію, заботливо обвела глазами всю свѣтелку, какъ бы опасаясь постороннихъ слушателей, потомъ придавши лицу своему выраженіе веселое, но все однако таинственное, она сказала:

— А знаете ли вы, сестрица, что я вамъ принесла?

— Что? спросила Аннушка равнодушно.

— А-а! а то принесла, что вотъ отдамъ, такъ сейчасъ разцвѣтете какъ маковъ цвѣтъ, и тоска и заботушка вся пройдетъ....

— Да что такое? повторила Аннушка свой вопросъ опять такъ же равнодушно.

— А, хочется узнать? сказать ужъ развѣ скорѣе, порадовать?... скажу, такъ стыдно будетъ, что все скрывалась отъ меня, да таща, точно я не желаю всемъ мѣшкать сердцемъ... А, сказать что ли?

Аннушкѣ надоѣло слушать несносную Александру, которая всегда, въ самыя тяжелыя минуты, какъ-будто нарочно приходила мучить и раздражать ее своей пустой болтовней: она ни слова не отвѣчала ей, отвернулась и стала смотрѣть въ окно.

— А? ужъ не мучить что ли? сказать? продолжала Александра. Ну, ну.... такъ и быть!... письмо, вѣдь, къ вамъ, сестрица, у меня, отъ милаго дружка, отъ Дмитрія Петровича....

— Какъ письмо? сказала, вдругъ оживившись, Аннушка.

— А то-то, я говорила: у меня разцвѣтешь какъ маковъ цвѣтъ.... Вотъ, вотъ оно.... вотъ.... Что, рады, сестрица? Вотъ каковъ дура-то крестьянская, Александра-то.... Никто же какъ она утѣшила, да успокоила сестрицу свою любезную.... Ну, что?... а?... что отписываетъ....

Аннушка, ничего не думая въ первомъ порывѣ радости, быстро распечатала и съ жадностію стала читать письмо. Но вотъ она кончила его, и новыя мысли тучей налетѣли на нее. Она успокоилась за существованіе, за здоровье Дмитрія Петровича: душа ея мгновенно отдохнула, но какъ попало это письмо въ руки Александры, какимъ образомъ она вдругъ безъ ея вѣдома и желанія сдѣлалась повѣреннымъ ея тайны: сомнѣнія и боязнь овладѣли Аннушкой.

— Какъ же это письмо попало къ тебѣ?

— Ну, какъ никакъ да попало! значитъ радѣю, да думаю объ васъ, сестрица.... Пишите-ка отвѣтецъ, а мы предоста-

внѣ его.... Ну что же, какъ онъ вамъ отписываетъ-то, сестрица?... объ чемъ больше?... чай объ любви все своей?... а?

Робость Аннушки еще увеличилась; къ ней присоединилась какая-то гордость, какое-то негодованіе на чужое вмѣшательство въ ея отношенія съ Дмитріемъ Петровичемъ.

— Какъ же попало это письмо къ тебѣ, сестрица?

— Да ужъ говорю: какъ никакъ да попало!... Пишите отвѣтъ.

Александръ хотѣлось въ глазахъ Аннушки быть исключительнымъ и единственнымъ орудіемъ и посредницей въ ея любви съ бариномъ, и она умышленно уклонялась отъ прямого отвѣта, что письмо получено ею отъ Аксиньи, вѣрно только передать его, да взять отвѣтъ: такое участіе казалось Александръ слишкомъ ничтожнымъ и мало обязательнымъ для Аннушки. Но послѣдняя, находясь въ нерѣшимости, что ей дѣлать въ настоящемъ случаѣ, настоятельно требовала, чтобы она сказала, какимъ образомъ и кто передалъ ей это письмо.

— Да на что это вамъ, сестрица? вѣдь ужъ я хлопочу, я стараюсь для васъ... вамъ и знать больше никого не надо... А то сказать, пожалуй, скажу, кто и письмо отдалъ, да, вѣдь, какъ бы не взялась я, такъ, пожалуй, и передать бы не умѣли, и узнали бы всѣ, а я ужъ такъ сдѣлала, что никто, ни одинъ человѣкъ и въ воображеніи не имѣетъ...

— Да кто же?

— Ну кто?... Аксинья... вотъ кто!

— Какая Аксинья?

— Да вотъ эта, что во дворѣ-то живетъ.

Аннушка поблѣднѣла.

— Какъ, мой заклятой врагъ — и та знаетъ о нашихъ отношеніяхъ. Ахъ, Дмитрій Петровичъ, какъ онъ неостороженъ, думала Аннушка. Что же мнѣ дѣлать теперь? отвѣчать—письмо пожалуй отдадутъ отцу, а расскажутъ-то о нашей перепискѣ—это навѣрное... Притомъ Аксинья... эта злая женщина, которая меня ненавидитъ, которая меня всегда порочила—и она все знаетъ... Ахъ, какъ стыдно! неужели

унизиться до того, чтобы взять ее въ участницы, чтобы дать ей поводъ злословить себя, унизить себя въ ея глазахъ на самомъ дѣлѣ?... нѣтъ, нѣтъ!... это хуже всего на свѣтѣ!... а не послать отвѣта? что онъ опять подумаетъ?...

Всѣ эти мысли мгновенно пролетали въ головѣ Аннушки: она опять еще разъ не знала, что дѣлать, на что рѣшиться... Впрочемъ смущеніе ея продолжалось не долго: его побѣдило одно чувство—гордости, которое мгновенно развило въ душѣ Аннушки рѣшимость за одинъ разъ устранить отъ себя всякое участіе и вмѣшательство постороннихъ.... О послѣдствіяхъ этого Аннушка не думала.

— Что же, сестрица, пиши, матушка, отвѣтъ-то: Аксинья-то дожидается..

— Никакого отвѣта не будетъ...

Какъ, сестрица, никакого.... Ужъ хошь какую-нибудь писульку да отпишите. О чемъ онъ къ вамъ пишетъ, то и вы ему отпишите.... Тоже, вѣдь, ждетъ: чай, какъ надрывается, отъ васъ-то хочется какую ни-ва-есть вѣсточку получить....

— Нѣтъ, я не буду ничего писать....

— Такъ хошь на словахъ-то что-нибудь прикажите: Аксинья-то и перескажетъ.... А то, письмо получили, прочитали, а отвѣта никакого не будетъ.... Тоже мы старались, а онъ-то что подумаетъ?...

— Я не знаю, къ-чему и письмо мнѣ это принесли.... На, возьми его, отдай.... Я не хочу....

— Какъ, сестрица, что вы, что вы?... Да вы не Аксиньи ли чего опаситесь, что она такая дѣвка не надежная и васъ не долюбливаетъ, такъ дай, матушка, я сама снесу отвѣтецъ-то отъ тебя, изъ рукъ въ руки отдамъ.... а то что-йто это будетъ? что баринъ-то бѣдненькій надумается, какъ и письмо-то ему назадъ принесутъ? подумаетъ, что вы совѣтъ его и разлюбили.... сестрица....

— Ну, оставь письмо....

— Такъ и напишите ему, сестрица.... Ну дайте же мнѣ вамъ послужить, Анна Ивановна.

— Нѣтъ, нечего мнѣ и писать ему.... Я не знаю, зачѣмъ онъ и писалъ ко мнѣ....

— Да что онъ вамъ писалъ-то? скажите мнѣ это.

— Ничего не писалъ ... только.... уведомляетъ, что приѣхалъ.... Поди, сестрица, скажи Аксиньѣ, чтобы она шла и чтобы въ другой разъ не смѣла посить ко мнѣ писемъ.... скажи, что я теперь совсѣмъ чужая Дмитрію Петровичу.... Онъ прежде хотѣлъ на мнѣ жениться, а теперь онъ совсѣмъ для меня посторонній.... и я не хочу получать отъ него писемъ....

Большихъ усилій стоило Аннушкѣ сказать это: она говорила по чувству гордости и самосохраненія, а не отъ сердца... Она говорила это, рѣшаясь рассказать о письмѣ своимъ родителямъ, чтобы защитить себя такимъ образомъ отъ всѣхъ будущихъ сплетенъ. Она сказала это, и подумала о необходимости вслѣдствіе такого признанія прекратить всѣ сношенія съ Дмитріемъ Петровичемъ. При этой мысли ея снова овладѣла перъшительность. Наконецъ любовь восторжествовала.

— А ты, сестрица, ради Бога, не сказывай никому про это письмо! прибавила она.

— Ахъ, ахъ, сестрица, да можетъ ли это быть, да я подлинно для васъ.... да отсохни языкъ.... А это точно, это хорошо, что вы Аксютки-то опаситесь.... Ничего, и безъ нея дѣло сдѣлаемъ.... Я сама свесу письмо-то....

— Нѣтъ, нѣтъ, я писать не буду: скажи Аксиньѣ просто, что отвѣта никакого не будетъ....

— Хорошо, матушка, сестрица, хорошо!... я ей скажу: скажи, молю, что теперь не досужно, что послѣ, молю, будетъ писать....

— Нѣтъ, скажи только.... нѣтъ, ничего не говори, а вели ей только идти....

— Ну, ну, я ей вотъ что скажу, что, молю, и письма не прочитала сестрица и не припиала.... ахъ, да какъ же распечатано-то?... Ну, скажу, что не читавши, молю, изорвала...

— Да, да, скажи это.... Нѣтъ, погоди: лучше ничего не говори.... скажи, что я больна и сплю, и что ты пожалѣла будить меня, а письмо оставила....

— Вотъ, вотъ, вотъ, такъ и скажу, а послѣ, если что она разболтаеть, такъ можно запереться, что ничего, молъ, не знаемъ и не слыхали.... Кто ей повѣритъ.... она известная сплетка.... а я послѣ отъ васъ письмецо-то и снесу.... ужъ такъ, что никто и духу не услышитъ.... Ну, вотъ, слава Богу, и придумали.... Теперь и бояться нечего. Такъ и скажу.... Погодите, сестрица, я вотъ сейчасъ ее выпровожу, да опять и приду къ вамъ.... Сейчасъ, матушка....

Александра ушла, и Аннушка начала опять читать письмо Дмитрія Петровича.

— Господи, какъ онъ меня любитъ, какъ страдаетъ! думала она, прочитавши письмо. Что же мнѣ дѣлать теперь? что-то будетъ изъ всего этого? Ему скажутъ, что я нездорова, онъ станетъ беспокоиться.... Ахъ, зачѣмъ я велѣла это сказать?... Онъ опять сегодня будетъ ждать меня, опять мучиться, если не приду.... А какъ идти? Александра теперь еще больше будетъ присматривать за мною!... Родители узнаютъ о письмѣ: начнутся допросы, станутъ бранить... Господи, Господи, что мнѣ дѣлать?... Нѣтъ, нѣтъ, лучше оставить всѣхъ, бѣжать съ Дмитріемъ Петровичемъ.... Ахъ, зачѣмъ я не написала къ нему съ Аксиньей?... Онъ былъ бы по крайней мѣрѣ покоенъ за мое здоровье.... Теперь онъ, пожалуй, считая меня больною, не пріѣдетъ уже почью, и я не буду знать, что онъ дѣлаетъ, не сердится ли онъ на меня?... Что еще ему скажетъ Аксинья?... ахъ, Господи! развѣ не попросить ли Александру снести письмо къ нему?... просить его, чтобы онъ любилъ меня и не требовалъ невозможнаго.... или чтобы позабылъ, оставилъ меня, но зная, что я вѣчно буду любить его.... Но какъ разстаться съ нимъ, не выдавшись еще разъ?... нѣтъ, я не въ силахъ рѣшиться на это.... Но если послать Александру, надобно признаться ей во всемъ, просить ея помощи?... нѣтъ, не могу, стыдно! Господи, защити меня, 'помоги мнѣ!... Нѣтъ, лучше пошлю

ее: она, можетъ быть, никому не скажетъ, а я увѣрю, что пишу что-нибудь другое.... Нѣтъ, нѣтъ, узнаютъ: тогда что будетъ?...

Эти сбивчивыя, противорѣчащія одинъ другимъ размышленія Аннушки были прерваны приходомъ Александры

— Ну, сестрица, насилу на великую отъ нея отдѣлалась, отъ этой Аксютки отъ проклятой... заговорила Александра. Не вѣрить, да и все тутъ: не можетъ статья, говорить, чтобы она—это вы-то, не прочитала письма.... Я и такъ и сякъ.... Богомъ божусь ей.... не вѣрить! коли такъ, говорить, подай письмо назадъ, а то какже, говорить, я письмо отдала, а отвѣта не принесу.... Я ей говорю: скажи, молъ, такъ и такъ.... и слушать не хочетъ.... да начала меня ругать, да срамить, да и васъ-то тутъ же.... Ну ужъ!... я только молчу да уговариваю: тѣмъ и уломала, что я говорю: какъ же, я говорю, я тебѣ теперь письмо отдамъ... для чего? а лучше, я говорю, вотъ она проснется, да прочитаетъ письмо, и, если что надумаетъ такое написать, такъ я тотчасъ тебѣ и принесу.... а если, я говорю, такъ, чтобы тебѣ теперь взять письмо, а уже опять приходиться, да отдавать, такъ тоже не ладно: еще, говорю, увидятъ.... Тѣмъ только и уломала.... а то, и во вниманіе ничего не беретъ.... такая!... да ну ее, теперь ушла.... плети послѣ, что хошь.... Такъ ну же, матушка, сестрица, пиши же письмецо-то—я снесу поскорѣ....

— Мнѣ нечего писать! отвѣчала Аннушка.

— Какъ нечего, сестрица? а станетъ сумѣваться, выходить ли ему, али нѣтъ сегодня ночью-то?

— Какъ выходить ли? спросила Аннушка, у которой отъ послѣднихъ словъ Александры вдругъ какъ будто захватило дыханіе.

— Такъ какъ же, вѣдь, онъ вызываетъ васъ.... ну, по-видаться-то: Аксинья-то мнѣ, вѣдь, сказала

— Это вздоръ: она лжетъ.

— Ну, полноте, сестрица, что все отъ меня таитесь?... неужто ужъ Аксинья-то лучше меня, что все знаетъ: какъ онъ и сегодняшнюю-то ночь всю до самаго свѣта, все васъ въ роцъ поджидалъ....

Господи, все знаютъ! подумала Аннушка.

— Саша, голубушка, сестрица, не сказывай никому! совершенно растерявшись и со слезами на глазахъ стала Аннушка упрашивать Александру.

— Ахъ, сестрица, такъ неужто вы такъ обо мнѣ думаете, да оборони меня.... Полно, матушка, сестрица, да я для васъ.... да отсохни языкъ, на семъ мѣстѣ провалиться.... Вотъ ты только попробуй: напиши письмо, да пошлите со мной, и увидишь, люблю ли я тебя, да желаю ли всей душой.... Ужъ мнѣ не помолчать? кто же и помолчить-то, коли не я?...

Лучше ей признаться во всемъ, попросить ея помощи, тогда она лучше ничего не скажетъ, а теперь все равно: все знаетъ! Ей жалко будетъ сказать про меня: она меня, кажется, любить, да и за что ей не любить меня? а скрывать теперь отъ нея: она хуже разсердится! думала Аннушка, и рѣшилась побѣдить свою гордость предъ силою обстоятельствъ.

— Ну, сестрица, если я напишу: какъ же ты отнесешь? спросила она наконецъ.

— А такъ и отнесу!... взяла да и отнесла.

— А тебя здѣсь хватятся: спросить, гдѣ была, куда ходила?

— Ахъ, батюшки мои, ужъ и отъ дому не отойди. Эки еще грѣхи какіе!... Да на господской дворъ ходила... ну, нужда была.... А если и будетъ что, такъ развѣ поругаютъ только, головы, вѣдь, не снимутъ же?...

— Ну, а тамъ увидятъ, да послѣ скажутъ, что приходила съ письмомъ.

— Увидятъ!... Никто меня не увидитъ, ни одинъ человекъ... выжду такой часъ: около дома буду ходить, на полъ одного поймаю, да ужъ всучу письмецо одному: никому и въ

разумъ не придетъ подумать... Да ужъ положитесь на меня, сестрица .. ужъ подлинно дѣло говорю: что другой этакой слуги вамъ не найдти... ай, батюшки мои... ужъ вамъ-то бы я не послужила... кто же и послужить-то, какъ не я?... Садитесь, садитесь, сестрица, пишите... Да вотъ какъ: ужо и въ рошу-то васъ провожу: такъ уйдемъ, что никто и знать не будетъ... только вы на меня положитесь... ужъ проведу и выведу... а больше того мнѣ хочется вамъ услужить потому, чтобы вы знали, жалю ли я тебя или нѣтъ... да какова дура необразованная крестьянская Александра, умѣтъ ли она дѣлать и чувствовать!... Пишите, сестрица, пишите, будьте въ покоѣ.

— Хорошо, сестрица, я пожалуй напишу... ты не выдашь меня... не погубишь... никому 'не расскажешь?...

— Ахъ ужъ... да ужъ... не будь я мать дѣтиямъ, мужу жена, коли что... Что вы это, сестрица?... какъ все такъ обо мнѣ думаете?... да не надо мнѣ ничего, только бы какъ васъ успокоить, потому вижу... не съ вашимъ ученьемъ вамъ съ нами жить...

— Такъ ужъ я напишу, сестрица...

-- Пиши, матушка, пиши... Ничего не думай, пиши...

Аннушка робко взялась за перо и собиралась съ духомъ, чтобы начать письмо, а Александра устлалась рядомъ съ ней, приготовляясь съ любопытствомъ смотрѣть на то, что будетъ писать ученая сестрица, какъ будто могла что-нибудь понять, какъ вдругъ двери въ свѣтелку отворились, и въ нихъ показалась голова Зосимы.

— Эй, Александра, ты тута что ли?... подь-ка сюда... сказалъ онъ и опять скрылся, затворивъ двери.

— Ахъ, сестрица,!... спрячь, матушка, чтобы какъ не вошелъ онъ, да не увидѣлъ! торопливо заговорила Александра, приготовляясь идти на призывъ мужа.

Зосима, видѣвшій, какъ Алекснѣя вызывала съ поля жену, и догадываясь, что дѣло касалось любимой нѣтъ сестры, рѣшился идти посмотрѣть, что дѣлаютъ онѣ, тѣмъ болѣе, что Александра долго не возвращалась назадъ.

— Начто тебя звала Аксинья?... что она тебя говорила? спросил онъ.

— Аксинья-то? проговорила оторопѣвшая отъ неожиданнаго вопроса Александра.

— Ну... слышала?

— Аксинья-то?... да она ничего не говорила... она такъ только...

— Какъ ничего?... начто же ты съ поля-то ушла съ ней?...

— Да право ничего... и не припомню что... да, вотъ что... корова наша отъ стада отшиблась... такъ она приходила сказать... я и бѣгала... корову-то загнала на выгонъ....

— А какъ къ Аннушкѣ-то попала?

— А такъ шла оттолѣ-то, да и забѣжала: дай, молъ, провѣдаю, что сестрица-то у насъ?... одна сидитъ!... а то больше съ Аксиньей у насъ ничего и разговоровъ никакихъ не было...

— А объ Аннушкѣ что говорили?

— Ничего, ничего!... проваляться на семъ мѣстѣ, ничего.... забормотала Александра, окончательно растерявшись при последнемъ вопросѣ мужа; лицо ея впрочемъ говорило совсѣмъ другое.

— Врешь.... дѣло говори!...

— Право слово: и помню не было, глазамъ лопнуть, хошь у самой у сестрицы спроси...

Зосима съ первыхъ словъ жены видѣлъ, что она скрываетъ что-то.

— Сейчасъ сказывай!... вымолвилъ онъ, грозно взглянувши на жену.

— Да право....

— Ну!..

— Да что ты, батька?... заговорила Александра плаксивымъ голосомъ. Что я тебя стану сказывать, коли ничего и не было?... поди, допытывайся у самой Аннушки.... Чѣмъ я-то виновата...

— Сказывай добромъ, коли не хочешь...

— Да ничего и не было, только что письмо приносила?

— Отъ кого?...

— Ну, извѣстно отъ кого!... изъ Горланихи. А вотъ тутъ я же стала виновата, а все изъ-за своего усердія, что хотѣла послужить...

— Гдѣ же то письмо?

— Аннушкѣ отдали.

— Объ чемъ же онъ пишетъ?

— Ну, объ-чемъ? на свиданье зоветь!...

— А Аннушка что?

— Хотѣла письмо писать... да отступись ты отъ меня... прашивай ее.... Я то же заклятье дала ничего не говорить.... продолжала Александра слезливымъ голосомъ.

— А не послала она къ нему того письма?

— Нѣту.... охъ, Господи, эка жисть моя.... все изъ-подъ побой дѣлай, да подъ страхомъ живи....

— Ну, пошла на поле.... да коли ты у меня другорядъ въ эти дѣла пустншься, али объ этомъ кому хошь вѣдомъ покажешь.... такъ я тебя.... не то что.... живаго мѣста не оставлю.... слышь ты: никому ни слова.... безстыжая твоя рожа!...

Зосима говорилъ грознымъ голосомъ; въ глазахъ его былъ страшный гнѣвъ. Александра, сама того не понимая, всегда находилась подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужа и боялась его какъ огня, хотя онъ рѣдко, весьма рѣдко прибѣгалъ къ матеріальнымъ внушеніямъ. Когда еще Зосима былъ въ обыкновенномъ расположеніи духа, Александра могла съ нимъ спорить, пожалуй, и браниться, но стоило только Зосимѣ сказать свое внушительное: ну!, грозно посмотреть—и ужъ слишкомъ много — прикрикнуть, чтобы у Александры прилипъ языкъ къ гортани, или, какъ говорится, душа въ пятки ушла. И никогда, никто, кромѣ мужа, не умѣлъ однимъ словомъ обуздать ея болтливость.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ Александра совершенно сробѣла предъ мужемъ, и, не смѣя ни слова вымолвить на-противъ ему, пошла молча вонъ изъ избы, гдѣ происходилъ весь разговоръ, и только въ-тихомолку хныкала.

Зосима отправился въ свѣтелку къ Аннушкѣ.

— Чтѣ ты дѣлаешь? спросилъ онъ сестру по возможности ласковымъ голосомъ.

— Ничего! отвѣчала она.

— Аннушка, не томи меня: Расскажи мнѣ всю правду, чтѣ у тебя съ тѣмъ бариномъ, какое ты письмо отъ него получилъ?

На глазахъ Зосимы показались слезы, и голосъ его звучалъ такою любовью, такимъ сочувствіемъ, что Аннушка, сердце которой переполнено было отъ тревогъ и волненія настоящаго дня, не выдержала и съ горькими слезами бросилась на шею брата при его прямомъ, неожиданномъ вопросѣ.

— Ахъ, братецъ, помоги ты мнѣ, спаси меня! говорила она, рыдая.

— Да чтѣ, чтѣ, голубушка ты моя, молви мнѣ все.... давно вижу твое горе.... давно мекалъ спросить, да все какъ-то....

И Аннушка, увлеченная искреннимъ участіемъ брата, которое пришло очень въ-время, рассказала ему обо всемъ: о нечаянной встрѣчѣ своей съ Дмитріемъ Петровичемъ, о томъ, какъ онъ уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, какъ она рѣшилась было, и чтѣ ей помѣшало, рассказала содержаніе настоящаго письма и о намѣреніи своемъ отвѣчать ему на него.

— Чтѣ же мнѣ теперь дѣлать? Научи меня, братецъ? спросила она въ заключеніе, и въ этомъ вопросѣ просто, но ясно выразилась вся ея душевная тревога.

— Охъ, тяжкое дѣло, Аннушка.... Не знаю чтѣ и молвить тебѣ.... Больно ты его жалѣешь, крѣпко любишь-то?

— Да, братецъ....

— Да онъ-то, кажись, мало тебя жалѣетъ?

— Нѣтъ, и онъ меня очень любить, я это знаю, братецъ, навѣрно знаю....

— О-охъ!... не знаю ужъ какъ... Какъ же ты насъ-то покинешь?

— Миѣ жалко тебя, братецъ....

— Охъ, передъ Богомъ-то больно грѣшно, Аннушка.... не по закону вѣдь жить-то будете.... Охъ, грѣшно передъ Царемъ Небеснымъ, больно грѣшно....

— Что же мнѣ дѣлать, братецъ? миѣ тошно безъ него.... очень скучно....

— Эхъ, что бы ему жениться-то на тебѣ, коли любить-то онъ тебя?...

— Вѣдь я говорила тебѣ, братецъ, почему онъ не женился на мнѣ: ему стыдно будетъ, что у него родные будутъ....

— Эхъ, да, кажись, мы бы и близко-то къ нему не стали подходить, и на тебя-то изъ-за-уголка стали смотрѣть, только бы онъ счастливой тебя сдѣлалъ.... Ахъ, ужъ не знаю... А больно тебѣ тошно.... нѣтъ тебѣ житья съ нами?...

— Да, братецъ.... я вотъ ужъ какъ люблю тебя, а какъ подумаю объ немъ, такъ бы, кажется, и убѣжала къ нему.

— Вотъ что, Аннушка, молись-ка ты милостивому Богу, а я вотъ что надумалъ: схожу я къ нему, пожалоблюсь ему на всю твою судьбу горькую... Неужто ему не жалко будетъ тебя? Человѣкъ вѣдь тоже онъ, не звѣрь, сердце-то есть же не каменное.... можетъ онъ и женится на тебѣ.... а я ему молвлю, чтобы объ насъ-то онъ и думать забылъ, что мы ему не помѣха... Сходить, что ли?

Пожалуй.... только какъ-то стыдно, точно я навязываться ему буду?

— Какъ? нѣтъ, онъ первый желаніе возымѣлъ жениться на тебѣ, такъ на-что же онъ обманулъ? На-что онъ тебя разстраиивалъ?... Ничего, я схожу къ нему.... авось, прямъ не лютой же онъ звѣрь.

— Пожалуй, братецъ, сходи.... только, Господи, какъ стыдно!

— Ничего, Аннушка, ничего.... Если, вѣдь, онъ что мнѣ и сгубить, такъ ко мнѣ не пристанетъ:

— Какъ же, братецъ, ты къ нему пойдешь-то?

А что ?

— Да такъ.... можетъ быть.... мало ли что можетъ случиться, что онъ тебя не приметъ?...

— Это ты мекаешь, что не допустить-то онъ меня къ себѣ.... это можетъ статься!... такъ мы вотъ какъ дѣло поведемъ: онъ, вѣдь, чай, безпремѣнно будетъ тебя ждать сегодня ночью-то въ рошѣ.... Вотъ я тамъ его и перейму.... еще и лучше: никто и не увидитъ, и гордости у него меньше будетъ, что съ мужикомъ по душѣ покалякаетъ: ночное дѣло, темное, никто не видитъ, ни передъ кѣмъ не стыдно.... и меня-то, каковъ я есть мужикъ, въ потьмахъ не разглядитъ.... Такъ прощай-ка, Аннушка, доколева.... пойду на поле.... да не тужи ты, не плачь, не надрывайся.... Може, все дѣло сдѣлается: лучше не надо....

Аксинья, разставшись съ Александрой и отправляясь назадъ на господскій дворъ, всю дорогу придумывала, почему ей не отданъ отвѣтъ Аннушки на письмо Дмитрія Петровича. Она не вѣрила рассказамъ Александры, и остановилась на двухъ предположеніяхъ, что либо Аннушка побоялась, или, еще вѣрнѣе, погордилась отдать письмо свое въ ея руки—и при этой мысли въ сердцѣ ея клокотала злость и ненависть,—либо Александра нарочно отклонила участіе Аксиньи, чтобы самой похлопотать какимъ-нибудь образомъ въ этомъ дѣлѣ—при этомъ предположеніи Аксинья считала необходимостью во что бы то ни было удержать за собой поле дѣятельности и не показать, что она не умѣла исполнить возложеннаго на нее порученія.

И такъ, пришедши къ Василью, она сказала ему, что письмо передано Аннушкѣ, что она непремѣнно обѣщавалась быть уже ночью въ рошѣ, и не написала потому, что нельзя было: боялась, что застанутъ, Впрочемъ обѣщавалась написать, и

тогда либо сама Аксинья принесетъ письмо, коли можно будетъ отойдти, либо она пришлетъ съ Аннушкиной невѣсткой — Александрой.

— Ну ужъ только и дѣвка, эта Анютка, заключила Аксинья: такой безстыжей я и не привилывала: такъ безъ совѣсти и говоритъ, что придетъ-то на свиданье, хошь бы покраснѣлась, хошь бы потупилась.... Эка безстыжая рожа, ничего не стоящая дѣвка, никакого вниманія.... А ужъ какъ меня благодарила.... такъ благодарила, а, вѣдь, послѣ поди и не вспомнить, да—чего добраго—скажетъ, что меня и въ глазъ не видала, совѣмъ запрется.... благодарности ужъ не жди отъ нея никакой.... Вы, Василий Ивановичъ, однако же вашему барину про мою послугу скажите.... пусть же онъ знаетъ.... ужъ я на васъ надѣюсь....

— Да ужъ Аксинья Андревна.... у меня только и заботушки-то, что вы....

— Ну, ужъ полноте вы насмѣхаться-то надо мной....

— Можете на меня положиться.... иначе прощайте, Аксинья Андревна: время къ домамъ, заждався здѣсь васъ, совѣмъ соскучился....

— Да ужъ, чай, все съ Лизкой балагурили.... знаю я васъ.... прокурать этакой!

— И въ воображеніи не имѣть!... Будьте счастливы да веселы, Аксинья Андревна, и насъ не забывайте.

— Вы-то насъ не забывайте, а мы не забудемъ! сказала Аксинья кокетливо.

Василій изъ слова въ слово передалъ барину отвѣтъ Аннушки на письмо, сообщенный ему Аксиньей, и въ слѣдующую ночь знакомая коляска опять была на извѣстномъ мѣстѣ въ роцѣ подлѣ Тужиловки, и опять Дмитрій Петровичъ, выходя изъ нея, строго наказывалъ людямъ не дремать и подавать экипажъ по первому его требованію, и опять, по уходѣ его, кучеръ началъ задавать вопросы камердинеру о томъ, что еще задумалъ баринъ, и долго ли еще придется имъ караулить.

— А что, Василий Ивановичъ, письмо-то снесъ? спросилъ между прочимъ кучеръ.

— Снесъ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Что же она?

— Общались быть.

— Значить, безпремѣнно будетъ?

— Общались безпремѣнно.

Между тѣмъ Дмитрій Петровичъ, также какъ и въ прошедшую ночь, ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, пролегавшей черезъ рощу, и такая же, какъ вчера, прекрасная ночь окружала его, и такое же нетерпѣніе чувствовалъ онъ, и тѣ же мечты лелѣялъ въ душѣ своей.

И вотъ вдругъ онъ слышитъ приближающіеся шаги. Сердце его сначала замерло, потомъ ускоренно забилося. Быстро пошелъ онъ впередъ въ полной надеждѣ встрѣтить Аннушку, и уже готовился протянуть руки и сказать нѣжное и радостное привѣтствіе.... но передъ нимъ стоялъ совершенно незнакомый мужикъ. Дмитрій Петровичъ хотѣлъ пройти мимо, внутренне пославши проклятіе неожиданному прохожему, но, къ величайшему его удивленію, мужикъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Твоя милость, Дмитрій Петровичъ?

— Что тебѣ надобно? вовсе не ласково спросилъ въ свою очередь Дмитрій Петровичъ.

— Къ твоей милости....

— Что ты? кто ты таковъ? чей ты?... еще болѣе удивленный и недовольный встрѣчей, спрашивалъ Губовъ.

— Я Аннушкинъ братъ, Зосима....

ГЛАВА XII.

БРАТЬ И ДРУГЪ ВЕЛИКО ДѢЛО.

Аннушка не спала всю ночь, съ трепетомъ нетерпѣнія дожидаясь Зосимы. Она издали слышала его шаги и поспѣшила встрѣтить его на самомъ порогѣ дверей. Но не радостную вѣсть неся Зосима: Аннушка отгадала это при первомъ взглядѣ на его сумрачное, унылое лицо.

— Чтѣ, братецъ? робко спросила она его.

— Чтѣ, Аннушка.... Недобрый онъ человѣкъ,. Ни души, ни сердца въ немъ нѣтъ.... И жалости къ тебѣ нѣтъ никакой.... Позабудь ты его: совсѣмъ онъ тебя не любить....

— Чтѣ ты говоришь, братецъ?

— Охъ, самому мнѣ тяжело это вымолвить.... да лучше правду тебѣ сказать, нечѣмъ обмануть тебѣ жуть.... Сгубить только онъ хотѣлъ тебя .. срамъ напустить и на твою и на нашу голову.... Богомъ тебя прошу: выкинь ты его изъ своего сердца.... Врагъ онъ тебѣ, а не другъ....

— Полно, братецъ, не говори такъ: онъ любитъ меня!...

— Ахъ, Аннушка... Неужто ужъ я бы сталъ не дѣло говорить про него, знавши, какъ онъ тебѣ милъ, да дорогъ... Неужто бы я самъ не порадовался, коли бы видѣлъ, что есть у него какое ни на есть чувство въ его грѣшной душѣ?... а у него одинъ грѣхъ на умѣ... Пропавшій онъ человѣкъ... Плюнь на него, да и выкинь изъ своей головы... Родная ты моя... тяжело тебѣ....

— Братецъ, да чтѣ же онъ говорилъ съ тобою?... Расскажи мнѣ!...

— Чтѣ ему говорить? ничего не говорилъ, а только обругалъ, какъ я ему сталъ усовѣщевать... не губить тебѣ, а по закону Христову: обжениться на тебѣ... Я лаской говорилъ, Богомъ просилъ, твоей душой заклиналъ, а онъ только ругалъ да срамилъ меня.

— Тебя, братецъ?... Дмитрій Петровичъ... не думала я... Господи!... сказала Аннушка съ тяжкимъ вздохомъ.

Грудь ея высоко поднялась и потомъ медленно опустилась, слезы, выступившія было на глазахъ, вдругъ остановились, лицо ея вдругъ сдѣлалось блѣдно и выражало твердую рѣшимость, руки крѣпко сжались на груди.

— Братецъ, я не люблю его болѣе... сказала она... Я не хочу даже и помнить о немъ!... И она съ какою-то судорожною поспѣшностью достала съ груди послѣднее письмо Дмитрія Петровича, разорвала его и бросила на полъ, потомъ отыскала его прежнія письма и также разорвала....

Зосима смотрѣлъ на сестру съ какимъ-то благоговѣніемъ: онъ понималъ своимъ воспріимчивымъ сердцемъ, что дѣлается въ душѣ Аннушки, и слезы невольно текли изъ его глазъ.

Аннушка какъ будто обезсилѣла послѣ такого рѣшительнаго движенія всего ея существа. Она смотрѣла на разбросанные лоскутки дорогихъ для нея писемъ, потомъ вдругъ грудь ея начала трепетно и неровно колебаться, горло ея спазматически стѣснилось...

— Уйди отсюда, братецъ!... едва проговорила она.

— Нѣту, я не уйду отъ тебя... тошно тебѣ...!

— Нѣтъ, уйди, уйди!...

Зосима повиновался и вышелъ, а Аннушка съ страшными истерическими судорогами и громкими рыданіями бросилась на остатки писемъ Дмитрія Петровича, п цѣловала ихъ и обливала слезами, а Зосима, стоя у дверей свѣтелки и прислушиваясь къ рыданіямъ сестры, въ-тихомолку утиралъ свои слезы.

Когда рыданія Аннушки затихли, Зосима приотворилъ потихоньку двери въ свѣтелку, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ сестра... Она стояла на коленяхъ и горячо молилась. Зосима не помѣшалъ этой молитвѣ, но перекрестился и опять затворилъ дверь въ свѣтелку.

— Авось Богъ милостивъ! подумалъ онъ, и на сердцѣ у него стало покойнѣе.

Между тѣмъ проснулись всѣ въ домѣ и пошли на работу.

Зосима отправился вмѣстѣ съ другими, но и съ поля раза два приходилъ къ сестрѣ. Она сидѣла скучная, унылая, улыбалась ему, казалась покойною, но лицо ея было блѣдно, а глаза красны и опухли отъ слезъ.

Александра уллучила минутку забѣжать къ сестрицѣ, но ничего не могла узнать отъ нея. На всѣ ея разспросы Аннушка отвѣчала только, что она не любитъ больше Дмитрія Петровича, и просила не говорить съ нею о немъ.

— Эка неблагодарная! думала Александра съ неудовольствіемъ. За всѣ-то мои послуги слова не хочетъ сказать... Видно, не нужна стала Александра, такъ и говорить съ ней не надо. Эка совѣсть... Дѣло Аксинья-то говорить...

Арина, имѣвшая обыкновеніе почти каждое утро, вставши со сна, заходить къ Аннушкѣ, чтобы посмотреть, какъ спитъ она, погладить ей спину и благословить, и въ это утро зашла къ дочкѣ и удивилась, найдя ее не спящею.

— Чтѣ ты, Аннушка, рано поднялась? спросила Арина.

— Такъ, матушка.

— Да чтѣ ты ничто какая невеселая... Христось съ тобой!... Недомогается что ли?... Вишь цвѣтная какая!...

— Да, немножко нездоровится.

— То-то, родная... Берегись, матушка... Вона и глазки-то какія красныя, да опухлыя... да ужъ ты не плакала ли?...

— Нѣтъ.

— Ну, Христось съ тобой!...

И ни материнское чувство Арины, ни суетливое участіе Александры не отгадали, чтѣ происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, какая страшная драма разыгрывалась въ ней.

И судьба какъ будто хотѣла, чтобы Аннушка выпила до дна чашу горя и оскорбленій, или, можетъ быть, она въ этой чашѣ подносила ей противоядіе той отравы, которую внесла къ ней въ душу любовь къ Дмитрію Петровичу. Вечеромъ того же дня, когда вся семья возвратилась домой къ ночному отдыху и приготовлялась ужинать, Аннушка также пришла въ избу и сѣла за общую скудную трапезу не для того, чтобы ѣсть, а чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть въ

родной семьѣ отъ той тоски и тревогъ, которыя она перенесла въ теченіе этого дня. Лицо ея было покойно, но печально, и улыбка, которую она старалась вызвать на него, тотчасъ же исчезала, какъ только появлялась. Иванъ Прохорычъ смотрѣлъ на дочь какъ-то недоброжелательно и сердито; мать посматривала то робко на мужа, то заботливо на дочь.

— Чтѣ не весела? спросилъ Аннушку отецъ послѣ нѣсколькихъ суровыхъ взглядовъ на нее.

— Ничего, батюшка!

— Ничего?... али по своемъ-то стосковалась? али давно не видѣлись?

Аннушка поблѣднѣла и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Что? опять что ли пойдешь къ нему на ночь-то?... нечестивая!... Говорилъ ли я тебѣ....

— Батюшка, не замай ее... не трожь! дѣло прошлое!... сказалъ угрюмо Зосима.

— Чтѣ прошлое?... И тогда ты глотку-то дралъ, какъ я ей, ровно зналъ, говорилъ напередъ... Она думала у отца съ матерью подъ носомъ распутничать также, какъ у пѣмцовъ-то живучи... Таково твое ученье, такова твоя совѣсть!...

— Батюшка, я те говорю: не трожь ты ее, не избивай... Не будетъ ничего этого...

— Да чтѣ ты, дура, учишь-то меня? Не знаю чтѣ я говорю! даромъ я ее ругаю?... Кто по ночамъ-то какину ночь въ рощу-то ходитъ? къ кому письма-то носить твоя негодница?...

— Такъ вотъ ее учи, коли она письма носить, прибѣй, коли досадна тебѣ она... А Аннужку не трошь! говорю тебѣ дѣло: може и было эвто, да теперь прошло и ничего этого нѣтъ... Послушай меня хошь одиново.

— Слушай тебѣ!... будетъ путь, коли послушаешь тебѣ... Всегда ты учить-то меня суешься, да кто уменъ-то бывалъ отъ твоей науки... За всякую сволочь всегда ты вступаешься... Прошло?... давно ли прошло-то, коли она севодня всю

ночь съ тѣмъ въ лѣсу была.... Слышь ли, безстыжая, ты думала ничего я и не узнаю....

— Да не была она совѣсть!... возразилъ Зосима.

— Я знаю, что была: вся деревня мнѣ въ глаза тыкаетъ, что какую дочку выростилъ, да выучилъ... Нашла и повестись-то съ кѣмъ, съ Аксюткой; та и кричитъ по всей деревнѣ, какъ она письмо приносила и какъ въ лѣсъ-то се вызывала... а?...

— Вотъ, батюшка, умный ты человекъ, а Аксюткѣ вѣришь: въ первой что ли она тебя въ грѣхъ вводитъ?...

— Да теперь-то ей не изъ чего врать-то: вся деревня видѣла, какъ лакей-то изъ Тужиловки приходилъ къ Аксюткѣ съ письмомъ, и какъ назадъ пошелъ съ отвѣтомъ отъ нечестивой-то... Теперь ей и врать-то нельзя: сама была въ дѣлѣ этомъ... Такъ что же ты мнѣ толкуешь? башка ты безпашная....

— Такъ вретъ же Аксютка... управителю на нее пожаловаться... дѣвка анафемская... Я про то знаю, что вретъ... Вотъ тебѣ истинный Богъ—дѣло тебѣ, батюшка, докладываю.. Коли не вѣришь, вотъ тебѣ всю правду молвяю: самъ я ходилъ сегодня ночью къ барину въ рощу... усовѣщаль его.

— Ты...?

— Я....

— Зачѣмъ же онъ-то въ рощѣ былъ?

— Ну ужъ зачѣмъ онъ былъ, то прошло, про то и говорить нечего: хотѣлъ онъ нашу Аннушку погубить, да Богъ спасъ... Сама она теперь отъ него отреклась...

— Не знаю я, что ты городишь... ни слушать тебя, ни нѣтъ... и не пойму. Чудно ты говоришь!... Она-то сама-то сидитъ, что-то не по твоей рѣчи смотритъ : ровно совѣсть не чиста...

Аннушка молчала въ продолженіе всего спора о пей между отцомъ и братомъ. Горько, очень горько было ей слушать не заслуженные укоры и грубую брань, особенно послѣ той рѣшимости пожертвовать самымъ дорогимъ чувствомъ, на

коTERую она принудила себя еще такъ недавно. Ей не хотѣлось даже и защищать себя: она рѣшилась перенести съ покорностію и терпѣніемъ это новое испытаніе тѣмъ болѣе, что она считала его послѣднимъ.

— Чтѣ молчишь-то? продолжалъ Иванъ Прохорычъ, обращаясь къ дочери. Али говорить-то нечего: кругомъ въ грѣхахъ?

— Батюшка, прости меня за все? Больше я не буду виновата передъ тобой.

— Простить? а тотъ говорить, что ты и виновата ни въ чемъ.

— Не виновата я есть! отозвался Зосима. Батюшка, посмотри ты на нее: вѣдь, голубь она у насъ... Грѣхъ тебѣ и зло-то на нее имѣть... Подумай ты: вѣдь дѣвка она молодая, любила она его всей душой, а теперь только чтобы грѣха одного бѣжать, вовся реклася отъ него... Може сердце-то у нея теперь все изныло, а ты обижаешь ее... Грѣхъ, вѣдь, это, батюшка, тяжелой... жалости, вѣдь, она стѣитъ, а не то что ругательства... Подумай и то: училась, вѣдь, она наукамъ, жила въ нѣгѣ, да въ холѣ, а теперь Богъ привелъ ее съ нами жить, а мы хоша родные-родные, а все какова наша жистъ, привычна ли ей? а видалъ ли ты отъ нея какое непочтенъе, слыхалъ ли хошь одно слово неласковое. А ты, батюшка, обними-ка ты ее лучше, да поцѣлуй, да благослови своимъ родительскимъ благословеніемъ на ея тяжкое терпѣніе.

Иванъ Прохорычъ съ удивленіемъ слушалъ сына и не вѣрилъ ушамъ своимъ: отъ роду не приводилось ему и подумать, чтобы его пьянчуга Зосима, всегда молчаливый, кажись бы и не больно умный, могъ говорить такіа рѣчи. Откуда что взялось?... Правда, что съ тѣхъ поръ, какъ Зосима пересталъ пить, Иванъ Прохорычъ много измѣнился въ своемъ расположеніи къ нему, и лучше сталъ объ немъ думать, и ласковѣе смотрѣть на него, но все-таки услышать отъ Зосимы такую умную, складную и длинную рѣчь была для старика диковинка не малая—и онъ все еще смотрѣлъ на сына, и какъ будто слушалъ его даже и тогда, какъ тотъ

кончилъ. За то Арина давно уже плакала, обнимала и цѣловала Аннушку, и причитывала ей ласковыя слова. За нею заплакала и Александра.

— Да расскажи ты мнѣ, расскажи все путемъ и по порядку, какъ было дѣло.... сказалъ наконецъ Иванъ Прохорычъ.

Зосима началъ рассказывать, но уже рѣчь его не была такъ складна и кругла: онъ началъ по обыкновенію выражаться угловатыми, отрывочными фразами, особенно когда говорилъ о Дмитріѣ Петровичѣ, Аксинѣ и женѣ своей.

— Такъ-то вотъ мы всегда ее изобижаемъ, Иванъ Прохорычъ, изъ напраслины, сказала Арина, когда Зосима пересталъ говорить. Все-то она, моя голубушка, терпитъ отъ насъ одну обиду да поруганье за все ея смиреніе великое....

— Нѣтъ, матушка, я сама виновата! сказала растроганная Аннушка, простите вы меня, а я знаю, вы не отъ злобы это дѣлали, вы любите меня и желали мнѣ добра. Я сама виновата: хотѣла бѣжать отъ васъ, да братецъ остановилъ меня... Теперь ужъ не уйду... простите меня!...

— Ну Господь тебя проститъ и помилуетъ... Насъ-то ты тоже прости! сказалъ Иванъ Прохорычъ.

— А меня, сестрица, простите, коли я чѣмъ досадила вамъ! прибавила Александра.

— Ну вотъ, слава те Господи, ровно прощальные дни пришли: всѣ мы попрощались... Дай намъ Господи жить теперь въ мирѣ да въ радости! примолвилъ старикъ и перекрестился.

— Батюшка, а всѣмъ мы обязаны братцу! Богъ знаетъ, что бы со мной было, если бы не онъ! сказала Аннушка, какъ дитя утѣшенная и успокоенная тѣмъ веселымъ выраженіемъ, которое свѣтилось на лицахъ всѣхъ ея окружающихъ, тѣмъ миромъ, который вдругъ водворился между ними.

— Если вы любите меня, вы должны благодарить братца, потому что онъ меня спасъ! продолжала она.

— Ну вотъ!... Что я-то?... тебѣ-то каково?... отозвался Зосима.

— Вотъ ужъ и я скажу: не чаялъ, братъ, я, Зосима, отъ тебя экой удали... Спасибо тебѣ! сказалъ весело Иванъ Прохорычъ.

Но какъ ни старалась Аннушка увѣрить себя, что она не любить, какъ ни было въ ней охлаждено чувство благоговѣнія къ любимому существу, зерно любви, эта болячка сердца все-еще и на долго оставалась на днѣ ея души. Она старалась не говорить, не думать о Дмитріѣ Петровичѣ, но иногда образъ его невольно возставалъ передъ ея воображеніемъ, и мысль переносилась въ былое время, когда этотъ образъ былъ такъ чистъ, свѣтелъ и благороденъ, и тогда ей жалко было разставаться съ этими мечтами и грустно возвращаться къ печальной дѣйствительности.

Такъ шли дни за днями. Аннушка старалась быть веселою, но на душѣ у ней было тяжело. О Дмитріѣ Петровичѣ она не спрашивала, и ей ничего не говорили, только разъ какъ-то Александра рассказала, что встрѣтила его на полѣ; кромѣ этого она ничего не слыхала о немъ. Она никуда почти не выходила изъ дома, боясь встрѣтиться съ Дмитріемъ Петровичемъ.

Она не ходила и къ Августу Карлычу, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ постоянно находился въ разъѣздахъ по случаю дѣлъ, касавшихся имѣнія и порученныхъ владѣтелемъ его ходатайству.

Однажды впрочемъ Августъ Карлычъ, только-что возвратившись изъ города, прислалъ за Аннушкой, и, когда она пришла, сказалъ ей:

— Вотъ, Анхенъ, тебѣ открывается прекрасное мѣсто въ гувернантки въ одномъ довольно богатомъ семейномъ домѣ. Говорятъ, прекрасное семейство, живутъ постоянно въ усадьбѣ, отсюда верстъ 80, предлагаютъ жалованья полтараста рублей серебромъ; хочешь ли взять это мѣсто?

— Не знаю какъ, фатеръ; я ужъ привыкла къ роднымъ:

мнѣ трудно будетъ въ чужомъ домѣ.... впрочемъ я поговорю съ родителями.

Поговори, а я совѣтовалъ бы воспользоваться этимъ случаемъ.... что ты живешь ~~теперь~~: скучаешь, не приносишь пользы ни себѣ, ни роднымъ, а тогда бы ты могла и имъ помогать.... Притомъ ты исполнила бы желаніе Амаліи. ~~А~~ она любила тебя и совѣтовала непременно идти въ гувернантку....

Августъ Карлычъ вздохнулъ; брови его угрюмо сдвинулись при воспоминаніи о женѣ.

— Подумай!... я совѣтовалъ бы....

Аннушка сама чувствовала, что жизнь гувернантки, давши ей опредѣленное назначеніе и дѣятельность, много помогла бы освободиться отъ постоянной тоски и забыть недавнее горе.

— Благодарю тебя, фатеръ! сказала она. Я поговорю съ родными, и если они согласятся, я поѣду.

Когда Аннушка передала дома предложеніе своего благодѣтеля, Иванъ Прохорычъ задумался, Зосима мрачно насутился и молчалъ, одна Арина тотчасъ же подняла голосъ.

— Полно, Аннушка, матушка, по что тебѣ въ чужіе люди идти? Развѣ нѣтъ у тебя родной семьи? Развѣ не любимъ мы тебя, не жалѣемъ? то ли, кажись, не жись тебѣ у насъ?... развѣ чѣмъ не угодили мы тебѣ?

— Я благодарна вамъ, матушка, только мнѣ совѣстно, что я такъ живу у васъ безъ всякаго дѣла, ничѣмъ не помогаю вамъ; а если я буду жить въ гувернанткахъ, я и вамъ могу помогать, потому-что мнѣ не много нужно.

Нѣту, дочка, ты не то говоришь, и Арина не то калякаетъ: ты намъ тяготы не дѣлаешь, не чужое дѣтище, свое, и отъ насъ ты притѣсненія никакого не видала,—коли и была какая межъ нами ссора, такъ не отъ сердцовъ, а ужъ такой грѣхъ былъ, да и тотъ, слава Господу, прошелъ, дай Богъ, чтобы и никогда не приходилъ, а надо то молвить, что тебѣ жись-то у насъ не сподручна, не такъ ты учена, не къ тому, къ чему наше житіе принадлежитъ, такъ вотъ по этому самому тебѣ лучше въ домъ идти жить въ эти.... какъ ихъ? и не выговорю, а не то, что для того—намъ помогать будешь:

намъ твоего не надо, своимъ проживемъ, намъ только молиться, кабы тебя-то Господь какъ устроилъ, чтобы тебѣ не вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть.... Вотъ мое какое разсужденіе, а и то сказать: свой умъ—царь въ головѣ. Мое благословленіе на всю твою волю, какъ хошь: хошь—у насъ живи—радеховъки, хошь—въ люди пойдѣ—и то не худо: самъ я вижу, тебѣ съ нами жить—нечего ждать, да и дѣлать нечего.

— Дѣло ты сказалъ, батюшка, самое дѣло! примолвилъ Зосима, — и ты, Аннушка, слушай родительскаго святаго слова... Поѣзжай, наша голубка, съ Богомъ!... авось тамъ....—голосъ у Зосимы порвался, онъ не договорилъ своей мысли: ему тяжело было разставаться съ Аннушкой.

Послѣ такого рѣшительнаго согласія главныхъ членовъ семейнаго совѣщанія, Арина нечего было возражать болѣе: она ограничилась только слезами. Кстати заплакала и Александра.

Начались сборы, проготовленія къ отъѣзду. Августъ Карлычъ вызвался самъ отвезти Аннушку.

Наконецъ насталъ и канунъ отъѣзда, послѣдній вечеръ, послѣдняя ночь, которую Аннушка должна была провести подъ родной кровлей, приготовляясь вступить въ новую для нея жизнь, слѣдовательно страшную, всегда пугающую воображеніе. Въ этотъ вечеръ вся семья собралась вмѣстѣ.

Всѣ лица были печальны, а лицо Зосимы мрачно, какъ глухая осенняя ночь; вся бесѣда шла какъ-то отрывочно, несвязно, а Зосима и вовсе ничего не говорилъ.

— Вотъ, Аннушка, уѣдешь ты отъ насъ въ чужіе люди, говорила Арина, всего, можетъ, натерпишься, и насъ вспомнешь. Каковы не будутъ, а все не родные отецъ съ матерью, не ихъ теплая грудь....

— Да, въ чужихъ людяхъ жить, надо умъ знать! замѣчалъ Иванъ Прохорычъ. Ко всему надо привыкать, на все присматривать: какъ ступить, какъ стать, какъ себя повести во всемъ.... Правда, не живалъ я въ чужихъ людяхъ, не приваживалось, а такъ какъ по разуму своему домекаю.... Охъ, куда мудреное дѣло, коли только хочеть человѣкъ себя

соблюсти, чтобы всѣ любили, да не брезгали.... Всякому почти, всякому угоди!...

— Ужь на что хуже въ чужихъ людяхъ жить! подтверждала съ своей стороны и Александра. Ужь подлинно, нааетесь вы, сестрица....

— Полно-ка, Александра, что молвила, ровно каркнула: наается? дай Богъ въ радости, да въ покоѣ жить, къ тому говорятъ! замѣтила Арина.

— А я-то, матушка, не къ тому что ли говорю? И я къ тому же самому.

— Пиши къ намъ, доченька! отписывай обо всемъ, начала опять Арина, какова твоя жись будетъ, кто твои будутъ други ли, не-други.

— И насъ, сестрица, не забывайте, подхватила Александра, и на нашу долю иной разъ приписочку припишите: какова бы ни была, худа ли, хороша ли, а всегда вѣсь всей душой стараюсь. Обиды, чай, отъ меня не видали никакой.

— А пуще того Богу молись, говорилъ Иванъ Прохорычъ, чтобы помиловалъ тебя Творецъ Небесный, соблюлъ отъ всякаго соблазна и пскушенія.... На лъстивыя слова не поддавайся, добро твори разсуждаючи, а то одному подашь, а другому и нечего, а ему и больше бы того нужно. Себя содержи въ чистотѣ — и Богу угодна будешь. Родителями не гнушайся, какъ бы тебя Господь ни возвеличилъ: Онъ возвеличить, Онъ и умалить.... Вотъ что помни, Аннушка, такова моя тебѣ родительская заповѣдь.

— Слушаю, батюшка, и не забуду твоихъ словъ! отвѣчала Аннушка. Въ такомъ духѣ шла бесѣда до глубокой ночи.

— Ну-ка, Аннушка, тебѣ, чай, и спать пора! сказала наконецъ Арина. Завтра, вѣдь, рано поѣдете.

— Да, поди-тка, Аннушка, ложись. Ужь и у меня ничто глаза слипаются. Умаялся день-то деньской.

— Ложись, батюшка, ложись и ты, матушка; прощайте, а я еще посижу: мнѣ что-то не хочется спать.

— И я съ вами посижу, сестрица, и мнѣ что-то не до сна! говорила Александра.

— Ну-ка полно, что за сиденье: завтра головушка разболится, тоже дорога не малая. И мнѣ не уснуть, коли ты не ляжешь! возразила Арина.

— Ну такъ л, пожалуй, лягу, матушка.

— Подемъ, я тебя остальной разъ уложу, мою косатку....

— Радость ты наша, уѣдешь ты отъ насъ!... не съ кѣмъ мнѣ будетъ и слово ласковое перемолвить, не на кого и посмотреть, порадоваться.... Уѣдетъ моя красавица писаная! приговаривала Арина, утѣвшись на кровати дочери и поглаживая по обыкновенію ея спину.

На другой день наступили и проводы. Аннушка, не чуждая святаго крестьянскаго обычая, прощалась съ отцомъ и матерью, въ горькихъ слезахъ пала имъ въ ноги, а они благословили ее образомъ, который и отпустили съ нею.

— Закатается мое красное солнышко, отлетаетъ моя голубка сизокрылая, отрывается отъ моего сердца моя радость ненаглядная, моя доченька сердечная! причитала Арина, прощаясь съ дочерью, и громко рыдала..

— Ну, старуха, перестань! говорилъ Иванъ Прохорычъ. Отпущай ее: пора—управитель-то, чай, дожидается. Что, вѣдь, дѣлать-то: видно, такъ Богу угодно; хошь все плачь, а разстаться надобно.... Дай Богъ въ радости! Прощай, Аннушка! Будь надъ тобой Богъ!...

— Прощайте, сестрица! насъ не забывайте, а мы васъ не забудемъ! говорила Александра и плакала.

Но опять ни слова не говорилъ одинъ только Зосима, но лицо его было еще мрачнѣе, нежели вчера. Не плакалъ онъ до сихъ поръ, но когда пришла его очередь прощаться съ Аннушкой и та бросилась къ нему на шею со слезами и словами:

— Прощай, прощай, братецъ!... благодарю тебя!... —Зосима не выдержалъ и горько заплакалъ.

— Прощай! вымолвилъ онъ, прощай!... охъ, Аннушка!... прощай!...

— Братецъ, ты не забудь безъ меня своего слова! сказала Аннушка на ухо брату.

— Нѣту!... отвѣчалъ Зосима, и уже не въ силахъ былъ удерживать слезы, которыя старался скрыть.

Долго провожала глазами вся семья тарантасъ, въ которомъ поѣхала Аннушка съ Августомъ Карлычемъ, но вотъ онъ повернулъ въ сторону, скрылся изъ глазъ, и даже облако пыли, поднятое имъ по дорогѣ, разстѣялось. Тогда уныло опустивши головы, какъ бы осиротѣлые, поплелись домой Иванъ Прохоровъ, Арина и Зосима, и принялись за свои обычные труды.

Послѣ отъѣзда Аннушки Зосима сталъ угрюмъ и неразговорчивъ по прежнему. Тяжело у него стало на душѣ и опять подъ сердцемъ засосало, но въ-время подоспѣло письмо отъ Аннушки, которое она писала уже изъ новой семьи, принявшей ее въ число своихъ членовъ. Очень хвалила она все это семейство, уведомляла, что ее приняли очень ласково, и что она надѣется быть счастливою въ своемъ новомъ положеніи. Въ этомъ же письмѣ она напоминала Зосимъ данное имъ ей слово.... О чемъ было дано это слово, Зосима не сказалъ ни женѣ, ни отцу, ни матери, но исполнилъ его, и каждый день молился о здравіи и спасеніи Аннушки.

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

Киевщина.

23 іюля 1853 года.

Дальнѣйшая судьба Аннушки изображена авторомъ въ особой драмѣ, которая будетъ напечатана въ свое время.

Б Е Р Т А.

§ 1.

Вечеръ былъ прекрасный; я прошла черезъ садъ и пустилась по узкой тропинкѣ, которая извивается съ вершины утесовъ до самаго моря. Я держала въ рукѣ цвѣты, подаренные мнѣ имъ, и свѣжій вѣтерокъ, который развѣвалъ волосы на челъ моемъ, былъ напоенъ ихъ сладостнымъ благоуханіемъ! Я такъ была счастлива. Я не спрашивала себя, почему, но какое-то новое, невѣдомое мнѣ чувство блаженства переполняло и животворяло мое сердце. Стоя неподвижно на берегу обширнаго моря, созерцая тихое великолѣпіе заходящаго солнца, я чувствовала то, чего не испытывала съ самаго дѣтства, когда молилась Богу на колыняхъ у моей матери. Я дошла по берегу до мокраго песку, на который, играя, плескали морскія волны. Даже самые темные утесы отражали радостный блескъ заката, и серебряныя облака, плаваая въ лазурномъ пространствѣ, казалось, подобно мнѣ, были счастливы. Никогда еще красота природы неговорила такъ громко моему воображенію, какъ въ этотъ вечеръ.

Я взобралась на большой черный утесъ, чтобы дойти до любимаго моего утѣшища въ его углубленіяхъ.—Утесъ этотъ, даже въ часы самаго высокаго прилива, возвышается надъ поверхностію моря, и со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, гдѣ волны, постоянно ударяя, открыли себѣ путь, окруженъ острыми, темноватыми вершинами самыхъ причудливыхъ формъ. Какъ часто я любила здѣсь находиться, отдаленная отъ цѣлаго міра, имѣя передъ глазами только небо и море; мнѣ казалось,

что этотъ таинственный, необъятный океанъ, вѣчно тревожный, даже въ такой спокойный и великолѣпный вечеръ, сочувствовалъ моему живому умиленію. Я сжала цвѣты въ рукахъ моихъ; подняла глаза къ лазурному своду, откуда смотрѣла на меня звезда, горѣвшая кроткимъ сіяніемъ, и возблагодарила Бога за то, что Онъ создалъ міръ такимъ прекраснымъ, а меня сдѣлалъ такою счастливою!

Я думала о моей матери, о безпредѣльной любви, которую всегда къ ней имѣла, и которая, съ самаго дня ея смерти и до сей минуты, казалось, спала въ груди моей. Я съ нѣкоторымъ угрызеніемъ, смѣшаннымъ съ набожностію, думала о томъ, чѣмъ я была такъ долго, чѣмъ была еще не далѣе, какъ за двѣ недѣли передъ стѣю. Ахъ! если бы у меня было кого любить, неужели бы я когда-нибудь сдѣлалась тою гордою, непреклонною и холодною молодою дѣвушкою, какою меня называли. Холодною! О, какъ они далеки были отъ того, чтобы угадать скрытое пламя, которое я такъ долго заглушала въ душѣ моей, и ту потребность измѣненія, ту неопредѣленную нѣжность, которой порывы я сама въ себѣ подавляла. Никто меня не понималъ, и все судили меня строго. Я жила въ одиночествѣ, никому не внушая ни участія, ни сочувствія.

Но, наконецъ, у меня было существо, которое я могла любить—существо, которое давало цѣну любви моей, которое также меня любило;—я была въ томъ увѣрена, хотя мы не разиѣнялись ни однимъ словомъ любви. Какой святой миръ низводила эта увѣренность въ сердце мое, столь безпокойное, столь тревожное, столь обильное бурями, съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало быть сердцемъ ребенка и сдѣлалось сердцемъ женщины.

Отнынѣ моя душа была полна сочувствія къ цѣлому свѣту и къ себѣ самой. Я склонилась надъ широкой трещиной въ утѣсѣ, гдѣ скопилась, какъ въ бассейнѣ, дождевая вода. Въ этомъ темномъ зеркалѣ отразилось лицо мое съ правильными, хотя, быть можетъ, и нѣсколько рѣзкими чертами, съ большими черными глазами и густыми волосами, которые показались мнѣ прекрасными, потому что Жофрей вчера похвалилъ ихъ. Я взяла въ руку одинъ изъ моихъ длинныхъ

локоновъ, поцѣловала его и чувствовала, какъ на руку мою упала слеза.... Какой я еще ребенокъ!

Солнце исчезло, когда я воротилась домой. Подымаясь на утесъ, я увидѣла Жоффрел; онъ стоялъ, прислонившись къ рѣшеткѣ сада и наклонивъ голову; волосы, съ привычною небрежностію, падали ему на лобъ.

— Я ждалъ васъ, Берта. Я вездѣ васъ искалъ; но у васъ въ утесахъ тайныя убѣжища, какъ у морскихъ ласточекъ.

Кто когда меня ждалъ до сихъ поръ? Кто заботился о моемъ отсутствіи, кто, даже, замѣчалъ его? Кто считалъ часы моей отлучки съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась матери? Я все это чувствовала, спокойно подходя къ нему, устремивъ глаза на песокъ тропинки, не смѣя взглянуть на него, потому что я чувствовала, что взоръ его на меня устремленъ.

Онъ отворилъ рѣшетку, тихо положилъ мою руку на свою, и мы медленно отправились домой.

— У насъ нынче гости, сказалъ онъ; молодая дѣвушка, которую зовутъ, кажется, миссъ Лестеръ, должна даже остаться ночевать у мистриссъ Варбѣртонъ. Вы знакомы съ нею?

— Я слыхала объ ней отъ батюшки, но сама никогда ее не видала.

— Г. Лестеръ, какъ видно, зналъ также и моего отца въ молодости, и по этому случаю, тотчасъ обошелся со мною, какъ съ давнешнимъ знакомымъ. Это дворянинъ стариннаго покроя, учтивый, съ прекрасными пріемами, большой наблюдатель этикета; говорить прекрасно. Онъ мнѣ нравится. Истинные образцы древней вежливости такъ рѣдки въ наше время!

Говоря это, онъ трясъ вѣтки воздушнаго жасмина, окаймлявшаго аллею, по которой мы шли.

— Мистриссъ Варбѣртонъ, продолжалъ онъ, (никогда, говоря со мною, онъ не называлъ иначе моей мачихи), мистриссъ Варбѣртонъ завтра отправляется съ миссъ Лестеръ дня на два, или на три, въ Ф.... Что вы объ этомъ скажете, Берта? У насъ останутся лошади, для нашего собственнаго употребленія. Мы станемъ скакать по песчанымъ отбѣлямъ, сколько душѣ угодно, какъ мы, помните, съ вами условились.

Я молчала; онъ съ любопытствомъ наблюдалъ за мною.

— О, вы не станете досадовать на этотъ случай, Берта, говорилъ онъ; вы сохраняете скромное молчаніе, но глаза ваши говорятъ за васъ, и я понимаю ихъ языкъ. Зачѣмъ торопиться? они всѣ въ теплицѣ, — смотреть на жалкіе образчики, которые осмѣливаются здѣсь называть цвѣтами; какъ будто-бы нѣжные цвѣты, родившіеся подъ южнымъ небомъ, могли жить на окраинахъ вашихъ мрачныхъ пропастей.

Онъ снова посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и улыбкой. — Какъ! Берта, ни одного слова въ пользу вашихъ корнвальскихъ утесовъ. Я ожидалъ, что вы страшно оскорбитесь моею грубостію. Развѣ вы уже устали защищать любимыя мѣста вашего дѣтства, или начинаете подозревать, что мои нападки происходятъ не отъ чистаго сердца?

Не помню, что я прошептала въ отвѣтъ.

— Вы знаете, что и я также люблю ихъ, продолжалъ онъ; да, я люблю древніе песчаные холмы вашихъ прибрежій и ваши суровые утесы. Могъ ли я ожидать, когда отецъ вашъ такъ настоятельно приглашалъ меня съ нимъ ѣхать, что я буду проводить такіе счастливые дни въ этой дикой сторонѣ. Еще менѣе ожидалъ я найти въ смугломъ и нелюдимомъ ребенкѣ, о которомъ сохранилъ воспоминаніе, такую милую подругу, такого совершеннаго друга! Вы не знаете, Берта, какъ много я обязанъ вашей дружбѣ и какое добро она мнѣ сдѣлала! Я чувствую себя во сто разъ лучше, нежели былъ назадъ тому мѣсяцъ. Если бы, въ теченіе всѣхъ утраченныхъ годовъ моей жизни, у меня была мать, или сестра, то я гораздо лучше понималъ бы міръ и благодѣянія Божіи. Нѣтъ, Берта, погодите еще, я вамъ говорю, что они показываютъ миссъ Лестеръ бѣдные маленькіе гераніумы и другія хилыя растенія, которыми такъ гордятся мистриссъ Варбѣртонъ. Чай подадутъ не прежде, какъ черезъ полчаса; а намъ такъ хорошо здѣсь!

Мы остановились на террасѣ, которая огибала южный фасадъ дома. Это было самое возвышенное мѣсто изъ всего нашего помѣстья; отсюда видѣнь былъ берегъ на нѣсколько миль разстоянія. Первые лучи мѣсяца трепетали на поверх-

ности моря; бѣлая пѣна волнъ также оживляла его необъятное пространство и означала мѣсто, гдѣ волны разбивались объ утесы. Безмолвный подобно мнѣ, безъ сомнѣнія погруженный въ тѣ же мысли и въ такое же созерцаніе, онъ, отъ времени до времени, жалъ руку, которую я оставила въ рукъ его.

— Берта, вамъ холодно, сказалъ онъ вдругъ; быть можетъ, слишкомъ поздно оставаться на воздухѣ, по крайней мѣрѣ, для васъ. Роса пала на землю, и ваши локоны всѣ развились. Должно идти домой. И такъ, простимся на этотъ вечеръ съ луной, съ моремъ, съ звѣздами! простимся также, Берта, и съ нашими пріятными бесѣдами. Общество призываетъ насъ; невольники его приличій, мы должны тѣмъ болѣе казаться веселыми, чѣмъ болѣе скучаемъ. Не въ правъ ли я желать, чтобы эта миссъ Лестеръ, такъ не кстати упавшая посреди насъ, какъ будто съ облаковъ, очутилась за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда, въ Калькуттѣ, Гайдерабадѣ, гдѣ-нибудь, въ антиподахъ отъ нашего мирнаго семейнаго круга. Скудный вечеръ ждетъ насъ, Берта; отецъ вашъ не заснетъ надъ своимъ журналомъ, а мистриссъ Варбѣртонъ надъ своимъ шитьемъ! Фортепіано уже не будетъ принадлежать намъ однимъ. Не досадно ли это?

При входѣ моемъ въ залу, батюшка позвалъ меня и представилъ мнѣ молодую особу, сидящую возлѣ него.

— Марія Лестеръ, дочь моего стариннаго школьнаго товарища, о которомъ я такъ часто тебѣ говорилъ, Берта.— Они пріѣхали на нѣсколько дней въ Ф..., и Марію нетерпѣливо хотѣлось съ тобой познакомиться.

Съ движеніемъ дѣтскаго радушія, смѣшаннаго съ живостию и съ робостию, миссъ Лестеръ взяла меня за руку, потомъ посмотрѣла на меня съ выраженіемъ глубоко любящей души,— съ выраженіемъ, котораго позже я должна была испытать все могущество. Тогда я замѣтила прежде всего близнзу маленькой руки, которая сжимала мою руку,—тоже небольшую, но такую смуглую! Я всегда была осторожна и даже довольно непреступна съ незнакомыми; но въ этотъ вечеръ, я сама не могла себѣ надивиться: такъ смягчились мои пріемы,

такъ сердце влекло меня къ этой новой подругѣ, когда я въ свою очередь, сжимала ея руку. Батюшка, казалось, столько же обрадовался, сколько удивился этой перемѣнѣ.

— Славно! сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто, славно; вы будете друзьями, какъ были ваши отцы.

— Я надѣюсь этого, прошептала Марія робкимъ голосомъ, удерживая мою руку въ своей, между тѣмъ какъ я подходила къ моему обыкновенному мѣсту за чайнымъ столомъ. Она съѣла возлѣ меня; а Жофрей изъ впадины окна, гдѣ онъ стоялъ, наблюдалъ за нами съ выраженіемъ неудовольствія. Я такъ хорошо понимала каждую складку его губъ; такъ легко толковала малѣйшее измѣненіе его лица, малѣйшее движеніе его. нѣсколько гордой, головы! Ясно было, что онъ не одобрялъ моей непривычной любезности съ незнакомою; быть можетъ, онъ даже ревновалъ къ такой живой и внезапной дружбѣ. Какъ эта мысль дѣлала меня счастливою! Я невольно удвоила мою нѣжность къ дѣвушкѣ, сидящей возлѣ меня, и которая ужъ, конечно, никакъ не могла бы не отгадать, какому чувству она была обязана этими веселыми изліяніями моего сердца. Жофрей оставался нѣсколько времени безмолвнымъ, между тѣмъ, какъ отецъ мой пробѣгалъ свой журналъ, а мачиха считала стежки въ шитьѣ своемъ. Наконецъ батюшка невольно обратилъ на него вниманіе.

— Что съ тобой сдѣлалось, Жофрей! закричалъ онъ ему. Право, нынче день превращеній. Наша тихая и молчаливая Берта щебечетъ, какъ птичка; а ты, который обыкновенно оживляешь наши маленькіе вечера, стоишь безмолвный и неподвижный, какъ египетская мумія.

— «Говоруны, отвѣчалъ онъ съ наиграннымъ улыбкою какъ стѣнные часы; ихъ довольно по одному на каждую комнату. Здѣсь это мѣсто, нынѣшній вечеръ, занято превосходно.» Это послѣднее размышленіе сопровождалось быстрымъ взглядомъ на мою сторону, и вставъ съ стула, на который онъ присѣлъ на минуту, Жофрей воротился къ окну.

— Берта, Берта! вскричалъ онъ, почти въ тоже время: подите сюда, посмотрите на эту звѣздочку. Я оставила Марию съ моею мачихою и подошла къ нему.

— Какъ могли вы, сказалъ онъ потихоньку, въ одну минуту пристраститься къ этой восковой куколкѣ? Вы ужъ не ребенокъ, чтобъ играть въ куклы. Если этой внезапной и сильной дружбѣ суждено длиться, то я здѣсь лишній и завтра же отправляюсь въ Лондонъ.

— Милый Жофрей, возразила я, какъ же могу сдѣлать менѣе? вѣдь она дочь друга моего отца? и развѣ вы забыли обязанности гостепріимства? Пожалуйста, подите, присоединитесь къ нашему разговору; помогите мнѣ занимать ее.

— Я не гожусь въ игрушки щеголихамъ; терпѣть не могу этѣхъ, хорошо воспитанныхъ барышень. Она скоро выучитъ васъ гримасничать, какъ сама, и когда мы снова останемся одни, нельзя будетъ узнать васъ. Намъ было такъ хорошо до этого посѣщенія, прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ. Она все испортила. Прости наша музыка вдвоемъ, и наши астрономическіе уроки и наши метафизическіе споры. Какъ можете вы не сердиться на нее, Берта?

Я почувствовала живѣйшее сожалѣніе къ бѣдной дѣвушкѣ, которую онъ такъ мало цѣнилъ.

— Право, она такая кроткая и любезная, Жофрей; вы, вѣрно, ее полюбите, когда рѣшитесь заговорить съ нею и быть пообщительнѣе.

— Общительнѣе, вѣчно одна и та же пѣсня! Я бы желалъ быть съ вами на этой звѣздѣ, Берта. Въ моемъ жилище, всегда ходили бы по двое, никогда втроемъ.

Я видѣла, что онъ готовъ былъ растрогаться и возвращался къ своей обыкновенной разговорчивости.

— Ну, сказала я, будьте же благоразумны и придите, поговорите съ нами.

Онъ поправилъ свои волосы съ движеніемъ, которое было ему привычно, когда онъ хотѣлъ отогнать непріятную мысль, и сказалъ мнѣ, улыбаясь самою милою своею улыбкою: Милая Берта, развѣ можно противиться вашему голосу, проникающему въ душу, магнитическому вліянію вашихъ большихъ черныхъ глазъ? Оставимъ, если вы хотите, звѣзды и спустимся на землю.

Мы оба отправились и съѣли возлѣ миссъ Лестеръ; обрадованная тѣмъ, что могла молчать въ мою очередь, я слушала Жоффрея, который своимъ оживленнымъ разговоромъ, казалось, хотѣлъ вознаградить потерянное время. Сама Марія едва, отъ времени до времени, бросала нѣсколько словъ въ разговоръ, который онъ одинъ поддерживалъ. Красота моей новой подруги поразила меня съ первой минуты. Это была самая прелестная головка, о которой только могъ мечтать миниатюрный живописецъ, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію; но меня особенно поразила противоположность ея блѣдурихъ, золотистыхъ волосъ, матовой бѣлизны лица, голубыхъ глазъ и нежныхъ, тонкихъ очертаній съ смуглою фигурою, на которую, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, я смотрѣла въ зеркалъ воды, и на красоту которой, болѣе суровую, онъ первый указалъ мнѣ.

На другой день, тотчасъ послѣ отъѣзда мачихи моей съ миссъ Лестеръ, Жоффрей и я отправились верхомъ по песчанымъ буграмъ и прибрежнымъ равнинамъ.

Время было ненастное. Вѣтеръ дулъ съ необыкновенною силою. Облака пробѣгали по небу темными массами, и ни одинъ лучъ солнца не освѣщалъ обширное пространство, по которому мы скакали.

Я находила неодолимую прелесть въ этой дикой сушѣ, въ безплодной равнинѣ, въ ревѣ мрачнаго моря, усыпаннаго пѣною, которое, смѣшивало свои волны съ облаками горизонта. Я наслаждалась моими безмолвными мечтами, какъ вдругъ, первыя слова Жоффрея удивили меня странною противоположностію между его мыслями и моими.

— Какой печальный день! сказалъ онъ. Какой видъ запустѣнія въ этой огромной, безплодной равнинѣ! И какой вѣтеръ! такъ и бьетъ и рѣжетъ лице! Онъ дѣлаетъ это какъ будто съ особеннымъ озлобленіемъ! Какъ вы можете ему противиться, Берта? Какая вы амазонка!

— Хотите воротиться? спросила я съ неопредѣленнымъ чувствомъ грусти. И посмотрѣвъ вокругъ себя, я также нашла, сама не знаю почему, видъ равнины однообразнымъ и безотраднымъ, а звуки вѣтра показались мнѣ жалобными сто-

нами.—Вы не привыкли, прибавила я, къ нашимъ западнымъ непогодамъ. Быть можетъ, лучше отложить прогулку до болѣе благопріятнаго времени.

— Нѣтъ, нѣтъ; не должно быть такимъ трусомъ. При томъ же мы не можемъ испытать подобной погоды въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; есть своего рода удовольствіе мчаться на безстрашныхъ коняхъ по обширной равнинѣ, которая, не смотря на все, чего недостаетъ ей въ живописномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, превосходное поле для бѣга.

Онъ прищипорилъ лошадь, говоря такимъ образомъ, и мы долго скакали. Облака продолжали скопляться надъ нашею головою; вскорѣ упала первая и крупная капля дождя, за нею другая, третья, и наконецъ множество. Жофрей такъ быстро остановилъ свою лошадь, что бѣдное животное чуть чуть не упало.

— Вотъ еще новое прибавленіе къ пріятностямъ прогулки! сказалъ онъ шутливымъ, но насмѣшливымъ тономъ. Къ программѣ увеселеній не доставало только проливнаго дождя. Въ этой гадкой черной и круглой тучѣ довольно воды, чтобы три раза затопить лошадей и всадниковъ. Какъ избавиться отъ потопленія?

Я въ совершенствѣ изучила страну, и знала, что мы находились по близости отъ огромныхъ утесовъ, которыхъ причудливыя формы и странныя сцѣпленія составляютъ одну изъ достопримѣчательностей коривальскаго берега. Мы постыжились до нихъ добраться, сошли съ лошадей, и помѣстивъ ихъ подъ навѣсъ утеса, сами укрылись подъ другимъ.

— Благословенное углубленіе! вскричалъ Жофрей. Если бы наши ученые открыли наконецъ, какимъ образомъ зашли сюда эти странныя гранитныя массы, то мы, по крайней мѣрѣ, знали бы, кому обязаны этимъ убежищемъ. Боже! какой вѣтеръ!

Мы находились на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ порывы вѣтра были необыкновенно сильны, и для того, чтобы не быть сорванною, я должна была два или три раза уцѣпиться за утесъ.

— Берегитесь, Берта, чтобы вас не свесло втроемъ, сказалъ онъ, взявъ меня подъ-руку; это было бы не первое похищеніе, въ которомъ сдѣлаю виновнымъ Эолъ; вы помните мифологию. Я отвѣчаю за васъ. Какъ вы блѣдны!

— Это не отъ страха.

— О! нѣтъ, я знаю.

Другой порывъ вихря налетѣлъ на насъ.

— Сожмите хорошенько мою руку, прибавилъ онъ: теперь ужъ я начинаю бояться.

Никогда я не чувствовала себя счастливѣе; никогда умъ мой не былъ яснѣе, какъ среди этой борьбы стихій, когда я стояла рука объ руку съ Жоффеємъ.

— Дай Боже, чтобы моя мачиха и миссъ Лестеръ, которыя отправились почти вмѣстѣ съ нами, доѣхали до мѣста; дорога пустынная... и если ихъ настигнетъ гроза....

— Онъ поѣхали въ фаэтонъ, отвѣчалъ онъ съ безпечнымъ видомъ; и теперь ужъ вѣрно близко къ городу. Чтѣ бы стала дѣлать бѣдная восковая куколка въ такую бурю: вѣтеръ разбилъ бы ее, какъ стекло.

Эти размышленія были прерваны порывомъ вѣтра, который, казалось, потрясъ, въ самомъ основаніи, громаду утесовъ, къ которымъ мы были прислонены и подъ которыми нашли защиту. Въ ту же минуту вышалъ настоящий потокъ огромныхъ градинъ, которыя вѣтеръ гналъ намъ прямо въ лице, и которыя мгновенно прервали нашъ разговоръ. Между тѣмъ, посреди столькихъ смѣшанныхъ звуковъ, мнѣ слышался въ некоторомъ разстояніи человѣческій крикъ; но когда я сказала о томъ Жоффею, онъ расхохотался.

— Нѣтъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ, — это голосъ духа бури. Рѣшительно, вы принадлежите къ великой романтической школѣ.

— А кто же мышаегъ, возрадила я, нѣсколько обидясь, и другимъ укрыться, подобно намъ, въ этихъ утесахъ? Дорога, которая идетъ лугами, не такъ далеко.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ онъ со смѣхомъ, мнѣ больше нравится прежнее рѣшеніе задачи: если это не духъ бури, который и такъ довольно шумитъ другимъ образомъ, то ужъ

навѣрное геній уединенія, котораго покой нарушило наше присутствіе.

— Я не шучу, Жофрей; я слышала крикъ женщины. Тс... слышите? голоса!—Градъ пересталъ; самый вѣтеръ началъ затихать за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Я покинула руку Жофрея, отважилась выйти изъ нашего убѣжища и посмотрѣла вокругъ себя. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, лошадь, съ которой ручьями лилъ дождь. Я тотчасъ узнала нашего бѣднаго Колина, котораго утромъ запрягли въ фаятонъ моей мачахи. Какъ можно себя представить, онъ стоялъ, понуря голову, потому что принялъ на себя весь градъ, отъ котораго одинъ только фаятонъ могъ укрыться подъ широкимъ навѣсомъ утесовъ, гдѣ мы вскорѣ и нашли его.

Миссъ Лестеръ, напуганная бурей, оступилась на подножкѣ, выходя изъ фаятона, и вывихнула себѣ ногу. Отъ боли она закричала, и этотъ-то крикъ долетѣлъ до насъ.

Я нашла ее лежащею на подушкахъ фаятона, какъ на диванѣ; щеки ея были блѣднѣе обыкновеннаго, и рѣсницы почти закрыты; однакожь она улыбнулась при нашемъ приближеніи.

Я первая совѣтовала отложить пѣздку въ Ф..., гдѣ дамъ не могли ждать въ такую бурю. Жофрей вполне со мною согласился, и съ своею обычною рѣшимостію, не давъ мистриссъ Варбѣртонъ времени очнуться отъ своихъ колебаній и своего мигрени, онъ привелъ мой планъ въ исполненіе. Сначала, дѣло было въ томъ, чтобы положить миссъ Лестеръ въ фаятонъ.

— Извините меня, сказалъ онъ, но ваши ножки на эту минуту не могутъ служить вамъ, точно также какъ ноги знатныхъ китаянокъ; а у насъ нѣтъ паланкина...—Не говоря больше ни слова, онъ взялъ ее на руки, какъ ребенка, и бережно положилъ на подушки фаятона. Слабый румянецъ озарилъ блѣдное лицо дѣвушки; ни разу еще не казалась она мнѣ такою хорошенькою; это была моя единственная мысль въ ту минуту. Мы отпустили фаятонъ, и сѣвъ на лошадей, молча за нимъ послѣдовали. Буря разсыялась; вѣтеръ разносилъ послѣднія тучи. Потомъ я пустилась вскачь, чтобы прѣхать домой прежде

всѣхъ и все приготовить къ приему дамъ. Что касается до Жоффрея, то онъ не могъ безъ нарушенія учтивости обогнать экипажъ.

Когда Марию Лестеръ уложили на диванъ въ хорошенькой, маленькой гостиной, которая вела въ оранжерею, Жоффрей пришелъ къ намъ, взялъ стулъ и книгу. Я просила его почитать намъ вслухъ; Марія присоединила свои просьбы къ моимъ. Онъ подвинулся къ софѣ и началъ читать. Больная, положивъ голову на руку, смотрѣла на него робко и почти вскользь она, казалось, съ такимъ же живымъ участіемъ слѣдила за подвижною фizioноміею чтеца, какъ и за самымъ чтеніемъ. Я взяла шитье, и устремивъ глаза на работу, не смотря на Жоффрея, видѣла все, что онъ дѣлаетъ. Онъ читалъ нѣмецкую повѣсть: исторію брата и сестры, столь нѣжно любившихъ другъ друга, что когда иная любовь пробудилась въ сердцахъ дѣвушки, то она пожертвовала ею, чтобы не оставлять брата, у котораго была одна въ цѣломъ мірѣ. По окончаніи чтенія, я увидѣла, что въ глазахъ миссъ Лестеръ блистали слезы. Самъ Жоффрей казался тронутымъ, но нарочно засмѣялся, чтобы разсвѣтъ грусть Маріи.

— Неужели вы одобряете, *mesdames*, подобное правило, доведенное до его послѣднихъ крайностей? Жизнь была бы тогда постояннымъ жертвованіемъ счастья, и всѣ жертвовали бы собою другъ другу безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Самая большая сумма несчастій для самаго большаго числа людей,—таковъ, по видимому, девизъ этой слезливой школы. Бѣдная Гильдегонда! Бѣдный Карлъ! бѣдный Лудвигъ! Трое несчастныхъ—понапрасну, потому, что Лудвигъ не можетъ быть счастливъ жертвованіемъ сестры своей! Не такого же ли вы мнѣнія, миссъ Лестеръ?

Марія улыбнулась, и наклонила голову съ ребяческою застенчивостію, чтобы скрыть свои влажные глаза.

— Нѣтъ, сказала она послѣ минутнаго размышленія: я люблю эту исторію о братьяхъ и сестрахъ. У меня есть братъ, съ кототымъ я не рассталась бы ни за что на свѣтѣ.

Говоря такимъ образомъ, она посмотрѣла на насъ съ выраженіемъ, исполненнымъ чистосердечія и невинности, не

понимая, повидимому, сама всей важности того, что говорила, и находя себя очень смѣлою, что рѣшилась сказать это. Ея длинныя черныя рѣсницы, которыя еще усиливали выраженіе ея фizioноміи, по противоположности съ золотисто-блѣкурными волосами, снова опустились; щеки покрылись легкимъ румянцемъ.

— Какъ вы счастливы, что у васъ есть братъ! вскричала я въ свою очередь; сколько разъ, и такъ напрасно, мечтала я о подобномъ счастьи!

— Напрасно!... повторилъ Жофрей тономъ упрека. Что до меня, Берта, то мнѣ не нужно прибѣгать къ воображенію, чтобы знать, что значить имѣть сестру!—Говоря такимъ образомъ, онъ понизилъ голосъ. Не знаю почему, но эти слова возбудили во мнѣ какое-то тягостное чувство.

Мы провели весь вечеръ у дивана миссъ Лестеръ.

Мало-по-малу она освоилась съ нами. Ея робость и скромность смѣнились врожденною веселостію, которой очарованіе казалось мнѣ neodолжимымъ. По-этому я нисколько не удивилась исполненному кротости и почти нѣжному тону, съ которымъ Жофрей невольно обращался къ той, которую еще вчера называлъ восковою куколкою, и которая оказывалась на дѣлѣ самымъ веселымъ и прелестнымъ ребенкомъ. Какимъ-то безмолвнымъ соглашеніемъ Жофрей и я, отклоняли всѣ предметы разговора, слишкомъ серьезныя для нашей новой пріятельницы. Наша обыкновенная метафизика испугала бы ее, или бы она ничего въ ней не поняла.—Я хотѣла заставить пѣть Жофрея; у него былъ прекрасный голосъ, но онъ сказалъ мнѣ, что его любимыя романсы слишкомъ мрачны, и просилъ меня спѣть самыя веселыя корнвальскія баллады.

Я съѣла за фортепьяно; но сердце мое сжалось, когда я увидѣла мѣсто Жофрея возлѣ меня пустымъ, хотя на одну минуту.

Окончивъ пѣть, я подошла къ окну и смотрѣла на небо и море: оба были сѣроватосвинцоваго цвѣта. Спокойствіе природы казалось мнѣ печальнымъ и тяжелымъ. Отъ вчерашней бури не осталось другихъ слѣдовъ, кромѣ груды листьевъ,

оторванныхъ отъ вѣтвей, прежде нежели осень окрасила ихъ своими оттѣнками.

Видя, что я снова погрузилась въ размышленія, Жозефрей хотѣлъ развлечь меня; онъ подошелъ къ окну.—Я угадываю ваши мысли, Берта, сказалъ онъ: вы жалуете о бурѣ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи поэтическомъ. Скажите откровенно, что вамъ лучше нравится—тишина, или буря?

—Мнѣ было бы трудно отвѣчать на этотъ вопросъ; каждая имѣетъ свою особенную прелесть и такую, которая выигрываетъ отъ противоположности. Притомъ же, какъ вы сами часто говорите, я корнвальская дикарка. Миссъ Лестеръ, не заиналась, отвѣчала бы на тотъ же вопросъ.

—Да; только я не стану ее спрашивать.

Въ эту минуту г. и г-жа Варбѣртонъ вошли въ гостиную; они объявили, что г. и г-жа Лестеръ пріѣдутъ завтра за своею дочерью.

Одно и то же восклицаніе: *ужас!* вырвалось у насъ съ Жозефреемъ въ одно время.

—Получше ли себя чувствуетъ миссъ Лестеръ, и лѣзя ли перевозить ее?

—Неужели она съ такимъ нетерпѣніемъ желаетъ насъ оставить? прибавила я.

—О, Берта, мнѣ жалъ будетъ съ вами разстаться! Всѣ были такъ добры со мною въ вашемъ домѣ.

—Что касается до Берты, прервала моя мачиха, то отъ нея зависитъ отправиться съ вами на день или на два въ Ф.... Мистриссъ Лестеръ приглашаетъ ее съ большою любезностію.

Мысль покинуть домъ отца моего, жить, хотя бы то нѣсколько дней, посреди незнакомыхъ, никогда не имѣла для меня ничего привлекательнаго; но въ эту минуту она поразила меня какъ громовымъ ударомъ. Мое счастье было для меня еще такъ ново. Могла ли я прожить одинъ день, не видѣвъ того, кому я была обязана этимъ новымъ существованіемъ.

—Вы не отвѣчаете, Берта; вы отворачиваетесь, вскричала миссъ Лестеръ. Неужели вы будете такъ жестоки, что отка-

жетесь. — Потомъ, обернувшись къ Жоффрею, она продолжала: — Скажите же ей, чтобы она прѣехала.

— Это обращеніе къ моему безкорыстію очень для меня лестно, отвѣчалъ Жоффрей съ самою пріятною улыбкою; но если вы объѣдете, что же я тогда стану дѣлать?

— Вопросъ, чрезвычайно учтивый для вашихъ хозяевъ! прѣшенталъ отецъ мой со смѣхомъ, но такъ, чтобы всѣ желающіе могли его слышать.

— Мое вакантное время приходитъ къ концу, продолжалъ Жоффрей; я самъ не замѣтилъ, какъ прожилъ здѣсь два мѣсяца; скоро должно будетъ думать объ отъѣздѣ...

Тутъ голосъ его принялъ грустное выраженіе, которое наполнило мое сердце радостью. Онъ помолчалъ и провелъ рукою по лбу.

— Но, продолжала Марія, Ф.... не далеко, и если.... если.... Она не докончила фразы и покраснѣла до ушей.

— Наша милая, добрая Марія, сказалъ отецъ мой, тронутый ея смущеніемъ, не привыкла приглашать странствующихъ рыцарей пользоваться гостепріимствомъ въ ея замкѣ. Мнѣ должно поспѣшить къ ней на выручку, не сохраняя досады на нашего молодого гостя за то, что онъ сейчасъ сказалъ. Однимъ словомъ, г. Лестеръ поручилъ мнѣ радушно пригласить отъ его имени Жоффрея провести день или два въ Ф.... Ему извѣстна наклонность Жоффрея къ морскимъ путешествіямъ; а коли вѣрить слухамъ, сардинки покажутся завтра, если уже не показались. Впрочемъ, г. Лестеръ лично повторить приглашеніе, отъ котораго охотникъ до рыбной ловли не долженъ отказываться.

— Вы соглашаетесь? сказала Берта.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Теперь, возразила, смѣясь, Марія, спросите Берту.

Объясненіе, данное миссъ Лестеръ моею первоначальной нервышности, не могло отъ меня укрыться. Я покраснѣла въ свою очередь и поспѣшно отвѣчала, что между нами не нуженъ посредникъ.

— Стало быть, это дѣло рѣшенное, сказала она, и я могу спать спокойно.

На другой день погода была восхитительная, но въ то время, какъ Марія и Жофрей, казалось, были такъ счастливы, такъ наслаждались жизнью и были переполнены веселостію, совершенно согласною съ ясностію неба, я чувствовала безпокойство и тревогу; я была въ тягость самой себѣ. Было ли то предчувствіе какой-нибудь непріятности?

Я повѣрила тому, когда отецъ мой, войдя въ залу, гдѣ мы обыкновенно завтракали, объявилъ, что мистриссъ Варбѣртонъ страдаетъ головою болью, не встанетъ съ постели и желаетъ меня видѣть.

Я тотчасъ взошла къ ней и нашла мачиху мою, вѣчно готовую преувеличивать малѣйшее нездоровье въ себѣ и въ другихъ, лежащую въ постели, съ видомъ совершеннаго изнеможения, какъ будто-бы она была больна не на шутку.

— Я ужасно страдаю, Берта, сказала она мнѣ. Ты старалась найти предлогъ, чтобы не ѣхать съ миссъ Лестеръ; теперь другаго предлога и не нужно. Само собою разумѣется, что ты не можешь меня оставить въ такомъ положеніи; у меня нестерпимо кружится голова: подай мнѣ флакончикъ съ духами, вѣтъ, одеколонъ; или, нѣтъ, дай лучше, уксусу.

Когда, оказавъ всю нужную помощь мистриссъ Варбѣртонъ, я сошла внизъ, то застала Марію почти въ слезахъ. — Возможно ли! вы съ нами не ѣдете, Берта?

— Я въ отчаяніи, отвѣчала я ей; но мистриссъ Варбѣртонъ въ постели, прибавила я такимъ тономъ, который батюшка могъ толковать, какъ ему было угодно, — и я не-могу ее оставить.

На это нечего было отвѣчать. Позавтракали, не говоря ни слова. На рѣсницахъ Маріи блистали во все время слезы, какъ двѣ жемчужины. Жофрей, какъ скоро встали изъ-за стола, подошелъ къ открытому окну и принялся ошипывать одну изъ вѣтокъ шеврѣля, которыя его обрамляли. Вынужденная снова пойти къ моей мачихѣ, ходить взадъ и впередъ раздавая приказанія, — такъ какъ всѣ домашнія попеченія лежали на мнѣ, — я опять застала Марію съ наклоненною головою надъ альбомомъ, который она пробѣгала съ разсыяннымъ видомъ; отецъ мой, развалившись въ своихъ большихъ кре-

слахъ, погрузился въ чтеніе журнала; Жофрей, который все еще стоялъ у окна, оставилъ у бѣднаго шефрѣля одну только кору.

Г. и г-жа Лестеръ прѣехали нѣсколько ранѣе, нежели мы ожидали. Еще вчера они совершенно были успокоены на счетъ маленькаго приключенія съ ихъ дочерью, а теперь могли удостовѣриться своими собственными глазами, что оно ровно ничего не значило. Г. Лестеръ изъяснилъ величайшее сожалѣніе о непріятномъ случаѣ, который мѣшалъ мнѣ ѣхать съ ними; потомъ вступилъ въ разговоръ съ отцемъ моимъ и Жофреемъ. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, я слушала съ совершенно новымъ для меня безпокойствомъ все, что они говорили.

— Прекрасная погода! сказалъ г. Лестеръ, лучше нельзя желать для прогулокъ въ окрестностяхъ Ф..., а ловля сардинокъ началась вчера. Я не могъ, г. Латмеръ, въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ предложить гостепріимство въ моемъ домѣ сыну моего лучшаго друга, который также, подобно вамъ и мнѣ, страстно любилъ рыбную ловлю. Быть можетъ, эта страсть не столь благородная, какъ охота за лисицею, но мы знаемъ многихъ знаменитыхъ людей, которые употребляли свои досуги на рыбную ловлю. Это занятіе умовъ разсудительныхъ, глубокихъ, влюбленныхъ въ уединеніе.

Жофрей подошелъ ко мнѣ и сказалъ въ полголоса:— Ёхать ли мнѣ? — Отчего же нѣтъ, отвѣчала я рѣшительно, чувствуя, что мнѣ нужно было усиліе, чтобъ казаться искренною.

— Безъ этой несносной боли въ ногѣ, сказала Марія передъ тѣмъ, какъ садиться въ карету, я не разсталась бы съ вами, Берта. Я вмѣстѣ съ вами сѣла бы сестрою милосердія.—И говоря это, она бросила взглядъ упрека на Жофрея, который стоялъ у дверцы и помогалъ ей садиться, какъ будто бы онъ еще съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели она, желалъ отъ насъ ѣхать.

— Ну, Жофрей, сказалъ отецъ мой, старайся быть любезнымъ за двоихъ.

Жофрей подошелъ ко мнѣ проститься; онъ крѣпко сжалъ мою руку, съ минуту смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза,

какъ будто желая прочесть мои мысли, и сѣлъ въ карету, повторивъ нѣсколько разъ:—До свиданья! До скораго свиданья, Берта!

Воротясь въ домъ, гдѣ еще долго преслѣдовалъ меня стукъ колесъ, скрипѣвшихъ по крупному песку, я старалась заполнить пустоту, которая вдругъ образовалась вокругъ меня, припоминая его послѣднія слова, его послѣдній взглядъ.

То былъ для меня странный день. Я употребила большую часть его, читая махихъ романъ изъ свѣтской жизни; я надзираю за разнообразными хозяйственными занятіями, за всеми этими мелкими обязанностями, которыхъ механическое исполненіе часто настоящее благословеніе для женщины; къ вечеру, побродивъ, въ раздумьѣ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада, я не могла противиться желанію навѣстить мой любимый утѣсь, послушать мѣрный говоръ волны, посмотреть на солнце, которое, не смотря на мою мрачную меланхолю, заходило въ пурпуръ и золотъ. Въ первый еще разъ эта противоположность грустно меня поразила.

На другой день къ вечеру, онъ пріѣхалъ совсѣмъ неожиданно. Я сидѣла одна въ саду, безотчетно перелистывая страницы книги; умъ мой носился далеко. Онъ нашелъ, что у меня утомленный, страдальческій видъ. Онъ сказалъ, что я непременно занемогу, если стану такъ усердно ходить за больною однимъ воображеніемъ; что головная боль, или, лучше сказать, страхъ мистриссъ Варбѣртонъ, вѣрно, прошелъ, и что меня ждали въ Ф.... Онъ самъ пріѣхалъ верхомъ, лугами, съ порученіемъ отъ Маріи Лестеръ.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо, кокетливо сложенное, и посмотрѣлъ на него минуту или двѣ, прежде нежели мнѣ отдалъ. Марія, осыпая меня живѣйшими увѣреніями дружбы, говорила, что на другой день пріѣдетъ и увезетъ меня насильно, если это нужно. — «Мы условились, прибавляла она въ постскриптумъ, послѣ завтра показать г. Латимеру древнее ** ское аббатство; но эта поѣздка не будетъ имѣть для насъ никакого удовольствія, если вы не присоединитесь къ нашему обществу».

— Могу ли, безъ нескромности, прочесть? спросилъ Жоффрей съ видомъ боязни и нерѣшимости, котораго я никогда

въ немъ не замѣчала, и получивъ мое позволеніе, онъ взялъ миленькую записочку, прочелъ безъ труда красивый и тонкій италіянскій почеркъ, но дойдя до постскриптума, улыбнулся и остановился на нѣкоторыхъ словахъ.

— Она написала прежде «Жофрей», сказалъ онъ наконецъ со смѣхомъ; но зачеркнула и поставила: Латимеръ. Г. Латимеръ, — это гораздо важнѣе! Какое дитя!

Эта бездѣлица ускользнула отъ моего вниманія; я удивилась, что онъ ее замѣтилъ. Онъ тщательно сложилъ письмо, разгладилъ его пальцами, чтобы уничтожить складки, посмотрѣлъ на девизъ печати, и, казалось, не торопился возвратить мнѣ.

— Непремѣнно должно ѣхать, Берта. Вы ее такъ обрадуете.

— Это не отъ меня зависитъ, отвѣчала я.

— А я-то! продолжалъ онъ. Я не могу привыкнуть къ вашему отсутствію. Я такъ любилъ наши долгія бесѣды. Мнѣ такъ много нужно сказать вамъ.

— А!... Вотъ и наша птичка вернулась на старое гнѣздо! вскричалъ отецъ мой, извѣщенный о пріѣздѣ Жофрея, и прибѣгая къ намъ съ журналомъ въ рукъ. Развѣ съ тобою такъ дурно обращались въ Ф..., что ты не могъ пробыть тамъ больше одного дня? Право, ты какъ-будто похудѣлъ и поблѣднѣлъ? Ужъ не морятъ ли тебя голодомъ? Не кормятъ ли одной ухой изъ сардинокъ и картофеля? Поскорѣй, Берта, вели подать ему что-нибудь посущественнѣе, повкуснѣе. Бѣдняжка, право, падаетъ отъ изнеможенія. Онъ потерялъ отъ того языкъ, и его молчаніе, кажется, заразительно. Или это дѣйствуетъ усталость отъ рыбной ловли?

— Если бы это и было справедливо, отвѣчалъ Жофрей съ громкимъ смѣхомъ, который меня успокоилъ, то вы скоро возвратили бы намъ языкъ. Ваше одушевленіе столько же заразительно, какъ и мое молчаніе. Мнѣ не нужно и спрашивать: здоровы ли вы и оправилась ли мистриссъ Варбѣртонъ: ваша веселость кажется мнѣ счастливымъ предзнаменованіемъ для порученія, которое на меня возложено.

— Порученіе? Какое?

— Миссъ Марія Лестеръ хочетъ прѣхать завтра за миссъ Варбѣртонъ. Дѣло идетъ о побѣдкѣ въ ** ское аббатство.

— Невозможно, отвѣчалъ отецъ мой самымъ рѣшительнымъ тономъ и качая головою. Ему непріятно было отпустить меня изъ дома, не столько изъ любви, сколько по привычкѣ, потому что, увы! хотя я была единственный ребенокъ его отъ первой жены, но не могла побѣдить моею нежностію врожденную безпечность его характера. До сихъ поръ его образъ мыслей въ этомъ отношеніи совершенно согласовался съ моимъ; но въ этотъ вечеръ мнѣ показалось необыкновенно жестокимъ, когда, истощивъ всѣ доводы, Жофрей, побѣжденный лаконизмомъ отвѣтовъ, не свойственнымъ отцу моему и невозмутимымъ движеніемъ головы, спросилъ свою лошадь и простился съ нами.

— Рѣшительно, у жителей Корнваллиса такія же крѣпкія головы, какъ ихъ утесы, сказалъ онъ, нахмуривая брови и подвигаясь ко мнѣ. — Этотъ упрекъ не касается до васъ, Берта! До свиданія! Что прикажете сказать Маріѣ Лестеръ?

Отецъ мой взялся отвѣчать за меня.

— Самыя нежныя увѣренія въ дружбѣ милой Маріѣ. Скажите ей, чтобы она почаще заѣзжала въ нашу сторону; теперь у ней въ вашей особѣ такой ловкій кавалеръ; однакожь, позволь мнѣ дать тебѣ добрый совѣтъ, другъ мой: я вѣдь былъ друженъ еще съ отцемъ твоимъ. Пожалуйста, не вскружи ей головы, ухаживая за нею слишкомъ усердно. Я бы очень жалѣлъ объ этой бѣдной малюткѣ.

— Что вы это говорите, сударь! прошепталъ Жофрей, котораго лице вдругъ покрылось краскою, и крѣпко сжавъ мою руку, быть можетъ, невольнымъ нервическимъ движеніемъ, онъ вскочилъ на лошадь, и прищипоривъ ее, скрылся изъ глазъ.

— Какъ онъ торопится, замѣтилъ отецъ мой; я и не думалъ, чтобы ловля сардинокъ была такъ заманчива. Не уходи Берта. Мнѣ нужны глаза твои, чтобы прочесть рѣчь, напечатанную микроскопическими буквами. Рѣшительно, наши журналы слишкомъ малы, или рѣчи нашихъ парламентскихъ представителей слишкомъ длинны. Подвинься къ окну: ужь смерается, — и читай громче.

Прошло пять дней; я не видала больше Жоффрей, не получала никакого извѣстія изъ Ф.... Когда я припоминаю себя эти пять дней, то мнѣ кажется, что они протекли для меня въ какомъ-то сонномъ видѣніи, въ безотчетномъ исполненіи смиренныхъ ежедневныхъ обязанностей съ закрытыми глазами для всего, что могло бы меня извлечь изъ этого страннаго ясновидѣнія. Жоффрей былъ моя первая любовь, и эта любовь едва только открылась мнѣ самой; а я уже предвидѣла въ-далекъ, если еще не испытывала всѣ мученія разлуки. Во всю жизнь мою я приучала себя скорѣе скрывать мои чувства, нежели господствовать надъ ними; ну, а одному Богу извѣстно, съ какою силою можетъ развернуться скрытая тоска, затаенная страсть, въ мрачномъ безмолвіи своей темницы.

На пятый день мистриссъ Варбертонъ соскучилась сидѣть въ своей комнатѣ и объявила, что она выздоровѣла. Отецъ мой тотчасъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ съ нею къ знакомымъ, которые жили въ нѣсколькихъ миляхъ. Предоставленная самой себѣ, я взяла книгу и побѣжала на свое любимое мѣсто посреди утесовъ. Я никогда не забуду этого великолѣпнаго сентябрьскаго вечера: ясность воздуха, лучезарная прозрачность моря, которое у береговъ казалось однимъ огромнымъ изумрудомъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ причудливыя тѣни ложились отъ утесовъ на подвижныя волны. Длинная, темная и разнообразная линія береговъ простиралась по обѣимъ сторонамъ мѣста, съ котораго я наблюдала ихъ. Полукруглая гавань Ф.... ясно была видима съ обширными развалинами аббатства, лежащими на крутомъ утесѣ и величественно отрѣзывающимися на синевѣ неба. Я еще помню упительные ароматы, которые поднимались съ берега, еще вижу птицъ, сидящихъ тамъ и сямъ на утесахъ; даже бѣдную рыбацью лодочку съ бѣлымъ парусомъ, которую лѣнивый вѣтеръ едва колыхалъ на спокойномъ морѣ; я ничего не забыла.

Я сидѣла на обломкѣ чернаго утеса, который я называла своимъ трономъ, — трономъ, столь возвышеннымъ среди лабиринта другихъ утесовъ, что, кромѣ меня, рѣдко кто всходилъ на эту высоту. Какъ часто забывала я тутъ весь міръ въ

моихъ безумныхъ мечтахъ! Сколько разъ я наслаждалась тутъ единственнымъ счастьемъ моей юности, съ тѣхъ поръ, какъ я лишилась матери,—счастьемъ уединенія! И въ эту минуту, созерцая необъятное пространство моря, я болѣе нежели уносилась изъ міра,—я убѣгала, такъ сказать, отъ самой себя, потому что мысли мои, подобно птичкамъ, устремили полетъ свой въ лазурь неба, еще болѣе необъятную. Вдругъ молчаніе мое было прервано звуками, менѣеопредѣленными, нежели однообразная гармонія возвышающагося прилива: голосъ, котораго одного ослабѣвшаго отголоска достаточно было, чтобы заставить забиться мое сердце, звалъ меня по имени.

— Берта, Берта! здѣсь ли вы? Отвѣчайте намъ. Вотъ ужъ часъ, какъ мы васъ ищемъ.

Отчего отвѣтъ замеръ на устахъ моихъ? Быть можетъ, тутъ таилось что-то роковое. Онъ былъ не одинъ. Я вскорѣ различила звукъ голоса, болѣе нѣжнаго.

— Ее нѣтъ здѣсь. Быть можетъ, бѣгаетъ она по лугамъ, въ то время, какъ мы ее здѣсь ищемъ. Не хотите ли отдохнуть нѣсколько минутъ. Я удивляюсь вашей бодрости, Марія. Стало быть, вы уже оправились отъ испуга?

— О, да! отвѣчала она; притомъ же, чтобы сюда взойти, мнѣ нужно было только опереться на вашу руку. Вы скорѣе несли меня, нежели я шла, Жофрей.

Они были не далеко отъ меня, но вершины, которыми окруженъ главный утесъ, какъ вѣнцомъ изъ остроконечныхъ зубцовъ, совершенно скрывали меня отъ ихъ взоровъ.

— Сядьте здѣсь, Марія, продолжалъ Жофрей, сядьте на этотъ небольшой коверъ изъ моха; а вотъ мѣсто и для меня, у ногъ вашихъ. Подымая глаза, я буду видѣть только небо и васъ.

Въ ту минуту, когда я пишу эти строчки, отголосокъ этихъ словъ еще звучитъ въ моихъ ушахъ.

— Ахъ, Жофрей, отвѣчала Марія, скажите мнѣ, не во снѣ ли я это вижу? Нѣтъ; я не хочу пробуждаться. Кто бы сказалъ, что вы будете меня любить? Я не могла повѣрить тому даже тогда, когда вы мнѣ сами объ этомъ сказали. Я думала, что вы любите Берту.

— Кто могъ дать вамъ такую мысль? Берта мой лучший другъ, сестра моя; но это совсѣмъ другое дѣло.

— Это все-таки любовь, возразила Марія, и если бы вы ее любили слишкомъ сильно, то я стала бы ревновать, хотя я и сама ее очень люблю. Я дурочка, какъ вы часто мнѣ это повторяете; но если вы хотите сдѣлать меня очень счастливою, скажите мнѣ еще разъ, что вы меня лучше любите.

— Да это и сравнивать нельзя, милая Марія. Вы верховная владычица моего сердца. Никогда не будетъ въ немъ мѣста для другой.

— Никогда! сказала она, вздыхая; а если бы я умерла!

— Тс... развѣ объ этомъ говорить.

— Не знаю почему, но я желала бы, чтобы Бертъ все уже было извѣстно.

— Милая Марія, успокойтесь на ея счетъ. Представьте себѣ, что въ тотъ вечеръ, когда вы въ первый разъ сюда прѣхали, она употребила все свое вліяніе надо мною, чтобы убѣдить меня вступить съ вами въ разговоръ. Вообще, я не люблю новыхъ знакомствъ; я холоденъ, остороженъ; я заранѣе рѣшился найти васъ дурною и несносною; Берта гораздо лучше оцѣнила васъ съ перваго взгляда: съ тѣхъ поръ прошло цѣлое столѣтіе.

— Я всегда хочу любить Берту.

— Я никогда и не буду противъ этого, Марія. Мы будемъ заниматься, сколько вы хотите, астрономіею и метафизикою втроемъ, какъ я занимался съ Бертою въ мое пребываніе здѣсь. Я не могу выбрать лучшей подруги для жены моей; но блаженство понимаю я только вдвоемъ.

— Такъ скажите же ей все какъ можно скорѣе, Жофрей.

Они встали и удалились; я больше ничего не слыхала, притомъ же, я внезапно почувствовала страшное головокруженіе. Мнѣ казалось, что бѣдный мозгъ мой охватывало ревущее море, какъ бываетъ съ утопающими. Однакожь, я не упала; я даже вскорѣ снова получила сознаніе себя и необъятной горести, къ которой Жофрей своими насмычками прибавилъ еще глубокое негодованіе. А природа была все также прекрасна и спокойна! Волны пѣли; небольшіе камешки на

берегу блестяли въ солнечныхъ лучахъ; рыбацья лодка съ серебристымъ парусомъ, казалось, играла съ своею тѣнью на прозрачномъ морѣ, и я смотрѣла съ удивленіемъ на мои руки, израненныя и изцарапанныя утесами, за бока которыхъ я хваталась, чтобы не упасть.

У калитки сада поставлена была служанка подстерегать мое возвращеніе; она сказала мнѣ, что миссъ Лестеръ и г. Латимеръ ждали меня все послѣобѣда и вездѣ меня искали; теперь они были въ маленькой залѣ. Я прошла черезъ лужайку, и прежде чѣмъ войти, остановилась съ минуту передъ открытымъ окномъ. Отецъ мой и мачиха были съ ними; Марія, небрежно прислонившись въ креслахъ, казалась безпокойною, быть можетъ, отъ моего долгаго отсутствія. Жофрей сидѣлъ передъ нею; онъ окидывалъ глазами залу, но потомъ постоянно обращалъ ихъ на блѣдное и миниатюрное личико Маріи; ея опущенные глаза обличали нѣкоторое смущеніе.

Я не смѣла смотреть на нее долѣе—и вошла.

— Берта! насилу-то! вскричалъ Жофрей, бросаясь ко мнѣ и схвативъ меня за руку; между тѣмъ Марія подходила съ большою робостію, и не смѣла, по обыкновенію, ласково обвить руками мою шею.

— О! какую вы мнѣ сдѣлали боль! вскричала я поспѣшно, отступая со смѣхомъ, котораго принужденность обличила, быть можетъ, всю его горечь. Я показала имъ мои израненныя руки:— Это ничего не значить; но вотъ что случается съ тѣми, которые хотятъ слишкомъ скоро лазить по утесамъ.

— Ужъ не упали ли вы? вы такія неосторожныя, Берта! вскричалъ Жофрей.

Не отвѣчая ему, я сѣла возлѣ моей мачихи.

— Бѣдная Берта! сказала мистриссъ Варбѣртонъ, вѣчно полная состраданія къ малѣйшей физической боли: ты, вѣрно, очень перепугалась!

— Перепугалась? сказалъ отецъ мой; что вы это говорите. Я даже не знаю, что бы могло поколебать неподвижную душу Берты; это настоящая корнвальская женщина; воспитанная среди береговыхъ утесовъ, она сама наконецъ сдѣлалась камнемъ. Да; я не знаю, что бы могло смутить Берту, развѣ только землетрясеніе. Не правда ли, Берта?

— Должно быть правда, потому что вы говорите, батюшка.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Жоффрей; бѣдныя маленькія ручки, прибавилъ онъ, какъ онъ истерзаны этими проклятыми утесами; особенно правая! Вамъ бы завязать ее, Берта.

— О! дайте, дайте я завяжу! вскричала Марія, и ставъ передо мною на колѣни, она взяла тонкій батистовый платокъ, обшитый кружевами, и попросила подать ей мою руку. Я уже готова была исполнить ея желаніе, какъ вдругъ увидѣла, что взоры Жоффрея устремлены на ея глаза. Я быстрымъ движеніемъ отдернула мою руку, отодвинула кресла, на которыя она опиралась, такъ что чуть-чуть ее не уронила; но рука Жоффрея еще быстрее поддержала ее и помогла ей встать.

— И я также разбередила вамъ руку, Берта? спросила она. Какая я неловкая!

— Нѣтъ; но я еще не совсѣмъ превратилась въ камень, какъ говорить батюшка; этотъ случай немного разстроилъ мои нервы.

— Нервы! вскричалъ отецъ мой, Берта говоритъ о своихъ нервахъ! Ужъ конечно, это въ первый разъ въ жизни! и, право, съ насъ довольно нервъ мистриссъ Варбѣртонъ.

— Не безпокойтесь, возразила я; пожалуйста, чтобы никто обо мнѣ не тревожился; это все вздоръ.

— Не говорите этого, Берта, отвѣчалъ Жоффрей; вы знаете, какое мы въ васъ принимаемъ участіе. *Мы!*—это слово вывело меня изъ себя. Я все, могла вынести, все, кромѣ этой сборной жалости, которую они, безъ сомнѣнія, для меня готовили, если бы открыли истину. Какой-то сосѣдній помѣщикъ прѣхалъ очень кстати, чтобы отвлечь отъ меня общее вниманіе. Меня часто принуждали играть съ нимъ въ вистъ, и я трепетала при одной мысли, что нынѣшній вечеръ буду обречена на эту пытку.

Къ-счастью, мистриссъ Варбѣртонъ захотѣлось имѣть партнеромъ Жоффрея, и Жоффрей долженъ былъ покориться своей участи; казалось даже, что онъ былъ радъ доставить миссъ

Маріѣ случай имѣть со мною продолжительный разговоръ; я схватила на лету слова, которыя онъ шепталъ ей на ухо: — скажите ей все. Неужели я должна была еще переносить униженіе быть ея повѣренною? Нѣтъ; это было бы слишкомъ много, и я начинала сомнѣваться во всѣхъ моихъ чувствахъ.

— Я не знаю почему, сказала я моей мамѣ, но я чувствую себя какъ-то неловко, и такъ какъ я вамъ не нужна, то думаю, что свѣжій воздухъ террасы оживитъ меня и успокоитъ мои нервы.

— Опять нервы! прошепталъ отецъ мой.

— Я пойду съ вами, вскричала Марія.

— Нѣтъ, останьтесь; а то безъ васъ здѣсь будетъ слишкомъ пусто. Я, быть можетъ, сойду къ самому морю, а нашъ вечерній вѣтеръ слишкомъ суровъ для вашей слабой груди, миссъ Лестеръ.

— Такъ приходите же скорѣе, Берта, а не то я приду къ вамъ вопреки вашему желанію. — И подойдя къ окну, у котораго я стояла: — посмотрите, сказала она, мѣсяцъ всходитъ; для меня нѣтъ ничего прекраснѣе луннаго свѣта на берегу моря; но онъ не долженъ васъ задерживать слишкомъ долго, Берта; приходите скорѣе.

Слава Богу, наконецъ я была внѣ дома; я была одна. Цвѣты издавали свое обычное благоуханіе; до слуха моего достигалъ ропотъ валовъ; мѣсяцъ, который только-что вышелъ изъ-за большой черной тучи, проливалъ свой серебряный свѣтъ на море; но спокойствіе стихій худо согласовалось съ тѣмъ, что во мнѣ происходило. Я готова была проклинать цвѣты, море, мѣсяцъ и небо.... Я желала бы, чтобы была темная ночь; глаза мои были устремлены на землю, и я все шла впередъ. Я дошла до берега, дошла до утесовъ; я желала бы уйти на край свѣта, чтобы убѣжать отъ самой себя. По крайней мѣрѣ часть прошелъ въ этихъ мрачныхъ размышленіяхъ.

Вдругъ я услышала, что кто-то зоветъ меня по имени жалобнымъ голосомъ.

То былъ голосъ Маріи, которая, вѣроятно, не могла противиться искушенію за мною слѣдовать, чтобы рассказать

мнѣ свое счастье; но голосъ этотъ слышался не въ сторонѣ террасы; напротивъ того, онъ какъ будто выходилъ отъ прибрежныхъ утесовъ, куда пускаться такъ было опасно, когда ихъ не знали, въ особенности въ часъ прилива, а теперь часъ прилива давно наступилъ.

— Берта, Берта! гдѣ вы? Берта, ко мнѣ! помогите! этотъ послѣдній крикъ былъ вопль ужаса! Я поняла все, и мною овладѣлъ страшный трепетъ.

Крикъ становился все громче; я пошла въ направленіи, откуда онъ слышался, но пошла медленно.

— О, Берта! помоги мнѣ. Спаси меня. Море все выше и выше. О, Жофрей! Жофрей! поспѣши! неужели должно умереть?

Среди ея отчаянія, голосъ ея принималъ выраженіе несказанной нѣжности; я оставалась неподвижною!...

— Жофрей! Жофрей! сюда! сюда! помогите мнѣ.

Этотъ новый вопль нашелъ меня безчувственнымъ всѣхъ корнвальскихъ утесовъ. А приливъ все возвышался.

Въ послѣдній разъ голосъ послышался слабѣе и глуше: — Ахъ! говорила она: Жофрей не можетъ меня слышать!

— Да, онъ точно не можетъ тебя слышать, повторяла я сама съ собою: напрасно ты его призываешь; онъ не спасетъ тебя!

Неужели отецъ мой говорилъ правду? Неужели я въ самомъ дѣлѣ превратилась въ холодный камень? Пѣтъ, сердце мое еще билось, но какимъ ужаснымъ чувствомъ! Я даже улыбалась.... но какою улыбкою!...

— Боже мой! вскричалъ голосъ: Ты Одинъ можешь спасти меня!

При этомъ послѣднемъ воплѣ, я содрогнулась. Я узнала угрызеніе, которое должно терзать сердце убійцы; но Богъ милосердъ; Онъ сжалился надо мною. Голоса Маріи было уже не слышно. Быстрѣе молніи я спустилась на берегъ. — Я уже не дрожала; съ угрызеніемъ возвратились ко мнѣ смѣлость и хладнокровіе дѣвушки нашихъ странъ. Я тотчасъ нашла самую надежную тропинку, чтобы придти на помощь Маріи. Я знала всѣ извилины берега; я достигла до возвышенія, при подошвѣ

котораго находилась Марія, на оконечности небольшой излучины, уже залитой первою волною. Оттуда я, не колеблясь, спустилась къ Маріѣ. Испугъ почти отнялъ у нея чувства и сознание; но когда она увидѣла меня возлѣ себя, то вскрикнула отъ радости и обвила руками вокругъ моей шеи. На этотъ разъ, вмѣсто того чтобы оттолкнуть ее, я сказала, что пришла спасти ее, или умереть вмѣстѣ съ нею. Я уговаривала ее держаться за меня какъ-можно крѣпче, а сама, обхвативъ одною рукою ея нѣжную талію, другою цѣпляясь за утесы, смѣло пошла посреди воды.

Прежде нежели мы успѣли достигнуть группы утесовъ, которые какъ будто запирали дорогу на берегъ, Марія лишилась чувствъ; но я была сильна; я не чувствовала ея тяжести, я не чувствовала также и камней, которые рѣзали мнѣ пальцы, когда я карабкалась по окраинамъ пропасти съ моею ношею.

Она была спасена!

Смутный говоръ голосовъ приближался къ намъ. Домашніе наконецъ встревожились о нашемъ отсутствіи;—безъ сомнѣнія, послѣ двухъ или трехъ партій виста.—Берта! Берта! кричали голоса. Я отвѣчала тѣмъ, кто меня звалъ; меня слышали. Достигнувъ до конца площадки, я увидѣла при лунномъ свѣтѣ Жоффрея, который бросился къ намъ.

Въ моемъ слухѣ еще раздается ужасный крикъ, который у него вырвался, когда онъ увидѣлъ на рукахъ моихъ неподвижное тѣло Маріи.

— Успокойтесь, сказала я ему, она жива.

Лице его просвѣтѣло радостію въ ту минуту, какъ онъ взялъ ее у меня и прижалъ къ своему сердцу. Ослабленная столькими потрясеніями, я упала безъ чувствъ къ ногамъ его.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

БЕРТА.

(Окончаніе).

§ II.

Я испытала самое странное ощущеніе, проснувшись отъ того, что казалось мнѣ долгимъ сномъ. Мнѣ еще не случилось быть опасно больной, и когда я медленно раскрыла глаза и снова получила сознаніе своего бытія, то спрашивала себя: возвращалась ли я къ прежней жизни, или вступила въ новое существованіе? Я пыталась припомнить, что я такое, что со мною случилось; но отъ одного этого усилія памяти голова моя закружилась и рѣсницы снова сомкнулись до той минуты, когда я услышала легкіе шаги въ комнату. Кто-то подходилъ къ моей кровати; я посмотрѣла; Марія стояла, склонившись надъ моимъ изголовьемъ.

Это свѣтлое и кроткое лице, эти большіе голубые глаза, дышашіе ласкою, возвратили меня къ чувству дѣйствительности. Я не могла удержать слабого восклицанія, отвернула голову и спрятала лице въ подушки: я все вспомнила! Между тѣмъ, бѣдное дитя осыпало меня нѣжнѣйшими словами; я чувствовала, какъ слезы ея капали мнѣ на руку, которую она сжимала въ своихъ, или подносила къ губамъ. Потомъ она тихонько приподняла мою голову и положила ее къ себѣ на грудь. Какъ билось ея сердце! Я не имѣла духа оттолкнуть ее; я оставалась неподвижною и позволяла ласкать себя, закрывая только глаза, чтобы не встрѣчаться съ ея взоромъ.

— Милая Берта, говорила она, вамъ лучше! слава Богу, вы теперь внѣ опасности!

И своими хорошенькими ручками она опрала волосы на моем пылающем лбу.

— Вы узнали меня, Берта? Скажите мнѣ одно слово, одно только слово!

— Что же такое случилось? спросила я, объятая внезапнымъ ужасомъ. Ужь не было ль у меня бреда?

— Тс! тс! милая Берта. Не утомляйте себя. Старайтесь быть покойною. Опасность миновала; но какъ мы за васъ боялись!

И советуя мнѣ молчать, она продолжала говорить, а сама дрожала отъ умиленія, и въ голосъ ея слышались слезы. Сколько я могла понять изъ словъ ея, у меня въ груди лопнула жила и въ продолженіе нѣсколькихъ дней отчаявались въ моей жизни.

— И вѣдь все это изъ-за меня, изъ-за меня, говорила Марія: чтобы спасти меня, вы едва не умерли! О Берта! если бы вы умерли!

— Да, если бы я умерла! повторила я въ пол-голоса.

— Я бы никогда себя не простила, Берта. Такое ужасное несчастіе растерзало бы мое сердце, а также и сердце Жофрея. Никогда бы мы не могли быть счастливы. Бѣдный Жофрей! вскричала она, вдругъ поднимаясь съ мѣста, я и забыла объ немъ въ моей радости! Онъ вмѣстѣ со мною не спалъ ночей, въ смертельномъ страхѣ. Мнѣ должно поспѣшить обрадовать его пріятною новостью. Онъ ждетъ въ ближайшей комнатѣ: позвольте ему посмотреть на васъ издали, сказать вамъ одно слово на порогъ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала я съ силою, удерживая ее за платье. Онъ не можетъ войти сюда, я еще слишкомъ слаба, чтобы кого-нибудь видѣть.

Да, у меня еще не доставало силы. чтобы надѣть маску, чтобы придать моей наружности сколько-нибудь спокойный видъ. Когда я замѣтила, что она устремила на меня взоръ невиннаго удивленія, то закрыла глаза; но Марія была слишкомъ простодушна, чтобы возымѣть какое-нибудь подозрѣніе.

Оправивъ подушки, разгладивъ мои волосы, она стала

потихоньку упрекать себя, что слишкомъ меня встревожила, и едва замѣтно удалилась изъ моей спальни.

Дѣйствительно, Жофрей находился въ сосѣдней комнатѣ. Я слышала, какъ онъ вскричалъ въ порывѣ восторга: «Слава тебѣ, Господи!» Голосъ его произвелъ во мнѣ болезненное впечатлѣніе. Однакожъ, это горестное чувство было смѣшано съ удовольствіемъ.

Въ умѣ моемъ пронеслось какъ-будто темное облако; но почти въ ту же минуту, я начала проливать сладостныя слезы; потомъ, истощенная всѣми этими потрясеніями, впала въ глубокій сонъ.

Когда я проснулась, то нѣсколько человекъ тихо разговаривали въ моей комнатѣ. Я различила важный и протяжный голосъ доктора Ледби; онъ говорилъ, что я вышла изъ опасности, но что выздоровленіе мое будетъ очень медленно; тогда я почувствовала, что кто-то подходитъ ко мнѣ и наклоняется надо мною. Я открыла глаза и увидѣла отца моего. Онъ смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ нѣжности, которой я даже и не мечтала когда-нибудь въ немъ видѣть. Это было для меня настоящимъ открытіемъ; тайная радость, которую я отъ того почувствовала, была омрачена угрызѣніемъ, что я такъ долго сомнѣвалась въ любви его.

— Какъ ты насъ напугала, дитя мое!—И не говоря ничего больше, онъ отошелъ отъ моей кровати; но эти простые слова вылились изъ глубины души его.

Мачиха моя подошла ко мнѣ въ свою очередь. Какъ ни была она холодна и неподвижна, но показала мнѣ искреннее участіе, почти нѣжность, и источала всѣ мелочныя вниманія, которымъ она придавала такую важность.

— Теперь, сказала она, садясь въ кресло, я буду работать возлѣ тебя. Твоя сидѣлка прогуливается въ саду, по приказанію доктора Ледби. Но и его приказанія было недостаточно. Жофрей долженъ былъ увести ее гулять почти насильно. Чтѣ за милая дѣвушка! ты не можешь себя представить, какъ она поблѣднѣла и похудѣла во время твоей болѣзни.

— Я вижу ихъ, сказалъ отецъ мой, который стоялъ возлѣ окна. Они ходять по лавровой аллеѣ.

Я также ихъ видѣла.

— Берта, дитя мое, сказалъ батюшка, возвращаясь къ своему обыкновенному, полунасмѣшливому тону: вотъ ты теперь, волей, или неволей, а попала въ героини! ты приобрѣла себѣ безсмертную славу въ нашихъ «живописныхъ путеводителяхъ» и въ рассказахъ на посидѣлкахъ! Излучину, гдѣ Марія Лестеръ едва не утонула во время прилива, и куда ты прибѣжала къ ней на помощь, прозвали *Излучиною двухъ подругъ*; а утесъ, который словно преграждаетъ путь, но на который ты умѣла вскарабкаться съ своею ношею,—что способна была сдѣлать одна корнвальская женщина, — *Утесомъ спасенія*. Ты можешь ожидать, моя милая, по крайней мѣрѣ оды, двухъ, или трехъ сонетовъ въ будущемъ № *Корнвальской Звѣзды*.

Я улыбнулась неопредѣленною и, должно быть, еще очень грустною улыбкою, потому что батюшка вдругъ принялъ важный видъ.

— Не должно слишкомъ много говорить съ больной, сказалъ онъ моей мачихѣ, и вышелъ вонъ.

Голова моя постоянно находилась въ какомъ-то хаосѣ. Однакожъ, я видѣла, какъ Марія вошла въ комнату: кто-то за нею слѣдовалъ. Я лежала съ закрытыми глазами, но чувствовала, что это онъ. Онъ сталъ возлѣ моей кровати, устремивъ глаза на лице мое. Онъ дотронулся до руки ~~моей~~ и поднесъ ее къ своимъ губамъ; но это движеніе не возбудило во мнѣ никакого ощущенія. Мнѣ казалось, что я умерла. Въ эту минуту я сохраняла всю неподвижную безчувственность трупа.

— Она спитъ, сказалъ онъ, не должно ее будить; и прибавилъ, понизивъ голосъ: безъ нея, что случилось бы съ вами, Марія? И что случилось бы со мною, безъ васъ?

— Тс!... отвѣчала Марія кроткимъ и робкимъ голосомъ: вы ее разбудите.

Они продолжали разговаривать въ пол-голоса, торжественнымъ и мѣрнымъ тономъ; по крайней мѣрѣ, онъ такимъ мнѣ казался. Слова ихъ достигали до моего слуха, какъ тѣ слова, которыя мы слышимъ во снѣ, и о которыхъ иногда

сохраняемъ болѣе ясное воспоминаніе, нежели о самой дѣйствительности.

Кромѣ этого разговора, я сохранила о послѣдующихъ дняхъ одно смутное воспоминаніе. Меня оставляли въ покоѣ; я мало имѣла случаевъ говорить, и такъ какъ я лежала неподвижно и съ закрытыми глазами, то часто полагали, что я сплю, когда я совсѣмъ не спала.

Марія постоянно находилась со мною. Ея самоотверженная дружба предохраняла ее отъ усталости, и самая холодность моя не лишила ея бодрости.

Каждое утро Жофрей присылалъ мнѣ самые лучшіе плоды, и прекраснѣйшіе цвѣты, какіе только можно было достать въ нашей сторонѣ. Разъ или два въ день онъ приходилъ меня навѣщать. Свиданія наши были коротки и безмолвны, что, впрочемъ, изъяснялось моимъ труднымъ выздоровленіемъ.

Еще много дней прошло до тѣхъ поръ, пока докторъ позволилъ мнѣ выходить изъ комнаты. Уже наступила глубокая осень, когда въ первый разъ батюшка подаль мнѣ руку, и поддерживая меня на лѣстницѣ, свелъ въ маленькую гостиную, самую веселую комнату изо всего дома, и посадилъ на диванъ возлѣ окошка.

Я посмотрѣла въ садъ; листья на деревьяхъ пестрѣли золотистыми отбѣнками осени; вѣтеръ колыхалъ вѣчно-зеленые лавры; на концѣ аллеи виднѣлась маленькая калитка, ведущая на берегъ; далѣе утесы, а за ними, пространное море, блестящее въ лучахъ полуденнаго солнца. Все прошедшее ожинилось въ моей памяти.

Марія сидѣла возлѣ меня; невольнымъ побужденіемъ я обвила рукою ея станъ. — Это было первое выраженіе новыхъ чувствъ, которыя пробуждались къ ней въ моемъ сердцѣ.

Бѣдное дитя, не привыкшее къ изъясненіямъ нѣжности съ моей стороны, спрятало свою хорошенькую головку на груди моей и залилось слезами. Какъ часто она должна была страдать отъ моей холодности! Наконецъ ея терпѣливая дружба такъ пробила дорогу къ моему сердцу; но я увѣрена, что она еще нисколько не понимала моего страннаго своенравія. Въ эту пору, я привлекала ее къ себѣ, а на слѣдующую

минуту опять я ее отталкивала. Я оставалась для нея не разрешенною загадкою. Когда я такимъ образомъ высвобождалась изъ ея объятій, отворачивая голову, она не покидала меня и удерживала мои руки въ своихъ.

Мои бѣдныя руки! Онѣ стали желтѣе и суше древесныхъ листьевъ! Какая противоположность съ пухленькими и розовыми ручками Маріи! Она часто забавлялась, снимая кольца съ своихъ пальцевъ и надѣвая ихъ на мои. Одно изъ этихъ колецъ, опаловый перстень, осыпанный брилліантами, поразилъ въ первый разъ мои взоры.

— О, какое хорошенькое колечко! сказала я небрежно. Я еще не видала его у васъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Марія, опустивъ голову, оно у меня только.... со вчерашняго вечера.

При этихъ словахъ я быстрымъ движеніемъ возвратила ей перстень. Она попробовала надѣть его на который-нибудь изъ моихъ пальцевъ, но они такъ исхудали отъ лихорадки, что перстень соскочилъ и упалъ на полъ.

— Вы напрасно трудитесь, сказала я, отнимая руку. Это вѣрное кольцо; оно хочетъ, чтобъ его носила только госпожа его.

— Отчего же вы отворачиваете лице свое? спросила тогда Марія робкимъ голосомъ. У меня нѣтъ для васъ тайнъ. Это онъ мнѣ далъ.

— Я знаю, отвѣчала я съ живостію.

Это слово, казалось, сняло у ней съ души большую тяжесть; но едва ее удивило. Только она покраснѣла и опустила свои длинныя рѣсницы; она обвила своими руками мою шею и принялась плакать.

— Скажите мнѣ, что вы не сердитесь! вскричала она. Онъ вашъ другъ съ дѣтства, и вамъ извѣстны всѣ его прекрасныя качества. Я очень хорошо знаю, Берта, что не стою его любви, но я люблю его!

— Такъ успокойтесь, Марія, сказала я, и машинально прочла ей два стиха:

Царя достойнѣй я любви твоей:
Не могъ бы царь любить тебя сильнѣй.

— Правда ли это? спросила она съ ребяческимъ просто-душiемъ. Довольно ли любить, чтобы быть взаимно любимой?

Марiя не понимала, какой ударъ наносила мнѣ этими словами. Я освободилась изъ ея объятiй. «Я устала; мнѣ хочется заснуть», — вотъ все, что я имѣла духъ сказать ей въ отвѣтъ; но ея невинный видъ, упреки, которые она, по-видимому, себя дѣлала, что обезпокоила больную, тронули меня, и я опять позвала ее въ то время, какъ она молча уходила. Невыразимо обрадованная, она стала на колѣна у моей кровати, устремивъ на мое лице свои прекрасные голубые глаза, между тѣмъ какъ я расправляла волосы на лбу ея и играла ихъ шелковистыми кудрями.

— Я еще очень слаба, милая Марiя, сказала я, ей и потому раздражительна и своенравна; но вы ангелъ кротости и терпѣнiя; вы простите меня.

Силы мои наконецъ возвратились; выздоровленiе приближалось къ концу. Марiя, возвратившись къ отцу своему, навѣщала меня каждый день, и почти все свое время проводила въ *Утесахъ*. (имя нашего помѣстья). Жофрей заѣзжалъ за ней утромъ, а вечеромъ провожалъ ее домой. Въ часъ его возвращенiя я обыкновенно уходила въ свою комнату, такъ что никогда не оставалась съ нимъ наединѣ, хотя онъ и продолжалъ гостить у насъ.

Впрочемъ, онъ оказывалъ мнѣ все ту же дружбу, какъ и прежде. Если между нами существовало менѣе довѣрчивости и короткости, то это было очень естественно, и я даже была ему за то благодарна.

Никогда Жофрей не говорилъ мнѣ о своихъ отношенiяхъ къ Марiи; но однажды вечеромъ, въ сумерки, оба они отошли отъ окна, гдѣ шептались уже нѣсколько минутъ, и подошли къ дивану, на которомъ я сидѣла. Жофрей взялъ меня за руки, и сжимая ихъ въ своихъ, сказалъ, что въ самый этотъ день онъ все уладилъ съ г. Лестеромъ, и бракъ его съ Марiею былъ назначенъ въ первыхъ числахъ января, а черезъ нѣсколько дней, онъ поѣдетъ въ Лондонъ для устройства своихъ дѣлъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, Марiя

прятала свое лицо на груди моей... Ахъ! какъ я благодарила Бога за то, что уже совсѣмъ смерклося.

— Да, я ѣду въ началъ будущей недѣли, сказалъ Жофрей. Поручаю вамъ Марію, милая Берта. — Потомъ, какъ будто внезапно пораженный тайною мыслію, прибавилъ: бѣдненькая большая, вамъ самимъ нужны попеченія другихъ; но кому же мнѣ лучше повѣрить охраненіе моего сокровища? Я такъ счастливъ, что могу оставить васъ вмѣстѣ.

— Возвращайтесь скорѣе, подхватила Марія; къ приѣзду вашему Берта совсѣмъ выздоровѣетъ.

— И мы всѣ трое поѣдемъ въ Италію, прибавилъ Жофрей: это одинъ изъ нашихъ старинныхъ плановъ, Берта, мой лучший другъ, сестра моя! Не говорите: нѣтъ; отецъ вашъ соглашается, потому что на то есть предписаніе доктора Ледби. Зима, проведенная въ Неаполь, изгладитъ послѣдніе слѣды вашихъ страданій. Какъ много говорили мы, бывало, о Римѣ, Венеціи, Неаполѣ, въ нашихъ длинныхъ бесѣдахъ, которыя казались мнѣ всегда слишкомъ короткими! Кто бы сказалъ мнѣ, что мечты мои осуществляются такъ скоро? Ахъ, продолжалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, свѣтъ рѣшительно лучше, нежели я вообразалъ себѣ. Благодаря вамъ, мизантропія моя побѣждена. — Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ взялъ насъ обѣихъ за руки.

— Для полноты нашего счастья, сказала Марія, недостаетъ только выздоровленія Берты, нашей доброй Берты, моей спасительницы.

— О! непременно должно, чтобы Берта выздоровѣла! вскричалъ Жофрей такимъ образомъ, какъ будто вызывалъ судьбу на брань: должно для того, чтобы счастье моей возлюбленной Маріи было чисто, какъ безоблачное небо.

— Тс! тс! прервала Марія; ты утомляешь Берту; вѣдь она еще слаба.

— Нѣтъ, я теперь гораздо крѣпче.

— Думайте о Неаполѣ, о Везувіѣ, продолжалъ Жофрей. Ахъ! тамъ-то я жду васъ съ вашими корнвалльскими воспоминаніями. Увидимъ, не заставитъ ли Неаполитанскій заливъ забыть вашу любимую Ф..скую бухту.

— Я такъ несчастлива, сказала я ему, что не умѣю забывать.

— Ваша народная гордость признаётъ себя побеждою, а въ томъ увѣренъ, возразилъ онъ.

— При-томъ же, въ Неаполь, прервала Марія, мы найдемъ брата.

— А! вотъ главное-то дѣло! Артуръ, Артуръ; только и слышишь, что братецъ Артуръ! Не правъ ли я быть, что ревновалъ къ нему съ самаго начала? Боюсь, что и до конца буду ревновать. Я васъ спрашиваю: на что вамъ братъ? Развѣ у васъ нѣтъ меня?

— Вѣдь у васъ есть же сестра, отвѣчала она со смѣхомъ. Сестра ваша Берта, къ которой я не ревную. Ахъ, Берта! еслибъ вы знали моего брата! Какъ онъ добръ, уменъ, разсудителенъ! Какъ способенъ оцѣнить васъ!

— Поймалъ, поймалъ! вскричалъ Жофрей. Вы еще что-нибудь замышляете. Вы не угадываете, Берта.

Я оставалась безмолвною.

— Замолчите, Жофрей, сказала Марія.

— Замолчу, но тѣмъ не менѣе знаю весь планъ вашъ наизусть. Вы имѣете рѣшительное призваніе къ дипломатіи; вы маленькій Макиавелли. Какъ жаль, что дамъ не отправляютъ въ посольство. Мнѣ должно будетъ выпроситься куда-нибудь въ миссію, чтобы употребить въ пользу дарованія моей будущей супруги.

— Въ миссію! возразила Марія, смѣясь. А вотъ я сейчасъ дамъ вамъ дипломатическое порученіе. Подите и принесите кисть самаго спѣлаго винограда для Берты.

— Кисть винограда? но виноградъ не растетъ въ корнвальскихъ утесахъ.

— Знаю, отвѣчала она, за то я и посылаю васъ не въ утесы, а въ буфетъ. Матушка должна была прислать мистриссъ Варбѣртонъ французскаго винограда.

Жофрей не нашелъ винограда въ буфетѣ, потому что его забыли прислать; не говоря ни слова, онъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поскакалъ за виноградною кистью въ Ф**.

По мѣрѣ того, какъ приближался срокъ ихъ первой раз-

луки, чело обрученныхъ омрачалось все болѣе и болѣе. Жофрей часго смотрѣлъ съ озабоченнымъ видомъ на Марію, которая шла, читала или сидѣла на диванѣ возлѣ меня, обвиня мой станъ своею прекрасною рукою, съ полуподнягою головою и съ хорошенькимъ своимъ личикомъ, болѣе или менѣе закрытымъ цѣлымъ облакомъ, блокурыхъ локоновъ.

Однажды вечеромъ, онъ долго быстрыми шагами прохаживался одинъ по террасѣ, и когда воротился въ залу, я нашла, что у него такой странный видъ, и что онъ еще печальнѣе обыкновеннаго. Казалось, что онъ страдалъ какимъ-то внутреннимъ недугомъ, физическимъ или моральнымъ, и выраженіе его фizioноміи такъ глубоко меня растрогало, что я вышла изъ моей мнимой неподвижности и вскричала:

— Жофрей! что съ вами сегодня? Вы, вѣрно, нездоровы?

Онъ бросилъ на меня взглядъ, полный укора, потому что Марія встала, вся трепещущая, и старалась прочесть въ нашихъ взорахъ.

— Ничего, отвѣчалъ онъ; рѣшительно ничего. Это одно воображеніе нашей милой Берты: ей, вѣрно, приснилось, что я боленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Берта? спросила Марія. Вамъ снилось, что съ Жофреемъ случилось какое-нибудь несчастье? Вы меня пугаете!

— Мнѣ ничего не снилось, отвѣчала я, бросивъ въ свою очередь взглядъ упрека на Жофрея.

— Тѣмъ хуже, сказалъ онъ со смѣхомъ, тѣмъ хуже, моя добрая Берта; потому что, накануне поѣздки въ Лондонъ, я счелъ бы дурной сонъ счастливымъ предзнаменованіемъ. Я вполне вѣрю пословицѣ, по которой сны сбываются всегда въ превратномъ смыслѣ. Напр., я былъ-бы совершенно увѣренъ, что ворочусь назадъ живъ и здоровъ, свѣжъ и веселъ, если бы вы видѣли во снѣ, что я сломилъ себѣ шею; но такъ какъ вы ничего не видали, то нечего и говорить объ этомъ.

— Я, я вѣрю снамъ, продолжала Марія, и очень бы желала не видать дурныхъ сновъ во все время вашего отсутствія: иначе я умру со страха.

Жофрей показывалъ видъ, что смѣется отъ души надъ ея суевѣріемъ, но, противъ воли, фizioномія его сохраняла самое печальное выраженіе.

Онъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на бурное море, на утесы и садъ, гдѣ утромъ выпалъ небольшой снѣгъ, предвѣстникъ суровой зимы.

Мы всѣ трое молчали.

Наконецъ, Марія, нѣсколько обиженная забвеніемъ, въ которомъ онъ насъ оставлялъ, и его продолжительною задумчивостію, объявила, что идетъ совѣтоваться съ мистриссъ Варбѣртонъ на счетъ своей работы, и оставила насъ однихъ.

Когда она ушла, Жофрей подвинулся ко мнѣ.

— Вѣрите ли вы предчувствіямъ, Берта? сказалъ онъ. Я не знала, что отвѣчать ему.

— Ну такъ я, Берта, я не вѣрю снамъ; но вѣрю предчувствіямъ. Не смѣйтесь. Самые горделивые умы имѣютъ свои слабости; впрочемъ, я уже не горделивый умъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ счастье. Я чувствую то же самое, что чувствовалъ бы нищій, напедшій кладъ; счастье мое тревожитъ меня. Мнѣ кажется, что оно не можетъ придти къ концу, а въ особенности, не можетъ продолжиться. Счастье, для меня, что-то такое новое! Юность моя была такъ тревожна и грустна. Да, Берта, я вѣрю предчувствіямъ. Я могу говорить объ этомъ съ вами, сестрою моею; но сохрани меня Боже нарушать подобными мыслями спокойствіе этого беззаботнаго ребенка; однакожъ, не находите ли вы, что характеръ ея очень измѣнился съ нѣкотораго времени? Она стала такая задумчивая, серьезная. Мнѣ почти совѣстно связывать ея судьбу съ моею. Бѣдный слабый цвѣтокъ, расцвѣтшій въ теплицѣ, — малѣйшій вѣтеръ можетъ убить ее! Несчастье угрожаетъ, — ей или мнѣ, — не знаю; но тайный голосъ твердитъ мнѣ это вотъ уже нѣсколько дней. Быть можетъ, для нея и для меня было бы лучше, если бы мы никогда другъ друга не знали. Помните ли, Берта, какъ у самаго этого окна, я противился вашимъ убѣжденіямъ сблизиться съ нею: это тоже было предчувствіе!

Я пыталась говорить, но не находила ни одного слова.

— Я, кажется, никогда вамъ не рассказывалъ, продолжалъ онъ, исторію друга моего Сень-Клера, гвардейскаго офицера. Это былъ самый веселый товарищъ, какого только можно вообразить себѣ; онъ вознамѣрился остепениться, какъ говорить, и свадьба назначена была въ четвергъ,—замѣьте это, Берта. Въ середу вечеромъ, выходя отъ своей невесты, и, вѣроятно, разсматривая звѣзды, чтобы отыскать между ними ту, которая управляла его судьбою, онъ наткнулся на прохожаго; тотъ разсердился и оскорбилъ его. Прохожій былъ пьянъ; но это былъ лордъ. Они размѣнялись карточками, и на другой день пистолетными выстрѣлами. Было около 6 часовъ утра. Въ 10 бросились искать жениха: онъ уже 4 часа былъ трупомъ.

— Ради Бога, прогоните эти мысли! вскричала я съ невольнымъ трепетомъ. Вы, вѣрно, не были бы до такой степени безумны, чтобы драться на дуэли въ день свадьбы. Васъ ждетъ самая пріятная будущность. Марія любитъ васъ и вы ее любите. Оставьте скорбь тѣмъ, которые одни на свѣтѣ.

Едва вырвались у меня эти послѣднія слова, какъ я раскаялась, что произнесла ихъ; но Жоффрей былъ слишкомъ углубленъ въ свои собственные размышленія, чтобы обратить на нихъ вниманіе, къ-тому же темнота становилась все гуще и гуще.

— Довольно безумствовать! вскричалъ онъ вдругъ. Печальныя мысли всегда летаютъ вокругъ насъ вечеромъ, какъ летучія мыши. Къ-счастью, чтобы ихъ прогнать, стоитъ только подать свѣчи.

— Это правда, сказала я, и позволила, чтобы подали огня. Я была рада прервать *a parte*, которое заставляло меня страдать невыразимо.

Съ свѣтомъ и Марією, въ гостиную, казалось, возвратилась веселость; батюшка и мачиха вскорѣ пришли пить чай. Батюшка былъ очень веселъ и въ самомъ насмѣшливомъ расположеніи духа. Жоффрей говорилъ о театрѣ и актерахъ; онъ передразнивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и Марія хохотала отъ души. Между тѣмъ я слишкомъ хорошо его знала, и видѣла, что онъ надѣлъ въ этотъ вечеръ маску и, просто,

игралъ комедію. Облако, быстрее мысли, пробѣгло, отъ времени до времени, по лицу его. И Марія, съ своей стороны, едва перестала смѣяться, какъ двѣ слезы задрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Это было наканунѣ отъѣзда. На другой день утромъ Жоффрей отправлялся въ Лондонъ, а Марія во время его отсутствія должна была остаться со мною.

Было уже поздно, когда мы разошлись. Простившись, сначала съ отцемъ моимъ и съ мистриссъ Варбѣртонъ, Жоффрей подошелъ ко мнѣ, держа Марію за руку, и сказалъ:

— Кому я могу поручить ее лучше, нежели вамъ? Не вы ли спасли ей жизнь? Запретите ей, пожалуйста, ходить на берегъ, особенно въ часъ прилива

— Развѣ вы считаете меня безумною? прервала его Марія съ сердитымъ видомъ. Я ни на минуту не покину Берту. Будьте только такъ же осторожны, какъ я.

Тогда Жоффрей простился съ Маріею, которая была нѣсколько удивлена, что ея очередь пришла прежде моей.

— О! я увижу васъ еще завтра, сказала она ему.

— Но я ѣду до разсвѣта.

— Ну что жъ! я встану до разсвѣта и пропущу съ вами изъ окна. Потомъ, не дожидаясь отвѣта, она хотѣла убѣжать, но онъ догналъ ее.

— А поцѣлуй жениха невестъ? Теперь, прости! прости!

Мы остались одни, но я также готовилась выдти изъ гостиной и взяла уже свой подсвѣчникъ.

— Берта, сказалъ онъ мнѣ, не забудете и поцѣлуя брата сестръ. Берта, вы женщина съ душою сильною; вамъ все можно открыть: то же предчувствіе меня преслѣдуетъ. Охраняйте, о, прошу васъ, бдительно охраняйте этого прелестнаго ребенка, мое тѣнное земное счастье! Берта, я помню все, чѣмъ вамъ обязанъ. Между нами—союзъ по гробъ.—Говоря это, онъ былъ необыкновенно блѣденъ.

Я приняла первый поцѣлуй Жоффрея, какъ могла бы принять его мраморная статуя; но руки наши съ минуту оставались тѣсно соединенными.

§ III.

Дни проходили. Марія держала свое слово и не покидала меня: скоро къ ней возвратилась ея обычная веселость, и то совершенное довольство, которое мы испытываемъ только въ дѣтствѣ, потому что одному только дѣтству Провидѣніе посылаетъ безоблачные дни; а между тѣмъ, его не было съ нею. Правда, что письма его много способствовали къ возвращенію Маріиной веселости. Получивъ первое письмо, она прибѣжала ко мнѣ, прижимая драгоценное посланіе къ своему сердцу, и принялась читать съ восторгами радости. Это удовольствіе было для нея такъ ново, такъ живо, что почти вознаградило ее за печаль разлуки. Двѣ недѣли тому назадъ, я сказала бы, что оно вознаградило ее вполне, и эта мысль возбудила бы во мнѣ нѣсколько горькое чувство противъ этого легкомысленнаго и ребяческаго существа. Отношенія мои къ Маріѣ очень измѣнились; самъ Жоффри не могъ быть нѣжнѣе, кротче, нежели была я, въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, въ отношеніи къ той, которую онъ мнѣ торжественно поручилъ.

Дни, въ которые приходили его письма, были также прекрасными днями и для меня. Я только тогда поняла все безпокойство, которое, какъ тяжкое бремя, лежало на душѣ моей со времени его отъѣзда, когда это безпокойство отчасти разсѣялось при видѣ огромныхъ страницъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, оригинальнымъ и нѣсколько страннымъ, подобно тому, кто писалъ ихъ. Марія читала и перечитывала каждое письмо, сопровождая его замѣчаніями, сидя возлѣ меня на диванѣ, или уѣстившись у ногъ моихъ; голосъ ея то оживлялся, подобно ея лицу, то овладевала ею томность; потомъ, вдругъ она принималась смѣяться какой-нибудь шуткѣ Жоффри. Я помню эти спокойныя и холодныя зимнія утра, когда весь міръ казался столь печальнымъ, столь согласнымъ съ моими собственными мыслями, и когда жалобныя завыванія вѣтра такъ странно противорѣчили порывамъ Маріиной веселости.

Я вгайнѣ намѣрена была не присутствовать на ихъ свадьбѣ; мой маленькій планъ для этого былъ даже такъ

хорошо придуманъ, что не могъ подать ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, и отклонялъ всякое возраженіе. Я должна была получить приглашеніе провести нѣсколько дней у старой кузины, которая осталась въ дѣвушкахъ, одинокая въ цѣломъ мірѣ, хотя и жила въ нашемъ сосѣдствѣ; она очень меня любила. Однакожь, со времени Жоффреева отъѣзда, этотъ вопросъ менѣе прежняго занималъ меня. Всѣ мои собственныя страданія сливались въ одномъ ощущеніи неопредѣленной и жестокой тоски; всѣ мои желанія быть одной и быть далеко, далеко,—уступали желанію видѣть его возвращеніе, хотя онъ долженъ былъ возвратиться только для того, чтобы жениться на Маріѣ.

Я давно уже покорилась своей участи; я готова была на все, не только умереть,—это слишкомъ легко,—но жить долгіе года, свидѣтелемъ счастья другихъ.

Наконецъ пришло письмо, которое возвышало его скорый отъѣздъ изъ Лондона. Черезъ три дня, Жоффрей надѣялся быть въ Утесахъ, и вскорѣ потомъ должны были праздновать свадьбу. Маріѣ прислали уже изъ Лондона подвѣчное платье, вуаль и букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ.

Какъ долго заставилъ себя ждать этотъ третій день! Наконецъ и онъ наступилъ. Двое сутокъ шелъ снѣгъ почти непрерывно; но въ этотъ день небо было необыкновенно ясно.

— Посмотрите, какое яркое солнышко! сказала Марія съ торжествующимъ видомъ, отдергивая занавѣски моихъ оконъ: войдите поскорѣе въ гостиную, Берта; онъ пріѣдетъ сегодня, быть можетъ, даже утромъ.

— Не правда ли, что само небо ему благопріятствуетъ? продолжала она. Море такое же голубое, какъ и небо. Какой великолѣпный зимній день! Давно ужъ мы не видали такого моря! А цвѣты! какой восхитительный букетъ я нарвала въ теплицъ. Знаете, милая Берта, маленькая чайная роза, та, которая никакъ не хотѣла цвѣсти? что жъ бы вы думали? сегодня утромъ на ней распустился прелестный бутончикъ для моего Жоффрея.

Марія продолжала говорить, одна и пѣла сама про-себя отрывки изъ романсовъ, примѣривая два или три стебля гера-

нѹма и мирговую вѣтку, которая насильно приколола къ моему кушаку, когда я одѣлась.

— Сегодня, прибавила она со смѣхомъ, здѣсь все должно принять праздничный видъ, и вы сами, Берта, не смотря на ваше платье съ высокимъ лифомъ старушечьяго покроя, и вашъ маленькій квакерскій воротничекъ. Я хочу нарядить васъ противъ вашей воли. Это что? рука ваша дрожитъ? У васъ ознобъ; проклятая лихорадка! Стало быть, еще она васъ не совсѣмъ покинула?

— Ничего, отвѣчала я. Я была бы въ большемъ затрудненіи объяснить ей, отчего происходило мое волненіе. У меня было холодно на сердцѣ.

— Сходите скорѣе, погрѣйтесь въ гостиной, продолжала она. Тамъ разведенъ огонь гораздо ярче, чѣмъ у васъ. Маменька должна прѣхать рано, и вы знаете, Берта, что я сейчасъ стану примѣривать мой подвѣнечный нарядъ. И для васъ также привезли платье; я сама его выбирала, и вы надѣнете его изъ любви ко мнѣ, хотя оно и не скроено на пуританскій манеръ, который вы такъ любите.

Прѣздъ мистриссъ Лестеръ прервалъ нашъ разговоръ. Она имѣла продолжительное совѣщаніе съ моею мачихою; и та и другая безпрестанно обращались къ суду Маріи въ дѣлахъ туалета. Разъ, или два, онѣ заговорили было со мною, и я попробовала отвѣчать имъ, но сама не понимала, что говорила; умъ мой былъ далеко.

— Миссъ Варбѣртонъ какъ будто сегодня похуже, сказала ласково мистриссъ Лестеръ моей мачихѣ.

— Она, кажется, спитъ, возразила Марія.

Въ самомъ дѣлѣ, я сидѣла съ закрытыми глазами; но не спала.

— Говорите потише, дайте ей отдохнуть, прошептала Марія, слегка дотронувшись губами до моихъ опущенныхъ рѣсницъ

— При-томъ же Берта ужъ никакъ не можетъ быть судьею въ дѣлахъ моды. замѣтила моя мачиха. Я не знаю дѣвушки, которая бы такъ мало любила наряды. Такое совершенное отсутствіе желанія нравиться кажется мнѣ истиннымъ

недостаткомъ въ молодой особѣ и можетъ повредить ея заму-
жеству; но слава Богу, время ея еще не ушло. Возвратимся
къ главному вопросу: такъ вы думаете, что рюшь будетъ
лучше блондовой оборки?

Въ эту минуту отворилась дверь; лакей доложилъ о при-
ѣздѣ горничной мистриссъ Лестеръ съ нарядами.

— Какъ жаль, что миссъ Варбѣртонъ заснула! вскричала
мистриссъ Лестеръ.

— Не разбудить ли ее?

— О, нѣтъ, сохрани васъ Боже! отвѣчала Марія. Дайте
мнѣ сперва одѣться.—Я удивлю ее своимъ появленіемъ. Она
подумаешь, что видитъ сонъ.

Лишь только онъ всѣ выпили примѣривать подвѣчное
платье, я встала, и схвативъ голову обѣими руками, пыталась
отдать себѣ отчетъ въ томъ, что чувствовала. Сердце мое
билося такъ сильно, что, казалось, готово было разорвать грудь,
мою; неодолимое влеченіе приковывало мои взоры къ двери,
которая вела въ переднюю.

— И такъ, Жозефрей ѣдетъ, говорила я сама себѣ; онъ
ѣдетъ! Я нѣсколько разъ машинально повторяла эти слова; но
чувствовала, что необъятное разстояніе еще разъдѣляетъ меня
съ нимъ.

— О, счастье! вскричала я: лошадиный топотъ! Я оши-
балась. Это онъ!

И опять внутренній голосъ отвѣчалъ мнѣ: «Нѣтъ, это не
онъ!» Я снова упала на софу.

Между тѣмъ, лошадиный топотъ прекратился; скорые
шаги послышались на усыпанной пескомъ тропинкѣ; звукъ
наружного звонка раздался въ домъ. Я бросилась въ сѣни и
увидѣла, что одинъ изъ нашихъ лакеевъ слушаетъ съ встре-
воженнымъ видомъ, что говорилъ ему человѣкъ, едва сошед-
шій съ лошади.

— Кто эта дама? спросилъ пріѣзжій.

— Миссъ Варбѣртонъ, отвѣчалъ лакей.

— Вѣрно, не она невеста.

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, ей все можно сказать.

— Все! вскричала я. Что случилось съ г. Латимеромъ?

— О! не пугайтесь, сударыня; еще докторъ не потерялъ надежды.

— Боже милосердый! Но что же съ нимъ случилось? что такое случилось? Говорите, ради самого Бога. Скажите все, скорѣе, скорѣе!

— Ахъ, въ томъ-то и бѣда; нетерпѣніе вотъ вѣчная причина бѣдствій! Скорѣе! скорѣе! Такъ-то и онъ говорилъ, бѣдный молодой человѣкъ! Сегодня еще не разсвѣтало, когда онъ пріѣхалъ въ Б** съ дилижансомъ, и тотчасъ закричалъ: лошади мнѣ! лошади! Напрасно говорили ему, что теперь не то время, чтобы скакать 30 миль верхомъ, что два дня сряду шелъ снѣгъ и дороги сдѣлались опасны. Онъ отвѣчалъ, что знаетъ лучше насъ. Тогда я первый замѣтилъ ему: подождите, по крайней мѣрѣ, пока совсѣмъ разсвѣтетъ. Я даже предлагалъ ему проводить его, когда будетъ совсѣмъ свѣтло.

— Доканчивайте, ради Бога! Что съ нимъ случилось?

— Онъ сбился съ дороги, и упалъ въ каменоломню, которыхъ такъ много въ здѣшней сторонѣ, и упалъ-то, должно быть, головою внизъ, потому что онъ повредилъ ее, а лошадь упала на него. Тамъ нашли его работники. Они перенесли его въ ближній постоялый дворъ; теперь, онъ еще живъ; но, кажется, лежитъ безъ чувствъ.

Вдругъ дверь гостиной отворилась, и вошло маленькое, прелестное существо, одѣтое въ шелкъ ослѣпительной бѣлизны, окруженное облакомъ кружевъ. Это была Марія; она закричала мнѣ самымъ веселымъ своимъ голосомъ:

— Вотъ и невѣста.

Я стояла, какъ окаменѣлая; но лишь только Марія взглянула на лице мое и потомъ на вѣстника, какъ страшно вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Тогда, оставивъ ее на попеченіе цѣлаго дома, и ни съ кѣмъ не посоветовавшись, я сказала этому человѣку:

— Ступай за мною.—Я побѣжала въ конюшню, велѣла осѣдлать лошадь и поѣхала проселкомъ, по луговой дорогѣ, которая нѣсколькими минутами раньше должна была привести меня къ Жоффею.

Боже милосердый! Природа была по прежнему спокойна и свѣтла, а сердце мое такъ страдало! Птички пѣли. Облака, какъ лебеди, плавали, играя въ лазурномъ небѣ.

Я услышала его голосъ, прежде нежели вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Этотъ голосъ, столь знакомый моему слуху, имѣлъ въ себѣ что-то странное и страшное. Прѣхала ли она? говорилъ онъ, прѣхала ли она? Докторъ, который съ важнымъ и печальнымъ видомъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, спрашивалъ меня съ безпокойствомъ, я ли была та особа, которую онъ ожидалъ? Этотъ вопросъ заставилъ меня страдать невыразимо. Я не могла сказать: да; я не хотѣла сказать: нѣтъ, изъ страха, чтобъ не удалили меня отъ его смертной постели! Прислонившись къ стѣнѣ, чтобы перевести духъ и собраться съ мыслями, я слышала, какъ посланный говорить доктору:

— Невѣста? Да нѣтъ же, нѣтъ, сударь! Я видѣлъ невѣсту во всемъ нарядѣ. Она такъ и грянулась за-мертво, когда услышала о случившемся; а это, должно быть, даже не родня ему; она преспокойно все выслушала.

— Я подруга его дѣтства, сказала я доктору, который подошелъ ко мнѣ, въ ожиданіи ответа. Я дочь его хозяина, г-на Варбѣртонна. Позвольте мнѣ съ нимъ видѣться.

Такъ какъ никто мнѣ не препятствовалъ, я вошла къ нему. Блуждающіе взоры Жоффрея приняли, остановившись на мнѣ, выраженіе нѣжности, которое я слишкомъ часто замѣчала въ нихъ, когда, бывало, онъ смотрѣлъ на Марію. Онъ сжалъ мои руки своими пылающими руками и прижалъ ихъ къ губамъ своимъ.

— Милый другъ! Вы опять со мною! Я былъ увѣренъ, что вы придете. Теперь, я счастливъ.

— Ваше присутствіе, по-видимому, его успокоиваетъ и приноситъ ему пользу, сказалъ докторъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принимаетъ васъ за ту, которую ждалъ.

Боже милостивый! какъ горько мнѣ было слышать замѣчаніе доктора, даже въ эту ужасную минуту.

Вскорѣ, Жоффрей впалъ къ безпокойный сонъ. Видъ его не столько заставлялъ меня страдать, когда рѣсницы его были

закрыты. Я долго смотрѣла на лице его, и не взирая на безпорядокъ, въ которомъ лежали его волосы, на его измѣнявшіяся черты, на запекшіяся и покрытыя кровью губы, онъ казался мнѣ такимъ, какимъ я всегда его видѣла.

Докторъ не покидалъ дома. Онъ вошелъ, нѣсколько минутъ спустя, посмотрѣлъ на больного, покачалъ головою и спросилъ меня, не желаю ли я, чтобы послали за другими докторами.

Я сказала ему, такъ какъ и полагала, что батюшка сейчасъ пріѣдетъ съ докторомъ Ледби.

— Ничего не остается дѣлать, прошепталъ онъ опять. Къ-несчастью, я приобрѣлъ слишкомъ большую опытность въ подобныхъ случаяхъ между рудокопами и каменотѣсами округа, чтобы не имѣть малѣйшаго заблужденія на этотъ счетъ.

— Сколько времени можетъ онъ прожить еще? спросила я съ трепетомъ.

— Нѣсколько часовъ; — и прибавилъ свои замѣчанія о томъ, что онъ называлъ, кажется, поврежденіемъ въ мозгу. — Онъ можетъ прожить до ночи.

И когда онъ говорилъ со мной такимъ образомъ, видъ его былъ кротокъ и полонъ жалости; взоръ, блиставшій умомъ, казалось, угадывалъ подъ моимъ наружнымъ спокойствіемъ чувства совсѣмъ иного рода. — Не унывайте, сударыня, сказалъ онъ еще; я уйду на минуту, но буду близко; священникъ уже приходилъ и опять долженъ придти.

Я осталась одна съ Жоффреемъ. Хозяйка дома входила, по временамъ, въ комнату и предлагала свои услуги; появленія ея, постоянно безполезныя, становились все рѣже и рѣже. Отецъ мой и докторъ Ледби не пріѣзжали. Я не видала также и священника, но въ эту минуту, цѣлый свѣтъ заключался для меня въ четырехъ стѣнахъ комнатки постоянного двора.

Я не знаю, что было ужаснѣе: смотреть на Жоффрея, спящаго судорожнымъ, тревожнымъ сномъ, или видѣть, какъ онъ пробуждался въ новомъ припадкѣ бреда. То онъ отталкивалъ меня и приказывалъ мнѣ удалиться; то говорилъ съ нѣжностію, жалъ мои руки и расточалъ мнѣ самыя страст-

ныя увѣренія; онъ все еще принималъ меня за Марію. Такъ прошелъ день, — день, который для него долженъ былъ сдѣлаться послѣднимъ! Заходящее солнце давно уже освѣщало комнату красноватымъ свѣтомъ; мало по малу, его сѣнили сумерки.

Наконецъ Жоффрей заснулъ сномъ болѣе крѣпкимъ и продолжительнымъ, опустивъ голову на мою руку. Какая медленная предсмертная тоска для обоихъ! Но самый достойный сожалѣнія былъ не тотъ, кто уже покончилъ съ міромъ. Ночь была бы для меня желанною гостею; но съ нею долженъ былъ наступить и роковой часъ.

Когда сквозь полураскрытыя занавѣски я увидѣла мерцающія на небѣ звѣзды, то не знаю, какое таинственное и могущественное вліяніе онъ произвели надъ моею душою. Вдругъ, взглянувъ на Жоффрея, при колеблющемся свѣтѣ лампы, я увидѣла, что онъ проснулся гораздо спокойнѣе прежняго и смотритъ на меня своимъ былымъ взоромъ. Онъ даже произнесъ мое имя чрезвычайно слабымъ голосомъ, и попробовалъ, но безуспѣшно, приподнять голову.

Докторъ предсказалъ эту переменъ; я слишкомъ хорошо знала, что она предзнаменовала; глаза мои наполнились слезами, не взирая на всѣ усилія удержать ихъ.

— Спасибо, Берта, спасибо вамъ, что пришли ко мнѣ, но Марія, гдѣ же она?

Я объяснила ему, что извѣстіе о случившемся несчастіи такъ сильно на нее подѣйствовало, что она не могла прѣхать, и я поручила ее попеченіямъ ея матери и моей мачихи.

— Бѣдное дитя! безсильна передъ несчастіемъ! Но вы, Берта, — ваша горестъ не помѣшала вамъ прѣхать! Вы останетесь со мною до конца; потомъ вы будете пещись объ ней; станете утѣшать ее, потому что она утѣшится; тростникъ снова поднимается послѣ бури, которая сокрушаетъ дубы. Берта, — добрая сестра моя, мой истинный другъ!

— Ахъ, Жоффрей, зачѣмъ не могу я умереть съ вами!

При этихъ словахъ, Жоффрей улыбнулся невыразимою улыбкою; небесный лучъ озарилъ его лице; онъ прошепталъ молитву, въ которой я различила имя Маріи, соединенное съ моимъ.

Наконецъ, онъ склонилъ голову на плечо мое, взявъ мою руку и сжалъ ее въ своихъ; вдругъ, я почувствовала, что пожатіе его прекратилось; то была уже рука бездушнаго тѣла.... Ахъ! теперь онъ зналъ, что я его любила.

Много прошло лѣтъ со времени этой ужасной ночи. Я сдержала свое обещаніе: я была сестрою для Маріи; я помогла ей перейти трудный періодъ страшной горести. Смерть Жоффрея заставила ее пролить ручьи слезъ. Бѣдное дитя! всѣ говорили, что она не переживетъ его; теперь, переломъ уже совершился!

Горестъ Маріи, столь искренняя и глубокая, — я это свидетельствую, — тѣмъ не менѣе должна была уступить, какъ большая часть человѣческихъ горестей, теченію времени и вліянію переменъ мѣста. Марія была еще ребенокъ; она едва раскрыла книгу жизни. Впоследствии, воспоминаніе о Жоффреѣ приняло въ умъ ея характеръ слишкомъ торжественный, чтобы смѣшиваться съ мелочными событіями ежедневной жизни. «Тростинка поднялась», и я почти не удивилась, когда, по возвращеніи Маріи изъ Лондона, куда ее насильно увезли на праздники, мистриссъ Лестеръ объявила мнѣ, что дочь ея, наконецъ, послушалась совѣтовъ благоразумія и дѣлаетъ превосходную партію.

Марія вся вспыхнула и даже, казалось мнѣ, затрепетала, когда увидѣла меня въ первый разъ.

— Матушкѣ хотѣлось этого, сказала она и заплакала. Я ничего не отвѣчала. Характеръ мой очень измѣнился; мнѣ не следовало никого судить, и притомъ же, всѣ желанія Жоффрея состояли въ томъ, чтобы она была счастлива. Я напомнила ей это и прибавила: — Теперь, мое дѣло кончено; другой будетъ пешихъ объ васъ. Я вамъ больше не нужна; я могу ухвать.

— Какъ! неужели въ Италію, Берта?

— Да, въ Италію, или въ другую, болѣе отдаленную страну.

— Уговорите вашего батюшку ухать въ Неаполь, продолжала она; мой мужъ повезетъ меня туда на будущую зиму.

Этимъ и ограничились наши дружескія изліянія.

(*Frazer's Magazine*).

О М О Р Я Х Ъ.

(Окончаніе).

Переходимъ къ разсмотрѣнію цвѣта и прозрачности морской воды.

Вода, если только разсматривать ее въ маломъ количествѣ, кажется обыкновенно безцвѣтною; но въ массѣ она принимаетъ различные цвѣты: то бываетъ видима синеватою, на примѣръ, вода швейцарскихъ озеръ, то зеленою, то сѣрою, то сѣровато-зеленою, то синевато-зеленою, голубою и даже красноватою. По различнымъ оттенкамъ цвѣта воды моря получили свое названіе; такъ Красное, Желтое, Черное, Бѣлое моря и названы по господствующему цвѣту воды. Какая же причина этого разнообразія цвѣта морской воды. Къ-сожалѣнію, при современномъ состояніи науки весьма трудно объяснить неодинаковость цвѣта морской воды. Но мы попытаемся предложить читателю то, что извѣстно изъ физики по этому предмету.

Лучъ свѣта, падающій на воду, раздѣляется на двѣ части; одна часть луча отражается отъ поверхности воды, другая преломляется при проходѣ чрезъ воду. Лучъ, отраженный и преломленный, неодинаковымъ образомъ дѣйствуютъ на сѣтчатую перепонку нашего глаза. Полагаютъ, что цвѣтъ воды, происходящій отъ отраженія свѣтовыхъ лучей—синій, происходящій же отъ преломленія—зеленоватый или желтый. Допустивъ такое предположеніе, мы можемъ объяснить себѣ все разнообразіе цвѣта воды. Море отъ отраженія лучей кажется намъ синимъ; оно и казалось бы синимъ постоянно, если бы не существовало преломленія лучей, и если бы вода морская была

чистою, т.-е. не содержала бы въ себѣ никакихъ постороннихъ веществъ въ растворѣ; но какъ кромѣ отраженныхъ дѣйствуютъ еще и преломленные лучи свѣта, идущіе со дна моря, потому цвѣтъ воды кажется не синимъ, но или синевато-желтымъ или синевато-зеленымъ, или сѣрымъ, смотря по свойству дна и свойствамъ растворенныхъ въ водѣ частицъ. Это обстоятельство и случается всякій разъ, когда морское дно не очень далеко удалено отъ поверхности; но если глубина весьма значительна, то преломленныхъ лучей уже не будетъ, мы тогда увидимъ море синимъ. Обстоятельство это требуетъ поясненія. Принимаютъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ опытовъ, что въ глубинѣ 21-го метра (10 сажень) удерживается $\frac{1}{10}$ часть падающихъ лучей свѣта, или что изъ 100 лучей до глубины 21 метра достигаетъ только 90 лучей; на слѣдующихъ 21 метрахъ удерживается еще $\frac{5}{100}$, слѣдовательно на глубину 42 метровъ достигаетъ только 81 лучъ, до глубины 53 метровъ 73 луча и т. д. На глубинѣ 2100 метровъ уже совершенно темно, потому что туда не проникаетъ даже $\frac{1}{10000}$ дневнаго свѣта, слѣдовательно возвращенія преломленныхъ лучей при большой глубинѣ уже нѣтъ, мы видимъ только одинъ отраженный лучъ, т.-е. синій. Наблюденія подтверждаютъ это: такъ масса воды глубокой и чистой всегда кажется синею, чему прекраснымъ примѣромъ служатъ озера швейцарскія; вода въ нихъ чиста до того, что при выпариваніи не остается никакого твердаго остатка; озера по большей части чрезвычайно глубоки; вода въ нихъ и кажется намъ синею. Море также кажется синимъ, когда глубина его весьма значительна. Но если глубина незначительна и на днѣ моря лежитъ желтый или зеленоватый песокъ, тогда лучи свѣта доходятъ до насъ въ двойномъ видѣ: одни, отраженные—синіе, другіе, преломленные, доходящіе со дна—желтые или зеленые. Отъ смѣшенія этихъ цвѣтовъ масса океана кажется зеленоватою. Если дно моря красновато, какъ въ заливѣ Лоанго, то и цвѣтъ моря кажется красноватымъ. Наконецъ, если въ водѣ плаваютъ органическія вещества или землистыя желтоватаго, красноватаго или зеленоватаго цвѣтовъ, что особенно часто можно встрѣтить близъ береговъ, тогда синій цвѣтъ морской воды, соединяясь съ сини послед-

ними, претерпѣваетъ большую перемену и кажется совершенно другимъ, или желтымъ, или сѣрымъ, и пр. и пр.

Отдѣльныя мѣста въ морѣ иногда показываютъ особый цвѣтъ. Такъ Скоресби въ полярныхъ моряхъ замѣтилъ полосы оливко-зеленаго цвѣта, и убѣдился, что причина того заключается въ существованіи медузъ, величина которыхъ была отъ $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{30}$ дюйма. Онъ нашелъ, что въ одной кубической милѣ находится 24 билліона такихъ животныхъ; можно представить себѣ неизмѣримое количество этихъ животныхъ, если скажемъ, что на пространство 30000 квадратныхъ милъ море было покрыто ими. Некоторые породы водорослей образуютъ огромныя плавающія острова; скопленіе водорослей близъ Бермудскихъ острововъ замѣчено было еще Колумбомъ, во время плаванія его въ Америку.

Прозрачность морской воды весьма значительна особенно тамъ, гдѣ она не мутится нечистою водою втекающихъ рѣкъ. Такъ на Коралловыхъ островахъ видно дно на глубинѣ 42 метровъ; на берегахъ Новой Земли вода также чрезвычайно прозрачна.

Теперь займемся разсмотрѣніемъ явленія, замѣчаемаго съ незапамятныхъ временъ, явленія, поражающаго своимъ великолѣпіемъ не только натуралистовъ, но всякаго, кто только имѣлъ случай плавать по морямъ. Мы хотимъ говорить о такъ называемомъ сверканіи или фосфоресценціи моря.

Въ большихъ моряхъ, особенно тропическихъ и Индійскомъ океанѣ, вблизи береговъ или острововъ, послѣ захода солнца, ночью, морская вода начинаетъ сверкать болѣе или менѣе сильнымъ фосфорическимъ свѣтомъ, — особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода находится въ движеніи. Сверканіе моря особенно видно съ корабля, впереди его, гдѣ онъ разсыкаетъ воду, или сзади, въ томъ слѣду, который корабль оставляетъ за собою. Это явленіе замѣчается во всѣхъ моряхъ, особенно сильно бываетъ подъ тропиками: тамъ часто не только вся поверхность бываетъ покрыта блестящими точками, величиною въ 25,4 миллиметра, но точки эти замѣчаются даже въ глубинѣ. Когда акулы и дельфины толпятся около кора-

бля, то все море представляет великолѣпнѣйшее зрѣлище: оно все кажется объятымъ пламенемъ.

Разсмотримъ теперь, что производитъ это явленіе.

Коа и Гемаръ (Quoy et Gaimard) однажды стояли на якорѣ у острова Равака, находящагося подъ экваторомъ. Всякую ночь море казалось свѣтящимся; въ водѣ было множество сіяющихъ точекъ; когда они черпали воду, то въ сосудѣ еще видны были эти точки; когда же эту воду процѣживали сквозь полотно, то она теряла способность свѣтить, на полотнѣ же оставались сверкающія точки. Разсмотрѣвъ ихъ со вниманіемъ, они убѣдились, что точки были не что иное, какъ микроскопическіе зоофиты (животно-растенія), медузы и нѣкоторыя др. Эти животныя заключаютъ въ себѣ начало фосфоричности, и плавая въ водѣ зигзагами, оставляютъ за собою блестящій слѣдъ. Наливъ воду съ этими животными въ бокалъ, Коа и Гемаръ видѣли, что при движеніи вся вода дѣлалась свѣтящеюся. Они между прочимъ доказали, что способность сказанныхъ животныхъ свѣтить зависитъ отъ тепла. Но чѣмъ именно онѣ производятъ свѣченіе — совершенно неизвѣстно. Говорили нѣкоторые, что микроскопическія медузы и др. отдѣляютъ изъ себя фосфорическія частицы, которыя въ соприкосновеніи съ атмосфернымъ воздухомъ загараются, но это предположеніе несправедливо, потому что сверканіе примѣчается и на глубинѣ, гдѣ уже не можетъ быть соприкосновенія съ воздухомъ.

Беккерель и Бреше (Becquerel et Brechet) производили наблюденія на рѣкѣ Брентѣ и подтвердили показанія Коа и Гемара, т.-е. что сверканіе воды производится органическими веществами. Вода Бренты, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Венеціи, во время сильныхъ жаровъ при небольшомъ сотрясеніи имѣетъ свойство свѣтить. Достаточно было бросить въ воду тѣло самое легкое, и свѣтъ тотчасъ являлся не только въ томъ мѣстѣ, куда упало тѣло, но и въ кругахъ воды, происходящихъ всякій разъ, какъ бросишь въ нее камень или другое тѣло.

И такъ сверканіе морской воды производится микроскопическими медузами и другими зоофитами; но кромѣ этого мы знаемъ и другіе факты, доказывающіе, что фосфорическій свѣтъ происходитъ и отъ гніенія органическихъ веществъ.

Когда гниютъ рыбы, около нихъ является свѣтъ; точно также является свѣтъ, когда гниетъ дерево; послѣднему обстоятельству надобно приписать сверканіе илстаго дна нѣкоторыхъ болотъ. Но сколько послѣдняя причина участвуетъ въ сверканіи моря, — неизвѣстно, знаемъ только, что главнѣйшую, но все-таки не единственную, причину сказаннаго явленія составляютъ органическія вещества.

Этимъ мы оканчиваемъ описаніе распространенія морскихъ водъ по земной поверхности и описаніе ихъ главнѣйшихъ физическихъ и химическихъ свойствъ. Остается сказать только о тѣхъ движеніяхъ, которыя происходятъ въ океанахъ отъ притяженія солнца и луны и отъ неравнобѣрнаго нагреванія воды. Но передъ этимъ не лишнимъ считаемъ сказать читателю, что океанъ, не смотря на свое кажущееся однообразие массы и состава, представляетъ чрезвычайное разнообразіе органической жизни. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ знаменитѣйшій естествоиспытатель, первый путешественникъ нашего времени, одно имя котораго, по выраженію Свенеке, перевѣшиваетъ сонмы обыкновенныхъ путешественниковъ, первоклассный писатель и поэтъ, Гумбольдтъ, въ I томѣ Космоса. (Стр. 217 перевода Фролова).

«Океанъ, по внѣшнему своему виду не столь разнообразный, какъ поверхность материковъ, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи его внутренности представляетъ, быть можетъ, роскошнѣйшее обиліе органической жизни, чѣмъ гдѣ-нибудь можно найти собраннымъ, на какой-нибудь земной полосѣ. Справедливо замѣчаетъ Карлъ Дарвинъ, въ увлекательномъ журналѣ своихъ далекихъ морскихъ странствованій, что наши лѣса не скрываютъ въ себѣ столько животныхъ, сколько расплодилось ихъ въ низменной лѣсной сторонѣ океана; въ ней длинныя водоросли пускаютъ свои корни на отмѣляхъ; вѣтви ихъ, оторванныя напоромъ волны или теченіями, свободно плаваютъ и развѣтываютъ на морской поверхности свою нѣжную зелень, поднимаемую воздухоносными клѣтками. Употребленіе микроскопа еще болѣе умножило, самымъ чуднымъ образомъ, впечатлѣніе всеоживленности океана, дивное сознаніе, что въ нѣдрахъ его всюду шевелится животная жизнь. На глубинахъ

превосходящихъ высоту самыхъ мощныхъ горъ, каждый лежащій другъ на другъ слой воды оживленъ инфузоріями (наливочными), полигастрическими морскими червями, циклидіями и офридинами. Здѣсь роится безчисленная толпа небольшихъ, искрами свѣтящихся животныхъ, разныхъ черепокожныхъ, маммарій, изъ разряда акалефовъ (морскихъ крапивъ), керидинъ (инфузорій) и кружащихся керендинъ (червей); — всѣ они, привлекаемыя на поверхность особеннымъ состояніемъ погоды, обращаютъ каждую волну въ свѣтящуюся полосу. Обиліе этихъ маленькихъ животныхъ и животной матеріи, доставляемой ихъ скорымъ разрушеніемъ, такъ огромно, что вся морская вода становится питательною жидкостію для множества другихъ морскихъ тварей. Если богатство оживленныхъ формъ, несмѣтное множество разнообразнѣйшихъ микроскопическихъ и отчасти уже весьма развитыхъ организмовъ, занимаютъ пріятно фантазію, то она становится возбужденной еще значительное, прибавлю, еще торжественнѣе картиной безпредельнаго и неизмѣримаго, представляемой каждымъ мореплаваніемъ. Кто, пробужденный къ духовной самостоятельности, охотно созидаетъ въ себѣ свой собственный міръ, тотъ зрѣлищемъ свободнаго, открытаго моря принимаетъ въ душу возвышенный образъ *безконечнаго*. На открытомъ морѣ взоръ особенно привлекается далекимъ горизонтомъ, тамъ, гдѣ въ неопредѣленномъ, какъ бы въ туманномъ очертаніи сливается вода и воздухъ, и гдѣ, передъ мореходцемъ, звезды встаютъ и сменяются. Вѣчная игра этихъ измѣненій природы примѣшивается къ этимъ ощущеніямъ, какъ и вообще ко всемъ человѣческимъ радостямъ, дуновеніе какого-то грустнаго, неопредѣленнаго желанія».

Далѣе Гумбольдтъ говоритъ, что сближеніе съ моремъ имѣло сильное вліяніе на развитіе духа и характера многихъ народныхъ племенъ, на размноженіе тѣхъ изъ нихъ, которыя должны нѣкогда связать весь родъ человѣческій въ одно цѣлое, на возможность достигнуть познанія настоящей фигуры земнаго пространства, наконецъ на усовершенствованіе астрономіи и всѣхъ математическихъ и физическихъ наукъ. Часть этого вліянія сначала ограничивалась Средиземнымъ моремъ и

берегами юго-западной Азии; но съ XVI вѣка она сдѣлалась болѣе общемо и распространилась на народы, живущіе вдали отъ моря, внутри материковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Колумбъ «посланный былъ слыть окопы съ океана» (такъ возвестили ему неизвѣстный голосъ, въ видѣніи, на болѣзненномъ одрѣ его, у рѣки Бедемъ), съ тѣхъ поръ и человекъ, сдѣлавшись духовно-свободнѣе, отважился проникнуть въ неизвѣстныя страны.

Переходимъ къ разсмотрѣнію движенія воды въ океанахъ. Эти движенія составляютъ: приливы и отливы, морскія теченія и волны. О каждомъ изъ сихъ явленій мы будемъ говорить порознь, стараясь, какъ и въ предъидущемъ разсказѣ, ограничиться существенно-главнымъ.

Явленіе приливовъ и отливовъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вода въ океанѣ около береговъ начинаетъ возвышаться постепенно болѣе и болѣе до извѣстной степени, потомъ поверхность воды начинаетъ понижаться также до извѣстнаго предѣла. Повышеніе воды или приливъ продолжается 6 часовъ, пониженіе или отливъ другіе 6 часовъ, слѣдовательно въ сутки вода достигаетъ два раза наибольшей и два раза наименьшей высоты, или, говоря иначе, въ сутки бываетъ два раза приливъ и два раза отливъ. Явленіе это замѣчается только на берегахъ большихъ океановъ и морей, находящихся съ ними въ открытомъ соединеніи. Въ моряхъ же, соединенныхъ съ океаномъ узкимъ проливомъ, и вообще во всѣхъ средиземныхъ моряхъ, на пр. въ Балтійскомъ, Черномъ, Каспійскомъ и въ самомъ Средиземномъ морѣ приливовъ и отливовъ или не бываетъ вовсе, или въ весьма малой, едва примѣтной степени.

Явленіе приливовъ и отливовъ повторяется ежедневно, но не въ одинаковыя часы; такъ, на примѣръ, если одинъ приливъ будетъ замѣчаемъ въ данномъ мѣстѣ въ полдень, то въ слѣдующіе сутки приливъ не будетъ въ 12 часовъ, но въ 12 часовъ и 50 минутъ; точно также и отливъ, если первый былъ въ 6 часовъ по полудни, то по истеченіи сутокъ отливъ будетъ уже въ 6 часовъ и 50 минутъ; слѣдовательно моменты прилива и отлива не остаются неизмѣнными, но

постоянно соответствующій приливъ на другой день опаздываетъ 50-ю минутами противъ перваго.

Во время приливовъ вода возвышается въ различныхъ мѣстахъ неодинаково. У острова Гериса высота прилива достигаетъ до 32 футъ, у береговъ Англіи и Франціи до 19 футъ, у Рио-Жанейро не болѣе 7 или 8 футъ, въ Тихомъ океанѣ не болѣе 1-го фута; въ Архангельскѣ на 5 футъ, въ Санъ-Мало до 50 футъ; самые сильнѣйшіе приливы замѣчены на берегахъ сѣверной Америки въ Фондскомъ заливѣ: они достигаютъ высоты 70 футъ. Если наблюдать высоту прилива въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то увидимъ, что высота эта не бываетъ одинаковою, но измѣняется въ разныя времена. Тщательныя и многочисленныя наблюденія показали, что наибольшая высота прилива въ данномъ мѣстѣ будетъ во время новолунія и полнолунія, т.-е. во время сизигій, наименьшая во время первой и послѣдней четверти луны, т.-е. во время квадратуръ. Разсмотримъ же теперь, какая причина заставляетъ подниматься воду въ океанахъ.

Мы выше сказали, что приливъ опаздываетъ въ сутки 50 минутами, и это совершенно соответствуетъ суточному опаздыванію луны, потому что луна проходитъ чрезъ меридіанъ даннаго мѣста въ каждый послѣдовательный день 50 минутами позже. Но какъ времена опаздыванія прилива и опаздыванія луны совершенно одинаковы, т.-е. что приливъ является всегда при одномъ и томъ же положеніи луны относительно меридіана, слѣдовательно необходимо заключать, что приливъ зависитъ отъ дѣйствія луны.

Мы сказали также, что наибольшая высота приливовъ бываетъ во время новолунія и полнолунія, т.-е. во время сизигій, когда солнце, луна и земля находятся почти на одной прямой линіи, и самая наименьшая во время квадратуръ, когда прямая, соединяющая центръ земли съ центромъ солнца и луны, составляютъ между собою прямой уголъ. Слѣдовательно, явленіе приливовъ зависитъ не только отъ дѣйствія луны, но и отъ дѣйствія солнца.

Но какъ важнѣйшее и самое сильное дѣйствіе солнца и

луны состоитъ въ ихъ притяженіи, потому именно и надобно искать главную причину приливовъ въ притяженіи, оказываемомъ солнцемъ и луною на землю.

Но прежде приступленія къ изложенію теоріи приливовъ, мы сдѣлаемъ небольшое отступленіе, надѣясь, что читатель не посятуетъ на насъ за это.

Понятія древнихъ народовъ о фигурѣ, величинѣ и движеніи земли и луны были крайне недостаточны и сбивчивы, потому, естественно, они никакъ не могли объяснить себѣ причины главнѣйшихъ міровыхъ явленій. Но не смотря на то, что естествознаніе древнихъ стояло не на высокой степени, все-таки найдены указанія, изъ которыхъ необходимо заключить, что нѣкоторые древніе ученые представляли себѣ систему міра правильнымъ и точнымъ образомъ. Такъ о силѣ притяженія знали Анаксагоръ и Платонъ. Аристотель и Гиппархъ знали объ усиливающейся скорости тѣлъ при ихъ паденіи, но не умѣли правильно истолковать это явленіе. Аристархъ Самосскій первый началъ опредѣлительно говорить, что солнце стоитъ неподвижно, земля же двигается около него въ наклонномъ кругѣ и вѣхтъ съ тѣмъ около своей оси. Селевкъ Вавилонянинъ, современникъ Гиппарха (150 лѣтъ до Р. Х.), стараясь доказать положенія Аристарха математически. Но до Никодая Коперника (род. 1472 г., ум. 1543), или лучше сказать, до выхода въ свѣтъ его великаго творенія *De revolutionibus orbium coelestium*, очень мало ученыхъ имѣло истинное воззрѣніе на систему міра.

Коперникъ, а въ слѣдъ за нимъ величайшіе математики всѣхъ временъ и народовъ, Кеплеръ и Ньютонъ, оставили намъ истинное ученіе объ этомъ предметѣ. Кеплеръ открылъ законы обращенія планетъ, Ньютонъ законы всемірнаго тяготѣнія. Съ открытіемъ сихъ законовъ астрономія во всей точности и полнотѣ объяснила намъ все, что только касается до движенія свѣтилъ. Но мы должны оставить въ сторонѣ объясненіе, какимъ образомъ выводятся законы тяготѣнія, потому что это отвлекло бы насъ совершенно отъ предполагаемой цѣли; ограничимся только исчисленіемъ законовъ всемірнаго тяготѣнія, и на осно-

ваніи ихъ тотчасъ приступимъ къ объясненію явленія приливовъ и отливовъ.

1-й законъ. Сила, съ которою различныя планеты притягиваются солнцемъ, находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній этихъ планетъ отъ солнца.

2-й законъ. Сила, съ которою та же планета въ различныхъ пунктахъ своего пути притягивается солнцемъ, также находится въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній этой планеты отъ солнца.

3-й законъ. Земля подобную же силу оказываетъ надъ луной, и эта сила тождественна съ тяжестью на землѣ.

4-й законъ. Солнце такимъ же образомъ дѣйствуетъ не только на двигающіяся около него планеты, но и на другія тѣла, на нашу луну и на спутниковъ другихъ планетъ; сверхъ-того вообще всѣ эти тѣла между собою взаимно притягиваются.

5-й законъ. Сила, которую такимъ образомъ оказываютъ солнце, земля и каждое небесное тѣло надъ всякимъ другимъ тѣломъ, происходитъ отъ притягательной силы каждой частицы массъ этихъ притягивающихъ тѣлъ; наконецъ, это притяженіе свойственно всѣмъ тѣламъ, т.-е. всякой массѣ въ природѣ, такъ что всѣ тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга въ прямомъ отношеніи ихъ массъ и въ обратномъ отношеніи квадратовъ ихъ взаимныхъ разстояній. И такъ на основаніи законовъ всемірнаго тяготѣнія, солнце, луна и земля взаимно притягиваютъ другъ друга. Предположимъ теперь, какъ это дѣлаетъ Ленцъ въ своей Физической Географіи при теоретическомъ объясненіи приливовъ, — объясненіи, кстатизамѣтимъ, образцовомъ по ясности и точности, — что земля есть жидкій шаръ, и предположимъ, что солнце или луна, вообще какое-нибудь свѣтило, находится въ плоскости экватора: тогда земля должна имѣть къ этому свѣтилу по прямому направленію, и ежели скорость частицъ земли, предполагаемой жидкимъ шаромъ, одинакова; то и форма земли останется неизмѣняемою, т.-е. она будетъ шарообразною. Но скорость частицъ земли не можетъ быть одинаковою, потому что свѣтило сильнѣе притягиваетъ къ себѣ ближайшія частицы, т.-е. тѣ, надъ которыми оно находится, и слабѣе тѣ частицы, которыя противоположны первымъ;

сдвѣженіемъ этого неравноузнаго притяженія частицъ будетъ измѣненіе формы земли: она растянется, или, говоря иначе, на сколько одинъ діаметръ земли увеличится по направленію дѣйствія притягательной силы свѣтила, на столько же уменьшится другой діаметръ, составляющій съ первымъ прямой уголъ.

Такое явленіе, т.-е. измѣненіе формы, случилось бы непременно, если бы земля составляла жидкій шаръ; но какъ земля состоитъ изъ материка и воды, то и посмотримъ, каково будетъ дѣйствіе свѣтила въ этомъ случаѣ. Положимъ сначала, что земной шаръ состоитъ изъ твердаго ядра, окруженнаго концентрическою жидкою оболочкою. Вообразимъ себя перенесенными въ какое-нибудь мѣсто подъ экваторомъ, и представимъ себѣ, что свѣтило находится прямо надъ нашею головою, т.-е. въ зенитѣ. Въ этомъ мѣстѣ оно оказываетъ свое наибольшее дѣйствіе, т.-е. стремится притянуть къ себѣ всѣ частицы земли; жидкая оболочка въ этомъ мѣстѣ должна приподняться, потому что частицы ея гораздо подвижнѣе частицъ твердаго ядра: въ противной же точкѣ наблюдателя, или на 180° отъ него по долготѣ, дно жидкой оболочки притягивается сильнѣе, чѣмъ сама оболочка, потому и на противоположной точкѣ наблюдателя будетъ пониженіе воды. Слѣдовательно, пониженіе жидкой оболочки отъ притяженія свѣтила будетъ замѣчаемо въ двухъ діаметрально противоположащихъ точкахъ. Но какъ пониженіе жидкой оболочки не можетъ происходить безъ пониженія уровня ея въ другихъ мѣстахъ, потому на 90° долготы по обѣимъ сторонамъ отъ наблюдателя будетъ пониженіе воды, т.-е. также на двухъ діаметрально противоположащихъ точкахъ. Слѣдовательно, въ данный моментъ на землѣ будутъ два повышенія жидкой оболочки, или два прилива, и два пониженія или отлива. Но какъ земля движется отъ запада къ востоку около своей оси въ 24 часа времени, потому наблюдатель, у котораго въ зенитѣ находится свѣтило, само по себѣ неподвижное, отодвигается къ западу отъ первоначальнаго своего положенія къ свѣтилу, отчего дѣйствіе свѣтила мало по малу уменьшается, начинается понемногу отливъ, и когда наблюдатель отодвигается на 90° долготы къ западу, онъ увидитъ отливъ; когда отодвинется еще на 90° , т.-е. на 180° отъ первоначальнаго

положенія относительно свѣтила, онъ увидитъ снова приливъ, потому что въ этомъ мѣстѣ дно океана сильнѣе притягивается, — оно какъ-бы отдергивается внизъ. Далѣе, когда наблюдатель придетъ на 270° долготы, у него снова будетъ отливъ. И такъ понятно, что во время полного оборота земли вокругъ своей оси, т.-е. въ одни сутки, будетъ два прилива и два отлива.

Теперь мы можемъ рассмотреть вліяніе притяженія луны на воду океановъ. Въ этомъ случаѣ все сказанное прежде о притяженіи свѣтила на земной шаръ должно произойти такъ, какъ мы рассказали, т.-е. что отъ дѣйствія луны будутъ въ океанахъ происходить приливы, и отливы, по два раза въ сутки. Но какъ луна при обращеніи вокругъ земли отстаетъ на 50 минутъ отъ неподвижныхъ звѣздъ, и придетъ на другой день въ меридіанъ даннаго мѣста, спустя 50 минутъ послѣ прохожденія въ первый день, на третій день она придетъ также чрезъ 50 минутъ послѣ прохожденія во второй день и т. д., потому приливы и отливы каждый разъ будутъ опаздывать. Такъ, если одинъ приливъ будетъ въ полдень, то отливъ будетъ въ 6 часовъ и 12 минутъ, второй приливъ въ 12 часовъ 25 минутъ ночи, второй отливъ въ 6 часовъ 37 минутъ слѣдующаго утра, и на другой день приливъ является уже не въ полдень, но въ 12 часовъ и 50 минутъ, и т. д. Какое дѣйствіе оказываетъ на землю и на океанъ луна, точно такое же дѣйствіе производится и солнцемъ, т.-е. приливы и отливы также происходятъ по два раза въ сутки, но уже безъ малѣйшаго опаздыванія, потому что земля ровно въ 24 часа обратится вокругъ своей оси.

Изъ 5-го закона всемірнаго тяготѣнія, приведеннаго нами выше, изъ котораго открывается, что всѣ тѣла взаимно притягиваются другъ другомъ въ прямомъ отношеніи ихъ массъ и въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній, и зная сверхъ того, что масса солнца въ 355,000 больше массы земли, а масса луны въ 88 разъ меньше, и что среднее разстояніе солнца отъ земли равняется 20,666,800 географическихъ миль, среднее разстояніе луны равняется 52,000 географическихъ миль или $\frac{1}{400}$ разстоянія солнца, можно судить о томъ, который изъ приливовъ сильнѣйшій, производимый луною, или солн-

цемъ. Солнце по своей чрезвычайно огромной массѣ производило-бы несравненно сильтѣйшій приливъ, если бы только разстояніе его отъ земли не было такъ велико. Мы не приводимъ здѣсь вычисленій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ: любопытные могутъ найти ихъ не только въ сочиненіяхъ специальныхъ объ астрономіи, но и въ Физической Географіи Ленца на ст. 75-й; скажемъ только результатъ вычисленій, именно: высота прилива, произведеннаго луною, относится къ высотѣ прилива, произведеннаго солнцемъ, какъ 9 относится къ 4, т.-е., если высота прилива, произведеннаго луною въ данномъ мѣстѣ, будетъ 9 ф., то высота прилива, произведеннаго солнцемъ, будетъ только 4 ф.

Если солнечный и лунный приливы будутъ совпадать въ одно и то же время, то повышеніе моря будетъ равняться суммѣ дѣйствій солнца и луны, т.-е. приливъ будетъ равняться $9+4=13$ футамъ; если же лунный приливъ совпадетъ съ солнечнымъ отливомъ, то будетъ происходить приливъ, но высота его будетъ равна разности высотъ обоихъ, т.-е. $9-4=5$ футамъ. Совпаденіе приливовъ будетъ происходить, когда большая ось жидкаго эллипсоида, образованнаго дѣйствіемъ луны, и большая ось такого же эллипсоида, образованнаго дѣйствіемъ притяженія солнца, совпадутъ, т.-е. когда солнце и луна съ землею будутъ на одной прямой, что случится во время сизигій (полнолунія и новолунія); въ это время приливы будутъ наибольшіе. Если же, напротивъ, длинныя оси обоихъ эллипсоидовъ будутъ перпендикулярны другъ къ другу (что будетъ во время квадратуръ), то совпадетъ лунный приливъ съ солнечнымъ отливомъ, и высота приливовъ будетъ наименьшая.

Изъ сказаннаго надобно заключить, что приливъ долженъ случиться именно въ то самое время, когда луна проходитъ чрезъ меридіанъ даннаго мѣста, но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ: приливъ случается, спустя нѣсколько часовъ послѣ прохожденія луны чрезъ меридіанъ. Явленіе это объясняется инерціею воды. Инерціею же, или недѣятельностью, называютъ въ физикѣ такое свойство, по которому, если тѣло находится въ покоѣ, то оно останется въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока

какою-нибудь силою выведено будетъ изъ него; когда тѣло приведено въ движеніе, то оно не перемѣнитъ этого движенія и продолжаетъ его по прямой линіи, пока не станетъ дѣйствовать на него какая-нибудь сила. Вода по этому требуетъ некотораго времени для того, чтобы принять то движеніе, которое сообщается ей луною.

Объясняя явленія прилива и отлива, мы предполагали, что земля со всѣхъ сторонъ окружена равномерно водою, но въ природѣ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Вода прервана во многихъ мѣстахъ материками и группами острововъ, которые препятствуютъ равномерному движенію воды. Приливъ и отливъ сходно съ вычисленіемъ происходитъ равномерно только въ большомъ Южномъ океанѣ; тамъ приливная волна, т.-е. послѣдовательное возвышеніе уровня моря въ разныхъ должотахъ отъ дѣйствія луны, движется около земли, согласно съ движеніемъ луны, отъ востока къ западу въ 24 часа 50 минутъ. Но къ сѣверу приливная волна двигаться съ такою правильностію не можетъ, потому что Америка, Азія и Африка составляютъ непреодолимыя преграды этому движенію. Следовательно, явленіе приливовъ и отливовъ въ Атлантическомъ, Тихомъ и Индійскомъ океанахъ не можетъ производиться правильно и согласно съ движеніями луны.

Положимъ, говоритъ Леницъ, что приливная волна, въ моментъ своей наибольшей высоты, проходитъ въ Южномъ океанѣ между оконечностями Африки и Америки ровно въ полдень: то она не можетъ остаться безъ вліянія на массу воды Атлантическаго океана, но напротивъ, по свойству жидкихъ тѣлъ, должна этой массѣ передать это возвышеніе; такимъ образомъ въ то же время, какъ главная волна движется въ Южномъ океанѣ отъ востока къ западу, образованная ею побочная волна распространится въ Атлантическомъ океанѣ отъ юга къ сѣверу, и мало по малу достигаетъ европейскихъ береговъ. Приливы въ Атлантическомъ океанѣ по этому суть побочные съ сравненіемъ одновременныхъ приливовъ. Во многихъ мѣстахъ этого океана можно опредѣлить, съ какою скоростію приливы распространяются впередъ. Луббокъ и Хозль (Whewell) соединили линіями всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ

приливы бываютъ въ одно и то же время, и называли эти линіи котидажными или соприливными линіями. Найдено, что приливъ въ Темзѣ является 60 часами позже, чѣмъ соответствующая волна проходитъ южную часть Атлантическаго океана. Замѣчено также, что соприливные линіи тѣмъ ближе другъ къ другу, чѣмъ меньше глубина моря, потому въ неглубокомъ каналѣ Ла-Маншъ эти линіи близки одна къ другой, и этимъ объясняется, почему въ сказанномъ каналѣ въ одномъ мѣстѣ замѣчается приливъ, а въ другомъ отливъ.

Въ Нѣмецкомъ морѣ встрѣчаются двѣ приливныя волны. Одна изъ нихъ идетъ, обошедши Ирландію и Шотландію, къ югу, другая чрезъ каналъ Ла-Маншъ идетъ къ сѣверу. При встрѣчѣ этихъ волнъ могутъ произойти два случая: или въ данномъ мѣстѣ отъ двухъ приливныхъ волнъ будетъ усиленный приливъ, или прилива не будетъ вовсе, — именно потому, что въ первомъ случаѣ приливъ одной системы совпадаетъ съ приливомъ другой системы, и является усиленный приливъ; во второмъ же случаѣ приливъ одной системы совпадаетъ съ отливомъ другой, влияние ихъ, следовательно, взаимно уничтожается, и вода въ такомъ случаѣ не покажетъ измѣненія въ высотѣ. Явленія, происходящія при встрѣчѣ двухъ системъ приливныхъ волнъ, называются интерференціею соприливныхъ волнъ, и совершенно сходны съ интерференціею свѣта — явленіемъ, подтверждающимъ теорію волненій свѣта. Кстати скажемъ, что интерференція свѣта происходитъ тогда, когда два луча свѣта, выходящіе изъ одной свѣтящейся точки, имѣющіе одинаковый свѣтъ и напряженіе и идущіе почти по одинаковому направленію, падаютъ на одну точку такъ, что имъ предстоитъ возможность или усилить освѣщеніе въ этой точкѣ, или ослабить его до полной темноты. Интерференціею двухъ лучей свѣта производится иногда темнота также, какъ совпаденіемъ двухъ волнъ звука производится не усиливаніе, но ослабленіе или даже уничтоженіе его.

Мы прежде сказали, что въ небольшихъ моряхъ явленій приливовъ и отливовъ не примѣчается; въ моряхъ, принадлежащихъ европейской Россіи, кромѣ Бѣлаго моря, нигдѣ приливовъ и отливовъ нѣтъ; но въ семъ последнемъ морѣ есть,

и довольно значительные, — они бывают замечены даже въ Архангельскѣ. Здѣсь встрѣчается явленіе, известное у тамошнихъ жителей подъ именемъ *манихи*, и состоящее въ томъ, что вода въ серединѣ повышенія вдругъ останавливается на нѣкоторое время, или даже нѣсколько понижается, и потомъ снова повышается. Вероятно, это явленіе зависитъ отъ интерференціи соприливнохъ волнъ, но, по недостатку наблюдений, мы не можемъ утвердительно сказать это.

Приливная волна проникаетъ въ устья рѣкъ и замѣтна бываетъ на значительномъ разстояніи....

Во время прилива рѣки поднимаются болѣе или менѣе, даже до 15 футовъ.... Въ Амазонской рѣкѣ, приливъ замѣтенъ на разстояніи 200 морскихъ миль отъ моря. Въ Темзѣ и Сѣверной Двинѣ приливъ замѣтенъ на разстояніи также нѣсколькихъ морскихъ миль. Въ рѣкѣ Дордонъ въ Южной Франціи, приливъ въ видѣ значительной волны быстро двигается вверхъ по рѣкѣ, и известенъ у тамошнихъ жителей подъ именемъ *маскаре*.

Независимо отъ дѣйствія тяжести, уровень моря можетъ измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ барометрическаго давленія, и отъ вѣтровъ. Такъ въ 1836-мъ году Досси (Daussy), производя наблюденія въ Брестѣ (Франція), нашель, что:

При высотѣ барометра:	Средній уровень моря:
745,7 миллиметровъ	3,597
752,9	2,926
756,5	2,854
760,5	2,796
765,2	2,757

Слѣдовательно уровень моря понижается, когда высота барометра увеличится.

Эме (Aimée), наблюдая Средиземное море въ Алжирѣ, нашель, что 1 миллиметръ измѣненія въ высотѣ барометра соответствуетъ 13 миллиметрамъ измѣненія высоты моря (въ обратномъ смыслѣ).

Вѣтры иногда оказываютъ значительное вліяніе на высоту уровня океана; такъ замѣчено, что въ Брестѣ, Лоріенѣ и Рошфорѣ приливы бываютъ самыя высокіе при западномъ

вѣтрѣ; на берегахъ Сѣверно-Американскихъ Штатовъ самый высокій приливъ бываетъ при восточномъ вѣтрѣ. Въ Средиземномъ морѣ при берегахъ Генди, Тулонъ и Марсель возвышеніе воды случается при южномъ вѣтрѣ, въ Алжирѣ и Тулонѣ на оборотъ, при сѣверномъ. Но объ этомъ предметѣ, т.-е. о дѣйствіи вѣтра на поверхность моря, мы будемъ говорить подробнѣе ниже.

Переходимъ къ разсматриванію теченій воды въ океанахъ.

Теченіе воды въ океанахъ замѣчается почти повсюду, но въ различныхъ степеняхъ; опредѣленіе направленія теченій весьма важно для мореплавателя, потому всѣ мореплаватели обращали на этотъ предметъ свое вниманіе, но не смотря на это, мы не знаемъ вполне всѣхъ причинъ сказаннаго явленія. Но прежде мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ тѣми средствами, къ которымъ прибѣгаютъ для опредѣленія теченій воды въ океанѣ.

Единственное средство, говоритъ академикъ Лепъ, которое мы имѣемъ для опредѣленія направленій и скорости теченій, состоитъ въ слѣдующемъ: мореплаватель каждый день означаетъ перемѣну положенія своего корабля двоякимъ образомъ: во-первыхъ, наблюдая направленіе движенія корабля по компасу и опредѣляя скорость его посредствомъ лага, онъ отмѣчаетъ суточный путь свой на картѣ; во-вторыхъ, онъ опредѣляетъ географическое свое положеніе изъ астрономическихъ наблюденій; если положеніе, выведенное по второму способу, совпадаетъ съ положеніемъ, проложеннымъ на картѣ, то онъ заключаетъ, что на движеніе корабля не дѣйствовало никакое теченіе; въ противномъ же случаѣ, если мѣсто корабля, показанное на картѣ, находится отъ мѣста, получаемого изъ астрономическихъ наблюденій, на какомъ-нибудь разстояніи къ востоку, то принимаетъ, что причина этому теченіе океана, и говоритъ, что въ этомъ мѣстѣ дѣйствовало западное теченіе съ такою-то скоростью въ сутки. Направленіе теченій принято обозначать противно обозначенію направленія вѣтровъ; такъ восточное теченіе есть теченіе воды отъ запада къ востоку; восточный вѣтеръ напротивъ есть вѣтеръ дующій отъ востока къ западу. — Сказанный способъ для опредѣленія тече-

ній, продолжаетъ Ленцъ, не очень точенъ, ибо каждая неточность въ управленіи корабля по компасу, каждая ошибка самаго компаса, каждая ошибка, наконецъ, при опредѣленіи скорости хода—приписывается теченію; по этому нельзя иначе принимать существованіе теченія за доказанное, какъ въ слѣдствіе обозначенія его нѣсколькими мореплавателями въ одномъ и томъ же мѣстѣ океана и по одному и тому же направленію; или въ такомъ случаѣ, если разность въ опредѣленіи положенія корабля по двумъ вышеупомянутымъ способамъ, далеко превышаетъ вѣроятныя ошибки наблюденій. Сличая большое число такихъ наблюденій, получили наконецъ свѣдѣнія о главныхъ теченіяхъ въ океанѣ.

Всѣ теченія, которыя были наблюдаемы мореплавателями, можно раздѣлить на:

- 1). Теченія постоянныя.
- 2). Теченія періодическія.
- 3). Теченія случайныя и переменныя.

О каждомъ изъ нихъ мы будемъ говорить по порядку, и начнемъ съ разсматриванія *постоянныхъ теченій*.

Капитанъ Дюперрей (Duperrey), сличивъ наблюденія, произведенныя во время кругосвѣтныхъ путешествій Кука, Бодена, Флиндерса и другихъ мореплавателей, начертилъ карту морскихъ теченій. Такая карта приложена къ Космосу въ русскомъ переводѣ Н. Фролова (I томъ на стр. 214). Просимъ читателя взглянуть на эту карту, если нѣтъ у него другой.

Отъ южнаго полюса начинаются три потока холодной воды. Первый, центральный, направляется къ восточной сторонѣ южной Америки, и подъ 40° южной широты раздѣляется на двѣ вѣтви:—одна изъ нихъ идетъ къ югу, къ Патагоніи, обходитъ мысъ Горнъ и согреваетъ берега этихъ сторонъ, потому что вѣтвь сія течетъ изъ низшихъ широтъ; другая, сѣверная, вѣтвь течетъ около береговъ Перу и Хили, и такъ какъ она несетъ воду холодную, то тѣмъ и умѣряетъ климатъ, и дѣйствительно климатъ Перу и Хили гораздо умѣреннѣе климата Бразиліи. Эта вѣтвь отъ мыса Пайта въ Перу вдругъ поворачиваетъ отъ востока къ западу, идетъ въ Тихій океанъ и образуетъ такъ называемое большое экваторіальное теченіе.

Течение это открыто въ 1802 г. Гумбольдтомъ. Среди тропическихъ странъ это холодное теченіе въ инныя времена года показываетъ только 15° , 6 теплоты, тогда какъ покоящаяся вода въ теченіи имѣетъ $27^{\circ},5$ и $28^{\circ},7$.

Большое экваторіальное теченіе соединяется съ теченіемъ, идущимъ изъ сѣвернаго полушарія, и мало по малу приближаясь къ Королиновымъ островамъ, нагревается. Не доходя до большаго азіатскаго архипелага, сказанное теченіе раздѣляется на двѣ вѣтви.

Одна изъ нихъ направляется къ сѣверу, другая къ югу. Сѣверная вѣтвь течетъ между островами Маріанскими (Разбойничьими) и Японією, и доходитъ до острововъ Алеутскихъ. Отсюда вѣтвь поворачивается къ востоку, потомъ къ югу, и наконецъ на высотѣ Калифорніи впадаетъ опять въ большое экваторіальное теченіе.

Вторая (южная) вѣтвь направляется къ западнымъ берегамъ Новой-Голландіи, обходитъ Новую Зеландію и соединяется съ центральнымъ, идущимъ отъ южнаго полюса, потокомъ, нагревая его въ восточной части. Эта же вѣтвь заходитъ за Ванъ-Дименову землю и смышивается со вторымъ, начинающимся отъ южнаго полюса, потокомъ. Этотъ потокъ направляется, подобно всѣмъ потокамъ холодной воды, къ востоку, — онъ находится на западѣ отъ центральнаго потока, обходитъ восточные берега Новой Голландіи, потомъ направляется къ сѣверу къ островамъ Явъ и Суматрѣ, и соединяется здѣсь съ большимъ экваторіальнымъ теченіемъ, которое все продолжаетъ свой путь, не смотря на встрѣчаемыя препятствія со стороны острововъ. Большое экваторіальное теченіе, принявъ въ себя западную вѣтвь полярнаго потока, направляется къ западу, потомъ къ югу идетъ между Африкою и островомъ Мадагаскаромъ, и огибаетъ мысъ Доброй Надежды. Пройдя нѣсколько далѣе, большое экваторіальное теченіе соединяется съ третьимъ потокомъ, начинающимся у южнаго полюса по восточную сторону центральнаго потока. Соединившись съ третьимъ потокомъ, большое экваторіальное теченіе продолжаетъ идти по западнымъ берегамъ Африки, и образуетъ теченіе, называемое Гольфъ-Стримомъ (заливнымъ теченіемъ). Гольфъ-Стримъ

(Gulf-Stream) (*), описанный весьма подробно Гумбольдтомъ, течетъ въ Мексиканскій заливъ, при чемъ отъ стѣсненія скорость его возрастаетъ все болѣе и болѣе. Въ Мексиканскомъ заливѣ это теченіе поворачиваетъ къ сѣверу, идетъ вдоль южныхъ береговъ Флориды, и чрезъ Багамскій проливъ вливается въ Атлантическій океанъ. Такъ какъ Гольфъ-Стримъ увлекаетъ воду изъ теплѣйшихъ странъ въ холоднѣйшія, потому онъ отличается высокою температурою воды и можетъ быть замѣченъ посредствомъ термометра. При входѣ въ Атлантическій океанъ Гольфъ-Стримъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна изъ нихъ направляется къ Ирландіи, къ островамъ Оркадскимъ, Шотландскимъ и къ берегамъ Норвегіи; другая идетъ къ югу, течетъ близъ береговъ Испаніи и Португаліи къ Азорскимъ островамъ, и отсюда снова къ Африканскому берегу, такъ что теченіе совершаетъ здѣсь полное круговое движеніе.

Гольфъ-Стримъ начинается у Азорскихъ острововъ, и теченіе его въ началѣ весьма слабо, но потомъ скорость его болѣе увеличивается. Чрезъ Багамскій проливъ Гольфъ-Стримъ течетъ со скоростью 2 метровъ въ секунду, не смотря даже на сѣверные вѣтры, постоянно почти дующіе въ тѣхъ странахъ. Пройдя чрезъ проливъ, Гольфъ-Стримъ мало по малу снова теряетъ свою скорость.

Вычислено, что Гольфъ-Стримъ въ три года дѣлаетъ 3800 лье, именно—13 мѣсяцевъ ему нужно для прохода отъ острововъ Канарскихъ до Каракаса, 10 для прохожденія чрезъ Мексиканскій заливъ, 2 мѣсяца до Новой-Земли, и 10 или 11 мѣсяцевъ для возвращенія къ берегамъ Африки. Температура Гольфъ-Стрима не вездѣ одинакова. Между 40 и 41° сѣверной широты вода показываетъ 18° теплоты, внѣ же теченія только 14, на параллели Чарльстона 20°, внѣ теченія 14°. Близъ Новой-Земли температура теченія не превосходитъ 7° или 8°.

Обратимся снова къ центральному полярному потоку. Мы сказали, что, дойдя до береговъ Чили, этотъ потокъ раздѣляется на двѣ вѣтви,—одна направляется къ экватору, другая же къ югу, къ мысу Горну. Эта послѣдняя вѣтвь омываетъ

*) Гольфъ-Стримомъ собственно называется та часть этого теченія, которая выходитъ уже изъ Мексиканскаго залива.

западные берега Патагонии, врѣзывается въ материкъ и образуетъ острова; эта же самая вѣтвь отдѣляетъ континентъ отъ Огненной-земли.

Направленіе и ширина потока измѣняются сообразно вѣтрамъ и движенію солнца. Замѣчено, что потокъ сей подвигается къ сѣверу въ то время, когда солнце находится въ нашемъ полушаріи, и къ югу, когда солнце вступитъ въ южное полушаріе.

Измѣренія температуры воды сказаннаго потока въ то время, когда онъ достигнетъ береговъ Америки, не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Дѣйствительно, между 105° и 90° долготы въ январь термометръ показываетъ 4° выше 0, между тѣмъ какъ вода, достигающая береговъ и направляющаяся къ мысу Горну, имѣетъ 9° теплоты. Явленіе это не должно быть приписываемо теплотѣ континента, по тому обстоятельству, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходило раздѣленіе потока на вѣтви, температура моря выше температуры воздуха. На берегахъ же Перу бываетъ на оборотъ. Главная вѣтвь (центральная) полярнаго потока нагревается мало по малу; доходя до 50° широты, она раздѣляется, какъ мы сказали, на двѣ части: одна часть, идущая къ сѣверу, холоднѣе температуры воздуха, потому она и понижаетъ температуру Перу; другая же часть, направляющаяся къ югу, теплѣе окружающаго воздуха, потому она и повышаетъ температуру Чили. Только такимъ дѣйствіемъ потоковъ и можно себя объяснить нѣкоторыя явленія, повидимому странныя. Такъ въ Перу климатъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Бразиліи подъ одними и тѣми же параллелями. Вліяніемъ же потока объясняется и то, что флора Чили и Огненной-земли почти одинакова, и колибри водятся отъ Чили до мыса Горна.

Такъ какъ большое экваторіальное теченіе направляется отъ востока къ западу въ Тихомъ океанѣ, то и понятно, что жители Океаніи не могли на своихъ пирогахъ приставать къ берегамъ Америки.

Маіоръ Реннель думаетъ, что огромное скопленіе водорослей, покрывающихъ Атлантическій океанъ къ западу отъ острововъ Азорскихъ, на пространствѣ равномъ пространству Франціи, принесено Гольфъ-Стримомъ изъ Мексиканскаго залива.

Мнѣнія мореплавателей на этотъ счетъ впрочемъ весьма различны. Одни полагаютъ, что этъ водоросли (*fucus natans*) укрѣплены на отмѣляхъ, другіе говорятъ, что онѣ растутъ на поверхности воды. Скопленіе водорослей въ Атлантическомъ океанѣ, называемое моремъ саргасовъ, было извѣстно Христофору Колумбу. Овiedo назвалъ это мѣсто лугомъ изъ водорослей—*Praderias de yerba*. Безчисленное множество морскихъ животныхъ обитаетъ въ этъхъ вѣчно-зеленѣющихъ переносимыхъ съ мѣста на мѣсто теплыми вѣтрами массахъ водорослей (*fucus natans*), одного изъ самыхъ распространенныхъ, растущихъ семьями, растений океана. Впрочемъ, по наблюденіямъ Гумбольдта и маіора Реннеля, это море не перемѣняетъ своего мѣста ни по широтѣ, ни по долготѣ.

Теченія, происходящія изъ сѣверныхъ полярныхъ анъ, представляютъ также весьма замѣчательныя явленія. Эти теченія приносятъ къ берегамъ Исландіи огромное количество льдовъ; иногда вмѣсто льду вода наноситъ деревья, которыя по всей вѣроятности оторваны отъ береговъ Сибири и сѣверной Америки. Между сими деревьями найдены такіа, которыя могутъ расти только въ Мексикѣ или Бразиліи. Вообще водою приносятся стволы ели, сосны и нѣкоторыхъ другихъ.

Капитанъ Дюперрей специально изучилъ, во время плаванія на фрегатъ Раковина, теченіе теплой воды, проходящей между Новой Голандіею и Новою Зеландіею, до соединенія его съ центральнымъ потокомъ. Вотъ его термометрическія наблюденія, произведенныя въ морѣ по восточной и западной сторонамъ Голландіи:

Декабрь, 1823-го года.

Южная широта. Восточная долгота. Температура воздуха. Температура моря.

33,28	— — —	101°,59	— — —	16°,5	— — —	17°,1	— — —
33,51	— — —	150,23	— — —	20,9	— — —	22,0	— — —
36,10	— — —	104,21	— — —	14,4	— — —	14,8	— — —
37,51	— — —	107,12	— — —	14,4	— — —	14,8	— — —
37,19	— — —	153,13	— — —	19,8	— — —	19,6	— — —
39,59	— — —	109,30	— — —	13,2	— — —	12,7	— — —
42,38	— — —	116,33	— — —	12,1	— — —	11,1	— — —

43,43	— — —	124,27	— — —	10,7	— — —	10,7	— — —
43,40	— — —	151,30	— — —	14,7	— — —	14,6	— — —
46,44	— — —	146,58	— — —	15,0	— — —	12,7	— — —

Изъ наблюдений сихъ видно, что на восточной сторонѣ температура выше, чѣмъ на западной Новой Голландіи.

Присутствіе теченія обозначалось разницею въ температурѣ болѣе, чѣмъ на 4° между 43°40' и 43°. На широтѣ 46°44' теченіе имѣло скорость 21 милю къ югу и 42 мили къ востоку.

Вотъ другія термометрическія наблюденія, произведенныя капитаномъ Дюперрей въ потокъ теплой воды, проходящей между Японіею и Маріанскими (Разбойничьими) островами. Наблюденія производились чрезъ каждые два часа; среднія суточные температуры оказались слѣдующія:

Годъ и число:	Сѣверная широта:	Восточная долгота:	Температуры воздуха:	Температуры воды:
1819 г.				
24 іюня — —	24°,00 — —	153°,30 — —	27°,1 — —	27°,4 — —
3 августа —	23,44 — —	205,41 — —	22,8 — —	23,2 — —
1 іюля — —	26,16 — —	156,47 — —	27,0 — —	25,7 — —
2 августа —	26,1 — —	204,56 — —	22,0 — —	22,5 — —
4 іюля — —	30,29 — —	160,13 — —	24,7 — —	26,7 — —
31 іюля — —	30,29 — —	203,36 — —	22,1 — —	22,2 — —
6 іюля — —	32,59 — —	160,38 — —	24,7 — —	24,7 — —
30 іюля — —	32,55 — —	203,8 — —	22,1 — —	22,2 — —
10 іюля — —	36,44 — —	163,36 — —	22,3 — —	21,8 — —
28 іюля — —	36,43 — —	201,33 — —	22,5 — —	22,4 — —
19 іюля — —	51,12 — —	184,56 — —	18,6 — —	17,4 — —
20 іюля — —	41,2 — —	188,40 — —	19,4 — —	16,6 — —

Для полноты нашего обзора постоянныхъ морскихъ теченій, приведемъ теченія частныя, замѣченныя во многихъ мѣстахъ, кромѣ исчисленныхъ выше теченій общихъ. Такъ по берегамъ Гаскони примѣчается теченіе, направляющееся къ сѣверо-востоку. Теченіе это по всей вѣроятности есть часть Гольфъ-Стрима. Въ Средиземномъ морѣ также замѣчено теченіе вдоль сѣверныхъ береговъ Африки; теченіе это направляется къ Сирию, около острова Кандіи поворачивается къ

Сициліи и берегамъ Испаніи. Теченіе это составляетъ ли часть Гольфъ-Стрима, или зависитъ отъ неравнобѣрнаго испаренія воды въ Средиземномъ морѣ и въ океанѣ, окончательно не рѣшено, но скорѣе надобно полагать, что второе предположеніе вѣрнѣе. Замѣчено также теченіе въ проливахъ Константинопольскомъ, Дарданельскомъ и Греческомъ архипелагѣ, несущее воду въ Средиземное море. Вообще въ мѣстахъ, гдѣ два моря соединены узкимъ проливомъ, обыкновенно замѣчается теченіе; такимъ образомъ въ Гибралтарскомъ проливѣ напли на поверхности теченіе, идущее изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море, а въ томъ же самомъ мѣстѣ, на большой глубинѣ, теченіе противное.

Разсмотримъ теперь теченія періодическія.

Большое экваторіальное теченіе, сказали мы выше, съ приближеніемъ къ азіатскому архипелагу измѣняется; этотъ фактъ и служить доказательствомъ вліянія перемѣщенія воздушныхъ массъ на морскія теченія. Мы можемъ представить много примѣровъ періодическихъ теченій, въ особенности часто встрѣчаемыхъ по берегамъ Индіи и Китая, когда солнце имѣетъ сѣверное или южное склоненіе. Такъ въ заливѣ Манарскомъ существуетъ теченіе къ сѣверу съ мая до октября; остальные же мѣсяцы года то же теченіе направляется къ юго-востоку или юго-юго-востоку. Скорость теченія этого въ часъ 1 льѣ, или въ секунду 1,1 метровъ. По длинѣ острова Цейлона отъ мыса Педро до мыса Галль существуетъ теченіе съ сѣвера на югъ или юго-востокъ; въ іюнѣ и ноябрѣ это теченіе весьма слабо. Въ Бенгальскомъ заливѣ происходятъ теченія во все время муссоновъ.

Въ Желтомъ и Японскомъ моряхъ теченіе съ 15-го мая по 15-е октября обыкновенно направляется съ юга къ сѣверо-востоку; въ остальные же мѣсяцы теченіе дѣлается обратнымъ. Скорость теченія вообще бываетъ наибольшею въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, и наименьшею въ маѣ, іюнѣ и іюль. Сильнѣйшее теченіе примѣчается по берегамъ Камбоджи съ сѣвера на югъ въ ноябрѣ; скорость его иногда равняется 4 или 1,5 метрамъ въ секунду.

По берегамъ Африки и Америки также встрѣчаются періодическія теченія, направленіе и скорость которыхъ измѣняются вмѣстѣ съ временами года; но теченія эти не занимаютъ такого большаго пространства, какое занимаютъ теченія постоянныя.

Существуютъ и такія періодическія теченія, которыя зависятъ отъ неравномѣрнаго испаренія воды. Такъ, наприм., съ октября по май бываетъ теченіе изъ Краснаго моря въ океанъ, въ другіе же мѣсяцы теченіе дѣлается обратнымъ, — вода изъ океана вливается въ Красное море. Въ Персидскомъ заливѣ, на-оборотъ, съ октября по май вода втекаетъ изъ океана въ заливъ, въ остальные мѣсяцы изъ залива въ океанъ.

Переменныя и случайныя теченія не подлежатъ никакимъ законамъ; они производятся или слишкомъ долго дующими по одному направленію вѣтрами, или бурями, тромбами и пр. и пр. Такъ въ Балтійскомъ морѣ вода въ продолженіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени можетъ подняться до 3 и болѣе футовъ; обстоятельство это случается всякій разъ осенью, когда юго-западные вѣтры дуютъ значительно долго.

Каспійское море также измѣняется въ уровнѣ, и хотя приморскіе жители и увѣряютъ, что море это въ теченіе 25 или 30 лѣтъ безпрестанно возвышается, и потомъ понижается въ продолженіе такого же времени, но фактъ этотъ не доказанъ.

Въ Каспійскомъ морѣ существуетъ замѣчательное теченіе въ Карабогазскій заливъ; заливъ этотъ имѣетъ наибольшее протяженіе въ длину съ сѣвера на югъ до 300, въ ширину 200 верстъ. Академикъ Эйхвальдъ въ своей Геогнозіи такъ описываетъ это теченіе:

«Прежде Карабогазскій заливъ считался весьма малымъ и глубокимъ заливомъ, и отъ этого мореходцы никогда не осмѣливались входить въ оный. За 30 лѣтъ назадъ (въ 1816 году) Н. Н. Муравьевъ, во время Хивинскаго путешествія, видѣлъ съ красноводскихъ высотъ огромное озеро, которое онъ обозначилъ на своей картѣ Каспійскаго моря, принимая оное за Карабогазскій заливъ. Въ 1832 году Карелинъ впервые на трехъ лодкахъ пустился въ этотъ заливъ, оставивъ брѣгъ предъ устьемъ залива, которое окружено многими подводными камнями,

такъ что дѣйствительно опасно входить въ заливъ вообще, а на большихъ лодкахъ даже и невозможно. Устье залива въ $1\frac{1}{2}$ версты шириною, а длиною въ 2 версты; въ срединѣ пролива глубина не болѣе 3 сажень, и грунтъ весьма каменистъ. Едва лодки подвинулись къ узкому входу залива и перешли проливъ, то, не смотря на сильный восточный, для нихъ противный вѣтеръ, онѣ были такъ скоро снесены въ заливъ, что сначала можно было допустить существованіе пучины, къ которой влекло ихъ лодки; въ заливъ онѣ отделились одна отъ другой: одна отправилась вдоль сѣвернаго берега залива, а двѣ другія вдоль южнаго. Заливъ предъ глазами пловцовъ безпрестанно увеличивался, и они въ короткое время снесены были къ востоку; но не видя конца залива, и замѣтивъ сильное теченіе, противное обратному пути, они рѣшились возвратиться. И дѣйствительно, теченіе было такъ сильно, что они даже при благопріятномъ, довольно сильномъ вѣтрѣ, никакъ не могли подвигаться обратно на веслахъ, и нашлись въ необходимости съ материка тянуть лодки бичевою и сами продолжать путь пѣшкомъ по морскому берегу. Теченіе воды изъ моря въ заливъ было отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ узловъ, или почти 5 верстъ въ часъ. Если принять среднимъ числомъ всю поверхность пролива = 300 квадратнымъ саженьмъ, а скорость теченія въ часъ 5 верстамъ, то выходитъ огромная сумма 750,000 кубическихъ сажень для водяной массы, которую поглощаетъ Карабогазскій заливъ въ каждый часъ. Глубина у береговъ не оказывается нигдѣ значительною: она не болѣе 6 футовъ; въ срединѣ же заливъ очень глубока, такъ что трухменскіе кирджимы не находятъ грунта для якоря. Дотащившись такимъ образомъ къ устью залива, Карелинъ съ товарищами сѣлъ опять въ лодки, но съ большимъ трудомъ онъ могъ выдти изъ узкаго входа залива, который не болѣе 105 сажень шириною, откуда сильное теченіе безпрестанно сносило ихъ назадъ.»

Теченіе это Эйхвальдъ объясняетъ тѣмъ, что испареніе воды въ заливъ сильнѣе, чѣмъ испареніе моря, и отъ этого уровень залива долженъ быть лѣтомъ значительно ниже уровня Каспійскаго моря; слѣдовательно теченіе изъ этого послѣдняго

должно съ большою скоростію проходитьъ чрезъ устье залива, хотя и восточный вѣтеръ противодействовалъ теченію. Больше соленый вкусъ воды залива показываетъ, что она сдѣлалась соленѣе морской воды чрезъ испареніе.

Гумбольдтъ во время путешествія своего по Америкѣ замѣтилъ теченіе, независящее ни отъ вѣтровъ, ни отъ прилива. Онъ говоритъ, что, «когда море было совершенно спокойно, на поверхности его можно было замѣтить небольшія полоски, похожія на ручейки; вода протекала здѣсь съ шумомъ, для привычнаго уха весьма замѣтнымъ. 15 іюня подъ $34^{\circ} 36'$ сѣверной широты мы находились посреди этихъ ручейковъ и могли посредствомъ компаса слѣдить за направленіемъ ихъ. Одни изъ нихъ текли къ сѣверо-востоку, другіе къ востоку-сѣверо-востоку, не смотря на то, что общее теченіе океана направлялось къ юго-востоку». Можно очень часто видѣть массу неподвижной воды, пересѣкаемой въ разныхъ направленіяхъ теченіями. На поверхности озеръ ежедневно можно видѣть это явленіе, но на морѣ посреди теченія, движущагося въ постоянно-одинаковомъ направленіи, весьма рѣдко можно встрѣтить частныя движенія воды, обуславливающіяся мѣстными причинами. Когда текущая вода попадаетъ на подводныя скалы и рифы, то сила теченія увеличивается и часто принимаетъ обратное движеніе, тогда образуются водовороты. Знаменитѣйшій изъ водоворотовъ Мальстрёмъ у береговъ Норвегіи. Сцилла и Харибда между Неаполемъ и Сициліею, такъ прославленные древними писателями, нынѣ незначительны, вѣроятно вслѣдствіе разрушенія подводныхъ скалъ, которыя были причиною образовавшихся водоворотовъ.

Франклинъ, Реннель и другіе объясняли морскія теченія многими причинами. Бернулли допускалъ, что обращеніе земли вокругъ своей оси обуславливаетъ какъ морскія, такъ и экваторіальныя атмосферныя теченія (вѣтры). Онъ говоритъ, что океанъ и атмосфера не успѣваютъ слѣдовать за землею при суточномъ обращеніи ея отъ запада къ востоку, потому являются теченія океана и атмосферы съ востока назадъ. Но д'Аламберъ и Лапласъ находятъ объясненіе Бернулли не вполне удовлетворительнымъ.

Полагають, что пассатные вѣтры, дующіе постоянно въ экваторіальныхъ моряхъ съ востока къ западу, производятъ скопленіе воды подъ экваторомъ на восточной сторонѣ Африки; вода Мозамбикскимъ проливомъ безпрестанно стекаетъ съ сѣвера на югъ. Дойдя до мыса Доброй Надежды, она не встрѣчаетъ болѣе препятствій со стороны континента, потому и обращается къ западу. Этой причиной и стараются объяснить теченіе около мыса Доброй Надежды.

Если только мы допустимъ такое объясненіе теченія около мыса Доброй Надежды, то легко можемъ объяснить себѣ и происхожденіе Гольфъ-Стрима. Дѣйствительно, постоянное дѣйствіе пассатныхъ вѣтровъ производитъ скопленіе воды съ сѣвера и юга по обѣимъ сторонамъ экватора къ берегамъ Америки. Отсюда и является общее движеніе Караибскаго моря къ проливу, отдѣляющему восточный пунктъ Юкатана и западный островъ Кубы; Мексиканскій заливъ наполняется водою, которая и ищетъ себѣ выхода чрезъ Багамскій проливъ. Отсюда вода снова обращается къ экватору и снова, пассатными вѣтрами, скоплется къ Америкѣ.

Теченіе въ Гибралтарскомъ проливѣ объясняютъ тѣмъ, что Средиземное море претерпѣваетъ отъ испаренія большую убыль воды, чѣмъ океанъ; отъ этого уровень Средиземнаго моря дѣлается ниже уровня океана, въ-слѣдствіе чего и является теченіе изъ океана въ море. Что испареніе не одинаково въ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ, доказывается тѣмъ, что температура сего послѣдняго 3° или $3^{\circ},5$ выше температуры океана.

Скажемъ вообще, что, при настоящемъ состояніи науки, мы не можемъ представить ни одной теоріи, вполне объясняющей теченія океана. Теорія теченій океана только тогда будетъ вполне удовлетворительною, когда, кромѣ дѣйствія пассатныхъ вѣтровъ, будутъ приняты въ расчетъ неравномѣрность температуры морей полярныхъ и тропическихъ, неравномѣрность солености ихъ и неравномѣрность скорости обращенія отъ запада къ востоку. Но на этотъ счетъ фактовъ еще такъ мало, что не удивительно, если мы не можемъ себѣ объяснить удовлетворительно теченія океана, имѣющія столь

значительное вліяніе на сношеніе между народами, на береговые климаты и на распределеіе растений, насѣкомыхъ и даже птицъ, которыхъ сѣмена, зародыши и яйца переносятся льдами и деревьями, отрывааемыми водою отъ береговъ континентовъ.

Разсмотримъ теперь движеніе воды, сообщаемое ей вѣтромъ.

Говоря объ уровнѣ океана, мы имѣли случай замѣтить, что высота уровня океана во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинакова. Поверхность океана была бы совершенно ровна и совершенно одинаково на всѣхъ мѣстахъ отстояла бы отъ центра земли, если бы никакія причины не выводили ея изъ первоначальнаго положенія и не волновали бы ея поверхность. Къ главнѣйшимъ причинамъ, измѣняющимъ ровную поверхность океана, принадлежитъ вѣтеръ; но прежде чѣмъ мы рассмотримъ дѣйствіе его, считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Представимъ себѣ какой-нибудь сосудъ, наполненный только не до верху водою. По законамъ гидростатики вода будетъ стоять въ сосудѣ на одинаковой высотѣ, и поверхность его будетъ совершенно ровная. Этотъ сосудъ выведемъ изъ первоначальнаго положенія, т.-е. качнемъ нѣсколько, и тотчасъ же приведемъ въ первоначальное положеніе, тогда увидимъ, что вода въ сосудѣ придетъ въ движеніе, сперва въ ту сторону, въ которую мы нагнули сосудъ, потомъ въ сторону противоположную и т.-д. Движеніе жидкости при этомъ будетъ какъ въ маятникѣ, и ежели бы не было тренія и сопротивленія воздуха, то движеніе никогда бы не прекратилось. Но какъ избѣгнуть тренія о стѣнки сосуда и сопротивленія воздуха нѣтъ никакой возможности, то мы и увидимъ, что колебанія воды въ сосудѣ дѣлаются все меньше и меньше, и наконецъ прекращаются вовсе. Поверхность воды мало-по-малу опять придетъ въ первоначальное положеніе. Если въ этотъ сосудъ на середину воды бросимъ какое-нибудь тѣло, хоть небольшой камень, и будемъ наблюдать, что произойдетъ при этомъ: камень въ точкѣ прикосновенія понизитъ нѣсколько воду, по какъ только прекратится дѣйствіе причины, понизившей воду, жидкость въ этомъ мѣстѣ начнетъ подниматься отъ давленія

близъ лежащихъ окружающихъ ее частицъ, и, по причинѣ пріобрѣтенной скорости, достигнетъ выше первоначальнаго уровня; въ то же время близъ лежащія частицы воды будутъ понижаться, и такъ центральная возвышенная точка будетъ окружена кольцеобразнымъ углубленіемъ; когда частицы, лежащія въ углубленіи, опять поднимутся, то отъ этого произойдетъ пониженіе въ слѣдующемъ кольцѣ, и такимъ образомъ возвышенія и углубленія распространяются въ видѣ колецъ далѣе и дѣлаются все слабѣе и слабѣе, и наконецъ исчезаютъ. Слѣдовательно, при этомъ опытѣ поступательнаго движенія жидкости никакого не будетъ, но одни и тѣ же частицы воды то поднимаются, то опускаются.

Какъ ни простъ этотъ опытъ, но онъ можетъ лучше всего объяснить образованіе волнъ на океанѣ и вообще на всякой поверхности воды.

Извѣстно, что при безвѣтріи поверхность моря, рѣки или озера остается ровною и гладкою. Представимъ себѣ, что на такую поверхность начинаетъ дѣйствовать вѣтеръ, — мы тотчасъ увидимъ, что ровная поверхность воды подергивается, какъ говорятъ, рябью. Значитъ, что на одну часть поверхности дѣйствуетъ косвенный ударъ вѣтра, отъ него ударенная часть поверхности понижается, и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе вѣтеръ. Послѣ удара жидкость начнетъ подниматься отъ давленія близъ лежащихъ частицъ, и достигнетъ вслѣдствіе пріобрѣтенной скорости выше первоначальнаго уровня; въ то же время близъ лежащія частицы понизятся и т.-д., однимъ словомъ, образуются волны; но какъ удары повтѣряются безпрестанно во все время продолженія вѣтра, то поверхность воды начинаетъ все болѣе и болѣе волноваться. Если стоять на берегу взволнованной воды, то намъ покажется, что волны подходятъ къ берегу и разсыпаются по немъ; но это явленіе только видимое; поступательнаго движенія, какъ мы сказали выше, въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого, къ берегу подходятъ только возвышенія волны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотреть на какое-нибудь плавающее тѣло на поверхности воды. на-примѣръ, на куски дерева и пр., — мы увидимъ, что оно остается всегда на одномъ мѣстѣ и только то понижается, то

возвышается; если же плавающее тѣло и приближается къ берегу, то подвигается впередъ однимъ дѣйствіемъ вѣтра.

Зная, какинъ образомъ распространяются волны, мы можемъ теперь объяснить себѣ, отъ чего зависитъ высота ихъ.

Всякая волна раздѣляется на двѣ половины: на часть возвышенную и пониженную; сумма ихъ высотъ означитъ высоту волны. Но какъ возвышеніе и, слѣдовательно, пониженіе волны, зависитъ отъ вѣтра, по-этому чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ выше будетъ и волна. Но кромѣ этого высота волны зависитъ и отъ большей или меньшей глубины воды. При незначительной глубинѣ движеніе прекращается удареніемъ частицъ воды о дно, а это препятствіе дѣйствуетъ обратно и на поверхностныя частицы. Вмеѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что волны въ глубокихъ моряхъ движутся быстрѣе чѣмъ въ мелкихъ. По-этому въ рѣкахъ и мелкихъ моряхъ волны не могутъ достигать значительной высоты, и движеніе ихъ медленнѣе, чѣмъ въ океанѣ. На известной глубинѣ моря, зависящей отъ высоты волнъ на поверхности, вода остается совершенно въ покоѣ, потому что сила вѣтра имѣетъ свои предѣлы.

Высота волнъ въ моряхъ обыкновенно опредѣляется двумя наблюдателями на корабляхъ, плывущихъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга; понятно, что этотъ способъ опредѣленія не точенъ.

Вотъ нѣсколько фактовъ на этотъ счетъ:

Ширина низкихъ волнъ въ 50, а высокихъ въ 20 разъ больше высоты ихъ; скорость же распространенія ихъ въ океанѣ принимается отъ 16 до 50 футовъ въ секунду, смотря по глубинѣ моря. Высота волнъ равняется 9 и 10,5 метрамъ, при сильнѣйшемъ вѣтрѣ доходитъ до 13½ метровъ (45 фут.). Движеніе волнъ вѣтрами никогда не простирается глубже 30 метровъ (100 футовъ); на большой глубинѣ море при сильнѣйшей бурѣ совершенно спокойно, такъ что глубокое морское дно никогда не возмущается бурями.

Если волны разбиваются о крутые берега или о рифы, поднимающіеся изъ глубины океана, то сила ихъ является

чрезвычайно-большою. Вода брызжетъ вверхъ, обращается въ пѣну, и тогда пѣтъ никакой возможности пристать на суднѣ къ такому берегу. Явленіе это называется буруномъ. При отвѣсныхъ скалистыхъ берегахъ, говоритъ Эйхвальдъ, вода бьетъ фонтаномъ вверхъ отъ 100 до 200 футовъ и разбиваетъ скалы. Бурунъ, особенно при сильномъ вѣтрѣ, раздробляетъ по берегамъ напластованныя толщи, округляетъ валяющіеся по берегамъ камни, измельчаетъ ихъ и даетъ имъ видъ валуновъ, или превращаетъ ихъ въ песокъ и землистыя частицы. Валунъ остается у самыхъ береговъ подъ водою, а песокъ мало-по-малу выбрасывается изъ воды на берегъ, и образуетъ на немъ песчаные холмы или такъ называемые дюны; землистыя же частицы недалеко отъ морскаго берега осаждаются на дно самаго моря.

Въ заключеніе скажемъ, что до сихъ поръ не найдено никакого средства уменьшить волны и ослабить разрушительное дѣйствіе ихъ. Хотя и увѣряли прежде, что масло, вылитое на поверхность воды, успокаиваетъ волны, покрывая воду какъ бы оболочкою, по которой вѣтеръ удобнѣе скользить; но опыты, какъ говоритъ Ленцъ, сдѣланные нарочно для этой цѣли въ Голландіи, показали, что это средство оказывается совершенно напраснымъ при большихъ волнахъ.

Этимъ мы оканчиваемъ наше обзоріе физическихъ свойствъ океана. Мы старались изложить читателю главные факты самымъ понятнымъ и доступнымъ образомъ. Но, не смотря на многочи сленныетруды мореплавателей, къ-сожалѣнію, мы должны сказать, что многое, касающееся океана и его свойствъ, не вполне изслѣдовано, а многое и вовсе неизвѣстно. Будемъ надѣяться, что труды естествоиспытателей и математиковъ разяснятъ намъ многіе факты, не объясненные при настоящемъ состояніи науки. Мореплаваніе, такъ много способствующее развитію образованности между народами, въ свою очередь отъ познанія свойствъ океана подвинется впередъ. Познаніе свойствъ океана еще болѣе сблизитъ человѣка съ природой; а въ этомъ сближеніи, какъ говоритъ Гумбольдтъ въ I томѣ своего Космоса, заключена таинственная сила. Вліяніе природы радостно и

кратко; оно укрѣпляетъ и освежаетъ утомленный духъ успокоиваетъ сердце, печально потрясенное въ самой глубинѣ своей или взволнованное дикимъ напоромъ страстей. Строгий, торжественный характеръ, сопряженный съ этими душевными движеніями, вытекаетъ изъ безсознательнаго почти чувства высшего порядка и внутренней законообразности природы; онъ связанъ съ впечатлѣніемъ вѣчно появляющихся созданий, въ которыхъ въ самой послѣдней особи организма отражается всеобщее; онъ выходитъ наконецъ изъ противоположности чувственно-безконечнаго, открываемаго звѣзднымъ небеснымъ сводомъ, необозримой равниной, туманнымъ горизонтомъ океана, — и собственной ограниченности, которой мы стремимся избѣгнуть. На каждой полосѣ земли, повсюду, гдѣ являются измѣняющіеся образы животной и растительной жизни, на каждой степени умственной образованности доступны чловѣку благодѣянія этихъ наслѣдствій.» Далѣе Гумбольдтъ, съ свойственною ему картинностью слога, говоритъ: «Я не могу не припомнить океана, когда, въ тиши тропическихъ ночей, небесный сводъ изливаетъ свой пламенный, не сверкающій, звѣздный свѣтъ на тихо колеблемую морскую зыбь; — или лѣсистыя долины Кордильеровъ, гдѣ высокіе стволы пальмъ, въ сильной растительности своей пробивая темную кровлю листовеннаго лѣса, возвышаются колоннадой, — лѣсъ надъ лѣсомъ; — не могу не припомнить Тенерифскій пикъ, когда горизонтальные слои облаковъ, блестящей бѣлизны, отдѣляютъ золистый кегель волкана отъ нижней равнины, и вдругъ, сквозь отверстіе, образовавшееся поднявшимся потокомъ воздуха, взоръ опускается съ краевъ самаго жерла на увѣнчанный виноградникомъ холмъ Оротавы, на померанцевые сады и густыя банановыя группы прибрежья. Въ этихъ сценахъ насъ привлекаетъ уже не тихая созидаящая жизнь природы, ея покойное дѣйствіе и работа, но индивидуальный характеръ ландшафта, сліяніе очертаній облаковъ, моря и береговъ съ утренними душистыми испареніями острововъ; наконецъ, насъ привлекаетъ красота растительныхъ формъ и ихъ группированіе. Неизыримое, даже ужасное въ природѣ, все, что превосходить наше воображеніе, становится, въ какой-нибудь романъ

тической странѣ, источникомъ наслажденія. Фантазія свободно играетъ своими вымыслами тамъ, гдѣ чувства не могутъ вполне проникнуть смысла явленій; ея игра принимаетъ новое направленіе съ каждымъ измѣненіемъ въ настроеніи души наблюдателя. Обманутые этимъ, мы думаемъ, что получаемъ отъ внѣшняго міра то, что мы сами въ него вносимъ.»

Но мы бы никогда не кончили, если бы захотѣли описывать могущественное вліяніе природы на тѣло и духъ человека. Это вліяніе прекрасно выражено нашимъ Батюшковымъ. Онъ говоритъ, что—природа-мать,

Для сердца ты всего дорожи!
 Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
 И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
 И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
 Тобою въ чувствахъ оживаю;
 Ихъ выразить, душа не знаетъ стройныхъ словъ,
 И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

(Изъ сочиненія Бекереля: *Eléments de physique terrestre et de Meteorologie*, и другихъ. Ж. Ч.)

ПОЛЬЗА ДЛЯ ЗЕМЛЕДЕЛІЯ

ОТЪ

РАСПРОСТРАНЕНІЯ И УСПѢХОВЪ ФАБРИЧНОЙ И РЕМЕСЛЕННОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Англія, гдѣ ранѣе другихъ странъ Адамъ Смитъ издалъ свое ученіе о свободной торговлѣ, продолжала, однако, долгое время, вопреки сему ученію, покровительство туземныхъ фабрикъ охранительнымъ таможеннымъ уставомъ, и затрудняла высокими пошлинами привозъ тѣхъ иностранныхъ издѣлій, которыя могли соперничать съ англійскими. — Государство сіе отменило высокія таможенныя пошлины и допустило свободный привозъ хлѣба не прежде 1846 года, то-есть спустя почти 100 лѣтъ послѣ сочиненія Смита; но и нынѣ вновь возникаютъ пренія противъ свободной торговли, которая не представляла опасенія для англійскихъ фабрикъ, производство коихъ превосходитъ издѣлія прочихъ странъ (*), лишаятъ земледѣліе въ Англіи прежняго огражденія охранительныхъ пошлинъ, при которыхъ допускался привозъ иностраннаго хлѣба въ Англію тогда только, когда цѣна тамъ на хлѣбъ возвышалась до опредѣленнаго размѣра.

Франція и Австрія также, не взирая на ученіе сіе и другихъ писателей о свободной торговлѣ, продолжаютъ до

(*) Въ Англіи и теперь оставлена охранительная таможенная пошлина на привозныя иностранныя шелковыя издѣлія отъ 15% до 20%, а на некоторые бумажныя издѣлія 10%, см. Discours de Thiers sur le regime commercial de la France. Paris. 1851 г., стр. 83. Но прежде сего привозная пошлина составляла $37\frac{1}{2}$, 50 и $67\frac{1}{2}$ % съ цѣны, хотя уже тогда вывозъ англ. бумажныхъ издѣлій простирался на 80 милл. руб. сер. въ годъ. Небольшина «Стат. Обзоріе вѣнцвей торговли Россіи», изд. 1850 г., ч. 2., стр. 365.

сего времени охранять возвышенными таможенными пошлинами свои фабрики отъ совмѣстничества иностранныхъ издѣлій, въ особенности англійскихъ; Англія, опередивъ другія государства раннимъ усовершенствованіемъ своихъ фабрикъ чрезъ введеніе машинъ и употребленіемъ большихъ капиталовъ, удешевила издѣлія свои до такой степени, что фабрики, учреждаемыя въ другихъ государствахъ, гдѣ обыкновенно и заемъ капиталовъ обходится дороже, нежели въ Англіи, и введеніе машинъ требуетъ выписки ихъ изъ-за границы съ большими издержками, и новостъ производства поставляетъ въ необходимость имѣть искусныхъ иностранныхъ мастеровъ, стоящихъ дорогою платою,—не могутъ выдержать съ англійскими совмѣстничества, ибо всё вышеозначенное въ совокупности, возвышая первоначальные расходы на устройство фабрикъ, служитъ причиною, что вырабатываемыя издѣлія обходятся первоначально, въ продолженіе многихъ лѣтъ, дороже нежели въ Англіи.

Англія, опередивъ прочія государства обширнымъ своимъ мореходствомъ и торговлею, приобрѣла огромные капиталы, готовые на всякое предпріятіе. Прибыль отъ капитала, употребляемаго на какую-либо отрасль промышленности, соразмѣряется обыкновенно тѣмъ $\%$, за который можно получить въ ссуду капиталъ; а какъ въ Англіи можно занять для промышленнаго предпріятія капиталъ отъ 2 $\%$ до 3 $\%$, то соразмѣрно сему исчисляется и прибыль, ожидаемая отъ фабричнаго производства, тогда какъ въ другихъ государствахъ, гдѣ капиталъ нельзя иначе получить въ ссуду, какъ за высшіе $\%$, исчисляется и ожидаемая отъ него прибыль въ фабричномъ производствѣ соразмѣрно этому $\%$, ибо неразсчетливо было бы торговцу, капиталъ свой, многолѣтнимъ трудомъ приобретенный, употребить на фабрику изъ видовъ получать отъ него меньшій $\%$ или прибыль, нежели какую онъ отъ сего капитала можетъ получить, употребля его на другія торговыя предпріятія или отдавъ подъ вѣрный залогъ въ ссуду.

И у насъ въ Россіи, съ изданіемъ въ 1822 году таможеннаго тарифа, ограждается производство нашихъ фабрич-

ныхъ издѣлій охранительными таможенными пошлинами. Послѣдствія сей благотѣльной мѣры нашего Правительства очевидны для каждаго Русскаго. Наши отечественныя фабрики, охраняемыя покровительствомъ таможенныхъ пошлинъ, въ теченіе сихъ 30-ти лѣтъ сдѣлали значительные успѣхи, число фабрикъ умножилось и вырабатываемыя издѣлія многімъ увеличились и удешевились. Кто изъ Русскихъ не помнитъ, что суконъ, ситцевъ, а также шерстяныхъ и шелковыхъ тканей не можно было порядочныхъ имѣть иначе, какъ иностранныхъ, а нынѣ, благодаря успѣхамъ отечественныхъ фабрикъ, Русскіе имѣютъ весьма хорошія сукна, ситецъ, шерстяныя и шелковыя издѣлія русскія. Конечно, въ шелковомъ производствѣ мы еще отстали отъ Французовъ, но и Англичане въ семъ предметѣ до сихъ поръ уступаютъ имъ первенство. Однако, не смотря на столь очевидные доводы, убѣждающіе, что наши отечественныя фабрики, и вмѣстѣ съ ними и распространеніе внутренней промышленности и торговли, обязаны охранительнымъ таможеннымъ пошлинамъ, — нѣкоторые соотечественники наши, увлекаемые ученіемъ Адама Смита и Сяя, изъявляютъ до сихъ поръ сомнѣнія въ томъ: полезно ли для внутренняго благосостоянія государства поощреніе отечественныхъ фабрикъ; а нѣкоторые даже полагаютъ, что предпочтительнѣе предоставить фабрики ихъ собственному ходу, не оказывая имъ особеннаго покровительства; въ подкрѣпленіе сего мнѣнія они обыкновенно излагаютъ слѣдующіе доводы: 1) Если не будетъ затрудненъ охранительными таможенными пошлинами привозъ иностранныхъ издѣлій, въ такомъ случаѣ другія государства будутъ брать въ обмѣнъ на ихъ издѣлія болѣе нашего хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній къ значительному поддержанію отечественной сельской промышленности, что въ особенности процвѣтитъ земледѣліе возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ и на другіе предметы сельскаго хозяйства. 2) Поощреніе фабрикъ требуетъ охранительной тарифной системы и назначенія высокихъ пошлинъ на иностранныя издѣлія; отъ сего чужестранные привозные товары возвышаются въ цѣнѣ, а сія возвышенная цѣна поддерживаетъ наши фабрики, доставляя имъ возмож-

ность продавать дороже ихъ издѣлій; но сія дороговизна, обращаясь исключительно въ пользу однихъ фабрикантовъ, содѣйствуетъ ихъ обогащенію, а вредна для всего огромнаго числа потребителей, то-есть покупателей товаровъ, вынуждая ихъ платить лишнюю цѣну за такія издѣлія, которыя они могли бы имѣть изъ-за границы дешевле, еслибы не была наложена охранительная таможенная пошлина для поддержанія и поощренія нашихъ фабрикъ. Кроме того, охранительныя пошлины предоставляютъ фабрикантамъ родъ монополій; не опасаясь совмѣстительства иностранныхъ товаровъ, они менѣе стараются о лучшей выработкѣ и продаютъ дурныя издѣлія по дорогой цѣнѣ.

Замѣчанія сіи противъ охранительной системы, съ перваго взгляда, кажутся не лишними основательности; но они уничтожаются при болѣе подробномъ разсмотрѣніи степени обширности и движенія взаимнаго объѣма произведеній на внутреннихъ рынкахъ государства, что составляетъ собственно внутреннюю торговлю, и объѣма произведеній одной страны съ другою, что составляетъ взаимную заграничную торговлю.

Главные покупатели и потребители фабричныхъ издѣлій суть помѣщики, т.-е. владѣльцы земледѣльческихъ имѣній и сами земледѣльцы, а покупатели и потребители хлѣба, сего главнаго произведенія земледѣлія, составляютъ городскіе жители и занимающіеся промыслами, т.-е. работники на фабрикахъ, ремесленники и торговцы.

У насъ въ Европейской Россіи населеніе въ городахъ и мѣстечкахъ простирается до 5,000,000 жителей (*); полагая на годичное продовольствіе по $2\frac{1}{2}$ четверти, потребно

(*) Г. Тенгоборской (Etudes sur les forces productives de la Russie. Paris. 1852. Ч. I., стр. 151) исчисляетъ городское населеніе въ Европейской Россіи, кроме царства Польскаго и в. кн. Финляндскаго, 4,706,000 лицъ; а сравнительное населеніе городское въ 5 западныхъ губерніяхъ съ населеніемъ Евреевъ въ тѣхъ губерніяхъ, изъ отчета г-на министра Внутреннихъ Дѣлъ за 1840-й годъ—оказывается:

12,500,000 четвертей хлѣба въ годъ, тогда какъ обыкновенный отпускъ въ чужіе края простирается въ годъ до 4 мил. четвертей хлѣба (*), т.-е. меньше $\frac{1}{3}$ части того количества, которое требуется ежегодно для одного внутренняго городского населенія; но города возрастаютъ отъ умноженія въ нихъ ремеслъ, фабрикъ и торговли, и потому упадокъ фабрикъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшеніе числа фабричныхъ работниковъ, будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ уменьшеніе сбыта хлѣба и упадокъ цѣны на хлѣбъ, которыя не могутъ быть вознаграждены отпускомъ хлѣба за границу; ибо, во 1-хъ, извѣстно, что хлѣбъ, кромѣ Россіи, доставляется удобнѣе въ Англію и другія государства изъ Америки и другихъ странъ, и во 2-хъ, увеличеніе отпуска за границу хлѣба не вознаградитъ ту потерю, которая произойдетъ, если изъ числа 10 мил. жителей Московской и ея окрестныхъ губерній предположить, что 2 мил. нынѣ занимающихся преимущественно фабриками, ремеслами и промысломъ вообще, вынуждены будутъ обратиться къ земледѣлію, дабы выработать тотъ хлѣбъ, который нынѣ они покупаютъ за задѣльную плату. Отъ этого обращенія 2 мил. фабричныхъ и ремесленныхъ крестьянъ къ хлѣбопашеству на тощей малоплодородной землѣ, они, очевидно, потерпятъ въ ихъ доволь-

Город. населеніе. Однихъ Евреевъ.		
Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ	109,000	129,000
— Подольской губерніи	85,000	160,000
— Минской	70,000	101,000
— Могилевской	62,000	85,000
— Волынской	111,000	200,000
	437,000	875,000
Полагая $\frac{1}{10}$ часть въ городахъ жит. христіанъ	43,000	
Остается въ городахъ еврейскаго населенія	394,000	
Исключивъ сіе число изъ общаго еврейскаго населенія въ губерніяхъ		394,000
Остается Евреевъ, обитающихъ въ сихъ 5 губерніяхъ въ мѣстечкахъ		281,000

(*) Количество отпуска съ 1830 по 1846 годъ простиралось ежегодно: пшеницы отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 мил. четв. за исключеніемъ неурожайныхъ 1833, 1834 и 1835 год., отпускъ ржи отъ 100 т. до 1,100,000 четвер. въ годъ. (Небольшина Обзор. Ви. т. Рос. ч. I., стр. 12 и 17).

ствѣ и благосостояніи, ибо вмѣсто заработокъ съ избыткомъ, на что они для себя и своихъ семействъ покупаютъ нынѣ хлѣбъ на продовольствіе и бездомично уплачиваютъ подати и достаточный оброкъ помѣщикамъ, они едва будутъ въ состояніи пропитывать себя хлѣбомъ отъ собственного земледѣлія, и не будутъ имѣть возможности отъ одной земли, безъ промысла, платить оброкъ; помѣщики чрезъ то лишены будутъ значительнаго дохода, а съ тѣмъ вмѣстѣ другіе 2 мил. земледѣльцевъ южныхъ черноземныхъ губерній, которыя сіи 2 мил. фабричныхъ и ремесленныхъ крестьянъ съ ихъ семействами довольствуютъ хлѣбомъ, останутся безъ возможности сбывать свой хлѣбъ; ибо сіи 2 мил. фабричныхъ и ремесленныхъ крестьянъ съ ихъ семействами, по самому умѣренному предположенію по $2\frac{1}{4}$ четверт. въ годъ, потребляютъ ежегодно 5 мил. четвертей хлѣба, а удвоенный даже отпускъ за границу хлѣба, предположеніе вовсе несбыточное при обыкновенномъ урожаѣ за границей, потребуетъ лишняго противъ нынѣшняго отпуска только 4 мил. четверт., следовательно 1 мил. менѣе. При чемъ надлежитъ еще замѣтить, что въ числѣ требуемаго въ заграничный отпускъ 4 мил. четвертей хлѣба, заключается 3 мил. четвертей пшеницы, а только 1 мил. четвертей ржи, овса, т.-е. такого хлѣба, который преимущественно черноземныя губерніи сбываютъ фабричнымъ и ремесленнымъ крестьянамъ, и за обращеніемъ которыхъ самихъ къ земледѣлію, хлѣбъ, ими покупаемый у земледѣльцевъ среднихъ губерній, останется безъ всякаго сбыта, какъ не требуемый для внутренняго рынка и мало для заграничнаго отпуска, и оттого понизится самая цѣна на хлѣбъ.

Конечно, установленіе пошлины на привозимыя иностранныя издѣлія возвышаетъ нѣсколько на нихъ цѣну: но это не обращается, какъ полагаютъ, исключительно въ прибыль однихъ фабрикантовъ, а доставляетъ, какъ производителямъ отечественныхъ фабрикъ, такъ и потребителямъ издѣлій, т.-е. помѣщикамъ и земледѣльцамъ, существенную выгоду. Оно полезно для производителей фабрикъ, ибо доставляетъ имъ чрезъ то возможность употребить капиталы на

ихъ заведенія, выпиcывая изъ-за границы дорогія машины, и приглашать искусныхъ мастеровъ, въ увѣренности, что охранительная система, поcплинами на иностранныя издѣлія, доставить имъ возможность производить такія же издѣлія, которыя при новости заведенія обыкновенно обходятся дороже, нежели въ той странѣ, гдѣ фабрики давно существуютъ. Пользуясь такимъ поощреніемъ, они будутъ въ состояніи упрочить въ отечествѣ вновь учрежденное фабричное производство, съ полученіемъ соответственной употребленному капиталу прибыли. Это установленіе поcплинъ на иностранныя издѣлія полезно и потребителямъ, т.-е. помѣщикамъ и земледѣльцамъ, открывая прибыльное занятіе на фабрикахъ для крестьянъ cъверныхъ губерній, въ особенности въ зимніе 7 мѣсяцевъ, въ которые они обыкновенно остаются дома безъ работы (кроме занимающихся извозомъ), и такимъ образомъ, доставляя выгодные крестьянину заработки, даетъ ему средства исправно платить подати, оброкъ помѣщику, и покупать необходимый хлѣбъ для своего продовольствія отъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ среднихъ губерній. Слѣдовательно, поощреніе отечественныхъ фабрикъ, хотя и возвышаетъ нѣсколько цѣну издѣлій, но за то упрочиваетъ доходы помѣщиковъ, доставляя прибыльные заработки крестьянамъ cъверныхъ губерній на фабрикахъ, и вѣрный, ближайшій сбытъ хлѣба земледѣльцамъ, независящій отъ случайности, подобно требованію хлѣба для заграничнаго отпуска. Это, удерживая цѣны на хлѣбъ, доставляетъ болѣе прибыльной доходъ для южныхъ по преимуществу хлѣбопашественныхъ губерній, близость которыхъ или водяныя сообщенія, позволяютъ доставлять хлѣбъ въ губерніи, гдѣ крестьяне занимаются фабричнымъ производствомъ.

Заграничный отпускъ хлѣба, отъ котораго столь значительную прибыль надѣются получить помѣщики, несравненно меньше представляетъ выгоды, нежели сбытъ хлѣба внутри государства для продовольствія фабричныхъ и ремесленныхъ производителей. Заграничное требованіе простирается, какъ выше сказано, болѣе на пшеницу, слѣдовательно на такого

рода хлебъ, который въ сѣверной и средней полюсь Россіи мало производится; но и отпуску пшеницы представляютъ совмѣстничество Америка, Египеть и Турція. Онъ подлежитъ случайнымъ обстоятельствамъ, каковы: войны, установленіе таможенныхъ пошлинъ въ иностранномъ государствѣ на привозный хлебъ; самая отдаленность нашихъ приморскихъ городовъ отъ заграничныхъ рынковъ замедляетъ отпускъ хлеба въ иностранныя государства, тогда какъ напротивъ сбытъ хлеба на внутреннихъ рынкахъ, при успѣхахъ мануфактурной и ремесленной промышленности, представляетъ полную благонадежность, и требуя однихъ только удобныхъ путей сообщеній, не подлежитъ ни совмѣстничеству иностранному, ни случайностямъ. Если въ прибавленіе къ городскому поселенію присоединить занимающихся въ Россіи фабричной и ремесленной промышленностію по деревнямъ 2 мил. лицъ (*), то въ совокупности съ городскимъ населеніемъ это составитъ до 7 мил. лицъ, для которыхъ потребно ежегодно до

(*) Для исчисленія приблизительно числа фабричныхъ и промышленныхъ крестьянъ приняты слѣдующія данныя: въ извлеченіи изъ отчета г-на мин. Госуд. Имущ. за 1845 г. показано паспортовъ и билетовъ, данныхъ государственнымъ крестьянамъ на отлучки по промысламъ и заработкамъ, 990,000; а какъ наличное число податнаго народонаселенія государственныхъ крестьянъ въ томъ году простиралось до 9,242,000, а съ женскимъ поломъ до 18,500,000, то число выданныхъ паспортовъ и билетовъ составляетъ $\frac{1}{18}$ часть сего населенія. Полагая въ такой же соразмѣрности отлучки для промысловъ и помѣщичьихъ крестьянъ, населеніе коихъ простиралось (включая и Остзейскія губерніи) въ 1836 г. (Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи 1851 г., стр. 56) до 23,000,000 обоего пола, удѣльныхъ до 1,500,000, всего $24\frac{1}{2}$ мил.,—выйдетъ всего выданныхъ паспортовъ и билетовъ удѣльнымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ 1,361,000, что вмѣстѣ съ паспортами государственныхъ крестьянъ составитъ 2,351,000. Хотя, конечно, крестьяне, отлучающіеся на промыслы по полугодинымъ и краткосрочнымъ билетамъ, только на время свободное отъ полевыхъ работъ, продолжаютъ заниматься земледѣліемъ: но притомъ надлежитъ также принять въ соображеніе и то, что много есть владѣльческихъ фабрикъ, на коихъ работаютъ вотчинные или приписные крестьяне. Сверхъ того, большое число крестьянъ въ Россіи, особенно въ окрестныхъ Москвѣ губерніяхъ, безъ паспортовъ занимаются весь годъ фабричнымъ промысломъ или ремесломъ у себя по деревнямъ дома или въ соседнихъ селеніяхъ, и также не производятъ уже достаточнаго хлѣбопашества. Такимъ образомъ въ Шуйскомъ уездѣ крестьяне работаютъ по домамъ въ особыхъ свѣтелкахъ на 30,343 станкахъ болѣе 43,700 мастеровъ и рабочихъ; въ Горбатовскомъ уездѣ Нижегородской губерніи есть селеніи,

18 мил. четвертей хлѣба на продовольствіе съ ихъ семействами,—предположеніе не преувеличенное, ибо въ такомъ размѣрѣ сіи 7 мил. составляютъ только $\frac{1}{3}$ часть противъ всего населенія Россіи Европейской, которое простирается до 55½ мил. обоюго пола (см. Г. Тенгоборскаго, ч. I., стр. 92-я). По этому можно судить, сколь значительную прибыль доставляетъ для земледѣлія распространеніе и умноженіе въ Россіи фабричной и ремесленной промышленности; а доставленіе для продажи потребителямъ на внутренніе рынки земледѣльческихъ и фабричныхъ произведеній, значительно усиливая внутренніе торговые обороты, содѣйствуетъ умноженію самыхъ денежныхъ капиталовъ. По чѣмъ болѣе съ расширеніемъ фабричной и ремесленной промышленности увеличиваться будетъ сбытъ хлѣба и земледѣльческихъ произведеній на внутреннѣхъ рынкахъ, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться довольство помѣщиковъ и земледѣльцевъ, и тѣмъ самымъ они

въ конхъ исключительно выдѣлываютъ ножницы, въ другихъ только замки (см. статист. очерки Россіи г. Арсеньева, 1848 года, стр. 415, 419), а потому всчисленіе 2,000,000 крестьянъ, занимающихся постоянно промысломъ, не преувеличено. Г-нъ Самойловъ въ Атласъ промышленности Московской губерніи 1845 г., стр. 34, исчисляетъ всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ 106½ т., ремесленниковъ 28½ т., всего 135 т., что составляетъ $\frac{1}{10}$ часть населенія, которое въ 1846 г. простиралось въ Московской губерніи до 1,370,000 жителей обоюго пола; принимая общее число фабричныхъ и ремесленныхъ крестьянъ $\frac{1}{10}$ часть населенія Московской и окрестныхъ ся губерній, въ конхъ 10 мил. жителей, будетъ всѣхъ фабричныхъ крестьянъ 1 мил.; присовокупля къ сему приписныхъ къ заводамъ и фабрикамъ и занимающихся разными промыслами 1 мил., составитъ предположенныя 2 мил. промышленныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи. Г. Протопоповъ (въ статьѣ о хлѣбной торговлѣ въ Россіи. Журналъ Минист. Государ-Имущ. 1849 года, N 3) полагаетъ жителей, не занимающихся земледѣліемъ или не получающихъ отъ него полныхъ запасовъ, 14 мил. душъ. Здѣсь сверхъ городского и промышленнаго населенія, по вышеизложенному соображенію заключается еще 7 мил. душъ; полагая въ этомъ числѣ помѣщиковъ, войско и дворовыхъ до 2 мил., останется до 5 мил. душъ преимущественно для северныхъ малоплодородныхъ губерній, кои, не довольствуясь собственнымъ хлѣбомъ, недостающее количество получаютъ обыкновенно изъ болѣе урожайныхъ мѣстъ. Полагая для нихъ продовольствія вообще по 2½ ч. въ годъ, всего 35 мил. чет. (Г. Протопоповъ исчисляетъ по 3 чет.—12 мил.), и присовокупля до 8 мил. чет. на винокурение, выйдетъ, что внутренній торгъ представляетъ ежегодно сбытъ для продажи 43 мил. чет. хлѣба, т. е. въ 10 разъ болѣе обыкновеннаго заграничнаго вывоза.

будутъ имѣть болѣе способовъ покупать фабричныхъ и ремесленныхъ произведеній, что, увеличивая сбытъ издѣлій, будетъ взаимно служить поощреніемъ фабричной и ремесленной дѣятельности. Несомнѣнно, внѣшній торгъ между государствами полезенъ, ибо это есть взаимная мѣна избытковъ одной страны на избытокъ другой; а какъ избытокъ намъ ненужный получаетъ для насъ цѣнность только мѣною его на потребныя намъ произведенія другой страны; то чрезъ сіе такая взаимная мѣна посредствомъ внѣшней торговли съ иностранными государствами обращается въ обоюдную для нихъ выгоду. Но при какихъ условіяхъ возможна такая обоюдно-выгодная мѣна? Тогда, разумеется, когда другой народъ нуждается и требуетъ отъ насъ нашихъ избытковъ; но ежели другіе народы съ большею для себя выгодой могутъ получать потребное произведеніе изъ другихъ государствъ, тогда наши избытки въ цѣнь болѣе и болѣе будутъ упадать; и

Отпущено изъ Россіи главныхъ сельскихъ

По тарифу 1819 г.	Сала.	Хлѣба.	Льна.
	Пудъ.	Четверт.	Пудъ.
Въ 1820 г.	2,482,000	2,049,000	1,440,000
— 1821 —	2,794,000	1,207,000	1,813,000
По тарифу 1822 г. изъ 5 лѣтъ средній.			
1824—1828	3,415,000	1,630,000	2,407,000
1829—1833	4,309,000	3,005,000	2,544,000
1834—1838	4,050,000	1,732,000	2,712,000
1839—1843	3,738,000	2,787,000	3,341,000
1844—1848	3,651,000	5,625,000	3,593,000

чтобы нашими избытками выдержать совмѣстничество съ другими государствами, болѣе таковыхъ сбывающими другимъ народамъ, мы должны будемъ ихъ продавать все дешевле, къ явной потерѣ земледѣльцевъ и къ упадку дохода помѣщиковъ, — тогда какъ упадка въ цѣнѣ на земледѣльческія произведенія не послѣдуетъ, ежели мы всегда будемъ для нихъ имѣть вѣрный и постоянный сбытъ на внутреннихъ рынкахъ.

При семъ для болѣе очевидности, самымъ опытомъ можно повѣрить мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ, что охранительная система, введенная въ Россіи тарифомъ 1822 года, уменьшила, въ потерю для земледѣлія, отпускъ за границу хлѣба и другихъ сельскихъ произведеній, противу тарифа 1819 года, по которому допущенъ былъ болѣе пріивозъ иностранныхъ издѣлій; мнѣніе сіе опровергается самымъ движеніемъ нашей вѣтшной торговли.

произведеній въ иностранныя государства.

Льнянаго, конопляна- го и рывпа- го семени.	Пеньки.	Шер-	Щети- ны.	Кожа сырыхъ.		Льсу.
Четверт.	Пудъ.	Пудъ.	Пудъ.	Пудъ.	Штукъ.	По цѣнѣ руб. сер.
395,000	2,429,000	32,000	52,000	20,000	231,000	1,130,000
367,000	2,288,000	20,000	61,000	28,000	29,000	1,685,000
428,000	2,858,000	75,000	64,000	169,000	—	2,525,000
644,000	2,568,000	155,000	68,000	280,000	—	2,105,000
743,000	3,152,000	317,000	62,000	303,000	—	2,714,000
1,083,000	2,982,000	457,000	70,000	208,000	—	2,499,000
1,286,000	2,861,000	567,000	75,000	117,000	—	3,233,000

Отпущено издѣлій изъ русскихъ матеріаловъ съ

	Суконъ.	Пеньков. и льняныхъ тканей.
	Аршинъ.	Кусковъ.
Въ 1820 г.	(*) 66,000	89,000
— 1821 —	—	144,000
	по цѣнѣ руб. серебр.	
1824—1828	305,000	3,052,000
1829—1833	750,000	2,288,000
1834—1838	2,079,000	2,837,000
1839—1843	3,042,000	2,500,000
1844—1846	2,832,000	1,550,000

Въ тѣ же годы привезено инос

	Хлопчатой бумажной пряжи.	Красиль- ныхъ ве- ществъ.	Шелку.
	п	у д	о в
Въ 1820 г.	250,000	263,000	16,124
— 1821 —	177,000	203,000	12,541
1824—1828	359,000	229,000	11,834
1829—1833	531,000	467,000	14,354
1834—1838	598,000	504,000	11,085
1839—1843	567,000	657,000	13,513
1844—1848	480,000	683,000	11,881

(*) Небол. ч. 2., стр. 389, 390.

льскаго хозяйства, а также желѣза и мѣди.

Канатовъ и веревокъ.	Ю ф т и.		Желѣза.	Мѣди.
Пудъ.	Пудъ.	Штукъ.	П у д	о в ѣ.
148,000	57,000	170,000	1,175,000	320,000
162,000	99,000	80,000	881,000	335,000
(*)276,000	86,000	157,000	(**)1,322,000	195,000
360,000	92,000	225,000	1,448,000	194,000
247,000	92,000	179,000	1,247,000	224,000
272,000	99,000	156,000	899,000	108,000
331,000	48,000	142,000	763,000	98,000

транзитныхъ товаровъ въ Россію.

Бумаги хлопчат. сырца.	Шелко- выхъ то- варовъ.	Шерстя- ныхъ тканей.	Бумаж- ныхъ из- дѣлій.	Пенько- выхъ и льняныхъ.
ъ	по цѣ	нѣ рубле	й сереб	ромъ.
37,000	2,997,000	6,385,000	6,551,000	680,000
58,000	2,617,000	8,560,000	5,428,000	473,000
73,000	2,200,000	2,623,000	3,389,000	{209,000(**)}
125,000	2,280,000	2,688,000	3,012,000	
244,000	3,007,000	2,315,000	3,428,000	{356,000
410,000	3,914,000	3,388,000	4,135,000	
808,388	3,262,000	2,195,000	2,104,000	372,000

) Неб. ч. 2., стр. 290, 408.

) Неб. ч. 2., стр. 217, 235, 419.

Весь же среднесложный годово́й отпускъ и привозъ товаровъ простирался по цѣнѣ (*):

Рублей серебромъ.		
	Отправлено.	Привезено.
1821—1828. . .	58,843,000	48,262,000
1829—1833. . .	64,438,000	49,282,000
1834—1838. . .	67,536,000	61,063,000
1839—1843. . .	79,133,000	67,698,000
1844—1848. . .	93,892,000	72,889,000

Свѣдѣнія сіи и образъ совмѣстничества другихъ странъ въ нашей внешней торговлѣ показываютъ (**): 1. Отпускъ хлѣба и другихъ главныхъ сельскихъ произведеній, при дѣйствіи охранительной таможенной системы, не уменьшился, хотя, впрочемъ, успѣхи хлѣбопашества и воздѣлываніе картофеля повсемѣстно ограничили потребность въ привозъ хлѣба. Нынѣ внѣшній торгъ, какъ видно изъ сихъ свѣдѣній, подвергается колебанію, и большій или меньшій вывозъ хлѣба зависитъ отъ состоянія урожаевъ за границею.

2. Совмѣстничество по хлѣбной торговлѣ представляютъ Россіи, для пшеницы: Америка, Египетъ и Турція, а для другого хлѣба Сѣверная Германія; притомъ рожь, главное произведеніе хлѣбопашества нашихъ сѣверныхъ губерній, весьма мало требуется за границу, какъ удостовѣряетъ Великобританія, куда всего болѣе требуется иностраннаго хлѣба; слѣдовательно для выгодной продажи ржи къ поощренію земледѣлія, необходимо увеличить сбытъ ея на внутреннемъ рынкѣ.

3. Совмѣстничество по торгу прочими статьями сельскаго хозяйства представляютъ: для льна—Пруссія и Бельгія; для пеньки—Италія, Австрія, но преимущественно Ост-Индіа, откуда привозъ въ Англію значительно увеличился; для масличныхъ сѣмянъ—Ост-Индіа, также Египетъ и Турція, откуда во Францію усилилось доставленіе кунжутнаго

(*) Отпускъ и привозъ за 1830 и 1831 г. показанъ изъ книги г. Небольсина: Записки о вѣнц. торгов. Россіи, изд. 1835 г. Ч. I., а за прочіе годы изъ Статистич. сборника Импер. Геогр. Общ. 1852 г. стр. 158—178.

(**) См. въ концѣ приложеніе.

сѣмьями; для шерсти — Турція, Сѣверная Африка и особенно Австралія, откуда привозъ въ Англію тоже усилился; для лѣснаго товара — Швеція, Норвегія, и въ особенности сѣверо-американскія колоніи; для сала и невыдѣланныхъ кожъ — Америка, гдѣ кожи обходятся дешевле нежели у насъ, ибо добываются отъ дикаго скота, который пасется на даровыхъ природныхъ пастбищахъ; притомъ Англія, въ поощреніе доставки сала изъ собственныхъ колоній, освобождаетъ его отъ пошлины, взимаемой съ иностраннаго, а усилившійся привозъ пальмоваго масла изъ Африки для мыловаренія, уменьшилъ вообще потребность иностраннаго сала въ Англіи. Однако, не взирая на сіе обширное совмѣстничество Америки для сырыхъ произведеній, и нынѣ отпускъ сихъ статей сельскаго хозяйства изъ Россіи значителенъ, и не только не уменьшился, но увеличился послѣ введенія охранительной таможенной системы, какъ удостовѣряетъ совокупный вывозъ сихъ статей въ разныя государства въ 1824-мъ и последующихъ годахъ. Но распространеніе повсюду совмѣстничества для нашихъ сельскихъ сырыхъ произведеній само указываетъ необходимость нынѣ увеличить для нихъ выгодный сбытъ внутри отечества на своихъ фабрикахъ и заводахъ, кои занимаются ихъ выдѣлками.

4. Отпускъ въ иностранныя государства тѣхъ русскихъ издѣлій, для которыхъ матеріалы доставляетъ отечественное сельское хозяйство, оказывается въ слѣдующемъ видѣ: главный сбытъ суконъ нашихъ (до $1\frac{1}{2}$ мил. арш. въ годъ) поддерживается въ торговль съ Китаемъ (*); требованіе на юфть уменьшилось съ усовершенствованіемъ кожевеннаго дѣла въ Западной Европѣ; вывозъ пеньковыхъ и льняныхъ тканей упалъ, отъ введенія въ другихъ странахъ машиннаго пряденія льна, что усилило и удешевило въ Англіи, Германіи и

(*) Сверхъ суконъ, мы отправляемъ въ Китай также русскія бумажныя издѣлія. преимущественно плясъ: въ 1824—28 отпущено сихъ товаровъ на 49,500 руб. сер. 1834—38 г. на 640,000 руб., а въ 1844—48 на 1,196,000 р. сер.; въ поощреніе сей торговли Правительство установило отпускную премію, составляющую половину пошлины, которая взымалась у насъ съ иностр. бумаж. праж. (Небольсин. ч. 2., стр. 370, 371, 390).

Франціи производство пеньковыхъ и льняныхъ издѣлій, которыхъ онѣ нынѣ ежегодно отпускають на 60 мил. руб. сер. (одна Англія на 32 мил. р.); сбытъ канатовъ нѣсколько увеличился, но вывозъ русскаго желѣза и мѣди уменьшился, отъ большаго совмѣстничества шведскаго и англійскаго желѣза и англійской мѣди. Такимъ образомъ, для успѣшнаго производства пеньковыхъ и льняныхъ тканей, надлежитъ и у насъ нынѣ, подѣ покровительствомъ охранительной системы, ввести машинное пряденіе пеньки и льна по примѣру иностранному, а для сбыта русскаго желѣза и мѣди (*) останеся почти одинъ внутренній рынокъ, дабы поддержать сей промыслъ, отъ котораго зависитъ довольство, не только 500 т. заводскихъ крестьянъ (обоюго пола въ Европейской Россіи), но и земледѣльцевъ, которые продають горнымъ заводамъ избытки ихъ сельскихъ произведеній, а также и всѣхъ тѣхъ, которые занимаются перевозомъ и доставкою сихъ металловъ съ заводовъ до мѣста ихъ требованія.

5. Привозныя статьи, въ тѣ годы при охранительной тарифной системѣ, свидѣтельствуютъ успѣхи отечественныхъ фабрикъ въ теченіе сихъ 30 лѣтъ; привозъ бумаги сырца увеличился въ 22 раза; красильнаго вещества почти утроился, напротивъ того издѣлій шерстяныхъ и бумажныхъ болѣе чѣмъ вътрое уменьшился, и самый привозъ бумажной пряжи въ послѣдніе 5 лѣтъ нѣсколько упалъ отъ умножившагося числа бумаго-прядильнъ въ Россіи. Но привозъ льняныхъ тканей изъ машинной пряжи можетъ представить опасное совмѣстничество нашимъ полотнамъ и на внутреннемъ рынкѣ.

6. Вообще количество отпускныхъ товаровъ значительно увеличилось съ 1824 года, какъ удостовѣряетъ цѣна отпуска(**),

(*) Въ Россіи нынѣ выплавляется въ годъ чугуна 13 мил., мѣди до 300 т. пудъ; въ Англіи, гдѣ употребляется каменный уголь, въ 1846 г. получено чугуна до 140 мил. пудъ (Статист. сборникъ, стр. 187 и 190) Изъ Англіи отпущено въ другія страны въ 1844 г. желѣза 22,000,000 и мѣди 1,155,000 пудъ. (Небольсинъ, ч. 2., стр. 226, 239.)

(**) Ежегодный отпускъ русскіихъ товаровъ въ 10 лѣтъ съ 1838 по 1849 г. увеличился до 40% противу 1824 г. (см. Статист. сборникъ, стр. 176). Не включая въ сіе сравненіе 1847 годъ, въ который по чрезвычайному неурожаю за границей отпускъ былъ необыкновенный и простирался до 137 мил. руб. сер., въ томъ числѣ хлеба на 71 мил.

и многимъ превышаетъ цѣну привозныхъ иностранныхъ товаровъ, не взирая, что и сей привозъ вообще также увеличился противу прежняго; все сіе въ совокупности свидѣтельствуесть успѣшное движеніе внешней нашей торговли, оживляющей отечественную нашу сельскую и фабричную промышленность, подъ покровительствомъ охранительной таможенной системы.

Но не въ томъ смыслѣ дозволяемъ себѣ въ этомъ краткомъ очеркѣ представить пользу, происходящую для земледѣлія отъ распространенія и упроченія въ отечествѣ нашемъ фабрикъ, чтобъ изъ сего вывести заключеніе, что намъ уже, вовсе не нужно получать издѣлія фабрикъ иностранныхъ. Допускъ иностранныхъ издѣлій съ охранительной таможенной пошлиной въ такомъ размѣрѣ, что дозволяетъ продолжать фабричное производство, поддерживая только соревнованіе нашихъ фабрикантовъ съ тою цѣлію, чтобъ они старались улучшить свои издѣлія и не отставать отъ иностранныхъ,—доставляетъ пользу. Усвоеніе и распространеніе фабрикъ въ отечествѣ, понижая цѣну на издѣлія, дозволяетъ постепеннымъ сбавленіемъ охранительной таможенной пошлины допустить привозъ къ намъ тѣхъ издѣлій иностранныхъ, съ которыми могутъ наши издѣлія выдержать совмѣстничество, и слѣдовательно такой привозъ иностранныхъ товаровъ уже не можетъ сдѣлать подрыва нашимъ фабрикамъ, на устройство которыхъ въ надеждѣ на охранительныя таможенныя пошлины употреблены огромные капиталы; ибо надлежитъ замѣтить, что разстойство въ фабричномъ производствѣ и несостоятельность фабриканта, производить не частную, какъ нѣкоторые полагаютъ, потерю учредителя фабрикъ, но тысячи лицъ, находящіеся съ нимъ во взаимныхъ торговыхъ отношеніяхъ, отъ того теряютъ.

При внезапномъ наплывѣ иностранныхъ издѣлій, отъ чрезмѣрнаго пониженія до того бывшей таможенной пошлины, цѣна значительно упадаетъ на тѣ издѣлія; сбытъ заготовленныхъ на фабрикахъ товаровъ останавливается на внутреннихъ рынкахъ, ибо купцы, въ ожиданіи иностранныхъ

дешевыхъ того рода товаровъ, уже издѣлій своихъ фабрикъ не покупаютъ, или предлагаютъ за нихъ убыточную цѣну. Тѣ купцы, которые въ прежніе годы получили съ фабрикъ товары въ долгъ, не могутъ ихъ продавать по случаю упадка цѣны на нихъ, и отъ того не въ состояніи выплатить за нихъ фабриканту денегъ; слѣдственно фабрикантъ можетъ потерять цѣну за выпущенныя въ долгъ въ прежніе годы издѣлія, и цѣну за выдѣланные вновь товары, остающіеся у него безъ сбыта: и не бывъ въ состояніи продолжать фабричное производство, долженъ потерять и самый капиталъ, употребленный на устройство фабрики; его несостоятельность влечетъ за собой несостоятельность и тѣхъ, у кого онъ покупалъ въ срокъ матеріалъ въ надеждѣ выручки за выработанные изъ него товары; терпятъ и тѣ купцы, которые сего рода товары закупали на наличныя деньги; рабочіе остаются безъ заработковъ, ибо не всегда съ одинакимъ удобствомъ можно перейти отъ одного рода фабричнаго производства къ занятіямъ другаго рода. Такимъ образомъ, остановка фабрикъ затрудняетъ все движеніе внутренней торговли, то-есть сбытъ не только фабричныхъ издѣлій, но и земледѣльческихъ произведеній, ко вреду промышленнаго сословія и самыхъ земледѣльцевъ и помѣщиковъ. Ошибочное заключеніе тѣхъ, кои полагаютъ, что охранительная система вредна для помѣщиковъ и земледѣльцевъ, какъ потребителей фабричныхъ издѣлій, происходитъ преимущественно отъ того, что, рассматривая вопросъ сей въ отвлеченномъ видѣ, отдѣляютъ обыкновенно пользу потребителя отъ пользы производителя, принимая ихъ за два противоположныя лица, тогда какъ помѣщикъ и земледѣлецъ, бывъ потребителями фабричныхъ издѣлій, въ то же время суть производители хлѣба и другихъ сельскихъ произведеній; а фабрикантъ и ремесленникъ, бывши производителями издѣлій, вмѣстѣ съ тѣмъ суть потребители хлѣба и сельскихъ произведеній, продаваемыхъ помѣщикомъ и земледѣльцемъ, а потому, земледѣліе и ремесленная промышленность находятся между собою въ такой тѣсной связи, и одна отрасль на другую имѣетъ такое взаимное вліяніе, что разстройство и упадокъ фабрикъ вре-

день для земледѣлія, ибо ограничивая доходъ промышленнаго сословія, уменьшаетъ и производимую имъ покупку на внутреннемъ рынкѣ сельскихъ произведеній (а внутренний сбытъ, какъ выше показано, несравненно обширнѣе заграничнаго отпуска), а разстройство въ сельскомъ хозяйствѣ (по случаю неурожая или упадка цѣны на хлѣбъ отъ недостатка сбыта) вредно для фабрикъ, ибо помѣщики и земледѣльцы, по недостатку дохода, уменьшаютъ по необходимости покупку фабричныхъ издѣлій. Напротивъ того успѣхи и довольство фабричной и ремесленной промышленности содѣйствуютъ обогащенію помѣщикомъ и земледѣльцевъ, расширяя на внутреннемъ рынкѣ сбытъ ихъ сельскихъ произведеній; и взаимно, увеличеніе дохода помѣщиковъ и земледѣльцевъ, доставляя имъ возможность болѣе потреблять издѣлій, тѣмъ содѣйствуетъ успѣхамъ и довольству фабрикантовъ и ремесленниковъ (*). Наконецъ самый 30-ти-лѣтній опытъ очевидно убѣждаетъ насъ, что охранительная таможенная система, установленная съ 1822 года попечительнымъ нашимъ Правительствомъ, благодѣтельна для успѣховъ отечественной фабричной промышленности, для пользы самаго земледѣлія и сельского хозяйства и для благосостоянія всѣхъ сословій въ государствѣ вообще.

А. СЕДУКОВЪ.

(*) Съ упадкомъ дохода отъ земледѣлія стѣсняются средства покупать и дешевыя иностранныя издѣлія; а если успѣхъ отечественныхъ фабрикъ, расширяя сбытъ сельскихъ произведеній, увеличиваетъ доходъ отъ земледѣлія, то помѣщики и земледѣльцы съ избыткомъ могутъ покупать отечественныя издѣлія и иностранныя, хотя и нѣсколько дороже стоящія отъ обложенія ихъ охранительной таможенной пошлиной.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Совмѣстничество другихъ странъ во внешней российской торговлѣ оказывается въ слѣдующей соразмѣрности (*).

Въ Великобританію привезено было съ 1831 по 1845 годъ, въ теченіе 15 лѣтъ (**).

	Изъ Россіи.	Изъ другихъ мѣстъ.	
Пшеницы и пшеничной муки.	2,440,000	25,475,000	четв.
Ржи.	106,000	370,000	—
Ячменя и овса.	2,064,000	8,828,000	—
Гороху и бобовъ.	22,000	3,507,000	—

Въ 1839, 1840 и 1841 годахъ отпущено: (***)

	Изъ Сѣверн. пор- товъ Россіи.	Изъ порт. Пруссіи и Сѣверн. Германіи.	
Пшеницы.	237,000	5,432,000	четв.
Ржи.	875,000	1,516,000	—
Ячменя и овса.	1,143,000	879,000	—
	2,255,000	7,827,000	четв.

Исключивъ количество хлѣба изъ Россіи 516 т. четвер. и царства Польскаго 1,412 т. четв., отправленнаго чрезъ прусскіе порты, выйдетъ отпускъ хлѣба въ сіи 3 года изъ Пруссіи и сѣверной Германіи. . . 5,900,000 четв.
— Россіи. 2,771,000 —
— Царства Польскаго. 1,412,000 —

Въ неурожайный 1847 годъ совокупный отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Американскихъ Штатовъ, Египта и дунайскихъ портовъ, составлялъ до 12½ мил. четвер. Въ томъ числѣ кукурузы до 5,790,000 четв., пшеницы изъ Молдавіи, Валахіи и Египта 1,363,000, изъ Американскихъ Штатовъ 4,509,000, а изъ Россіи вывезено хлѣба всего 11½ мил. четвертей (****).

(*) См. Статист. обозрѣніе торговли Россіи (Небольсин. изд. 1850 г., ч. 1 и 2.

(**) Небольс. ч. I. стр. 76. (***) См. тамъ же, стр. 110.

(****) См. тамъ же, стр. 127, 133.

ЛѢНА И ПЕНЬКИ ПРИВЕЗЕНО:

Въ Великобританію (*).

ЛѢНА И ПАКЛИ.

	въ 1831—35 г.	1841—45 г.	
Изъ Россіи.	614,000	975,000	центнер.
— Пруссіи, Голланд. и Белгін.	252,000	329,000	—
— прочихъ мѣстъ.	64,000	82,000	—
	920,000	1,386,000	—
или 2.875,000	4,233,000	пудъ.	

Во Францію (**).

	1834—38 г.	1844—46 г.	
Изъ Россіи.	10,000	5,258,000	килогр.
— Белгін.	959,000	3,058,000	—
— прочихъ мѣстъ.	67,000	1,135,000	—

Въ Великобританію.

ПЕНЬКИ.

	1831—35 г.	1841—45 г.	
Изъ Россіи.	533,000	536,000	центнер.
— Италіи.	21,000	21,000	—
— Ост-Индіи.	38,000	183,000	—
— прочихъ мѣстъ.	10,000	23,000	—
	602,000	763,000	центнер.
или 1,883,000	2,381,000	пудъ.	

Во Францію.

	1837—39 г.	1844—46 г.	
Изъ Россіи.	181,000	113,000	пудъ.
— Италіи и Австріи.	239,000	237,000	—
— прочихъ мѣстъ.	60,000	11,000	пудъ.

ШЕРСТИ ПРИВЕЗЕНО:

Въ Великобританію (***).

	Изъ Испаніи.	Германіи.	Австраліи.	
1834—38.	3,520,000	25,880,000	5,498,000	фун.
1844—46.	1,004,000	19,016,000	21,180,000	—

(*) Небольс. ч. II., стр. 25, 27.

(**) См. тамъ же, стр. 32, 33.

(***). 36 англійскихъ фунтовъ, или 16 килограмовъ—равняется 1-му пуду.

Во Францію.

Изъ Испаніи. Германіи.

1833—37. 3,466,000 1,224,000

1838—42. 3,525,000 2,905,000

Въ Великобританію.

Турція и Сѣвер.

Россіи.

Америки.

Прочихъ мѣсть

1854—38. 4,486,000 — 13,952,000 фун. (*)

1844—46. 6,292,000 — 21,458,000 —

Во Францію.

1833—37. 211,000 3,204,000 3,401,000 килог.

1838—42. 480,000 3,246,000 2,373,000 —

САЛА ПРИВЕЗЕНО: (**)

Въ Великобританію.

Изъ Россіи.

Южной

Америки.

Прочихъ

мѣсть.

1831—35. 3,470,000 55,000 83,000 пудъ.

1841—45. 2,894,000 396,000 270,000 —

Во Францію.

Изъ Россіи.

Англии.

Американс.

Штатовъ.

1837—41. 254,000 60,000 8,000 пудъ.

1842—46. 239,000 20,000 341,000 —

ЛЪНЯНАГО СѢМЯНИ ПРИВЕЗЕНО:

Въ Великобританію (***)

Изъ Россіи.

Италіи.

Остивни и
Сѣв. Амер.Прочихъ
мѣсть.

1831—35 г. 307,000 19,500 19,500 29,500 четв.

1841—45 — 571,000 9,000 32,000 47,000 —

(*) Тамъ же, стр. 70, 73. (**) Тамъ же, стр. 123, 125.

(***) Тамъ же, стр. 139.

Во Францію (*).

Изъ Россіи.

Изъ другихъ странъ.

Сѣмянъ льна:

наго и прочаго. Льнянаго. Кунжутнаго. Прочаго.

Въ 1837 г.	43,500	59,600	—	90,000	четв.
1840 —	134,500	147,700	800	112,000	—
1844 —	165,000	97,000	105,000	43,000	—

НЕВЫДѢЛАННЫХЪ КОЖЪ ПРИВЕЗЕНО (**):

Въ Великобританію.

Во Францію.

	1836—40.	1841—46.	1840.	1846.
		центнеръ.	пудъ.	пудъ.
Изъ Россіи.	29,000	29,000	1,900	—
— Германіи.	26,000	15,000	—	—
— Африки.	16,000	27,000	—	—
— Ост-Индіи и Америки.	287,000	503,000	435,900	639,000
— прочихъ мѣстъ.	59,000	37,000	—	—

ЩЕТИНЫ ПРИВЕЗЕНО (***):

Въ Великобританію.

Во Францію.

	1831—38.	1841—45.	1841—45
		пудъ.	пудъ.
Изъ Россіи.	41,000	45,000	9,600
— прочихъ мѣстъ.	7,500	3,000	6,000

ЛЪСНАГО ТОВАРА ПРИВЕЗЕНО (****):

Въ Великобританію.

Бревень и брусьевъ въ 1843 г. 1846 г.

Изъ Россіи.	16,000	145,000	ласть.
— Швеціи и Норвегіи.	22,000	76,000	—
— Американской колоніи.	578,000	729,000	—
Досокъ и батеясовъ			
Изъ Россіи.	136,000	147,000	ласть.
— Швеціи и Норвегіи.	95,000	90,000	—
— Американской колоніи.	339,000	482,000	—

(*) Тамъ же, стр. 145. (**) Тамъ же, стр. 273, 274.

(***). Тамъ же, стр. 301. (****) Тамъ же, стр. 193, 195.

Во Францію.

Строевого лѣса въ 1837—46 г.

Изъ Россіи.	3,128,000	метровъ.
— другихъ странъ.	31,690,000	—

Мачтъ.

Изъ Россіи.	1,669	штукъ.
— другихъ мѣстъ.	1,882	—

ЖЕЛѢЗА ПРИВЕЗЕНО (*):*Въ Великобританію.*

Изъ Россіи. Изъ Швеціи.

1836—40 г.	346,000	957,000	пудъ.
1841—45—.	169,000	1,205,000	—

МѢДИ ПРИВЕЗЕНО ():***Во Францію.*

Изъ Россіи. Изъ Великобританіи.

1836—40 г.	82,000	231,000	пудъ.
1841—45—.	26,000	408,000	—

(*) Тамъ же, стр. 225. (**) Тамъ же, стр. 240.

NB. Но есть еще сторона, съ коею почтенный авторъ не разсматривалъ предмета — это народная нравственность, которая всего важнѣе и дороже. Ред.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

О РАЗВОДѢ ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ, ПРОИЗВОДИМЫХЪ.
ЛИТОВСКИМИ ПОМАЩИКАМИ СЪ РУССКИМИ НАГАНЦАМИ.

Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссийскаго; изъ Казанскаго Надворнаго Суда въ Царевкокшайскъ Судъ г. Свѣчину, а въ небытность его кому вѣдать повелѣно.

Въ нынѣшнемъ 722-мъ году Марта 24-го дня, въ указъ Его Императорскаго Величества изъ Государственной Коллегіи Юстиціи въ Казанской Надворной Судъ написано: Прошедшаго Февраля 20-го дня въ доношеніи изъ Смоленской губерніи Канцеляріи въ оную Коллегію писано: въ нынѣшнемъ де 722-мъ году Генваря 23-го да 31-го чиселъ Смоленскаго Провинціального Суда отъ Судей въ Смоленскую Губернскую Канцелярію писано: по доношеніямъ де въ ту Канцелярію Провинціального Суда въ Смоленскомъ уездѣ явились разбой, а именно, человекъ съ пятнадцать разбили шляхтича Бѣдряцкаго Васильева крестьянина Бородулича, убили до смерти, и когда къ поимкѣ тѣхъ разбойниковъ Смоленскаго уѣзду обыватели собрались, и оныя побѣжали за Литовской рубежъ въ Мстиславское Воеводство въ маетность Гольшкинскихъ, въ мѣстечко Мнастыршину; потомъ разбойниковъ же человекъ съ сорокъ разбили домъ шляхтича Столкѣвича, другіе вотчины жъ шляхтича Дютовскаго. Смоленскаго жъ уѣзду деревни Хморы, прѣхавъ въ ночи человекъ съ тридцать, крестьянина Якова Софронова мучили и жгли огнемъ, и вымучили у него денги, и побрали пожитки, и дворъ его Яковлевъ сожгли, да они жъ похвалялись, что де и впредь прѣдутъ въ ту деревню къ крестьянину Лапину; да разбой-

ники жъ ночью порою челоуѣкъ тритцать, наѣхавъ въ вотчину прапорщика Петра Куриша, въ Смоленской уѣздъ въ деревню Мосѣевку, крестьянина его Моисѣя Родзымаху и брата его родного Герасима и жену Моисѣеву жгли огнемъ и мучили, и побрали всѣ ихъ пожитки и лошади, и у другихъ крестьянъ взяли всѣ пожитки и лошади безъ остатку. Въ Смоленскомъ же уѣздъ въ село Стрыгино разбойники жъ, ночью порою наѣхавъ, попа Петра да у пономаря Ѳедора побрали все ихъ, такожъ и положенныя въ томъ селѣ Стрыгинѣ во дворѣ у дѣлчковой жены вдовы деревни Каменки крестьянина Ѳедора Максимова, и у него Максимова во дворѣ пожитки побрали жъ безъ остатку, и его Максимова били и жгли огнемъ; и для поимки де тѣхъ разбойниковъ за рубежъ ко Мстиславскимъ Судьямъ и къ Полковнику Голынскому посылаемы изъ Смоленска аѳенцеры съ драгуны и салдаты. И о поимкѣ и о искорененіи оныхъ разбойниковъ писано въ репортѣ изъ оныхъ посланныхъ отъ порутчика Чаплина въ Смоленскъ написано: по извѣстію де отъ обывателя Смоленскаго уѣзду отъ Князя Михайлова урядника Соколинскаго, и отъ другихъ, что разбойники, въ лѣсу пожитки роздѣля, поѣхали за Польской рубежъ, въ вотчину полковника Ивана Голынского въ деревню Капустино, между которыми крестьянинъ выходецъ Костянтинъ Григорьевъ, которая де деревня при рубежѣ. И оной порутчикъ изъ той деревни того крестьянина и съ двумя его сыновьями, да бѣглова жъ изъ Смоленскаго жъ уѣзду Князь Дмитріева крестьянина, да зарубежскаго челоуѣка, прозваніемъ Анцуту, и Смоленскаго уѣзду жителя Шипневскаго крестьянина прислалъ въ Смоленскъ, въ Канцелярію Провинціального Суда. А по извѣстію въ Смоленскую Губернскую Канцелярію изъ того Провинціального Суда, оныя приводные люди въ роспросѣ показали: Костянтинъ Григорьевъ съ дѣтьми сказали, что они бѣглые Бѣльскаго уѣзду Шляхтича Броневскаго крестьяня, жили за рубежомъ во Мстиславскомъ уѣздѣ въ маѣтности пана Голынского. Въ нынѣшнемъ де 722-мъ году, разбойники челоуѣкъ съ тритцетъ, съ ружьемъ, у него во дворѣ пристанище имѣли, ѣдучи на разбой въ Смоленской уѣздъ, а въ Смоленскомъ

уѣздъ разбивая, разбойныя пожитки отвозили за рубежъ къ оному пану Гольинскому; атаманъ де у нихъ разбойниковъ былъ бѣглый изъ Смоленска рекрутъ Васька Засць съ братомъ, и живутъ они за рубежомъ за паномъ Лютикомъ; а другіе разбойники бѣглые рекруты и солдаты, и живутъ за паномъ его Гольинскимъ, въ деревнѣ Барановкѣ и въ иныхъ деревняхъ, и оной де привезенной съ ними зарубежный человекъ служить у вышепомянутого Гольинскаго урядникомъ, и разбойныя пожитки во дворъ его, Гольинскаго, принималъ, и отдавалъ ему Гольинскому, между которыми, въ Смоленскомъ уѣздѣ, разбивъ помѣщика Пышницкаго, пожитки его, котлы и посуду и платье оной Гольинской отдалъ ему Пышницкому лицомъ; да напередъ де сего тому года съ четыре, разбойники въ Смоленскомъ уѣздѣ и въ другихъ уѣздахъ разбойничали, и съ разбою всякую рухлядь и лошадей приводя, отдавали ему, пану Гольинскому, за то что онъ ихъ охранялъ и позволялъ ѣздить на разбой. А урядникъ, зарубежный человекъ Анцута сказалъ: и къ пану де его Гольинскому ѣзживали разбойники бѣглые солдаты и рекруты шесть человекъ, и у тѣхъ де разбойниковъ онъ, по приказу пана Гольинскаго, принялъ семь лошадей, а тѣмъ де разбойникомъ пристань чинилъ въ мѣстечкѣ Монастыршинѣ жида Игерць съ сыномъ, и куда разбойники на разбой ѣзживали, они жида вѣдали, и разбойныя пожитки принимая продавали. А по справкѣ де въ Смоленской Губернской Концеляріи, отъ зарубежныхъ жителей Смоленскаго уѣзду обывателямъ чинятца непрестанныя обиды и раззоренія, изъ Смоленскому уѣзду за рубежъ выводы и побѣги крестьяномъ, изъ которыхъ, а именно въ 710-мъ году, Его Императорскому Величеству били челомъ Смоленская шляхта Петръ Адамовичъ съ братьями, а въ челобитъ ихъ написано: Велижскаго де уѣзду зарубежскіе жители Орвѣ Гецелихъ съ воровскими людьми, наѣхавъ на вотчину ихъ, Смоленскаго уѣзду въ деревню Заболотьѣ, и засѣянную ихъ рожь и всякой хлѣбъ ругательски потоптали, и цѣпами побили, и дворъ ихъ помѣщиковъ сожгли, и дворы ихъ крестьянъ раззорили, и противъ того челобитья, для свидѣтельства того, посыланъ изъ Смоленска шляхтичъ, и

оной пожогъ и раззоренъ по его, шляхтича, осмотру явилось, и о управѣ въ томъ и для высылки съ обоихъ сторонъ камисаровъ на рубежъ изъ Смоленска въ Витебской къ судьямъ писано, и камисары изъ Смоленска посылаемы, а зарубежнихъ камисаровъ никого въ высылкѣ не было. Да въ 721-мъ году оной же шляхтичъ Адамовичъ Его Императорскому Величеству билъ челомъ, что зарубежные жители маестности князя Черторыйшского крестьяне челоуѣкъ съ триста и больше, да вышеписанной Гецевичъ со крестьянъ и съ бѣглыми рекруты челоуѣкъ съ двести и больше, разбойнымъ дѣломъ наѣхавъ въ вотчину ихъ, вышепоманутую деревню Заболотье, дворы ихъ помещиковы раззорили, съ иконъ оклады ободрали, окна повѣбили, сундуки разломавъ, пожитки ихъ себѣ пограбили, а сына его Адамовичева и людей били, дворовую бабу бивъ изнасиловали, крестьянъ шесть дворовъ, и животы, и дворовыхъ людей къ себѣ за рубежъ побрали, и ни единой души не осталось, и подати платить не кому, которыя де раззоренія свидѣтельствоваѣ Порѣцкой доли камисаръ, и то свидѣтельство прислано въ Смоленскую Губернскую Канцелярію. А въ нынѣшнемъ де 722-мъ году Генваря 28-го дни била челомъ Мазора Андреевская жена Мицкого: изъ Залитовского де рубежа изъ маестности Ксенза Гецевича Витебскаго Воеводства, изъ села Чепель крестьяне многочеловѣкомъ, на семидесяти подводахъ и больши, наѣхавъ въ поместье ея въ Смоленской уѣздъ, въ деревню Старую Бояршину, которая растоянїемъ отъ рубежа больше пятнадцати верстъ, и взяли крепостного ея крестьянина, прозванїемъ Мальшейка, съ женою и дѣтми, съ братьями и племянники и животы, вывели за рубежъ въ оную Чепельскую волость, а вдругорядъ оныя жъ зарубежные крестьяны, наѣхавъ въ тое жъ ея деревню, взявъ шесть челоуѣкъ крестьянъ ея съ лошадьми, вывели жъ за рубежъ и держать у себя въ тюрьмѣ, и похваляютца и всю деревню ея наѣздами раззорить и выжечь. И противъ того челобитья о томъ за рубежъ къ шляхтичу Гецевичу писано, а отвѣтствїя въ учиненїи въ томъ управы не получено. Да въ нынѣшнемъ же де 722 году писалъ въ Смоленскъ Звѣровицкой доли комисаръ Иванъ

Майдановичъ и при отпискѣ своей прислалъ копію съ сказки Смоленскаго шляхтича Андрея Ермаковского, въ которой написано, что онъ Ермаковской въ указные числа въ Москву къ смотру не поѣхалъ, для того, что во дворъ его наѣхавъ изъ Залитовскаго рубежа Мстиславская шляхта Гавриловичи два да Лицевичъ, Высоцкой, Невицкой, со многими людьми и со крестьяны, взявъ его отвели за Польской рубежъ, и пожитки его всѣ пограбили безъ остатку, и били его смертнымъ боемъ, хотѣли разрубить и держали за карауломъ три недѣли и три дни, а потомъ взявъ у него письмо въ томъ, чтобъ ему на нихъ не бить челомъ, и отпустили паки въ домъ его. И о вышепомянутыхъ показанныхъ разбояхъ и грабительствахъ и раззореніяхъ зарубежныхъ людей что чинить, о томъ изъ Государственной Юстиціи Коллегіи Губернская Канцелярія требовала указа. И по Его де Императорскаго Величества указу и по приговору Государственной Коллегіи Юстиціи вельно во всѣ Надворные Суды, а изъ Надворныхъ въ Провинціальные и Городовые Суды послать указы, ежели въ тѣхъ судахъ, изъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ явятца гдѣ впредь, то оныхъ тогожъ времени къ надлежащему розыску отсылать въ Смоленской Надворной Судъ, за добрымъ крѣпкимъ карауломъ; понеже оное дѣло важное и требуетъ строгаго исправленія, а ежели кто тою отсылкою умедлитъ, и въ томъ время исправленію упуститъ, тогда на тѣхъ судахъ то все взыскано будетъ неотмѣнно. И какъ ты сей Его Императорскаго Величества указъ получишь, и тебѣ чинить о томъ по сему Его Императорскаго Величества указу.

Марта 30 дня 1722 году. Подлинный указъ подписанъ подполковникомъ Григоріемъ Хвостовымъ, скрѣпленъ по листамъ секретаремъ Ларіономъ Вощановымъ, справленъ по листамъ же Иваномъ Игнатьевымъ.

РЯДНАЯ ЗАПИСЬ 7184 ГОДА, (1676 г.)

Се азъ Алатырецъ Григорей Андреевъ сынъ Кононовъ, въ нынѣшнемъ въ 184 году іюля въ 16-й день, сговорилъ я Григорей за себя женитца на вдовѣ на Марье Левотьева дочери Свіяженина Яковлевской жень Катышевскаго, съ прожиточнымъ ес жеребьемъ въ Свіяжкомъ уѣздѣ въ разныхъ мѣстахъ съ окладу мужа ес, чѣмъ ес Государь пожалуетъ, а женитца мнѣ Григорью на ней вдовѣ Марьѣ въ 185 году на сроки: послѣ крещенья въ первое воскресенье, а на другой срокъ за двѣ недѣли до масленицы того жъ году 185. А буди я Григорій на тѣ сроки, кои писаны въ сей рядной записи писаны выше сего, тотъ ес прожиточной жеребей справя, на ней Марьѣ не женюсь, а буде мнѣ Григорью до тѣхъ сроковъ будетъ Великаго Государя служба, и намъ тѣ сроки пересрочить впредь по договору, а буде меня Григорья тѣмъ ес прожиточнымъ жеребьемъ Государь не пожалуетъ о складу мужа ес, и я ей не женихъ и она мнѣ не невѣста; а буде я Григорей, справя помѣстья, на тѣ сроки на ней Марьѣ не женюсь, и на мнѣ Григорьѣ взять ей вдовѣ Марьѣ по сей рядной записи за ряду двѣсти рублевъ денегъ. А у сей рядной записи сидѣли дворяня Свіяжена Небожилъ Ивановичъ Лукошковъ, да Иванъ Андреевичъ Кононовъ. А сію рядную запись писалъ села Рязанова дьячекъ Митька Михайловъ, по его Григорьеву вельню. Лѣта 7184 году іюля въ 16-й день. Приложилъ къ сей рядной записи я Григорей Кононовъ руку. Къ сей рядной записи вмѣсто Небожила Ивановича и в свое мѣсто Иванъ Кононовъ руку приложилъ.

NB. Подлинный документъ написанъ столбцами.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Грамата Царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Строителю Наглимозерской Артовой пустыни Тимофеею о дозволеніи взять ему на пятильпный оброкъ Наглимское озеро съ окрестною пашатною землею.

Лѣта 7157 Марта въ 9 день въ Государевъ Царевъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руси грамотъ изъ Новгородскіе четверти за приписью дѣяка Алмаза Иванова писано: въ Каргополь къ воеводѣ Ивану Аѳанасьевичу Головленкову билъ челомъ Государю Каргопольскаго уѣзда Наглимозерскіе Артовы пустыни строитель старецъ Тимофей: по обещанію де своему поставилъ онъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ пустынь, на Наглимъ озерѣ, на острову, церковь во имя Пречистые Богородицы Неопалимые Купины, да придѣлъ Николы Чудотворца, и пѣніе въ той церкви и въ придѣлѣ всегда безпрестанно; а онъ де Тимофей въ той пустынь питается своими трудами, а пашенные земли и рыбныхъ ловель и никакихъ угодей нѣтъ; а на которомъ озеркѣ церковь устроена, и то озеро въ сѣмномъ лѣсу, въ тяглѣ и на оброкъ не бывало и къ тяглымъ землямъ не приписано, потому что отъ людей удалѣло. И по Государевъ грамотъ вѣлно про то Наглимъ озеро и про пашенную землю сыскать писцовыми и дозорными и платежными книгами и всякими крѣпостями, какое то озеро и пашенная земля, и къ тяглымъ и оброчнымъ землямъ не приписаны ли? Да будетъ то Наглимъ Арто озеро и пашенная земля впускъ, и ни къ какимъ землямъ въ угоды не приписано, и ни съ кѣмъ спору не будетъ, и отъ пашенныхъ отъ тяглыхъ земель отдаѣло, въ черномъ лѣсу, и на предѣ сего будетъ ни за кѣмъ въ тяглѣ и на оброкъ не бывало,

изстари впустѣ: и то Наглимъ Арто озеро и пашенную землю велѣно отдать на оброкъ Наглимозерскіе Артовы пустыни строителю Тимофею съ братією на пять лѣтъ, безъ перекупки. А въ дозорныхъ книгахъ Семена Языкова да подъячаго Семена Осокина 123 году, и въ писцовыхъ книгахъ Ивана Воейкова да Дьяка Третьяка Копнина 129 и 130 году, и въ Каргопольскихъ платежныхъ книгахъ то Наглимъ Арто озеро и пашенная земля въ Каргопольскомъ уѣздѣ ни за кѣмъ къ тяглымъ и къ оброчнымъ землямъ не приписано. И по Государевъ Царевъ и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Руси грамотѣ воевода Иванъ Аѳанасьевичъ Головленковъ велѣтъ тѣмъ Наглимъ Арто озеромъ и пашенною землею владѣть вновь на оброкъ пять лѣтъ, безъ перекупки, Наглимозерскіе Артовы пустыни строителю старцу Тимофею съ братією, буде то озеро и пашенная земля къ тяглымъ и къ оброчнымъ и ни къ какимъ землямъ въ угоды не приписано, и ни съ кѣмъ спору не будетъ, и отъ пашенныхъ отъ тяглыхъ земель отдаваемо, въ черномъ лѣсу, и на передъ сего будетъ ни за кѣмъ въ тяглы и на оброкъ не бывало, изстари впустѣ. А оброку сему строителю старцу Тимофею съ братією того озера съ пашенной земли платить въ Государеву казну въ Каргополь, въ съѣзжую избу, пять алтынъ, да пошлѣтъ двѣ деньги. А впервые ему тотъ оброкъ и съ пошпиною заплатитъ на нынѣшній 157 годъ на срокъ на Николинъ день вешній, и впредъ платить по тому жъ, ежегодно безпереводно, съ иными такими же оброки вмѣстѣ. А порука по нихъ во владѣнь и въ оброкъ Каргопольцы Кононъ Ивановъ съ товарищи. У сей данной воевода Иванъ Аѳанасьевичъ Головленковъ печать свою приложилъ.

НВ. Этотъ актъ извлеченъ изъ Архива Новгородской Казенной палаты

И. КУПРИЯНОВЪ.

Новгородъ. 18 ноября.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

(Отдѣлъ библіографіи былъ у насъ бѣденъ въ последнее время— по необходимости: такъ мало выходило книгъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ,—однѣ азбуки, грамматики, риторики, компіляціи юридическія, экономическія, поваренныя, и тому подобныя. Къ осени накопилось, слава Богу, нѣсколько важныхъ изданій, о коихъ мы теперь и объявляемъ. Журналистику также мы прервали на нѣсколько времени, потому что приходилось разсуждать только о повѣстяхъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ; мы предпочли сообщать читателямъ лучше извѣстія о важнѣйшихъ явленіяхъ заграничныхъ).

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Томъ V. 1633—1699. С.-П.-б. 1853. Стран. VII, 288 и 21, въ 4 д.

Къ примѣчательнѣйшимъ историческимъ памятникамъ въ этомъ томѣ принадлежать:

1) Ответныя статьи литовско-польскихъ родныхъ пановъ московскимъ посланникамъ князю Семѣну Шаховскому и дьяку Нечаеву, о формѣ титуловъ царскаго и королевскаго, 1637 года.

2) Жалованныя грамоты и другіе акты о состояніи, правахъ и благочиніи православнаго духовенства и монастырей въ Западной Россіи, 1641—1699 г.

3) Универсалы малороссійскаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, поясняющіе исторію возвращенія Малороссіи подъ Россійскую державу, 1648—1654 г.

4) Универсалы малороссійскихъ гетмановъ, о правахъ и обязанностяхъ жителей города Кіева, 1657—1699 г.

5) Акты о враждебныхъ дѣйствіяхъ Юрія Хмѣльницкаго и о намѣреніи его овладѣть Малороссіею, при помощи Турковъ и крымскихъ Татаръ, 1678—1679 г.

6) Окружныя богомольныя грамоты черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, по случаю войны съ Турками, 1677 и 1678 г.

7) Универсалы малороссійскихъ гетмановъ и другіе документы о военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ казаковъ съ крымскими Татарами, 1673—1697 г.

Въ этомъ томъ помѣщены документы отъ 1633 до 1699 г., относящіеся къ государствованиямъ польскихъ королей: Владислава IV, Іоанна, Казимира, Михаила Вишневецкаго, Іоанна Собѣскаго и Фридриха-Августа.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ, собранныя и изданныя Археографическою Коммисіею. Томъ пятый. С.-П.-б. 1853. Стран. VII, 510 и 10, въ 4 д. л.

Въ этомъ томъ «Дополненій» содержатся документы, относящіеся къ царствованію Алексѣя Михайловича. Особенно примѣчательны:

1) Дѣянія, или постановленія Московскаго собора, о исправленіи церковнаго благочинія и о дѣлахъ, касающихся раскола, 1666—1667 г.

2) Выходы патріаршіе, во время пребыванія въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ: Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго, 1666—1674 г.

3) Акты, относящіеся къ двумъ обѣмъ осадамъ Соловецкаго монастыря, 1668—1676 г.

4) Выписка изъ подлиннаго дѣла о строеніи въ селѣ Дѣдиловѣ корабля, названнаго Орломъ, и другихъ мореходныхъ судовъ, для плаванія по Каспійскому морю, 1667—1670 г.

5) Акты, принадлежащіе къ исторіи огнестрѣльнаго оружія въ Россіи, 1667—1671 г.

6) Документы о службѣ въ Россіи ген. Баумана и другихъ иностранцевъ, занимавшихся образованіемъ регулярнаго войска, 1666—1671 г.

7) Акты, касающіеся торговыхъ сношеній Россіи съ европейскими державами, 1667—1669 г.

8) Жалованная грамота Голландцу Акемъ на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскомъ уѣздахъ, и акты о тульскихъ и каширскихъ желѣзныхъ заводахъ, 1665—1671 г.

9) Отписки, поясняющія исторію Сибири: военныя дѣйствія съ инородцами, посылки служивыхъ людей въ Даурію, плаванія Русскихъ по Ледовитому океану, и другіе предметы, относящіеся къ управленію тамошнимъ краемъ.

И 10) Акты о псковскихъ земскихъ и торговыхъ дѣлахъ, 1665—1666 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ, изданное Археографическою Коммисіею. Томъ шестой, С.-П.-б. 1853, стран. 557, въ 4 д.

Въ этомъ томѣ помѣщено продолженіе, такъ названнымъ редакторомъ, Софійскихъ лѣтописей, а именно:

1. Продолженіе Софійской первой лѣтописи. Прибавленія, предисловіе къ Софійской второй лѣтописи. II. Софійская вторая лѣтопись. Отрывокъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку. Прибавленія, Поправки.

—
ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ ПЕНСЬ. Томъ I. Санкт-Петербургъ. Въ типографіи Штаба Военно-учебныхъ заведеній. 1852.

Въ этомъ томѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома, *В. Горскаго*; 2) О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинъ и имени народа Маньчжу *его же*, 3) Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая, *И. Захарова*, 4) Способъ приготовленія туши, бѣлилъ и румянъ у Китайцевъ, *И. Гошкевича* и 5) Жизнеописаніе Будды, іеродіакона (нынѣ архимандрита) *О. Палладія*.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ статей.

1) Первая половина первой статьи трактуетъ о происхожденіи Маньчжурскаго племени.

Начало трактата нѣсколько темно; продолженіе писано съ болѣею ясностію. Читателю понятно, что съ явленіемъ Тай-цзу въ главѣ Маньчжурскаго племени народъ этотъ все болѣе и болѣе усиливается, овладѣваетъ сосѣдними племенами, подчиняя ихъ совершенно своей власти или дѣлаясь ихъ покровителями. Преемникъ же Тай-цзу, Тай-цзунъ распространяетъ еще болѣе свои владѣнія силою оружія, покоряетъ Коррею, ходитъ нѣсколько разъ войною на Китай, и наконецъ переноситъ свою столицу въ Пекинъ.

2) Вторая статья принадлежитъ тому же автору и трактуетъ о происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Цинъ и имени народа Маньчжу.

Авторъ начинаетъ свою статью тѣмъ, что говоритъ, что труды и изысканія европейскихъ ученыхъ по этому предмету не приведены до сихъ поръ къ надлежащей ясности и рѣшенію. А между тѣмъ его собственныя разысканія основательны и понятны.

Г. Горскій приводитъ преданіе, имѣющее видъ саги, о происхожденіи дивнаго младенца отъ одной изъ трехъ небесныхъ дѣвъ при помощи краснаго плода, брошеннаго дѣвѣ дивною сорокою. Онъ слѣдитъ это преданіе въ дальнѣйшихъ его проявленіяхъ, въ историческихъ памятникахъ, замѣчаетъ позднѣйшія прибавленія, сообра-

жасть это приданіе съ словами Тай-цзу о недавности его божественнаго происхожденія, и приходитъ къ ясному результату, что нынѣ царствующій въ Китаѣ домъ (династія Маньчжурская) начинается въ XII или XIII вѣкѣ христіанской эры, и что она происходитъ изъ среды народа, владѣвшаго северомъ Китая, которымъ правила династія Айжини, по-китайски Гинь.

Равнымъ образомъ дѣльно и систематически объяснено происхожденіе слова маньчжу. Авторъ критически разбираетъ мнѣніе Клапрота, думавшаго, что это слово не имѣло китайскаго происхожденія, и мнѣніе Шмидта, полагавшаго, что оно пришло отъ Буддистовъ, потомъ предлагаетъ свои собственныя изысканія въ историческихъ памятникахъ, и выводитъ, что слово Маньчжу означало титулъ, принадлежавшій владѣтелямъ страны, называемой нынѣ Маньчуріей.

3) Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая, И. Захарова.

Въ этой статьѣ говорится о численности народонаселенія въ Китаѣ и объ измѣняемости ея въ царствованіе различныхъ династій. Трактатъ этотъ имѣетъ статистическое достоинство. Для любопытныхъ выпишемъ нѣсколько цифръ. Во 2-мъ году по Р. Х. въ Китаѣ считалось 59,591,978 душъ; въ 220-мъ году только 7,632,881; въ 606 году 46,019,256; въ 1264-мъ 13,026,532; въ 1812, г. 361,693,179, и въ 1842-мъ, 414,686,994 души. Въ последнее число не вошли военные и жители острова Формозы, гдѣ по случаю войны съ Англичанами невозможно было произвести переписи.

4) Статья И. Гошкевича о приготовленіи въ Китаѣ туши, румянъ и бѣлизъ; можетъ быть любопытна для химика.

5) Жизнеописаніе Будды,—іеродіакона (нынѣ архимандрита Палладія).

Эта статья понравилась намъ болѣе всѣхъ прочихъ по простотѣ и ясности разсказа.—Вотъ происхожденіе Будды.

Въ половинѣ VII вѣка до Р. Х., въ северной Индіи, на востокъ отъ нынѣшняго Ауда, при подошвѣ Гималайскаго хребта, и, вероятно, въ верховьяхъ рѣки Гандаки существовало владѣніе Катмавасту. Племя это управлялось старшимъ въ племени родомъ, домомъ Готамы. Соддодана, послѣдній потомокъ въ прямой линіи Икшвакулы, имѣлъ многочисленное семейство, но изъ него извѣстны только старшій сынъ Сиддарта и Нанда.

Сиддарта назначался отцемъ въ наследники престола и получилъ лучшее по времени воспитаніе. Отецъ его отдавалъ ему часть владѣній и женилъ на дочери одного удѣльнаго князя. На двадцатомъ году, къ общему удивленію и горести отца, Сиддарта покинулъ отеческій кровъ и пропалъ безъ вѣсти. Это сдѣлалъ онъ съ цѣлюю протѣять блистательное положеніе въ свѣтѣ на смиренное званіе

благочестивого отшельника. Сначала присталъ онъ къ добровольнымъ труженникамъ, отъ нихъ перешелъ въ общество пустынниковъ созерцателей, и подъ руководствомъ ихъ проходилъ степени символической лѣстницы самопогруженій, которыя должны были постепенно умирять его душу, очищать ее отъ волненій чувствъ и мыслей, предохранять отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и водворить въ ней навсегда непоколебимый покой. Но Сиддартъ не былъ удовлетворенъ ученіемъ созерцателей, и составилъ собственный и самостоятельный взглядъ, какъ философіи, такъ и аскетики. Съ этихъ поръ, т.-е. съ того времени, какъ сдѣлался онъ самостоятельнымъ мыслителемъ, буддійскіе писатели начинаютъ его именовать Буддою, и это названіе остается за нимъ на всегда. Имя Будды у Индійцевъ давалось людямъ, отличающимся практическими и теоретическими познаніями и даромъ красноречія.

Сознавши вѣрность и основательность началъ своихъ, Будда рѣшился явиться въ свѣтъ для распространенія своего ученія. Первые учительскія попытки его были безуспѣшны, ученіе его было встречено насмѣшками. Не унывая отъ неудачи, Будда обратился къ знаменитому въ то время анахорету, Урувилв Кашьяпу, съ цѣлю привлечь его на свою сторону. Урувилва былъ огнепоклонникъ, и обратить его къ своему ученію Буддѣ было очень трудно. Цѣлые шесть лѣтъ живя въ пещерѣ близъ жилища огнепоклонниковъ, боролся онъ съ релігіозными и сильными предубѣжденіями Урувилвы, пріобрѣлъ его довѣренность и вниманіе, и наконецъ убѣдилъ его оставить прежнія вѣрованія и сдѣлаться ревностнымъ поборникомъ своего ученія. Съ обращеніемъ Урувилвы число послѣдователей Будды росло ежедневно. Публичное объявленіе его о томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ политическихъ замысловъ, пріобрѣло ему покровительство мірскихъ властей.

Будда называлъ себя Шраманою въ отличіе отъ Брахмановъ, касты уже давно извѣстной въ Индіи. Она имѣла своимъ началомъ тоже отшельничество, и чистота жизни и нравственности членовъ этой касты послужила основаніемъ ихъ названія. Брахманъ значитъ чистый. Впослѣдствіи Брахманы соскучились одиночествомъ и промѣняли пустынническую жизнь на бродячую, утратили перво-бытную простоту и чистоту поведенія, скитались по деревнямъ, вызывались дѣлать жителямъ чары, и питались на счетъ суетвріи народа, называвшаго ихъ своими наставниками. Шраманы же, отрываясь отъ міра, даютъ обѣты вѣчнаго отшельничества, и въ знакъ презрѣнія къ условіямъ свѣта обриваютъ себѣ голову и бороду.

Шраманы не составляют из себя особой касты, и званіе ихъ доступно членамъ всѣхъ кастъ въ государствѣ.

Шраманы питались милостынею, за которою отправлялись ежедневно въ городъ или селеніе. Милостыню просили они, не пронося словъ, а подставляя подавателямъ свои чаши, куда клали имъ вареный рисъ или другіе съѣстные припасы. Излишекъ собранной милостыни удѣлялся бѣднякамъ или относился въ пустое мѣсто для дикихъ звѣрей и хищныхъ птицъ. Число Бикшу,—такъ назывались ученики Будды,—простиралось, по увѣренію буддійскихъ писателей, за тысячу.

Ученіе Будды отличалось особенною простотою. Вотъ, напримеръ, какъ объясняетъ онъ происхожденіе кастъ (стр. 427.):

«Небрежность и алчность людей ослабила естественную растительность земли, и до того наконецъ истощила растительныя ея силы, что заставила ихъ самихъ трудиться и работать для своего пропитанія. Люди стали заниматься земледѣіемъ. Отъ этого произошло раздѣленіе обрабатываемой земли на участки между земледѣльцами; каждый изъ нихъ приобрѣлъ поземельную собственность. Однакожъ это раздѣленіе полей не для всѣхъ было источникомъ довольства и безопасности; на раду съ трудолюбіемъ и прилежаніемъ явилась лѣнь; лѣнь произвела недостатокъ, бѣдность, голодъ; съ сихъ поръ между земледѣльцами возникли распри, жалобы и похищенія. Благоразуміе заставило наконецъ искать дѣйствительнаго средства для пресѣченія зла; согласились просить самого умнаго, опытнаго и сильнаго человека разбирать тяжбы, защищать правого, наказывать виновнаго, изгонять изъ общества злодѣевъ, и своею властію и мудростію обезпечить народное благоденствіе. Такъ какъ слѣдовало обезпечить содержаніе избраннаго главы, то каждый владѣлецъ поля имѣлъ въ принадлежащей ему землѣ особый участокъ, произведенія котораго онъ обязанъ былъ доставлять избранному главѣ, который такимъ образомъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ во всѣхъ поляхъ, отъ чего его привыкли называть кшатрія, т.-е. владѣлецъ полей, (кшатра — поле). Впоследствии времени высокое положеніе кшатрія въ обществѣ, его власть, санъ и доблести приобрѣли ему названіе рачжа, т.-е. блистательнаго (рачжа—лучъ). По мѣрѣ того, какъ число людей возрастало, новыя потребности образовали новыя сословія вайшья и шудра, т.-е. промышленниковъ, купцовъ, художниковъ и ремесленниковъ; между тѣмъ какъ нѣкоторые люди, пораженные несчастіями, или склонные болѣе къ духовнымъ размышленіямъ, чѣмъ къ гражданской и семейной жизни, бѣжали въ пустыни и

составили особый классъ аناхоретовъ, названныхъ подъ почетнымъ именемъ Брахмановъ, т.-е. чистыхъ».

Афоризмы Будды сохранили свою краткость въ буддйскихъ преданіяхъ. Они обыкновенно предлагались въ стихотворной формѣ и состояли большею частію изъ одного стиха. Такъ, напримеръ, слѣдующій афоризмъ, въ которомъ Будда заключалъ всю сущность своего нравственнаго ученія:

«Не дѣлай зла, дѣлай добро и очищай свою душу.»

Въ рѣчахъ Будды встрѣчаются очень часто сравненія, которыми онъ пользовался для объясненія какихъ-либо положеній. Замѣчательно, что онъ избѣгалъ вопросовъ метафизическихъ, занимавшихъ умы современныхъ ему философовъ, и на просьбы учениковъ своихъ объяснить имъ, откуда произошелъ міръ и населяющія его существа, отвѣчалъ, что лучше думать объ очищеніи и спасеніи души, чѣмъ заниматься рѣшеніями этихъ вопросовъ, отнимающихъ у человека драгоценное время.

Будда умеръ осмидесяти лѣтъ отъ роду на рукахъ брата своего, Ананды, произнеся слѣдующее послѣднее слово: «ничто не долговѣчно».

Мы предложили читателю краткое содержаніе этой статьи, чтобы болѣе заохотить его прочесть ее вполнѣ. Трудъ архимандрита Палладія заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по содержанію, такъ и по простотѣ разсказа и чистотѣ слога.

Во второй части «Трудовъ пекинской миссіи», только что вышедшей, помѣщены слѣдующія статьи: Поземельная собственность въ Китаѣ, И. Захарова; Историческій очеркъ древняго буддизма, архим. Палладія; О китайскихъ счетахъ, г. Гошкевича; Обѣты буддистовъ, архим. Гурія; Китайская медицина, докт. Татаринова; Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ, іерод. Иларіона.

ОЧЕРКИ НАВООПИСАТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИИ Г. ОНЕГИ.
С. П. Кораблева. Москва. Въ типогр. А. Семена. 1853.

Въ началѣ описана географическая мѣстность города Онеги, съ присоединеніемъ историческаго извѣстія о построеніи Крестовскаго монастыря, и народныхъ преданій о чудотворномъ крестѣ. За описаніемъ наружности города и его жителей слѣдуетъ описаніе лѣтнихъ и зимнихъ занятій ихъ и промысловъ. Какъ всякое мѣстное, дѣльное извѣстіе, книжка эта, не смотря на свой малый объемъ, заслуживаетъ вниманія и спасибо.

Въ книжкѣ этой помѣщено нѣсколько пѣсенъ. По нашему мнѣнію, пѣсни эти поются и въ другихъ губерніяхъ Россіи, здѣсь только иначе произносятся нѣкоторыя слова. Для примѣра выпишемъ одну пѣсню:

Ужъ какъ на дворѣ туманъ большой
 На синемъ морѣ погодушка;
 Есть у дѣвушки зазнобушка;
 Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
 Пуще вѣтра, пуще вихоръ,
 Пуще той травы кошений,
 Еще котенки сученныя,—
 Зазнобилъ сердце—въ походъ пошелъ.
 Говорилъ мнѣ мнѣ сердечный другъ.
 Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
 Дессю, лесю уговаривалъ:
 Посмирнѣ живи, лебедушка,
 Моя бывшая лебедушка.
 Я никакъ не послушала,
 Любовь съ миленькими порушала,
 Съ ними дружкой гулять пошла,
 Я гуляла день до вечера,
 Со вечера до полночи,
 Въ томъ гуляньи задумалась,
 Я задумалась, расплакалась.... и т. д.

Въ концѣ приложенъ реестръ мѣстныхъ словъ и выраженій. Ихъ очень мало собрано авторомъ въ такой отдаленной части Россіи, кромѣ того между ними есть слова очень часто, а нынѣ и постоянно употребляемыя вездѣ, такъ напр: *коты*—женская обувь, *песо*—пространство между двумя мысами на рѣкѣ, *повыть*—сарай, *фита*—платокъ, *розвальи*—сани, и *ш-ришка* на полотенцѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ЦЕРКОВНЫХЪ ЧТЕНІЙ изъ св книгъ Нового и Вѣтхаго заветъ, на всѣ дни недѣли и числа мѣсяцевъ какого бы-то ни было года. В. Гречулевича С.-Петербургъ. Въ типогр. Эдуарда Веймара. 1853. Стран II. и 80 въ 8 д. л.

СЛОВА И ВИСАДЫ Анаголія, Архіепископа могилевскаго и мстиславскаго. Часть I. Санкт-Петербургъ Въ типографіи Опекунскаго Совѣта. 1833. Стран 500, въ малую осьмушку.

СЛОВО КАТОЛИЧЕСКАГО ПРОВОСЛАВІЯ римскому католичеству, съ прибавленіями. Москва. Въ типогр. А. Семена. 1853 г. Стран. II. и 249, въ 8 д. л.

Объ этихъ книгахъ, равно какъ и важномъ Изслѣдованіи пр. Неволина о новгородскихъ пятнахъ, о занимательномъ Путешествіи г. Ковалевскаго въ Китай, о полезной Исторіи паровыхъ машинъ г. Хотинскаго, мы надѣемся говорить вскорѣ подробнѣе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1) **ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ КИТАЙ**, Е. Кавалевскаго. (Съ картинками). Санктпетербургъ. Въ типографіи Королева и К°. 1853.

Авторъ вачинаеть свое сочиненіе описаніемъ первоначальныхъ сношеній нашихъ съ Китаицами. Читая это описаніе, невольно жальешь, что авторъ не вдался въ большія подробности, такъ любопытны и замѣчательны эти начальныя сношенія нашего, тогда еще мало образованнаго государства съ имперіей, считающей тысячелѣтіями свое существованіе.

Очень оригинальны слова, сказанныя Богдыханомъ Канси при дружескомъ прощаніи съ нашимъ посломъ Измайловымъ; мы рѣшились и-хъ выписать. Богдыханъ сказалъ :

« Выслушай и пойми хорошенько мои два слова, и донеси о нихъ своему царю.

« *Первое.* Государь твой могуществомъ и славенъ, обладаетъ обширными владѣніями, а между тѣмъ ходитъ противъ непріятеля своею высокою особою. Море — машина великая, бываютъ на немъ волны сильныя и опасныя, а потому изволилъ бы онъ свое здоровье беречь: есть у него храбрые воины и искусные вожди, пускай и-хъ посылаетъ, а самъ остается въ покоѣ».

« *Второе.* Дружбы нашей никто не можетъ поколебать. Да и за что намъ ссориться? Россійское царство и дальнее, и холодное: еслибы я послалъ туда свое войско, то оно бы все замерзло. Равнымъ образомъ, если Россійскій государь отправитъ армію въ Китай: то, по не привычкѣ къ жаркому климату, люди могутъ понапрасну погибнуть. А хотъ бы и удалось тѣмъ-либо другъ отъ друга поживиться; то какая можетъ быть отъ того польза при такомъ множествѣ земель въ обоихъ государствахъ. »

Послѣ этого, какъ мы уже сказали, къ-сожалѣнію, краткаго очерка нашихъ сношеній съ Китаемъ, авторъ приступаетъ къ описанію своего

путешествія. Мы не будемъ слѣдить день за днемъ похождения автора, не смотря на то, что въ нихъ очень много любопытнаго, но обратимъ вниманіе читателя только на особенно замѣчательное.

Путь г. Ковалевскаго лежалъ черезъ степи монгольскія. Здѣсь приходилось ему очень часто сталкиваться съ монгольскими властями.

Любопытны замѣчанія автора о различіи между чиновниками монгольскими и находящимися при нихъ манчжурскими, посылаемыми въ видѣ ревизоровъ изъ Пекина. Въ кочевъ Тусулакчи авторъ былъ свидѣтелемъ монгольской облавы. Облава у Монголовъ и Манчжуровъ не столько потѣха, сколько обязанность службы, и довольно тяжелая. Она у нихъ поддерживаетъ воинственный духъ и дѣятельность въ войскахъ. Это своего рода военные маневры со всеми трудностями походовъ по горамъ и непроходимымъ дебрямъ и опасностями битвы съ дикими звѣрями. Чингисъ-ханъ въ своихъ степныхъ законахъ называетъ облаву школою войны. Отличившійся на охотѣ награждается такъ же, какъ бы онъ отличился на войнѣ. Прежде на облаву вызвали сами китайскіе императоры; а теперь эту службу отправляютъ правители Монголіи и Манчжурии черезъ каждыя три года. Толпы Монголовъ, считающихся въ военномъ званіи, стекаются въ Хоринту въ началѣ осени и образуютъ родъ военного стана; число ихъ простирается до 10, 000 человекъ; вслѣдъ за ними пріѣзжаетъ амбани (правитель) съ огромной свитой; иногда предварительно испытываютъ собравшееся войско въ стрѣльбѣ въ цѣль, иногда прямо приступаютъ къ облавѣ. Въ этомъ мѣстѣ три отдаленныя одна отъ другой горы, покрытыя большимъ лѣсомъ, и звѣря всякаго много, потому что лѣса эти заповѣдныя, и въ нихъ не пускаютъ никого даже за дровами. Всего болѣе въ лѣсу этомъ медвѣдей и дикихъ козъ; есть и зубры, дикіе кабаны и даже рыси. Охота продолжается 45 дней.

Говоря о бракахъ Монголовъ, авторъ, въ противность мнѣнію о. Іакинѣа, утверждаетъ, что между Монголами существуетъ въ нѣкоторой степени многоженство. Хотя брачные обряды совершаются только при первомъ бракѣ; но подъ незначительными предлогами можно взять двухъ или трехъ женъ побочныхъ. За немнѣніемъ законныхъ дѣтей дозволяется усыновлять дѣтей отъ брака побочнаго. Первой женѣ всѣ прочія повинуются.

Ламы, совершающіе у Монголовъ всѣ духовные обряды, по мнѣнію г. Ковалевскаго, чрезвычайные невѣжды и знаютъ только по нѣскольку буддійскихъ молитвъ, смысла которыхъ впрочемъ не понимаютъ. Высшею степенью образованности между Монголами считается даръ красноречія

и особенно удачное употребленіе аллегорій, сравненій и афоризмовъ Будды. — Любопытно описаніе приѣма, сдѣланнаго нашему посольству амбанами въ Ургъ, и переговоры о церемоніяхъ съ чиновниками, которые попарно смѣняли другъ друга, и каждый пара увѣряла, что бывшая передъ нею ничего не понимаетъ. —

Весьма любопытно описаніе пространства и населенія Монголіи и бѣглый очеркъ ея политическаго состоянія и исторіи. Послѣ этого очерка авторъ возвращается къ своему путешествію. Онъ хвалитъ напѣвъ монгольскихъ пѣсенъ и рассказываетъ слѣдующее о ихъ пляскахъ (ст. 57):

«Когда большое веселье, во время свадьбы, на примѣръ, то двое изъ гостей выходятъ на сцену, и подъ напѣвъ другихъ, стоя на мѣстѣ, ударяютъ ногами въ тактъ, но не такъ, какъ это дѣлаетъ весь пляшущій людъ, — иначе я, необынуясь, назвалъ бы это танцами, — нѣтъ, вся штука состоитъ въ томъ, чтобы приноровить ударъ правой ноги одного въ лѣвую ногу другаго, и непременно пяткой въ пятку. Можете себѣ вообразить, чтѣ изъ этого выходитъ! Какъ бы искусны ни были фокусники этого рода, но все же усилія ихъ ясно выражаются во всѣхъ движеніяхъ, потъ градомъ катится съ лицъ, это не пляска, не потѣха, а просто пытка; словно двое бѣснующихся бичуютъ другъ друга.»

Со станціи Удэ начинаются кочевья сунитскихъ Монголовъ, которые, по словамъ автора, много опротивѣ Халхасцевъ, своихъ сосѣдей. У самой станціи соляное озеро Ирень. Осенью въ проѣздъ г. Ковалевскаго въ озерѣ не было ни капли воды; дно блестѣло кристаллическою солью и издали казалось подо льдомъ или снѣгомъ. Соль была и чиста, ее сгребаютъ въ кучки маленькими деревянными лопатками: вотъ и вся операція. На мѣстѣ соль эта продается на наши деньги копеекъ 10 или 12 сереб. пудъ. Очень любопытны передаваемые авторомъ сказанія о происхожденіи монгольскаго племени и о Чингисханѣ, и онъ напрасно думаетъ, что эти преданія въ устахъ его покажутся сухи и холодны.

Вотъ какъ описываетъ авторъ погребеніе у Монголовъ (стр. 89):

«Покойника одѣваютъ въ лучшее платье, потомъ обвертываютъ войлокомъ, какъ пеленками, иногда зашиваютъ въ мѣшокъ, за тѣмъ призывають ламу, который, по сличеніи дня рожденія съ днемъ смерти умершаго и по разнымъ другимъ условнымъ признакамъ, опредѣляетъ, какимъ образомъ поступить съ трупомъ: положить ли его на сучья дерева, если вблизи есть деревья, какъ на примѣръ, въ стѣвальной части

Монголіи, или оставить на поверхности земля, или наконец обложить камнями. Во всякомъ случаѣ, трупъ въ скоромъ времени дѣлается добычею птицъ и звѣрей. Важные ламы, подобно какъ въ Тибетѣ, сожигаются на кострѣ; при этомъ употребляютъ разныя благовонія, иногда канфарное и другія дорогія деревныя: пепелъ кладутъ въ субаргу, похожую на большой улей, только сдѣланный изъ камня, и ставятъ на проѣзжихъ мѣстахъ, чтобы каждый могъ помолиться объ усопшемъ или принести жертву. При тѣлѣ умершаго и послѣ погребенія его ламы читаютъ молитвы; у богатыхъ это продолжается въ теченіе семи дней.»

Близъ развалинъ Цаганъ-Балгусу, миссіонеры наѣхали на небольшой курганъ съ камнемъ на верху; на камнѣ былъ высѣченъ крестъ: это была могила одного русскаго казака, сопровождавшаго миссію лѣтъ 30 назадъ. Справедливо замѣчаніе автора, что много мыслей наводитъ эта одинокая христіанская могила среди степи, гдѣ кочуютъ поклонники Будды.

На другой день по выѣздѣ изъ Цаганъ-Балгусу, гдѣ оставленъ былъ на зимовье обозъ, миссіонеры наши увидѣли великую китайскую стѣну. Авторъ подробно говоритъ объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ труда человѣческаго, сообщаетъ историческую судьбу этого оплота Китайцевъ и физическій составъ его.

Въ Калганѣ ощутили путешественники разительный переходъ отъ холода къ теплу, и здѣсь они должны были нанять перевозчиковъ для своихъ тяжестей въ Пекинъ. Вокругъ Калгана уже начинаютъ попадаться христіане. По мнѣнію автора, всѣхъ христіанъ въ Китаѣ до четырехъ милліоновъ, несмотря на то, что съ изгнаніемъ іезуитовъ и испроверженіемъ католическихъ церквей въ Пекинъ число ихъ значительно уменьшилось.

Изъ Калгана миссіонеры перѣехали къ Синъ-хуа-фу, главный городъ области, основанный за 1000 лѣтъ до нашего времени. Это уже вполнѣ китайскій городъ, заставившій автора подивиться населенности Китая.

«Населенность Китая, говоритъ авторъ, поражаетъ путешественника; здѣсь вы никогда не теряете изъ виду человѣка, его жилища и его могилу; деревни не прерываются. Весь Китай, кажется, составляетъ одинъ городъ съ его форштатами, загородными домами, кладбищами, нивами и садами. Дерево сберегается, какъ драгоценность, и каждая деревенька, каждый колодезь обсаженъ прекрасными нивами или тополями, а надъ могилами вы увидите роскошный блѣднокорый кедръ, кипарисъ и можжевельникъ.»

Далѣ авторъ говоритъ о числительности народонаселенія въ Китаѣ, но мы уже имѣли случай бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ читателемъ въ предыдущемъ N нашего журнала при разборѣ перваго тома трудовъ нашей миссіи.

Масса народа, повсюду тѣснившаяся на дорогѣ, пугала нашихъ путешественниковъ, но потомъ они привыкли къ ней, и уже обращались къ Китайцамъ съ разными вопросами; но на эти вопросы Китайцы ничего не отвѣчали, а только смотрѣли на нихъ съ-высока или съ улыбкою состраданія. Только впоследствии открылось, что предложить Китайцу просто вопросъ считается большою невѣжливостію. Надо сначала хорошенько поздороваться съ нимъ, назвать его по крайней мѣрѣ почтеннымъ дядюшкой, сказать приличную вѣжливость, попросить позволенія *позаимствоваться отъ него свѣтомъ*, даже слѣзть съ лошади, и тогда уже предложить вопросъ. — Перейдя великую стѣну, миссіонеры очутились въ обширной равнинѣ, простирающейся до самого Пекина. Здѣсь нѣсколько страницъ посвящены авторомъ на описаніе геологическаго строенія пекинскаго бассейна, каменно-угольной форманіи, въ немъ залегающей, и способовъ разработки каменнаго угля.

Въ Цинхѣ, предмѣстіи Пекина путешественники наши были встрѣчены двумя русскими миссіонерами, командиромъ русской роты и рядовымъ старшиною изъ Албазинцевъ. Сюда же были посланы экипажи, люди и лошади для параднаго вѣзда въ Пекинъ. Описаніе вѣзда въ Пекинъ чрезвычайно любопытно; мы выписываемъ изъ него только нѣсколько строкъ, отсылая читателя къ самой книгѣ (стр. 143):

«Между тѣмъ какъ толпа народа глухо шумѣла и гудѣла, пролазцы разныхъ разностей какъ будто силились заглушить и ее, и другъ друга, и ревъ верблюдовъ, и пронзительное ржаніе муловъ. Кто звѣнѣлъ въ тазъ, кто гудѣлъ въ рогъ, кто щелкалъ желѣзными плитками, кто ревѣлъ своимъ да не своимъ голосомъ; нагой нищій, растянувшись во все тѣло на улицѣ, стоналъ, что есть силы, желая обратить на себя вниманіе. И все это тѣснилось, шумѣло, сталкивалось съ экипажами, путалось въ стадѣ прогоняемыхъ свиней или утокъ; собаки шныряли между народомъ, голодные, изнуренные, понутивъ голову, гусь, высухнувшись изъ-за спины носильщика, кричалъ ему черезъ голову. Всего занимательнѣе было видѣть, какъ два встрѣтившіеся въ этой толпѣ экипажа вдругъ останавливались, изъ нихъ выскакивали торопливо, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то важномъ, чѣмъ совсѣмъ было забыли, два китайца, и принимались отвѣшивать другъ другу поклоны; кланялись долго, такъ, что ихъ можно было посчитать за механическія куклы.

поставленные среди дороги, если бы они не заграждали пути для проезжающих, что совершенно уничтожало подобную мысль. Поѣздъ, тянувшійся нескончаемыми нитями экипажей, одной впередъ, другой назадъ — останавливался; кучера равнодушно закуривали свои мзленіи трубочки; проезжающіе терпѣливо ожидали, пока двое китайцевъ накладываются другъ другу въ волю, потому что не было возможности объѣхать ихъ за толпою; наконецъ они садились, и волны народа лились за ними до новой прегрды.»

Радужный пріемъ на подворьѣ миссін вознаграждалъ нѣсколько трудовъ и лишенія, перенесенныя путешественниками во время дороги.

Первымъ дѣломъ новоприбывшихъ было запастись китайскими костюмами, и тѣ, которымъ приходилось прожить въ Китаѣ положенныя десять лѣтъ, обривали себѣ головы и вплетали въ оставшіяся пучъ волосъ поддѣльныя косы. Не смотря на все желаніе новыхъ миссіонеровъ познакомиться поскорѣе съ Пекиномъ, они должны были отложить исполненіе этого желанія по случаю необходимыхъ визитовъ. Надо было дѣлать визиты самимъ и принимать гостей у себя. Въ дѣланіи визитовъ и пріемѣ гостей полной разгудъ для китайскихъ церемоній. У каждаго дома по трое воротъ и по нѣскольку пороговъ, у каждаго порога хозяинъ останавливается съ гостемъ, и начинаютъ упрашивать другъ друга переступить черезъ порогъ первому. «Идите, пожалуйста, впередъ,» говорятъ хозяинъ, «вы здѣсь гость, дорогой гость.» «Вы пріѣзжій, издалека пріѣзжій,» говоритъ гость. «Осмѣлюсь ли я идти впередъ: вы мнѣ можете служить дядей, наставникомъ,» и пр. И при этомъ надо подвигаться впередъ тихо, останавливаться и показывать видъ, что увлеченъ разговоромъ посѣтителя. Довольно оригиналенъ обычай увтрать непременно своего посѣтителя, что онъ растолстѣлъ и раздобрѣлъ, хоть бы онъ исхудалъ какъ спичка съ тѣхъ поръ, какъ вы его видѣли.

Происхожденіе Пекина терлется во мракѣ неизвѣстности, а въ 1409 г. онъ сдѣлался столицею, серединою государства. Численность народонаселенія въ Пекинѣ навѣрно неизвѣстна; нѣкоторые европейскіе писатели доводили ее до баснословнаго числа 8,000,000. Авторъ предлагаетъ избрать за ближайшее къ истинѣ число: 3,000,000. Это число найдено г. Захаровымъ, собиравшимъ свѣдѣнія отъ чиновниковъ палаты финансовъ.

Въ Пекинѣ плетъ чрезвычайно успѣшно книжная торговля. Книгопечатаніе явилось тамъ вѣроятно гораздо ранѣе, чѣмъ въ Европѣ. Сва-

чала изсѣкали слова на камень, а теперь ихъ рѣжутъ на деревѣ. Книги много дешевле, нежели въ Европѣ, вѣроятно по дешевизнѣ бумаги.

Чрезвычайно интересно описаніе пекинскихъ жертвенниковъ или храмовъ. Замѣчательно, что для народа они недоступны; въ нихъ входитъ только самъ Императоръ для приношенія жертвы, и здѣсь, какъ сынъ неба, онъ отдаетъ небу отчетъ въ управленіи ввѣренной ему имперіи. Поѣздъ съ невестой, встрѣченный авторомъ въ одну изъ прогулокъ по городу, подалъ ему поводъ поговорить о бракѣ и брачной церемоніи у Китайцевъ. Они не имѣютъ почти ничего схожаго съ Монголами, кромѣ одноженства и дозволенія имѣть двухъ или трехъ женъ побочныхъ.

Какъ ни сильно было желаніе автора и его спутниковъ осмотрѣть императорскій дворецъ, но онъ долженъ былъ отъ него отказаться, потому что по закону китайскому никто изъ постороннихъ не смѣетъ даже близко проходить мимо жилища сына неба. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ ограничиться посѣщеніемъ дворцовыхъ садовъ, гдѣ не встрѣтилъ впрочемъ ничего особенно замѣчательнаго, но имѣлъ случай полюбоваться съ возвышенныхъ мѣстъ превосходными видами пекинскихъ построекъ. Читатель впрочемъ найдетъ подробное описаніе и наружности и внутренности дворца, заимствованное авторомъ у тѣхъ, кто имѣлъ право и случай посѣщать это замѣчательное обиталище, занимающее собою со всеми принадлежностями пять верстъ въ окружности. Между людьми, сообщавшими автору предлагаемая имъ свѣдѣнія, замѣчательнъ манчжуръ, не выдержавшій экзамена на ученую степень, и обстоятельства, сопровождавшія этотъ экзаменъ.

Сынъ неба не видитъ своего народа, и народъ его не видитъ. Если ему нужно куда-нибудь проѣхать, то улицы очищаются сначала отъ народа, а потомъ отъ грязи и животныхъ, и дома закрываются. Императоръ проѣзжаетъ улицы въ сопровожденіи своей свиты, и большею частію съ закрытыми глазами, что даетъ возможность жителямъ посмотреть на него въ шелку, не боясь быть имъ увидѣнными. Это обстоятельство послужило и автору разбираемой нами книги: онъ удостоился видѣть сына неба, и описываетъ намъ его наружность (стр. 37 Т. II): «Императоръ на лицѣ старте лѣтъ своихъ; онъ очень дряхлъ и смуглъ; жидкіе усы и еще жиде борода прикрываютъ большую часть маленькаго съжившагося лица, лобъ невысокъ и сливается съ линіею носа; губы сжаты, ротъ малъ; зубовъ онъ лишился на 35-лѣтнемъ возрастѣ; щеки ввалились.» Авторъ рассказываетъ намъ и домашнюю жизнь сына неба. Свѣдѣнія для этого разсказа собиралъ онъ отъ

звнуховъ, которые прислуживаютъ во дворцѣ и каждыя пять лѣтъ смѣняются. Сыну неба 70 лѣтъ отъ роду.

Автору удалось также видѣть артиллерійской смотръ. Описаніе его громко свидѣтельствуетъ о невѣжествѣ Китайцевъ въ воинскомъ дѣлѣ. И тутъ обычныя смѣшныя церемоніи и несмѣтныя толпы любопытныхъ.

Шестую главу второго тома своего сочиненія авторъ посвятилъ разсмотрѣнію государственнаго управленія въ Китаѣ. Сорокъ восемь огромныхъ томовъ заключаютъ въ себѣ законы и уложенія китайскія, и нѣтъ случая, на который бы не нашлось объясненія, постановленія, закона или обычая, освященнаго временемъ. Несовершенство другихъ законы уголовныя, и замѣчательны своею жестокостію. Смертная казнь является здѣсь со всѣми утонченными выдумками для увеличенія страданій преступника. Она совершается обыкновенно одинъ разъ въ годъ, въ тотъ день, когда Императоръ приноситъ жертву въ храмъ неба. Есть впрочемъ преступленія, за которыя казнятъ немедленно. Въ годъ, о которомъ говоритъ авторъ въ своемъ путешествіи, 29-го ноября казнили во всемъ Китаѣ до 4000 человекъ; но въ 1816 году на этотъ день было приготовлено 40,270 человекъ, приговоренныхъ къ смертной казни. Справедливо негодуешь авторъ на отсутствіе утѣшенія въры въ послѣднія минуты казнимаго. Самый образъ казни возбуждаетъ отвращеніе; вотъ его описаніе на 69 стр.

«Одинъ изъ исполнителей казни медленно и равнодушно развилъ веревку, выровнявъ концы, закинулъ петлю на шею осужденнаго, перебилъ веревку поверхъ головы съ косою, и сталъ тащить его впередъ; въ тоже время другой упирался въ спину, держась за связанные назадъ руки; шея несчастнаго вытянулась, мускулы выдались, лицо поблѣгло. Палачъ вынулъ изъ желтой обертки ножъ, шириною въ двѣ ладони, толщиною въ палецъ у обуха; ножъ сверкнулъ вверхъ, и голова отскочила вмѣстѣ съ державшимъ ее, который понесъ свой окровавленный трофей къ чиновникамъ и, показавъ, бросилъ его на трупъ.»

Еще мучительнѣе удушеніе преступниковъ веревкою. — Замѣчательно, что въ тюрьмахъ, наканунѣ казни, происходятъ оргіи и пиршества. Начальники тюремъ стараются доставить осужденнымъ всѣ чувственныя удовольствія наканунѣ смерти. Это дѣлается вслѣдствіе суевѣрнаго страха, чтобы осужденные по смерти не преслѣдовали ихъ злою судьбою.

Отъ возмутительныхъ зрѣлищъ казни авторъ переноситъ читателя къ другому, болѣе пріятному зрѣлищу, и говоритъ о театрахъ. Театры

составляют почти единственное увеселение Китайцев. Въ Пекинѣ тринадцать театровъ, и то потому, что строить болѣе запрещено правительствомъ. Сценическихъ труппъ до ста. Всѣ тринадцать театровъ съ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера бывають полны народа. На нихъ играютъ трагедіи, мѣшая ихъ съ водевилями изъ семейной или уличной жизни. Отсутствие декорацій нисколько не затрудняетъ актеровъ; но за то зрители должны быть черезъ чуръ догадливы. Такъ, на примѣръ, выносятъ на сцену столъ, и дѣствующие лица поочередно черезъ него перепрыгивають, — это означаетъ переходъ черезъ горы. Костюмы за то превосходные. — Фокусничество и жонглерство доведено въ Китаѣ до такой степени совершенства, что, по увѣренію автора, самый дюжинный тамошній акробатъ заткнетъ за поясъ нашихъ прославленныхъ Кабиловъ. Пѣніе и музыка въ Пекинѣ лишены вовсе гармоніи.

Жители Пекина вѣрятъ презнаменованіямъ, и два пожара въ дворцовомъ городѣ предвѣщали имъ бѣду. Спустя двѣ недѣли послѣ этихъ пожаровъ умерла императрица-мать. Она была мачиха императора, и онъ не питалъ къ ней любви сыновней; но несмотря на это и на свою преклонную старость, долженъ былъ въ теченіе ста дней каждый день совершать передъ гробомъ колѣнопреклоненія трижды, и по трижды приносить жертвы вмѣстѣ съ первыми чинами имперіи. Церемональ погребальнаго шествія очень оригиналенъ въ Пекинѣ, и мы расскажемъ его словами автора. (стр. 25):

«Вслѣдъ за всадниками понесли высокой красной столбъ съ флагомъ; такой столбъ ставится всегда у воротъ покойника. Вскорѣ показалось погребальное шествіе. Оно открывалось верблюдами, навьюченными юртами; за ними вели около сотни бѣлыхъ лошадей, осѣдланныхъ и не осѣдланныхъ; далѣе толпы носильщиковъ съ ящиками, покрытыми желтою шелковою матеріей: предполагается, что въ этихъ ящикахъ приданое покойницы, которое должно слѣдовать за нею въ дальнѣйшій путь, т. е. быть сожжено у ея гроба, но, говорятъ, подъ чехлами просто пустыя корзины; еще далѣе несли мебель, посуду, множество значковъ, потомъ тянулись толпы эвнуховъ, бывшихъ слугъ усопшей, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы оплакивать покойницу: они были сграшно; наконецъ показались распорядители погребальнаго шествія и, въ заключеніе, гробъ, осѣненный богатымъ балдахиномъ изъ желтой шолковой матеріи, вышитой драконами, съ золотымъ шаромъ на верху. Гробъ несли девяносто четыре человека и сопровождали слуги и служанки покойной — всѣ, разумѣется, въ глубокомъ траурѣ, то-есть

женщины въ бѣлыхъ серпанковыхъ платьяхъ, а мужчины въ такихъ же золотыхъ и бараньихъ курткахъ шерстью вверхъ.

«Я забылъ сказать, что передъ гробомъ шло нѣсколько человѣкъ, кидавшихъ вверхъ горсти изрѣзанной бумаги: предполагается, что это деньги, кидаемая въ народъ; народъ также предполагается, потому что, какъ мы замѣтили, на улицы никого не пускаютъ. Вообще фантазія занимаетъ важное мѣсто въ Китаѣ.»

Трауръ въ Пекинѣ очень строгъ и продолжителенъ; авторъ предполагаетъ описаніе его на 4 страницахъ (стр. 99).

Въ IX главѣ 2-го тома г. Ковалевскій говоритъ объ опиумѣ. Сказавши нѣсколько словъ о существованіи опиума въ древности, онъ переходитъ къ воздѣлыванію опіальнаго мака въ Индіи. Индійская компанія, основательно разсчитывая на огромное количество этого продукта, употребляемое въ Китаѣ, разводитъ *paraver somni ferum* въ гигантскихъ размѣрахъ. Передъ разрывомъ Китая съ Англіей, въ первомъ поглощено въ годъ около 2-хъ милліоновъ килограммовъ опиума. Это количество съ запрещеніемъ свободнаго ввоза еще увеличивается при ловкомъ дѣйствіи контрабанды. Сами Китайцы сознаются въ гибельныхъ послѣдствіяхъ куренія опиума, но не могутъ отъ него воздержаться. Не говоря уже о вредѣ куренія опиума для здоровья, вредъ, который ослабляетъ духъ и физическія силы Китайцевъ, ввозъ опиума пагубенъ для финансовъ имперіи. Ввозимый контрабандою, онъ покупается на чистыя деньги, и огромное количество звонкой монеты вывозится ежегодно изъ Китая, не принося никакой выгоды государству.

Послѣ описанія губительнаго продукта опиума, авторъ переходитъ къ благотѣльному растенію — къ чаю. Авторъ, какъ видно, большой охотникъ до этого напитка, и говоритъ о немъ съ большою любовью. Въ Китаѣ, говоритъ онъ, время собиранія чайныхъ листьевъ съ дерева считается временемъ праздничнымъ. Для любопытныхъ выписываемъ нѣсколько словъ объ образѣ собиранія и обработки чая (стр. 133):

«При обрываніи листовъ тщательно отбираютъ маленькіе ростки, довольно жесткіе, какъ бы покрытые пухомъ: они-то называются у насъ цвѣтками, и по нимъ чай получилъ названіе цвѣточнаго. Работа идетъ быстро, не смотря на видимую копотливость ея. Въ день опытный работникъ собираетъ до 10 фунтовъ листьевъ, которые, послѣ сушки и обработки, даютъ четвертую часть чая или нѣсколько меньше, то-есть, три фунта. Другіе, болѣе опытные, занимаются этой послѣдней обработкой. Листки, проявивъ нѣсколько на бамбуковыхъ рѣшоткахъ, ста-

вать въ чугунныхъ, хорошо обдержанныхъ котлахъ, которые бы не сообщали запаха чаю, на мелкій и постоянный огонь; въ котелъ за разъ кладутъ около фунта листьевъ, мѣшая безпрестанно топенькой доской, чтобъ они равномерно испарялись, потомъ высыпаютъ на столъ и еще горячіе протираютъ слегка рукою; листы мало по малу свертываются, испуская влагу, отъ которой подъ конецъ трескается кожа на ладоняхъ у работниковъ. На этихъ столахъ чай окончательно просушивается на солнцѣ или въ вольномъ духу. Иногда, впрочемъ, его вновь прогреваютъ въ котелкахъ, чтобы извлечь остатки влаги; потомъ ужъ перебираютъ и сортируютъ.»

Лучшіе чай, по словамъ автора, отправляются въ Россію. Такъ называемый кирпичный чай дѣлается изъ опавшихъ или наскоро обрубанныхъ листьевъ, которые сжимаются подъ прессомъ, въ видъ и въ величину нашихъ кирпичей. Для употребленія его варятъ въ котлѣ съ молокомъ, саломъ, солью и поджаренною въ маслѣ мукой.

Зима въ Китаѣ не суровая, но постоянная, морозы бываютъ отъ 6 до 8 градусовъ по Реомюру. Въ зиму, проведенную авторомъ въ Пекинѣ, умеръ старый Богдыханъ; три дня не объявляли о его смерти и наконецъ на четвертый явился указъ новаго сына неба. Указъ чрезвычайно интересенъ, и мы жалѣемъ, что не можемъ его выписать по его пространности. Замѣчательнъ также манифестъ о милостяхъ новаго владыки, изданный по этому же случаю.

Весна начинается въ половинѣ марта въ Пекинѣ, и со вскрытіемъ весны авторъ отправился посѣтить земли, принадлежащія миссіи. Эта поѣздка наводитъ его на разсужденіе о состояніи земледѣлія и земледѣльческаго класса людей въ Китаѣ. Нельзя достаточно удивиться трудолюбію китайскаго земледѣльца: Нивы у него воздѣланы какъ наши огородныя гряды, и земля не знаетъ отдыха. Когда подрастетъ на бороздахъ пшеница, между нею съютъ гречиху, для которой тѣнь не вредна въ началѣ; пшеница поспѣваетъ рано, и китаецъ вырываетъ ее съ корнемъ, а потомъ съѣтъ вмѣсто нея въ тотъ же годъ одинъ изъ скороспѣлыхъ гороховъ, который всходитъ и растетъ подъ тѣнью гречихи, наконецъ собираютъ гречиху и, въ заключеніе, горохъ.

Въ эту же поѣздку авторъ посѣтилъ Танъ-шинскіе горячіе ключи, развалины дворца и кладбище Богдыхановъ изъ прежде царствовавшей династіи Минъ. Живописный видъ кладбища обратилъ особенно на себя его вниманіе; не менѣе замѣчательно и пространство его, которое авторъ полагаетъ въ длину восемь нашихъ верстъ.

Возвратившись домой, т. е. въ Пекинъ, авторъ былъ свидѣтелемъ пріѣзда въ этотъ городъ Монголовъ, Корейцевъ, и Тибетцевъ и имѣлъ случай вступать съ ними въ разговоры и разсужденія. Посѣщенія иностранцевъ вознаграждали нашихъ миссіонеровъ за потерю празднествъ новаго года, отложенныхъ по случаю траура. Праздники эти обыкновенно состоятъ изъ великопальнаго освѣщенія самыми причудливыми фонарями и фейерверковъ. По случаю фейерверковъ, авторъ вспоминаетъ о времени изобрѣтенія пороха въ Китаѣ, и разсказываетъ при этомъ преданіе, относящееся къ III в. по Р. Х. Вотъ оно:

«Куминъ, извѣстный полководецъ троестаршества, поставилъ на пути, гдѣ долженъ былъ проходить непріятель, каменную статую съ книгою въ одной рукѣ и мечомъ въ другой; предводитель непріятельской арміи, заглянувъ въ книгу, былъ такъ увлеченъ ея содержаніемъ, что перевернулъ нѣсколько листовъ: отъ прикосновенія пальцевъ къ листамъ и потомъ къ языку, онъ вдругъ почувствовалъ боль; листы были напитаны ядомъ. Несчастный хотѣлъ бѣжать, но не могъ: подяжіе статуй было изъ магнита и притягивало его желѣзную кольчугу. Куминъ вырвалъ у статуи мечъ и разшибъ ее; ударъ далъ искры, которыя воспламенили горючія вещества, наполнившія статую и съ трескомъ разразившіяся надъ неосторожнымъ воиномъ. Войско въ страхъ разбѣжалось.»

Послѣдній мѣсяцъ своего пребыванія въ Пекинъ, авторъ посвятилъ на прісмотръ за постройкою новой обсерваторіи и на посѣщеніе фабрикцій бумаги, индиго и искусственныхъ цвѣтовъ, закладныхъ лавокъ, монетнаго двора и прочихъ примѣчательностей.

Къ первому тому путешествія приложенъ путевой журналъ, и въ обѣихъ книгахъ есть картинки. Картинки не достаточно хороши, но въ нихъ вовсе не нуждается такая замѣчательная книга, какъ путешествіе г. Ковалевскаго. Мы увѣрены, что каждый прочтетъ ее съ большимъ удовольствіемъ и подобно намъ поблагодаритъ автора за это отрадное явленіе въ современной литературѣ. Въ «Китаѣ» г. Ковалевскаго нѣтъ тѣхъ смѣшныхъ дорожныхъ приключеній, которыми часто наполняются путешествія, чтобы не казаться сухими дневниками; здѣсь такъ много дѣльнаго и любопытнаго, и все это разсказано такъ просто и отчетливо, что мы говоримъ еще разъ наше полное русское спасибо достойному русскому путешественнику.

2) **ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ, ПАРОВОЗОВЪ И ПАРОВОЗОВЪ**, общепонятно изложенная, М. Хотинскимъ, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. (Съ 42 политипажамъ). С. Петербургъ. Въ Типографіи Якова Трея. 1853

Авторъ начинаетъ свое сочиненіе историческими изслѣдованіями свѣдѣній о силѣ водяныхъ паровъ, доказываетъ, что сила эта была известна еще въ древности Герону Александрійскому, и слѣдитъ за судьбою этихъ свѣдѣній до нашего времени. Эти изслѣдованія занимаютъ первый отдѣлъ его книги. Во второмъ отдѣлѣ говоритъ онъ о пародахъ. Здѣсь также начинаетъ онъ описаніемъ первыхъ попытокъ примѣненія силы паровъ къ движенію судовъ, и предлагаетъ историческое развитіе и усовершенствованіе пародахъ. Въ третьемъ и последнемъ отдѣлѣ своего сочиненія г. Хотинской говоритъ о паровозахъ, и заключаетъ трудъ свой мнѣніемъ о несовершенствѣ настоящихъ желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ, съ краткимъ описаніемъ новыхъ системъ, предлагаемыхъ въ замѣну нынѣ существующей.

Какъ видитъ каждый читатель, содержаніе книги очень занимательно, въ изложеніи его есть систематическій порядокъ, и сочиненіе написано ровнымъ русскимъ слогомъ. На этомъ основаніи и мы готовы были бы поблагодарить г. Хотинскаго за трудъ его, если бы въ заглавіи его книги не было одного слова, въ глазахъ нашихъ сильно уменьшающаго достоинства этого труда. Авторъ говоритъ, что изложеніе его общепонятно. Настоящее значеніе этого слова пойметъ читатель только тогда, когда прочтетъ предисловіе автора, изъ котораго узнаетъ, что книга эта можетъ быть понятна только образованному читателю, т. е. болѣе или менѣе ученому, а это обстоятельство узнаетъ онъ только тогда, когда книга будетъ имъ уже куплена и разрѣзана. Ученіе о парахъ, пародахъ и паровозахъ, при нынѣшнемъ повсемѣстномъ распространеніи желѣзныхъ дорогъ, въ самомъ дѣлѣ известно каждому образованному человѣку и, стало быть, слово «общепонятно» въ заглавіи для такого читателя лишнее. Оно могло бы имѣть значеніе только для тѣхъ, которые, хотя и читаютъ, но не имѣютъ никакого научнаго образованія; а для такихъ читателей г. Хотинскій не выполняетъ обещаннаго имъ въ заглавіи. Чтобы уразумѣть его сочиненіе, надо знать и исторію и физику. Съ какою же цѣлію прибавлено слово общепонятно, если для однихъ читателей оно лишнее, а для другихъ непонятно?

Приложенные политипажы очень красивы и отчетливы.

СЛОВО КАТОЛИЧЕСКАГО ПРАВОСЛАВІЯ РИМСКОМУ КАТОЛИЧЕСТВУ. Съ прибавленіями. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1853.

1) О наслѣдіи св. Петра, или державной области Папской.

2) Объ отношеніяхъ Римской церкви и Восточной послѣ патріарха Фотія до крестовыхъ походовъ.

3) Сравненіе рукоположенія епископскаго въ церквахъ Западной и Восточной.

Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ, что это сочиненіе было въ первый разъ напечатано въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отецъ, издаваемымъ московскою Духовною академіей, и отсюда перепечатано митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ для своей паствы. Въ то же время явилось оно и въ Парижѣ, во французскомъ переводѣ, подъ названіемъ *Question Religieuse d'Orient et d'Occident*, и даже одинъ духовный журналъ, *Presse Religieuse*, весьма снисходительно отозвался, что такого рода сочиненія могутъ быть полезны для поясненія взаимныхъ недоумѣній. Обнадеженный этими успѣхами, авторъ рѣшился издать свое Слово отдельною книжкою съ поименованными выше прибавленіями.

Слово свое католическому духовенству авторъ начинаетъ такъ : « Главное искусство, чтобы не сказать, хитрость Римская при состязаніяхъ съ православными, состоитъ въ томъ, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ практики къ теоріи, отъ непрерываемаго многовѣковаго ряда событій церковныхъ и правилъ соборныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу востока, но требующихъ изученія, къ той блистательной системѣ самодержавія Римскаго, которая возникла уже послѣ разрыва и ослѣпляетъ взоры неопытныхъ блекомъ мнимаго величества ».

Далѣе авторъ говоритъ, что глава Римской церкви въ началѣ ничѣмъ не отличался отъ другихъ патріарховъ, что церковь Антиохійская, въ которой Апостолъ Петръ пробылъ семь лѣтъ, могла бы имѣть равныя притязанія на первенство, но никогда его не высказывала.

На вселенскихъ соборахъ, этихъ зеркалахъ православія, равенство всѣхъ патріарховъ постоянно поддерживалось, и, когда на четвергомъ Халкидонскомъ соборѣ легаты папскіе вздумали сказать: « Римская церковь всегда имѣетъ первенство », то неправильность этого выраженія сейчасъ же была обличена.

На третьемъ Вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Эфесѣ, всѣ Отцы единодушно взывали: « Келестинъ новый Павелъ ! Кирилъ новый Павелъ ! Одинъ Келестинъ ! Одинъ Павелъ ! » Это уравненіе папы римскаго съ патріархомъ константинопольскимъ явно свидѣтельствуетъ о равенствѣ обѣихъ церквей.

Въ концѣ VI и началѣ VII вѣковъ папа римскій, святой и великій Григорій, не разъ писалъ самыя убѣдительныя посланія о томъ, что патріархи не должны превозноситься другъ передъ другомъ, и что глава церкви, величая себя Вселенскимъ, уподобляется антихристу.

Въ исходѣ IX вѣка соперникъ патріарха Фотія, папа Николай первый вознесъ первосвятительскую власть гораздо выше, нежели когда-либо она была, въ отношеніи императоровъ и королей, патріарховъ и епископовъ.

За этимъ весь X и половина XI вѣка церковь Римская страдала такимъ безначаліемъ и безчиномъ своихъ епископовъ, къ соблазну всего христіанскаго міра, что, можно сказать, въ это время она отдѣлилась, во мракъ внутренняго своего неустройства, отъ общенія съ восточными церквами.

На Флорентинскомъ соборѣ властолюбіе папы дошло до того, что онъ уже требовалъ отъ константинопольскаго патріарха и его епископовъ не братскаго цѣлованія, а цѣлованія своей ноги и признанія его намѣстникомъ Христовымъ и архіереемъ вселенскимъ. На послѣднемъ же Тридентскомъ соборѣ, бывшемъ противъ протестантовъ, папа подписался какъ епископъ всей католической церкви.

Показавъ исторически возрастаніе власти папъ и ихъ стремленіе къ преобладанію надъ прочими христіанскими церквами, авторъ обращается къ внутреннему состоянію церквей, съ цѣлію разсмотрѣть, въ которой изъ нихъ сохранились чистѣйшіе догматы.

Представя всѣ каноническія и догматическія злоупотребленія въ церкви на западѣ, авторъ предлагаетъ читателю рѣшить о справедливости ея притязаній на первенство.

Такое добросовѣстное изложеніе фактовъ, громко говорящихъ противъ властолюбія папъ, лучше всѣхъ разящихъ рѣчей и возгласовъ. Въ послѣднихъ, слушатель иногда увлекается краснорѣчіемъ оратора; но здѣсь онъ убѣждается разумными словами поборника истины.

За этимъ слѣдуетъ у автора статья: *О наслѣдіи св. Петра или державной области Папской.*

Здѣсь авторъ исторически преслѣдуетъ, какимъ образомъ составила мірская область первосвященниковъ и явилось на западѣ убѣжденіе, что духовная глава церкви не только не должна быть зависима ни отъ какой свѣтской власти, но и самъ долженъ быть державнымъ государемъ особой области, которую возвеличили громкимъ именемъ наслѣдія Петра.

Съ паденіемъ западной Римской имперіи, Одоакръ, вождь Геруловъ,

сдѣлавшись обладателемъ Италіи, основалъ свое мѣстопробываніе въ Равеннѣ, и съ этимъ удаленіемъ свѣтской власти изъ древняго Рима, значеніе римскаго епископа еще болѣе возвысилось въ глазахъ сената и народа. Свѣтская столица осталась въ Равеннѣ и при Остроготахъ, изгнавшихъ Геруловъ, и при Іустиніанѣ, покорившемъ Италію своей власти. Съ возвращеніемъ Италіи подъ власть императоровъ, въ Равеннѣ поселился префектъ или экзархъ (тоже патрицій). Между тѣмъ значеніе епископа въ городѣ все болѣе и болѣе увеличивалось: онъ, какъ *pater et defensor civitatis*, избиралъ вмѣстѣ съ старшинами главнѣйшихъ сановниковъ, имѣлъ право надзора за ихъ управленіемъ, и могъ требовать отъ нихъ ежегоднаго отчета въ городскихъ доходахъ.

При преемникѣ Іустиніана, Іустинѣ II, по проискамъ приверженцевъ папы, храбрый Наркизъ былъ вызванъ изъ Италіи, и на мѣсто его поступилъ слабый Лонгинъ, при которомъ вгорделись въ Италію Лангобарды подъ предводительствомъ Албоина. Эти варвары овладѣли всею южною частію страны, и иго ихъ было тѣмъ тяжелѣе, что сношенія между Римомъ и Царьградомъ становились все болѣе и болѣе холодны. Въ это-то смутное время явился на папскомъ престолѣ святой и великій Григорій, почти силою призванный къ сану первосвященника. Справедливо, что самъ святитель не искалъ мірской власти и почестей, но убѣжденіе въ значеніи папъ сдѣлалось уже общепароднымъ, и отъ него погребовали подписать миръ, заключенный Лангобардами съ императоромъ. Во всѣхъ поступкахъ этого замѣчательнаго папы виденъ попечительный владѣлецъ имѣній, издавна пожертвованныхъ Римскою цerkви, но не державный правитель области Римской.

Подъ управленіемъ императоровъ при династіи Ираклія, Римъ представляетъ собою зрѣлище безпрестанныхъ несогласій папъ съ свѣтскими властями, и императоры держали сторону то тѣхъ, то другихъ. Съ появленіемъ на востокъ иконоборцевъ, папы стали возставать противъ самихъ императоровъ. Жизнеописатель папъ Анастасій говоритъ, что папа Григорій II, тотчасъ послѣ насильственныхъ мѣръ императора, возсталъ на него какъ на врага, обличалъ въ ереси и престоерегалъ окружными посланіями всѣхъ христіанъ отъ подобнаго нечестія. Историкъ же греческій Теофанъ пишетъ въ своей хроникѣ подъ годомъ 724, что папа Григорій совершенно отрѣшилъ всѣ западныя области отъ подчиненія власти императора. По всѣмъ городамъ всѣ мѣстные правители, поставленные отъ императора, были низложены, и на мѣсто ихъ избрали новыя, а въ 732 году папа созвалъ въ Римѣ соборъ противъ Кесаря, и на этомъ соборѣ всѣ гонители св. иконъ были

отлучены отъ церкви. — Между тѣмъ Лонгобарды, пришедшіе войною на Италію, мало по малу овладѣвали ея областями. Папа рѣшился противиться силѣ ихъ оружія, и съ этихъ поръ дѣйствія римскаго первосвященника принимаютъ характеръ политическій. Не будучи въ силахъ противостоять Лонгобардамъ, папа Григорій III обратился къ Франкамъ съ просьбою помощи; но просьба эта осталась безъ послѣдствій, и только при папѣ Стефанѣ, который самъ отправлялся въ землю Франковъ, Пепинъ вступился за права римскаго престола. Побѣдивъ Лонгобардовъ, онъ заключилъ съ ними миръ, оградивъ всѣ права папы; но по возвращеніи его въ отечество, Айстульфъ нарушилъ договоръ и явился подъ стѣнами Рима. Папа обратился снова къ Франкамъ, и здѣсь замѣчательно его посланіе, начинающееся такъ: «Я, Петръ Апостолъ, по волѣ Божественнаго милосердія, званный Христомъ, Сыномъ Бога Живаго, поставленъ его властію быть просвѣтителемъ всего міра». Эта святотатственная дерзость достаточно свидѣлствуетъ о томъ, какъ были высокомерны римскіе первосвященники. Пепинъ двинулъ свои войска въ Италію и далъ послѣ дарственную грамоту, по которой римскіе епископы утверждались на вѣчныя времена владѣтелями земель и городовъ, отобранныхъ у Лонгобардовъ. Сынъ Пепина Карлъ, уговоренный папою Авдіаномъ во время пребыванія своего въ Римѣ, подписалъ новую дарственную грамоту, распространявшую еще болѣе владѣнія римскія, а въ 800 г. папа Левъ III возложилъ на Карла императорскую корону, и этимъ прервалъ всѣ прежнія отношенія Италіи къ Восточной имперіи. Нѣсколько папъ, преемниковъ Льва III, еще признавали свою зависимость отъ императоровъ (Карловинговъ), и при вступленіи своемъ на престолъ приводили Римлянъ къ присягѣ въ вѣрности своимъ покровителямъ; но съ папы Николая I вліяніе императоровъ на папу становится все слабѣе и слабѣе, они уже перестали утверждаться императорами, и при папѣ Іоаннѣ VIII уже не папы нуждаются въ покровительствѣ императоровъ, а императоры въ папахъ.

Вотъ историческая постепенность возрастанія свѣтской власти папъ надъ Римскою областію, какую представилъ авторъ разбираемаго нами сочиненія. Нельзя не поблагодарить его за то, что, устранивъ всякія умствованія, часто встрѣчаемыя въ историческихъ изслѣдованіяхъ, онъ удовольствовался одними фактами и предложилъ ихъ въ такой системѣ, которая вполне объясняетъ читателю мысль и убѣжденіе автора.

Вторая статья приложенія носитъ слѣдующее заглавіе:

*О сношеніи Римской церкви съ Греческою послѣ патріаршества
Фотія до крестовыхъ походовъ.*

Изъ этой статьи усматриваемъ мы, что папы римскіе были то въ дружественныхъ, то въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ церковью Греческою, но первыя не прекращались окончательно. Здѣсь же между прочимъ усматривается постоянное стремленіе папъ къ первенству надъ прочими святителями, съ успѣхомъ оспориваемое патріархами восточными. Замѣчательно также приведенное авторомъ явленіе, случившееся внутри самой Римской церкви. Это помѣстный соборъ въ Римѣ, низложившій въ присутствіи императора папу Іоанна XII, за его нечестія, и избравшій на мѣсто его другаго. Это явленіе громко опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что низложить папу не имѣли права даже соборы вселенскіе, и что сами они тогда только имѣли силу вселенскихъ, когда ихъ признавалъ папа.

Предлагая на видъ читателю властолюбивыя дѣйствія папъ, авторъ приводитъ въ противоположность имъ дѣйствія патріарховъ константинопольскихъ, имѣвшихъ постоянно въ виду одну цѣль—чистоту православія и миръ церкви. Такъ, напримѣръ, возстали послѣдніе на введеніе въ символъ вѣры Римскою церковью словъ «и отъ Сына» послѣ словъ «отъ Отца», и употребленіе опресноковъ. При патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ въ Царьградѣ явились три папскіе легата съ просьбою помощи отъ опустошеній норманскихъ. Эти легаты, не успѣвшие въ своемъ посольствѣ, поссорились съ патріархомъ и предали проклятію всѣхъ дерзающихъ принимать Св. Тайны отъ хулящихъ обряды латинскіе. Это было уже разрывомъ обѣихъ церквей, хотя императоръ и отпустилъ легатовъ съ дарами папъ, и миръ видимо продолжался. Епископовъ западныхъ принимали въ Константинополѣ съ честію, и папы присылали къ патріархамъ легатовъ съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ. Властолюбіе Гильдебранта, избраннаго папою подъ именемъ Григорія VII, положило конецъ и этимъ слабымъ миролюбивымъ отношеніямъ. При преемникѣ его Урбанѣ II, императоръ Алексѣй Комнинъ, желая помирить обѣ церкви, предлагалъ созвать въ Царьградѣ Вселенскій соборъ; но внутренніе безпорядки въ Римѣ помѣшали папѣ заняться предложеніемъ императора. По провозглашеніи Крестовыхъ походовъ папа писалъ императору о свободномъ пропускѣ крестоносцевъ черезъ его владѣнія; крестоносцы были встрѣчены миролюбиво; но, сто лѣтъ спустя, они овладѣли Константинополемъ, и вражда между Греками и Латинами отразилась и въ дѣлахъ церковныхъ.

Третье и послѣднее прибавленіе предлагаетъ «Сравненіе рукоположеній въ епископскій санъ въ церквахъ Восточной и Западной».

Здѣсь разсматриваетъ авторъ различныя измѣненія въ обрядѣ рукоположенія, введенныя Западною церковью, и опровергаетъ ихъ или словами Священнаго Писанія, или другими здравыми доказательствами.

Мы отдаемъ полную справедливость заслугамъ автора, издаваго въ свѣтъ свою назидательную книгу, и поздравляемъ духовную литературу съ замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Франсуа Араго. — Эліа и Мизисъ. — Трагедіи Грековъ и Римлянъ. — Ателаны. — Парижскіе театры — Рашель въ С.-Петербургъ. — Парижскія лоретки. — Поводъ къ разводу. — Опять живые столы. — Ошибочное прорицаніе. — Утрата любви, надеждъ, заблужденій, серебра и брилліантовъ. — Лезуитъ и китайская маргаритка. — Англія. — Акваитическія теплицы въ парижскомъ ботаническомъ саду. — Гости съ береговъ Индіа. — Барнумъ и кормилица Вашингтона. — Китайскій военственный маскарадъ. — Панорама дельты Нила. — Каиръ. — Пирамиды. — *Toujours lui.* — Карлъ V. — Новыя французскія книги. — Человѣколюбивый нелюдь. — Завѣщаніе.

Многимъ изъ нашихъ читателей извѣстно уже изъ газетъ о кончинѣ знаменитаго ученаго Франсуа Араго, но и мы не можемъ умолчать объ этой болѣзненной потерѣ для просвѣщеннаго міра. 2-го минувшаго октября ст. ст. были похороны покойнаго астронома. Всѣ члены академіи, находившіеся въ то время въ Парижѣ, всѣ его почитатели и любители наукъ, сопровождали его тѣло до церкви *Saint Jacques de Haut-Pas*, а оттуда до кладбища *Père Lachaise*, и въ тотъ же день новый балетъ привлекалъ вниманіе парижанъ. Мы говоримъ о балетѣ *Эліа и Мизисъ*, или *Ателаны*, г. Мазилье, музыка г. Генриха Потье. Что такое Ателаны? Съ какой стати авторъ передѣлалъ ихъ въ либретто своего археологическаго балета? Мы расскажем это читателю.

Римляне занимались сценическими представленіями у Грековъ, но эти представленія передѣлывали они по своему, приспособляя къ мѣстной потребности. Трагедіи Софокла, Эсхила, Эврипида и ихъ подражателей, переведенныя на латинскій языкъ, не производили сильнаго впечатлѣнія на толпу римскихъ гражданъ. Этѣ трагедіи давались не предъ Греками приготовленными къ пониманію ихъ чувствомъ изящнаго, сильно развитаго въ тогдашней Греціи. Войны Рима не постигали высокаго паѳоса Софоклова Эдипа; хоры Эсхила и Эврипида не потрясали ихъ душу. Трагедіи Греціи были чужды латинцу. Да и могла ли трогать его поддѣльная смерть актера, когда

онъ привыкъ любоваться дѣйствительною смертію, со всеми оттенками ея ужасной драмы, на кровавыхъ зрѣлищахъ гладиаторскихъ боевъ. Римлянинъ хотѣлъ видѣть арену, орошенную кровію, слышать стонъ умирающаго, съ любопытствомъ наблюдателя ловить послѣдній вздохъ его, и театръ не могъ замѣнить ему цирка. По этому римскую трагедію не слѣдуетъ смѣшивать съ греческою. Римскую комедію также нельзя сравнивать съ греческою. У Грековъ комедія почти всегда была памфлетомъ, имѣла политическое значеніе. Аристофанъ и его литературные собратья замѣняли для Аѳинянъ современныхъ журналистовъ. Въ Римѣ этого не могло быть: авторы комедій должны были избѣгать политическаго направленія въ своихъ произведеніяхъ; участь Овидія была для нихъ назидательнымъ урокомъ. Они не смѣли выводить на сцену личности высшаго круга, и должны были ограничиться выборомъ своихъ героевъ изъ сословія плебеевъ, а чтобы чѣмъ-нибудь привлечь къ себѣ зрителей и обратить на себя вниманіе, они допустили на сцену нескромныя картины римскаго разврата, который, какъ и все римское, со времени кесарей имѣлъ исполинскіе размѣры. Но какъ ни были зазорны тѣ нравы и картины, онѣ не приводили зрителей въ еодроганіе, не заставляли краснѣть и отворачиваться большинство публики: эта публика привыкла къ вакханаліямъ; она не угорала въ чаду сатурналій, находила безстыдныя сцены римской комедіи не только не отвратительными, но еще слабыми, блѣдными отблесками дѣйствительности.

Въ театрѣ удерживались одни только мимы, нѣчто въ родѣ нашихъ балетовъ, и то потому только, что мимы ставились съ необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ — съ древнихъ временъ эта роскошь и великолѣпіе — удѣлъ балета. Кромѣ того у Римлянъ были еще такіа драматическія представленія, о которыхъ Греки не имѣли никакого понятія, — это *Ателаны*. Сначала Ателаны были импровизированныя пьесы, представляемыя на площадяхъ жочующими актерами. При этихъ импровизаціяхъ не нужны были ни машины, ни сцена, ни костюмы; нужно было только остроуміе и шутка, часто неблагопристойная, сорбразная со вкусомъ площадной публики. Мало по малу Ателаны сдѣлались любимымъ зрѣлищемъ Римлянъ. Съ площади перешли они въ дома знатнѣйшихъ Римлянъ. Во время шпировъ, въ богато-убранныя *триклиніумы* являлись актеры и разыгрывали коротенькія пьесы. Нельзя сказать, чтобы и здѣсь онѣ были благопристойны, но понятія Римлянъ о благопристойности были совершенно различны отъ нашихъ. Тамъ, гдѣ прислуживали полуобнаженные конефоры, гдѣ стѣны пиршественной комнаты были украшены изображеніями, дышавшими сладострастіемъ и развратомъ,

тамъ строгой стыдливости не было мѣста. Однако Аталаны, разыгрываемые предъ патриціями, передъ людьми образованными, не были такъ грубы, такъ безстыдно развратны, какъ площадныя импровизаціи. Вскорѣ они перестали быть импровизаціями; явились поэты, которые сочиняли ихъ. Изъ всего этого видно, что на эту тему можно было скропать порядочную пьесу, не отступая отъ исторической истины и не искажая нравовъ почтенныхъ римскихъ патриціевъ; но господину Мазилье какое дѣло до археологической точности? Ему хотѣлось залучить на сцену побольше танцовщицъ, одѣтыхъ въ необыкновенные костюмы, обставить ихъ великолѣпными декораціями, и онъ началъ беспощадно расманивать давно отжившій міръ гордыхъ завоевателей. Большинство зрителей не будетъ справляться, вѣрно ли онъ представилъ римскіе нравы въ балетѣ не ищущъ исторической истины, были бы только группы, танцы, костюмы, блескъ, а все прочее сойдетъ съ рукъ, или, пожалуй, ногъ. Въ балетахъ пляшутъ, — чего же больше? Пусть только пляшутъ безъ усталы, зрители непременно останутся довольны. Вотъ и теперь въ этомъ новомъ балетѣ *Эліа* и *Мизист* все и всѣ пляшутъ, пляшутъ рабы съ господами, пляшетъ на разгульномъ пиру дочь римскаго сенатора, пляшетъ ученый Евклій съ своею воспитанницей Эліей; чтѣ ни шагъ, то пляшутъ, и чтѣ ни шагъ — бѣда исторической истины. Но балетъ имѣлъ успѣхъ, благодаря молодой дебютанткѣ — жѣ Гюж-Стеванъ, которая блистательно выдержала состязаніе съ знаменитою г-жею Пріора, съ воздушною Форки и обворожительною Богдановою, полу-ребенкомъ, полу-артисткой, которая оканчиваетъ въ Парижѣ свое артистическое образованіе, чтобы потомъ стать твердою ногою на петербургской сценѣ.

Въ то время, какъ Большая Опера ставила свой ученый балетъ изъ римской жизни, другіе театры Парижа также торопились щеголять новостями. *Théâtre de la porte Saint-Martin* привлекаетъ публику — *Самая чудесами сѣта*, волшебной пьесой въ двадцати картинахъ, которая сама, по безсмыслицъ содержанію и по великолѣпно — чудо изъ чудесъ. Лирическій театръ угощаетъ публику забавной опереткой *«Здравствуйте, сослуживцы!»* музыку которой написалъ новый композиторъ г. Фердинандъ Пуаэ, воспитанный г. Адольфа Адама. Музыка ученика очень напоминаетъ мотивы учителя. Впрочемъ эта еще не бѣда; съ олимпійсткою появляется и своеобразность. Лучшие подражатели хорошему чуждому, чинъ писать дурное словъ душь гордости, стремленіе къ самобытности погубили же одного молодого композитора. *Одеонъ*, почтенный *Одеонъ*, разгладилъ свои враждебренныя морщины, отдавалъ за-ново свою залу, и сыплетъ публику смотреть свое обозиженіе и на *«Храброго Гусмана»*.

Публика находитъ, что театр поновленъ прекрасно, но пьеса дебюта скучна по прежнему. Въ день перваго представленія ходило по рукамъ слѣдующее четверостишіе:

La pièce a marché sans entrave;
Mais je vous le dis franchement,
Il faut, pour voir Gusman le brave,
Etre plus brave que Gusman.

Французскій театр (*Théâtre Français*) снова далъ отпускъ знаменитой Рашели; она съ полною труппой избранныхъ ея артистовъ, какъ намъ уже извѣстно, въ С.-Петербургъ, и трагедія на берегахъ Сены также осиротѣетъ, какъ опера. Парижане ропщутъ на Петербургъ, который похищаетъ у нихъ всѣ сценическія знаменитости. *Театръ Варьете* даетъ «*Свѣтскія женщины*», наименее скучный въ пяти дѣйствіяхъ, въ продолженіе которыхъ молодой живописецъ отыскиваетъ себѣ покровительницу, чтобы получить первую награду отъ академіи и выдти въ люди. Долго ни одна женщина не обращаетъ вниманія на этого Рембранда въ пеленкахъ. Одна хочетъ покровительствовать крестнику своего швейцара, другая досадуетъ на художника, что онъ не довольно хвалитъ картины ея работы, третья никому не покровительствуетъ, потому что вся предалась биржевымъ спекуляціямъ; наконецъ какая-то трехзвѣздная герцогиня, фея съ стариннымъ гербомъ и съ молодыми чувствами, беретъ художника подъ свое крылышко, и счастье улыбается ему изъ-подъ герцогской короны. Авторы этой длинной, пяти-актной пьесы—гг. Монтео (Montaeau), Кормонъ (Cormon) и Гранже (Granger). Горе искусству въ странѣ, гдѣ его адепты должны прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобы выдти въ люди.... Но можетъ ли это быть среди просвѣщенной націи? — Это клевета досужихъ водевилистовъ. Въ *театръ Монтансье* (*Théâtre Montanier*) пьеса страннаго названія: «*Le bourreau de cranes*» начинается среди зрителей. До поднятія занавѣсы два господина поссорились, подрались, одинъ получилъ пощечину; онъ сердится, жалуется, ихъ выводятъ и отправляютъ къ полицейскому комиссару. Занавѣсъ подымается. Комиссаръ на сценѣ разбираетъ ссору и отправляетъ виновныхъ подъ арестъ. Одинъ изъ нихъ—кранологъ, человекъ храбрый только въ дѣлѣ науки, но въ самомъ дѣлѣ очень мирный и очень трусливый. Противникъ, запертой вмѣстѣ съ нимъ, требуетъ отъ него удовлетворенія. Кранологъ, чтобы избавиться отъ поединка, отдаетъ своему противнику чужую карточку; понятно, что изъ этого выходятъ презабавныя недоразумѣнія, которыя длятся три дѣйствія. Пьеса, какъ и всѣ водевили, оканчивается благополучно и

не утомляетъ зрителей. Наконецъ театръ *Водевилей* давалъ пяти-актный водевиль «*Les enfers de Paris*», сочиненіе гг. Роже де-Бовуара (*Roger de Beauvoir*) и Ламберта-Тибу (*Lambert Thiboust*). Сочинители нападаютъ на парижскихъ лоретокъ; они выводятъ ихъ на сцену, съ ихъ прожорливостью, мотовствомъ, капризами, легкомыслиемъ, съ ихъ роскошью и нищетою, съ ихъ соблазномъ и грязнымъ невѣжествомъ. Бѣдныя лоретки! онѣ уничтожены, стерты съ лица земли! Добродѣтельныя женщины торжествуютъ, нравы исправляются!... Наконецъ комедія достигла своей цѣли!—Но не радуйтесь преждевременно, благонамбранный читатель: зло еще не искоренилось. Какой-нибудь водевилистъ не исправитъ недостатковъ общества: они глубоко пустили свои корни на французской почвѣ. Не одна лоретка, одѣтая по послѣдней модѣ, отправилась съ своимъ поклонникомъ изъ театра въ *Rocher de Cancale* или *Maison d'Or*, на дорогой ужинъ, смѣясь надъ своимъ портретомъ, и вовсе не заботясь, что завтра у ней не станетъ денегъ на ломоть хлѣба, и что она должна будетъ заложить, для дневнаго пропитанія, свою англійскую шаль. Чтѣ ей за дѣло до завтрашняго дня:—сегодняшній день она сыта и весела, а завтра?—завтра Богъ вѣсть будетъ ли она существовать!—Такова философія этихъ легкомысленныхъ созданій: «все для настоящаго, ничего для будущаго». Онѣ не жалуютъ самихъ себя, съ какой же стати будутъ щадить другихъ. Въ вихрь этой тревожной жизни нѣтъ некогда оглянуться, некогда будить давно заснувшую совѣсть: раскаяніе не придетъ къ нимъ. На этомъ широкомъ пути порока, не одни мужчины, но и женщины поддерживаютъ ихъ, питая ихъ тщеславіе. Не одна парижская знатная дама съ завистью смотритъ на щегольской туалетъ лоретки; не одна герцогиня заказываетъ сдѣлать себѣ такую же мантилью, какъ у мамзель Розы; а блѣднолицая ея дочка требуетъ отъ своей модистки такого же платья къ балу, какое было на такой-то актрисѣ, когда эта опытная Лаиса представила на сценѣ первый выѣздъ монастырки. Знатные подражаютъ лореткамъ,—лоретки это знаютъ, и гордятся этимъ. Хорошо, еслибъ это подражаніе ограничилось однимъ туалетомъ; часто какая-нибудь молодая маркиза дружится съ танцовщицей для того, чтобъ наблюдать закулисные нравы. Не истребить лоретку водевилемъ, не убить ее насмѣшкой. Исправьте, господа парижане, свои собственные нравы, полюбите, господа парижанки, простоту и нравственность, тогда лоретки уничтожатся сами собою. Но эти совѣты не найдутъ отголоска въ Парижѣ, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Нравы Французовъ не исправляются ни отъ театральныхъ водевилей, ни отъ семейныхъ драмъ. Правотвен-

нан эпидемія часть отъ часу распространяется, и явный ея признакъ—изъездъ разводовъ. Мы расскажем недавній примѣръ:

Маркизь и маркиза де-В*** слыли примѣрными супругами. Маркизь убивалъ вечера свои въ клубъ, предаваясь съ увлеченіемъ страсти карточной игрѣ; остальную часть ночи онъ проводилъ Богъ знаетъ гдѣ, только не дома. Маркиза очень часто ѣздилъ въ Версаль, гдѣ расположенъ одинъ изъ уланскихъ полковъ. Эти поѣздки не нравились мужу. Разъ какъ-то случайно, маркизь и маркиза остались дома. Мужъ высказалъ женѣ то, что давно лежало у него на сердцѣ. Маркиза была женщина бойкая; она не задумалась за отвѣтомъ. Замѣчанія обратились въ упреки, упреки — въ ссору. Маркизь не могъ образумить словами свою жену, и подкрѣпилъ свои аргументы чѣмъ-то въ родѣ личной обиды. Разумается, эта сцена происходила съ глазу на глазъ, и не въ бровь, а прямо въ глаза; постороннихъ при этомъ не было; однако въ свѣтъ узнали всѣ подробности этой ссоры; — свѣтъ все знаетъ, отъ него ничего нельзя скрыть, ни за каменными стѣнами, ни за печатью тайны. Нескромная молва рассказала о нанесенномъ маркизѣ оскорбленіи; начались сплетни. И это побудило молодую женщину отправиться къ одному знаменитому адвокату. Искусный законникъ выслушалъ ее со вниманіемъ, подробно разспросилъ о дѣлѣ, и рѣшилъ, что, какъ она не имѣетъ свидѣтелей, то и не вправе просить о разводѣ. Маркиза умоляла помочь ей, горько плакала, но адвокатъ ничего не могъ предложить въ успокоеніе, кромѣ стакана флеръ-д'оранжевой воды. Маркиза поблагодарила его и уѣхала къ своей матери, съ которою немедленно отправилась къ какимъ-то водамъ. Братъ ея извѣстилъ о томъ ея супруга. Маркизь де-В*** — страшный охотникъ за дичью. У него въ Сентъ-Клу есть маленькій домикъ. Въ этотъ домикъ, недѣли двѣ спустя послѣ отъѣзда жены своей, маркизь пригласилъ своихъ пріятелей и ихъ веселыхъ подругъ на холостой обѣдъ, отвѣдать недавно затравленную имъ лань. Общество было самое веселое, бесѣда одушевлялась любовностью дамъ и отличнымъ виномъ, въ особенности однимъ сортомъ превосходнаго блага бордо, любимата вина знаменитаго Мейербеера. Въ воспоминаніе славнаго композитора, пирующіе принялись пить хоромъ *morceaux d'ensemble* изъ его оперъ; вдругъ отворяется дверь, и входитъ маркиза.

Появленіе ея было неожиданно и всѣхъ смутило. Не обращая ни на кого вниманія, маркиза подошла къ своему мужу, который только что всталъ, чтобъ предложить тостъ за здоровье одной англичанки, принявшей на себя обязанность хозяйки.

— Милостивый государь, твердо и громко сказала маркиза, обращаясь къ своему мужу, — недавно вы забылись до того, что нанесли мнѣ невыгладимое оскорбленіе: я получила отъ васъ пощечину. Я надеялась извлечь изъ нея пользу, но, по несчастію, она мнѣ ни къ чему не пригодилась, и я рѣшилась возвратить ее по принадлежности. — Вслѣдъ за этими словами рывая ручка маркизы упала на розовую щеку супруга.

Маркизь не смутился.

— Сударыня, скавалъ онъ женѣ своей, четыре года тому назадъ, прося руки вашей, я никакъ не подозревалъ, что вы, вручивъ мнѣ ее, оставите другую въ ваше собственное распоряженіе.

— Законъ требуетъ свидѣтелей. Надюсь, что вы, обвиняя меня предъ судомъ, попросите этихъ господъ быть свидѣтелями.

— Мы это увидимъ. Но не угодно ли вамъ занять мѣсто между нами; позвольте мнѣ предложить вамъ этотъ ананасъ. — Человекъ! стулъ для маркизы.

Не смотря однако же на любовь маркиза, веселость исчезла изъ беседы. Гости уезжали одинъ за другимъ. Сама маркиза скрылась незамѣтно. Вскорѣ въ опустѣлой залѣ остался одинъ обиженный супругъ.

Недвѣю спустя, маркизь де-В*** подалъ просьбу о расторженіи брака. Не будь во Франціи закона о разводахъ, не было бы этой соблазнительной исторіи, и супруги, зная, что нельзя расторгнуть священныя узы брака, старались бы облегчить брачную цѣнь семейнымъ согласіемъ.

Но довольно о безнравственности французовъ; намъ не исправитъ ихъ, какъ имъ не исправитъ лоретокъ. Поговоримъ лучше о предметахъ менѣ грустныхъ, на примѣръ хоть о живыхъ столахъ. Мы говоримъ «живыхъ», потому что способность передвигаться съ мѣста на мѣсто есть отличительное свойство живыхъ существъ, а столы въ наше время не только движутся, но даже пишутъ, и, что еще удивительнѣе, сочиняютъ. Впрочемъ, въ каждомъ дѣлѣ труденъ только первый шагъ, а столы сдѣлали этотъ первый шагъ тому мѣсяцевъ шесть, и съ тѣхъ поръ быстро двинулись впередъ. По быстротѣ развитія ихъ способностей надобно заключить, что они будутъ не долгоживучи, но какъ бы ни было, успехи ихъ изумительны. Они угадываютъ, предсказываютъ, вызываютъ духовъ не хуже древнихъ маговъ и кудесника Калиостро. Теперь нельзя сказать: «Онъ глупъ какъ столъ». — Столы вовсе не глупы и даже перещеголяли ясновидящихъ.

На дняхъ въ Парижѣ одна ясновидица была приведена въ магнитическое усыпленіе; въ это же время три особы намагнитизиро-

вали столикъ, у котораго къ одной ножкѣ былъ придвѣлѣтъ карандашъ. Предложенъ вопросъ—и пошло писать. Ясновидящая также отвѣчала на вопросы, не запинаясь, но на повѣрку вышло, что услужливый столикъ приобрѣлъ болѣе правъ на довѣріе, чѣмъ сонная пифія. Напримеръ: одинъ господинъ принесъ запертой ящикъ. Спросили сомнамбулу, чтѣ заключается въ этомъ ящикѣ? —Перчатки.... отвѣчала она.—Нѣтъ.—Носовыя платки,—опять не угадала.—Спросили столикъ. Треногій предсказатель долго скрипѣлъ, двигался то въ ту, то въ другую сторону, наконецъ написалъ: *ничего*. Въ самомъ дѣлѣ въ ящикѣ ничего не находилось. Однако не очень вѣрьте столикамъ: иногда они своими предсказаніями вводятъ довѣрчивыхъ людей въ большіе хлопоты. Вотъ примѣръ: г-жа Ж*** встрѣтила, гдѣ-то на водахъ, молодаго человѣка очень милаго, образованнаго и прекраснаго собою. Его звали Эмиль Керуанъ. Эмиль былъ артистъ; онъ прекрасно рисовалъ и очень вѣрно снималъ портреты. Г-жа Ж*** была молода, богата и пригожа. Она недавно овдовѣла; у ней была толпа поклонниковъ и много жениховъ. Но вдовушка дорожила и своей свободой и своимъ добрымъ именемъ,—она была неприступна. Целестина,—такъ звали г-жу Ж***, —кажется, не имѣла никакихъ недостатковъ, кромѣ мечтательности и вѣры во все чудесное, во все фантастическое, можетъ быть, потому, что въ жилахъ ея текла германская кровь: мать ея была нѣмка. Одна ея пансіонская подруга давно просила у ней ея портретъ. Г-жа Ж***, познакоившись съ Эмилемъ, и зная, что онъ живописецъ, пригласила его къ себѣ и поручила ему написать съ себя портретъ. Молодой художникъ явился. Намъ неизвѣстно, сколько сеансовъ продолжалась работа г. Эмиля, сколько разъ Целестина позировала, но съ достовѣрностію извѣстно, что работа шла медленно. Однако все имѣетъ свой конецъ, и въ одно прекрасное утро портретъ былъ оконченъ. Въ тотъ день, когда Эмиль клалъ послѣдніе свѣтлые блики, молодой человѣкъ былъ очень грустенъ. Вдовушка примѣтила, что не разъ слеза дрожала на рѣсницѣ его и робкій вздохъ вырывался изъ стѣсненной груди. По врожденному женщинамъ любопытству, или, можетъ быть, по благопріобрѣтенному кокетству, желая вызвать объясненіе, Целестина спросила Эмиля о причинѣ его грусти.

— Вы сами вызвали меня на откровенность, отвѣчалъ онъ; вините же себя, если она вамъ не понравится. Я бѣдный художникъ, безъ роду и племени; зная мою ничтожность въ свѣтѣ, я строго смотрѣлъ за собою. Я удалялся отъ общества, въ особенности отъ женщинъ, могущихъ потревожить мое сердечное спокойствіе.... Вы пригласили меня снять вашъ портретъ.... Сначала я торопился окончить работу,

но рука меня не слушалась. мнѣ трудно было разстаться съ вами; я чувствовалъ, что въ сердцѣ моемъ зарождалась любовь, и хотѣлъ противопоставить ей разсудокъ, но страсть такъ уже укоренилась, что только ея воля преобладала во мнѣ, и я безъ сопротивленія глоталъ сладкую отраву любви.... Я все высказалъ вамъ, Целестина: я люблю васъ, богатую, знатную, прекрасную; я художникъ безъ имени, незамѣтный пигмей среди массы человечества, и потому люблю васъ безнадежно....

— Я знаю васъ, Эмиль, очень недавно, къ-тому же моя свобода не успѣла мнѣ наскучить; а главное, мужчины часто принимаютъ прихоть за любовь, и какъ только эта прихоть удовлетворена, прежняго чувства нѣтъ и въ поминѣ.

— Я не смѣю, Целестина, настойчиво просить любви вашей; я не буду васъ увѣрять, что это чувство глубоко, неизгладимо врезано въ мое сердце; я знаю бездну, раздѣляющую насъ, я знаю, вы не можете принадлежать мнѣ. Портретъ вашъ готовъ, — вотъ онъ. Прощайте.

Голосъ его дрожалъ, лице было блѣдно, и онъ, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Нѣтъ сомнѣнй, что этотъ разговоръ оставилъ слѣды на сердцѣ Целестины. Женщинѣ всегда лестно выслушать признанй въ любви, даже и тогда, когда она не раздѣляетъ этой страсти. Романическая головка г-жи Ж*** принадлежала къ числу тѣхъ головокъ, которыя обладаютъ самымъ пылкимъ воображеніемъ. Прекрасная Целестина очень мало кушала за обѣдомъ.

Погода стояла хорошая. Лѣто угощало природу своими послѣдними красными днями. Больные и небольшие посѣтители водъ собрались ѣхать верхомъ. Целестина также была приглашена. Веселая кавалькада, какъ шумный рой, повеслась изъ города, по живописнымъ окрестностямъ загорожья. Г-жа Ж***, въ сопровожденіи прусскаго полковника и сардинскаго дипломата, скакала впереди. Громко раздавался серебряный смѣхъ ея по лѣсамъ и перелѣскамъ. Вдругъ этотъ смѣхъ отрывисто затихъ, какъ будто среди шумнаго, живаго, веселаго *кресчендо*, какой-нибудь Мейербееръ поставилъ неожиданное *фермато*. Какъ ни любезничалъ дипломатъ, какъ ни острилъ полковникъ, она была не то чтобы печальна, но задумчива и безмолвна. При выѣздѣ изъ одного перелѣска, она увидѣла Эмиля. Молодой художникъ сидѣлъ, или, лучше сказать, полулежалъ на берегу рѣки. Онъ обхватилъ руками свою голову и былъ погруженъ въ такое раздумье, что не слышалъ ни топота коней, ни громкаго говора и веселаго смѣха Целестины и ея спутниковъ. Въ его положеніи,

его глубокой задумчивости было столько страсти, столько печали, что у чувствительной вдовушки навернулись слезы.

— Бяденькій! проговорила она тихо. Но вѣдь это не моя вина, — подумала она потомъ; это пройдетъ; время возьметъ свое, любовь минуетъ и пріятное воспоминаніе обо мнѣ заплатитъ ему въ будущемъ за настоящія страданія.

Вечеромъ у одной старой баронессы собрались пить чай. Почтенная дама только вчера получила изъ Парижа столикъ съ предданнымъ къ ножкѣ карандашемъ. Разумется, разговоръ зашелъ о столодыженіи и о предсказаніяхъ неодушевленныхъ предметовъ, послушныхъ новой силѣ. Принялись магнитизировать новопривезенный столъ, и вотъ онъ задвигался, записалъ. Ответы его были удачны. Онъ угадалъ, что баронессѣ 74 года, хотя она увѣрила всѣхъ, что ей только 58; рѣшилъ, что сардинскій дипломатъ былъ глупѣе всѣхъ; что всѣхъ моложе сердцемъ былъ прусскій полковникъ; что дочь банкира была влюблена въ звѣзды баварскаго генерала; что въ Гамбургѣ получены новѣйшія извѣстія изъ Америки и проч. Столъ говорилъ умно, дѣльно, отгадывалъ вѣрно, предсказывалъ вѣроятно.

Сначала Целестина едва замѣтила появленіе новаго оракула; ей грезился молодой живописецъ, на берегу рѣки, погруженный въ глубокую горестъ. Наконецъ и ей предложили вступить въ бесѣду съ намагнитизированнымъ столомъ. Она спросила: отъ чего сегодня известная ей особа была грустна?

— Онъ былъ въ отчаяніи отъ любви, написалъ столъ.

— О чемъ онъ думалъ, когда я его видѣла въ послѣдній разъ?

— Онъ обдумывалъ, какой избрать себѣ родъ смерти, и рѣшился застрѣлится.

Дѣйствительно ли онъ любить? продолжала она спрашивать.

— Да, отвечалъ столъ.

— Долго ли продолжится его любовь?

— До конца его жизни. — Целестина перестала дѣлать вопросы. Она жаловалась на головную боль, и ушла домой. Сверхъестественная сила, которая дѣйствовала такъ явно передъ ея глазами, давая удивительные ответы; Эмиль, замышляющій самоубійство; любовь до гроба... все это сильно волновало молодую женщину.

— Что жъ, думала она, я свободна, кто имѣетъ право осуждать мой выборъ, препятствовать наклонностямъ моего сердца. Предсказанія стола ясно говорятъ, что чувство, которое ко мнѣ питаетъ Эмиль, не мимолетная прихоть; этотъ молодой человекъ хороша собою, онъ уменъ, довольно талантливъ, но главное, онъ любитъ, любитъ меня

до безумія... Какое дѣло, что онъ бѣденъ: я такъ богата, что для насъ обоихъ достанетъ и одного моего состоянія....

На другой день г-жа Ж*** написала письмо къ Эмилю Керуану. Это письмо заключалось въ слѣдующемъ:

«Не умирайте. Пріѣзжайте ко мнѣ. Я люблю васъ. Живите для меня. Ваша Целестина».

Эмиль пріѣхалъ. Восторгамъ не было конца. Онъ плакалъ какъ ребенокъ, хохоталъ какъ безумный, осыпалъ поцѣлуями ея руки, прижималъ ихъ къ своему сердцу. Вдовушка алгла какъ іюньская роза отъ радости и надежды. Часы летѣли быстро. Они вполнѣ наслаждались жизнью. На другой день предположено было ѣхать въ Лангедокскій замокъ г-жи Ж***, чтобы въ тамошней старинной церкви, близъ праха отца и матери Целестины, совершить священный обрядъ брака. Женихъ и невеста поклонились никогда не разлучаться, и гостепріимный кровъ Лангедокскаго замка принялъ подъ свою сѣнь молодого художника.

Утромъ послѣ этого счастливаго дня Целестина встала поздно. Она сошла въ столовую, и нѣсколько минутъ дожидалась Эмиля. Видя, что онъ неидетъ, она велѣла позвать его завтракать, и очень была удивлена, когда слуга доложилъ ей, что г. Керуанъ куда-то вышелъ очень рано и еще не возвращался.

«Вѣроятно, какое-нибудь экстренное дѣло заставило его оставить на время меня», подумала она и сѣла завтракать. — Гдѣ же серебряная корзина для сухарей? спросила она у слуги.

— Я, сударыня, не нашелъ ее въ буфетѣ, отвѣчалъ слуга, да и шкафъ былъ отворенъ; я подумалъ, что вы изволили взять ее сами.

Это удивило г-жу Ж***; она пошла посмотреть въ буфетъ и увидѣла, что вмѣстѣ съ корзиной пропало все столовое серебро. Разумѣется, вышла суматоха, призвали полицію, стали обыскивать въ домѣ. Въ той комнатѣ, гдѣ ночевалъ Эмиль Керуанъ, нашли записку слѣдующаго содержанія:

«Прекрасная Целестина!

Благодарю васъ за гостепріимство и за тѣ сладостныя ласки, которыя въ упоеніи любви вы расточали для меня. Обстоятельства заставляютъ меня оставить васъ. На память о васъ я взялъ кой-какія бездѣлушки: столовое серебро, которое нашелъ въ буфетѣ, вынулъ изъ комода ваши брилліанты, и кстаті захватилъ свертокъ ассигнацій и банковыхъ билетовъ. Я пишу къ вамъ для того, чтобы вы никого не подозревали въ воровствѣ; своему же Эмилю вы, вѣрно, извините, что онъ не могъ разстаться съ вещами, принадлежавшими

взять. Воспоминаніе о вѣсѣ будетъ для меня всегда пріятно и на долго драгоценно. *Эмиль-Керуанъ*.

Сколько прекрасныхъ надеждъ, сколько сладкихъ заблужденій и теплыхъ вѣрованій похитилъ у вдовушки Эмиль вмѣстѣ съ ея серебромъ и банковыми билетами.

Безымянная сила, двигающая столы, обманула ее. Бѣдная Целестина! лучше бы, вѣрнѣе было тебѣ гадать по способу мечтательной Гретхенъ Гетевского Фауста, обрывая листки полевой маргаритки, приговаривая: «очень любить, любить, немножко любить, совсѣмъ не любить».

Кстати о маргариткахъ въ особенности и о цвѣтахъ вообще. Іезуитъ родомъ французъ, патеръ д'Иннарвилъ, въ бытность свою при китайской миссіи, былъ пораженъ красотою цвѣтка, видѣннаго имъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Пекина. Цвѣтокъ этотъ походилъ на видъ маргаритки, которая въ изобиліи растетъ въ южной Франціи, на берегахъ Средиземнаго моря, съ тою только разницею, что китайская маргаритка была выше, цвѣтокъ ея махровѣе, крупнѣе и яркаго пурпуроваго цвѣта. Іезуитъ собралъ сѣмена растенія, переслалъ ихъ въ свою отчизну; они взошли, выросли, растеніе дало цвѣтки, который своею красотою изумилъ французскихъ цвѣтоводовъ до такой степени, что собранъ былъ особый комитетъ изъ известнѣйшихъ любителей садоводства, для того, чтобъ дать новому цвѣтку имя. Этотъ комитетъ назвалъ новую переселенку французскихъ цвѣтниковъ, по ея сходству съ однородными ей маргаритками и въ честь королевы: *Королева маргаритокъ*. Нынѣшній годъ прекрасные потомки этой соотечественницы Конфуція первый разъ дали темносиніе и фіолетовые цвѣты. Поклонники флоры отъ нихъ въ восторгѣ; не налюбуются ими въ *jardin des plantes*. И въ самомъ дѣлѣ, Королева маргаритокъ неописанно прекрасна. Лепестки и листики цвѣтка подернуты тончайшимъ пухомъ, и кажутся бархатными, а когда поведешь по нимъ рукою, они скользятъ подъ пальцами, какъ атласъ. Въ томъ же саду, въ акватическихъ теплицахъ растетъ знаменитая *Victoria regia*, испанское водяное растеніе, о которомъ мы говорили въ Москвитинѣ въ 1851 году. Для этого титана царства прозлбаемыхъ надобно было выстроить особую теплицу, а корень и стебель растенія покрыть водою. Любо смотреть, какъ въ громадномъ бассейнѣ, на светлой полянѣ воды, покоятся круглые, огромные листы растенія. Но, по видимому, *Victoria regia* было скучно въ ея теплицахъ: видно и цвѣты любятъ также общество, какъ одушевленные, и подлѣ Викторіи появились

другія красавицы растительнаго царства изъ подводной области. До 1842 года, до появленія въ акватическихъ (водяныхъ) теплицахъ знаменитой Викторіи, мы по ботаническимъ руководствамъ знали не болѣе двадцати видовъ водяныхъ лилей. Теперь число ихъ возрасло до шестидесяти четырехъ. И какъ разнообразны, какъ прекрасны эти цвѣты, начиная отъ простой бѣлой рвчной лиліи и обыкновеннаго желтаго кувшинчика, до великолѣпной Викторіи; когда видишь, какъ они подъ стеклами теплицы тихо качаются, на струящейся водѣ, свои цвѣтки, невольно приходитъ въ мысль, не ундины ли, не морскія ли нимфы превратились въ эти обворожительные цвѣты. Вотъ подлѣ красавицы Викторіи покачивается *Eurigalia ferox*, не даромъ прозванная жестокою; не дотрогивайтесь до ея листьевъ: они вооружены рядомъ колючихъ остроконечностей, похожихъ на зубы акулы; они израняютъ вашу руку. Но посмотрите, возлѣ этого чудовища вынырнула *Нильская лилія* (*Gurpurus antiquorum*), любимица царственной рѣвки Египта и африканскаго солнца. Цвѣтокъ ея свѣжъ и нѣженъ какъ двѣнадцатилѣтняя красавица востока; приманчивъ какъ взглядъ одалиски, полонъ и соченъ какъ сладострастный поцѣлуй жемчужины гарема. Вы засмотрѣлись на нильскую лилію, вы забыли все васъ окружающее, а изъ воды робко на васъ смотрятъ «Водная недотрога» (*Neptunia*),—скромное растеніе, робкое какъ первая любовь. Не прикасайтесь къ ней: она стыдливо свернетъ свой бѣлый вѣнчикъ, и вы не увидите болѣе ея блѣдно-розовую чашу съ золотистыми пестиками. Но не одни только водяныя растенія привлекаютъ въ Ботаническій садъ любителя цвѣтовъ; тамъ вамъ покажутъ новой видъ Ацаліи (*Azalea crispiflora*) Ея пунцовые цвѣты роскошно махровы и достигаютъ до величины цвѣтка столической розы. Ужъ не думаетъ ли она перебить у древней царицы цвѣтовъ первенство въ очаровательномъ царствѣ растеній? Но кажется, не одна эта Ацалія замышляетъ соперничать съ розой: есть еще другая претендательница на первенство красоты, недавно появившаяся въ нашихъ теплицахъ съ береговъ Инда и отъ подошвы Гималаевъ; мы говоримъ о розовой лиліи, вывезенной докторомъ Величемъ (*Wallich*) изъ Калькуты. Дивная лилія! Цвѣтокъ ея величавою съ нашъ серебряный рубль; онъ имѣетъ пять розовыхъ лепестковъ, изукрашенныхъ темно-фіолетовою росписью. Посредствѣмъ каждого лепестка тянется тонкая черная полоска и изъ чаши выходятъ три пунцовыя тычинки, оканчивающіяся пестиками, осыпанными золотистою пылью. Эта разноцвѣтная индіанка похожа на прикованную къ стеблю прекрасную бабочку кашемирскихъ долинъ.

Грустно подумать, какое множество прекрасных цвѣтовъ гибнетъ въ рукахъ нашихъ модницъ, умирая на проволочныхъ стебляхъ, въ ихъ букетахъ. Но таково видно уделъ женщинъ, такова власть ихъ надъ нами, что все прекрасное, дорогое нашему сердцу, мы отдаемъ для удовлетворенія ихъ прихоти, и самый страстный цвѣтоводъ безъ сожалѣнія разстанется съ своими благоуханными нарядными любимицами, чтобы безвинно сослать ихъ изъ родимой теплицы въ букетъ любимой имъ женщины, или чтобы этими цвѣтами, брошенными къ ногамъ славной пѣвицы, выразить восторгъ, произведенный ея очаровательнымъ голосомъ. Но кто изъ насъ броситъ камень въ этого дилеттанта: что можетъ быть обворожительнѣе женщиной, когда она поетъ? Правду сказалъ знаменитый поэтъ: *La femme qui chante est sacrée même aux jaloux, même aux pervers!* Но чтобы достигнуть до этого нравственнаго могущества, чтобы заставить сердца покоряться очаровательной власти голоса, сколько предетонитъ трудовъ, какъ много нужно неутомимаго прилежанія? Люди, посвятившіе себя преподаванію этого искусства, равносностно старались, и теперь еще стараются облегчить для своихъ учениковъ этотъ тяжкій трудъ. Недавно г. Массе (Masset), только что получившій мѣсто профессора пѣнія въ парижской консерваторіи, издавъ двѣнадцать вокальных этюдовъ, люди знающіе дѣло съ похвалою отзываются о трудѣ г. Массе.

Пусть хлопочетъ молодой профессоръ объ образованіи голосовъ, пусть стараются объ этомъ другіе преподаватели, — Парижъ смотритъ на ихъ труды съ грустною улыбкою: онъ уже отвыкъ отъ мысли, что сценическія знаменитости рождаются, танцуютъ и поютъ для него. Наша сѣверная столица излечила добрый городъ королей французскихъ, великолѣпный Парижъ, отъ убѣжденія, что только въ его стѣнахъ можно наслаждаться искусствами. Въ этомъ дѣлѣ Петербургу помогли и Северо-Американскіе Штаты. — Жители этихъ заморскихъ республикъ недавно похитили у Европы славную Джени-Линдъ, и, увы! разжето, похитили нажегда. Знаменитая пѣвица вышла за-мужъ за богатаго американца Гольдшмита, и врядъ ли разстанется съ отечествомъ своего мужа. Барнумъ, злодѣй Барнумъ, который увезъ изъ Европы Джени-Линдъ, снова ѣдетъ въ Европу и везетъ съ собою вмѣсто сѣвернаго соловья — кого бы вы думали? — столѣтнюю кормилицу Вашингтона!... Хороша замѣна!.. Но зачѣмъ же Барнумъ везетъ эту старую развалину?... ужъ не показывать ли за деньги?.. Какъ вамъ не стыдно. — Можно за деньги показывать послѣднюю отрасль вырождающихся иценовъ, сіамскихъ близнецовъ, каяскихъ великановъ, лапландскихъ коряковъ, — когда хотите — даже

китайскаго ламу; но торговать личностію почтенной Мэри Брендвистъ, (такъ зовутъ престарѣлую кормилицу великаго президента), спекулировать женщиною, чья грудь кормила Вашингтона, о! этого не можетъ быть.... Мэри Брендвистъ ѣдетъ во Францію за наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ей покойнымъ Лафайетомъ. Правда, что предприимчивый Барнумъ предлагалъ ей для приращенія ея капитала обвѣзать съ нимъ Европу, но почтенная женщина на это не согласилась. Однако она вмѣстѣ съ ней сѣдъ на пароходѣ, и, какъ знать.... этотъ похититель молодыхъ пѣвицъ, можетъ быть, соблазнить и столѣтнюю кормилицу Вашингтона, уговорить ее показывать себя за деньги — и тогда, да падетъ стыдъ на его голову!

Между тѣмъ какъ пронырливый американецъ уговариваетъ старую негрятюшку позволить показывать свою ветхую личность за деньги, соотечественники его отправили цѣлый грузъ диковинокъ къ японскому императору, съ экспедиціею, которой поручено во что бы то ни стало войти въ сношенія съ Японіей. Въ числѣ разныхъ вещей, невиданныхъ Японцами, экспедиція должна представить ихъ повелителю модель желѣзной дороги съ паровозомъ и цѣлою цѣпью вагоновъ. Поймутъ ли велемудрые Японцы это диковинное нововведеніе? Чего добраго! Американцы добьются, пожалуй, учрежденія пароваго сообщенія въ Японіи, но вѣрнѣе, что сила паровъ останется еще надолго неизвѣстна этому народу, упорно избѣгающему всякаго рода сношеній съ чужеземцами.

Въ то время, когда Японіи угрожаетъ, по ея понятіямъ, ужасное бѣдствіе войти въ сношенія съ навязчивыми Американцами, припоминающими имъ насильственное вторженіе Англичанъ къ ихъ сосѣдямъ Китайцамъ, у этихъ сосѣдей идетъ ужасная суматоха. Инсurreкція растетъ и въ силѣ и въ размѣрахъ. Бунтовщиковъ не устрашаютъ отвратительныя гримасы, которыя дѣлаютъ храбрые тигры, ни тѣ страшныя маски, которыми привыкли воины Серединной имперіи пугать враговъ своихъ. Инсургенты заняли Нанкинъ еще въ прошломъ мартѣ. Войска Богдыхана нѣсколько разъ подступали къ городу, но не отважились сразиться съ толпами Тинъ-Тя, и при каждой вылазкѣ возмущившихся постыдно отступали безъ битвы. Но и Китайцы умѣютъ писать бюллетени не хуже бюллетеней Наполеоновской *Большой арміи*. Правительство распустило отпечатанную картину, изображающую мнимую побѣду, будто бы одержанную надъ инсургентами подъ стѣнами Нанкина. На этой картинѣ, копія съ которой помѣщена во французской Иллюстраціи, изображено бѣгство солдатъ Тинъ-Тя. Ихъ каррикатуры смѣшны до чрезвычайности, но побѣдители ихъ еще забавнѣе. Впереди богдыханскихъ легіоновъ идутъ

пять буйволовъ, связанныхъ вмѣстѣ, за ними следуютъ храбрые защитники Манжурской династіи, держа передъ собою безобразнѣйшія маски, чтобъ ими напугать непріятеля, и кромѣ того грозно морщатъ свои фізіономіи. Не знаемъ, успѣшно ли дѣйствуетъ эта хитрость на поборниковъ новой династіи и новой вѣры, но откровенно сознаемся, что на насъ Европейцевъ эти пугалы могли бы подѣйствовать *убійственно*:—мы *померли* бы со смѣху.

Торговля Китая много пострадала отъ происшедшихъ въ этомъ государствѣ смутъ. Впрочемъ этому и нечего дивиться, когда на биржахъ лондонской и парижской не рѣдко одни слухи, иногда нелѣпые, бываютъ разорительны для многихъ банкировъ. Въ последнее время курсъ фондовъ неизменно быстро возвышался и понижался попеременно, смотря по роду получаемыхъ извѣстій. Спекулятивный барометръ не всегда вѣренъ. Полагаясь на него, одни наживаются, другіе терпятъ все: часто кому-нибудь вздумается изъ своихъ выгодъ разгласить небывалое извѣстіе, и биржевой ажіотажъ начинается съ страстнымъ, безумнымъ увлеченіемъ. Это самая азартная и опасная игра изъ всѣхъ извѣстныхъ.

Теперь въ Парижѣ насталъ сезонъ спекуляцій. Годъ былъ неурожайный, и можно предвидѣть, что своего хлѣба Франціи не достанетъ, а неурожайный годъ для земледѣльца готовить всегда обильную жатву для капиталистовъ, которые умѣютъ жить чужимъ хлѣбомъ.

Но Французы не унываютъ; они и голодные умѣютъ веселиться, подавая имъ только публичныя зрѣлища. Недавно мы описывали парижскую панораму, представляющую видъ Америки, вотъ описаніе другой, которая изображаетъ предметы болѣе близкіе французскому сердцу. Посмотрите на это темносинее море: солнечные лучи рѣзко играютъ на волнахъ его, водами зеленѣетъ отлогій берегъ, направо чуть-чуть виднѣются желтоватые песчаные холмы. Предъ вами картина Средиземнаго моря живописной дельты Нила. Роскошная декорація медленно движется; море уходитъ. Вамъ кажется, что вы плывете по широкой рѣкѣ, берега которой не тѣснятъ ее ребрами крутыхъ скалъ, а покато сбѣжали къ ней, и съ своими хижинами, городами, пальмами, безпечнымъ народонаселеніемъ Фелахи смотрятся въ темное зеркало ея водъ. Вотъ на срединѣ гладкой поверхности рѣки всплеснулась одинокая волна, и изъ ней подымается голова крокодила. Чудовище съ удивленіемъ смотритъ на смуглокожихъ смѣльчаковъ, безпечно купающихся въ его заповѣдныхъ водахъ. Все это изображено такъ естественно, что вамъ становится страшно за рѣзвыхъ молодыхъ дѣвушекъ, беззаботно играющихъ въ струяхъ, согрѣтыхъ африкан-

скимъ солнцемъ; не бойтесь, крокодилъ не тронетъ ихъ, онъ пощадить едва начинающія развиваться прелести своихъ соотечественницъ. Оставьте ихъ и посмотрите лучше налво.—Видите ли эту длинную череду верблюдовъ—это караванъ. Медленно движется онъ вдоль отлогого берега; кажется, слышно, какъ плоское копыто смиренныхъ животныхъ погружается въ опущенъ песокъ степи, и ваша память чутко прислушивается къ знакомымъ звукамъ марша изъ симфоніи Фелициана-Давида *Le desert*. Но вотъ толпы народа на берегу становятся все гуще, гуще, по берегамъ виднеются прохожіе или поселеніе, вдуціе на ослахъ, вдали что-то мелькаетъ какъ будто въ туманѣ; это городъ,—вы приближаетесь къ Каиру. За массою зданій высятся отдаленныя пирамиды, эти громадыя памятники исчезнуваго величія, таинственныя руины великой книги судьбы. Столица Египта развернулась передъ вами съ своими высокими минаретами, красивыми мечетями, богатыми базарами, обширными площадями. Смуглые горожане толпятся на пристани, мужчины смотрятъ на васъ утрово, женщины, закутанныя въ бѣлыя чадры, вовсе на васъ не смотрятъ. Здѣсь разстаетесь вы съ кормильцемъ Египта, Ниломъ; предъ вами не блестятъ уже благодатныя волны, за чертою города замираетъ жизнь, засыпаетъ дѣятельность. Пустынная песчаная степь утомляетъ ваши взоры. Виднѣвшіеся вдали пирамиды все болѣе и болѣе приближаются къ вамъ. Но это однообразіе пустыни, сожженной южнымъ солнцемъ, видъ этихъ безжизненныхъ громадъ, безмолвныхъ свидѣтелей забытой старины, наводитъ на васъ безотчетную грусть; вамъ хотѣлось бы увидѣть отрадный оазисъ, встрѣтить живое существо; но здѣсь солнце иссушило всѣ источники, сожгло всѣ палмы, и кого вы увидите здѣсь? Развѣ пугливую газель, которая, ища прохладной тѣни, стѣвлюю пронесется мимо васъ, да ширококрылый орелъ, медленно описывая круги около вашей головы, тихо будетъ подыматься вверхъ, вызывая своимъ клекотомъ губительный самушъ, который задушитъ васъ своимъ дыханіемъ, и засыплетъ горячимъ вѣскомъ погибшаго странника.... Но вотъ что-то мелькнуло вдали: это несется толпа мамелюковъ; за ними скачетъ эскадронъ французскихъ драгунъ; вы ясно различаете дымы артиллеріи, медныя орудія, грозныя колонны гренадеровъ; отчаянно бросаются мусульмане на оцѣтенившееся штыками каре; меткіе, убійственныя выстрѣлы обращаютъ враговъ въ бѣгство, какъ степной вихрь уносятся они вдали съ грустными лицами, съ отчаяніемъ въ душѣ, провожаемые градомъ картечи и пуль; вамъ слышатся топотъ коней, брягъ оружія, гулъ выстрѣловъ, стонъ умирающихъ, проклятія побѣжденныхъ, радостныя клики побѣдителей.... и наконецъ ваши взоры останавливаются на молодомъ

художавомъ, блвднолицемъ генералъ. Онъ сидитъ верхомъ на свромъ конѣ, около него толпится рой его сподвижниковъ, онъ, кажется, присутствуетъ ихъ знакомою вамъ фразою: «сорокъ въковъ смотреть на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ». Даровитый художникъ Ланглюа (Langlois) написалъ эту чудесную панораму.

Французѣ восхищаются этою панорамою, которая напоминаетъ имъ славныя два народнаго любимца. Со времени реставраціи любовь ихъ къ побѣдителю подъ пирамидами не разъ слабѣла, но восшествіе на престолъ нынѣшняго императора снова пробудило восторгъ Французовъ къ его дядѣ. Но такъ ли бы онъ любилъ теперешнюю Францію, какъ любилъ ее во дни своей славы? Чтѣ сказалъ бы творецъ континентальной системы, увидя представителя Франціи на похоронахъ герцога Веллингтона? Это зрѣлище было бы для него такъ же тяжело, какъ для императора Карла V-го союзъ его сына Филиппа съ враждебною ему Франціею.

Сколько занимательныхъ фактовъ, сколько поучительныхъ уроковъ представляетъ намъ исторія этого государя. Карлъ V, императоръ Германіи, король испанскій, властитель Нидерландовъ и обѣихъ Индій, государь, въ предѣлахъ имперіи котораго не заходило солнце, монархъ, чтѣ въ полномъ развитіи своего могущества отказался отъ престола, удалился въ келью уединеннаго монастыря и пожелалъ заживо лежать въ гробу и слушать по себѣ панихиду — сколько думъ пробуждаетъ странная судьба его. Не менѣ замѣчательнъ былъ и сынъ его Филиппъ, король испанскій, вѣчно угрюмый, мстительный, набожный, хитрый и упрямый. Вѣнская академія, понимая міровое значеніе этихъ двухъ личностей, озаботилась собрать, изъ всевозможныхъ источниковъ, переписку Карла V-го и Филиппа II. Первый томъ уже вышелъ. Редакція этой любопытной книги возложена на г. Гамарда, молодаго нѣмецкаго ученаго, недавняго члена вѣнской академіи. Кромѣ этой переписки изъ новыхъ книгъ заслуживаетъ вниманіе для изучающихъ Исторію: *Histoire des réfugiés protestants de la France, depuis la revocation de l'édit de Nantes jusqu'à nos jours, par Ch. Weiss.* (Исторія протестантскихъ выходцевъ изъ Франціи со времени отмѣны Нантскаго эдикта до нашихъ временъ, г-на Вейса). Вотъ что говоритъ авторъ объ этомъ смутномъ времени: отмѣна Нантскаго эдикта кладетъ пятно на славу Людовика XIV. Первые годы его царствованія не предвѣщали такой неполитической мѣры со стороны величайшаго изъ королей Франціи. Но подъ конецъ своей жизни Людовикъ XIV все болѣе и болѣе поддавался вліянію Іезуитовъ, слѣпо повиновался г-жѣ Ментенонъ, и, уступая ея наущеніямъ, издалъ грозный эдиктъ. Въ средѣ Гуге-

нотомъ росъ Генрихъ IV, дѣдъ Лудвика XIV; онъ своимъ мудрымъ вліяніемъ усмирить вражду двухъ партій и спаялъ во-едино свое королевство. Это замиреніе внутреннихъ раздоровъ было величайшимъ дѣломъ великаго Генриха, память о которомъ и по сію пору дорога истиннымъ Французамъ. По смерти Генриха снова начались гоненія Протестантовъ. Кардиналь Ришелье, одною рукой поддерживая Гугенотовъ Германіи, другою поражалъ ихъ во Франціи, самъ предводительствуя войсками, самъ распорядясь осадою Рошеля. При Мазарини и Аннѣ Австрійской, междоусобія Фронды окончили полубавнымъ, полутрагическимъ образомъ внутренніе раздоры Франціи. Реформаты при началѣ царствованія Людовика XIV успокоились. Права ихъ почти были уравнены съ правами противной партіи. Дворянство мало придерживалось реформы; она болѣе всего развилась въ торговомъ и промышленномъ сословіяхъ. Эти люди не искали почестей, страшились внутреннихъ волненій, которыя до основанія колебали ихъ благосостояніе и препятствовали ихъ промышленной производительности.

Отмѣна Нантскаго эдикта совершенно измѣнила тогдашнее положеніе дѣлъ. Нѣкоторые изъ Протестантовъ приняли католическое исповѣданіе, большая же часть, покинувъ свое отечество, унесли съ собою богатство, образованіе, промышленность и даже общественные нравы въ другія земли. Правительство Людовика всячески старалось прекратить эти эмиграціи, но переселеніе Протестантовъ, не смотря на строгія мѣры короля, становились день отъ дня сильнѣе и значительнѣе. Саксонія, и въ особенности Бранденбургъ, нынѣшняя Пруссія, болѣе всего воспользовались этою политическою ошибкою Людовика; съ распростертыми объятіями встрѣтили они выходцевъ, которые были одного съ ними исповѣданія. Французскіе эмигранты оживили въ этихъ земляхъ промышленность и развили образованіе. Франція много теряла, лишаясь лучшихъ гражданъ своихъ, за то выигрывала германскія государства, пріобрѣтая людей полезныхъ для прогресса, торговли и образованности. Между тѣмъ отмѣна Нантскаго эдикта не уничтожила ереси.

По современнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число Протестантовъ относительно къ католическому населенію государства, осталось то же, какъ и при Людовикѣ XIV, не смотря на значительную эмиграцію. Потомки тогдашнихъ богатѣйшихъ эмигрантовъ теперь совершенно огерманились, и забыли родину своихъ отцовъ — а это для королевства не малая потеря. При жизни Людовика всѣ средства склонить его къ отмѣнѣ пагубной мѣры остались тщетными; онъ до конца своей жизни остался непреклоненъ.

Преемники его не могли приманить обратно французскихъ выходцевъ, — уже было поздно: они обжились на чужбинѣ. Все, что мы рассказали въ этомъ краткомъ очеркѣ, г. Вейсъ подробно, увлекательно изложилъ въ своей книгѣ, которая можетъ стать на ряду съ лучшими историческими сочиненіями нашего времени.

Вотъ еще новая книга: *Les aveugles et les sourds-muets, par M. Alexandre Rodenbach, membre aveugle de la chambre des Représentants etc. etc.* (Слѣпые и глухонѣмые, соч. Александра Розенбаха, слѣпца, члена палаты представителей и проч. и проч.) Книга эта, написанная слѣпцомъ, въ высшей степени занимательна. Г. Розенбахъ исчисляеть всѣ наслажденія тѣхъ несчастныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ онъ самъ. По прочтеніи его книги невольно уяснится въ сердцѣ искреннее соучастіе къ этимъ сиротамъ человечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастеть ваше душевное удивленіе къ мудрости Всеблагаго Промысла, вознаградившаго, по мнѣнію нашему, невознаградившыя потери нѣкоторыхъ чувствъ.

Вы ясно убѣждаетесь, по доводамъ слѣпца-автора, что и эти люди живутъ свои наслажденія, свои радости; что они могутъ достигать полного развитія умственныхъ способностей и замѣнять жизнью души то, что отнято у нихъ земной жизни ихъ тѣлесными недостатками. Книга эта раздѣляется на двѣ части: первая посвящена слѣпымъ, вторая глухонѣмымъ. Въ концѣ приложенъ снимокъ письменнаго разговора, который имѣлъ слѣпой авторъ съ глухонѣмымъ г-нѣмъ Массье.

Вотъ еще прекрасная книга: *Notice bibliographique sur la Boétie, l'ami de Montaigne, suivi de la servitude Volontaire par le docteur Rayen.* Поэтъ Бозцій, другъ Монтеня; умершій тридцати трехъ лѣтъ, оставилъ послѣ себя добрую славу какъ писатель, какъ человекъ и какъ другъ знаменитаго мыслителя. Господинъ Рэенъ, разбирая его жизнь и произведенія, вполне изложилъ заслуги равно похищеннаго смертію Бозція.

Знаменитый Ламене готовитъ свою исповѣдь. Нынѣ такой векъ, что всѣ хотять исповѣдываться публично, врядъ ли только этѣ исповѣди бывають чистосердечны, и врядъ ли кому приносятъ пользу. Говоря объ исповѣдяхъ, расскажем о любопытномъ завѣщаніи одного, какъ выразился Гоголь, *завсѣдателя* бордосской рестораціи, подъ вывескою *эблотаго жорля*.

Господинъ Го-Мартель, содержатель этой рестораціи, по врожденному любопытству и общезительности всѣхъ Французовъ вообще, а въ особенности Французовъ южной Франціи, рѣшилъ, во что бы то ни стало, сблизиться со всими обычными посѣтителями своего

заведенія. Это удалось ему со всеми, кромѣ одного. Этотъ одинъ былъ нѣкто г. Ламберъ—немножко, угрюмый старикъ, но человекъ очень кроткій, не взыскательный и хорошій платательщикъ. Каждый день Ламберъ являлся въ ресторацію подѣ вытѣскою Золотого якоря, и садился на своемъ обычномъ мѣстѣ. Стулъ его никогда никто не занималъ, такъ что старикъ, и опоздавъ иногда придти, былъ увѣренъ, что мѣсто у праваго окна было свободно. Повидимому, это вниманіе къ нему почитателей и хозяина ему нравилось, и иногда у него появлялась отъ того пріятная улыбка, самодовольствіе блистало въ глазахъ его, но онъ молча садился на свое мѣсто, спрашивалъ обычную чашку кофе, или рюмку ликеру, или кусокъ холодной телятины, бралъ *Journal des Debats*, который онъ читалъ преимущественно предъ другими, прочитывалъ листъ, другой, потомъ выкуривалъ двѣ, три сигары, и расплатясь съ хозяиномъ, уходилъ изъ рестораціи. Тщетно нѣкоторые почитатели и Го-Мартень старались вступить съ нимъ въ разговоръ Ламберъ: отдѣливаясь односложными отвѣтами, и въ звукахъ этихъ короткихъ отвѣтовъ слышалось столько досады и неудовольствія, что любопытные, начинавшіе разговоръ со старикомъ, сами спѣшили перервать его.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣвалъ Ламберъ, года за два до его смерти, постоянно каждый день появлялись три молодые человека. Часто у юнѣшей недоставало двухъ франковъ, чтобъ заплатить за свой скромный завтракъ, но они всегда были веселы, безпечны, доверчивы ко всякой надеждѣ. — Только бы немного денегъ, говаривали они между собою, только бы немного денегъ—и мы славно бы поднялись, ты бы, Ипполитъ: оставилъ своего агента и предался литературѣ; ты бы, Генрикъ, одѣвшись почище, былъ гораздо представительнѣе, и какая-нибудь богатая барыня рѣшилась бы тебѣ дать списать съ себя портретъ, а Клавдій не былъ бы вынужденъ изъ насущнаго хлѣба чертить за ничтожную плату мебельные рисунки, — онъ сдѣлался бы архитекторомъ; — а теперь, теперь мы безъ денегъ, точно подстрѣленные гуси.

— Да и потыкаемъ водичку, подхватилъ другой.

— Нѣтъ, господа, говорилъ третій: вчера я намазалъ вытѣску для москательной лавки, и сегодня мы не будемъ пить воды; эй, жадный, бутылку вина!

И трое друзей весело выпивали свою бутылку, не думая о завтрашнемъ днѣ, и нисколько не заботясь о томъ, что другіе могутъ слышать ихъ разговоръ.

Нѣсколько тому мѣсяцевъ назадъ, Ламберъ пересталъ посѣщать заведеніе Го-Мартена. Мѣсто его оставалось незанятымъ. Никто не

смыслъ сѣсть на его стулъ; всѣ какъ будто бы ждали, что старикъ неожиданно придетъ, и будетъ непріятно изумленъ, что другой сидитъ у его столика.

Разъ молодые люди, дивясь, вмѣстѣ съ другими, что старый не-людямъ такъ давно не былъ въ рестораціи, были еще болѣе удивлены четырьмя пригласительными билетами на похороны г. Ламбера, присланными въ ресторацію по городской почтѣ. Одинъ изъ этихъ билетовъ былъ адресованъ на имя хозяина, остальные три—на имена молодыхъ людей.

Въ назначенное время трактирщикъ и трое юношей явились къ выносу тѣла умершаго старика; они проводили его до кладбища, гдѣ къ нимъ подошелъ господинъ, одѣтый въ глубокой трауръ, вѣжливо приглашая ихъ пожаловать къ себѣ. Этотъ господинъ былъ извѣстный въ Бордо нотаріусъ.

— Милостивые государи, сказалъ нотаріусъ, когда они пріѣхали къ нему: вы почтили своимъ присутствіемъ похороны моего друга Ламбера. Это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ. Онъ подъ конецъ своей жизни чуждался людей, потому что люди нѣсколько разъ недостойнымъ образомъ обманывали его. Умирая, онъ сдѣлалъ меня своимъ душеприкащикомъ. Покойный имѣлъ прекрасное состояніе. Онъ завѣщалъ 100 т. франковъ на заведеніе небольшой богадѣльни для престарѣлыхъ матросовъ; 150 т. франковъ пожертвовалъ на больницу города Бордо; 100 т. фр. онъ назначилъ отослать въ лечебницу ума-лишенныхъ, чтобъ на проценты этихъ денегъ содержать безродныхъ идиотовъ. Онъ оставилъ значительный капиталъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ него составляли вторую премію послѣ Монтіоновской, и наконецъ, милостивые государи, завѣщалъ около 200 т. раздать бѣднѣйшимъ жителямъ города. Сверхъ того онъ поручилъ мнѣ выдать каждому изъ васъ по 30 т. франковъ. Вамъ, господинъ Го-Мартень, въ память того, что вы такъ были внимательны къ нему, оставилъ онъ эти деньги, въ надеждѣ, что вы еще лучше поведете дѣла свои, и просить васъ не отказывать иногда въ бутылкѣ вина какому-нибудь трудолюбивому бѣдняку; а вамъ, молодые люди, онъ оставляетъ по 30 т. фр. за то, что вы своимъ добродушнымъ, непритворнымъ веселіемъ и своимъ чистосердечіемъ мирили его съ человечествомъ, въ послѣдніе дни его жизни.

Съ тѣхъ поръ у трактирщика всегда была запасная даровая бутылка добраго бордо, а молодые люди часто вспоминали за за-вѣтнымъ столикомъ человеколюбиваго нелюдима.

Прилагаемъ въ заключеніе примѣчательное объявленіе, напечатанное въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Allgemeine Zeitung, подъ

заглавіемъ: Нѣчто совершенно новое и вмѣствъ въ высочайшей степени общепольное. Motto: Колумбово яйцо.

«Секретъ, основанный на крѣпкомъ фундаментѣ математики: 1) Всякіе общественные долги всѣхъ государствъ, безъ исключенія, въ не слишкомъ отдаленное время, уничтожить безъ помѣхи прежнимъ государственнымъ учрежденіямъ, и въ особенности безъ новаго или чувствительнаго обремененія податныхъ сословій. 2) Точно такъ же въ соразмѣрно краткомъ времени избавить города или корпораціи отъ возвысившихся на нихъ долговъ вслѣдствіе потребностей новаго времени; напротивъ, 3) возвести оныя до сильнаго благосостоянія при дальнѣйшемъ употребленіи указанныхъ средствъ погашенія по отстраненіи его предметовъ.

«Этотъ секретъ предлагаетъ нижеподписавшійся всѣмъ государствамъ, правительствамъ и городамъ, какъ плодъ продолжительнаго постояннаго изученія, за извѣстную награду, соотвѣтственную высокому значенію предмета.

«Средства для сей великой цѣли отличаются разительною простотою и вѣрностію; пущенныя въ дѣйствіе, они не могутъ быть остановлены никакими препятствіями.

«Чѣмъ раньше они употребятся, тѣмъ благодарнѣе успѣхъ; а потому медленіе для государствъ и городовъ послужить къ рѣшительному убытку. Будущее покажетъ, какія безчисленные послѣдствія повлечетъ за собою эта операція, на пути отъ долговъ къ благосостоянію. Больше, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, никто не предлагалъ; довольно упомянуть здѣсь, что вмѣсто обнищанія, котораго вообще опасаются, обнаружится, можетъ быть, никогда неизвѣстное благосостояніе, т.-е. удобство, счастье и успѣхъ; особенно торговля и промышленность получать высшее движеніе, а помѣщикъ прежнюю или еще большую цѣну, которою онъ за нѣсколько лѣтъ довольствовался.

«Письма по этому предмету адресовать, запечатанныя, съ буквою М., въ контору Генриха Фецера въ Стутгартъ, съ означеніемъ, какой награды можетъ онъ ожидать за сообщеніе своего секрета. Если до 1 января 1854 года дадутъ ему достаточныя удостовѣренія, на кои имѣетъ онъ право, то онъ, не медля ни минуты, сообщить планы операціи вмѣствъ съ обзоромъ результатовъ».

Признаться ли—мы сообщаемъ это извѣстіе безъ шутокъ, и думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ долженъ существовать какой-нибудь простой секретъ, тотъ или другой, основанный на кругообращеніи денегъ, пусть оно будетъ естественное или искусственное, которое можетъ содѣйствовать къ обогащенію государствъ и произведенію довольства до безконечности.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАГРАНІЧНЫХЪ ПИСЕМЪ (*).

Вилдбадъ. Хотя и говорить наша пословица, что гора съ горой не сходится, но здѣсь, совсѣмъ напротивъ, столкнулось нѣсколько горъ, и между ихъ подошвами, по узкому удолю, проложилъ себѣ дорогу Елецъ, стремительный потокъ изъ Чернаго лѣса, (Schwarzwald).

Живописное, очаровательное мѣсто! Всѣ горы покрыты лѣсомъ. Солнце озаряетъ ихъ постепенно то съ той, то съ другой стороны. Тѣни безпрестанно измѣняются. Лучи прокрадываются то тамъ, то здѣсь. А какъ хороша голубая дымка, которою, вечеромъ, даль покрывается, и которая темнѣетъ ежеминутно до полного мрака. Потокъ шумитъ, ударясь объ камни, лежащіе на пути его, и мчится въ неизвѣстную даль. Здѣсь надо читать Шиллера и Жуковского. Бѣлая пѣна разсыпается въ дребезги. Вода прозрачна какъ стекло. А воздухъ! Чистый, легкій, благоуханный!

Мы помѣстились здѣсь прекрасно, въ гостиницѣ *Медвѣдъ*. Хотя намъ предлагали комнаты въ первомъ этажѣ, но я предпочелъ верхнія, чтобъ видѣть изъ окошекъ горы.

На другой же день нзшелъ я нѣсколько Русскихъ, которые рассказали мнѣ чудеса о животворномъ дѣйствиі здѣшнихъ водъ. Къстати оборотить пословицу: Дай Богъ ихъ устами медъ-воду пить.

(*) Въ отрывки изъ писемъ, которые были напечатаны во время моего отсутствія, вкралось нѣсколько опечатокъ, на пр. о Риттеръ (N 16, стр. 165) у меня сказано было, что онъ обошелъ 16 частей этого конечнаго, (упомннаемаго въ надписи къ его портрету), то-есть навѣстятъ своей географіи 16 томовъ, а въ Москвитинѣ поставлено 19. На с. 167 пропущена цѣпа берлинскаго путеводителя: два гроша съ половиною. С. 185 «Пирнау», чит. Пирну. С. 186, вмѣсто «Тьеру», читай: Тиеру, (памятникъ въ Лейпцигѣ). Стр. 186 «пріятны прогулки», читай: пріятныя прогулки. «Доброе желаніе», читай: доброе желаніе. N 17, с. 3, «Бремская», читай, бременская. С. 7, Лароне Жакелена, читай: Ларонъ-Жакелена. С. 13, «моихъ», читай: своихъ, т.-е. Вердеръ разспрашивалъ меня о московскихъ своихъ знакомыхъ, а не о моихъ. С. 15, «цѣлесообразность», читай: цѣлесообразность. Стр. 15, «часто ли», читай: не часто ли. Стр. 16 Вильгердингена, читай: Вильфердингена—Неговорю о томъ, что многіе перерывы, вслѣдствіе сдѣланныхъ исключеній изъ писемъ, оказались слишкомъ рѣзкими, не имѣя даже звяковъ раздѣленія; описаніе Клеммона музея и объявленіе о новой его книгѣ, понали, вмѣсто примѣчаній, въ текстѣ; извѣстіе о новомъ парижскомъ обществѣ водъ должно слѣдовать за описаніемъ житія на водахъ, стр. 3, и проч.

На прогулкѣ встрѣчаешь безпрестанно больныхъ, разбитыхъ параличемъ, или лишенныхъ употребленія рукъ и ногъ, которыхъ возять въ креслахъ. Вообще видно, что сюда тѣдять лечиться, а не убивать время.

Мнѣ рассказывали объ Султановомъ садовникѣ, который привезенъ былъ сюда недавно почти безъ движенія, и началъ здѣсь ходить порядочно.

Леченіе состоитъ въ ваннахъ. Воды никто еще не могъ разложить, какъ и въ Гастейнѣ. Теплые ключи бьютъ изъ земли въ каждой ваннѣ. Многіе находятъ особое удовольствіе сидѣть въ ваннѣ. Я могу сказать только, что здѣсь сидѣть было мнѣ не такъ скучно, какъ въ Эмсѣ. Пьютъ здѣсь очень мало, и то, можетъ быть, безъ нужды, а отъ нечего дѣлать по утрамъ.

Гостинница *Медельд* превосходная: чисто, учтиво, вкусно и дешево: рекомендую ее всѣмъ, кому случится быть въ Вильдбадѣ.

Вставалъ я здѣсь въ пятомъ часу утра; до половины шестаго ванна, потомъ отдыхъ, два стакана воды, часовая прогулка,—и вожделѣнный кофе! Прочтешь что-нибудь, и отправляешься опять гулять по горамъ. Обѣдъ въ часъ, и новыя прогулки по горамъ и лѣсамъ до захожденія солнца, до десятаго часа, когда начинается тебѣ клонить сонъ....

На досугъ и просторѣ мысль останавливается часто на тѣхъ предметахъ, по которымъ скользить среди заботъ и суеты ежедневной нашей жизни. Какъ расточаемъ мы время, что искупать повелеваетъ Мудрый! Сколько пустаго во многихъ нашихъ занятіяхъ, которымъ посвящаемъ мы все свое вниманіе. А отъ высшихъ человѣческихъ вопросовъ какъ отвыкаемъ мы непримѣтно для самихъ себя, дѣлаясь какими-то машинами смышленными. Басню Крылова, о счастьи трекъ братьевъ, которые употребили его, каждый по своему, можно приложить ко многимъ нашимъ занятіямъ. Изъ чего часто хлопочемъ, и, по выраженію Грибоедова, бѣснуемся мы столько! А смерть приближается....

Послѣ вильдбадскаго курса оставался у меня мѣсяцъ, который я могъ употребить по усмотрѣнію на необходимую прогулку, предъ возвращеніемъ во-свояси. Я рѣшился исполнить давнишнее мое намѣреніе и отправиться въ Нормандію, чтобъ осмотрѣть слѣды Норманновъ, и познакомиться съ тамошними учеными, а дѣтей кстати оставляю

въ Парижъ позабавиться, съ М. С. Ш., который проситъ убѣдительно захватить за нимъ въ Баденъ-Баденъ, и показать столицу міра.

Наканунъ моего отъѣзда получилъ я письмо изъ Ульма, отъ профессора Тафеля, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что ѣздилъ нарочно въ Эмсъ, познакомиться со мною, по сходству нашихъ занятій, (его предметъ—древняя Византійская исторія), но пріѣхалъ туда на другой день послѣ моего отъѣзда, и, къ сожалѣнію своему, услышалъ тамъ, что я отправился въ Парижъ. Жаль мнѣ стало старика, что онъ прокатился даромъ. Вздумалъ было заплатить ему визитъ, и слетать теперь нарочно въ Ульмъ, но рѣшился отложить это посѣщеніе до возвратнаго пути, хоть и завду теперь въ Стутгартъ.

Чтобъ подать вамъ понятіе, какъ разсчитываются минуты въ путешествіяхъ, сообщу вамъ причины новаго моего рѣшенія. Нынѣ понедѣльникъ, 1⁵/₂ августа.

Я кончу всѣ свои дѣла завтра къ 8 или 9 часамъ утра, а омнибусы и дилижансы въ Дурлахъ отходятъ отсюда въ 6, слѣдовательно намъ должно дожидаться слѣдующаго утра. Въ Дурлахъ пріѣхать можно къ часу, а оттуда до Баденъ-Бадена по желѣзной дорогѣ ѣзды часа четыре. И такъ, въ Баденъ мы были бы завтра вечеромъ. Но что же дѣлать въ Вильдбадѣ цѣлый день? Я вздумалъ вѣхать въ Стутгартъ, куда дилижансы отходятъ нынѣ въ 9¹/₂ часовъ, и приходитъ въ 4 послѣ обѣда, чтобъ оттуда, взглянувъ на городъ, и познакомясь съ священникомъ нашимъ, Базаровымъ, отправиться съ послѣднимъ поѣздомъ въ Гейльбронъ. Тамъ увидѣться съ Кернеромъ, авторомъ Ясновидящей Преворотской и многихъ другихъ фантасто-мистическихъ сочиненій. Поутру изъ Гейльброна по Некару на пароходѣ отплыть въ Гейдельбергъ, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Баденъ-Баденъ, завтра къ вечеру, также какъ и въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ вмѣсто вильдбадскаго пустаго дня мы увидимъ Стутгартъ, Гейльбронъ и все почти теченіе Некара.

А чего стоить это путешествіе, почти круговое, которое займетъ времени слишкомъ двадцать часовъ на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ, и въ дилижансѣ? Съ небольшимъ двадцать р. ас. Вотъ до какой дешевизны или удобства доведены здѣсь средства сообщенія, и потому всѣ мѣста заняты бываютъ почти всегда вездѣ.

Рѣшено. Мы повхали.

Часа два дорога шла все въ гору, слѣдственно шагомъ. Присоедините тѣсноту и духоту, и вы живѣе почувствуете благодѣянія желѣзныхъ дорогъ, къ которымъ мы успѣли уже привыкнуть.

Въ Кальвѣ, на половинѣ дороги, плохой обѣдъ.

Въ Стуттартѣ я тотчасъ отыскалъ достойнаго нашего священника Базарова, который сдѣлался извѣстенъ всей Россіи своимъ описаніемъ послѣднихъ минутъ Жуковскаго. Разумается, первымъ предметомъ нашего разговора былъ огнь. Есть кака-то необходимая потребность, при подобной встрѣчѣ, слышать изъ устъ очевидца, живаго свидѣтеля, повтореніе всего, что знаешь о такихъ священныхъ минутахъ.

Жилище отца Базарова оставило во мнѣ очень пріятное впечатлѣніе. Его образа, картины, портреты, книги, даже расположеніе комнатъ, чистыхъ, просторныхъ, безъ роскоши, но со вкусомъ убранныхъ, таковы, что нельзя не пожелать подобныхъ жилищъ всѣмъ его достойнымъ собратіямъ, въ столицахъ, городахъ нашихъ и деревняхъ.

Отецъ Базаровъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе о разныхъ статьяхъ, явившихся въ последнее время по журналамъ о нашей церкви, и даже въ хвалу ей. Встрѣчаются ратники въ враждебныхъ станахъ, которые не чуждаются уже ея знамени. Всего нужнѣе теперь знакомить ихъ съ нашимъ учевіемъ обстоятельно и подробно. *Presse religieuse* очень благосклонна къ намъ, и помѣстила недавно замѣчательную статью по поводу переведеннаго къ-то «Голоса православія», изъ прибавленийъ къ Твореніямъ святыхъ отцевъ, издаваемыхъ въ Троицкой академіи.

Говоря о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ, я услышала о докторѣ Бартѣ, который живетъ въ Кальвѣ, (гдѣ мы нынѣ обѣдали), ведетъ переписку почти со всѣми миссіонерами, и издаетъ общій для нихъ журналъ.

Второе занятіе этого отшельника—изданіе книгъ для дѣтей, кои я выписалъ для себя, чтобъ посмотреть, не можемъ ли мы употребить ихъ въ пользу для себя, какъ образцы, или въ переводъ.

Да, въ послѣднее время умножилось, кажется, по всѣмъ европейскимъ землямъ число этихъ благородныхъ труженниковъ, которые, познавъ суету всего политическаго, рѣшились посвятить себя частнымъ изслѣдованіямъ, и въ тишинѣ своей кабинетовъ трудятся спокойно надъ любимыми своими предметами, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлахъ міра сего.

Мы прогулялись потомъ по городу, взглянули на прекрасный садъ передъ дворцомъ, поклонились статуѣ Шиллера, который здѣсь, и въ Лудвигсбургѣ, провелъ свою молодость (*),—потомъ напились чаю, давно уже съ такимъ вкусомъ не питаю, и явились къ послѣднему сроку на станцію желѣзной дороги.

Въ Стуттартѣ, впрочемъ, достопамятностей для обозрѣнія путешественникамъ мало. Мнѣ случилось кого-то спросить въ Вильд-

(*) Послѣдній сынъ Шиллеровъ, въ живыхъ находящійся, живетъ въ Стуттартѣ, занимая должность обер-форст-мейстера.

бавъ: что есть особенно примѣчательнаго въ Стуттартѣ? Великая Княгиня Ольга Николаевна, получилъ я въ отвѣтъ.

Къ прискорбію моему, Великой Княгини не было въ городѣ, и я не могъ ей засвидѣтельствовать своей глубокой благодарности за пощепенія, коими Она нѣсколько разъ удостоивала мое Древлехранилище.

Въ 7 часовъ отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Гейльбронъ. Потѣздъ останавливался безпреставно, потому что здѣсь, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, имѣють цѣлю доставить удобство сообщенія всемъ жителямъ мѣстъ, по пути лежащихъ.

Завязался разговоръ съ сосѣдомъ, конскимъ охотникомъ, изъ Ганновера, который ѣздилъ осматривать виртембергскіе заводы, и до такой степени былъ, видно, еще полонъ своего предмета, что не смотря на мои односложные отвѣты, и, вѣроятно, невѣжественные вопросы, сообщалъ мнѣ подробное описаніе всѣхъ здѣшнихъ матокъ, и самыми живыми звуками выразилъ свое удивленіе, какимъ образомъ въ Стуттартѣ могъ завестись подобный заводъ. Подъ конецъ я расхохотался, вспомнивъ свой знаменитый разговоръ о Бычкѣ съ покойнымъ Д. П. Г.—Ахъ, еслибъ онъ случился теперь на моемъ мѣстѣ!

Въ Гейльбронъ пріѣхали мы поздно. Пока получили вещи и отыскали гостиницу, пробило десять часовъ на городской башнѣ, но я все-таки рѣшился отправиться къ Кернеру. Это покровитель всѣхъ духовъ, призраковъ и видѣній: следовательно часъ полуночи самый приличный для его посѣщенія. Хозяинъ мой однако же останавливалъ мой порывъ, сказавъ, что Кернеръ живетъ въ Вейнсбергѣ, маленькомъ городкѣ, *eine gute Stunde* отъ Гейльброна. Следовательно ѣхать къ нему теперь нѣтъ никакой возможности. Я велѣлъ нанять себѣ коляску къ 5 часамъ утра, чтобъ успѣть воротиться ко времени отплатитія пархода, и усталый повалился на постель.

Въ 5 часовъ коляска была готова съ нѣмецкой аккуратностію и надбавкой цѣны.

Дорога прелестная между виноградниками и живописными холмами.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ личностію этого человека, чтобъ получить понятіе, въ какой мѣрѣ можно вѣрить его показаніямъ, и какую долю изъ надо приписать его естественному расположенію и настроенію духа, потому что объ умыленномъ обманѣ не можетъ быть рѣчи, судя по всемъ отзывамъ, ученыхъ и не ученыхъ, кои я слышалъ о Кернерѣ. Съ другой стороны мнѣ хотѣлось сообщить ему нѣсколько случаевъ, въ его родѣ, историко-критически мною дознанныхъ, проверенныхъ и несомнѣнныхъ ни въ какомъ отношеніи. Такіе случаи я считаю драгоценными, въ сравненіи со множествомъ другихъ, хотя достоверныхъ, но такихъ, кои засвидѣтельствованы

необычны, оставляють мѣсто для другихъ объясненій, и следовательно не могутъ быть употреблены въ дѣло при разсужденіи, между тѣмъ какъ одно событіе непреложное влечетъ за собою цѣлый рядъ заключеній—въ безконечность... и вѣчность.

Пріѣзжаемъ въ Вейсбергъ, поднимаемся на гору.—Знаешь ли ты, гдѣ живетъ Юстинъ Кернеръ? спросилъ я извозчика.—Какъ не знать стараго Кернера, отвѣчалъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ, Кернера знаютъ здѣсь все, какъ мнѣ случалось, прежде и послѣ, зимовать.

Звоню въ колокольчикъ. Выходитъ дѣвочка.—Всталъ ли г. Кернеръ?—Его нѣтъ дома.—Гдѣ же онъ?—Уѣхалъ.—Куда?—Въ Вильдбадъ.

—Какъ, въ Вильдбадъ: — я самъ вчера изъ Вильдбада, его тамъ не было. Кто есть дома постарше? — Маменька. — Отведите меня къ маменькѣ.

Мы поднялись по лѣстницѣ, и на встрѣчу намъ вышла женщина, лѣтъ тридцати, пріятной наружности, къ которой я и отнесся. Это дочь Кернера, переѣхавшая къ нему въ домъ на время его отсутствія, а онъ уѣхалъ точно для здоровья своей жены въ Вильдбадъ, куда извозникъ, по ея словамъ, обѣщалъ привезти его именно вчера. Какая досада!

Я попросилъ хозяйку показать мнѣ по крайней мѣрѣ его портретъ, и она повела меня въ гостиную.

Мы разговорились объ ея отцѣ и вообще семействѣ. Между тѣмъ какъ я разсматривалъ портреты и картины, развѣшанные по стѣнамъ, вдругъ взглядъ мой остановился на статуѣ, во весь ростъ, въ уменьшенномъ видѣ — Жуковского. Какъ онъ явился здѣсь? «Это вѣнскъ соотечественникъ, вы узнаете его!» Какъ же!—Но какъ онъ попалъ къ вашему отцу?—«Отецъ былъ знакомъ съ нимъ, и даже близок».

(Послѣ я имѣлъ честь слышать отъ кн. А. М. Г., что Жуковский поручилъ переводить Странствующаго Жида Кернеру, которому и разсказалъ содержаніе задуманной своей поэмы. Познакомились же они въ Бадень-Бадень. Отъ князя я слышалъ также о двухъ послѣднихъ стихотвореніяхъ Кернера, весьма удавшихся: первое—Посланіе къ Виртембергскому королю, котораго проситъ онъ о помилованіи его сына, изгнанника, провинившагося въ мятежахъ 1848 г., второе—Посланіе къ сыну, которому объясняетъ, что такое истинная свобода.

Изъ комнатъ, гдѣ все говорить о благочестіи хозяина, любезная дочь Кернера повела меня въ его садъ.

Пробираясь по дорожкамъ, вдругъ я обернулся какъ-то въ сторону, и увидѣлъ передъ собою лѣпное Распятіе, приложенное къ обширной глухой стѣнѣ, все въ зелени; — только глава Спасителя видна была изъ-за густыхъ листьевъ плюща или винограда. Надъ

главою во всю длину стѣны слова изъ Евангелія, какъ будто произносимыя Самимъ Божественнымъ Страдальцемъ. Не помню, какія именно были эти слова, но они поразили меня до глубины сердца, и впечатлѣніе осталось на долго.

Въ оградѣ сада находится одна древняя башня, изъ среднихъ вѣковъ, принадлежавшая къ укрѣпленіямъ города. Видъ съ башни очень обширный. Всего ближе какой-то замокъ, откуда жены вынесли на плечахъ своихъ мужей, вслѣдствіе позволенія императора Конрада, выйти изъ города и взять съ собою, что угодно, — а городъ долженъ быть преданъ огню и мечу за сопротивленіе жителей. Императоръ за такую вѣрность женъ простилъ мятежниковъ. Теперь вынесли ли бы жены въ подобномъ случаѣ мужей на своихъ плечахъ? Другія времена, другіе нравы!

Между тѣмъ надо было спѣшить назадъ. Я поблагодарилъ еще разъ любезную хозяйку, попросивъ ее выразить мое сожалѣніе отцу ея, — и отправился скорѣе назадъ, чтобъ не опоздать на пароходъ.

Проглотивъ кое-какъ завтракъ, мы пустились въ путь.

Пароходъ полнехонекъ. Берега Некара славятся своими прелестями. Отсюда прилетѣлъ ангелъ, котораго спрашивалъ Жуковский:

Кто ты, ангелъ свѣтлоокой,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой.
«Прилетѣлъ я изъ прекрасной
Полуденной стороны,
Гдѣ безъ зноя небо ясно,
Гдѣ предѣлъ молодой весны;
Гдѣ надъ Некаромъ дубровы
Сънолиственнымъ шумятъ,
Гдѣ на холмахъ пурпуровый
Созрѣваетъ виноградъ....»

Эти стихи не сходили у меня съ языка, я повторялъ ихъ про себя, и немецкимъ моимъ спутникамъ, съ которыми вскорѣ познакомился, чтобъ подать имъ понятіе о русскихъ звукахъ, отнюдь не такъ грубыхъ, какъ многимъ изъ нихъ кажется.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кое-что объ успѣхахъ Новороссійскаго края.—Одесса: литературная ея дѣятельность, спектакли, концерты, благотворительныя заведенія.—Возобновленіе скитовъ и храмовъ въ Таврической губерніи.—Крестные ходы въ Херсонской губерніи.—Губернскія Вѣдомости края; спектакли: публичныя и любителей.—Выставка сельскихъ произведеній въ Херсонѣ.—Шерстомойныя заведенія.—Шелководство Таврической губерніи; пароходы въ край.—Земли Войска Донскаго.—Памятникъ графу Платову. Открытіе женскаго института etc.

Слѣдя за развитіемъ внутренней жизни Россіи, невольно останавливаешь вниманіе на Новороссійскомъ край: его успѣхи поразительны, не смотря, что онъ такъ недавно существовать.

Последнее время можно назвать эпохой духовно-религіознаго возрожденія его: среди Таврическихъ горъ возобновляются древніе скиты; среди Ногайскихъ степей возникаютъ храмы, при нихъ училища; въ Одессѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Бахчисараѣ учреждаются крестные ходы: они совершаются при стеченіи жителей всѣхъ соседнихъ губерній; въ торжествѣ участвуютъ *иновѣрцы*, составляющіе главнѣйшую часть народонаселенія; во многихъ мѣстахъ края воздвигаются храмы Божіи, напр. въ незначительномъ селеніи Коренихъ, Одесскаго уѣзда, построена въ этомъ году церковь, которая стоила до 160,000 рублей.

Учрежденіе внутреннихъ пароходныхъ сообщеній, выставокъ произведеній сельскаго хозяйства, конскихъ скачекъ и пр., оживляя дѣятельность жителей, содѣйствуетъ ихъ благосостоянію. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждаются: публичныя библіотеки, пансіоны для дѣвицъ, еврейскія гимназіи, постоянные театры, даются постоянно концерты европейскими музыкальными знаменитостями—все это обновляетъ или возрождаетъ общественную жизнь края, подвигаетъ впередъ образованіе.

Съ грустнымъ чувствомъ должны признаться, что только литературнаго движенія незаметно въ жизни края, исключеніе за одной Одессой. Литературная дѣятельность ея преимущественно сосредоточивается около двухъ обществъ: Любителей Исторіи и Древностей, и Сельскаго Хозяйства Южнаго края Россіи. «Записки», результатъ ихъ дѣятельности, ежегодно издаваемыя ими, отличаются разнообразіемъ, богатствомъ, полнотой. Не распространяемся о нихъ:

читатели встрѣчали ужъ въ журналахъ полныя критическія разборы ихъ. Первое мѣсто между другими періодическими изданіями Одессы принадлежитъ «Новороссійскому календарю», изд. Риппельевскимъ лицеемъ. Это прекрасное изданіе въ Россіи. Обнимая въ несколькихъ отдѣлахъ все замѣчательнѣйшія проявленія общественной жизни края, въ ея многостороннемъ развитіи, оно представляетъ вѣрныя, полныя данныя для исторіи, статистики его. Чтобы познать читателя съ движеніемъ разнo-элементарнаго народонаселенія его, выпишемъ изъ календаря, составленнаго на нынѣшній годъ, такъ же тщательно, такъ же полно, какъ и въ прежніе годы:

«Въ епархіяхъ Кишиневской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической въ прошломъ году родилось христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій, магометанъ и караймовъ 130,570, (66,119 муж. и 64,461 жен. пола), бракомъ сочеталось 36,634.» Чтобы дать понятіе объ успѣхахъ просвѣщенія, скажемъ, что въ Одесскомъ учебномъ округѣ считалось, въ томъ же году, 589 училищъ, принадлежащихъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, учащихся 1,049, учащихся 15,094; 18 училищъ духовнаго вѣдомства, учащихся 71, учащихся 2,440. Нельзя не обратить вниманія на три статьи, напечатанныя въ Календарѣ за этотъ годъ: «Историко-статистическое описаніе еврейскихъ колоній Новороссійскаго края» Захарьевича, «О вышней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи» Сокольскаго, и «Одесская богадельня сиротъ и сестеръ» А. С. Стурдзы. Въ изданіи Календаря постоянно участвуютъ профессора лицея, исторіографъ края А. А. Скалковскій, знаменитый А. С. Стурдза и др. Это участіе ужъ достаточно ручается за блестящее исполненіе цѣлей изданія. Изъ другихъ изданій, обращающъ на себя преимущественное вниманіе Одесскій Вѣстникъ и Journal d'Odessa. Въ первомъ печатаются извѣстія художественныя, литературныя, рецензіи, статьи статистическія, историческія, чисто-литературныя. Изъ отдѣльныхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году, укажемъ на «Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края», часть 2, Одесса, 1853 г.

Это продолженіе «Статистическаго описанія Новороссійскаго края», первая часть котораго увѣнчана Демидовской преміей, составляетъ собственно «хозяйственную статистику». Содержаніе ея: 1) хлѣбопашество, 2) садоводство, 3) скотоводство, 4) рыбныя промыслы, 5) соляныя промыслы, 6) каменноугольныя промыслы, и 7) мраморныя промыслы. Вотъ что говоритъ о новомъ трудѣ Скалковскаго «Императорское Вольное Экономическое Общество»: для любознательнаго человека, къ какому сословію онъ ни принадлежалъ бы, книга г. Скалковскаго есть дра-

гощивость, потому что она ознакомливает его вполне удовлетворительно съ краемъ такимъ, который, сдѣлавшись недавно еще принадлежностью Россіи, можетъ, по справедливости, назваться *садомъ и вертоградомъ* нашей огромной имперіи, для Новороссійскаго же хозяина и для желающаго сдѣлаться хозяиномъ этого великолѣпнаго края, книга г. Скальковскаго сущій кладъ, открывая, какъ тому, такъ и другому, сокровищницу важныхъ хозяйственно-статистическихъ фактовъ, служащихъ къ созиданію того стройнаго зданія, которое называется правильнымъ, рациональнымъ хозяйствомъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ приветствуемъ этотъ превосходный трудъ почтеннаго сочлена нашего, и не можемъ не пожелать, чтобы, если не каждая губернія Россіи, то хотя главные ея мѣстности, западныя, восточныя, центральныя, сѣверныя, нашли для себя дѣятеля, каковъ Скальковскій и проч. «Послѣ труда г. Скальковскаго, укажемъ на «Исторію Русской Церкви» и «Письма о Богослуженіи Православной Церкви», А. Н. Муравьева, переведенныя на греческій языкъ ученымъ Вальяно. Книга эта особенно полезна для одесскаго греческаго юношества.

Въ Одессѣ же вышелъ въ свѣтъ 2 брошюры: *Благочестіе въ колыба*, переводъ отъ русскаго языка, и *Азга*—тоже переводъ; третья же вышла въ С.-Пб. Райна, Болгарска Царкыня, приказъ на А. О. Вельтмана. Преведе отъ Рускы Елена Мутьева. Всѣ три изданы «на калюферско-то училище», т. е. въ пользу калюферскаго училища. Оно получило свое названіе отъ села Калюфера, которое находится близъ Оракіи, у подошвы Балканскихъ горъ.

Съ легкой руки покойнаго Венелина и Априлова, литература Болгаръ такъ быетро развивается. Въ Константинополь, Вѣнѣ, издаются журналы, въ которыхъ печатаются по большей части статьи, разрабатывающія памятники болгарской литературы; въ городахъ и селахъ учреждаются народныя училища; правда, въ нихъ предоставляется юношеству пока одно первоначальное образованіе: Болгаре еще не могутъ основать болѣе реальныхъ заведеній: препятствія со стороны греческаго духовенства; но, не смотря на это, уже возможно предположеніе, что Болгаре скоро займутъ приличное *мѣсто въ литературномъ оживленіи Западныхъ Славянъ, и скоро явятся и болгарскіе поэты*. (См. Ж. М. Н. Пр. за 1848 годъ). Последняя брошюра имѣетъ историческое значеніе: въ ней разсказывается о смутахъ, въ царствованіе болгарскаго царя Петра, между Болгарами и Греками, несчастіяхъ, постигшихъ Райну, дочь царя Петра, вѣтѣи Святославомъ Переславца, столицы Болгарскаго царства, объ освобожденіи изъ плѣна Райны и проч.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ отрадномъ явленіи въ жизни края: богата Таврида прелестями природы, ея произведеніями, климатомъ, богата историческими воспоминаніями, памятниками старой старины, не даромъ она слыветь русской Италіей; но *«преходитъ образъ міра сего»*: искусство оспариваетъ ихъ у времени,—является живописный и историческій альбомъ Тавриды, изд. г. Вильнева. Все изданіе будетъ состоять изъ 25 выпусковъ. Цѣна всего изданія 50 рублей серебромъ, каждая тетрадь изъ 4 рисунковъ съ текстомъ; двѣ первыя уже вышли въ свѣтъ; въ нихъ помѣщено 8 рисунковъ: 1) *Развалины Кафской цитадели*, построенной въ 1386 г., 2) *Армянская церковь* св. Сергія, основанная въ 1363 году, 3) *Греческая церковь* среднихъ вѣковъ, и 4) внутренность ея, 5) *Армянская церковь* Архангеловъ Гавріила и Михаила, основан. въ 1408 г., и 6) внутренность ея, 7) *Мечеть*, обращенная Императрицей Екатериной II-й въ римско-католическую церковь, 8) *Развалины замка*. Въ этомъ альбомѣ будетъ помѣщено 25 рисунковъ нашего великаго художника Айвазовскаго, въ томъ числѣ и видъ его родины, Феодосіи; кстати, г. Вильневъ соотечественникъ его. Подвигъ, который предпринялъ г. Вильневъ, сколько прекрасенъ, столько же и труденъ; только при общемъ, самомъ живомъ сочувствіи, возможно было осуществленіе его. Теперь край гордится такимъ изданіемъ, которому позавидуютъ и столицы. Подобное предпріятіе было бы особенно полезно и на Кавказъ, угрюмомъ, безмолвно-краснорѣчивомъ свидѣтелъ роковыхъ, всемірныхъ переворотовъ....

Отъ литературы перейдемъ къ театру: представленія Итальянской оперы постоянны. Изъ исполнителей особенною любовью публики пользуются постоянно: Басседжіо, Брамбила, Ронкони, Нодеъ.

Русскій театръ рѣже посвящается: съ марта 1852 г. по мартъ настоящаго года итальянская труппа дала 187 представлений, число же представлений, данныхъ русскою труппою, ограничивается цифрою 100. Въ нихъ представлено только 10 драмъ, двѣ большія комедіи, остальные же пьесы по большей части водевили, маленькія комедіи, и то переделки. Изъ исполнительницъ особенной любовью публики пользовались: Шубертъ, Медвѣдева, Боченкова; гг. Толченовъ, Шубертъ, Сабуровъ, Богдановъ и др. много содѣйствовали успѣху представлений. О блестящемъ успѣхѣ на одесской сценѣ нашей московской комедіи: *«Не въ свои сани не садись»* было уже говорено въ нашемъ журналѣ. Въ концертахъ также не было недостатка; замѣчательнѣйшіе—братьевъ Контскихъ и сестеръ Дулькентъ.

Заклучимъ замѣткой, что ни одинъ городъ въ краѣ, даже въ цѣлой Россіи, не представляетъ столько благотѣльныхъ средствъ, об-

легчающихъ участь бѣдныхъ въ Одессѣ для нихъ до 28 разныхъ общественныхъ учрежденій; назовемъ ихъ: а) для бѣдныхъ больныхъ: городская больница, съ домашнею церковью, основан. герцогомъ Ришелье; особое отдѣленіе для ума лишенныхъ, больница у Куальницкаго Лимана, для купающихся, еврейская больница, лечебница, домъ призрѣнія для увѣчныхъ, заведеніе сердобольныхъ сестеръ, открыт. А. С. Стуразой, заведеніе минеральныхъ водъ; б) для бѣдныхъ здоровыхъ: Александровскій дѣтскій пріютъ, основан. бывшимъ губернаторомъ Ахлестышевымъ. Сиротскій домъ для мальчиковъ, сиротскій домъ для дѣвочекъ, основан. супругой князя-наѣстника, княгиней Е. К. Воронцовой, домъ призрѣнія и воспитанія сиротъ женскаго пола при Архангельскомъ Михайловскомъ монастырѣ; в) благотворительныя общества: мужескій попечительный комитетъ о тюрьмахъ, такой же женскій, женское благотворительное общество, швейцарское благотворительное общество, пѣмецкое, церковное общество реформатскаго вѣровсповѣданія; д) воспитательныя заведенія: духовная семинарія съ уѣзднымъ и приходскими училищами, городское дѣвичье училище, греческое училище, учебныя заведенія при церквяхъ: католической, реформатской, лютеранской, армянской, училище еврейское для мальчиковъ, для дѣвочекъ, Караймское для мальчиковъ. Кроме того, собирается всегда значительная сумма отъ благородныхъ спектаклей, даваемыхъ любителями, отъ концертовъ, баловъ, лотерей, протѣжающихъ артистовъ.

Перейдемъ къ другимъ городамъ края.

Окрестности Севастополя имѣютъ много древнихъ церквей и часовенъ, построенныхъ жителями Херсониса и первыми христіанами, сосланными римскими императорами на каменоломни въ Теодоро (нынѣшній Инкерманъ); но отъ водворенія Татаръ въ Крымъ въ 1224-мъ году, набѣга литовскаго царя Ольгерда на Херсонисъ въ 1363-мъ году, и занятія Турками Инкермана въ 1475-мъ году, жители разбѣжались и храмы ихъ опустѣли. Турки жили въ укрѣпленіи Теодоро 18-тъ лѣтъ, съ 1475-го по 1493-й годъ, и передали его Татарамъ, но они не заняли этого укрѣпленія, а нѣсколько семействъ поселилось на сѣверной сторонѣ Севастополя, въ балкѣ, гдѣ нынѣ сахарный заводъ, и назвали деревню свою Ахтиаръ, отъ которой приняла наименованіе и севастопольская бухта; Херсонисъ же скоро послѣ набѣга Ольгерда, остался пустымъ, и никто въ немъ не жилъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построенъ Севастополь, росъ мелкій лѣсъ и кустарники, и паслись татарскія овцы. Русскіе, занявшіе Крымъ въ 1778-мъ году, нашли въ Херсонисѣ большую часть крѣпостныхъ стѣнъ, съ городскими воротами и двумя баш-

нами, много домовъ и три церкви совершенно цѣлыми; но при основаніи Севастополя, въ 1783-мъ году, поселившіеся жители начали ломать дома и церкви и перевозить камни, мраморъ и прочіе матеріалы въ Севастополь для построенія себѣ домовъ. Прекрасные желѣзные ворота исчезли, церкви и дома уничтожены, остались однѣ только груды мелкихъ камней и малая часть крѣпостныхъ стѣнъ. Въ 1827-мъ году разрыли часть этихъ мѣстъ и нашли низкія стѣны двухъ каменныхъ церквей, сложенныхъ на извести, съ полукруглыми на востокъ алтарями, и посреди ихъ третью — крестообразную, съ придѣломъ по правую сторону, въ которой, предполагаютъ, крестился великій князь Владимиръ. Въ 1839-мъ и въ 1852-мъ годахъ нашли тамъ же въ Херсонисѣ еще двѣ большія церкви: одну на восточной, а другую на сѣверной сторонѣ отъ средней церкви.

Въ Инкерманской долины находятся двѣ церкви, высѣченныя въ отвѣсныхъ скалахъ бѣлаго мягкаго камня, со сводами, алтарями, придѣлами, корридорами и лѣстницами. Одна изъ нихъ, лучше уцѣлѣвшая, находится на лѣвой сторонѣ рѣчки Черной, а на верху — укрѣпленіе Феодоро, которое съ 1204-го года имѣло собственныхъ своихъ владѣльцевъ, къ коимъ принадлежалъ и послѣдній византійскій императоръ Константинъ Палеологъ до его воцаренія. Церковь эта имѣетъ сообщеніе съ укрѣпленіемъ, вверхъ лѣстницею, высѣченною въ той-же скалѣ, о 16-ти ступеняхъ по покрытому корридору, и о 44-хъ по открытому, а по бокамъ ея и въ другихъ четырехъ скалахъ, раздѣленныхъ лощинами и рѣкою, находится множество четвероугольныхъ комнатъ, наподобіе монашескихъ келій. Другая церковь съ придѣломъ, со сводами, корридоромъ и лѣстницею находится на правой сторонѣ той-же рѣчки, изсѣченная въ цѣльной отвѣсной и мѣстами наклонной въ 70 градусовъ угловой скалѣ, имѣющей въ высоту до 10-ти саж.; но алтарь ея въ 1793-мъ году упалъ и разрушился. Обѣ эти церкви имѣютъ хорошую византійскую архитектуру, и потому полагать должно, что онѣ высѣчены не первыми ссыльными христіанами, которыхъ было до 2,000 человекъ (въ числѣ коихъ находились: Климентъ, папа римскій, родственникъ императора Тиверія, ученикъ апостола Петра и послѣ него третій изъ управлявшихъ въ Римѣ церковью Христа, и св. Мартынъ, которые пострадали въ Херсонисѣ мученическою смертію), и которые жили въ каменныхъ пещерахъ, — но владѣльцами, при византійскихъ императорахъ, которые увеличили и украсили эти церкви по правиламъ современной архитектуры. На стѣнахъ храмовъ изображены были лики святыхъ и подъ высѣченными въ камнѣ арками находились колонны; теперь же стѣны закопчены отъ разводимаго пастухами огня,

лики съ образовъ выпарапаны, такъ что трудно узнать изображенія святыхъ, колонны снесены. Еще есть одна церковь, выстѣнная въ отвѣсной каменной скалѣ, на срединѣ севастопольской рейдовой бухты, близъ пороховаго погреба. Тутъ-же, по близости этой церкви, находится одна часовня, другая же въ инкерманскихъ пещерахъ, и третья въ укрѣпленіи Θεодоро.

Всѣ эти инкерманскія церкви и часовни, будучи выстѣнены въ камнѣ, меньше пострадали, чѣмъ херсонисскія, которыя построены были изъ кладенаго тесанаго камня, и оттого лишились стѣнъ до основанія. У одной только средней церкви, въ которой крестился Владимиръ, сохранились стѣны на одну сажень отъ фундамента; другая, у морскаго берега, между мысомъ Фіолентомъ и маякомъ, въ которой скрылся херсонисскій епископъ Василій отъ возстанія идолопоклонниковъ,—въ развалинахъ; а третья, во имя св. Георгія, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ Парѣенонъ, и въ которой была жрицею Иѳигенія,—осталась невредима. Церковь эта существовала во все время владѣнія Татаръ Крымомъ, и оставшіеся христіане производили въ ней богослуженіе, а когда Русскіе заняли Крымъ, тогда она перешла во владѣніе поселившихся въ Балаклаву Грековъ, потомъ поступили въ нее іеромонахи, которые назначаются въ море на Черноморскій флотъ, и назвали ее балаклавскимъ (Георгіевскимъ) монастыремъ. Въ 1811-мъ году, митрополитъ Хрисанъ возобновилъ его, а позже митрополитъ Агаѳангелъ укрѣпилъ оврагъ, контрфорсомъ, построилъ келіи для монаховъ и пріѣзжихъ и кладбищенную церковь въ память Воздвиженія Христа.

Преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, имѣя въ виду учредить въ Россіи скитъ наподобіе скитовъ Аѳонской горы, избралъ изъ заслуживающихъ болѣе вниманія церквей: въ Херсонисѣ—среднюю, въ которой крестился великій князь Владимиръ; въ Инкерманѣ—находящуюся на лѣвой сторонѣ рѣчки Черной; также въ южной части Крыма: въ Бахчесарѣ—Успенія Богородицы, въ мѣстѣ г-на Фицкаго—св. Анастасія, близъ горы Чатырдага—Козмы и Даміана, и въ Судакѣ—церковь Іоанна Предтечи, и представилъ о томъ Святѣйшему Синоду. Мнѣніе его удостоилось Высочайшаго разрѣшенія, и нынѣ приступлено къ возобновленію означенныхъ храмовъ. Въ Бахчесарѣ устроенъ главный скитъ и назначенъ архимандритъ Поликарпъ, который имѣетъ надзоръ за всѣми скитами или киновіями. Каждый скитъ имѣетъ по одному іеромонаху и по два послушника, число конихъ можетъ увеличиваться по мѣрѣ помѣщенія отшельниковъ. Скиты Успенскій и св. Анастасіи окончены въ 1851-мъ году, и въ нихъ идетъ служеніе

Божіе; Козмы и Даміана и Іоанна Предтечи скоро будутъ окончены; Херсонисскій, во имя св. Владимира, требующій построенія церкви съ самаго основанія, еще не начаты, по причинѣ составленія плана, который требуетъ многихъ соображеній; но чтобы не терять времени, назначенный въ этотъ скитъ іеромонахъ Василій, съ дозволенія архіепископа Иннокентія, выстроилъ, приношеніемъ христіанъ, прекрасную временную церковь во имя св. Владимира, и напротивъ ея воздвигаетъ четыре келіи; Инкерманскій скитъ, во имя св. Климента, папы римскаго, оконченъ, иждивеніемъ почетныхъ гражданъ Алексія и Ивана Красильниковыхъ. Скитъ этотъ въ прекрасной Инкерманской долигѣ, въ отвѣсной каменной скалѣ, имѣющей высоту до 20-ти саженой отъ поверхности воды, устроенъ фронтономъ съ окнами; посрединѣ дверь съ желѣзнымъ балкономъ, а на верху древнее укрѣпленіе Θεодоро съ стѣнами и башнями, съ боку—каменная крытая лѣстница, по которой всходятъ сначала въ церковь, а потомъ въ укрѣпленіе. По лѣвую сторону лѣстницы высѣчены въ скалѣ гробницы, въ коихъ лежатъ кости древнихъ христіанъ, потомъ идетъ келія для іеромонаха, далѣе два придѣла, и наконецъ входъ въ самую церковь, въ которой могутъ стоять болѣе ста человекъ, и въ ней находятся изсѣченныя въ камнѣ антресоли и съ боку корридоръ; послушники же имѣютъ при входѣ на лѣстницу высѣченныя въ скалѣ келіи; а у подношья горы, надъ колодеземъ, предполагаютъ выстроить каменную часовню, во имя св. Мартына. Скитъ этотъ отстоитъ отъ Севастополя въ 7-ми, а Херсонисскій въ 2-хъ верстахъ. Первый изъ нихъ освященъ архимандритомъ Поликарпомъ 24-го февраля сего года, при стеченіи многого народа изъ города Севастополя, при чемъ сказано и приличное слово іеромонахомъ этого скита Арсеніемъ, а второй, Херсонисскій—28-го февраля, тѣмъ же архимандритомъ, и іеромонахъ Василій также сказалъ слово собравшемуся во множествѣ народу разнаго званія.

Такимъ образомъ, въ прекрасной южной теплой странѣ Россіи, въ горахъ, между садами фруктовыхъ и дикихъ деревь, устроены уже четыре скита, въ которыхъ могутъ православные христіане проводить въ родимой землѣ остатокъ дней своихъ въ бесѣдѣ съ Богомъ, а между тѣмъ прежнія церкви приняли настоящій свой видъ и сохраняются древности.

Мы имѣли уже случай говорить о крестномъ ходѣ, учрежденномъ изъ села Касперовки въ Херсонъ, (см. N. 15 Москвитинна за 1852); въ нынѣшнемъ году, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ такой-же ежегодный ходъ изъ Херсона въ Николаевъ, и оттуда въ Касперовку—нѣсколько десятковъ верстъ; не распространяемся, какія

благотворительныя послѣдствія хода для губерній: повторимъ только пророческое слово объ этомъ самаго Златоуста нашего времени, виновника духовнорелигіознаго торжества:

«Чудотворный ликъ Ея не останется и для тебя безъ особенныхъ знаменій: храмы твои поднимутъ выше и выше верхи свои, стогны и дома процвѣтутъ миромъ и благоуміемъ, пристань твоя преисполнится избытками изъ странъ близкихъ и отдаленныхъ, самый потокъ водный—главный питатель твой, забудетъ ярость свою и престанетъ поглощать всегдо ладіи, къ тебѣ плывущія...»

Литературная жизнь губерній, составляющихъ Новороссійскій край, сосредоточивается въ трехъ вѣдомостяхъ: херсонскихъ, таврическихъ, екатеринославскихъ. Характеръ статей, помѣщаемыхъ въ нихъ, чисто-мѣстный; нельзя не желать, чтобы въ нихъ принимали болѣе живое участіе гг. помѣщики, наставники, медики, лица духовнаго вѣдомства; край въ переходномъ состояніи (я говорю о разнохарактерныхъ элементахъ его народонаселенія): сохранять въ формѣ слова черты современнаго мѣстнаго—важная услуга наукъ. Гимназисты высшихъ классовъ, во время вакацій, разѣзжаются по деревнямъ, къ родителямъ: они могутъ вносить въ газету богатый запасъ мѣстныхъ словъ, пословицъ, сказокъ, поговорокъ, преданій, ботаническихъ, зоологическихъ, климатологическихъ замѣтокъ, матеріаловъ для мѣстной номенклатуры и проч., представляя ихъ прежде своему учителю словесности, который можетъ принимать ихъ, какъ сочиненія на заданныя темы.

Во всѣхъ губернскихъ городахъ края: Екатеринославѣ, Херсонѣ, Симферополѣ—существуютъ постоянныя театры; спектакли идутъ исправно, театры посѣщаются довольно усердно,—доказательство, что потребность спектаклей въполнѣ признана обществомъ, жаль только, что иногда идутъ пьесы *«время Очаковскихъ и покоренья Крыма»*. Русскій репертуаръ, если не совершенно богатъ, то и не совсѣмъ бѣденъ: онъ представляетъ такія разнообразныя пьесы, что каждая драматическая труппа можетъ выбрать себѣ по плечу столько пьесъ, сколько потребуютъ обстоятельства, при-томъ болѣе современныхъ, болѣе удовлетворяющихъ требованіямъ образованной публики. Прекрасно было бы, если бы антрепренеры не забывали созданий Фонъ-Визина, Грибоедова, Гоголя, Квитки: ихъ громкій, восторженный смѣхъ во имя вѣчной духовной красоты особенно благотворенъ въ краѣ юномъ, возникающемъ, гдѣ соединено столько національностей...

Кромѣ публичныхъ спектаклей, въ нынѣшнемъ году дано было ихъ нѣсколько любителями въ Херсонѣ, Николаевѣ, Симферополѣ,

Екатеринославль и др. Сборъ весь назначенъ въ пользу бѣдныхъ или дѣтскихъ приютовъ.

Вообще многіе города представляютъ ежегодно разительныя доказательства рѣдкой готовности облегчать судьбу меньшихъ братьевъ: постоянно встрѣчаешься въ газетахъ съ извѣстіями о балахъ, концертахъ, лотереяхъ и проч. съ благотворительною цѣлю: не велика слеза несчастія, но жарка, такъ доступна небу!....

Недавно учреждена, съ разрѣшенія начальства, очередная выставка сельскихъ произведеній для Новороссійскаго края и Бессарабіи; въ сентябрѣ настоящаго года она открыта для Херсона. Мин. Государственныхъ Имуществъ выслало уже 1 золотую медаль, 3 большихъ серебряныхъ и 5 малыхъ серебряныхъ, 75 бланковъ для свидѣтельствъ и похвальныхъ листовъ. Предметы выставки: 1) произведенія земледѣлія, 2) произведенія огородничества, садоводства, пчеловодства, 3) земледѣльческія орудія: сохи, плуги, косули, бороны, рала и проч., 4) планы, модели сельско-хозяйственныхъ построекъ, 5) крестьянское тканье, холсты, вестряди, полотна и проч., 6) скотъ: лошади, быки, волы, буйволы, коровы, овцы, свиньи, 7) домашняя птица, 8) издѣлія изъ дерева: колеса, дуги, полозья, телеги, сани, ведра, сундуки, ложки, чашки, разная деревянная посуда и пр., 9) крестьянскія желѣзныя издѣлія: косы, серпы, топоры, сковороды и проч., 10) крестьянская одежда и обувь, 11) разнаго рода мраморы и камни, употребляемые для построекъ, каменный уголь, цементъ, мельничные жернова, издѣлія изъ глины, кирпичи, изразцы, черепицы, горшки и вообще посуда и пр., и 12) ленъ, пенька, шерсть, и проч. Лишне, думаю, говорить, какое благотвельное вліяніе будетъ имѣть эта выставка на благоденствіе жителей губерніи. (*) Кстати, послѣдній предметъ выставки—шерсть, мытая и не мытая.

Херсонъ гордится такими шерстомойными заведеніями, какими не многіе города Россіи могутъ похвалиться. Они устроены на *Карантинномъ островѣ*, тянутся непрерывной дугою по берегамъ рѣчки Кошевой и Днѣпра; ихъ девять; всей шерсти вымывается болѣе 200,000 пуд. Рабочіе, которыхъ ежегодно бываетъ до 3,000, выручаютъ до 65,000 рублей серебромъ въ годъ. Судохозяева, доставляющіе ее въ Одессу, зарабатываютъ ежегодно отъ 14,000 до 15,000 рублей серебромъ. Основатели заведеній: графъ Толстой, Филиберъ,

(*) О подобныхъ выставкахъ редація получала самыя подробныя свѣдѣнія изъ всѣхъ городовъ, гдѣ только онѣ были учреждаемы; надѣемся получить такія же свѣдѣнія и изъ Херсона; вообще, нашъ журналъ имѣетъ дѣятельныхъ корреспондентовъ во всѣхъ полосахъ Россіи, ему не посчастливилось только въ Новороссійскомъ краѣ.

Готронъ, Вагенштейнъ, Фейнъ, Вассаль, Лемпертъ, Фекеръ, Деминтру. Мы считали нужнымъ распространиться нѣсколько объ этихъ заведеніяхъ: они составляютъ важную отрасль промышленности края.

Въ Таврической губерніи, богатой фруктовыми садами, развито въ высокой степени *шелководство*; впрочемъ эта отрасль промышленности прививается мало по малу во всемъ край, благодаря Обществу сельскаго хозяйства южнаго края Россіи; оно воздвигается преимущественно колонистами, составляющими значительную часть народонаселенія.

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ представить хоть бѣглый статистическій очеркъ о внутренней и вѣншей торговлѣ края; впрочемъ любопытныхъ отсылаемъ къ одесскому календарю. Ограничимся замѣчаніемъ, что успехамъ ея много содѣйствуютъ парходныя сообщенія края, которыя получили въ послѣднее время самое блестящее развитіе, благодаря неутомимой заботливости о благоденствіи края князя-гемвстника, М. С. Воронцова.

Теперь они существуютъ по 4 линіямъ: Херсонской между Одессой, Очаковымъ и Николаевымъ; Николаевской между Одессой Очаковымъ и Николаевымъ; Крымской между Одессой, Евпатріей Севастополемъ, Ялтой, Феодосіей и Керче, и Крымско-Кавказской между Одессой Севастополемъ, Ялтой, Геленджейномъ, Новороссійскомъ, Сухунъ-Кале и Радуть-Кале. Замѣчательнѣйшіе парходы: Андія, Таганрогъ, Еникале, Тамань, Дарго, Бердянскъ, и новый парходъ *Графъ Воронцовъ*.

Въ Новочеркасскѣ недавно было событіе, о которомъ слухъ восторженно-радостной вѣстью разнесется по всемъ уголкамъ нашего необъятнаго царства, воскреситъ въ народной памяти славное время, когда

Двинулся онъ,
Народовъ полсѣта водитель,
Царь вскрикнулъ: «гдѣ жъ Донъ мой?» И вспрыгнулъ ты Донъ,
И каждый твой сынъ былъ вонтель:
Колосьями стали ты степи покрылъ
И въ Сенъ удалихъ коней наполни...
Ярмо чужезмцевъ ты свергнулъ давно,
Донъ свѣтлый, Россіи живое зѣвно....

Напомнить и того, о комъ сказалъ, умолкнувшій уже, но вѣчно-незабвенный поэтъ:

И ты, нашъ вихорь ататанъ,
Вожьдъ неуредимыхъ, Платовъ,
Твой очарованный арканъ—
Гроза для супостатовъ;

Орломъ шумишь по облакамъ,
 По полю волкомъ рыщешь.
 Летишь стрѣлою въ тылъ врагамъ,
 Бѣдой имъ въ уши свищешь;
 Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
 Деревья сыплютъ стрѣлы;
 Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
 Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Войско Донское, желая увѣковѣчить признательность, благоговѣніе къ памяти своего славнаго атамана, рѣшилось соорудить ему на мѣстѣ родины памятникъ. По полученіи Высочайшаго разрѣшенія на это, знаменитый художникъ баронъ Клотъ артистически исполнилъ бронзовое изваяніе графа Платова, приготовленъ и роскошный пьедесталъ изъ Сердобскаго гранита.

Р. С. Въ дополненіе къ нашему очерку, спѣшимъ сообщить извѣстія, полученныя съ послѣдней почтой: въ Одессѣ вышла въ свѣтъ *«Исторія Одессы»*, трудъ, который составитъ эпоху въ литературной жизни края: Одесса—столица Новосійскаго края, сосредоточіе торговли, образованности, литературы, искусствъ etc. Она прожила немного, нѣсколько десятковъ лѣтъ, но въ это короткое время она получила такое громадное значеніе въ семьѣ городовъ Новороссіи, и по вліянію ея на успѣхи просвѣщенія, и по торговымъ сношеніямъ, что говорить объ Одессѣ—коснуться важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни цѣлаго края. Мы не видали еще труда г. Смольянинова, но судя по отрывкамъ, печатавшимся періодически въ газетахъ, онъ воспользовался прекрасно правомъ *пользоваться всеми мѣстными архивами*. Это сочиненіе, стоявшее ему многолѣтнихъ, самыхъ добросовѣстныхъ и постоянныхъ трудовъ, Одесское общество любителей исторіи и древностей внесло въ III-й томъ своихъ Записокъ.

Въ Одессѣ же открыты двѣ новыя книжныя лавки: одна русская—Бѣлаго, другая иностранная—Абрамсона; открытіе разомъ двухъ книжныхъ лавокъ составило бы эпоху въ исторіи образованія и въ городѣ, болѣе многолюдномъ, болѣе богатомъ средствами общественнаго образованія.

Въ Кіевѣ открытъ памятникъ Св. Владимиру, Равноапостольный обращенъ лицомъ къ Днѣпру, гдѣ происходитъ крещеніе народа; онъ молится, поручаетъ себя и народъ Провидѣнію!... На немъ полукафтанье, сверху накинута мантия, въ правой рукѣ—крестъ, въ левой—великокняжеская шапка. Высота статуи 2 саж., вѣсу 350 пудовъ, всего же памятника — 9 саженой. Въ барельефъ же, представляющемъ крещеніе народа, вѣсу 150 пуд., высота 4 арш. Памятникъ—работы знаменитаго барона Клода.

В. ВИГГЕНСКУЛЬ.

1853 г.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Толки англійскихъ журналовъ. — Путешествіе королевы Викторіи. — Шерстяной лугъ. — Эпиграмма на погоду. — Война трактирщиковъ. — Новая гостинница. — Собраніе общества ревнителей наукъ. — Корабль Титановъ. — Фабрика Салта. — Новый романъ Диккенса. — Самовозгараніе. — Новый романъ Теккерея. — Статистика холеры. — Смерть шестидесяти обезьянъ. — Домашняя Калифорнія. — Проба золота, женщины и мужчины. — Ревность и убійство.

Въ англійскихъ журналахъ все еще продолжаютъ толковать о восточномъ вопросѣ, но тонъ главнаго органа правительства, журнала *Times*, совершенно измѣнился. Теперь этотъ *Левіаганъ типографическаго океана*, какъ называютъ газету *Times* французскіе журналисты, объявляетъ, что нельзя сопрягать судьбы Англій и Франціи съ судьбами умирающей Турціи (*).

Королева Викторія, въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, предоставила дѣйствовать своимъ министрамъ. Еще недавно, когда ни одинъ изъ этихъ министровъ не смѣлъ ни на одинъ день отлучиться изъ *Downing-Street*, Ея Величество отправилась въ Ирландію и въ Шотландію, въ свое обычное буколическое путешествіе, и провела часть осени въ Бальморелъ и на олимпійскихъ играхъ шотландскихъ горцевъ, — походя болѣе на царіцу среднихъ вѣковъ, чѣмъ на королеву Елисавету, ревновавшую своихъ мудрыхъ совѣтниковъ не менѣе влюбленныхъ придворныхъ. Въ Шотландіи, на одномъ изъ народныхъ зрѣлищъ, привѣтливость жителей была безмѣрна въ точномъ значеніи этого слова, и далеко превзошла преданность Ралейга, бросившаго свой плащъ на грязную тропинку, по которой шла прекрасная Елисавета. Когда королева Викторія заняла мѣсто на Бремарскомъ лугу, чтобы видѣть борьбу и пышную гонку Шотландцевъ, при звукахъ сельской волюнки, почти цѣлый лугъ исчезъ подъ необъятнымъ ковромъ изъ шотландскаго тартана, испещреннаго цвѣтами Клана-Фаркерсона, который поднесъ этотъ коверъ Ея Величеству.

(*) Въ *Revue Britannique* пишутъ, что англійское правительство и журналъ *Times* объявили: *qu'ils ne sauraient associer les destinées de l'Angleterre et celles de la France aux destinées de la Turquie mourante.*

Погода не совсѣмъ благопріятствовала этому путешествію. Почти въ половинѣ сентября дожди не переставали. Не одинъ изъ членовъ парламента рисковалъ возвратиться домой вплавь. Вотъ эпиграмма на постоянное ненастье въ Англіи:

With nose against the window pane,
Kept all day captive within doors:
— «Pray, waiter, does it always rain?»
— «No, sir, quoth John, it sometimes poors».

Предлагаемъ вольный переводъ:

Уставя носъ въ окно, привзжій здѣсь зѣваетъ,
Смотря на вѣчный дождь. Какъ выйти со двора?
— «Эй малый! здѣсь всегда дождливая пора?»
— «Нѣтъ, сударь, иногда и снѣгъ у насъ бываетъ».

Въ оригиналѣ, авторъ эпиграммы, перелагая въ стихи народную поговорку, замѣнилъ, для рѣимы, глаголь *it snows* (идеть снѣга) глаголомъ *it poors* (лѣетъ ливнемъ); мы сохранили смыслъ анекдота, какъ онъ сохраненъ и въ слѣдующемъ французскомъ переводѣ:

Le nez sur les carreaux de l'humide fenetre,
Dans l'auberge captif depuis bientôt un mois:
— «Garçon! il pleut toujours dans ce pays peut etre?»
— «Toujours! Oh non, monsieur, il neige quelquefois».

Это ненастье докучало въ особенности содержателямъ гостиницъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время журналы свирѣпствовали на нихъ за высокія цѣны ихъ произвольной таксы на припасы и постоя, а дожди чрезвычайно уменьшали провѣздъ. Какъ Гвебры, какъ перуанскіе Инки, молили они солнце не скрывать животворныхъ лучей своихъ, и наконецъ солнце умилилось: въ позднюю осень возвратилось къ нимъ лѣто, но не возвратились путешественники. Байронъ не даромъ прозвалъ Джонъ-Буля ворчуномъ; бѣда, когда онъ путемъ разворчится. Мы говорили недавно о нападеніяхъ журнала *Times* на трактирщиковъ и содержателей гостиницъ; до сихъ поръ этотъ гонитель всякой неправды не умолкаетъ, а англійскіе путешественники торжественно объявили, что если гг. придорожные грабители, какъ называютъ они трактирщиковъ, не возьмутъ въ толкъ благонамѣренныхъ назиданій журнала *Times*, то они, путешественники, будутъ возить съ собою запасные погребцы и дорожныя палатки; что, благодаря этой дороговизнѣ, они лишены удовольствія странствовать по своей родинѣ и наслаждаться прелестями природы въ своемъ отечествѣ, и что только по милости чрезмѣрныхъ цѣнъ и недостатка удобствъ въ англійскихъ гостиницахъ достаточные англичане вынуждены мыкать горе по Швейцаріи, Италіи, Франціи и по берегамъ Рейна, между тѣмъ какъ могли бы насмотрѣться на

всю эту чужеземщину въ своихъ великолѣпныхъ кипсекахъ, а сами посѣщали бы живописные берега ирландскихъ озеръ и карабкались бы по скаламъ нагорной Шотландіи.

Стратегія анти-трактирной лиги общается успѣхъ. Около путевыхъ дворовъ желѣзныхъ дорогъ возникаютъ великолѣпныя гостиницы съ умеренной таксой. Въ Фалькетонъ, вновь открытый *hotel du Pavillon*—настоящій караванъ-сарай, со всею баснословною роскошью Востока. Но намъ ли европейцамъ хвалиться роскошью и великолѣпіемъ нашихъ гостиницъ, читая въ нью-іоркской коммерческой газетѣ описаніе тейлорскаго *hotel international*. Родина бережливаго Франклина, страна республиканскихъ нравовъ, гдѣ недавно еще президентъ увѣщавалъ своихъ соотечественниковъ сохранить во всемъ спартанскую простоту, построила для европейскихъ гостей затѣжій домъ въ 400,000 долларовъ (500,000 р. сер.), заплативъ 120,000 долларовъ за мѣсто, и употребивъ остальные на постройку и отдѣлку. Въ этомъ домѣ (на углу Бродвейской и Франклинской улицъ) двѣсти комнатъ, и огромная общая зала, въ которой отдѣлка одного потолка стоила 10,000 долларовъ. Потолокъ этотъ украшенъ лѣпною работою и фресками по золотому фону. Парижскія зеркала, заплаченные 10,500 долларовъ, оправлены въ золоченныя, росписныя въ венеціанскомъ вкусѣ рамы. Колонны, люстры, парке, статуи и проч. и проч., до того изящны и великолѣпны, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Но лучшее украшеніе залы—это двѣ смежныя оранжереи, въ которыхъ уставленные зеркала живописно отражаютъ радужныя группы самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ; свѣтлая струя двухъ фонтановъ алмазнымъ дождемъ сыплется въ хрустальные бассейны. Общій етоль изысканно хорошъ, такъ что ни одинъ лакомка не посмѣетъ укорить повара. Наконецъ, какъ въ этой волшебной гостиницѣ не трудно забыть время, или по крайней мѣрѣ, легко позабыть завести часы, которые намъ служатъ указателемъ времени, смѣтливый хозяинъ поставилъ три любопытныя машины, которыя привели бы въ восторгъ Карла V и его механика Торіано: двое стѣнныхъ часовъ и особый циферблатъ дивнаго устройства. Одни часы заводятся только разъ въ годъ, другіе разъ въ четыре года и показываютъ цифру текущаго года, мѣсяцъ, число и день недѣли. Циферблатъ имѣетъ сообщеніе съ барометромъ и съ флюгеромъ, и показываетъ асмосферическія перемѣны и направленіе вѣтра. Благодаря скорости сообщенія между старымъ и новымъ свѣтомъ, за общимъ столомъ подаютъ мяса, овощи и плоды Запада и Востока и всѣхъ поясовъ земнаго шара.—Жизнь въ этомъ Эдемѣ стоитъ въ день и съ при-

слугою, два съ половиною доллара (съ небольшимъ три рубля сер.). *Hotel Mivard* въ Лондонѣ, гдѣ сутки обходятся въ 125 р. сер., въ сравненіи съ этою гостинницею—*аристократическая жарчевня*.

Въ исходѣ осени былъ въ г. Голль (*Hull*) съездъ *Британскаго общества ревнителей успѣха наукъ*, состоящаго изъ 881 члена обоего пола. Восемьсотъ восемьдесятъ ученыхъ—прекрасная цифра, явная улика прогресса. Къ-несчастью, на дѣлѣ не такъ, какъ въ журналахъ. Каждый можетъ быть членомъ этого общества, внося или капиталъ за пожизненное право члена, или внося известную плату ежегодно. Впрочемъ довольно и того, что въ городѣ морской торговли и механической промышленности собралось 236 дамъ, ревнующихъ успѣхамъ наукъ. Голль оспариваетъ у Глазгова первенство устройства перваго парохода, и противопоставить своего Симмингтона Генри Беллю и Фультону. За то надобно сознаться, что изъ всего прочтеннаго на засѣданіяхъ этого собранія, всего интереснѣе былъ отчетъ объ успѣхахъ механики въ теченіе 1852 года. Г. Фербернъ упомянулъ въ этомъ отчетѣ о пароходахъ тепло-воздушными машинами (суда Эриксона), и не забылъ сказать, что шведскаго инженера надюмила въ этомъ открытіи машина д-ра Стирлинга. Г. Фербернъ говорилъ также объ исполинскомъ кораблѣ, придуманномъ гг. Бронелемъ и Скоттъ-Росселемъ, для рейсовъ въ Америку. Этотъ корабль будетъ длиннѣе самаго большаго промежутка волнъ Атлантическаго Океана, даже въ минуту ихъ крайняго взаимнаго отдаленія; что представить двѣ выгоды: усиленію, быстроты и плавность движенія, которая устранить происходящую отъ качки морскую болѣзнь. Размеры этого корабля будутъ слѣдующіе: въ длину 680 футовъ, въ ширину 83, въ глубину 58. Машины его въ совокупности будутъ имѣть 2,600 силъ. Корабль этотъ будетъ построенъ изъ желѣза съ двумя днами, изъ которыхъ верхнее будетъ отстоять отъ воды на шесть футовъ, и съ двумя палубами, соединенными между собою по системѣ цилиндрическихъ палубъ (*pont-tube*). Для приведенія этого колосса въ движеніе будутъ устроены и колеса и спираль, съ двумя машинами для каждой системы, такъ что въ случаѣ надобности одна можетъ замѣнить другую. Это будетъ самое громадное зданіе морской архитектуры. Не возвратились ли мы въ эпоху Титановъ и Циклоповъ? Г. Фербернъ описалъ также фабрику альпакскихъ тканей (*étoffes d'alpaca*) г-на Сальта, въ Сальтерѣ близъ Бредфорда, шести-этажное зданіе, которое имѣетъ фасадъ въ 550 футовъ. Машины этой фабрики составляютъ въ совокупности 1,200 силъ; работниковъ въ ней 3,000 человекъ. Это заведеніе основалъ г. Сальтъ, безъ посторонняго участія, употребивъ на то 300,000 ф. ст.

Наконецъ другой Титанъ во фракъ, г. Макъ-Коннелъ, придумалъ для Лондонско-Бирмингамской желѣзной дороги локомотиву въ 700 силъ, которая будетъ ходить втрое быстрее теперешнихъ.

Съ какою язвительною улыбкой должны смотреть эти зодіе и фабриканты, осуществляющіе поэтическіе помыслы, превращающіе мечту въ быль, на риноплетовъ и романтиковъ, которые осмѣиваются поэтизировать дѣйствительность, и передѣлывать быль въ мечту.... А между тѣмъ поэты и романтики, не заботясь объ этихъ скульпторахъ мысли, облекающихъ ее въ осязательныя формы, пишутъ и пишутъ и получаютъ порядочный доходъ съ своихъ литературныхъ мануфактуръ. Вотъ и знаменитый Диккенсъ окончилъ послѣдніе два выпуска своего *періодическаго* романа *Бликъ-Гоузъ* (*Bleak-House*), и знаете ли, о чемъ онъ хлопочетъ въ своемъ предисловіи. Его упрекали, что онъ сбѣлъ съ рукъ одну личность своего романа дивнымъ явленіемъ самовозгаранія. Если бы онъ взорвалъ эту особу на воздухъ паровымъ котломъ г. Макъ-Коннелъ или измолодъ бы ее въ зубцахъ ткацкихъ машинъ на фабрикъ г. Салта: читатели нашли бы это весьма естественнымъ, но ему вздумалось обдѣлать эту статью пооригинальнѣе, сжечь бѣдную жертву своимъ собственнымъ огнемъ, какъ старасть измятый пуддингъ отъ излишка спирта, которымъ его полили; и вотъ теперь бѣдный романистъ вынужденъ приводить, въ свое оправданіе, изъ медицинскаго словаря всѣ извѣстные случаи самовозгаранія. Нашлось бы тѣмъ упрекнуть автора этого романа и кромѣ этой пиротехнической смерти, но онъ выкупаетъ немногіе недостатки своего Бликъ-Гоуза такими восхитительными главами, что нельзя не признать его сочиненія однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ сочиненій; самаго своеобразнаго изъ всѣхъ современныхъ романистовъ.

Авторъ *Пенденниса* издалъ первый выпускъ также *по-мѣсячнаго* романа *Ньюкомсъ, весьма почтеннаго семейства* (*most respectable family*), какъ сказано въ заглавіи. Изданіе въ свѣтъ *Эсмонда* и *Лекцій объ англійскихъ гумористахъ*, упрочило славу г. Теккерей. Ему уже предлагаютъ 4,000 ф. ст. (25,000 руб. сер.) за двадцать выпусковъ его *Почтенной фамилии*. Г. Теккерей называетъ образцовымъ произведеніемъ романъ г-на Рида (*Charles Reade*) подъ заглавіемъ: *Christie Johnstone*, но немногіе раздѣляютъ это мнѣніе. Мы недавно рассказали нашимъ читателямъ содержаніе *Скрибовскаго Набоба*; романъ г-на Рида очень схожъ съ Набобомъ. Герой г-на Скриба, молодой разочарованный лордъ, замышляющій самоубійство, стараніями друга, доктора Клиффорда, попадаетъ на какую-то фабрику, гдѣ долженъ самъ промышлять кусокъ насущ-

наго хлѣба, словомъ, ему предписаны—нищета и трудъ въ сильныхъ пріемахъ; въ романѣ г-на Рида докторъ Аберфордъ отправляетъ такого-же пациента лорда Эйспедина къ рыбакамъ фейѣшейрской ловли сельдей. Приключенія лорда Эйспедина, щедрость, съ которою онъ сыплетъ пригоршнями золото въ передникъ дочери рыбака, высокія чувства Кристины, героини романа, которая, впрочемъ, отзывается запахомъ рыбы, хотя и благоухаетъ всевозможными добродѣтелями—вотъ романъ г. Рида, вовсе не образцовый. Нельзя впрочемъ не признать умъ и энергію автора, и признайми онъ вкуса и художественности у гг. Теккерея и Скриба, онъ удачнѣе бы согласовалъ съ правдою невѣроятности многихъ драматическихъ положеній. Театръ — славная школа для романиста.

Но довольно о романахъ; всѣхъ не перечесть. Въ Англіи это современная эпидемія. Поговоримъ о настоящей эпидеміи, о холерѣ, появленіе которой англійскіе журналы возвестили еще въ сентябрѣ. Первый дебютъ этой гостьи былъ въ Ньюкестлѣ, гдѣ она свирѣпствовала сильнѣе, чѣмъ въ прежнія свои посѣщенія. Съ 1-го сентября по 20-е умерло 955, тогда какъ въ 1832 году, въ равное число дней, считалось только 156 умершихъ. Не смотря на такую смертность, Англія похваляется тѣмъ, что въ пять набѣговъ этой болѣзни тамъ умерло менѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы, и приводитъ въ доказательство слѣдующія статистическія данныя: со времени появленія этой болѣзни въ Европѣ умерло:

Въ Англіи 22 на 1,000 душъ,—Франціи 24,—Пруссіи, 27—Австріи 30.

Въ журналахъ печатаютъ рецепты предохранительныхъ средствъ, наставленія Комитета Здравія, совѣты врачей и эмпириковъ и даже холерные стихи. Недавно газета *Punch* напечатала юмористическую оду, въ которой холера приказываетъ своимъ подвластнымъ готовиться къ похоронному шествію и благодарить ихъ за преданность и угожденія, объясняя, какъ ей пріятенъ былъ ѳиміамъ ихъ жертвоприношеній: удушливыя испаренія грязныхъ пріютовъ нищеты, зловонія запущенныхъ каналовъ и спертый воздухъ тюремныхъ заведеній.

Насмѣшка подѣйствовала, и немедленно приняты мѣры къ устраненію этихъ вспомогательныхъ источниковъ болѣзни, но еще болѣе пробудилъ заботливость подлежащихъ властей анекдотъ, помѣщенный въ циркулярѣ доктора Арнольда, убѣждающій въ необходимости перемѣны воздуха въ покояхъ, гдѣ жители размѣщены не очень просторно. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду былъ выстроенъ небольшой домъ для обезьянъ, съ калориферомъ для огрѣванія покоевъ косматыхъ обитателей. Черезъ мѣсяцъ, изъ шестидесяти обезьянъ

смерть похитила пятьдесят одну; остальные девять хворали. Спыхватились, но поздно, что залы бѣдныхъ четверорукихъ не довольно часто провѣтривали; портя воздухъ дыханіемъ, несчастныя сами себя отравляли. Дыханіе чловѣка есть отрава для чловѣка, говоритъ докторъ Арнольдъ, какъ дыханіе обезьяны ядъ для обезьяны. Эта истина не новость въ фізіологіи и гігіенѣ чловѣка, но на нее не обращали вниманія. Смерть пятидесяти обезьянъ сдѣлала болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ гибель тысячъ работниковъ, отравляющихъ другъ друга въ нью-кестльскихъ и ливерпульскихъ подвалахъ.

Эмиграція въ Австралію все еще продолжается, не смотря на открытіе золотыхъ приисковъ въ разныхъ частяхъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Открытіе это на столько важно, что разбудило дѣятельность двухъ сословій общества: химиковъ и эмпириковъ. Хорошо было бы, если бы въ Англіи открылись домашнія Калифорнія и Австралія! Какъ удивились бы возвращающіеся въ Англію съ пустыми руками австральскіе золото-промышленники, увидя, что и въ Англіи мостать улицы золотыми слитками и золотымъ пескомъ усыпають дорожки загородныхъ парковъ. Кто знаетъ! Можетъ быть, этотъ металлъ, презрѣнный покуда въ глазахъ однихъ философовъ, сдѣлается со временемъ презрѣннымъ и на самомъ дѣлѣ; и изъ него будутъ чеканить копейки, дѣлать самовары, кострюли, а можетъ быть, и рейльсы желѣзныхъ дорогъ, въ утѣшеніе одного противника золота, который, лѣтъ пять тому назадъ, напечаталъ статью противъ денегъ въ Московскихъ Ведомостяхъ.

Какой-то мудрецъ новѣйшихъ временъ сказалъ: «золото пробуютъ оселкомъ, женщину золотомъ, а мужчину женщиною». Въ этой поговоркѣ не все вѣрно, но послѣдняя фраза оправдалась въ прошломъ мѣсяцѣ во Франціи. Это случилось въ Шалонѣ.

Генераль графъ де-Нельи былъ извѣстенъ за чловѣка разсудительнаго, доброй души, терпѣливаго и весьма спокойнаго характера. По полученнымъ имъ безъимяннымъ письмамъ онъ началъ сильно подозрѣвать свою жену въ невірности. Въ этихъ письмахъ соперникъ генерала не былъ названъ, но сказано, что онъ принадлежитъ къ числу офицеровъ тамошняго гарнизона. Генераль началъ наблюдать, и подозрѣнія его пали на капитана де-Лапорта, состоявшаго при штабѣ 3-й дивизіи, командуемой генераломъ Перро. Не будучи совершенно убѣжденъ въ своихъ догадкахъ, оскорбленный супругъ рѣшился молчать, пока не удостовѣрится въ истинѣ.

Капитанъ де-Лапортъ былъ уволенъ въ отпускъ и собирався ѣхать. У генерала былъ вечеръ въ самый день отъѣзда капитана, который однако былъ приглашенъ и находился въ числѣ гостей. Хозяинъ внимательно приглядывалъ за своей женой и за капитаномъ; ему показалось, что каждый ихъ взглядъ, каждое движеніе имѣли условное значеніе, и страшная ревность закипѣла въ его сердцѣ.

Шарль-Нодде сказалъ гдѣ-то о ревности: *«Connais tu cette passion, qui brule, qui devore, qui use toutes les facultés de l'ame, qui fait mal partout»*. Опредѣленіе вѣрно. Душа, истомленная этимъ недремлющимъ чувствомъ, лишена всѣхъ своихъ способ-

ностей; взгляды ея слѣпы, порывы не осмысленны, воля ея безсильна, энергія ея — бѣшенство.

Мы сказали это, чтобы поведеніе генерала въ этомъ случаѣ было понятно для безстрастныхъ читателей.

Гости разъѣхались. Капитанъ сказалъ, прощаясь, что онъ немедленно отправляется въ Витри. Графъ удалился въ свою половину, графиня въ свою, отдѣленную отъ мужниной нѣсколькими комнатами и примыкающую къ саду, въ который выходила дверь изъ комнаты, смежной съ ея спальнею.

Когда всѣ въ домѣ улеглись, генералъ зарядилъ ружье и вышелъ съ нимъ въ садъ. Вскорѣ садовая калитка отворилась, и кто-то шелъ по дорожкѣ, ведущей къ покоямъ графини. Графъ спрятался за кустъ, но таинственный гость, вѣроятно, услышавъ это движеніе, остановился на минуту и потомъ вернулся къ калиткѣ. Графъ приложился въ ночного посѣтителя и выстрѣлилъ, — но далъ промахъ.

Изъ сада графъ прошелъ къ своей супругѣ и послѣ продолжительнаго съ нею объясненія удалился на свою половину.

На другой день, въ седьмомъ часу утра, генералъ взялъ шляпу и трость и вышелъ изъ дому. Черезъ четверть часа онъ постучался въ дверь капитана Лапорта.

Капитанъ былъ одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ г. Лапорта раздался два выстрѣла, и графъ вышелъ оттуда, шатаясь и весь окровавленный.

Онъ прошелъ такъ шаговъ пятьдесятъ по улицѣ, и когда къ нему подошла проходившая мимо женщина, чтобы поддержать его, онъ опустилсѣ на ея руки, проговоривъ голосомъ умирающаго: «Капитанъ Лапортъ убилъ меня».

Умирающій сдѣлалъ еще усиліе, чтобы произнести нѣсколько словъ — и скончался.

На тѣлѣ были двѣ раны: одна въ лѣвое плечо, другая противъ сердца.

У г. Лапорта былъ на лицѣ слѣдъ сильнаго удара палкою. Онъ арестованъ; вотъ содержаніе его показаній.

Генералъ, входя къ капитану, сказалъ: — Вы знаете, за чѣмъ я пришелъ. — Знаю и готовъ къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ капитанъ. Едва произнесъ онъ эти слова, какъ графъ сильно ударилъ его тростью по головѣ. Тогда, схвативъ пистолеты, онъ выстрѣлилъ изъ одного; графъ опять бросился на г. Лапорта, который выстрѣлилъ изъ другаго пистолета и нанеся генералу смертную рану.

Капитанъ Лапортъ преданъ военному суду.

Въ *Independance Belge*, г. Лекомтъ, повторяя это официальное извѣстіе, пишетъ между прочимъ, что графъ де-Нельмъ былъ введенъ въ заблужденіе на счетъ поведенія графини ложнымъ доносомъ ея горничной служанки, которая хотѣла отомстить своей госпожѣ за ея строгость. Ревность ослѣпила генерала, и онъ самъ палъ жертвою своей опрометчивости. Увлеченный страстію, онъ измѣнилъ свои неколебимыя до тѣхъ поръ правила, безъ основательнаго убѣжденія обвинилъ невинную жену и сдѣлалъ безразсудный поступокъ. — *Мужчину пробуютъ женщиною....*

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЛѢДЫ ДЕШТЪ-КИПЧАКА И ВНУТРЕННЯЯ КИРГИЗЪ-КАЙ-САЦКАЯ ОРДА (*).

Мѣстность отъ Царева до Киргизъ-кайсацкой орды. Степь. Происхожденіе Внутренней орды. Ставка хана Джангера. Управление ордою. Ханъ Джангеръ. Бытъ, вѣроисповѣданіе, образъ жизни и численіе Киргизъ-Кайсаковъ. Сходство именъ Кайсаковъ и казаковъ. Дорога къ горѣ Богодо съ окрестностями. Городокъ Селитрянный.

Остатки отъ Дештъ-Кипчакскаго царства нигдѣ не выказываются такъ резко, какъ по лѣвому берегу рѣки Ахтубы, начиная отъ ея

(*) При археологическомъ изслѣдованіи Сарая, столицы Дештъ-Кипчакскаго царства, я давно имѣлъ желаніе осмотрѣть слѣды его по одной долинѣ Ахтубинской; но потомъ увлекаясь далѣе и далѣе, я вышелъ за предѣлы, назначенные самымъ мною, и посѣтилъ внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду, калмыцкій Хошоутовскій улусъ и Астрахань, которыя также составляли достояніе Золотой орды. Я предпринялъ обзоръ мое въ 1851 году, въ половинѣ октября мѣсяца, и съ тѣхъ поръ записки мои лежали безъ движенія, по причинѣ другихъ занятій; но читающимъ нѣтъ охоты знать это, а посему скажу только, что записки эти представляю въ трехъ статьяхъ: I. Слѣды Дештъ-Кипчака и внутренняя Киргизъ-Кайсацкая Орда, II. Улусъ Хошотскій или Хошоутовскій, и III. Астрахань.

Для ознакомленія съ изложеніемъ, выпишываю содержаніе каждой статьи.

I. Мѣстность отъ Царева до Киргизъ-Кайсацкой орды. Степь. Происхожденіе Внутренней орды. Ставка хана Джангера. Управление ордою. Ханъ Джангеръ. Бытъ, вѣроисповѣданіе, образъ жизни и численіе Киргизъ-Кайсаковъ. Сходство именъ Кайсаковъ и казаковъ. Дорога къ горѣ Богодо съ окрестностями. Городокъ Селитрянный.

II. Дорога къ ставкѣ улуса Хошотскаго изъ городка Селитряннаго. Домъ владѣтеля и древнія вещи. Историческій обзоръ и водвореніе Калмыковъ по степнымъ берегамъ Волги. Раздѣленіе на улусы. Сословія улуса. Образъ жизни и свойства. Новорожденные. Увеселеніе. Времячисленіе и праздники. Богослуженіе. Ученіе Буддѣйское. Погребеніе.

III. Дорога изъ ставки Хошотской до Астрахани. Взглядъ на городъ и его жизнь. Происхожденіе Астрахани. Завоеваніе Астрахани. Кремль. Событія. Посѣщенія Петра В. Распространеніе торговли Армянъ, дарованіе имъ льготъ и уничтоженіе ихъ. Возстаніе при появленіи Пугачева. Свойство климатическое. Заселеніе Астрахани. Учлища. Мѣстоположеніе города и его замѣчательности. Духовное управленіе. Нѣкоторыя пѣсни, пословицы и поговорки. Образъ жизни Армянъ. Словесность армянская.

истока изъ Волги до впаденія въ Волгу (1); развалины же Сарая, бывшей столицы Золотой орды, сосредоточенныя въ городѣ Царевъ по лѣвому берегу той же рѣки, уже довольно изслѣдованы (2); но вознамѣрившись вникнуть въ слѣды бывшихъ селищъ монголо-татарскихъ, рассмотреть кочевье внутренней Киризь-Кайсацкой и Калмыцкой орды и нѣкоторыя ихъ мѣстности (3), я началъ осмотрѣть съ долины Ахтубинской.

Съ Царева до деревни Пологое-Займище я встрѣчалъ, на протяженіи 48 верстъ, курганы, отстоящіе другъ отъ друга въ разныхъ направленіяхъ, и насыпи земляныя, которыя служили маяками. Вдали виднѣются въ степи овалыныя холмики, весьма въ большомъ числѣ, въ родѣ могилъ, какія мнѣ не разъ случалось подвергать раскопкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты травой и многіе запаханы; послѣдніе въ скоромъ времени сравняются съ землею. Случай можетъ открыть въ нихъ не одну вещь, если не цѣнную по металлу, то цѣнную для науки. По нынѣ тамъ попадаются древности. — Отъ Пологого-Займища до деревни Батаевки, чрезъ селеніе Владимировку, на протяженіи 40 верстъ рѣдѣютъ насыпи и курганы,

-
- (1) Ахтуба—татарское наименованіе и составлено изъ *акъ* бѣлый, *тебѣ* бугоръ (бѣлый бугоръ), и вѣроятно, отъ того произмѣнилось такъ, что выходитъ изъ песчаной отлогости, въ родѣ бугра, вытекаетъ же изъ-подъ Верхне-ахтубинскаго или иначе Безроднаго селенія, и впадаетъ подъ Гурьевымъ, протекая болѣе 500 верстъ. — Осталась въ народѣ поговорка про Ахтубу: *Ахтуба пуста, а безъ караула не гулай*. — Конечно, эта поговорка родилась по уничтоженіи Сарая, когда вся его мѣстность обратилась въ пустыню, въ коей ронялись толпы бродягъ и хищныхъ дикарей—Киргизъ-Кайсаковъ и Калмыковъ.
- (2) Царевъ находился въ Саратовской губерніи до 1851 года, но въ этомъ году онъ отчисленъ къ Астраханской, по случаю новооткрытой Самарской губерніи; онъ отстоитъ отъ Астрахани, считая по луговой сторонѣ, въ 331 верстъ, а отъ городка Селитрянаго въ 306 верстахъ.
- (3) Принадлежавшія Золотой Орды. — Въ Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. IV за 1851 годъ, напечатана статья Павла Небольсина: Извѣданы Астраханской губерніи (о Кундровскихъ Татаряхъ), гдѣ онъ говоритъ между прочимъ (въ смѣси стр. 29): «знаменитыя развалины *Саръхъ* (Сарай?), близъ Царева, простой русской народъ Царевскаго уѣзда не зоветъ иначе, какъ *Мамаевой землянкой*. Несправедливо: жители Царевскаго уѣзда вовсе не зовутъ развалины *землянкою*, потому что они не имѣютъ никакого понятія объ нихъ, но называютъ всякую вещь, тамъ открытую, какого бы рода ни была, *мамаевою*. О именовавіи же Кундровцами развалины *Мамаевою землянкою*, будто бы перенявшими *мѣтко* такое *презвѣще* (выраженіе г. Небольсина) отъ царевскихъ жителей, мнѣ неизвѣстно и никогда не слыхать.

которые иногда какъ волны поднимаются на степной плоскости и могли произойти отъ напоса вѣтровъ (*).

Въ двухъ верстахъ отъ Батаевки, за пограничной чертой узда, начинается степь Киргизъ-Кайсацкая, простирающаяся до Уральскаго хребта Оренбургской губерніи.

Въ странѣ безлюдной не видно ни птицы, ни кустика; попадаются кибитки въ камышахъ, около нихъ тощій рогатый скотъ, красивыя лошади, овцы особой породы и верблюды. Кой-гдѣ мелькають Киргизы, кои встрѣчаютъ и провожаютъ проезжаго подозрительными глазами. Первое, самое бѣдное станціонное мѣсто, это Хорохой, въ 35 верстахъ отъ пограничной черты. Въ немъ дворецъ и ханскій хуторъ; послѣдній устроенъ для содержанія скота. Этотъ дворецъ принадлежитъ зятю покойнаго хана Джангера, который живетъ въ немъ зимою. Не должно думать, чтобы это дѣйствительно былъ дворецъ,—это простой деревянный домикъ, мало чѣмъ отличающійся отъ сарая; въ комнатахъ нѣтъ никакой мебели, фасады зданія обращены къ забору, грязному и заваленному кучами навоза; около прохаживаются телята и свиньи; послѣднихъ держатъ Мало-россіяне, живущіе въ двухъ землянкахъ; за дворцомъ,—мы именуемъ его по азіатскому тщеславію,—двѣ кибитки и двѣ землянки, въ коняхъ живутъ почтосодержатель и ямщикъ, оба природные киргизы и объясняющіеся съ русскимъ знаками. — За Хорохоємъ раскинута та же сухая, безлюдная и полумертвая поляна, которая на 30-ти верстахъ до станціи Шугай утомляетъ глазъ своимъ однообразіемъ. Тутъ сердце тревожится отъ нечаянной и негостепріимной встрѣчи Киргизца, несущагося на легкомъ конѣ или на двухгорбомъ кораблѣ, фыркающемъ и кричащемъ пронзительно. Звукъ непріятный, слышанный издали, невольно настраивалъ чувство къ боязни, которая однако, при перемѣнѣ лошадей у Шугая, была развлечена дѣтми природы. Полуобнаженные ребятишки выбѣгали изъ курной кибитки, кувыркались съ товарищами своей рѣзвости, собаками, вѣзали на колеса тарантаса и бросались подъ лошадей, играя съ ними: колокольчикъ зазвучалъ, и лошади потащились, ибо калмыцкія лошади не везутъ, а тащатъ. Тридцативерстная станція до Мостика измѣняла свою мѣстность: чаще появлялись кибитки, табуны лошадей и стада овецъ.—Отъ Мостика до ставки ханской, называемой Рынь-пески, 18 верстъ, и все это покрыто глинисто-солонцевато-песчаной почвою, не какъ прежде песчано-черноземной; за три

(*) Вся эта мѣстность и весь уздѣ Царевскій населены преимущественно Малороссіанами, которые, однако, потеряли неподдающееся простосердечіе, и языкъ, коимъ говорятъ,—смѣсь русскаго, словъ татарскихъ и калмыцкихъ.

версты отъ ставки, пески глубокіе, почти непротъжаемые.—Самый легкій экипажъ не проедетъ по нимъ, потому и мой тащили два пары быковъ.

Видъ ханскаго мѣстопробыванія, извѣстнаго подъ именемъ Рынъ-пески (*), произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе: это чистенькій и красивенькій городокъ, выстроенный ханомъ Джангеромъ въ 1827 году. Пробѣжимъ вкратцѣ исторію возрожденія Киргизъ-Кайсацкой орды, кочующей нынѣ между Оренбургской, Саратовской, Самарской и Астраханской губерніями.

Земли азійскія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, были въ глубокой древности обитаемы народами неизвѣстными, коихъ Греки именovali вообще Скиѣми, а Аравитяне и Персіане—Чете или Джете, Туркестаномъ, Тураномъ, Вера-Сейхуномъ и Кипчакомъ. Рѣка Сыръ или Сейхунъ была границею кочующимъ многообразнымъ племенамъ. Изъ этихъ степей вышли Киргизъ-Кайсаки (**), коихъ нѣкоторые принимаютъ за отрасль турецкаго племени; они сдѣлались болѣе извѣстными, когда Чингисъ-Ханъ (въ концѣ XII в.), обитавшій около границъ китайскихъ, подчинилъ ихъ своей власти; по смерти этого завоевателя они достались въ удѣлъ старшему сыну его Джучи, коего сынъ Бату былъ основателемъ Золотой орды и покорителемъ Россіи. Находясь подъ владычествомъ кипчакскихъ хановъ, они иногда имѣли своихъ хановъ, иногда присоединялись къ ордамъ Чагатайской, Алмалъской и Тамкендской, прозванной потомъ Могуль-Улусъ. По разрушеніи Золотой орды, они присоединились къ татарскимъ отдѣльнымъ царствамъ, и тогда въ началѣ XVI вѣка появились въ степяхъ Кипчака и Чете два сильныя владѣнія: Могуль-Улусъ подъ управленіемъ хапа Дадамъ, и Киргизъ-Кайсакъ подъ управленіемъ хана Арслана. Арсланъ былъ столь могущественъ, что могъ выставить 400,000 воиновъ; но по смерти его народъ остается какъ бы забытымъ на долгое время, и

(*) Правильное ихъ названіе Нарымъ-Кумъ. Первое слово калмыцкое, значить узкій, полоса узкой земли, а второе—татарское, значить пески. Нарымъ-Кумъ дѣйствительно представляетъ узкую полосу земли, въ родѣ азка, нѣсколько свернувшася. Ставка была прежде собственностью калмыковъ, съ обширными степями, на коихъ были рожи и большіе дѣси, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ семидесятилѣтній старикъ, хорошо знавшій эти степи въ своей молодости; но Киргизы все это вырубали. Наслѣдникъ калмыцкаго ханства Дондокъ-Даши, кочевалъ нѣкоторое время въ Рынъ-пескахъ, и въ 1747 году онъ вознамѣрился было перейти, со всею ордою, рѣку Уралъ, и открыть себѣ путь чрезъ земли Киргизъ-Кайсаковъ, Бухарію, Персію или Зюнгорію, но правительство уничтожило его предпріятіе построеніемъ нижеуральской линіи въ 1848 году.

(**) Киргизъ-Кайсакъ составлено изъ двухъ племенъ, враждебныхъ другъ другу: Киргизы суть дикіе Буруты, а Кайсаки—ихъ сосѣди кочевые.

кочуютъ, между многими странами, въ сѣверной части Сибири, коея послѣдній ханъ Кучумъ былъ родомъ Киргизъ-Кайсакъ. Въ началѣ XVII столѣтія они были властителями Туркестана, который служилъ мѣстопробываніемъ ихъ хановъ. Въ 1630 году владѣлъ Туркестаномъ ханъ Ишимъ (*) Сынъ его Джангеръ и внукъ Тявка повелѣвали всеми Киргизъ-Кайсаками, но живя въ своей столицѣ, они управляли ими черезъ своихъ намѣстниковъ, изъ коихъ Тюля надзираетъ за Большою ордою, Козъ-Бекъ за Среднею, а Айтакъ за Меньшею. Происшедшія внутреннія междоусобія при жизни Тявки и нападенія съ Востока Эюнгеровъ подъ предводительствомъ Хонтайзи Галданъ-Цырена, привлекли вниманіе Россіи и Китая. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, вошедшій въ сношенія съ Киргизъ-Кайсаками, по желанію Петра Великаго, склонилъ ихъ (въ 1717 году) къ повиновенію Россіи, и ханы: Тявка, Абуль-хайръ (потомокъ Усяка) и Калпъ (потомокъ Ишима), изъявили согласіе. Но смерть Тявки все уничтожила. Однако черезъ годъ Калпъ просилъ у Государя вѣчнаго мира и союза, потому что его орда проникла своевольно въ Казанскую губернію, производила опустошенія, и онъ боялся гнѣва Петра I. Между тѣмъ Галданъ-Цыренъ или Черенъ отнялъ у нихъ столицу Туркестанъ, Ташкентъ, Сайрамъ, и покорилъ своей власти нѣкоторыя отдѣленія Большой и Средней орды. Остатки ихъ откочевали къ Ходжанту и Самарканду (столица Бухаріи); а Меньшая орда къ предѣламъ Бухаріи и Хивы, потомъ поворотила къ рѣкѣ Эмбѣ; не остановилась здѣсь, перешла на правый берегъ рѣки Волги, вытѣснила Калмыковъ и заняла мѣста ихъ до Урала. Ханъ Абульхайръ, повелѣвая почти всею Меньшею ордою и думая о благосостояніи народа, отправилъ посланцевъ къ уфимскому воеводѣ Бутурлину (въ 1730 году), съ предложеніемъ подданства Россіи. Орды были обѣщаны защита и покровительство, и для приведенія ея къ присягѣ отправлены особые чиновники съ переводчикомъ мурзою Тевкелевымъ. Старѣйшина киргизской Меньшей орды, Букенъ-бай, весьма много содѣйствовалъ тому, что Киргизы присягнули на вѣрность Россіи (съ 1732 года), и Абуль-Хайръ признанъ ханомъ всей орды, коему дали отъ имени Императрицы Анны богатую, золотомъ оправленную саблю, которую онъ долженъ обнажать только противу враговъ Россіи (**). Со смертію Абуль-

(*) Дядь Ишима—Джадитъ, или Джадикъ, а отецъ Шигаи есть родоначальникъ Большой орды. Братъ Джадика, Усякъ, извѣстенъ другимъ родословіемъ, коего потомство въ одно время съ Джадиковымъ подчинилось Россіи въ 1730 году. — Орду называютъ Киргизы еще юсъ, означающее сто или сотню, напр. *Улу-юсъ* (большая сотня), *Урта-юсъ* (средняя сотня).

(**) Эта сабля хранится въ домѣ послѣдняго хана Внутренней орды, Джангеръ, въ сѣнѣхъ Рынь-пески, умершаго въ 1845 году.

Хайра былъ провозглашенъ ханомъ, въ народномъ собраніи, старшій его сынъ Нурали (въ 1749 году), и оренбургскому губернатору Неплюеву предписано было возвести его въ ханы торжественно въ Оренбургъ, по примѣру отца его.—Болѣе прочныя сношенія съ Нурали, нежели съ отцомъ его, постепенно распространяли нашу караванную торговлю съ Хивою, Бухарою и Ташкентомъ, чрезъ нихъ съ владѣніями средней Азіи до самой Индіи. Нурали-ханъ, братья его Эрали и Айчуванъ, собирались овладѣть Хивою, и если бы ихъ предпріятія были приведены въ исполненіе, то Россія открыла бы въ то время торговый путь въ Индію и не встрѣчала того соперничества отъ Англичанъ, какое мы нынѣ видимъ. Екатерина Великая стремилась сдѣлать осѣдлыми Среднюю и Меньшую орды, чтобы этимъ обезпечить караванную нашу торговлю; намѣрилась привести въ дѣйствіе предначертаніе о построеніи, съ восточной стороны Каспійскаго моря, укрѣпленнаго городка при устьѣ рѣки Эмбы; построить тамъ дома для Киргизцевъ и дворецъ для Нурали; однако ея желанія встрѣтили препятствія. Въ 1773 и 1774 годахъ юго-восточная часть Россіи была приведена въ смятеніе появленіемъ Пугачева; ханъ Нурали собралъ значительное войско киргизское для отраженія его и выдавалъ нашему правительству бунтовщиковъ. Съ учрежденіемъ въ Оренбургъ особеннаго пограничнаго правленія (въ 1782 году), подъ названіемъ *Пограничной экспедиціи*, она подчинила Киргизъ непосредственному вліянію нашему и сблизила ихъ нѣсколько съ гражданской осѣдлостію; потомъ были открыты, среди орды, судебныя мѣста подъ названіемъ расправъ. Каждая расправа состояла изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, которые въ общемъ присутствіи разсматривали и вершили дѣла; недовольнымъ рѣшеніемъ дозволялось переносить жалобы въ пограничный оренбургскій судъ.

Умеръ ханъ Нурали въ Уфѣ (1790 года), но завѣщалъ дѣтямъ своимъ быть покорными Россіи, какъ новому отечеству. Нельзя не сказать, что завѣщаніе его произошло отъ признанія безсилія своей орды, ослабленной внутренними раздорами и мѣтежами Сырымъ-Батыря, замышлявшаго соединить Среднюю и Меньшую орды и тѣмъ воскресить ихъ могущество; что самъ Нурали былъ много разъ наказываемъ нашими войсками, за намѣреніе отложиться отъ Россіи; что опытность показала ему, что маневры его Хивинцы, Бухарцы, частію Татары Крымскіе и даже Османы, во время нашихъ военныхъ дѣйствій противу Турціи, клонились къ низверженію его съ ханскаго владычества и къ присоединенію кочующихъ его орды къ другимъ землямъ. Со смертію хана, мятежникъ Сырымъ-Батырь

объявилъ себя властителемъ и снесся съ ханомъ хивинскимъ Аталыкомъ о взаимномъ вторженіи въ предѣлы Россіи.—Правительство наше, утвердивъ въ слѣдующемъ году султана Эрали, брата Нурали, въ ханскомъ достоинствѣ, успокоило Меньшую орду. Сырымъ-Батырь не переставалъ вредить ей, и Эрали, жившій постоянно близъ крепости Орской, въ построенномъ для него домѣ, умеръ послѣ трехлѣтняго управленія. Его мѣсто заступилъ султанъ Ишимъ, старшій сынъ Нурали, преданный Россіи и известный личными достоинствами. Утвержденіе Ишима (въ 1795 году) оправдало виды правительства, которое, для огражденія отъ посягательства на его жизнь, послало ему военный отрядъ, учредило при ханѣ, въ знакъ довѣренности къ нему, Диванъ или Совѣтъ ханскій, который былъ обязанъ исполнять волю хана, помогать ему въ дѣлахъ, и было повелѣно построить дома въ степи на урочищѣ Тайсуганъ, но чрезъ два года мстительный Сырымъ-Батырь, напавъ на него подъ красноварскимъ форпостомъ, умертвилъ разбойнически и разграбилъ все его богатство.—Управление ордою было возложено на вновь составленный Совѣтъ, образованный изъ шести совѣтниковъ, предсѣдателемъ коего былъ сдѣланъ Айчуванъ (*): Въ этомъ званіи они были утверждены барономъ Игельстромомъ, управлявшимъ вторично Оренбургскимъ краемъ, и баронъ первый подаль мысль о возможности управлять ордою безъ хана. Совѣтъ ханскій получилъ свою осядлость на рѣкѣ Хобдѣ, впадающей въ Уралъ, съ лѣвой его стороны,—однако въ 1798 году былъ избранъ въ ханы Айчуванъ, коему былъ подчиненъ ханскій Совѣтъ. Ханъ доказалъ свою преданность къ Россіи, но устарѣлый, онъ не могъ дѣйствовать, потому возникли раздоры, грабежи каравановъ и нападенія на пограничныя наши мѣста. Множество Киргизовъ, кочевавшихъ постоянно близъ Урала, удалились въ глубину степей, иные соединились съ поколѣніями Средней орды, а другіе перешли къ устью Сыръ-Дарья, къ восточнымъ предѣламъ Аральскаго моря, иные же откочевали къ Хивѣ и Бухарин. Айчуванъ, спасаясь отъ убійства, перешелъ Уралъ; султанъ Букей, сынъ Нурали, занимавшій въ Совѣтѣ, во время смятенія, мѣсто предсѣдателя, и кочуя вблизи астраханскихъ предѣловъ, рѣшился оставить навсегда степи за-уральскія, потому перешелъ въ урочище Нарымъ-пески. Послѣдовавшіе за нимъ Киргизы принадлежали большей частію къ поколѣнію байулинскому, нѣкоторая часть была изъ аинулинскаго.

Въ 1801 году онъ обратился къ главноуправлявшему Кавказскимъ краемъ и Астраханскою губерніею, генералъ-лейтенанту Кноррингу, съ изъясненіемъ своего желанія остаться въ вѣчномъ

(*) Сынъ хана Абуль-Хайра и родной братъ хановъ Нурали и Эрали.

подданствъ Россіи, и просилъ дозволенія кочевать съ 10,000 кибитокъ на степяхъ, между рѣками Ураломъ и Волгою, и тамъ заводить селища для зимней прикочевки. Императоръ Павелъ охотно дозволилъ, и, въ знакъ благоволенія своего, наградилъ его золотую медалью для ношенія на шеѣ на черной лентѣ. Осенью того же года перешелъ Букей съ преданными ему султанами, въ эти степи, отделившись навсегда отъ Меньшой киргизской орды, и съ того времени возникла здѣсь новая орда, подъ названіемъ *Букеевской* или *Внутренней*, и подъ именемъ последней она извѣстна въ сношеніяхъ служебныхъ. При переходѣ Букея изъ-за Урала, переселились съ нимъ только 5,000 кибитокъ, какъ сказано въ донесеніи наказнаго атамана астраханскаго казачьяго войска, Попова; въ 1803 году возросло до 7,500 кибитокъ. Когда разоренные и истощенные внутренними раздорами соплеменники ихъ, приводили изъ-за Урала дѣтей своихъ толпою на продажу въ земли русскія, ибо нищета и голодъ довели ихъ до этой крайности; тогда подвластные Букею богатели, и чрезъ восемь лѣтъ ихъ стада и табуны покрыли новыя степи,—это возбудило охоту въ другихъ Киргизахъ послѣдовать ихъ примѣру.

Внутренняя орда образовалась: а) изъ поколѣнія Байулы, состоявшаго изъ 11 меньшихъ родовъ, какъ-то: Берче, Байбакты, Алача, Черкеса, Исенъ-Темира, Кизыль-Курта, Томина, Джабана, Адай, Маскара и Тазлара; б) изъ небольшой части рода Кита поколѣнія Алимұлы; в) изъ небольшихъ трехъ родовъ: Табына, Тама и Кердери, изъ поколѣнія Джетиуругъ или Семиродцевъ; г) изъ Тюленгутовъ, составлявшихъ прислугу хановъ и султановъ; д) изъ нѣсколькихъ десятковъ кибитокъ рода Ходжи, происходящаго, по преданію, отъ святыхъ мухаммеданскихъ мужей; е) изъ нѣсколькихъ семействъ Ногайцевъ, присоединившихся еще къ Абуль-Хайру. Со времени образованія Внутренней орды считаютъ теперь 23,598 кибитокъ, полагая на каждую по пяти душъ, и потому нынѣ въ ордѣ 117,990 душъ.

Султаны, старшины и разные роды, въ 1812 году, избрали единодушно ханомъ Букея, который въ этомъ званіи былъ утверждёнъ нашимъ правительствомъ, а по смерти его перешла вся власть къ сыну Джавгеру. По случаю частныхъ переходовъ Киргизовъ изъ-за Урала, дружественныхъ и родственныхъ ихъ связей между однородцами и обилію земли для кочевья, столь увеличилось число кибитокъ, что оказался недостатокъ въ земляхъ для новыхъ переселенцевъ, а потому дальнѣйшій пропускъ запрещенъ въ 1828 году. Происходившія до того времени нѣкоторые волненія, отъ распространенія

ложныхъ слуховъ объ обращеніи Киргизовъ въ податное состояніе и набираниіи изъ нихъ рекрутовъ, были потушены своевременными распоряженіями. Самая перепись взволновывала ихъ много разъ, но Джангеръ поручалъ преданнымъ ему старшинамъ составлять списки частнымъ образомъ, и свидѣнія, ему доставляемыя, раскрывали большое размноженіе родовъ, совершившееся, такъ сказать, въ глазахъ одного поколѣнія, напримѣръ: Ногайцы, назадъ тому сто лѣтъ составлявшіе нѣсколько кибитокъ, возрасли болѣе нежели до 1,000.

Покойный ханъ Джангеръ, стремясь сдѣлать осѣдлою свою орду, положилъ основаніе городку или ставкѣ въ Рынь-пескахъ, въ 1827 году. Зданія въ ней, не исключая дворца, всѣ деревянныя и красуются правильностію; есть жилья въ два этажа. Лавки, базаръ и площадь наполнены ежедневно покупщиками. Кромѣ природныхъ обитателей, живутъ здѣсь по нѣскольку десятковъ лѣтъ русскіе купцы, обзаведшіеся своими домами и производящіе торгъ весьма выгодно. Одинъ изъ таковыхъ торговцевъ приобрѣлъ капиталъ болѣе нежели въ полъ-милліона рублей. Торговля производится не только простыми, необходимыми для общежитія товарами, но красными, и даже предметами прихоти—конфектами и вареньями. У всякаго купца непременно подъ домомъ лавка, у инаго до пяти, которыя замѣняютъ гостинный дворъ. — Жителей полагаютъ до 280 душъ мужскаго пола, въ томъ числѣ 180 Киргизъ-Кайсаковъ, 50 Русскихъ и 30 Армянъ. Русскіе имѣютъ молитвенный домъ въ зданіи казачьяго кордона. Ханъ очень желалъ, чтобы они выстроили церковь, по этому собраны уже деньги.—Изъ зданій примѣчательныя суть: училище (*), дома султановъ, дворецъ ханскій и мечеть; два послѣднія выстроены самимъ Джангеромъ. Занимая половину тѣхъ комнатъ, въ коихъ жилъ ханъ, я любовался мечетью изъ моихъ оконъ, предъ коими торчатъ жалкіе остатки деревьевъ отъ бывшаго нѣкогда сада; вслушивался въ протяжно-заунывный призывъ муэдзина, раздававшійся съ башни мечети на разные голоса, и возвыщавшій суннитамъ, чтобы они собирались къ намазу (молитвѣ); этотъ призывъ, по уставу Корана, провозглашался имъ пять разъ въ день, а именно: предъ разсвѣтомъ, въ полдень, предъ закатомъ солнца, немедленно по закатѣ солнца и спустя часъ по закатѣ солнца.

Проходя по улицамъ, пріятно всматриваться въ пестроту азиатской одежды, наблюдать повсюду движеніе, видѣть верблюдовъ, послушно несущихъ на своихъ хребтахъ по-нѣскольку десятковъ пудъ

(*) Въ училищѣ, кромѣ татарскаго и арабскаго языковъ, изученія Корана съ принадлежащими къ нему постановленіями и обрядами религіозными, преподается русскій языкъ учителямъ русскимъ.

сѣна, дровъ, выюки товаровъ, хозяйственную посуду, женъ и дѣтей, покрикивающихъ отъ удовольствія. При увеличивающейся постройкѣ, ставка, къ-сожалѣнію, заметывается песками, по коимъ ходить даже трудно; въ окрестности ея почти горы песчаныя, называемыя бурханами, которыя годъ отъ году умножаются отъ наносу вѣтровъ. Пока находился лѣсъ, который удерживалъ притокъ бурхановъ, была прекрасная поляна, испещренная цвѣтами и душистой зеленью. Они накаплиются преимущественно осенью, и предстоитъ опасность, что ставка покроется ими. Сколько ни тягостенъ для жителей такой наносъ, но столько же полезенъ онъ для снабженія ихъ хорошей водою. Стоитъ прокопать не болѣе полъ-аршина, явится вода, притягиваемая песками.

Джангеръ при жизни своей управлялъ ордою непосредственно и имѣлъ свой Совѣтъ ханскій, который учрежденъ въ 1828 году. Совѣтъ состоялъ изъ двѣнадцати бѣевъ (совѣтниковъ), назначаемыхъ имъ по одному отъ каждого родопрavitеля, которые были обязаны содѣйствовать ему мѣтніями и свѣдѣніями. Ханъ, хотя самъ избиралъ бѣевъ, однако представлялъ ихъ на утвержденіе Оренбургской Пограничной комиссіи, ибо Внутренняя орда состояла и состоитъ подъ ея управленіемъ, и оренбургскій военный губернаторъ утверждалъ ихъ въ званіи. Маловажныя дѣла и жалобы разбиралъ самъ ханъ, въ присутствіи султановъ, бѣевъ и муллъ; рѣшалъ споры по народнымъ обычаямъ, какъ рѣшаются и по-нынѣ. Воровство, превышающее тридцать рублей серебромъ, грабежи, разбои и убійства, судятся Пограничной комиссіею по нашимъ законамъ. Замѣчательно, что рѣшенія Совѣта ханскаго оканчивали всѣ дѣла на мѣсть, и не было примѣра жалобы на несправедливое рѣшеніе хана. Джангеръ просилъ, чтобы ему дозволено было имѣть при себѣ русскихъ чиновниковъ, считая ихъ въ государственной службѣ. Онъ имѣлъ ихъ, но какъ людей по частнымъ его занятіямъ.—По смерти хана учрежденъ Совѣтъ временной, подъ управленіемъ роднаго брата его Аделя, съ наименованіемъ правителя и опекуна, двухъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ—родной его братъ Менгли-Гирей, а другой—родной его дядя Чука-Нурали, коему отъ роду за 80 лѣтъ. Къ нимъ приданы въ помощь русскій совѣтникъ со стороны министерства Государственныхъ Имуществъ, письмоводитель и помощникъ его; послѣдній есть и переводчикъ татарскаго языка. Жалованье всѣмъ имъ изъ ханскаго дохода (закете). Переписка производится на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Правитель-опекунъ и два совѣтника изъ родственниковъ не знаютъ грамоты и прикладываютъ только печати къ дѣламъ. На вопросъ: знаютъ ли они, къ чему прикладываютъ?

отвѣчаютъ: объ этомъ не надо спрашивать. Въ правленіи находятся: зеркало, портреты Государа Императора и покойнаго Джангера. Для надзора за ставкою и ея спокойствіемъ, командируются казачьи отряды изъ Астраханскаго и Уральскаго войскъ и содержится кордонъ. Во Внутренней ордѣ, дѣлимой на семьнадцать родовъ, изъ коихъ она образовалась, каждый родъ имѣетъ особаго своего родоправителя, и дѣлится еще на части или отдѣленія, коими управляютъ старшины. Обязанности ихъ и родоправителей состоятъ въ наблюденіи тишины и спокойствія, въ сборѣ податей, отчетности, передаваніи распоряженій Временнаго Совета и приведеніи ихъ въ исполненіе. Въ десяти пограничныхъ съ ордою мѣстахъ находится еще по одному депутату для присутствованія при производствѣ слѣдствій.

Хавъ Джангеръ имѣлъ двухъ женъ: первая была изъ простыхъ Киргизокъ; отъ нея сынъ, Сеитъ-Гирей, остался безъ всякаго воспитанія и не наследовалъ правъ отцовскихъ; вторая была дочь муфти оренбургскаго (епископа магометанскаго), и была довольно образованная: кромѣ народнаго своего языка, она знала русскій и нѣмецкій, бывала въ обществахъ и вела жизнь свѣтской женщины. Отъ нея было шесть дѣтей: четыре сына и двѣ дочери. Старшій Саибъ-Гирей, утвержденный въ княжескомъ достоинствѣ послѣ смерти отца своего, съ переименованіемъ въ Чингисы, потому что отецъ его производилъ свой родъ отъ завоевателя Чингисъ-хана, воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и вступилъ въ права владѣтельнаго хана въ 1847 году, но вскорѣ померъ. Онъ былъ корнетъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, и состоялъ при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ. — Три его брата воспитываются еще въ пажескомъ корпусѣ: самому старшему изъ нихъ, Ибрагиму, около 18-ти лѣтъ, среднему, Ахметъ-Гирею, около 14-ти лѣтъ, а младшему, Губай-Дула, около 13-ти лѣтъ. Изъ дочерей старшая, Зюлейка, вышла за-мужъ за полковника Тевкелева, живущаго въ Оренбургской губерніи, который командовалъ гвардейскимъ казачьимъ дивизіономъ (въ Петербургѣ), а младшая, Ходыча, воспитывается въ Оренбургѣ (*). При дочеряхъ жили гувернантки изъ нѣмокъ. Обѣ дочери получили образованіе европейское; домашніе, любя ихъ за мягкость нрава и доброту, именovali по-своему: Зюлейку звали *Гюль-Май* (розовое масло), а Ходычу—*Ходы-Джанъ* (душенька Ходы). Отецъ ихъ былъ человекъ образованный, и родъ жизни его былъ столичный: достаточно взглянуть на его комнаты, убранныя со вкусомъ. Стулья, кресла, диваны и зеркала выписаны имъ изъ Петербурга; картины, портреты семейные и его самого, развѣшаны по стѣнамъ, что по

(*) По частнымъ свѣдѣніямъ, въ 1851 году въ октябрѣ мѣсяцѣ.

закону магометанскому запрещается; по столамъ разставлены украшенія, между ними помѣщены глобусы земной и небесный, послѣдній съ показаніемъ движенія планетъ; подлѣ часы, на верху коихъ шаръ лунный, показывающій явленія ея четвертей. Въ особомъ отдѣленіи устроена зала пріемная для Киргизовъ, коихъ онъ угощаетъ, сидя на разостланныхъ коврахъ; съ ними онъ пилъ и ѣлъ. Желая правиться своей ордѣ, онъ придерживался ихъ обычаевъ, такъ что между ними былъ онъ тотъ же кочующій Киргизъ-Кайсакъ; между учеными—ученый; мнѣнія и разговоры его слушали съ удовольствіемъ. Онъ слѣдилъ просвѣщеніе и участвовалъ въ изслѣдованіи по восточной части, почему университетъ казанскій, цѣня его знанія и полезныя содѣйствія, сдѣлалъ его своимъ почетнымъ членомъ. Какъ уважалъ онъ это званіе и гордился имъ, доказывается тѣмъ, что патентъ, имъ полученный, хранится въ гостиной въ золоченныхъ рамкахъ. Собирая вещи почему-либо рѣдкія, или изящныя, онъ любилъ собирать оружія, которыя помѣщаются въ особой комнатѣ, называемой оружейной, и состоятъ большей частію изъ восточныхъ пистолетовъ, ружей, саблей, шашекъ, ятагановъ, топориковъ, булавъ, кольчугъ, щитовъ и шишаковъ, крытыхъ серебряной и золотой чернью, и украшенныхъ дорогими каменьями. Иныя съ надписью арабскою, а иныя съ куфическою. Въ числѣ саблей суть дарственные роду его отъ Царственнаго нашего дома, а именно: отъ Императрицъ—Анны, Елисаветы и Екатерины II, Императоровъ — Павла и Александра Благословеннаго. Между восточными ружьями хранятся клинокъ сабли, похожей болѣе на шашку, которая жалована Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, неизвѣстно кому изъ хановъ (*). Украшенія клинка и надписи, съ обѣихъ сторонъ, арабскія, однообразныя, съ измѣненіемъ одного слова, а именно—на правой сторонѣ сказано: эль-кэбиръ (высокій, высокостепенный); а на лѣвой: эль-газизе (верховный); всѣ буквы крыты золотомъ и сохранились очень хорошо. Вотъ самая надпись: Барахметт-и-ляги таала нахлулъ мелликель-азымъ ханъ ве эмиръ ве кебиръ Михаилъ Ѳеодоровичъ мамалике гюль веляти урусъ, т.-е. «Мы Божіею Всемогущею милостію Государь Верховный (господствующій), Царь и владѣтель Великій Михаилъ Ѳеодоровичъ, обладатель всей державы Русской». — Съ краю этой надписи, между узорчатыми украшеніями, находятся арабскія слова, которыя можно читать такъ: Мюлла Надиръ, данишментъ багдади, 78,—т.-е. Мюлла Надиръ, художникъ изъ города Багдада, 78 (гиджры). На востокъ обыкновеніе у мастеровъ, означая на вещи

(*) Длинна клинка въ прямомъ направленіи 27 верш., а ширина посрединѣ $\frac{5}{4}$ вершка; сталь его булатная и чистой работы.

свое имя, ставить городъ Багдадъ, въ какомъ бы мѣстѣ они не жили, такъ мнѣ объясняли природные Азіятцы, знакомые съ подобными надписями. Такъ точно дѣлается по-нынѣ въ Россіи, какъ говорили те же Азіятцы, и посему не мудрено теперь читать подобную надпись съ именемъ Багдада, хотя эта сабля была работана въ Москвѣ.— Число же 78 означаетъ годъ гиджры (магометанскаго лѣтосчисленія), которой сотенное число истерто (*).

Покойный ханъ хвалился мнѣ собраніемъ многихъ рѣдкостей, по изъ нихъ я только нашелъ одни оружія. Не могу умолчать, что онъ слѣдилъ наше народное образованіе, читалъ русскія сочиненія и изданія періодическія, изъ коихъ особенно ему нравились Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія. Онъ отзывался объ нихъ съ уваженіемъ и почиталъ издателей. Доселѣ многіе въ степи знаютъ сотрудниковъ Пчелы и Библіотеки, и говорятъ—не Булгаринъ, а Оададей Венедиктовичъ Булгаринъ, не Гречъ, а Николай Ивановичъ Гречъ, не Сенковский, а Осипъ Ивановичъ Сенковский. Пчела читается не только въ глуши, но и въ Америкѣ. Мнѣ самому приходилось встрѣчать ее въ Берлинѣ и Парижѣ. Пусть нѣкоторые изъ нашихъ журналистовъ кричать о своей извѣстности, пусть трубятъ сами славу свою, а Сѣверная Пчела летаетъ со славою на Руси и питается ея медомъ своимъ (**).

Джангеръ, за оказанныя имъ услуги при походѣ нашего войска въ Хиву, былъ произведенъ въ генераль-маіоры и награжденъ звѣздою. Въ это время я видѣлъ его въ казачьемъ мундирѣ, который очень шелъ къ нему: ханъ былъ красивой наружности, съ черной длинною бородой. Близна и нѣжность его рукъ были рѣдкою принадлежностію и въ женскомъ полѣ, и красавица позавидовала бы имъ. Онъ былъ тихаго и скромнаго нрава, и очень добраго сердца: доселѣ оплакиваютъ его Киргизцы, ибо благотворенія его были всѣмъ открыты.—Онъ умеръ въ 1845 году, кажется, на 45 году своей жизни. Я былъ на могилѣ его и поклонился праху добродѣтельнаго мужа. Надъ гробомъ его построена усердными Киргизцами четырехугольная раскрашенная ограда, въ коей похоронены его жены и дѣти; надъ могилою посажено дерево.

Не смотря на дикую жизнь Киргизовъ, ханъ умѣлъ обуздывать ихъ своевольство и обложилъ повинностями, которыя были трехъ родовъ: а) *якете* и *сугумъ* для хана, б) *сугумъ* для родо-

(*) При составленіи описи оставшемуся послѣ смерти хана разному имуществу и вещамъ, царственнымъ саблямъ отъ царственныхъ особъ не были подведены подъ оцѣнку, какъ неоптценныя.

(**) Г. Покровский замѣтитъ, вѣроятно: «правильнѣе—питается медомъ ея», ибо пчела собственно не разноситъ меда, а собираетъ его. *Прим. Ред.*

начальниковъ, и в) сборъ особый для содержанія ханскихъ разсылныхъ. Зякете установленъ Магометомъ, а сугумъ и сборъ особый введены Джангеромъ. Происхожденіе зякете объясняется въ книгахъ Корана и Хадисе (1); впоследствии смыслъ этой подати былъ разъясненъ и утвержденъ соборомъ муджтедовъ (2), который изложилъ его въ книгахъ Матуне и Шрухъ (3). Въ Коранѣ сказано: *исполняйте моленіе и производите зякете*. Въ Хадисе: *отдавайте зякете съ вашего имънія*. Соборомъ муджтедовъ, въ книгахъ Матуне и Шрухъ: *поелику приношеніе зякете есть общее постановленіе для послѣдователей Пророка (Магомета), существующее съ самыхъ первоначальныхъ временъ до настоящихъ дней, и ни одинъ мусульманинъ не выражаетъ противу святости такого учрежденія, то уклоняющійся отъ зякете да будетъ отступникъ въры! опровергающій же да будетъ совратителемъ!* — Зякете означало собственно излишество, а по шаригату (закону общему) приношеніе отъ избытка, опредѣлено однако Нисабомъ (4): *никто не долженъ разсуждать: справедливо ли или несправедливо, сообразно ли или несообразно условію и узаконенію, постановленіе владычеля о взиманіи зякете; но всякій долженъ повиноваться безпрекословно и вносить слѣдующую съ него часть*. На этомъ основаніи Джангеръ, какъ послѣдователь и хранитель Корана, объяснялъ свой зякете, который простирался до 80,000 руб. сер. для поддержанія достоинства ханскаго и его семейства, на расходы духовенства, устроеніе мечетей, благотворенія и полезныя учрежденія. Сугумъ собирался скотомъ для угошенія, по народному обычаю, пріѣзжавшихъ въ ставку Киргизовъ. Сугумъ для родоначальниковъ былъ взносъ добровольный, потому что они несли обязанности управленія родами и пеклись о нуждахъ вѣчнаго имъ народа; сборъ особый на содержаніе разсылныхъ, простиравшійся до 1,850 руб. сер., введенъ для сношенія съ султанами, родоначальниками, и для содержанія почтъ.

Въ быту киргизскомъ скотоводство составляетъ единственное занятіе; хотя оно не такъ обширно, однако насчитываютъ, приблизительно: верблюдовъ 58,903, козъ 131,171, рогатаго скота 158,792, лошадей 229,173, овецъ 1,092,476; всего 2,500,345 головъ. Есть кибитки, которыя имѣютъ по 6,000 головъ скота, чѣмъ тща-

(1) Хадисе есть собраніе изреченій и проповѣдей Магомета.

(2) Они были намѣстники и хранители закона послѣ смерти Магомета.

(3) Матуне и Шрухъ книги, заключающія въ себѣ основанія и толкованія религіи: первая объясняетъ сокращенно, а вторая подробно.

(4) Нисабъ слово арабское, значить основаніе и условіе.

славятся другъ предъ другомъ, ибо этимъ обнаруживаютъ свое богатство. У кого большіе табуны, тотъ вельможа, аристократъ. Скоть прекрасной породы, лошади хотя очень красивыя по наружности, однако негодятся въ упряжь, и самая лучшая киргизская тройка пристанетъ на двадцативерстномъ разстояніи, и потомъ везетъ съ большимъ трудомъ. Обывательская тройка изъ русскихъ лошадей гораздо сильнѣе и здоровѣе: на такомъ разстояніи она не пристанетъ,—это испытано мною. Киргизскія лошади, какъ увѣряли меня, хороши для ѣзды верховой, потому что онѣ неутомимы,—но это также неосновательно: въ двухчасовую ѣзду до того изнурились хваленныя лошади, что нужно было долго водить ихъ, пока онѣ, такъ сказать, пришли въ себя. Говорю по опыту.

Киргизы пекутся о размноженіи скотоводства, потому что оно кормить ихъ, ибо мясо—главная ихъ пища, хотя входитъ въ употребленіе хлѣбъ. Весьма большое количество скота истребляется обычаями гостепріимства, постановленіями магометанскими, чтобы въ день Курбанъ-бейрама (жертва Божественная) приносить его въ жертву: тогда самый бѣдный тащитъ барана, а зажиточный не менѣе трехъ коровъ. Въ бѣдственные 1844 и 1845 годы, ознаменованные глубокими снѣгами и продолжительными морозами, погибло весьма много скота. Старожилы помнятъ, что около 40 лѣтъ тому назадъ Киргизская степь была покрыта множествомъ кустарниковъ и хорошими пастбищами, а теперь она прорѣзывается грядами большихъ сыпучихъ песковъ, и скоть терпитъ большой недостатокъ въ травѣ; мѣстами пересѣкается солонцоватыми топями и грязями (хаками), гибельными въ зимніе бураны, коими скоть заносится сюда. При обыкновенномъ бездождіи и нестерпимыхъ жарахъ, сохнутъ и выгораютъ травы, между тѣмъ какъ орду окружаютъ богатая губернія, изобильная хлѣбородіемъ и водами. Внутри ея нѣтъ ни рѣкъ, ни рѣчекъ, постоянно текущихъ. На границахъ ея со стороны Войска Уральскаго протекаетъ небольшая рѣчка Малой Узень, со стороны Саратовской губерніи, рѣчки Торгунъ и Паника. Въ нихъ водится самая мелкая рыба, ловомъ которой не занимаются Киргизы.

Въ ставкѣ ханской бывають двѣ ярмарки, открытыя въ 1832 году: первая весенняя, начинающаяся съ 15 апрѣля и оканчивающаяся 15 мая, а вторая осенняя, съ 15 сентября по 15 октября. Въ весеннюю собирается очень много покупателей скота изъ отдаленныхъ, внутреннихъ губерній; съѣзжаются торговцы съ красными товарами изъ губерній Астраханской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Оренбургской и другихъ. Обѣ ярмарки очень

сильно содѣйствуютъ обогащенію ставки и умственному развитію кочующаго народа.

Киргизы вѣроисповѣданія мугаммеданскаго, обряда суннитскаго (*). У нихъ долгое время не было нужнаго числа духовенства, кромѣ нѣсколькихъ муллъ казанскихъ, но Джангеръ употребилъ всѣ возможные старанія объ образованіи у себя духовенства, изъ своихъ Киргизовъ, почему отдавалъ учиться въ школы оренбургскія, и къ лучшимъ мулламъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ своей орды, не только дѣтей, но и взрослыхъ. Въ теченіе двадцатилѣтнихъ усилій онъ достигъ цѣли: природными Киргизами замѣстилъ мѣста муллъ при кибиткахъ и главной мечети. Въ настоящее время находятся при ставкѣ: ахунъ съ нѣсколькими муллами, а въ ордѣ около 139 муллъ, по одному на 170 кибитокъ. Духовенство не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ и содержаніемъ пользуется отъ добровольныхъ приношеній за отправленія обрядовъ религіозныхъ и обученіе дѣтей. Ахунъ и муллы въ ставкѣ содержатся при жизни хана, кромѣ привошеній, пособіями его. Они наблюдаютъ за исполненіемъ обрядовъ своихъ суннитовъ, побуждая къ тому увѣщаніями, почему каждый киргизъ считаетъ за обязанность бывать въ мечети хотя одинъ разъ въ день; болѣзнь только можетъ остановить его. Въ мечеть входятъ и молятся въ ней въ шапкахъ, нѣкоторые входятъ босоногіе, не взирая на холодъ, ибо Кораномъ повелѣно: «да войдетъ правовѣрный, отряхнувъ прахъ отъ своихъ ногъ и очистивъ ихъ отъ всякой нечистоты».—Этому правилу не слѣдуютъ въ точности, и я видѣлъ изъ всѣхъ молящихся одного мальчика босоногого во время холодное: было видно, что онъ дрожалъ. Входящій въ мечеть идетъ прямо, не смотритъ никуда, и остановившись почти на половинѣ, произноситъ про себя молитву, потомъ прикладываетъ къ ушамъ руки, продолжаетъ читать свою молитву, затѣмъ падаетъ ницъ на землю, или, сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ, садится, поджавъ ноги, и молится уже, кланяясь и вздыхая. — Изъ женщинъ никто не входитъ въ мечеть, и онѣ, какъ бы отлученныя отъ Бога и недостойныя молиться Ему, проводятъ всю свою жизнь въ рабствѣ и грубости, отнюдь не понимая своей тягости. Сроднив-

(*) Извѣстно, что Персіяне, *шиитскаго* вѣроисповѣданія (правовѣрнаго), упрекаютъ Киргизовъ въ расколыничество, а приверженцы суннитскаго называютъ ихъ въ замѣнъ расколыниками, отъ того у нихъ распря доходитъ до фанатизма, какъ это было въ Европѣ по случаю споровъ о чистотѣ вѣроисповѣданія. Персіяне зовутъ Татаръ въ насмѣшку Татарамъ, объясняя, на своемъ языкѣ, ихъ происхожденіе отъ *та*тъ невѣрный и *аръ* принимающій, т.е. принимающіе невѣрную, расколыническую вѣру.

пишъ съ дѣтства съ мыслию, что онѣ созданы для мучинъ, онѣ и умирають съ тою же мыслию.

Поклоняющіеся исламу запечатлѣли его остатками идолопоклонства. Они вѣрятъ духу доброму, *худай*, и злему, *шайтанъ* (чорту). Они думаютъ, что не признающіе ихъ корана могутъ быть мучимы для блага религіи. Вѣрятъ, что души покойниковъ сходятъ на землю со звѣздъ. Считаютъ того усопшаго святымъ, надъ прахомъ котораго выростетъ большое дерево; и этого достаточно для внесенія его въ свой молитвенникъ. Живыя являются у нихъ святыя, которые, не имѣя средствъ къ дневному пропитанію, одѣваются въ лохмотья, бродятъ между кибитками, гадаютъ, предсказываютъ или произносятъ молитвы страннымъ голосомъ, призывая на свою помощь духовъ. Юрунчи или Джаурунчи (колдуны) гадаютъ по бараньимъ костямъ: положивъ ихъ на огонь, замѣчаютъ трескъ, и по нему видятъ все на свѣтѣ. Рамчи (прорицатели) предсказываютъ по цвѣту пламени, коимъ пылаетъ брошенное въ огонь баранье масло. Джулдузчи (астрологи) гадаютъ по звѣздамъ, утверждая, что въ нихъ переселились знакомые имъ духи. Рассказывали мнѣ, что еще находятся изступленные прорицатели, называемые *бакси*. Являясь въ рубищѣ и съ потупленными глазами, бакси беретъ *кобызъ* (родъ скрипки), садится, потомъ провзительно поетъ и играетъ, коверкается постепенно, пока не закружится пѣна во рту. Тогда, бросая *кобызъ*, вскакиваетъ, трясетъ головою и зоветъ духовъ. Послѣ, тутъ же рассказываетъ, что говорили ему духи.

Хотя давно твердятъ свѣту: лѣньность есть мать пороковъ, однако иной Европеецъ не внимаетъ этому; что же до Азіятца, то его должно извинить, ибо онъ вовсе не знаетъ ни этой поговорки, ни послѣдствій лѣньности; напротивъ, онъ думаетъ, что достоинство и важность въ томъ-то и состоятъ, чтобъ ничего не дѣлать, лежать на боку и болтать, что придетъ въ голову: такъ поступаютъ Киргизы, начиная отъ простолюдина до аристократа; если хотите, то султаны подають примѣры. Собравшись, нѣсколько пріятелей садятся на коврахъ, въ кибиткахъ ли это, или въ домахъ; — известно, что они чуждаются мебели, — и разговариваютъ почти всю ночь. О чемъ же говорятъ? Подумаетъ кто-нибудь, что они бесѣдуютъ о благосостояніи ввѣренныхъ имъ кибитокъ, — нисколько: толкуютъ о пропавшей овцѣ: какой она шерсти, годовая-ли, и какъ пропала? Одни разсуждаютъ объ ней съ важностію, — другіе слушаютъ съ величайшимъ вниманіемъ. Если кто потянется или вздремнетъ, тотъ считается за злаго, не-сострадательнаго къ пропавшей овцѣ. — Всякая мелочная вещь, ничтожная новость, занимаетъ ихъ гораздо болѣе, нежели дѣло полез-

ное. Не умѣя различать истиннаго занятія отъ пустословія, они охотно слушаютъ всякій вздоръ и вѣрятъ всему. Самая наружность Киргиза выражаетъ лѣнь и безпечность. Посмотрите на очеркъ лица: носъ нѣсколько приплюснутый, мускулы выдавшіеся, лобъ широковатый, глаза небольшіе, губы нѣсколько толстыя, ротъ и подбородокъ маленькіе, уши прямыя, прижатые, лицо смуглое, почти оливковое, руки жилистыя и тѣло крѣпкое. Мужчины и женщины большей частью средняго роста. Мужчины отпускаютъ небольшія бороды и усы, подстригая ихъ; волосы на головѣ брѣютъ; цвѣтъ волосъ черныя, почти лоснящійся, и такой цвѣтъ встрѣчалъ я преимущественно между женщинами. Одѣваются въ чапаны, называемые ими халатами, всегда длинныя и пестрыя разноцвѣтныя; во время зимы они опушиваются мѣхомъ. Шапка, называемая малахай, спускается на спину въ родѣ капишона, виски прикрываются опущенными наушниками. Дѣлаются малахай нарядныя, которые суть остроконечныя, наподобіе колпаковъ, и весьма высокіе. Въ шапкахъ являются въ Совѣтъ, не снимаютъ ихъ ни предъ султаномъ, ни предъ ханомъ. Щеголи носятъ шапки круглыя, какъ малороссійскія, опущенныя мѣхомъ, съ круглой верхушкою краснаго цвѣта; такія же шапки носятъ дѣвушки и женщины; послѣднія повиваютъ еще голову кускомъ бѣлаго полотна, въ родѣ повойника, коего концы, довольно длинныя, лежатъ на спинѣ, и такой уборъ весьма схожъ съ малороссійской серпанкою. Дѣвушки повиваютъ голову красной матеріею; невесты надѣваютъ на голову колпакъ съ узкими полями, вышиною около аршина, который унизываютъ камнями и побрякушками. Волосы какъ женщины, такъ и дѣвицы, заплетаютъ. Женщины раздѣляютъ ихъ на двѣ или на три косы: двѣ висятъ по плечамъ, а третью обшиваютъ въ бархатъ. Иногда вмѣсто послѣдней привязываютъ лопасть, украшенную кистями, лентами и бляхами. Дѣвушки заплетаютъ многія тоненькія косы, унизывая ихъ серебряными бляхами, эмальными головками, цвѣтными камешками, бубенчиками и бисеромъ, къ концамъ привѣшиваютъ ленты, шнурочки и кисти.—Одежда бѣднаго состоитъ изъ двухъ и одной рубашки, и халата изъ самаго грубаго полотна, ергака, въ родѣ длиннаго чапана, выдѣлываемаго изъ жеребьячей шкуры, и овчиннаго тулупа. Люди состоянія посредственнаго носятъ халаты полушелковые, зажиточныя ергаки лучшей отдѣлки, лисьи шубы, кафтаны и шелковые халаты, съ опушкою или бахрамою бархатною и золоченною. Подпоясываются шерстяными и шелковыми поясами, но отличительный и почетный уборъ обоюго пола, это халатъ. Въ правленіи Временнаго Совѣта я видѣлъ служащихъ—въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ.

На вопросъ мой: можно ли такъ быть въ Совѣтъ? переводчикъ отвѣчалъ мнѣ: не только можно, но должно, потому что этотъ нарядъ служебный и почетный въ обществѣ.—Послѣ этого мы невѣжи, являясь къ высокостепеннымъ особамъ въ сюртукахъ.—Дѣвическій нарядъ отъ женскаго отличается только головною повязкою и сапогами на высокихъ подборахъ, около полутора вершка, и этимъ щеголюють: ходятъ на нихъ очень скоро и по нѣскольку верстъ. Любятъ навѣшивать побрякушки, и имъ нравится бряканіе. Оба пола, начиная съ дѣтей, ѣздятъ верхомъ на лошадахъ и верблюдахъ; повозокъ никакихъ не знаютъ. Женщины, какъ и мужчины, сидятъ верхомъ ловко и такъ твердо, какъ бы на стулѣ. Одѣтыя въ шелковое полукафтанье и съ повойникомъ на головѣ, съ развѣвающимися на спинѣ длинными концами, онѣ рисуются въ своей свободной и непринужденной скачкѣ, такъ что свѣтская наездница позавидовала бы ихъ искусству. Многія стрѣляютъ мѣтко. Мужескій и женскій полъ, проводя жизнь въ кибиткахъ, не любятъ движенія, отъ чего отъ природы лѣнны, неповоротливы и равнодушны къ улучшенію собственному. Довольствуясь кускомъ мяса, называемаго маханомъ, и супомъ, приготовленнымъ изъ муки и горячей воды, называемымъ буданомъ, они не ищутъ болѣе; хлѣбъ употребляется очень мало. Любимое и прославленное питье кумысъ употребляютъ одни зажиточные, равно какъ и чай кирпичный. То и другое я пилъ съ удовольствіемъ. Кирпичный чай отъ того называется такъ, что онъ продается плитамъ наподобіе кирпичей и стоитъ до 1½ руб. сер. Отрѣзавъ опредѣленную часть, кладутъ въ чайникъ и кипятятъ около двухъ часовъ, потомъ прибавляютъ соли и чухонскаго масла, а бѣдые бараньяго сала, и подаютъ въ особыхъ чашкахъ, равняющихся вмѣстимостію до четырехъ стакановъ; таковыхъ чашекъ вынимаютъ съ хлѣбомъ по три, а иногда по четыре. Русскіе пьютъ охотно, особенно живущіе съ ними, и увѣрили меня, что, бывъ пресыщены имъ, работаютъ свободно до полудня. Сытность и легкость я самъ испыталъ, и нѣкоторые рассказывали мнѣ, что этотъ чай истребляетъ геморой, и что многіе избавились отъ него. Къ числу кушаньевъ принадлежитъ еще *бишъ-бармакъ*. Это—крошево изъ бараньяго мяса, смѣшаннаго съ кусочками сала (*).—Изъ сала и жира готовятъ колбасы, имѣющія вкусъ кровяныхъ нѣмецкихъ (*Brustwurst* и *Leberwurst*).

Киргизы гостепріимны и стараются угостить, чѣмъ только могутъ. Будучи склонны къ лукавству и пріобрѣтенію, они нерѣдко

(1) *Бишъ-бармакъ* татарское слово, *бишъ* значитъ пять и *бармакъ* палецъ; дано ему это названіе потому, что ѣдятъ пятью пальцами. Это кушанье не понравилось мнѣ.

измѣняютъ самому гостепріимству, почитаемому вездѣ священнымъ. Не накормить или обидѣть гостя, это поношеніе не только одной кибиткѣ, но цѣлому роду. Если Киргизъ-кайсакъ завидѣлъ вещь и она понравилась ему, то онъ начинаетъ выхвалять ее, и хвалить дотоле, пока не подарятъ ему. Не догадывающійся, или не желающій подарить, подвергается опасности жизни. При входѣ моемъ въ одну кибитку, женщины, осматривая мою одежду, хвалили ее, особенно имъ нравилась шуба изъ черныхъ лоснящихся мерлушекъ. Старуха сказала потомъ чрезъ переводчицу: какъ хорошъ мѣхъ! желала бы носить такой и я. Кто ты такой: хозяинъ ли или чиновникъ?—Для чего она спрашиваетъ? спросилъ я.—Больно ей понравилась твоя шуба, отвѣчала она. Не понимая смысла, къ чему такъ нравилась шуба, я разсматривалъ внутреннее устройство жилья; но видно было, что старуха оставалась недовольною, что я все еще въ шубѣ.—Мнѣ рассказывали потомъ, что Киргизъ, забывъ гостепріимство, ограблялъ или убивалъ гостя и зарывалъ его въ такое мѣсто, что концы, какъ говорится, въ воду. Сколько я могъ самъ замѣтить, Киргизъ-кайсаки сребролюбивы, хитры и пронырливы, охотники погулять на чужой счетъ, и если имъ достается даромъ попить, то пьютъ до омертвѣнья. Весьма сладострастны, и при видѣ хорошенькой женщины обнаруживаютъ порывы кипучіе. Женившись на самой миленькой, обращаютъ ее въ работницы и рабыни. Они женятся не для того, чтобы любили впоследствии своихъ женъ и дѣтей, или заботились бы объ ихъ благосостояніи; нѣтъ, для того, чтобы самому ничего не дѣлать, жить въ одномъ чувственномъ наслажденіи, а жены работай на него. Собирается-ли мужъ ѣхать куда-либо, — жена одѣвъ его, осѣдай ему лошадь, посади на нее и запаси ему съѣстнаго на дорогу. Возвращается ли мужъ домой,—жена поди сними его съ лошади, разсѣдай, накорми, напой ее, и смотри, чтобы кто не угналъ съ пастбища. Жена приготовь и подай ему кушанье, а онъ, поджавъ ноги, садится ѣсть одинъ; жена, стоя предъ нимъ съ дѣтми, не смѣетъ дотронуться ни до махана, ни до будана, пока онъ не насытится. Если бы она подала ему кусокъ бѣринины вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ, то онъ постарается все съѣсть, а она, сложя руки, смотритъ, какъ онъ *уписываетъ* и бросаетъ ей съ дѣтми одѣвъ обглоданныя кости, которые тутъ же хватаются на-перерывъ дѣтми и собаками.

Отецъ, не имѣя никакого попеченія о дѣтяхъ, выдаетъ дочь за-мужъ и женить сына для того только, чтобы избавиться отъ нихъ. По причинѣ многоженства, браки совершаются у нихъ такъ легко, что у насъ гораздо труднѣе познакомиться. Въ день самаго

бракосочетанія ни женихъ, ни невеста не видятся, и сидятъ въ отдѣльныхъ комнатахъ или кибиткахъ. Является мулла, прочитываетъ молитву одному жениху и благословляетъ его на бракъ. Можно жениться безъ муллы, стѣитъ сказать при свидѣтеляхъ: *алдымъ* (беру), а ему отвѣчаютъ *бердымъ* (отдаю). Послѣ произнесеннаго алдымъ, женихъ не можетъ отказаться, но онъ не можетъ взять невесту съ собою, пока не внесетъ за нее положеннаго калыма: онъ имѣетъ право посѣщать ее во всякое время и проводить съ нею ночи. Про таковыя браки рассказывали мнѣ довольно. Однажды киргизъ повстрѣчалъ въ степи ѣдущую съ матерью дочь, которая ему очень понравилась. Онъ угождалъ имъ во всю дорогу и съ ними пріѣхалъ до ихъ аула. Приглашенный войти въ кибитку, онъ былъ угощенъ ими. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, онъ сказалъ матерѣ алдымъ, которая отвѣчала ему, что она не согласна на бердымъ, потому что при нихъ нѣтъ ни муллы, ни свидѣтелей. — Ничего, матушка, я самъ мулла (*), чтѣ же до свидѣтелей, то они вотъ. Онъ закричалъ на ближнія кибитки: будьте моими свидѣтелями, алдымъ! Тогда мать была принуждена сказать бердымъ, но не прежде отпустила къ нему дочь, пока онъ не внесъ сполна калыма (**).

Въ обхожденіи Киргизы по-видимому просты и оказываютъ почтеніе старшинамъ. Привѣтствуютъ другъ друга подавнѣмъ руки. Простолодинъ подаетъ свою руку хану, который не чуждается послѣдняго байчума (бѣдняка), — это народный обычай. Большимъ уваженіемъ считается, если одинъ протянетъ руку, а другой, положивъ ее на свою ладонь, прижметъ и пріударить своею рукою. Женщины привѣтствуются между собою одними вопросами—о здоровьѣ, кочевьѣ, и хвалятся, кто болѣе услуживаетъ мужу, собираетъ и устанавливаетъ кибитку, куда прикочевываетъ и избираетъ мѣсто ставки, чтобы только угодить мужу. Не смотря на рабоподобную подчиненность и многоженство, часто гнѣздится въ сердцахъ женщинъ ревность,—отъ коей нерѣдко изсыхаютъ. Любя своихъ мужей, онѣ даютъ имъ самыя нѣжныя наименованія: *глазикъ мой, свѣтъ мой, сердце мое душа моя*. Мужья не ревнуютъ къ своимъ женамъ, но и не равнодушны, когда ухаживаютъ посторонніе. Бываютъ невѣрности со стороны женъ, кончъ по Корану вѣрно побивать каменьями, какъ у древнихъ Евреевъ. Женщины ходятъ съ открытыми лицами и при встрѣчѣ не закрываются. Султаны и зажиточ-

(*) У Магометанъ тотъ всякой мулла, который знаетъ граммату и коранъ.

(**) Калымъ собственно значить подарокъ, но здѣсь разумѣется продажа. Такой обычай, т.-е. продавать невестъ, господствовалъ у нашихъ предковъ, и онъ былъ всеобщимъ на востокъ. Теперь не искорененъ еще въ Россіи между кочующими племенами.

ные, слывущіе аристократами, не показываютъ своихъ женъ и смотрять за ними строго: чѣмъ болѣе строгости, тѣмъ болѣе невѣрности. Если мусульманка пожелаетъ видѣть кого, то она найдетъ возможность—и мужъ съ рогами.

Рожденіе дитяти сопряжено съ суевѣрнымъ пособіемъ. Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тогда призываютъ колдуна или прорицателя къ облегченію страданій роженицы.—Обрѣзаніе совершается съ большою точностію, и этому особо изучивается мулла, который отправляетъ обрядъ, при чтеніи молитвъ, надъ дѣтьми отъ трехъ до десятилѣтняго возраста. Имена собственныя даютъ по произволу, даже неприличныя, оскорбляющія слухъ, но это у нихъ обыкновенное, житейское дѣло. Имена женщинъ скрываютъ, и если скажутъ, то совсѣмъ не то, какое онѣ носятъ. Я спросилъ у мужа имя его жены, которая въ это время, сидя у огня, выдѣлывала овчину; онъ отвѣчалъ мнѣ: нельзя сказать, грѣхъ: Макметъ (Магометъ) запретилъ сказывать; на томъ свѣтѣ не признаетъ тебя жена. — Если грѣхъ, то пусть грѣхъ, отвѣчалъ я, по крайней мѣрѣ дозволю мнѣ посмотреть головной уборъ (повойникъ) твоей жены.—Нельзя бы, но ужъ для тебя, сказалъ онъ,—и велѣлъ своей женѣ развязать головную повязку и показать, какъ она складывается и навязывается. Не грѣхъ показывать джяуру (невѣрному), какъ убирается голова, а грѣхъ сказать ея имя, подумалъ я. Вотъ нравы! вотъ понятія! Да, у каждаго народа свои заблужденія, а у полудикаго неприличіе считается приличіемъ, негрѣхъ—грѣхомъ. Чтѣ у благовоспитаннаго оскорбило бы честь, то у кочующаго непонятно, какъ честь.

Покойника оплакиваютъ съ воємъ, особенно жены: онѣ даже обязаны плакать, кричать, царапать свое лицо и рвать на себѣ волосы, исчисляя достоинства своего мужа и его нѣжную къ нимъ любовь. Иныя жены оплакиваютъ его по утрамъ и вечерамъ—нѣсколько недель, предъ куклою, одѣтою въ платье умершаго.—Едва скончается мужъ, обмываютъ его тѣло, наряжаютъ или пеленаютъ и кладутъ на коверъ. Сходятся родственники, мулла прочитываетъ молитвы и восхваляетъ умершаго; потомъ несутъ его къ могилѣ, въ сопровожденіи плачущихъ женъ и шеста съ чернымъ платкомъ; на могилѣ снова читается молитва, и наконецъ погребаютъ. По возвращеніи домой прочитывается молитва за упокой. Поминки отправляются ими черезъ 40 дней, а важнѣйшими почитаются отправляемые черезъ годъ. На могилѣ ставятъ дерево, и если ово примется, то покойника признаютъ святымъ. — У могилъ я видѣлъ столбы каменные, раскрашенные и съ надписью въ похвалу умершаго.

Киргизы весьма преданы суеврѣю, и знахарей у нихъ бездна; имъ вѣрятъ до того, что думаютъ, что они въ состояніи сдѣлать сверхъестественное. У молодаго ханскаго сына Сеитъ-Гирея я видѣлъ лошадь, родившуюся безъ хвоста, которая, будучи жеребенкомъ, выдвливала скачки въ родѣ паяца, перепрыгивая черезъ двѣ и три лошади. Киргизы, изумляясь ея искусству, видѣли въ ней силу демонскую, потому прибѣгнули къ чародѣямъ, чтобы заговорить ее. Не успѣвъ въ этомъ, суевѣры полагали, что вся причина ея рѣзвости въ томъ, что она безхвостая, потому настаивали, чтобы ей вырастить хвостъ. Въ этомъ все усиліе было тщетное, и колдуны сознались, что они не въ силахъ заставить демоновъ отдать хвостъ. —И впрямь такъ, сказали Киргизы, дѣло нестаточное! Демонъ не свой братъ.

Для меня показалось страннымъ, что Киргизы, преданные обману знахарей, прибѣгаютъ къ пособію живущаго въ ставкѣ врача, очень образованнаго и попечительнаго, А. Г. Пупорева, который хвалитъ ихъ точность въ исполненіи пріемовъ лечебныхъ.

Большая часть Киргизовъ руководствуется въ ночныхъ дорогахъ примѣтами созвѣздій. Полярная звезда *темиръ-казыкъ* (железный колъ) занимаетъ у нихъ первое мѣсто. Утренняя звезда называется *чубанъ-джулдусы* (пастушья звезда); Большая медвѣдица (*джиды-каракчи*), по ихъ мнѣнію, образована изъ семи волковъ, бѣгущихъ за двумя лошадьми—бѣлою (*акъ-бузатъ*) и сѣрою (*кутъ-бузатъ*), и когда первая съѣстъ вторую, тогда наступитъ кончина міра. Млечный путь (*кушнукъ-юлы*) называется птичьей дорогою, ибо думаютъ, что по нему перелетаютъ птицы изъ Европы въ Азію.—Плеяды или дикий баранъ (*царкаръ*), весною нисходитъ на землю и раститъ траву для скота.

Годъ считается съ марта, и первый его день называютъ новымъ годомъ (наурузъ). Мѣсяцы именовуются по знакамъ зодіака. Пятница у нихъ (джума или джума) замѣняетъ наше воскресенье. Названіе дней переняли у Персіянъ, — недѣля начинается съ субботы, а именно: *тембе* или *сембе* суббота, *джексембе* воскресенье, *дюсембе* понедѣльникъ, *сисембе* вторникъ, *сярсембе* среда, *бійсембе* четвертокъ, и *джума* пятница. Счисленіе года называется *гиджрою*, которая начинается со времени бѣгства Магометова изъ Мекки въ Медину, въ 622 году по Р. Х. Иногда считаютъ монгольскими кругами, состоящими изъ 12 годовъ, изъ которыхъ каждый носитъ названіе какого-нибудь животнаго. Вотъ имъ имена: первый годъ *сычканъ* (мышій), второй *сыгыръ* (коровій), третій *джулбарсъ* (барсовый), четвертый *тугушканъ* (заячій), пятый *му* (драконовый), шестой *джиланъ*

(зѣиный), седьмой *джилька* (лошадный), восьмой *кой* (по-монгольски хойнъ—бараній), девятый *ничинъ* (по-монгольски мечинъ—обезьяный), десятый *тиунъ* (по-монгольски тако—куриный), одиннадцатый *итъ* (по-монгольски нохо—собачій), двенадцатый *дунгузъ* (по-монгольски гаха—свинный). Если припоминаютъ какое-либо происшествіе, то говорятъ: тому прошло уже четыре года собачьихъ, т.-е. 48 лѣтъ, или два года собачьихъ и шесть простыхъ, т.-е. 30 лѣтъ. День считаютъ отъ восхожденія до захожденія солнца. Протяженіе дороги измѣряютъ временемъ, на примѣръ: отъ такого-то мѣста до такого три дня вѣды (верховой обыкновенной).

Киргизъ-Кайсаки говорятъ испорченнымъ татарскимъ языкомъ; есть слова непонятныя ни для Татарина, ни для Турка, которыя суть или монгольскія, или испорченныя китайскія. Читающій Алкоранъ и его объясняющій почитается мудрецомъ. Султаны мало чѣмъ отличаются мудростію отъ простолюдина, ибо почти всѣ, не зная грамматы, прикладываютъ къ бумагамъ свои печати, а письма и дѣла читаютъ муллы, которые и отвѣчаютъ на нихъ. О поэзій народной я ничего не слыхалъ. Нѣкоторые изъ образованныхъ султановъ читаютъ ее въ турецкихъ, персидскихъ и арабскихъ стихотвореніяхъ. Музыки стройной не слыхалъ; гармоника, вездѣ проникающая, раздалась по улицамъ Рынь-песковъ. Употребляютъ однако дикую степную: кобызы (въ родѣ скрипки) и чыбызы (дудки камышевыя).

Холодъ и зной переносятъ вочующіе съ удивительной твердостію. Я видѣлъ мужчинъ въ степи съ открытой шею и грудью, почти въ одной рубашкѣ, но съ малахаемъ на головѣ, въ такое время, когда дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, шелъ снѣгъ, и только что въ пору шуба. Смотря на его тѣло, красноватое, закаленное непогодю, видишь какъ бы выдубленную кожу. Дѣти въ рубашенкахъ ползаютъ около огня, разгребаютъ своими рученками уголья удушливаго и зловоннаго кизака (*), и не чувствуютъ, какъ обжигаютъ свои пальцы, прожигаютъ рубашенки до самаго тѣла, или же выбѣгаютъ полунагіе на просторъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ мороза, дуютъ въ рукавъ, висящій лохмотьями. При зноѣ, почти нестерпимомъ, валяются нагими по песку и жарятся на немъ. Мужчины и женщины только что не ходятъ лѣтомъ въ томъ видѣ, какъ мать-природа произвела ихъ на свѣтъ. Собаки, спутники и оберегатели кибитокъ, грызутся вмѣстѣ съ дѣтьми, особенно когда голодные отнимаютъ у нихъ маханъ. Приходилось видѣть, что изъ одного и

*) Навозъ сѣиный, но въ ставкѣ ханской употребляютъ еще, вмѣсто дровъ, траву, называемую *курпекъ* или *кепекъ*, имѣющую корень толстой и растущую по песчанымъ буграмъ; въюкъ верблюжій продается 7 коп. сер.

того же казана (чугунного котла), въ которомъ готовится кушанье для семейства, хлѣбають и собаки. Во многихъ кибиткахъ кошки до того небоязливы, что спокойно расхаживають по махану, и, мяукая, тащатъ на верхъ кибитки самый сытный кусокъ мяса. Собаки, увидя кошку, поднимають вой, хозяйка кричитъ, двѣ бѣгаютъ вокругъ: брысь! брысь! но котъ васька слушаетъ да ѣстъ.

Проводя жизнь чисто животную, Киргизы не призадумаются убить кого-либо, особенно если замѣтятъ проезжаго съ состояніемъ. Многіе изъ нихъ не разсуждаютъ о послѣдствіяхъ, или думаютъ, бросивъ въ полъ трупъ, что не откроютъ виновнаго. Вотъ общество людей, живущее по природѣ! вотъ общество, коего ищутъ многіе, стремясь жить по природѣ! Послѣ этого осуждаютъ еще просвѣщеніе.

Ставка по своему заселенію среди сыпучихъ песковъ, куда едва проникала нога человѣческая, содѣлалась нынѣ весьма важнымъ и полезнымъ мѣстомъ, потому что она притягиваетъ къ себѣ кочующую орду, имѣть надъ нею надзоръ попечительный и сближаетъ нечувствительно полудикаря съ оскѣдностію. Едва протекла четверть столѣтія съ ея основанія, какъ уже нѣкоторые изъ кочующихъ начали заводится домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться къ кося и сохѣ. Будущность, кажется, близкая, что кочевыя степи покроются селищами, и благотворная мысль водворить Киргизовъ, приводится незамѣтно въ исполненіе. При жизни хана управленіе было подвержено нѣрѣдко личнымъ видамъ окружавшихъ его особъ, отъ чего народъ ропталъ; при немъ собираемыя подати хотя имѣли опредѣленное назначеніе, однако переходили въ другія руки и расточались безъ пользы; при немъ зякете и сугумъ не только не подвергались никакой отчетности, но даже не было извѣстно, куда израсходовались и на что? Все было до такой степени произвольно, что ханъ терпѣлъ нужду въ средствахъ къ своему содержанію. Какъ прежде шло, такъ, думая, будетъ и нынче; но благотѣльный начальникъ всего Оренбургскаго края, его высокопревосходительство Василій Алексѣевичъ Перовскій, обратилъ отеческую заботливость на орду, и въ короткое время все приведено въ точность. Здѣсь не у мѣста излагать бывшіе безпорядки: довольно сказать, что зякете и сугумъ получили приращеніе, и, безъ сомнѣнія, еще увеличатся.

При видѣ удалства и наѣздничества Киргизъ-Кайсаковъ, приходитъ на мысль: не отъ Кайсаковъ ли получили и проименованіе казаки? Спрашиваешь Киргизъ-Кайсака: кто ты?—Киргизъ.—А еще?—казакъ.—Онъ никакъ не назоветъ себя кайсакомъ, Русскіе же называютъ его *корсака*. Такое переименованіе имени даетъ поводъ

думать, что наши казаки суть по названію тѣ же Кайсаки. Пишутъ, что первые казаки явились въ Малороссіи въ половинѣ XIII вѣка, когда Бату, уничтоживъ Кіевъ, былъ причиною, что жители бѣжали изъ него, поселились у пороговъ днѣпровскихъ и проименовались Запорожцами. Извѣстно, что въ Грузіи были Цихи (Кайсаки) еще до Р. Х.; что они селились по всей Скиѣи, по рѣкамъ Днѣстру, Дону и Днѣпру; что однородцы ихъ именовались по разнымъ мѣстностямъ различно; что Кайсаки легко могли смѣшаться съ запорожскими поселенцами и передать имъ свое имя. Несторъ, описывая походъ тмутараканскаго князя Мстислава на косогаго (1) князя (въ 1022 году), говорить о Косогахъ, обитавшихъ по Дону, — не тѣ же-ли Кайсаки? Не такъ ли случилось съ происхожденіемъ имени Русскаго, когда Варяго-Руссы пришли къ намъ въ половинѣ IX вѣка, смѣшались съ Славянами Новгородскими и оставили имъ навсегда свое имя? Такихъ примѣровъ въ Исторіи очень, очень много. Переименованій же именъ народныхъ такъ много, что можно бы написать объ нихъ книги. Нерѣдко укоризненные изванія обращались въ племенные, родовыя. Не прибѣгая къ указаніямъ на исторію народовъ, довольно сказать, что имя Малороссіянъ, въ наше время, можетъ послужить тому доказательствомъ. Издвываясь надъ ними, говорятъ: вотъ идетъ хохоль, или: эй хохоль! поди сюда (2). Такъ назвать Малоросса настоящаго, онъ обидится, между тѣмъ въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ хохоль сдѣлалось какъ бы достояніемъ родовымъ. Въ этихъ мѣстахъ я спрашивалъ иногда нарочито у Малороссіянина: кто ты такой? хохоль. — Кто ты родомъ? хохоль. — На какомъ языкѣ говоришь со мною? на хохлацкомъ. — Отъ чего же не говоришь по-малороссійски? я его не знаю. Однимъ словомъ, сколько я ни разспрашивалъ про нравы, обычаи, пѣсни, все это называютъ хохлацкимъ. Вотъ какъ измѣняются племенные наименованія! — Слова кайсакъ и казакъ такъ созвучны, такъ нечувствительны къ усвоиванію одного вмѣсто другаго, что проименованіе казаковъ скорѣе допустить можно отъ кайсаковъ, нежели отъ косы, козы, кобзы, козявки и тому подобныхъ (3).

(1) Цихи и Косоги, у нашихъ предковъ, суть тѣ же Черкесы, и подъ этимъ именемъ извѣстенъ даже горскій народъ. Кайсакъ, безъ сомнѣнія, есть прибавочное къ Киргизу, какъ у многихъ народовъ бывало, напримѣръ: Варяго-Русъ и т. п., и кайсакъ по созвучію тотъ же казакъ (бездомный), и онъ такъ же могъ называться черкесомъ, по жительству на Кавказѣ.

(2) Хохоль значитъ по-малороссійски длинный чубъ.

(3) Казакъ татарское слово, и значитъ бездомный, бобыль. Въ одной рукописи конца XVIII в., хранящейся у меня и имѣющей заглавіе: *Извѣстіе о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи* и т. д.,

Оставляя доказывать другимъ начало проименованія казаковъ, я обращаюсь къ своему предмету.—Изъ Рынь-песковъ я отправился къ большой горѣ Богодо, по прежней однообразной степи, на коей долго не было видно ни хутора, ни землянки. Кой-гдѣ выказывались закопченныя кибитки, трава ковыль и солончакъ. Не доѣзжая горы Малаго Богодо, встрѣтилъ я у дороги дерево осокорь, коего стволъ въ обхватѣ около шести аршинъ и растетъ въ самомъ колодцѣ; вода его очень хорошая. Около черты Баскунчатскаго озера, разстилающагося у подошвы Большаго Богодо, почти во ста верстахъ отъ ставки, проявляются земли вспаханныя, и этимъ обязаны трудолюбію Кара-Калпаковъ (черношапошниковъ). Они суть выходцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, смѣшались здѣсь съ Татарами, забыли свой языкъ и приняли магометанство. Трухменцы тунгуровскіе, Татары кундровскіе, Киргизы и частію Калмыки, обитаютъ около нихъ въ небольшомъ количествѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ большой горѣ Богодо, тѣмъ земля солонцоватѣе и безжизненнѣе. Богодо виднѣется за нѣсколько верстъ; дорога къ нему пересѣкается оврагами и хребтами возвышенными. Надали вершина его гораздо заманчивѣе, нежели какъ на самомъ мѣстѣ. У самой подошвы растянулось соляное озеро Баскунчатское, имѣющее окружность 46, длину 18, а ширину около 9 верстъ. Богодо—калымцкое слово, значить *святый*, а *баскунчатъ*—татарское: *буса* ледъ и *кумъ* песокъ, ледъ-песокъ, и вѣроятно отъ того такъ проименовалось озеро, что поверхность его отъ соли представляется издали льдистою, и по ней ходятъ и ѣздятъ свободно, когда ропъ (разсолъ) сгоняется моряною (морскимъ вѣтромъ) (*). Соль же въ это время ложится зернистымъ пескомъ и отражается какъ кристалъ; въ такомъ видѣ собирается она изъ-подъ

сказано, что баскакъ татарскій, правитель княжества Курскаго, призвавъ Черкесъ, въ 1282 году, населилъ слободы подъ именемъ казаковъ, которые занимались грабежами и разбоями, за что ихъ жилища были уничтожены кн. Олегомъ; но они, соединясь потомъ съ бѣглецами русскими, основали городъ Черкасъ на р. Днѣстрѣ, въ память своего происхожденія, и посему имя черкесъ и казакъ сдѣлалось придаточнымъ въ землѣ украинской, ибо казакъ татарское слово и значить бездомнаго, бродягу или бобыля. Въ 1320 г. казаки поселились въ Переволочнѣ, потомъ на островѣ Хорпицѣ, за тѣмъ распространили свои жилища до р. Буга и Днѣстра, а наконецъ утвердились въ 1548 году выше Днѣпра и удержали за собою имя Запорожцевъ, с. 133 ид.

(*) Въ китайскихъ владѣніяхъ тянется цѣпь горъ Тянь-Шань, между Туркестаномъ и старой Джангурию; вершина цѣпи называется тамъ *Богдо-ула*. Богодо, какъ мы знаемъ, значить *святый*, а *ула* гора, поэтому гора Богодо.—У насъ два Богодо: Большое и Малое. Названіе Баскунчатскаго озера производятъ нѣкоторые отъ двухъ татарскихъ словъ: *башъ* голова, *кумчакъ* сука, по этому озеро значить: *сучья голова*. Кажется, правильнѣе то производство, которое отъ *буса* и *кумъ*.

рапы.—Озеро это очень богато солью, но разработка приостановлена около тридцати лѣтъ тому назадъ; за всемъ тѣмъ при немъ живутъ корчемный застѣатель, наблюдающій за корчемствомъ, солтійой приставъ, коему вѣтренъ отрядъ казачій для его распоряженій, и офицеръ кордона казачьяго.

Появленіе на степи двухъ горъ Богдо весьма важно для естествоиспытателей: конечно, онѣ обязаны вулканическому происхожденію, и мѣстность, обнаруживающая солонцоватую почву, безъ сомнѣнія, была нѣкогда дномъ морскимъ.—Не лишне замѣтить здѣсь, что при озерѣ находится соляныя грязи, которыя благотворительно помогаютъ многимъ больнымъ, даже зараженнымъ неизлечимыми болѣзнями. Свойство этихъ грязей то же самое, какое Эльтонскаго солянаго озера.

Богдо устланъ песчано-известковыми осколками, а бока съ одной стороны обложены красной глиною, которою Киргизъ-Кайсаки красятъ деревянныя веши. Около вершины торчатъ камни, которыя срываются вѣтромъ и разбиваются. На срединѣ почти горы находятся норы, въ нихъ водятся рыжія лисицы. Лѣтомъ, отъ подошвы до вершины, все испещряется цѣтцами, и, какъ еще говорили мы, гнѣздятся между камнями большой величины змѣи и очень смиренныя. Высота горы около 150 сажень. Гора своимъ очертаніемъ представляетъ лежащаго льва съ поднятою головою, почему Калмыки называютъ ее *Арсланъ-ула*, левъ-гора. Окружность подошвы около 7-ми верстъ, а протяженіе горы около версты; всходъ на нее крутой и нѣсколько утомительный. Съ вершины открывается глазамъ, съ трехъ сторонъ, необозримая равнина, а съ четвертой соляное озеро.

Калмыки боготворятъ Богдо и клянутся имъ, какъ своимъ богомъ: да задавить меня Богдо! Изъ нихъ никто не смѣетъ взойти на вершину, чтобы не осквернить ея своими ногами. Они всходятъ молиться на уступъ предъ вершиною, и приносятъ въ жертву мелочы: лоскутки отъ платья, и, будто бы, бросаютъ деньги, но этого никто не видѣлъ. Нѣкоторые, описывая моленіе Калмыкъ, выдумали, что они не падаютъ для жертвы ни овецъ, ни коровъ, ни денегъ серебряныхъ и золотыхъ. Изъ старожиловъ никто не слыхалъ объ этомъ, какъ я ни разспрашивалъ (*).

(*) Неедѣевъ (Подроб. свѣд. о волжск. Калмыкахъ. С.-ПБ. 1844 г. с. 5) говоритъ, что чистъ Богдо южной покрыта слоями гипса и алебаstra, и что Калмыки оставляютъ на поверхности, въ видѣ жертвъ, деньги, разныя вещицы и даже камни. Осматривая самъ гору, я нашелъ на ней одну песчано-глинистую породу, имѣющую видъ известки, не похожей ни на гипсъ, ни на алебастръ, а денегъ я не видалъ, только валялись кусочки камешковъ, клочки шерсти и перья.—Преданіе же о происхожденіи Богдо, излагаемое мною, нѣсколько противорѣчитъ извѣстію г. Неедѣева.

О происхожденіи Богдо сохранились у Калмыковъ разныя преданія, изъ коихъ любопытнѣе слѣдующее. Три святые брата, отправившись изъ Китая, несли на себѣ гору: дошедши до этихъ мѣстъ, раздѣлились на двѣ стороны: меньшой отнесъ свою гору на то мѣсто, гдѣ нынѣ Малое Богдо, въ 40 верстахъ отъ Большой, поставилъ и успокоился подѣ нею на вѣкъ; старшій и средній тоже поставили, гдѣ теперь Большая Богдо, но какъ средній согрѣшилъ во время дороги, то она раздавила его, и потекла съ него кровь, коей слѣды суть бока красной глины; старшій же тихо успокоился подѣ нею. Во время одного обѣда старшій плеснулъ похлебкой, и отъ нея образовалось соляное Баскунчатское озеро. — Калмыки твердо увѣрены, что въ нѣдрахъ горы живетъ змѣй съ золотыми рогами (драконъ китайскій), что это есть богъ невидимый, котораго видятъ одни праведные. — Нѣкоторые рассказываютъ еще, что при дуновеніи вѣтра носится на вершинѣ глухой звукъ, отзывающійся стenanіемъ людей и переходящій иногда въ крикъ человѣческихъ голосовъ; что въ одной изъ глубокихъ норъ живетъ горный духъ *Цаганъ-эбугенъ* (бывшій старикъ). — Глухой звукъ и стenanіе подали поводъ думать суевѣрнымъ, что это происходитъ отъ Цаганъ-эбугена. — Восточный вѣтеръ, выходя изъ ущелій, разносится по вершинѣ и поло со свистомъ, особенно въ осенніе, сумрачные дни, — вотъ происхожденіе суевѣрія.

Насупротивъ солянаго озера расположено небольшое озеро Хара-усунъ (черная вода), имѣющее окружность около версты (*). Внутри его прѣсная вода, а посрединѣ водоворотъ, такъ что, чтѣ ни попадаетъ сюда, все гибнетъ. Въ шести верстахъ отъ Хара-усунъ свѣрный ключъ; близъ Богдо, съ юго-восточной стороны, горячая въ кускахъ сѣра. Въ 80 верстахъ отъ Богдо возвышенность Чипчичи (**), имѣющая каменную соль; при ломкѣ ея разбиваются топоры, посрединѣ небольшое съ рапою озерко Чапчали или Чипчачи въ окружности около шести, а въ длину полторы версты; оно на предѣлахъ трехъ владѣній: калмыцкихъ, киргизскихъ и кундровскихъ Татаръ (Енотаевского уѣзда, Астраханской губерніи). Въ 45 верстахъ отсюда лежитъ Батарбекское соляное озеро и много другихъ небольшихъ озеръ, которыя, какъ думаютъ, имѣютъ подземное сообщеніе

(*) Хара-усунъ называется по-калмыцки, а Татары зовутъ Кулабіе: *кула* саврасый, а *біе* лошадь. Говорятъ, что въ этомъ озерѣ потонула когда-то саврасая лошадь.

(**) Трудно опредѣлить правильное произношеніе: нѣкоторые называютъ Чапчачи, Чипчичи, Чѣпчачи, Чапчаги, Чипчаглы.

съ озеромъ (Царевскаго уѣзда) Эльтонскимъ, отстоящимъ отъ нихъ въ 400 верстахъ (*).

Съ Богодо развѣртывается чистая и гладкая степь, усаженная ковылемъ, столь грустно припѣваемымъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. На тридцативерстномъ протяженіи мнѣ казалась пустыня, и верстъ за шесть передъ селеніемъ Болхуны (Черновярскаго уѣзда) появились вспаханныя поля, а тамъ стоги сѣна и скирды хлѣбныя. Сердцу стало легче отъ этихъ признаковъ осѣлости. — Селеніе Болхуны весьма многолюдное и богатое, заселено малороссійскими выходцами.

(*) Объ Эльтонскомъ озерѣ помѣщено мною въ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, въ 1845 г., въ 9-й части, ст. 289. — На Баскунчатскомъ озерѣ сохранилось живое преданіе о нѣжности родителей къ двумъ сынкамъ. Я сказала живое преданіе, потому что издаваемое происшествіе не превышаетъ двадцати лѣтъ. По примѣрной любви къ недорослямъ, родители занялись на 22-хъ-лѣтнемъ ихъ возрастѣ, тѣмъ лишь, чтобы научить грамотѣ. Но маменька ихъ, разсудивъ потомъ представить ихъ свѣту, озаботилась дать нѣсколько уроковъ, какъ входить въ гостинную, кланяться, шаркать и подходить съ глубокимъ почетомъ къ рукъ дамской. Нарядившись въ широкое съ шлейфомъ платье, она украсила голову свою высокимъ чепцомъ, украшеннымъ разноцвѣтно-пестрыми и красными лентами, натянула на руки шелковыя бѣлыя перчатки, сѣла въ уголъ комнаты и представляла барыню, къ коей должнъ были подходить сынки, лишь для примѣра. Во время упражненія въ этомъ дѣлѣ, пріѣхала неожиданно гостья, которая съ изумленіемъ встрѣтила стоявшихъ у дверей гостинной, двухъ сынковъ, рослыхъ какъ гайдуки, и дюжихъ какъ бурлаки; они, не поклонившись ей, хотя только что шаркали, сказали: матушка, войдите, наша матушка разыгрываетъ невѣсть-что и учить насъ чему-то басурманскому. Невѣжи! болваны! закричала на нихъ маменька, кланяйтесь гостьѣ, давно ли учила васъ? Шаркните, ну вотъ такъ, ну такъ. — Видите, сударья, обратилась она къ пріѣзжей, я учу ихъ, какъ образованнымъ молодымъ людямъ должно стоять, держать себя прямо, умѣть подойти къ рукъ, и чтобы яснѣе, вразумительнѣе было для нихъ, представляю себя, будто я имъ чужая. — Ну подходите, сказала она имъ, цѣлуйте ручку у дамы, тутъ и поклонъ отдайте. — Гостья не могла не замѣтить, что нынче не подходить уже къ рукъ; что прежде слѣдовало бы позаботиться объ образованіи, что.... Маменька перебила ея слова и сказала: милая моя! мои сынки воспитаны довольно хорошо, къ довершенію ихъ образованія недоставало свѣтской ловкости, развязанности, вотъ почему я сама приняла на себя обязанность учить ихъ *реверансамъ и церемональнымъ комплиментамъ*. Какая мать пожелаетъ, чтобы дитя было невѣжа, а тѣмъ болѣе я! — Любуясь ими, она повѣхала въ Астрахань похвалиться ихъ свѣтскостію, коей только и не доставало. — После этого скажутъ, что нѣтъ уже недорослей! Увы! не совсѣмъ такъ: есть мѣста въ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ можно найти изобильный источникъ для комедій и уродливыхъ пснѣній объ образованіи. Я знаю одно помѣщичье семейство очень богатое, которое не позаботилось обучить русскому письму своихъ дочерей, боясь, чтобы онѣ не переписывались съ любовниками, и таковыхъ же сынковъ, считающихся *дворянчиками*.

Тѣ же хаты съ соломенными кровлями, полы смазанные глиною, стѣны бѣленыя, и то же простодушіе природное (*).

Направивши свой путь изъ селенія по теченію луговой стороны Ахтубы, я видѣлъ берега ея, такъ сказать, усыпанные селищами: хутора, деревни и селенія восхищали глазъ и веселили душу; дѣятельность кипѣла повсюду.—Давно ли была степь? Не болѣе сорока лѣтъ, а теперь она превратилась въ многолюдную страну. Люди здѣшніе спорятъ уже о земляхъ, имъ стало тѣсно. Киргизъ—Кайсаки и Калмыки, прежніе господа луговой полосы, вытѣснены отсюда рѣшительно; не знавшіе предѣла своему своеволію, они думали, что

(*) Остановившись въ одной богатой избѣ, я нашелъ, въ соседствѣ съ нею, разгульное море: пѣсни, пляска и скрипка кипѣли во всемъ разгарѣ. Полагая, что это свадьба, я пошелъ посмотрѣть ее, но это было мировое угощеніе сватовъ, по забавному случаю. Сватъ малоросіянинъ выпросилъ у своего свата земляка малолѣтняго его сына, съ тѣмъ, чтобы онъ за воспитаніе его былъ ему вмѣсто сына и почиталъ бы его за отца. Такъ согласились.—Онъ воспиталъ, женилъ его и надѣлилъ состояніемъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы, онъ оставилъ нареченнаго своего отца и перешелъ въ домъ настоящаго, бывъ имъ сманенъ. Нареченный вошелъ съ жалобою въ громадскую (расправу), которая приговорила, чтобы отецъ заплатилъ ему за все время воспитанія его сына, возмѣнилъ бы расходы по свадьбѣ и приданое; но какъ нечѣмъ было заплатить, то пріятели совѣтовали просить у него мировой, которая состояла въ томъ, чтобы онъ съ сыномъ и невесткою поклонились ему въ ноги три раза. Онъ долго не соглашался, но убѣжденный совѣтами, явился съ женою съ своими дѣтьми; однако не снялъ шапки предъ нимъ и не поклонился. Нареченный отецъ, стоявшій важно съ палкою въ рукахъ и съ шапкою на головѣ, ожидалъ поклона; увидѣвъ же, что тотъ не думаетъ, сказалъ ему: эй свате! пожѣ думаешь? поклонись въ ноги тричи, такъ все забуду—тай Богъ съ тобою!—Нн, оце (вотъ) не буде, отвѣчалъ онъ.—Якъ не буде, такъ заплати мени гроши, бо я стодовавъ (вскормилъ) и оженывъ іего.—Такъ же выдайся (вѣдайся) съ нимъ, сказалъ отецъ.—Якъ же мени выдаться съ нимъ, коли ты іего сманывъ. Свате, поклонись!—Оце не буде.—Не буде, такъ не хай (пусть) твій сынъ по прежнему остается у мене.—Не хай винъ кланяеця, сказалъ отецъ.—Та оставъ, пане свату; бачъ, оце разъ, два и тричи (постукивая палкою, говорилъ онъ); поклонись, кажу поклонись.—Тотъ хотѣлъ было, потомъ раздумалъ и снова заупрямился.—Якій же ты свате! чм довго тоби поклонница: оце разъ, два и тричи, та обнимемся и поцѣлуемся.—Послѣ этого начали уговаривать отца и грозили, что если не помирится, то оставить и отдадутъ его подъ судъ. Съ трудомъ уговорили, и онъ, снявъ шапку, сказала: глядите, міряне и вся громада честная.—Онъ поклонился въ ноги, а тотъ, постукивая палкою за каждымъ поклономъ, приговаривалъ съ самодовольствіемъ: оце разъ,—добре (хорошо); оце два, добре; оце тричи, добре. Ну буде, свате.—Онъ обнялъ его и поцѣловались. То же самое сдѣлали его дѣти.—Благодареніе Богу, все кончено между нами, сказалъ нареченный отецъ; ходимо же ко мни, та выпьемъ по стакачику зеленчака.

ихъ степи останутся на-всегда дикими, какъ они сами.—По возвращеніи моемъ въ избу, я засталъ въ ней мальчика, сильно плакавшаго и просившаго у матери поѣсть. Какъ онъ не хотѣлъ ѣсть паляницы (пшеничнаго хлѣба) и все плакалъ, то она грозила побить его; онъ не унимался. Разсерженная этимъ мать закричала: оце вередливый бисивъ сынь! чего хочешь? Ишь!—Не хочу, сказалъ онъ.—Чего же хочешь? — Дай мени мясца (а это былъ постный день, соблюдаемый строго Малороссіянами).—А бусурмане, католику! вскрикнула она на него, якъ же можно! теперь тилько вдятъ паны та собаки.

Отъ Болхуновъ до городка Селитряннаго, на протяженіи 118 верстъ (*), постоянно измѣняется мѣстность: то виднѣются вдали холмики, въ родѣ кургановъ; то отлогія песчаная возвышенности, омыаемыя Ахтубой, которая живописно окаймляетъ деревни и селенія. Михайловка мнѣ понравилась красивымъ мѣстоположеніемъ: она на косогорѣ, а внизу ея плещетъ Ахтуба, та самая, которая своими водами напавала нѣкогда Золото-ордынцевъ. Съ Саскелей или Сасыкальскаго, расположеннаго на горѣ, примѣчаются уже слѣды древнихъ жилищъ Монголо-Татаръ; въ семи верстахъ, повыше его, выходитъ изъ Ахтубы рѣчка Шулукъ (**), который мѣстами пересыхаетъ совершенно, а онъ при владычествѣ татарскомъ послѣ на своемъ хребтѣ торговыя суда и воинственныхъ набѣдниковъ, отважно бросавшихся вплавь на своемъ послушномъ конѣ. Шулукъ огибаетъ нѣкоторыя селенія, извивается подъ Селитряннымъ, предъ конемъ увертывается какъ змѣя, послѣ разстилается узкой тесмою между возвышенностями и впадаетъ подъ ихъ прикрытіемъ въ Ахтубу.—Что касается до заселенія Саскелей и Харабалинскаго или Гарбалей, то въ нихъ водворены пришельцы изъ Воронежской и Тамбовской губерній, а Тамбовка одними выходцами тамбовскими; всѣ эти мѣста, за тридцать лѣтъ тому назадъ, были необитаемы, и долго никто

(*) Отъ Болхуновъ до Пироговки 18 верстъ, отъ Пироговки до Золотушинскихъ хуторовъ 8 верстъ, отъ Золотушинскихъ хуторовъ до Михайловки или иначе Волочайки 25 верстъ. Волочайка прозвана въ насмѣшку, потому что поселенцы ея имѣютъ тягу по землямъ, со времени заселенія ихъ. Отъ Михайловки до Саскелей 12 вер., отъ Саскелей до Гарбалей, или Карбалей или Харабалинскаго 25 вер., отъ Гарбалей до Тамбовки 12 вер., отъ Тамбовки до городка Селитряннаго 18 верстъ.

(**) Правильное названіе его *Ашулукъ*, татарское слово, значить—горькая вода; обтекаетъ Саскелей, Карбалей, Тамбовку, и впадаетъ подъ Селитряннымъ въ Ахтубу; потомъ выбѣгаетъ изъ нея снова, впадаетъ опять въ нее подъ Хожатаевкою, селеніемъ татарскимъ, отстоящимъ отъ Селитряннаго въ 70 верстахъ: всего теченія его 163 версты. — Хожатаевку называютъ нинѣ Кагатаевкою и Чагатаевкою. Хожатаевка и Сентовка—два обширныя селенія кундровскихъ Татаръ, въ конѣ считаютъ до 800 дворовъ.

не рѣшался селиться, ибо толпы бродивших полудикарей грабили и убивали, тамъ же скрывались ватаги разбойниковъ, нынѣ кипить народъ и живутъ мирные обитатели. Съ Саскелей едва видны, по крижу горъ, остатки отъ татарскихъ зданій; въ буграхъ и насыпяхъ попадаются кирпичъ и голубые изразцы. — Домики и хозяйственные постройки прикрыли ихъ собою. Находимыя вещи и мѣстность именуются въ народѣ *мамаевскими*. Изъ Тамбовки идетъ дорога въ Селитрянный то чрезъ горки и долины, засыпанныя пескомъ, то чрезъ тощія поля, усаженные кустами полыни и колючки. Чѣмъ ближе къ городку, тѣмъ болѣе увеличиваются пески; предъ самымъ селеніемъ торчатъ бугры развалинъ, свидѣтельствующіе собою мѣстопребываніе Татаръ, и это мѣсто долгое время было спорнымъ: нѣкоторые доказывали, что тутъ Сарай, столица Дештъ-кипчакаго царства.

Слѣды явственныхъ, неопровергаемыхъ жилищъ, тянутся по лѣвому берегу Ахтубы и Шулука. Между рытвинами и природными холмами разметано древнее селеніе, коего имени никто не знаетъ; по буграмъ и всей мѣстности валяются кирпичи. Бугоръ, называемый въ простонародіи Маяковымъ и стоящій надъ берегомъ Шулука, открываетъ прекрасный видъ на окрестныя поляны; напротивъ поднимаются ряды кочурокъ (*), за ними красный бугоръ, самый возвышенный, получившій такое имя отъ глины красноватаго цвѣта; вся мѣстность устлана остатками развалинъ. За Маяковымъ тянется новый рядъ бугровъ, внутри коихъ находили стѣны, мозаическіе изразцы и глиняную посуду. На пятиверстномъ протяженіи разбросанъ мелкій кирпичъ, и весь городокъ представляетъ кучу безобразныхъ разрытій (**).

(*) Этимъ именемъ прозваны здѣсь рытвія мѣста, и кочурка значитъ здѣсь яма.

(**) Селитрянный, отстоящій отъ Астрахани во 105 верстахъ, получилъ такое названіе отъ бывшаго здѣсь завода селитряннаго, устроеннаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Первый заводчикъ былъ астраханскій купецъ Кобяковъ, который приготавливалъ селитру изъ костей человѣческихъ и разныхъ животныхъ, отрываемыхъ имъ изъ развалинъ: доселѣ остались кучи золы. По оконечностямъ бывшаго завода остались двѣ обрушенныя башни и двѣ почти сравнявшіяся съ землею. Тутъ было укрѣпленіе, и старики рассказываютъ, что, за пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ, отцы ихъ застали цѣльныя оберегательныя башни, на коихъ находились пушки, присланныя правительствомъ для охраненія завода и жителей отъ набѣговъ бездомныхъ обитателей; при заводѣ находился для защиты казачій кордонъ, который отсюда былъ растянутъ по Ахтубѣ и Волгѣ къ Царпыну, отъ него мимо посада Дубовскаго до Камышина (Саратовской губерніи), и потомъ въ степь до хребта Уральскаго. Теперь находится кордонъ въ Селитрянномъ, близъ Богдо и въ Рынъ-пескахъ; въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ уже въ немъ надоб-

Ахтуба, подмывая въ полу ю воду курганы, вымываетъ кирпичи, монеты, кости человѣческія и разныя вещи, уноситъ съ собою и оставляетъ потомъ въ отдаленныхъ краяхъ. Какъ между буграми Краснымъ и Кочурками всего болѣе насыней и кургановъ, образовавшихся изъ себя какъ бы одну слитую кирпичную площадь, то можно думать, что здѣсь должны быть древности. Есть насыпи и бугры, повидимому, не тронутые. Если произвести раскопку правильнымъ образомъ, то, можетъ быть, откроются вещи замѣчательныя. Разносятъ слухи о прежде находимыхъ серебряныхъ и золотыхъ древностяхъ, и если вѣрить молвѣ, то были тамъ найдены, во второй половинѣ XVIII вѣка, два серебряные гроба, и потому нѣкоторые изъ ученыхъ заключили, что тутъ было ханское кладбище. За 25 лѣтъ предъ симъ былъ открытъ женщиною кувшинъ, какъ говорятъ, съ золотыми деньгами; за четыре года предъ симъ отрыли въ родѣ комнаты, съ обвалившимися дверями, имѣвшей видъ внутренней кибитки; въ срединѣ находился кувшинъ. Нынѣшней весною (1851 года) найденъ кувшинчикъ съ серебряными деньгами, и такихъ кувшинчиковъ отрывали прежде довольно; были также откопаны золотыя монеты; попадались серебряныя и золотыя перстни. Я самъ видѣлъ сердоликовый перстень. Лѣтъ двадцать предъ симъ нѣкто нашелъ блестящій и большой величины камень, который былъ имъ проданъ за семь-сотъ руб. сер. — На поверхности ровной я встрѣчалъ очень много битой глиняной посуды, металлическіе слитки, осколки дикаго камня, голубыхъ изразцевъ и перламутровыя раковины. Мнѣ показывали два прекрасныхъ мозаическихъ изразца, недавно отрытыхъ. При разсматриваніи разбитой въ мелкіе куски посуды, я спросилъ у одного простолюдина: для чего бьете ее? не лучше ли хранить на память? — Это нечистое мамайское, отвѣчалъ онъ, и разсказалъ мнѣ, что при отрытіи кувшина или другой какой-либо вещи, нашедшій долженъ перекреститься и произнести: *съ нами крестная сила!* и потомъ разбить: тамъ сидитъ злой духъ Мамай!

Пушки были сняты казачьимъ Сыроглазовскимъ кордономъ и еще въ 1837 году лежало на дворѣ одного обывателя шесть пушекъ. Онѣ были чугунныя и одинаковой величины: въ длину 2 аршина, въ поперечникъ у горла 5 вершковъ. Въ то же самое время были взяты сыроглазовскими казаками котлы чугунные большой величины, въ конѣхъ приготавлиая селитру, и оставили на память городку три якоря, лежащіе на берегу Ахтубы. Нѣкоторые, не видѣвшіе городка, утверждали, что эти башни суть остатки отъ укрѣпленій золото-ордынскихъ, что ими доказывается древность городка, что тутъ былъ сарай, основанный Бату, первымъ ханомъ Золотой орды; что на эту мѣстность указываютъ Рубрукъ и Плато-Карпини, бывшіе въ ставкѣ ханской и посланные сюда—однимъ королемъ французскимъ, а другой папою.

При поверхностномъ даже разсматриваніи развалинъ городка, нельзя сравнить ихъ съ царевскими; первыя помѣщаются на протяженіи не болѣе пяти, а вторыя на двадцати верстахъ; первыя не имѣютъ ни каналовъ, ни озеръ искусственныхъ, а вторыя испещрены ими и въ большихъ размырахъ; первыя не имѣютъ въ такомъ множествѣ насыпей и кургановъ, а вторыя были унижены ими. Самое величіе царственнаго города не могло помѣщаться на такомъ маломъ пространствѣ, на какомъ расположенъ Селитрянный; между тѣмъ какъ одно обширное протяженіе царевскихъ развалинъ изобличаетъ столицу могущественныхъ владелиновъ Золотой Орды. При всей сравнительно незначительной мѣстности городка, нельзя быть равнодушнымъ къ его положенію. Хотя нѣсколько монеть мѣдныхъ и серебряныхъ, переданныхъ мнѣ, тѣ же самыя, какія отрывались мною въ Царевѣ, однако онѣ невольно увлекаютъ къ изслѣдованію. Кто знаетъ, чтѣ найдется! Можетъ быть, этотъ кирпичный холмъ, или тотъ, который засыпанъ пескомъ, скрываетъ рѣдкость. Можетъ быть!...

АЛЕКСАНДРЪ ТЕРИЩЕВЪ.

12 августа 1853 года.

Деревня Александропольская,
Екатеринославскаго уѣзда.

ИЗЪ ПЯТИГОРСКА. Важнѣйшею новостію лечебной поры этого года, на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, было то, что Ермоловскій, одинъ изъ важнѣйшихъ, и Николаевскій ключи изсякли, и пользованія ими, по этому, не было. Изсякли ли они навсегда и совершенно, или только временно, — это неизвѣстно. Были и прежде случаи подобнаго изсяканія, но только временные. Нарзатъ, напротивъ, какъ замѣтили нѣкоторые, усилился.

Стеченіе больныхъ было теперь почти такое же, какъ и въ прошлыхъ годахъ. Въ числѣ посѣтителей было и семейство Иловайскихъ.

ИЗЪ ОДЕССЫ. Погода стоитъ у насъ предурная: дождь, туманъ, грязь, сырость воздуха и слякоть. Иностранныхъ судовъ въ гавани множество. Торговля не прекратила своихъ дѣйствій. Цѣны на рынкѣ: овесъ по 10 р. сер. за четверть, дрова по 35 р. сер. за трехпольную сажень, 100 большихъ кочановъ лучшей капусты 9 руб. серебромъ, а средняго качества 6 р. сер.; возъ сѣна отъ 10 до 12 руб. серебромъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА О РАШЕЛИ

(къ М. С. Щепкину *).

Почтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ! Я беру самопроизвольно право писать къ вамъ о Рашели изъ потребности высказать впечатлѣніе, произведенное ею на меня въ Петербургъ, и изъ желанія отдать собственныя мои мысли на проверку художника, обладающаго развитымъ критическимъ талантомъ. Рашель появилась на сценѣ Михайловскаго театра въ роли «Федры», и тотчасъ же прибавлю, что я не узналъ той Рашели, которую видѣлъ въ Парижѣ въ 1842 и 1846 годахъ. Не то, чтобъ измѣнилась ея высокая, тонкая фигура, такъ напоминающая *сухощавость* античныхъ статуй, не то, чтобъ потухъ ея черный огненный глазъ, и лице потеряло, отъ времени и усталости, способность къ выраженію чудной игры ощущеній,—нѣтъ, все это сохранила она въ полномъ блескѣ и свѣжести, но здѣсь произошла, по моему, другаго рода переменна. Съ артистами, принужденными играть очень часто одну и ту же роль—бываетъ иногда то же, что съ авторомъ, слишкомъ долго носившимъ въ головѣ сюжетъ произведенія. Матерія, на которой долженъ работать художникъ, изнашивается и ветшаетъ въ его собственныхъ глазахъ. Онъ прибѣгаетъ тогда къ подновленіямъ, къ раскраскѣ первоначальнаго плана, кропитъ мысль, умершую въ его головѣ, живою водою, и мысль возстаетъ снова, но уже съ легкими признаками начавшагося тлѣнія. Только этимъ могу я объяснить общій *тонъ* нынѣшней игры Рашели въ «Федру». Первое появленіе ея въ трагедіи, гдѣ такъ превосходно выражено поэтомъ безпокойство страсти, заключенной въ себѣ, которая разрѣшается потомъ мучительнымъ, но пылкимъ признаніемъ—составляло торжество парижской Рашели. Всѣ черты, которыми обрисовала она душевное состояніе Федры, сохранены ею и теперь, но уже она переполнена жизнью и кровью. Подбавка напрасна! Онѣ сдѣлались яснѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубѣе. Здѣсь однакожъ прошу не принять послѣдняго слова въ смыслѣ уступки требованіямъ невѣжественности и райка. Ни того, ни другаго нѣтъ въ нашемъ французскомъ театрѣ, но грубѣе сдѣлались онѣ потому, что гениальная актриса находится теперь подъ стремленіемъ къ *образности*, пластичности

(*) Мы отняли это письмо у знаменитаго артиста: по нашему мнѣнію, которое раздѣлять, безъ сомнѣнія, читатели, оно заключаетъ столько вѣрныхъ и тонкихъ замѣчаній о драматическомъ искусствѣ, и вообще о французской трагедіи, что ихъ непременно нужно сообщать къ *свѣдѣнію* публики и актеровъ. *Ред.*

каждого своего движенья, подь усиленнымъ желаніемъ дать *выпускъ* всякой мысли и картинѣ, какъ будто авторъ классической трагедіи, самъ по себѣ, не имѣлъ въ виду преимущественно этой цѣли, наконецъ, подь искусственнымъ побужденіемъ сообщить жестомъ и позой—*наглядное* выраженіе и такимъ подробностямъ, которыя составляютъ механическую связь произведенія и не имѣютъ никакого права на почетное выраженіе. Иногда кажется, что артистка не доверяетъ новой своей публикѣ, питая къ ней нѣчто въ родѣ *обиднаго сомнѣнія*, и стараясь какъ можно болѣе освѣщать хорошія мѣста своего автора — ради непривычныхъ глазъ. Можетъ быть, она и права въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ публикъ, напримѣръ англійской, гдѣ высокіе національные образцы, дѣйствительно, затемняютъ иногда пониманіе образцовъ чужестранныхъ, но этотъ расчетъ не вѣренъ *quant à nous*, не вѣренъ въ отношеніи насъ. Мы выросли на классической трагедіи: по ней учились мы и вкусу и хорошему французскому произношенію, по ней отличали человека благовоспитаннаго отъ человека, не получившаго образованія, отъ ней получили уроки въ поэзіи и уроки въ манерахъ, приличныхъ порядочному джентльмену. Правда, понятія наши о томъ и о другомъ много измѣнились съ тѣхъ поръ, но да будетъ мнѣ позволено воздать здѣсь достодолжную честь поколѣнію, воспитавшемуся на классической трагедіи! Въ противоположность съ болѣе молодымъ поколѣніемъ, учившимся поэзіи по нѣмецкимъ эстетикамъ и которое бережетъ еще тетрадки своихъ профессоровъ, какъ неприкосновенную святыню, люди, начавшіе съ Расина и разведенные съ нимъ опытомъ и размышленіемъ, знаютъ однакоже вполне ему цѣну. Никогда не будутъ они говорить съ презрѣніемъ о великомъ человѣкѣ, какъ это дѣлаютъ тѣ, которые начали съ полу-пониманія Шекспира на ученической скамьѣ, а кончаютъ въ зрѣлые свои года тѣмъ, что обращаются въ приверженцевъ мѣщанской и ложно-исторической драмы. Наученные сравненіемъ и анализомъ, мыслящіе люди стараго поколѣнія хорошо знаютъ, что въ выраженіи женскихъ страстей, взятыхъ абстрактно, безъ примѣненія къ мѣстности и условіямъ древняго міра, Расинъ останется недостижимымъ и неумирующимъ образцомъ. Это, такъ сказать, всемірный біографъ женскаго сердца, въ его общечеловѣческихъ основаніяхъ, побужденіяхъ, порывахъ и уклоненіяхъ.

Но возвратимся къ Рашели. Вы мнѣ сказали еще недавно, въ проездъ вашъ черезъ Петербургъ, что Рашель, по формѣ и условіямъ классической трагедіи, должна прибѣгать необходимо къ какому-либо роду искусственной декламации. Ничего не можетъ быть

справедливѣ этихъ словъ, но я позволю себѣ даже расширить значеніе ихъ, и сказать, что нѣкотораго рода декламація есть необходимое условіе сценическаго искусства. Я видѣлъ Мочалова, Леметра, Девріена, Макреди—у всѣхъ декламація входитъ въ созданіе ролей, какъ вѣрный, необходимый матеріалъ. Спрашиваю васъ самихъ, можно ли сыграть любую историческую хронику Шекспира на выборъ безъ ввода этой вспомогательной силы драматическаго исполненія? Не вдаваясь въ подробности, которыя бы слишкомъ далеко завлекли насъ, я только скажу, что человѣкъ, ступившій на подмостки, не можетъ говорить точно такъ, какъ человѣкъ, сидящій внизу. Онъ бы походилъ тогда на тѣхъ плохихъ живописцевъ, которые выводятъ на полотно своихъ натурщиковъ вмѣсто историческихъ или героическихъ лицъ. Вы дѣлали попытки упрощенія сценическаго тона въ вашей роли Скупаго Рыцаря—попытки, которыя будутъ памяты и въ исторіи нашего искусства, и тѣмъ, которые были свидѣтелями ихъ. Вы довели дикцію свою до возможной степени простоты, но это еще была декламація: человѣкъ, разговаривающій съ самимъ собой, никогда такъ не говоритъ, какъ вы еще говорили, а дальше, кажется, идти нельзя. Дѣло въ томъ, что всякое искусство изображаетъ человѣка не въ настоящій ростъ, а немного поболье натуральной величины. Мы не употребляемъ котурну и маску древнихъ, но котурны и маски невидимо существуютъ въ сценическомъ искусствѣ и доселѣ. Истина всякаго созданія состоитъ не въ вѣрности дѣйствительности, а въ вѣрности идеалу, которой можетъ быть снятъ съ дѣйствительности, и это одинаково обязываетъ и актера, и писателя, равно необходимо всѣмъ видамъ творчества—трагедіи, комедіи, роману и проч. Искусство не можетъ говорить совершенно языкомъ и тономъ вседневности, подъ опасеніемъ перестать быть искусствомъ. Мнѣ кажется, что въ нашу эпоху запутанныхъ и разнообразныхъ требованій отъ искусства не мѣшаетъ иногда возвращаться къ тѣмъ, на которыя оно дѣйствительно призвано отвѣчать—къ элементарнымъ, основнымъ началамъ его. Вся задача актера, по моему, состоитъ въ томъ, чтобъ декламація его была вровень съ частнымъ характеромъ роли, съ общимъ характеромъ пьесы, и подчинена эстетическимъ требованіямъ вкуса, приличія, умеренности. Такое гармоническое сочетаніе всѣхъ условій изящнаго представленія еще не часто встрѣчается въ жизни, и сама задача представляетъ такія трудности, передъ которыми падали способности необыкновенныя. Мы находимъ примѣръ тому въ нашемъ покойномъ В. А. Каратыгинѣ. Онъ обладалъ огромнымъ сценическимъ талантомъ, часто увлекалъ своихъ слушателей, и часто также лишаясь власти надъ собствен-

нымъ талантомъ, выходилъ изъ рамы своей роли и декламировалъ уже прямо отъ своего лица. Мастерство, которое показывалъ при этихъ случаяхъ знаменитый артистъ нашъ, еще болѣе открывало для опытнаго глаза противо-художественность самаго явленія. И замѣтите, что декламація въ томъ смыслѣ, какъ должно понимать ее—не исключаетъ чувства, порыва сердечнаго, слова изъ глубины души. Напротивъ она готовитъ имъ настоящую, вѣрную дорогу, прямой и ближайшій трактъ—смыслъ выразиться,—обсужденіемъ всѣхъ средствъ данной роли, осмотромъ всѣхъ силъ, въ ней присутствующихъ. А вы знаете хорошо, какую высшую степень наслажденія доставляетъ артистъ, чувствующій и размышляющій въ одно время. Предъ вашими глазами повторяетъ онъ тотъ самый таинственный процессъ, который происходилъ въ мысли поэта, когда онъ создавалъ свое произведеніе. И такъ подробно и внимательно должны мы обсудить декламацію Рашели, эту декламацію, которая произвела реформу въ изложеніи драмы классической и поставила артистку на вершину европейской и чуть ли не всесвѣтной славы.

Декламація Рашели образовалась изъ борьбы съ формой французской трагедіи и преимущественно съ ея длиннымъ монологомъ. Вы всякъ разъ, при представленіи каждой новой трагедіи, можете видѣть эту художественную схватку между артисткой и матеріаломъ, который данъ ей въ руки, матеріаломъ, часто глубоко поэтическимъ, но часто составляющимъ тяжелое бремя для драматическаго выраженія страсти. До нея классическій монологъ извивался однообразной, нескончаемой лентой, краски которой къ концу тѣлались все живѣе и ярче. Я еще засталъ лѣтъ десять тому назадъ г-жу Жоржъ, послѣднюю представительницу стараго чтенія, и могъ слышать эту напряженную декламацію, которая текла, наподобіе волнъ, безконечно до тѣхъ поръ, пока у берега разбивалась девятымъ валомъ и шумной пѣной. Рашель со смѣлостію и капризомъ генія раздробила классическій монологъ прикосновеніемъ своей руки. Она ввела первая тѣ отбѣнки мысли, которые иначе нельзя выразить, какъ взявъ сравненіе изъ другой области искусства—изъ живописи; классическая тирада получила особенную игру свѣто-тѣни, противопоставленіемъ одной половины образа или идеи, высказанныхъ торжественно, другой половинѣ ихъ, переданной въ тихомъ, кроткомъ, едва мерцающемъ свѣтѣ. Вы понимаете, что тутъ должно крыться много произвола, но произволь необыкновеннаго размышляющаго таланта имѣетъ еще цѣль. Тальма, говорятъ, отличался произволомъ въ классическихъ своихъ роляхъ. Цѣль Рашели ясна: она подчиняетъ упругій матеріалъ трагедіи сценическому изложенію.

Монологъ ея развитъ въ обиліи тѣни, пропадající въ грунтъ или переходящія въ другія фигуры, точно какъ въ картинѣ. Декламация вдругъ прерывается на мѣстахъ, чисто риторическихъ, и они передаются скороговоркой. Въ срединѣ работы слухъ вашъ пораженъ тѣми гремѣющими, контральтовыми звуками, которыми потрясаетъ она слушателей, выбрасывая мгновенно, какъ вулканъ, такое чувство и тревожную мысль. Двухъ-трехъ такихъ порывовъ, обращенныхъ къ богамъ и мститель Венерѣ—(обращенія, исполненные духа древности и, вѣроятно, навѣянные Расину Еврипидомъ)—достаточно было, чтобъ перенести мысль зрителя на Федру античную. Гордо, укоризненно выражаетъ Рашель свое отношеніе къ богамъ, и говоритъ съ ними какъ равная съ равными. По жесту, по движенію головы, по безстрашной мысли на лицѣ вы видите, что она принадлежитъ къ семейству ихъ, что она внука солнца, что она потомокъ адскаго судьи, и *что вся вселенная исполнена предковъ ея*. Чѣмъ дальше идетъ эта работа надъ принятымъ матеріаломъ, тѣмъ все болѣе растетъ образъ Федры въ глазахъ вашихъ: второстепенныя подробности работы забываются, сглаживаются въ памяти, вытѣсняемыя накопленіемъ яркихъ намековъ, мощныхъ и жизненныхъ очертаній. Уже въ концѣ втораго акта, въ сценѣ объясненія съ Ипполитомъ (явленіе V), гдѣ Федра высказываетъ ему невольно всю тайну позорной страсти своей — матеріалъ побѣжденъ совершенно. Тутъ Рашель пробила форму, подчинила себѣ всѣ приемы автора и вывела за собой гениальнаго поэта и чудную мысль его въ блескъ полного торжества. Какъ небывалыя исчезаютъ тогда впечатлѣнія, оставленные предшествующимъ трудомъ гениальной артистки, и пропадаютъ тѣ укоры въ усиленномъ выраженіи, которые невольно зарождались въ головѣ, и которые можно сдѣлать потомъ, какъ я сдѣлалъ, когда наступила уже минута холднаго собранія всѣхъ своихъ воспоминаній.

Я не берусь передать вамъ подробности этой сцены. Съ того мѣста, гдѣ Ипполитъ, обманутый на счетъ направленія страсти у Федры,—утѣшаетъ ее надеждой возвращенія Тезея, съ отвѣта Федры: «Нѣтъ, никто не сходилъ дважды въ обитель мертвыхъ»—(on ne voit point deux fois le rivage des morts), Рашель начинаетъ въ полголоса исторію преступной любви своей. Вскорѣ слова, стихи, какъ будто перегоня мысль, начинаютъ бѣжать съ неимоверной, едва уловимой скоростію. Шопотъ, которымъ передается страсть въ быстрой почти судорожной, становится нестерпимъ. Поверхъ его изрѣдка проносятся тѣ контральтовые вскрики, раздражающіе душу, о которыхъ я говорилъ, и которые еще болѣе выказываютъ его страшное значеніе. Въ срединѣ монолога—Федра, отдавшаяся исполнѣ

одной мысли—теряет самосознание и уже не принадлежит себѣ. Губы ея дрожатъ, глаза пылаютъ огнемъ бышества, жестъ становится выразителенъ, какъ у помѣшаннаго, только продолжается все ужасный шепотъ, и слова бѣгутъ, исполнены истины раздирающей. Пароксизмъ страсти еще увеличивается, когда послѣ замѣшательства Ипполита, старающагося не понимать своей мачихи, она восклицаетъ: «О! ты понимай меня» (*Ah! cruel, tu m'as trop entendue!*); надо слышать этотъ стихъ въ устахъ Рашели, чтобы понять, сколько можетъ онъ заключать ироніи! И словно почерпнувъ въ немъ новыя силы—разражается она громовымъ признаніемъ передъ небомъ и вѣснмъ свѣтомъ въ преступной страсти до тѣхъ поръ, пока, преисполненная ужаса и отвращенія къ самой себѣ — она выхватываетъ мечъ у Ипполита и увлекается со сцены наперсницей своей безъ памяти. Партеръ только тогда переводитъ духъ и встаетъ какъ одинъ человекъ, крича: Рашель! Вотъ эта сцена.

Но такъ можетъ играть одна Рашель, сила которой находится въ ровномъ отношеніи со смѣлостію. Въ этой сценѣ достигаетъ она крайнихъ границъ искусства, и одинъ волосокъ только отдѣляетъ ее отъ темной области паденія. Твердость мысли художнической не допустить ее никогда до послѣдняго шага, гдѣ артистъ переходитъ въ сферу патологіи и представляетъ субъектъ, подпадающій сужденію доктора, а не критика. Мы видели нѣсколько примѣровъ на вѣку нашемъ, гдѣ артистъ, достигшій высшей степени увлеченія, выражалъ вмѣсто помѣшательства страсти — чистое умопомѣшательство. Тѣмъ признательнѣе встрѣчаемъ мы художника, остающагося художникомъ въ эти опасныя минуты созданія.

Пропускаемъ третій актъ, гдѣ Федра рѣшается унизиться до мольбы, до увѣщанія, до подкупа Ипполита, къ которому подсылаетъ наперсницу свою, и переходимъ къ четвертому акту (явленіе VI), гдѣ Рашель доканчиваетъ образъ, начатый въ трехъ прежнихъ сценахъ. Здѣсь узнаетъ она о любви Ипполита и Арисии, и восклицаетъ къ наперсницѣ: «Oenone, qui l'eût cru! J'avais une rivale!» По мощному гнѣву, который овладѣваетъ ею, по безумнымъ планамъ мщенія, которые представляются мысли ея — можно бы подумать, что Федра еще не побѣждена страданіемъ, но это была только мгновенная вспышка, искра угасающей жизни. Вся энергія ея сосредоточивается вскорѣ на ужасъ къ самой себѣ, къ своимъ преступленіямъ, на отчаяніи, на страхѣ загробнаго суда Миноса, — она окончательно падаетъ подъ сознаніемъ своего нравственнаго безобразія. Такъ вѣрна эта черта самой природы женщины, такъ часто разрываются самые смѣлые, безграничныя порывы женскаго сердца, что

великій живописецъ его, Расинъ, въ этомъ мѣствѣ достигаетъ глубокой истинной поэзіи. Надо прибавить, что этой общечеловѣческой чертъ Расинъ старается придать оттѣнокъ древности, какой искало все искусство въковъ возрожденія, но для древности черта проведена слишкомъ ярко и живо. Рашель угадала настоящее чувство поэта. Въ передачѣ этого монолога есть одно мгновеніе, гдѣ Рашель воскрешаетъ образъ сестры Ангелики изъ Поръ-Рояля, какъ онъ смутно представляется мысли нашей. Это—то мгновеніе, когда передъ воображаемымъ судьей Миносомъ она бросается на колѣни, объятая невыразимымъ трепетомъ, и простирая къ нему руки, произноситъ длинное, долго звучащее въ ушахъ и въ душѣ вашей: *pardonne!* Страданіе, выраженное этимъ воплемъ, достигло послѣднихъ предѣловъ: оно поразило въ Федру всѣ способности:—сердце точно также, какъ и воображеніе. Къ-несчастью, превосходная сцена кончается у Расина риторической шумихой. Послѣ нѣсколькихъ словъ утѣшенія со стороны наперсницы, Федра возстаетъ на нее, какъ на первую причину всѣхъ бѣдствій, будто бы порожденныхъ ея совѣтами. Бѣдная наперсница! Она не ожидала чести отвѣчать за созданіе такой организаціи, такого характера и такихъ обстоятельствъ! Чѣмъ сильнѣе Федра осыпаетъ наперсницу упреками, тѣмъ все страннѣе дѣлается положеніе. Это Юпитеръ, поражающій всѣми громами и молніями своими бѣдную мошку, которая шумѣла подъ ногами его. Глѣзвѣ Рашели въ этомъ мѣствѣ блеститъ чисто внѣшнимъ великолѣпіемъ, о какомъ намекнулъ я прежде; расчетъ на сценическій эффектъ дѣлается ясенъ для всякаго глаза, и потому странно непріятенъ; вся тирада завершается могущественнымъ жестомъ, пропадающимъ въ пустотѣ, какъ ударъ, направленный на призракъ и тѣнь.... Но очертанія, данныя лицу Федры въ прежнихъ сценахъ, такъ неизгладимо врезаны въ памяти вашей, что подобныя уклоненія и всѣ частныя преувеличенія уже не могутъ ни ослабить, ни измѣнить ихъ. Они перешли въ ваше достояніе и надъ ними не властна и сама артистка.

Въ концѣ послѣдняго, пятаго, акта Федра является на одно мгновеніе—только для того, чтобъ объяснить все дѣло Гезею и умереть. Я помню еще, какое впечатлѣніе производила въ Парижѣ изнуренная Федра, умирающая просто и благородно въ бѣлой хламидѣ: она оставалась въ креслахъ своихъ какъ надгробный памятникъ чистѣйшаго греческаго рѣзца. Г-жа Рашель, по расчетамъ своимъ, играетъ нынѣ Федру въ великолѣпномъ атласномъ платьѣ желтаго цвѣта съ длиннымъ шлейфомъ. Признаюсь, я сильно пожалѣлъ о простой бѣлой парижской хламидѣ, которая такъ хорошо шла и къ артисткѣ и къ пьесѣ. Я пожалѣлъ также и о способѣ представлять смерть

Федры. Ядъ игралъ тогда менѣе роли на сценѣ, и казалось, Федра умираетъ скорѣе отъ истощенія всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ, чѣмъ отъ посторонней причины. Но и въ вытѣшномъ видѣ своемъ, Федра, изображенная Рашелью, еще не покидаетъ васъ, какъ только упалъ занавѣсъ. Съ послѣднимъ словомъ актрисы, отрывисто выразившей предсмертное убѣжденіе Федры, что отнынѣ возвращается солнцу прежній его блескъ:

*Et la mort, à mes yeux dérochant la clarté
Rend au jour, qu'ils souillaient, toute sa pureté,*

образъ Федры, начертанный ею, возстаётъ въ совершенной полнотѣ, и вы уносите его вмѣстѣ съ собой изъ театра.

Окружающіе г-жу Рашель—слабы. По милости ихъ трагедія идетъ вяло. Масса стиховъ, когда ни одно намѣреніе автора не узнано и ни одинъ характеръ не обозначенъ даже вскользь — дѣйствительно утомляетъ слушателя и отнимаетъ у него возможность судить правильно о самомъ произведеніи. Здѣсь уже нужно нѣкоторое усиліе мысли, чтобъ понять, въ чемъ настоящее дѣло. Никто не имѣетъ права требовать отъ зрителя борьбы со скукою—особенно у насъ, гдѣ и въ поминѣ нѣтъ о снисходительности къ скукѣ, какой отличается, напримеръ, германская публика. Мы бѣжимъ отъ всякой скуки, даже отъ скуки подробнаго изслѣдованія предмета. Со всѣмъ тѣмъ позволяю себѣ замѣтить, что излишнее потворство легкому, поверхностному извлеченію наслажденія ведетъ неизбежно къ дремотѣ мысли и чувства, къ чахлому сибаритизму. Полное эстетическое наслажденіе лежитъ всегда на концѣ нѣкотораго розыска, нѣкотораго умственнаго напряженія. Чуждаться ихъ постоянно значитъ нравственно обезоруживать себя. Такъ отверженіе цѣликомъ, *en masse*, всего ряда произведешій, явившихся подъ извѣстными историческими и литературными условіями, за одни только эти условія, теперь уже не дѣйствующія—подобное отверженіе есть непозволительная кража благородныхъ впечатлѣній у самого себя. Много смѣялись надъ эклектизмомъ, какъ надъ философскою системою, и смѣялись справедливо,—но эклектизмъ въ дѣлѣ искусства, по-моему, есть необходимый элементъ для оцѣнки, пониманія и усвоенія изыскаго. Отсутствіе этого элемента въ человѣкѣ вы сейчасъ узнаете по рѣзкости и односторонности его сужденія, по болѣзненной восторженности съ одной стороны и упорной нетерпимости съ другой. Не ждите отъ него тонкой оцѣнки подробностей, замѣчанія, взятаго изъ существа самаго предмета, жизненной мысли, порожденной сличеніемъ многихъ предметовъ. Онъ живетъ одинъ съ своей систематической, окаменѣлой мыслию, и вмѣсто всегда юныхъ, свѣтлыхъ лицъ, какими

исполненъ міръ искусства—одно поэтическое представленіе, разъ выбранное навсегда, старѣется вмѣстѣ съ нимъ, какъ ключница или гувернантка. Такая актриса, какъ Рашель, во многихъ случаяхъ должна служить оселкомъ для пробы способности эстетическихъ соображеній въ человѣкѣ, что преимущественно и заставило меня говорить о ней и наскучить вамъ этимъ длиннымъ письмомъ. Извѣстно уже, что она только тамъ на своемъ мѣстѣ, гдѣ рѣдкій артистъ удержаться можетъ,—на послѣдней остроконечной вершинѣ искусства, на колеблющейся почвѣ выраженія, доведеннаго до мучительной, всеокрушающей силы. Она выбираетъ опаснѣйшіе пункты своей дороги, и сознаніе этой опасности приноситъ ей одушевленіе, жизнь, непобѣдимую энергію. Только тогда вырастаетъ Рашель, когда начинаютъ подыматься темныя силы человеческой души со дна, гдѣ онѣ скрытно лежали до страшной минуты, открывающей имъ свободный путь. Гнѣвъ, ненависть, иронія, сама любовь, даже раскаяніе—все принимаетъ въ устахъ ея грозный характеръ, подавляющій зрителя. Трагическій талантъ ея не знаетъ пощадъ и не оставляетъ ни одного слова недосказаннымъ, но это самое качество и возбуждаетъ противъ него иногда требованія, по крайней мѣрѣ, странныя. Что изъ того, что Рашель слабо рисуетъ мирное состояніе души, что покорность въ страданіи не находитъ въ ней живаго отголоска, что она, напримѣръ, врядъ ли могла бы передать Антигону Софокла и врядъ ли способна вполнѣ чувствовать трогательное величіе невинности, принимающей рѣшеніе судьбы съ одной жалобой? Намъ до этого нѣтъ никакого дѣла. То или другое—для искусства все равно, потому что *послѣдствія* того или другаго—равны. Никогда искусство не дастъ *дурнаго примѣра* по той причинѣ, что художественные образы иначе разрѣшаются въ мысли человѣка, чѣмъ явленія жизни. Какого бы рода они ни были, но результатъ ихъ не есть горечь или соблазнъ, а свѣтлое поэтическое воспоминаніе и эстетическое наслажденіе. Къ послѣднему стремятся всѣ лучи искусства, со всѣхъ сторонъ, съ вершины Олимпа, также какъ изъ подземнаго тартара, отъ всѣхъ школъ, существующихъ на землѣ: надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть ихъ. Важнѣйшая задача искусства состоитъ еще въ томъ, чтобъ перенести въ самую жизнь собственные приемы свои, возвысить до самаго себя какъ сущность жизни человѣка, такъ и внѣшнюю обстановку его. Кто не согласится съ Еммерсономъ, что человѣкъ изящнаго образа мыслей и изящныхъ привычекъ стоить всѣхъ статуй и картинъ ватиканской галлерей? Но если возможно достиженіе такого идеала, то оно возможно на одномъ условіи, — на отверженіи исключительной системы, теоретической полемики, и замѣщеніи ихъ возможностью наблюдать изящное во всѣхъ видахъ, во всѣхъ формахъ, вездѣ, гдѣ оно только проявляется, — *какой бы то ни было долей.*

II. А—ВЪ.

С.-Петербургъ. 6-го ноября 1853.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

**КОЕ-ЧТО О ВЫСТАВКѢ МАНУФАКТУРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ 1853
ГОДА ВЪ МОСКВѢ (*).**

Въ понедѣльникъ іюня 1-го числа въ Москвѣ для всѣхъ и каждаго должна была открыться четвертая выставка мануфактурныхъ издѣлій, за входъ по 30 копеекъ серебромъ; и въ этотъ день, около половины 10 часа утромъ, я уже пекся на солнышкѣ въ Охотномъ Ряду при запертыхъ дверяхъ Благороднаго Собранія. Но вотъ и двери отворены, вотъ мы и въ стѣнахъ, однако же билетовъ еще не раздаютъ и ходъ по лѣстницѣ не дозволенъ; какъ быть: надобно и еще погодить; да кстати, здѣсь была поставлена деревянная, зеленая машина, и, стало быть, время даромъ не потеряно. Пока мы ходили около этой машины и догадывались, чтò это такое, для чего она сотворена, пока добрались до толку, что это жнея, или будто бы жнея, изобрѣтенія нѣкоего г. Тарготиана, и цѣна ей 100 руб. сереб., — въ это время вынесенъ былъ и отпертъ ларчикъ, и я прежде всѣхъ принялъ отъ г. комиссара выставки, О. В. Нечаева, билетъ, по которому и получилъ дозволеніе взойти кверху. — По ступенькамъ лѣстницы лежали и стояли, прислоненные къ стѣнамъ, кресты для церковныхъ главъ на московскій храмъ или соборъ Спасителя; на стѣнахъ же еще висѣли пестрые, весьма хорошіе, ковры отъ кн. Енчалычева и к. Епанешникова. Ну вотъ я и въ первомъ покоѣ выставки, — шагъ, два впередъ, и на столнкѣ большія кипы книжки: «Указатель выставки мануфактурныхъ издѣлій 1853 года въ Москвѣ»; — цѣна по полтиннику за книжку, — я выложилъ полтину серебра и приобрѣлъ себѣ указателя, который, по приложенному при немъ плану, указалъ мнѣ, что выставка расположена почти, почти въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ были и прежнія выставки, особенно же третья, 1843 года. Стало быть, на судъ посѣтителѣмъ

(*) Этою статью редакція обязана тому же достопочтенному автору и знатоку, который украсилъ нашъ журналъ своей статьей о выставкѣ земледѣльской, см. Москвитинъ 1852 г. № 23 и 24. Мы виноваты предъ нимъ, не успѣвъ приложить нужныхъ чертежей къ его прежней статьѣ. Ред.

предлежало безчисленное множество дикихъ образцовъ и образчиковъ; надобно же было ихъ посмотреть, пообсудить, сравнить достоинства и совершенства. Но здѣсь не только 5, или 50 часиковъ, да и 500-то добрыхъ часовъ не достало бы для этого истинно-богатырскаго дѣла, которое и молодому, живому, сильно-памятивому разуму едва ли въ мочь; а такой съдой головъ, какая держится еще на моихъ старыхъ плечахъ, эдакой подвигъ и вовсе бы не под силу. А любопытство-то настоящее ребячье, а говорить-то охота, вѣдь такъ и подстрекають, такъ и тинуть къ перу да къ чернильницѣ, такъ вотъ и нудятъ выстроичить на бумагу все то, что могли мои глаза сквозь очки примѣтить, а голова припомнить, — ну, вотъ я и написалъ это, какъ будто бы не даромъ переплатилъ до 3 цѣлковиковъ за поглядѣнье выставки; а написавши, какъ же утерпѣть не напечатать.

Въ этомъ же первомъ покоѣ у самой входной двери по лѣвую сторону къ печкѣ лежали образчики пеньки, отбѣланной и по крестьянскому обычаю и на торговую руку; пенька Бердичевского крестьянина Бенедиктова крѣпка, чиста, ровна и бѣлѣ всѣхъ прочихъ.—Возлѣ той же двери, направо, были размѣщены образцы льновъ и пряжи льняной: довольно большая горсть льну отъ к. Мельникова особенно отличалась мягкостію, бѣлизною, лоскомъ, длиною, крѣпостію волокна, а веревочка, изъ того же льна крученая, и которою была перевязана вся горсть, такъ хороша, бѣла, чиста, гладка и блестяща, какъ будто бы свита изъ лучшаго итальянскаго шелка. Льняная машинная пряжа Усачева, Хлудовыхъ, Александровской мануфактуры и другихъ, чиста, ровна, тонка, нитка складная; однако же и ручная пряжа крестьянокъ отъ г. Хлопова могла спорить во всемъ съ машинною. Пряжа льняная и пеньковая М. Наумова на мои глаза казалась очень тонка, бѣлѣ другихъ, да какъ-то попухлявѣе, помохначѣ.—На столѣ подъ окнами лежали образчики шелковъ и коконовъ.—Изъ 22 тутъ бывшихъ нумеровъ, десять представлены отъ государственныхъ крестьянъ и крестьянокъ изъ Кіевской губерніи; это меня очень порадовало; напротивъ того, очень удивлю, что изъ Грузіи былъ одинъ лишь представитель шелководства графъ Розмордюкъ, между тѣмъ какъ эта счастливая по климату страна сотворена быть царствомъ шелколичныхъ червей и шелколицы; ибо, по свидѣтельству очевидца, г. профессора Заблоцкаго, тамъ, напримѣръ въ Талышахъ, и шелколица и шелколичныя черви, сами собою водятся по лѣсамъ дикіе. Въ простомъ деревянномъ ящикѣ, на маленькихъ обрашникахъ шелка, лежала тоненькая печатная тетрадка: Отчетъ общества шелководства въ Москвѣ; взявъ

ее въ руки, хотѣлъ было читать; но бесѣда какихъ-то двоихъ по-
сѣтителей привлекла къ себѣ и слухъ мой, и вниманіе. — Одинъ,
должно быть, чиновникъ, помоложе, въ темномъ фракѣ съ пугови-
цами гербовками; другой, гораздо пожилой, почтенный человекъ въ
темнокоричневомъ простомъ сюртукѣ. Разговоръ ихъ былъ почти такой:

Чиновникъ. Не угодно ли посмотреть произведенія нашего
московскаго шелководства?

Почтенный. Э, батюшка, это все пустяки, игрушки дѣтскія.

Чиновникъ. Почему же такъ вы думаете?...

Почтенный. А вотъ почему. Скажите-ко вы мнѣ прежде: гдѣ
мы теперь съ вами?

Чиновникъ. На выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій.

Почтенный. Очень хорошо; объясните-ка мнѣ, что надобно
разумѣть подѣ словомъ: мануфактурное издѣліе?

Чиновникъ. Мануфактура,—иностранное слово, по-русски зна-
чить должно—издѣліе, производимое руками.

Почтенный. Кажется, надобно еще прибавить: сработанное съ
возможно лучшимъ совершенствомъ, за возможно-дешевую цѣну.

Чиновникъ. Точно такъ.

Почтенный. Теперь не угодно ли по мануфактурному порядку
вывести балансъ — по этой московской шелководной промышлен-
ности. — то-есть, на страницу расходовъ поставьте проценты съ
капитала или цѣны, чего стоятъ земля, строенія, рухлядь, коли есть,
машины, ремонтъ или поддержка всего того въ надежномъ, исправ-
номъ видѣ, и также всѣ издержки на годовое содержаніе заведенія.
На другую страницу поставьте суммы денегъ, вырученныя отъ
продажи шелковъ, добытыхъ въ заведеніи,—подведите итоги, и пер-
вый выключите изъ послѣдняго, тогда и увидите, что здѣшняго вы-
вода шелковъ одинъ золотникъ обойдется не дешевле фунта шелка
итальянскаго, или французскаго. Какое же это мануфактурное из-
дѣліе? Это, просто сказать, игрушки, затѣи лишь одного любопытства.

Чиновникъ. Не смѣю спорить, потому что не знаю досконально,
въ какой силѣ идетъ здѣсь это производство. Ну, такъ вотъ же,
полюбуйтесь шелкомъ первѣйшаго производства въ Россіи. Всѣ го-
ворятъ и въ журналахъ пишутъ, что этотъ шелкъ большими пар-
тіями, до полусотни пудовъ, отпускается въ чужіе края, во Францію,
какъ товаръ самаго высокаго достоинства. Жаль, что сюда присланъ
такой маленькій образецъ.

Пожилый. Да видно больше-то и прислать было нечего!

Чиновникъ. Какъ такъ! неужели и это, по вашему, игрушки?

Пожилой. Кажется такъ, если еще не хуже. Я почти состояю этому пресловутому шелководству. Я бывалъ тамъ не разъ и все видѣлъ своими глазами. Если вамъ удастся побывать тамъ въ нашихъ сторонахъ, то совѣтую вамъ посмотреть на это шелководство, да кстати потрудитесь отыскать и таможенню, черезъ которую этотъ шелкъ отпускается за море во Францію, да наведите справки о томъ, какъ велики отправляются партіи и сколько вносится таможенныхъ пошлинъ,—я тогда судите, справедливы ли мои сомнѣнія.

Чиновникъ. Право, не понимаю. Да какъ же это почти безпрестанно пишутъ, печатаютъ, такъ много прославляютъ?

Пожилой. Да неужели вы еще не замѣтили, что у насъ, коли множество пишутъ и печатаютъ о чемъ-нибудь и черезъ чуръ превозносятъ похвалами, такъ ужъ на самомъ-то дѣлѣ очень рѣдко бываетъ сколько-нибудь толку, а почти всегда нѣтъ ни крохи. По выходѣ въ отставку и женившись, я принялся за имѣнія, само собою разумѣется, подписался на разныя газеты; читаю ихъ и безпрестанно вижу въ самыхъ заманчивыхъ похвалахъ напечатанныя объявленія, что помѣщичьи люди принимаются на три года въ ученье у такого-то Н полеводства, у такого-то пчеловодства, и безъ всякой платы за то, лишь бы при каждомъ ученикѣ были достаточная обувь и одежда лѣтняя и зимняя, да на хлѣбъ и на харчи по 10 цѣлковиковъ въ годъ; при чемъ обѣщано было выучить людей по новѣйшимъ способамъ приобрѣтенію невозможно-большихъ выгодъ отъ земледѣлія и отъ пчеловодства. Какъ же было не соблазниться такими лѣстивыми посулами; — подумалъ, погадалъ, и рѣшился послать по малому въ одну и другую экономію. — Черезъ три года парни мои возвратились домой и принесли похвальные аттестаты о превосходныхъ успѣхахъ и совершенномъ изученіи всему тому, что было въ газетахъ обѣщано. Гляжу—мудрецы мои на самомъ-то дѣлѣ не только ничего новаго, лучшаго не выказали, да и старыя наши порядки чуть было совсѣмъ не перепортили. Спрашиваю: какого же шута вы дѣлали въ ученьѣ? — Мало ли было, отвѣчаютъ, работы — пахали, косили, молотили, съ подводами туда-сюда ходили, справляли всю барщину, какъ всѣ вездѣ справляютъ. — Ну вотъ, извольте же вѣрить на слово газетнымъ хваламъ и обѣщаніямъ; насылаютъ пропасть, да и подпускать мыльный пузырь!

Чиновникъ. Да, это непріятно; по крайней мѣрѣ учителямъ очень выгодно чужими лапами жаръ грести. И вы сдѣлались уже очень недоувѣрчивы къ такимъ публикаціямъ и заведеніямъ?

Пожилой. Терпѣть не могу хвастовства! Вотъ нешто, шелчки; вотъ такъ краски, какія хорошія; чьи-то такія?

Чинovníкъ. На ярлыкъ написано какого-то Шитина; ну да вотъ и еще шелки, какого-то Брычева, также хороши.

Пожилóй. Ахъ, какая прелесть! Ну вотъ, сударь, хоть и маленькіе обрашки, а какъ не назовете ихъ мануфактурнымъ издѣліемъ. Ужъ видно, рука не та, знать этотъ Брычевъ мастеръ своего дѣла.

«Справедливо-съ; этотъ-съ Брычевъ у насъ въ Москвѣ изъ первѣйшихъ-съ мастеровъ-съ», примолвилъ какой-то посѣтитель рясачекъ съ небольшою рыжеватою бородкою. И за тѣмъ гг. разговорщики пошли по выставкѣ дальше, а я въ раздумьѣ не вдругъ тронулся съ мѣста; мои глаза смотрѣли въ печатную тетрадку и читали одно, а въ ушахъ отдавалось совсѣмъ другое, только что слышанное. — Гдѣ больше было правды, на бумагѣ или въ разговоръ? — Но это могутъ рѣшить лишь безпристрастные знатоки и очевидцы, я же ни тѣмъ, ни другимъ тутъ не былъ, да и быть ужъ такимъ запоздалъ.

Середь палаты на столѣ въ громадной кучѣ лежали образцы хлопчато-бумажной пряжи. Въ числѣ 22 образцовъ суровой пряжи половина была представлена отъ мануфактуръ, вновѣ учрежденныхъ въ послѣднія 10 лѣтъ. Всѣ они весьма хороши; но молва народная больше одобряетъ издѣлія генерала Мальцова, гг. Лукина и Скуратовыхъ, почетныхъ гражданъ Борисовскихъ, Хлудовыхъ. — У самаго выхода изъ этой палаты лежали очень хорошіе образцы шерстяной гребенной пряжи отъ учредителей Самсоньевской мануфактуры и отъ князя Енгальчева.

Во *второмъ покоѣ* развѣшено было великое множество половинокъ сукна чернаго и темнооливковаго, другихъ же свѣтлыхъ и яркихъ цвѣтовъ немножко. Самое дорогое по 5 руб. 45 к. серебр. аршинъ, и стало быть, на выставкѣ самое лучшее было черное сукно въ двухъ, либо въ трехъ половинкахъ съ фабрики Фидлера; и подлинно очень хорошо, мягко, плотно, шелковисто, однако же едва ли оно перетнуло, развѣ только подравнялось къ старинному англійскому и голландскому, которыя до 1807 года здѣсь въ Москвѣ продавались по 5½, и даже по 5 рублей на ассигнаціи за аршинъ, чтó по тогдашнему промѣну на серебро, цѣлковый за 130 копѣекъ, стоило около 4 руб. 23 коп., или 3 руб. 85 коп. — Какъ бы то ни было, очень и очень можно порадоваться успѣхамъ нашего русскаго сукнодѣлія, особенно же, если его сравнить съ сукномъ г. Залюбовскаго и другихъ, которыя годовъ около 40 назадъ покупали мы по 13 рублей ассигнаціями, или по 3¼ рубля серебромъ! Нынѣшняя отдѣлка суконъ такъ хороша, такъ совершенна, что лучше, кажется,

и желать нельзя; если же бы повстрѣчались какіе-нибудь недостатки, то конечно не со стороны фабрикаціи, а въ шерстяхъ.—Какъ въ шерстяхъ?—многіе съ удивленіемъ и быть можетъ съ сердцемъ и негодованіемъ закричатъ противъ моихъ рѣчей. Какой же еще шерсти лучше желать, когда на милліоны рублей онѣ огромными партіями продаются иностранцамъ?—Все это сущая правда; но для самаго лучшаго сукна шерсть надобна самая чистая, перегонная, по снятіи же съ овецъ старательно отсортированная и еще старательнѣе сбереженная мѣсяцевъ девять, или десять прежде дальнѣйшей обработки; это для того, чтобы она какъ можно меньше подвергалась дѣйствию горячей воды, обыкновенно употребляемой на мытье грязныхъ шерстей.—Шерсть, снятая съ овцы, имѣетъ одинаковыя свойства съ рогомъ, черепахою, китовымъ усомъ, и т. п., и не можетъ сносить горячаго тепла, котораго не стерпливаетъ разутая нога обыкновеннаго человека. Всякій разъ послѣ такого для шерсти сильнаго дѣйствія тепла, она теряетъ нѣкоторую степень своей уругости и крѣпости, самыхъ высокихъ своихъ качествъ, и дѣлается суше, хрупче. Вотъ почему каждый заботливый фабрикантъ шерстяныхъ издѣлій особенно печется о томъ, чтобы мастера, напримѣръ, сукновалы, красильщики, прессовщики, декатировщики, не перепускали лишняго тепла, не перегрѣвали бы суконъ больше надобной степени. Но все это въ рукахъ и во власти фабриканта, а шерсть въ рукахъ владѣльцевъ овчарныхъ заводовъ, и чѣмъ попечительнѣе тамъ будетъ сортировка овецъ, чѣмъ старательнѣе и чаще перегонная мойка ихъ, чѣмъ долговременнѣе и осмотрительнѣе будетъ храненіе снятыхъ шерстей, чѣмъ добросовѣстнѣе будетъ воздержаніе отъ подмѣси больной и мертвой шерсти къ живымъ шерстямъ; тѣмъ лучше, добротнѣе и превосходнѣе станетъ выходить сукно съ теперешнихъ нашихъ фабрикъ, при теперешней степени ихъ совершенства.

Въ третьемъ покоѣ выставки находились товары полусуконные и легкіе шерстяные, каковы, напримѣръ: байка, фланель, вигонь, набивное сукно, драдедамы, трико, люстрины, зефиръ, кашемиръ, и проч. и проч.; и объ нихъ можно то же сказать, что и объ сукнахъ: если какіе найдутся тутъ недостатки, то, конечно, въ шерстяхъ, а не въ мастерствѣ, которое весьма въ хорошей степени совершенства.

По стѣнамъ *четвертаго* покоя были развѣшаны и по столамъ раскладены полушерстяныя и полушелковыя ткани, и первая съ лѣвой стороны являлась предъ глазами новостъ, никогда на прежнихъ выставкахъ не виданная; это были отъ московскаго фабриканта Ря-

занова шерстяныя дѣя столовъ покрывала, на коихъ набивнымъ мастерствомъ изображены портреты. Какъ прелестны!—заглядѣнье, на примѣръ, одалиска-красавица, или съдой капуцинъ въ своемъ верблюжьемъ колпакѣ и съ рюмкою въ рукахъ. А всѣхъ больше, изящнѣе и милѣе казались двѣ дѣвочки съ собакою, изъ французскаго романа—Бродячій или Вѣчный Жидъ. Какое превосходное художество, какъ нѣжны, ярки, живы, цвѣтущи и блестящи краски, какъ естественны и правильны тѣни и рисунки въ лицахъ и узорахъ по окраинамъ, составленнымъ изъ листовъ, цвѣтовъ и плодовъ растений. Всѣхъ такихъ скатертей было тутъ съ дюжину, всѣ такъ хороши, такъ прелестны, что могли бы стоять въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ, и собою украшать знатныя гостиныя. Это мастерство такъ художественно, какъ будто не набойное, но, такъ сказать, самая высокая, совершенная живопись на сухихъ крипкими заварными красками. Отмѣнное вниманіе обращали на себя издѣлія братьевъ Гучковыхъ; мнѣ же особенно полюбилась тутъ лежавшая у нихъ, чесаная гребнями шерсть долгорунныхъ овецъ съ русскихъ заводовъ.

Пятая зала вся была замѣщена образцами шелковыхъ тканей многоразличныхъ узоровъ и наименованій. По моему понятію, здѣсь первѣйшее мѣсто занимали бархаты Соловьева и матеріи Кондрашевыхъ. Я было поспрашивалъ тафты на манеръ флоранса; однако же она здѣсь также не была, какъ и на прежнихъ выставкахъ. «У насъ не дѣлають-съ», отвѣчали мнѣ гг. мануфактуристы. — Почему же? — «Да такъ-съ, никто-съ не дѣлаеть». — Почему бы, думалъ я, не попытать сдѣлать обращикъ этой тафты изъ столь превосходнаго шелка Ребровскаго: это издѣліе было бы самымъ достаточнымъ свидѣтельствомъ совершенства и въ шелководствѣ и въ шелковой фабрикаціи. — Можно вообще сказать, что матеріи шелковыя русскаго издѣлія, тканыя черезъ нитку по саржѣ и фасоне, или травчатые и разводныя съ атласными узорами, хороши выходятъ даже изъ перекраски; но шелковыя матеріи, тканыя по-простому, каковы, на примѣръ, тафты, гроденапы, марселины, и новыя-то не такъ-то блестящи и казисты, а перекрашенные въ другой разъ, становятся такъ мрачны и тусклы, что не отличить и отъ нанки или миткаля; да кромѣ того и новыя-то, лишь разокъ-другой побываютъ подъ дождемъ, то и скоробатся, мѣстами посаживаются, стягиваются, мѣстами сумятся такъ, что и подъ горячимъ утюгомъ не выравниваются. Это почти общій недостатокъ за сими русскими тканями. Почему же французскаго ткачества такіе же товары хороши, свѣтлы, блестящи до износу, да и по выходѣ изъ перекраски

остаются не меньше хороши и шелковисты? Конечно, это зависитъ больше отъ искусства отдѣлки, и потому очень можно пожалѣть, что на выставкѣ не было образцовъ изъ перекрашенныхъ матерій и спорокъ шелковыхъ русскаго ткачества.

Шестая зала выставки была занята шарчами и золотокружевными товарами, чуть ли не первыми во всемъ свѣтѣ. Поразительное зрѣлище:—стѣны блестятъ, испещренныя золотыми, серебряными, съ цвѣтнымъ шелкомъ перемѣшанными, разнообразными узорами; на столахъ—бахрамы, галуны, сѣтки и золотошвейная пряжа. Парчи и газетны Полякова съ Замятинымъ и Колокольникова отличались предъ всеми прочими. Ахъ, какая дивная парча по 30 р. с. за аршинъ!

Затѣмъ дальше въ *трехъ залахъ* было разложено и развѣшано несмѣтное множество ситцевъ и разныхъ другихъ издѣлій изъ хлопчатой бумаги. Чтобы расцвѣтить достоинство добротности тканей, крѣпости красокъ, изящности и вкуса рисунковъ, надобно бы имѣть на то много и времени, и знаній, и опытности въ этомъ дѣлѣ, а все это вмѣстѣ едва ли можетъ достаться на долю обыкновеннаго любопытнаго посѣтителя. Чрезвычайно яркая, сплошная пестрота, выставлявшая по стѣнамъ, и огромными ворохами лежавшая по столамъ, сильно зарябила въ моихъ глазахъ, и безъ того натруженныхъ сильнымъ блескомъ парчей и газетовъ, пробили слезы и привелили шуриться; только на отменно хорошихъ черныхъ плисахъ отъ генерала Волкова, поч. гражданъ Лепешкиныхъ, Пахлау, Медынцевыхъ и Брехова, мои глаза поотдохнули такъ, что могли полюбоваться чистою, нѣжною, какъ бархатъ, и плотною отдѣлкою товара. При всемъ томъ я не могъ не вспомнить тутъ о прежнихъ плисахъ англійскихъ: какая удивительная была въ нихъ прочность! Бывало, плисовые платья переходили по наслѣдству отъ дѣда къ отцу, а потомъ ко внуку; бывало, носишь, носишь дѣдовское наслѣдство, и ни по швамъ, ни по складкамъ, ни по морщинамъ нигдѣ не потрется ворса. Наши плисы до такой доброты еще не дошли, да правду молвить, и англійскіе-то нынѣшніе довольно поотстали отъ прежнихъ.

Предъ главною, *десятою залю* разставлены и раскладены были вещи, литыя изъ чугуна, и желѣзныя: проволоки, струны, желѣзо полосовое, круглое, брусчатое, котельное, листовое, сталь томлянка, топоры, ножницы, косы, польскія и ошастковскія, и т. п.—Все это, какъ казалось, отнюдь не уступало въ добротѣ своимъ тескамъ, бывшимъ на прежнихъ выставкахъ; однако же большой чугунный,

хитростно — отлитый и собранный каминъ гг. Шепелевыхъ, своею изящно — вычурною отдѣлкою, особенно понравился посетителямъ. Отойдя два шага отъ этого дяковиннаго камина, было надобно ехидить внизъ на 5 либо на 6 ступенекъ, между тѣмъ какъ глаза невольно устремлялись къ верку и быстро блуждали по сторонамъ, и никакъ не могли остановиться на чемъ-нибудь одномъ, а не только что посмотреть подъ ноги: такъ былъ поразительно великолѣпнъ видъ огромной залы, выполненной разнообразными; блестящими предметами и пестрящимся множествомъ публики, потихоньку движущейся въ длинныхъ рядахъ между столовъ и по лѣстницамъ на хоры и съ хоръ. Къ-тому же еще и слухъ поражаема необыкновеннымъ смѣшеніемъ разныхъ звуковъ отъ разныхъ музыкальных инструментовъ: органныхъ машинъ, фортепьяно, трубъ, флейтъ, громко раздававшихся въ огромномъ пространствѣ залы. Нѣтъ возможности высказать то необычайное изумленіе, какимъ внезапно поражаемся и чувства и умъ при видѣ этой чудесной живой картины: Ступивъ на это мѣсто въ первый разъ во время первой выставки 1831 года, я такъ былъ очарованъ сею чудесною неожиданностію, что споткнулся и чуть было не слетѣлъ внизъ кувыркомъ; за-тѣмъ по крайней мѣрѣ до тридцати разовъ на четырехъ-то выставкахъ мнѣ случилось проходить по этому мѣсту, и я всегда собирався быть тутъ осторожнѣе, и рѣдкій разъ обходился безъ того, чтобы не забылся и не спотыкался; и наконецъ на сей послѣдней выставкѣ, не задолго передъ закрытіемъ ея, не миновало того, чего всегда собирався остерегаться, и не только на самомъ этомъ же мѣстѣ забывался, не только споткнулся, но и полетѣлъ внизъ головой и растянулся на полу. Ужъ не знаю; что такое: сильное-ли мое любопытство, или волшебное очарованіе моего ума при видѣ чудесной, ненаглядной картины, или и то и другое вмѣстѣ, сберегли меня,—какъ будто по пословицѣ, подостлали подъ меня соломки, такъ что мой тѣлесный составъ не потерпѣлъ ни сколько, лишь попортились нѣкоторыя принадлежности платья моего, и я всталъ и пошелъ впередъ, какъ будто ни въ чемъ не бывавъ.

Въ сей *десятой* залѣ выставки, по крайней мѣрѣ на пространствѣ двухъ сотенъ квадратныхъ сажень, было несмѣтное множество всякой всячины разставлено и развѣшано: и ковры-то, и зеркала, и люстры, и золото, серебро, дорогіе камни, и часы, и математическіе инструменты, и куклы, и чего-чего здѣсь не было.—Въ первыхъ мнѣ подъ глаза попали вещи изъ польскаго серебра, К. Фраже, и между ними самыя лучшія, потому что самыя полезныя и сходныя

въ цѣнѣ, мнѣ казались столовыя ложки. Нѣсколько такихъ ложекъ и одна разливная у меня лѣтъ съ 14 каждодневно употребляются безъ видимаго и невидимаго вреда здоровью тѣлесному, а видомъ онѣ складны и нарядны, далеко перещегооляли оловянные, и мало не подравнялись къ серебрянымъ, за то ужъ крѣпостію и пружинностію своею гораздо превосходятъ и тѣхъ и другихъ, такъ что даже при выкладываніи крутой грѣшневой русской каши изъ горшка ни мало не гнутся, между тѣмъ какъ самыя полноцѣсныя серебряныя ложки всегда при этомъ дѣлѣ гнутся и частехонько ломаются; еще и то недурно, что вмѣсто одной серебряной ложки, можно имѣть съ полдюжины нейзильберныхъ, да и не такъ соблазнительны онѣ попользовенному нѣкихъ людей желанію самовольно прятать къ себѣ въ карманъ чужія вещицы. Не знаю, выгодно ли употребленіе столовой и чайной посуды и другихъ вещей изъ накладнаго серебра въ сравненіи съ чисто-серебряными,—это можетъ рѣшить лишь тотъ, кто много и долго пользовался тѣми и другими вещами. — Небольшая кострюлечка, внутри вмѣсто полуды наложенная серебромъ, кажется мнѣ самую полезную, особенно для приготовленія каши и другихъ снѣдей младенцамъ и дѣтямъ.—Подносы, подсвѣчники и другія домашнія крупныя и потому цѣнныя вещи, которыя быть должны во всегдашнемъ употребленіи и безперестанно ходить по рукамъ у прислуги, и которыя иногда пропадаютъ, недурно имѣть также изъ накладнаго серебра, потому что меньше убытковъ. Все то недурно, все то хорошо, а все же не то, чтѣ серебро.— Вотъ издѣлія г. Губкина: вотъ, напримѣръ, серебряная позолоченная риза на иконѣ Спасителя, вотъ и Евангеліе, кругомъ обложенное серебромъ съ позолотою, все это превосходно, отдѣланное оброчною и токарною, гильйоше, работою, на древній пошибъ.—Возлѣ стояли подѣ стекломъ вещи поч. гр. Сазикова. Какая въ этомъ свѣтломъ поставцѣ собрана очаровательная изобрѣтательность, какая разнообразность предметовъ, и все изъ серебра да золота. Какъ милы два дерева съ двумя семьями лѣсныхъ медвѣдей, которые такъ легко, живо и точно отдѣланы во всѣхъ подробностяхъ отъ ушей до ноготковъ, что ни одинъ глубоководный естествоислѣдатель, ни одинъ пристрастный къ медвѣжьей травѣ охотникъ, кажется, не отыщутъ ничего, ровнехонько ничего немедвѣжьяго! это канделябры или подсвѣчники. — Опять экая прелесть: кубокъ-пѣтухъ, кубокъ-конь, и другіе. А ужъ какъ хороша-расхороша сложенная и положенная на тарелкѣ салфеточка,—такъ вотъ и хочется ее приподнять и посмотреть, чтѣ подѣ нею спрятано: начинаете подымать, и она откидывается къ сторонѣ на петляхъ или на шарнирѣ,

и видите круглое, внутри золоченое мѣсто, — презатѣливая посудянка къ подаванію съ пылу самыхъ горячихъ русскихъ блиновъ, блинцовъ, оладьевъ, сырниковъ и т. п. — Если бы самая тарелочка-то была вся кругомъ вызолочена, то матовая отбѣленная салфеточка выкабывалась бы и еще больше, обманчивѣе, и ближе бы подходила къ настоящей камчатной. — Вотъ еще серебряная, сплошь вся густо вызолоченная дарохранительница, необычайно хороша, видъ имѣетъ четырехъ-угольной, равносторонней церкви, возведенной въ древнемъ цареградскомъ пошибѣ; она поставлена на подзданіи, помнится, о семи ступеняхъ, а верхъ сведенъ четырехъ-стороннимъ шатромъ, подъ одну главку съ крестомъ; стороны съ окнами и дверцами превосходной филограновой работы; внутри церкви ковчежець въ видѣ гроба; нельзя было на сію дароносицу смотрѣть безъ почтительнаго благоговѣйнаго чувства. — Предъ Императорскою ложею стоялъ середникъ, или огромный для многихъ свѣчей подсвѣчникъ, — это памятникъ Великому Князю московскому Димитрію Іоанновичу Донскому, памятникъ, бывшій на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ и много разъ уже описанный.

Тутъ же рядомъ стояли огромныя вазы, также лампы, столъ и разныя вещи изъ малахита, съ заведенія гг. Демидовыхъ. Все это удивительно и прекрасно; а всего лучше мнѣ приглянулась маленькая церковная дарохранительница, представляющая гору съ высѣченнымъ гробомъ или пещерою, въ которой отваленъ камень. Все это изъ малахита; на камнѣ золотой ангелъ, а у пещеры двѣ жены мироносицы: мысль превосходная, исполнена прелестно-хорошо, только я не могъ разобрать, отъ кого она, отъ гг. Демидовыхъ, или отъ К. Штанге. — Звывая на такіа прекрасныя, ненаглядныя вещи, я чуть-чуть не наткнулся на суковатые остроконечные олени рога, которые вмѣстѣ съ оленьими головами очень остроумно приспособлены къ спокойнымъ кресламъ вмѣсто ручекъ и спинокъ; а и того еще любопытнѣе въ этой мебели — рѣзба изъ той же оленьей роговой бѣлой кости, представляющая разныя конныя и пѣшія охоты за оленями, за кабанами, зайцами, — художество откровенно хорошее, работа чистая, превосходная, даромъ что очень мелкая, но исполнена съ легкостію, правильностью въ рисунокъ и вѣрностью въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ. Что шагъ, то удивленіе удивленія больше, сильнѣе! — Какія чудесныя двери въ петербургскій Исаіевскій соборъ, отлитыя изъ бронзы на гальванолитейномъ и механическомъ заведеніи, принадлежащемъ Ихъ Высочествамъ дѣтямъ Государыни Великой

Княгини Маріи Николаевны. — Какое чудное ваяніе! — Святые евангелисты какъ будто бесѣдуютъ къ вамъ, и вы удивляетесь, что загла не оглашается ихъ проповѣданіемъ, и тутъ только едва замѣчаете, едва догадываетесь, что лики не живые, но изваяны изъ бронзы въ четвертую долю обыкновеннаго человѣческаго роста. Невольно предъ ними останавливаешься, глядишь съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, и въ этомъ изумленіи не сдвинулся бы съ мѣста цѣлые дни, ежели бы не гремѣли въ ушахъ безпрестанные смотрителей возгласы: «проходите, не тѣснитесь, пожалуйста, не останавливайтесь», — и печего дѣлать, волею или неволею, а должно было послушаться столь краснорѣчивыхъ увѣщаній, надобно было тащиться дальше, подыматься на хоры по высокой дубовой, краснымъ сукномъ обитой лѣстницѣ; волоча правую хворую ногу за лѣвою, не совсѣмъ здоровою, полѣзъ я безъ костыля, потому что съ тростями никого не выпускали на выставку, и — вотъ, на силу — на силу, за другими вскарабкался на верхнюю площадку лѣстницы, усталъ, запыхался, — надобно было остановиться тутъ и отдохнуть.

Покудова грудь моя успокоивалась отъ опышки и усталыя ноги отдыхали, я, облокотясь на перилы, любовался незагляднымъ зрѣлищемъ живой подо мною картины, которая хотя была и та же самая, да не такъ являлась предъ глазами: прежде они видѣли ее прямо и съ низу, теперь смотрѣли съ высоты худо-худо десятиаршинной; и тутъ лишь я примѣтилъ, что по сторонамъ лѣстницы были размѣщены зеркала, ковры, жерондоли, искусственные цвѣты, и другія комнатныя, роскошныя украшенія. А между тѣмъ у самыхъ почти ушей моихъ безъ умолку трубили, хрипѣлъ, дудѣлъ, свисталъ, пищалъ какой-то, при самомъ входѣ на хоры поставленный, музыкальный инструментъ, сушій убудокъ изъ помѣси фортепьяно, фиць-гармонички и шарманки, — не могу сказать, самъ ли то мастеръ, или его повѣренный какой, безпрестанно вертѣлъ ручку, паигрывалъ разныя штуки, подкликалъ и удивлялъ цѣлыя толпы слушателей, повидавшихъ, знать, силу въ уличной музыкѣ тирольскихъ плясуновъ. — Я поторопился поскорѣе предоставить свое мѣсто опытымъ охотникамъ до шумной громкой музыки, и на силу — на силу могъ протраться сквозь тѣсное многолюдство слушателей и, казалось, очарованной публики.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О РЕСТАВРАТОРѢ КАРТИНЪ НИКОЛАѢ ИВАНОВИЧѢ ПОДКЛЮЧНИКОВѢ.

По нашему мнѣнію, хорошій, а тѣмъ болѣе отличный реставраторъ картинъ несравненно полезнѣе, нежели дюжинные живописцы. Вотъ почему мы сообщаемъ нѣкоторыя подробности о заслугахъ Н. И. Подключникова, какъ реставратора.

Прошлымъ лѣтомъ онъ былъ занятъ огромнымъ и важнымъ дѣломъ, на которое обращено было благосклонное вниманіе правительства,—мы говоримъ о реставраціи иконъ въ иконостасъ Успенскаго собора,—и за успешное исполненіе котораго художникъ удостоился Царской награды.

Намъ удалось уговорить г. Подключникова объяснить въ запискѣ механизмъ его производства; — эту-то записку мы и предлагаемъ читателямъ.

«При очищеніи образовъ вообще оказывается часто, что мастеръ, при поновленіи, отдавался своему произволу, то перемѣняя положеніе руки изображенной фигуры, то увеличивая голову; а всего чаще случалось открывать разные цвѣта платьевъ и разные узоры парчи. Иногда прекрасный узоръ, добросовѣстно выработанный древнимъ иконописцемъ, былъ закрытъ одноцвѣтною одеждою, которую, конечно, скорѣй и легче написать, нежели узорчатую.

«Слѣдующій разсказъ моего родственника-иконописца можетъ послужить доказательствомъ, какъ невѣжественно поступали всѣ вообще поновители иконъ.—«Мы рядились,—говорилъ онъ,—обыкновенно такъ: фоны перекрывать; платья красками пройти; а если прикажутъ, и фоны вызолотить».

«Послѣ этого понятно, что отъ неоднократныхъ поновленій одной и той же иконы, оригинальная живопись была закрыта не только для насъ, но и для нашихъ прадедовъ, — и слѣдовательно понятіе о стилѣ древней греческой иконописи совершенно исчезло для большинства людей.

«За древнія иконы привыкли считать только потемнѣвшіе образы,—и это понятіе давало возможность самымъ плохимъ живописцамъ зарабатывать себѣ хлѣбъ не совсѣмъ честно. Такъ они копировали на старыхъ доскахъ иконы, примѣшивая въ краски разныя снадобья, какъ-то: шафранъ или крушину на водѣ; а потомъ, покрывая подцвѣченной олифой, ставили эти копіи къ печкѣ, дабы онѣ закоптили и приняли старый видъ. И подъ такой темнотой мнѣ случалось открывать иконы.

«Одинъ любитель искусствъ разсказывалъ мнѣ вотъ что: онъ заказалъ живописцу образъ въ греческомъ вкусѣ. Послѣдній приносить образъ. Любитель замѣчаетъ ему, что эта живопись не въ греческомъ вкусѣ, и, недовольный, говоритъ живописцу, что онъ, вѣроятно, и не имѣетъ понятія о греческомъ стилѣ. Оскорбленный такимъ замѣчаніемъ, живописецъ отвѣтилъ, что, напротивъ, онъ очень хорошо знаетъ этотъ стиль: только краска должна быть потемнѣй, да члены ломаные. Вотъ какого рода понятія руководятъ тѣхъ самозванцевъ-живописцевъ, которые, и за нѣсколько вѣковъ до насъ, святотатственно накладывали руки на образцовыя иконы греческаго письма.

«Не могу не упомянуть здѣсь о восторгѣ, въ который я былъ приведенъ, увидѣвши малыя домашнія иконы у почетнаго гражданина А. И. Лобкова. Строгая пропорція фигуръ, ихъ положенія и постановки, исполненныя величія и вмѣстѣ простоты; однимъ словомъ, все здѣсь приводитъ къ истинному пониманію, какъ высоко стояла греческая иконопись. Графъ С. Г. Строгановъ также обладаетъ подобными сокровищами.

«Когда я работалъ надъ соборными иконами, мнѣ дозволено было показывать ихъ очистку знатокамъ и любителямъ. Въ то время Е. С. графъ С. Г. Строгановъ посвщеніемъ своимъ и замѣчаніями много поощрилъ меня въ моемъ трудѣ. Также Е. П. И. М. Снегиревъ былъ въ восхищеніи отъ моего открытія; — и хотя и самъ я былъ убѣжденъ въ истинности и честности моего труда, но при толкахъ, которые раздавались иногда противъ меня и моего искусства, отзывы и соучастіе названныхъ знатоковъ древности, придавали мнѣ новыя силы.

«Въ это же время люди, совершенно не знакомые съ дѣломъ реставраціи, осаждали меня разными невѣжественными совѣтами, убѣждая, напримѣръ, крыть иконы олифой, а не мастичнымъ лакомъ, на разницу которыхъ я тотчасъ укажу.

«Точно, когда написать образъ вновь, то непременно нужно покрыть его олифой, чтобы она впиталась въ краски, если онѣ растворены на яйцѣ, почему краски становятся прочны, крѣпки и свѣжи; но надо замѣтить, что олифа принимаетъ желчицу даже отъ теплоты комнатнаго воздуха и совершенно чернѣетъ отъ куренія ладана. Почему, если бы покрыть обнаруженныя мною первобытныя иконы олифой, то онѣ, со временемъ, покрылись бы чернотой, и живопись, теперь мною открытая, вновь бы исчезла, тогда какъ мой способъ очищенія состоитъ вотъ въ чемъ.

«Я оставляю на краскахъ открытой иконы самый тончайшій слой первоначально наведенной олифы, и вслѣдъ за этимъ покрываю образъ мастичнымъ лакомъ для того, чтобы сохранить всю открытую свѣжесть оригинала и преградить вліяніе воздуха и копоти на сохраненный слой олифы.

«Послѣ прикрытія мастичнымъ лакомъ, пусть пыль и копоть ложатся на него; онъ не подлежитъ тому измѣненію, какому подвержена олифа; а если бы какой неожиданный случай, или слишкомъ продолжительное время, и его одолѣли, то этотъ лакъ снять очень легко. Вотъ масляный лакъ такъ рѣшительно губить иконы и картины. Онъ производитъ несметное множество трещинъ, которыя сводятся съ величайшимъ трудомъ; а иногда, при всѣхъ усиліяхъ и терпѣніи, и ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

«Вполнѣ сознавая мой способъ реставраціи вѣрнымъ и прочнымъ, я считаю долгомъ указать на всю ошибочность советовъ тѣхъ людей, которые знакомы съ реставраціей лишь ощупью, да и понятія которыхъ о греческомъ письмѣ совершенно ложны.

«Когда я доказывалъ, что олифа темнитъ образа, они мнѣ отвѣчали: да это еще лучше! Закоптите олифу, подложите желчины, такъ икона будетъ казаться древнѣе; а то при вашемъ способѣ, иконы такъ свѣжи, что ихъ можно принять за вновь написанныя. «Нѣтъ, господа,—отвѣчалъ я,—научитесь отличать образа по стилю ихъ письма, а не думайте, что все то старше, что темнѣе.

«При открытіи первобытныхъ иконъ, нельзя было не подивиться добросовѣстности людей, которые изготовляли такіе изумительныя краски, и нельзя не почтить иконописцевъ, которые, по видимому, не жалѣли денегъ на пріобрѣтеніе этихъ превосходныхъ красокъ, сохранившихъ до сей поры весь свой блескъ и всю прелесть. Я добивался сдѣлать ихъ видимыми; а мнѣ въ то же время советовали коптить олифу и подмѣшивать въ нее желчины.

«Еще считаю не лишнимъ замѣтить, что, покрывая олифой, я могъ бы извлечь двѣ выгоды. Первая — олифа дешевле мастичнаго лака; вторая — если бы я, по неосторожности, стеръ на иконѣ старинную краску и подмалывалъ новою, то олифа заслонила бы своей желчиной мою ошибку, а мастичный лакъ способенъ тотчасъ же обличить меня въ этомъ; — почему требуются всевозможная осторожность и тщаніе съ моей стороны при реставраціи, не допускающей никакой надежды на поправки новыми красками, которыми, безъ сомнѣнія, легче записать, нежели отчистить точнымъ и вѣрнымъ способомъ, какъ это случается съ другими реставраторами. «Подъ ризой не видать», — говорятъ они себѣ въ утѣшеніе.

«Они же говорили мнѣ въ глаза, что секретъ мой пустой, что здѣсь главное—терпѣніе. Я, пожалуй, согласенъ съ ними; но все-таки мой секретъ имъ недоступенъ. Что же касается терпѣнія, прибавлю, что сверхъ терпѣнія нужна въ этомъ случаѣ страстная любовь къ своему дѣлу, которая не позволяетъ мнѣ, изъ денежныхъ выгодъ исполнять важное дѣло какъ попало. Здѣсь, съ моей стороны, дѣло совѣсти художника, чего трудно требовать отъ людей, смотрящихъ на искусство какъ на ремесло.

«Чтобы указать на трудности, которыя мнѣ представлялись при исполненной мною огромной реставраціи, я приведу въ примѣръ грудное изображеніе Іисуса Христа, величиною въ 12 вершковъ. Очищая этотъ образъ и снявши три въ разное время написанныя платья, я нашелъ подъ ними затвердѣвшій грунтъ изъ мѣлу, клея и масла; и подъ этимъ грунтомъ холстину, наклеенную сплошь и на-крѣпко на оригиналъ. Когда я снялъ ее съ доски, то увидѣлъ на открывшемся образѣ язвину, прозженную свѣчей, которую слѣдовало бы только замазать левкасомъ, и уже по неизбежной необходимости немного заправить краской; — а теперь изъ разсказа моего можете видѣть, сколько, по невѣдѣнію, напрасныхъ хлопотъ было употреблено на мнимое возобновленіе древней иконы, или лучше сказать, на то, чтобы скрыть навсегда ея истинное достоинство. Наклеенный холстъ, грунтъ и три слоя красокъ составляли толщину мѣдной копейки.

«Когда признали мой способъ реставраціи вполне полезнымъ, совѣстливымъ, и слѣдовательно нисколько не рискованнымъ, то не мало явилось охотниковъ до реставраціи, которые разсказываютъ, будто секретъ мой купленъ ими въ моемъ семействѣ за сто рублей серебромъ. Это чистая ложь. Я снова повторяю, что одно изъ главнѣйшихъ условій моего секрета составляетъ врожденная мнѣ страсть къ реставраціи, которой я ни у кого не учился, хотя и на это имѣеть претензію одинъ изъ пожилыхъ московскихъ живописцевъ, выдающій меня за своего ученика. Это также ложно.

«Прибавлю: если бы и точно какимъ-нибудь неожиданнымъ случаемъ купилъ кто мой способъ реставрировать, то деньги эти, безъ горячаго личнаго участія въ трудѣ, были бы для него пропащія.

«Притязанія подобныхъ людей напоминаютъ мнѣ случай, бывшій между мною и моимъ дядей, въ мастерской котораго я занимался; почему я и рѣшился привести его здѣсь.

«Еще бывши мальчикомъ, какъ-то въ отсутствіе дяди, я догадался сдѣлать трафаретъ для написанія буквъ по бархату плаща—

ницъ и хоругвей. Придуманный мною способъ оказался скорымъ, чистымъ и несравненно лучшимъ, нежели писать по бархату отъ руки кистью; да сверхъ того то, что дѣлалось прежде однимъ человекомъ въ полтора мѣсяца, теперь дѣлается однимъ же въ одинъ день.

«Дядя, возвратившись домой, былъ пораженъ скоростью моей работы, и не могъ вдоволь налюбоваться ея чистотой. При вопросѣ его: какъ я это сдѣлалъ, я указалъ на трафаретъ, висѣвшій для просушки на печкѣ. Восхищенный дядя подарилъ мнѣ за находчивость четверку чая въ 1 р. 50 к. ассигнаціями.

«Эта мгновенная выдумка доставила возможность и небогатымъ сельскимъ церквамъ имѣть бархатныя плащаницы и хоругви.

«Прошло послѣ того лѣтъ двѣнадцать — мы какъ-то были въ гостяхъ, вмѣстѣ съ дядей, и зашелъ разговоръ о письмѣхъ на бархатѣ — «Вотъ вѣдь секретъ-то писать золотомъ по бархату я вамъ далъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяевамъ дома. — А кто же мнѣ подарилъ за это четверку чаю, дяденька? — спросилъ я. — Да и въ самомъ дѣлѣ! — отвѣтилъ онъ, и началъ другой разговоръ.

«Свободный художникъ

Николай Подключниковъ.»

Благодаря искусству и необыкновенной къ нему любви этого художника, передъ нами открылась во всей свѣжести первоначальная живопись въ иконостасѣ Успенскаго собора.

Въ послѣднее время этотъ же художникъ открылъ оригиналъ Корреджіо, и потому, не безъ особеннаго удовольствія, скажемъ также отъ себя нѣсколько словъ о Н. И. Подключниковѣ, какъ о лучшемъ и необыкновенно совѣстливомъ реставраторѣ.

Не мало уже картинъ, почернѣвшихъ до подобія заслонки, растрескавшихся какъ глина на солнцѣ, проходило подъ руками опытнаго реставратора, — и, положимъ, не все отличныя, но все-таки болѣе или менѣе пріятныя картины, чрезъ искусство его, снова стали доступны художникамъ и любителямъ, и указали на свои монограммы.

Въ то же время не одинъ разъ сердце художника надрывалось отъ справедливой досады на ту газерски-невѣжественную кисть, которая иногда и самое высокое содержаніе картины обращала въ пошлую сцену низкаго плотскаго удовольствія. Подъ однимъ изъ такихъ мазаній г. Подключниковъ открылъ изображеніе св. Апостола Андрея, написаннаго, по предположенію художниковъ, отцемъ

Теньера, что свидѣтельствуешь и открытая, вмѣстѣ съ живописью, монограма.

Къ такимъ же картинамъ, въ которыхъ невежда-поновитель принималъ ракурсъ ноги за ея короткость и удлиннѣлъ ее по произволу, или измѣнялъ прическу волосъ по своему вкусу, какъ и цвѣтъ платья, названный художникъ имѣлъ достаточно практики по-привыкнуть.

Понятно бы было, еслибъ оригиналъ записывался сверху для того, напримеръ, чтобы провезти его замаскированнымъ чрезъ какую-нибудь итальянскую таможену, гдѣ вывозъ оригиналовъ строжайше воспрещенъ; а то, можете себя представить, нѣмныя оригинальныя картины и эскизы, которыя попадаютъ подъ руки г. Подключникова, такъ нелѣпо забросаны красками, какъ будто писака находилъ особенную потѣху намеренно портить произведеніе, иногда очень добросовѣстно исполненное.

Разъ какъ-то реставратору попала въ картину, на которой отъ черноты рѣшительно ничего нельзя было рассмотреть, и краски на ней до того были отдувшись отъ холста, что страшно было, по видимому, перенести ее съ одного мѣста на другое. Уныло глядѣлъ художникъ на это разрушеніе, однако сильное желаніе узнать, что кроется подъ этою копотью и грязью, заставило его употребить все свое искусство, и чрезъ нѣсколько дней обнаружилась голова Равенны, кисти К. Дидриха.

Объ открытіи картины «Лотъ съ дочерью», упоминаемъ лишь для того, чтобы показать въ какія иногда жестокія руки можетъ попасться и хорошая картина, что, къ сожалѣнію, и случается. Какъ-то къ г. Подключникову является женщина съ довольно большой картиной, на которой также ничего нельзя было разобрать, но уже не изъ-за черноты, а отъ необыкновенной близзны. — Что ты, матушка, съ ней дѣлала? — спросилъ г. Подключниковъ. — Да мы, съ барыней, мыли ее. — Чѣмъ же? — Да мочалкой съ кипяткомъ. — Можете себя представить изумленіе въ эту минуту, такого реставратора, какъ г. Подключниковъ. Густо покрытый лакъ, послѣ такой, черезъ чуръ домашней, реставраціи, безъ сомнѣнія, растворился и мѣловымъ цвѣтомъ покрылъ картину, изображающую Лота съ дочерью.

Изъ послѣднихъ реставрацій особенно замѣчательны двѣ оригинальныя картины Брошеля (пейзажи въ родѣ Брюгеля), принадлежащія Е. С. графу Зубову. Онѣ представляютъ многосложные пейзажи, первые планы которыхъ усеяны множествомъ народа, толпящагося на открытыхъ рынкахъ. Здѣсь необыкновенная тонкость живописи объясняется необыкновенною любовью художника къ своему искусству, и,

по видимому, совершенно спокойнымъ, ничѣмъ невозмутимымъ состояніемъ его души.

Г. Подключниковъ какъ-то въ шутку сказалъ намъ, что онъ не сердится на вандаловъ-реставраторовъ, потому что, при его малыхъ средствахъ, они дали ему возможность, за небольшія деньги, составить небольшую галерею, — такъ что онъ, глядя на открытыя имъ картины, висящія по стѣнамъ отъ панели до потолка, самъ себя съ трудомъ вѣрить, что онъ ихъ обладатель.

Конечно, не одни невѣжды-поновители способствуютъ г. Подключникову къ составленію подобной коллекціи; здѣсь и время, или, лучше сказать, мода играетъ немаловажную роль; — говорятъ же многіе: нынѣ не мода на картины. Такъ отзывчалъ и содержатель гостинницы на Петровскомъ островѣ, въ Петербургѣ, когда онъ, по убѣдительной просьбѣ г. Подключникова, показывалъ ему очень порядочныя картины, снятыя со стѣнъ гостинницы и спрятанныя въ подвалѣ, дверь котораго была занесена снѣгомъ, такъ что употреблено минутъ двадцать времени на то, чтобы получить возможность войти, съ фонаремъ, въ подвалъ.

Въ Петербургѣ же, въ Гостинномъ дворѣ, г. Подключниковъ напелъ совершенно почернѣвшую картину; а послѣ реставраціи она оказалась, если не оригиналомъ Грота, то превосходною съ него копіей.

Тамъ же онъ приобрѣлъ очень замѣчательный эскизъ прекрасно составленнаго плафона, что, впрочемъ, оказалось послѣ реставраціи. Не мало удивлялся реставраторъ, когда замѣтилъ вновь приписанныя краски и началъ снимать ихъ. — «Смотрю, — говоритъ онъ, — гдѣ была голова — является воздухъ; а гдѣ былъ воздухъ — является голова. Плафонъ былъ совершенно искаженъ, но, къ счастью, не стертъ. А то вотъ бѣда, какъ иной хватить спиртикомъ покрѣпче (*)... ну, тогда прощай картина! Да лучше бы она сгорѣла, нежели смывать на нее, не видя средствъ помочь ей.

Всѣхъ случайностей открытія картинъ г. Подключниковымъ не перечтешь; скажемъ лучше нѣчто по поводу открытой имъ картины Корреджіо, принадлежащей А. И. Лобкову.

Обладатель и самъ не подозрѣвалъ, какое сокровище онъ приобрѣлъ, и, смѣясь, указывалъ на имя Корреджіо, написанное на рамѣ. Почистите, — говорилъ онъ реставратору. Послѣдній, взявъ картину въ свою мастерскую, сдѣлалъ надъ частью ея испытаніе, и что же.... открывается оригиналъ; но послѣ радости г-мъ Подключниковымъ овладѣло сомнѣніе: что, если только часть оригинала уцѣлѣла? —

(*) Г. Подключниковъ также предостерегаетъ отъ деревяннаго масла, съдѣлающаго и лакъ, и краски.

Однако дальнѣйшія пробы, сдѣланныя въ шести мѣстахъ картины, привели въ совершенный восторгъ реставратора.

— Хотя эта картина принадлежитъ не мнѣ; говорилъ г. Подключниковъ, но все-таки я въ своей мастерской первый увидѣлъ безсмертнаго Корреджіо, — и вотъ награда за трудъ, прежде всѣхъ другихъ награда.

Г. Подключниковъ могъ завладѣть картиной, не обнаруживая исполнѣ оригинала, и смѣясь, по этому случаю, онъ говорилъ въ-сѣмьствѣ: вѣдь можно присвоить. — Нѣтъ, — отвѣчали ему родные, — вы этого не сдѣлаете; да тогда вы и не такъ спокойно смотрѣли бы на нее; она вмѣсто того, чтобы приносить удовольствіе, колола бы вамъ глаза. — Молодцы, — отвѣтилъ реставраторъ своимъ братьямъ. Будемъ ждать награды за открытіе отъ обладателя картины.

Сюжетъ картины Корреджіо: Іосифъ надъ яслями держитъ младенца Іисуса и созерцаетъ его съ умиленіемъ. Сзади видна часть вертепа и пыла.

Верхнее платье въ картинѣ было приписано желтое, а открылось зеленое; да и остальное все было приписано.

Желаемъ, чтобы и впредь такъ счастливилось г. Подключникову въ его открытіяхъ.

И. РАЖАВАНОВЪ.

С М Ъ С Ь.

ПОЖАРЪ ВЪ МУРОМѢ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ ВЪ 1806 ГОДУ.

На одной изъ лучшихъ улицъ Муромъ, уезднаго города Владимірской губерніи, стоялъ старый домикъ. Злое время наложило на него свою тяжелую руку, и бѣдное зданіе покривилось на бокъ, какъ бы пораженное апоплексическимъ ударомъ; тѣмъ болѣе было замѣтно горестное положеніе этого калеки, что прямо противъ него возвышался огромный каменный домъ съ зеленою крышею и крѣпкими воротами. Здѣсь встрѣтилась нищета съ богатствомъ, какъ это часто бываетъ въ нашемъ подлунномъ мірѣ. Каменный домъ принадлежалъ именитому купцу Русакову, головѣ города Муромъ; въ бѣдномъ домикѣ жила вдова Ирина Савишна Сумина съ своею дочерью Машею.

Впрочемъ внутренность этого домика не вполне оправдывала то понятіе о нищетѣ хозяевъ, которое невольно получалъ всякій, кто только видѣлъ его снаружи. Опрятность и чистота скрывали въ немъ слѣды бѣдности. Бѣлая стѣны и чистый столъ, словно сейчасъ вышедшій изъ-подъ струга столяра, въ углу лежанка изъ красныхъ кафель, — все это представляло видъ нѣкотораго довольства, которое еще яснѣе выражалось на лицахъ статнаго молодого купца и хорошенькой дѣвушки въ русскомъ нарядѣ, сидѣвшихъ рядомъ на лавкѣ и тихо разговаривавшихъ между собой. Ничто не прерывало бесѣду молодыхъ людей; только по временамъ Ирина Савишна въ чуланѣ гремѣла деревянной посудой, которую перетирала, да за перегородкою раздавались шаги проѣзжаго чиновника, остановившагося ночевать у Суминой, отдававшей одну изъ своихъ комнатъ ча ночлегъ проѣзжающимъ.

— Повѣрь мнѣ, Маша, говорилъ молодой купецъ, я упрошу батюшку; онъ добръ, хоть и строгъ, и не захочетъ сгубить своего сына.

— Но ты такъ богатъ, Алексѣй, а я бѣдная мѣщанка.

— Что мнѣ въ богатствѣ? Безъ тебѣ, Маша, мнѣ и свѣтъ постыль. Зачѣмъ мнѣ батюшкины деньги, если я не буду покупать на нихъ тебѣ нарядовъ? Что мнѣ въ этомъ огромномъ домѣ, если ты не будешь жить въ немъ вмѣстѣ со мной?

— Но батюшка твой такой грозный, онъ глядитъ на меня всегда такъ сердито,—онъ не захочетъ, чтобы я была его снохой. — Глазки Маши наполнились слезами.

Алексѣй тихо взялъ ее за руку. Грусть любезной опечалила его. «Ненаглядная ты моя, говорилъ онъ ей, — я такъ люблю тебя, что вовсе пропаду съ тоски, если батюшка не согласится на нашу свадьбу; онъ любить меня и не захочетъ сгубить своего сына.

Вдругъ Маша отскочила отъ Алексѣя: въ сѣняхъ послышались чьи-то шаги, и въ комнату вошелъ человекъ, могшій служить оригиналомъ картинъ работы нашихъ лубочныхъ живописцевъ. На широкои лицѣ гостя возвышался огромный носъ, по наростамъ котораго можно бѣ было прочесть всю прошедшую жизнь его обладателя, какъ геологи по пластамъ земли дѣлаютъ заключенія о переворотахъ нашей планеты; прибавьте къ этому большой ротъ, толстыя губы, косые глаза, находящіеся въ вѣчномъ броженіи отъ винныхъ паровъ,—и передъ вами будетъ стоять Елисей Пантелеевичъ Рыбкинъ, наемный писецъ городническаго правленія Муромъ, вошедшій въ комнату мѣщанки Суминой.

— Наше почтеніе! сказалъ онъ. Я сейчасъ повстрѣчался въ рядахъ съ вашимъ батюшкой, Алексѣй Петровичъ; онъ разослалъ всѣхъ работниковъ искать васъ по городу. Старичина дивится, куда запропастился его сынокъ, а онъ вотъ гдѣ время препровождаетъ, табалу бьетъ съ Марьей Андреевной, а въ другомъ мѣстѣ по немъ хоть трава не расти.

— Ступайте, Алексѣй Петровичъ. сказала Маша: можетъ быть, вы и въ самомъ дѣлѣ за чѣмъ-нибудь понадобились вашему батюшкѣ.

Досада и сомнѣніе зашевелились въ груди Алексѣя; но его ревность тотчасъ же исчезла, лишь только онъ взглянулъ на свѣтлое дѣтское личико Маши и на уродливую фигуру Рыбкина, и вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Чего зубы скалитъ молокососишка, началъ Елисей Пантелеевичъ, когда Алексѣй былъ уже на улицѣ. Другой, глядя на него подумаетъ, что онъ человекъ на порядкахъ, а на дѣлѣ выходитъ дрянъ, мальчишка,—дрожитъ передъ отцемъ,—не то, что мы люди самостоятельные—ворочаемъ цѣлымъ городомъ.

— Лѣта много значать, Елисей Пантелеевичъ. Чтѣ жъ мудренаго, если вамъ не кого бояться? Вѣдь вы ему годитесь въ дѣдушки! отвѣчала Маша съ лукавой улыбкой.

Не говорите такъ, Марья Андреевна; лѣта для сильнаго, здороваго мужчины ничего не значать. Чтѣ нынѣшніе молодые ребята? куда они годны? все народъ такой хилый. мизирный, любого полосуха горѣлки съ ногъ свалить; на кулачномъ бою порядочно ударить не умѣютъ, только увиваются возлѣ красныхъ двѣушекъ, да нашептываютъ имъ разные комплимажи. То ль дѣло въ наше время! Бывало, какъ выпьешь добрую красаулю, да засучишь рукава на кулачномъ бою, такъ цѣлая стѣна дрожкой дрожить отъ одного Елисея Пантелеевича. Спросите-ка матушку, какъ я, бывало, въ старые годы погуливалъ.

— Здравствуй, батюшка, Елисей Пантелеевичъ, сказала Сумина, выходя изъ чулана: — по добру ли, по здорову къ намъ пожаловали?

— За дѣломъ, матушка, за дѣломъ.

— Вѣрно опять насчетъ векселя покойнаго?

— Да, мать моя, за должкомъ. Да нѣтъ ли чего хлебнуть? въ горлѣ пересохло.

— Есть настойка, для тебя только и держу, родимой, со вздохомъ отвѣчала Сумина, ставя передъ Рыбкинымъ штофъ съ водкой.

— Добре, добре, отвѣчалъ тотъ, принимаясь за водку: — вотъ теперь и обѣ дѣлѣ будетъ толковать веселье! Я пришелъ, матушка, за старымъ должкомъ вашего сожителя; пора расплатиться. Я самъ человекъ небогатый, живу однимъ жалованьемъ; конечно, могли-бы быть кой-какіе доходишки, да совѣстью дорожу, не хочу душой кривить, лучше получу, чтѣ подобаетъ по праву; а вашъ покойный муженекъ мнѣ долженъ, на чтѣ и документикъ у меня имѣется, матушка Ирина Савишна.

— Знаю я, батюшка, какъ задолжалъ тебѣ мой покойный муженекъ, отвѣчала Сумина: — Богъ съ тобой! Мало того, что ты его спонилъ, да взялъ вексель, не давая денегъ, — теперь хочешь доконать вдову съ бѣдной сиротой. — Сумина поцѣловала въ голову Машу, у которой навернулись на глазахъ слезы. — Насъ погубить не долго, Елисей Пантелеевичъ, опять начала Сумина, за насъ некому вступить, но Богъ накажетъ тебя, — зло безъ возмездія никогда не остается.

— Не за что, матушка, не за что, отвѣчалъ Елисей Пантелеевичъ, выпивая одинъ стаканъ за другимъ, — потому что вы сами во всемъ виноваты. Сколько разъ я говорилъ: отдайте за меня Марью Андреевну. Чѣмъ я не мужъ? и богатъ, и извѣстенъ, весь городъ пляшетъ по моей дудкѣ; — за мной ей будетъ не житье, а масляница; такъ нѣтъ, дай ей молодаго. Подумайте, матушка Ирина Савишна, чтѣ смотреть на нее: молодо — зелено. Мы съ вами не

первый десятокъ доживаемъ; не упускайте жениха: право, хорошо будетъ! Послѣ самимъ слюбится! — Рыбкинъ и прежде былъ навеселъ, а теперь, опорожнивъ штофъ съ водкой, совсѣмъ запьянѣлъ и съ трудомъ сидѣлъ на лавкѣ.

— Не пора ли тебѣ домой? сказала Сумина: на дворѣ становится темно.

— Д, да, и впрямъ совсѣмъ стемнѣло. Проводи меня на улицу, сказалъ Рыбкинъ, съ трудомъ вставая съ лавки; — да подумай-ка, объ чемъ я тебѣ говорилъ; право, хуже не будетъ, продолжалъ онъ, идя къ двери и шатаясь изъ стороны въ сторону.

Выпроводивъ Рыбкина за калитку, Ирина Саввишна заперла ее, и со вздохомъ возвратилась назадъ. Вскорѣ въ жилищѣ Суминой стало тихо и спокойно. Старушка, помолившись Богу, легла въ чуланѣ. За перегородкой—проѣзжій господинъ, пересмотрѣвъ какія-то бумаги и пославъ человека, также легъ на лавкѣ. Одна Маша не отошла отъ окна: она глядѣла, какъ полная луна боролась съ черными волнами облаковъ, какъ выростали и двигались тѣни городскихъ зданій по улицѣ, какъ во второмъ этажѣ дома головы кто-то подходилъ къ окну, долго смотрѣлъ на ихъ бѣдное жилище, потомъ огонекъ, освѣщавшій это окно, погасъ, — и Маша хотѣла идти прочь. Вдругъ необыкновенный свѣтъ поразилъ ея взоръ; она взглянула на небо: — тамъ словно занялась заря, огненный потокъ обхватилъ небо, облака и луна потонули въ кровавомъ пламени. Чтò бы это значило, думала Маша, затрепетавъ певольно, и, какъ бы въ отвѣтъ на ея вопросъ, съ сѣдной церкви раздался звонъ колокола и покотился по звучной атмосферѣ соннаго города, за нимъ последовалъ другой ударъ, потомъ третій, чаще, чаще, и благовѣстъ превратился въ набатъ, возвѣщавшій православнымъ о близкой опасности.

— Боже! пожаръ! вскричала наконецъ Маша, подбѣжавъ къ чулану. Матушка, матушка, вставайте, мы горимъ, пожаръ!

— Христось съ тобою, Маша! Кто горитъ, отвѣчала старуха, вскочивъ съ своей постели.

— Мы горимъ, весь домъ въ пламени, вставайте, родимая, поспѣшайте.

— Все въ рудвѣхъ Божіихъ, говорила старуха, — Его святая воля! Сейчасъ, Маша! — Ирина Саввишна хотѣла взять съ собою образа, но огонь ярко блестѣлъ въ окна, на дворѣ трещали и ломались анбары. Сумина набожно перекрестилась, и они поспѣшили въ сѣни, гдѣ встрѣтились съ своимъ постояльцемъ. Они съ трудомъ спустились съ крыльца, полуразрушеннаго пожаромъ. Надворныя строенія, заборъ и ворота, были объаты пламенемъ, — и возлѣ этого-то огнен-

наго моря за калиткой лежалъ человекъ; огонь пожара, отражаясь на немъ, освѣщалъ красное, пьяное лицо Рыбкина.

— Онъ, вѣрно, здѣсь споткнулся и упалъ пьяный; его надобно оттащить прочь, а то онъ сгоритъ чего добраго, — сказала Сумина.

— Ты добрая старушка, замѣтилъ чиновникъ, помогая имъ тащить Рыбкина, если заботишься о спасеніи такого негодяя. — Но, не смотря на всѣ ихъ усилія, толстая фигура Рыбкина не двигалась съ мѣста. Между тѣмъ плямя приближалось и огненнымъ змѣемъ ползло по воротамъ и деревянному забору. Вдругъ къ нимъ подбѣжала Алексѣй.

— Что вы здѣсь дѣлаете? Спасайтесь! кричалъ онъ торопливо.

— Оттащите его, Алексѣй Петровичъ, отвѣчала Сумина.

— Стоить ли этотъ негодяй, чтобы объ немъ беспокоиться, отвѣчалъ Алексѣй; — онъ схватилъ за руку Рыбкина и потащилъ его прочь. Елисей Пантелеевичъ застоналъ, но все-таки не проснулся: такъ крѣпко усыпила его водка Суминой. Оттащивъ Рыбкина, Алексѣй сталъ уговаривать плакавшую Машу.

Между тѣмъ народъ, собранный звономъ набата, шумѣлъ и толпился на улицахъ; пожаръ свирѣпствовалъ, небо и земля покрылись кровавымъ моремъ, въ которомъ какъ волны катились сѣрыя облака дыма. Весь народъ хлынулъ отстаивать домъ головы, изъ воротъ выносили сундуки, изъ подвала выкатывали бочки, изъ оконъ выкидывали узы съ платьемъ, ящики и ящички.

— Что, кума? сказалъ мѣшанинъ пожилыхъ лѣтъ, подошедшій къ Суминой: — Богъ посѣтилъ несчастьемъ, и твоя хата сгорѣла.

— Его святая воля! отвѣчала старуха.

— Гдѣ жъ ты думаешь приклонить свою бѣдную голову? Пойдемъ ко мнѣ, я подѣлюсь съ тобой угломъ, пока не промыслишь своего собственнаго.

— Добрый человекъ, Богъ наградить тебя! отвѣчала старуха со слезами на глазахъ. Посмотрите-ка, Алексѣй Петровичъ, продолжала она, обращаясь къ сыну головы, — вашъ домъ ломаютъ, а вы стоите здѣсь сложа руки.

— Я не отойду отъ васъ прочь, пока вы не найдете себѣ пріюта.

— Вы слышали, что добрый Оома Прокофьевичъ, мой крестный батюшка, принимаетъ насъ въ свой домъ, отвѣчала Маша: — ступай-те жъ, народъ на насъ смотреть, это не къ лицу бѣдной дѣвушкѣ, надо мною стануть смѣяться добрые люди. — Алексѣй нехотя отошелъ прочь.

— Ну что жь, кума, идемъ, что ли? спросилъ Сумину Оома Прокофичъ:—кажется, тебѣ здѣсь дѣлать больше нечего, прибавилъ онъ, взглянувъ на жилище Суминой, почти превращенное пожаромъ въ груду углей и пепла.

Ирина Савишна, пригласивъ съ собою провѣзжаго, со вздохомъ пошла вслѣдъ за кумомъ. Едва Маша сдвѣла нѣсколько шаговъ, какъ ей подъ ноги попался небольшой ящикъ; она подняла его и сказала матери о своей находкѣ.

— Вѣрно, кто-нибудь выронилъ на пожаръ, отвѣчала Ирина Савишна;—мы посмотримъ, что въ немъ, а потомъ объявимъ городничему.

Между тѣмъ вѣтеръ утихъ, огонь сталъ потухать; присутственные мѣста, домъ головы и множество другихъ зданій уцѣлѣли. Сумина съ дочерью первыя вошли въ небольшой домикъ Оомы Прокофича; самъ хозяинъ остался на улицѣ съ провѣзжимъ, который, пославъ лакея за почтовыми лошадьми, долго толковалъ съ нимъ о житьѣ-бытьѣ Суминой; наконецъ, узнавъ всѣ подробности относительно ея жизни, провѣзжій также вошелъ въ жилище Оомы Прокофича. Тамъ онъ засталъ Ирину Савишну въ тревогѣ.

— Посмотрите-ка, какой ящикекъ нашла Маша, сказала она, показывая провѣзжему коробочку, наполненную крупнымъ, дорогимъ жемчугомъ, на которомъ ярко играли лучи восходящаго солнца.

— Что жь ты теперь думаешь дѣлать? спросилъ Оома Прокофичъ.

— Объявлю въ полицию объ находкѣ и возвращу ее тому, кому она принадлежитъ, отвѣчала Сумина.

— Дѣло, кума, это мой обычай! вскричалъ Оома Прокофичъ: ты добрая старуха, и я послѣдній кусокъ хлѣба раздѣлю съ тобой.

Провѣзжій видимо былъ тронутъ намѣреніемъ Суминой. «Честная женщина, сказалъ онъ ей;—доброе дѣло никогда не останется безъ награды,—помни эти слова; вотъ и моя кибитка, — мнѣ пора ѣхать. Можетъ быть, мы еще увидимся.—И, положивъ на столъ золотой, онъ вышелъ вонъ изъ комнаты. Вскорѣ колокольчикъ зазвенѣлъ, и кибитка быстро понеслась по опустѣвшимъ улицамъ.

На концѣ площади, противъ собора, стоялъ небольшой каменный домъ съ деревяннымъ флигелемъ. Домъ занималъ городничій, во флигель жилъ Елисей Пантелеевичъ, его наемный писарь; здѣсь же помѣщалось и городническое правленіе. Оно состояло изъ одной комнаты съ длиннымъ столомъ и высокимъ шкафомъ. Городническое правленіе имѣло три входа: одинъ изъ сѣней, другой прямо изъ покоевъ городничаго, третій сирава, изъ комнатъ Рыбкина.

Вскорѣ изъ сѣнной двери вошла длинная, тонкая фигура;—это былъ Сидоровъ, сторожъ и главный исполнитель распоряженій

Рыбкина. Лице его не походило на красную, круглую физиономию Елисея Пантелеевича; но съ перваго взгляда можно было узнать, что они оба имѣютъ одинакія душевныя свойства и черпаютъ наслажденіе въ жизни изъ одного и того же источника—графина. Сидоровъ сдѣлалъ два огромныхъ шага, съ робостію осмотрѣлся кругомъ, долго прислушивался, поворачивая то одно, то другое ухо къ дверямъ комнаты Рыбкина; еще шагъ—и Сидоровъ взявъ шкафа; тогда онъ перегнулся черезъ столъ, поднявъ ногу на воздухъ, и, уткнувъ голову въ шкафъ, пробылъ въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ; потомъ выпрямился, облизнулся, съ лукавымъ видомъ прищурилъ глазъ и щелкнулъ языкомъ. Вдругъ за дверьми Рыбкина послышался шорохъ; Сидоровъ встrepенулся, прыгнулъ какъ кошка съ печки и принялъ на себя глупый, разсѣянный видъ, что онъ всегда дѣлывалъ, когда на него глядѣлъ Елисей Пантелеевичъ.

Въ комнату вошелъ Рыбкинъ грозный, мрачный, какъ осенняя ночь. Лицо его было сморщено, глаза слипались; онъ съ шумомъ сѣлъ и опрокинулся на спинку кресель.

— Кой чортъ! вскричалъ Елисей Пантелеевичъ, потирая себѣ правое плечо. Такой ломъ, словно съ чертими на кулачкахъ бился. Сидоровъ! Сидоровъ! заснулъ мошенникъ, по тебѣ хоть трава не рости. Вѣдь создалъ же Господь такое неповоротливое, глупое животное! Развѣ для одной только горѣлки задвигается это чучело. Чего добраго, не посылаетъ ли онъ мой штофчикъ? на что другое, а на это достанетъ ума. Подай мнѣ штофъ съ водкой!

— Откуда его подать прикажете? отвѣчалъ сторожъ.

— Ты видѣлъ, куда я его вчера поставилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ничего не видалъ.

— Не видалъ, мошенникъ? Пошелъ вонъ!—Сидоровъ медленными шагами вышелъ изъ комнаты; его лице приняло лукавое выраженіе. Когда сторожъ удалился, Рыбкинъ отворилъ шкафъ, въ который уже заглядывалъ Сидоровъ, и, вынувъ оттуда штофъ съ водкой, посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Кажись больше было, сказалъ онъ. Если бы этотъ скотъ не былъ такъ глупъ, я бы подумалъ, что это его проказы.—Рыбкинъ поднесъ штофъ ко рту, закинулъ голову назадъ, и, поднявъ глаза къ потолку, какъ будто любуясь затѣйливыми узорами, затканными на немъ пауками, пробылъ нѣсколько секундъ въ такомъ положеніи; онъ опустилъ голову, поморщился и тяжело вздохнулъ, словно только что покончилъ самое непріятное для себя дѣло. Здѣсь въ стѣнахъ послышался шорохъ; Рыбкинъ поспѣшилъ спрятать въ шкафъ остатокъ водки,—къ нему вошла Сумина.

— Здорово, мать моя! что скажешь? спросилъ ее Рыбкинъ.

— Вчера на пожаръ, батюшка, отвѣчала она, Маша нашла вотъ этотъ ящичекъ съ жемчугомъ; такъ я пришла къ твоей милости объявить объ ея находкѣ въ полицію.—Ирина Савишна подала Рыбкину ящичекъ, который вчера на пожаръ попался подъ ноги ея дочери.

— Батюшки-свѣты! какой крупный жемчугъ! вскричалъ Рыбкинъ, открывъ коробочку. Послушай, Ирина Савишна, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь возвратить это сокровище?

— Конечно, батюшка: вѣдь оно не мое, а чужое, отвѣчала Сумина.

— Э-эхъ, Ирина Савишна, началъ опять Рыбкинъ, — мое правило: крѣпче держи то, что въ руки попало, право, лучше, будетъ. Послушайся моего совѣта, не говори никому объ находкѣ, раздѣлимъ ее пополамъ — и концы въ воду, никто объ этомъ не будетъ ни знать, ни вѣдать.

— А Богъ-то?... я не хочу вязать души грѣхомъ ни за какія сокровища въ свѣтъ.

— Подумай, Ирина Савишна, опять началъ Рыбкинъ послѣ продолжительнаго молчанія; — не выпускай изъ рукъ счастья, которое само пришло къ тебѣ.

— Для меня совѣсть дороже счастья, отвѣчала Сумина.

— Ха, ха, ха... крѣпка старуха! вдругъ вскричалъ Елисей Пантелеевичъ. Дѣло, бабушка, дѣло, такъ и впередъ веди себя; я нарочно хотѣлъ тебя испытать, и очень радъ, что ты устояла отъ соблазна. Ступай, матушка, ступай, да не забудь объ моемъ векселѣ; если ты такъ крѣпко дорожишь честью, какъ говоришь, то должна употреблять все стараніе, чтобы уплатить должекъ твоего покойнаго муженька.

— Родятся же такіе дураки, думалъ Рыбкинъ, когда Сумина вышла вонъ. Вотъ послѣ этого говори, что человекъ не бываетъ самъ себя лиходвѣмъ; я вижу, что всѣ наши несчастія происходятъ отъ нашихъ же глупостей...—Не успѣлъ онъ еще докончить такое умозаключеніе, какъ въ дверяхъ показался Русаковъ.

— Здравствуй, Елисей Пантелеевичъ! началъ онъ басомъ; — вотъ и я къ тебѣ по дѣлу, ха, ха, ха...

— Милости просимъ, милости просимъ; чѣмъ могу служить?

— У меня вчера, во время пожара, пропала ящичекъ съ жемчугомъ: работники, вѣрно, въ суетахъ выкинули его на улицу вмѣстѣ съ другими вещами. Моя баба реветъ белугой, — вышь ты жемчугъ-

то она готовила себѣ на кокошникъ; на дворѣ Петровская ярмарка, а она осталась безъ жемчужной ряски, какъ корова безъ рогъ, ха, ха, ха...

— А какой онъ былъ, вашъ ящичекъ? изъ красного дерева что ли? спросилъ Рыбкинъ.

— Нѣтъ, изъ черного.

— Великъ?

— Вотъ съ твою табакерку.

— Да не этотъ ли, отецъ родвой?—И Рыбкинъ вынулъ ящичекъ, только что принесенный Суминой.

— Онъ самый! отвѣчалъ обрадованный купецъ. Кто его нашелъ? Какъ онъ у тебя очутился?

— Его нашла старуха Сумина, и подѣхала ко мнѣ съ предложеніемъ, нельзя ли, дескать, умолчать объ этомъ, а жемчугъ раздѣлить пополамъ. Я, разумеется, велѣлъ гнать взашей старую вѣдьму, а ящичекъ—то прибралъ къ себѣ; словно сердце чуло, что онъ принадлежитъ моему благодѣтелю; такъ и вышло. Изволь получать свое сокровище въ цѣлости и сохранности.

— Ахъ она старая колдунья! а кажись, такая смирная, богомольная; не даромъ есть пословица: въ тихомъ омутѣ черти водятся. А тебѣ, батюшка, вотъ моя благодарности!—Купецъ вынулъ изъ бу-
мажника бѣлую ассигнацію и подалъ ее Рыбкину.

— Напрасно, батюшка: я всегда вамъ покорный слуга.

— Дружба дружбой, а служба службой, опять началъ Русаковъ. Скажи-ка, милостивецъ, какъ поживаетъ нашъ батюшка Филиппъ Макарычъ? его что-то давненько невидно.

— О-охъ, плохо, отецъ родвой! все страдаетъ, — одна нога оторвана, другая прострѣлена; чуть посуетится, чуть посердится, тотчасъ захвораетъ; я и то не допускаю его ни до какихъ хлопотъ, за то подѣ-часъ самому куда какъ жутко приходится, куска хлѣба въ ротъ положить некогда, бѣгаешь, суетишься какъ шальной, не жалва ни трудовъ, ни здорovia.

— Ну, Елисей Пантелеевичъ, не грѣши, труды твои даромъ не пропадаютъ; тебя нельзя назвать Козьмой безсребренникомъ.... Кто себѣ добра не желаетъ? За тѣмъ у насъ двѣ руки, чтобъ онъ другъ друга мыли и обѣ бѣлы были.

— Рыбкинъ вспомнилъ о Суминой, но не привелъ ее въ примѣръ для опроверженія пословицы муромскаго головы, а посѣдѣвши склонить рѣчь на другой предметъ.

— Правда ли, батюшка, Петръ Севастьяновичъ, началъ онъ,—носится слухъ, что у насъ скоро будетъ свадьба?

— Какая?

— Вся говорятъ, что будто сынокъ вашъ женится на Машѣ Суминой.

— Ты не пьянъ, а говоришь какъ пьяный! Можетъ ли быть, чтобы сынъ муромскаго головы, первой гильдіи купца, женился на бѣдной мѣщанкѣ?

— Виновать, отецъ родной! я не зналъ, что твой сынокъ безъ твоего соизволенія ухаживаетъ за дѣвченкой.

— Какъ ухаживаетъ? чтѣ ты городишь?

— Я человекъ простой, не погнѣвайся, батюшка, чтѣ на умѣ, то и на языкѣ. Впрочемъ это не мое дѣло.

— Послушай, Елисей Пантелеевичъ, не распускай пустыхъ слуховъ по городу; я знаю своего сына: онъ безъ моего согласія ни за кѣмъ ухаживать не станетъ.

— Виновать, батюшка, виновать; я вамъ же хотѣлъ добра: вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ мнѣ дорога честь нашего градскаго головы. Сынокъ вашъ малый умный, пробоистый; но его дѣло молодое, а дѣвочка-то очень смазлива. Ктому жъ и матушка не дура, знаетъ свою пользу. Пожалуй, проведутъ молодца, надѣлаютъ горя и отцу и всему городу. На моей душѣ остался бы грѣхъ, если бы я не сообщилъ вамъ объ этомъ. Теперь мое дѣло сторона, поступайте какъ сами знаете, Петръ Севастьяновичъ,—ийцамъ курицу учить не приходится.

— Спасибо тебѣ, спасибо! Только я не изъ такихъ, которые вѣрятъ однимъ словамъ; докажи мнѣ на дѣлѣ, что у нихъ заводятся шуры-муры, такъ тебѣ будетъ мое крѣпкое спасибо, а спасибо Петра Севастьяновича чего-нибудь да стоить.

— Видно придется мнѣ похлопотать для своего благодѣтеля. Я и такъ доволенъ вашими милостями, только вы, Петръ Севастьяновичъ, объ этомъ ни гугу! Я въ наискорѣйшемъ времени представлю вамъ самые убѣдительные резонты касательно этого дѣла, сирѣчь, любовныхъ пашней вашего сына съ дочкой Суминой.

— Хорошо, хорошо, ужъ я жъ ему задамъ феферу! выбралъ по себѣ пару пострѣлъ этакой!.. Эва, одиннадцать часовъ бьетъ, порѣ въ магистраты! Прощай, Елисей Пантелеевичъ; смотри жъ, не зѣвай, будешь доволенъ.

— Я и безъ твоей благодарности буду доволенъ, думалъ Рыбкинъ по уходѣ Русакова, лукаво улыбаясь. Если мнѣ удастся наткнуть батюшку на проказы сына, онъ непременно турнетъ его изъ Муромъ, а я тутъ и есть съ векселькомъ; образумится, не захочетъ, чтобы матушка сидѣла въ острогъ, по неволѣ сдастся.—И Рыбкинъ погрузился въ сладкія думы, воображая себя мужемъ красивой Маши.

Домъ Оомы Прокофича стоялъ на самомъ выгѣздѣ изъ города. Онъ имѣлъ небольшой дворикъ, но за дворикомъ разстилался обширный огородъ, окруженный высокимъ заборомъ, изрытый грядами огурцовъ и капустъ. Солнце только что показалось на небѣ и разсыпало миллионы искръ по травѣ, увлажненной росой; утро было самое тихое, птички весело чирикали въ кустахъ, пчела жужжала на цвѣткѣ, вблизи было слышно бляеніе стада, выгнаннаго на загородный лугъ, и далеко, далеко звенѣлъ колокольчикъ провзажающаго по большой дорогѣ. Маша, нагнувшись надъ грядами, прилежно полола огурцы, пользуясь утреннею прохлагою. Эта работа еще болѣе разрумянила ея личико. Въ такое раннее время, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, одѣтая въ широкое свободное платье — она была такъ хороша, что Алексѣй, пришедшій сюда переговорить съ нею, болѣе полчася простоялъ за тыномъ въ кустахъ, не сводя глазъ съ своей возлюбленной. Звукъ городскихъ часовъ, пробившихъ половину четвертаго, напомнилъ ему, что время летить скоро; онъ оставилъ свою засаду и появился передъ Машей, испуганной и обрадованной его неожиданнымъ посѣщеніемъ.

— Здравствуйте, Марья Андреевна! началъ Алексѣй тихо; — какъ я радъ, что васъ здѣсь встрѣтилъ.

— Да, мы такъ давно не видались, отвѣчала Маша.

— Не вините меня, Марья Андреевна. Батюшка сталъ такой сердитый, подозрительный. Онъ замѣчаетъ за мной, а мнѣ надобно переговорить съ вами обо многомъ, очень многомъ. Послушайте, приходите сегодня вечеромъ за городъ на кладбище; я буду ожидать васъ, тамъ никто не помѣшаетъ нашему разговору.

— А если увидятъ насъ вмѣстѣ и скажутъ матушкѣ, она станетъ на меня сердиться.

— Вы знаете, что вечеромъ никого не бываетъ на кладбищѣ.

— Все равно, говорите здѣсь, я васъ слушаю.

— Здѣсь насъ могутъ увидѣть. Ктому жъ солнце высоко, а батюшка встаетъ рано.

— Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать.

— Развѣ вы сомнѣваетесь во мнѣ? сказалъ Алексѣй съ упрекомъ.

— Нѣтъ; но я боюсь, чтобы изъ этого не вышло чего худаго.

— Будьте увѣрены, Марья Андреевна, что я васъ не доведу ни до какой бѣды. Приходите жъ непременно, мнѣ нужно о многомъ переговорить съ вами, а покаместъ прощайте, — боюсь, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ меня здѣсь. — И Алексѣй, поклонившись Машѣ, опять скрылся за кустъ. Въ это время что-то зашумѣло на другой сторонѣ огорода. Маша оглянулась назадъ, — ей показалось, что чья-

то тѣнь мелькнула за анбарами. Что́ это значить? думала она: неужели насъ подслушали? Что́, если это Петръ Севастьяновичъ? Нѣтъ, онъ, вѣрно, еще не вставалъ такъ рано, я напрасно испугалась.—И Маша опять начала полоть огородъ.

Городское кладбище находилось за заставой; оно было усажено деревьями, въ зелени которыхъ видѣлись бѣлые надгробные камни и кирпичныя часовни. День клонился къ вечеру, вѣтерокъ тихо колебалъ молодня, полныя силы и жизни вѣтки надъ могилами, какъ бы убаюкивая своимъ шовотомъ вѣчный сонъ ихъ молчаливыхъ жильцевъ. Вдругъ дверь ограды закрипѣла, и между деревьевъ показались двѣ фигуры: одна, высокая, толстая—Петра Севастьяновича, другая, короткая и тоже толстая—Елисея Пантелеевича.

—Послушай, Елисей Пантелеевичъ, говорилъ Русаковъ:—если ты меня подавъ и они здѣсь не сойдутся, то отъ меня добромъ не отдѣлаешься.

—Будьте увѣрены, что я говорю истинную правду; я самъ слышалъ, какъ Алексѣй Петровичъ назначилъ ей здѣсь свиданіе.

—Вишь пострѣлъ какой, выбралъ мѣсто! знаетъ, что здѣсь никто нмъ не помѣшаетъ. Умень не по лѣтамъ! Гдѣ жъ бы мнѣ укрыться?

—А вотъ спрячьтесь здѣсь: тутъ они васъ не замѣтятъ, а вы сами все будете видѣть.

—Гмъ! ай-да сыночки! ну, да я за все-про-все отплачу разомъ.—Старику стало какъ-то неловко, когда вдали затихли шаги ушедшаго Рыбкина.—Кой прахъ, какъ тутъ холодно! говорилъ онъ, пожимаясь, — и воздухъ такой тяжелый. Что́, если этотъ пьяница меня обманулъ, и они не придутъ? Да таки и точно не придутъ, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія, — кой прахъ понесетъ ихъ на кладбище? Кажется, здѣсь никому не придутъ въ голову любовныя шашни. Убираться-ка мнѣ по-добру да по-здорову, не то смеркнется, чего добраго—заночуешь съ покойниками. Солнце-то того и гляди сядетъ за лѣсъ.—Петръ Севастьяновичъ взглянулъ въ окно. Идутъ, идутъ! вскричалъ онъ;—вишь, пострѣлъ, держить ее за руку! Ужо я тебя!—И Петръ Севастьяновичъ сталъ вслушиваться въ разговоръ влюбленной парочки, которая шла прямо къ нему.

—Нѣтъ, Алексѣй Петровичъ, говорила Маша, не дѣло вы затѣваете, не будетъ намъ счастья безъ благословенія родителей. Можетъ быть въ Питерѣ вѣнчаются тайно, а я не хочу огорчить мадушку и подвести васъ подъ гнѣвъ вашего отца.

—Марья Андреевна! вы не знаете батюшку:—онъ строгъ, но добръ и вѣрно проститъ насъ, когда дѣло будетъ сдѣлано.

При этихъ словахъ сына, Петръ Севастьяновичъ закипѣлъ такимъ гнѣвомъ, что не могъ долѣе выдержать и выскочилъ изъ за-сады. Пораженные этимъ неожиданнымъ явленіемъ, молодые люди подумали, что какой-нибудь покойникъ вздумалъ погулять вмѣстѣ съ ними по кладбищу; но ихъ ужасъ увеличился еще болѣе, когда они убедились, что это былъ самъ Петръ Севастьяновичъ, муромскій голова, и совсѣмъ не мертвый, а живой и совершенно здоровый.

— Такъ-то ты уважаешь меня? закричалъ онъ громовымъ голосомъ, сверкая глазами.

— Батюшка! она не виновата! — робко произнесъ Алексѣй.

— Ладно, дадно! ревълъ Русаковъ, схвативъ сына за руку и потащивъ его къ воротамъ кладбища; — пойдемъ домой, тамъ я съ тобой раздѣлаюсь по-своему, а эту смиренницу запрячу въ моховую, тамъ она забудетъ у меня гулять по вечерамъ съ молодыми ребятами.

Алексѣй на другой же день послѣ этого происшествія былъ посланъ отцемъ въ Петербургъ; но старикъ не исполнилъ своихъ угрозъ относительно Маши; можетъ быть, онъ помнилъ ея отвѣтъ, когда Алексѣй предложилъ обвиняться съ нимъ тайно. Даже Рыбкинъ никому не разсказалъ объ этомъ происшествіи; онъ только лукаво улыбался, когда заходила рѣчь о неожиданномъ отъѣздѣ Алексѣя въ Петербургъ, и еще болѣе сталъ ухаживать за Машей. Елисей Пантелеевичъ думалъ, что онъ будетъ счастливѣе въ отсутствіе Алексѣя; но Маша помнила нiorохъ кустовъ за огородомъ, догадывалась, кто былъ главною причиною непріятной для нея сцены на кладбищѣ, и еще болѣе возненавидѣла Рыбкина. Наконецъ Елисей Пантелеевичъ потерялъ надежду поладить съ нею мирнымъ путемъ, принялся за угрозы, а когда и угрозы ни къ чему не послужили, то онъ выхлопоталъ предписаніе городничаго посадить Сумину въ тюрьму за неплатежъ долга по векселю, и, взявъ десятскихъ, въ сопровожденіи праздной толпы отправился къ дому Ёомы Прокосьича. Когда Рыбкинъ вошелъ въ комнату, Сумина что-то шила; Маша, опустивъ голову на грудь, печально сидѣла у ея ногъ; Ёома Прокосьичъ былъ погруженъ въ счеты, косточки которыхъ быстро перекидывалъ по мѣднымъ прутикамъ. При входѣ Рыбкина съ десятскими, Маша затрепетала.

— Ну, кумушка, пора намъ съ тобой раздѣлаться, началъ онъ съ злобыиъ смѣхомъ. Я терпѣлъ долго, но не въ могуто стало: самому деньги нужны; — вставай, родная!

— Куда же ты хочешь меня вести? спросила Сумина равнодушно.

— Известно куда! куда сажаютъ несостоятельныхъ должниковъ, — въ тюрьму! — Сумина бросила взглядъ на образъ, передъ которымъ теплилась лампада, потомъ поглядѣла на свою поблѣднѣвшую дочь и встала.

— Стойте, матушка! вскричала Маша; пусть онъ уничтожить вексель, я согласна идти за него за-мужъ.

Сумина бросила на нее нѣжный взглядъ, носказала строго:

— Ты согласна, Маша, да я несогласна; а ты знаешь, что дочь не должна выходить за-мужъ противъ воли родителей.

— Такъ ступай же въ острогъ, старая вѣдьма! вскричалъ взбѣшенный Рыбкинъ; авось ли тюрьма дастъ тебѣ ума; въ ней, можетъ быть, ты запоешь другую пѣсню.

— Сумина хотѣла идти, но Маша обхватила мать и сказала, что она ни за что не отпустить ее одну, и пойдетъ съ нею вмѣстѣ, куда бы то ни было.

— Пусти, Маша, другъ мой! говорила Сумина твердымъ голосомъ; — да благословить тебя Богъ; вотъ твой покровитель! — Она показала на кума, который утиралъ глаза рукавомъ своей старой сибирки.

— Тащи ее, этихъ бредней вѣкъ не переслушаешь! сказалъ Рыбкинъ десятскимъ.

Въ эту минуту на улицѣ раздался стукъ подвѣхавшей тележки; народъ, стоявшій у порога, разступился, въ комнату вбѣжалъ Алексѣй въ дорожной запыленной чуйкѣ, и сталъ между Суминой и десятскими.

Трудно описать, на что бы рѣшился Рыбкинъ, если бы вбѣжавшій, Сидоровъ не вывелъ его изъ этого затруднительнаго положенія.

— Новый губернаторъ прѣехалъ! вскричалъ онъ запыхавшись. Рыбкинъ поблѣднѣлъ, колѣна у него подогнулись.

— Давно ли? спросилъ онъ.

— Сейчасъ только, и прямо взомель въ городническое правленіе. — Рыбкинъ быстро бросился изъ комнаты, за нимъ последовали Сидоровъ и десятскіе.

— Чтѣ ты сдѣлалъ? сказала Сумина, взявъ за руку Алексѣя: — онъ на тебя пожалуется. — Маша заплакала.

— Я сдѣлалъ то, чтѣ сдѣлалъ бы всякій честный человекъ, бывши на моемъ мѣстѣ. Слушай, Ирина Савишна, слушайте и вы, добрые люди, продолжалъ съ жаромъ Алексѣй, обращаясь къ толпѣ мѣщанъ, стоявшихъ у порога. — Я люблю Марью Андреевну, безъ нея мнѣ радость не въ радость, жизнь не въ жизнь. Не болѣе мѣсяца пробылъ я въ Петербургѣ, и видите, какъ извела меня тоска да кручина;

теперь я возвратился, чтобы еще разъ упасть къ ногамъ батюшки и вымолить у него мнѣ счастье, а ему сына. Если же онъ не умиловится, то я не жалею на блѣдомъ свѣтѣ; пусть на его душѣ ляжетъ грѣхъ въ моей преждевременной смерти.

Сказавъ эти слова, Алексѣй поспѣшилъ изъ комнаты, и въ дверяхъ повстрѣчался съ Сидоровымъ, на котораго, впрочемъ, занятый своимъ рѣшеніемъ, не обратилъ никакого вниманія.

— Ирина Савишна! сказалъ сторожъ поспѣшно, — пожалуйста со мной: губернаторъ васъ къ себѣ требуетъ.

— Боже мой, матушка! что съ вами будетъ? вскричала Маша, ломая руки.

— Любезная дочь! неужели ты такъ маловѣруща; взгляни на ликъ Спасителя: Онъ покровитель и отецъ несчастныхъ сиротъ, безъ Его святой воли ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы человека.

Сказавъ это, Сумина поцѣловала дочь и пошла вслѣдъ за Сидоровымъ. Вошедши въ городническое правленіе, Ирина Савишна увидѣла тамъ всѣхъ чиновниковъ города Муромъ: исправника, городничаго, голову; всѣ они съ почтеніемъ стояли предъ губернаторомъ, который сидѣлъ въ креслахъ. Сумина взглянула на губернатора, и чуть не вскрикнула отъ удивленія: — въ немъ она узнала чиновника, стоявшаго въ ея домѣ во время пожара. Только теперь на груди у него блистала звѣзда.

— Здравствуй, Ирина Савишна! началъ онъ ласково, мы старые знакомые. Помнишь ли, я тебѣ говорилъ, что доброе дѣло никогда не остается безъ награды? Я привезъ къ тебѣ Царскую милость. До Высочайшаго свидѣнія Государя Императора дошло извѣстіе о твоёмъ честномъ поступкѣ, — о возвращеніи ящичка съ жемчугомъ, найденнаго твоею дочерью во время пожара, и нашему Милостивому Монарху угодно было пожаловать тебѣ тысячу рублей за этотъ честный поступокъ. — Губернаторъ подаль ей пачку ассигнацій. Слезы задрожали на рѣсницахъ Ирины Савишны, ея глаза искали образа, уста шептали молитву.

— Прощай покаместъ, добрая женщина! продолжалъ губернаторъ. Часа черезъ два я самъ побываю у тебя въ гостяхъ.

— Вскорѣ молва объ этомъ происшествіи разнеслась по всему городу; можно догадаться, какое впечатлѣніе она произвела на умы муромскихъ жителей.

Между тѣмъ Алексѣй быстрыми шагами ходилъ по комнатамъ каменнаго отцовскаго дома; волненіе чувствъ ясно выпечатлѣвалось на его разгорѣвшемся лицѣ; видно было, что онъ твердо рѣшился объясниться съ отцемъ; а русскому человеку трудно только рѣ-

шиться,—тогда никакія препятствія его остановить не могутъ. Лишь только Петръ Севастьяновичъ показался въ дверяхъ, Алексѣй бросился къ нему въ ноги.

— Ба! ты возвратился изъ Питера! вскричалъ удивленный Русаковъ. Да встань, пострѣвь, обними отца, продолжалъ онъ, видимо обрадованный неожиданнымъ свиданіемъ съ сыномъ; — что ты валяешься на полу, какъ мальчишка!

— Батюшка, не встану, покаместъ вы не скажете слова милостиваго.

— Говори, чего ты хочешь, что тебѣ нужно?

— Позвольте мнѣ жениться на Машѣ Суминой.

— Нѣтъ, братъ, опоздалъ: теперь Маша тебѣ не пара. Ирина Савишна получила Царскую милость, у ней будетъ въ гостяхъ самъ губернаторъ. — Алексѣй не понималъ словъ своего отца; онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на старика, въ улыбку котораго было что-то торжественное.

— Да-да! продолжалъ голова, за ея честный поступокъ, за возвращеніе нашего жемчуга, найденнаго Машей во время пожара, Самъ Государь Императоръ пожаловалъ ей тысячу рублей, слышишь ты! — Самъ Государь Императоръ.

— О! если вы позволите, я буду счастливъ. Я увѣренъ въ сердцѣ Маши, она не промѣняетъ меня ни на какія богатства, ни на какія почести.

— Если такъ, съ Богомъ, посылай сватовъ, я по рукамъ. Нѣтъ, постой, я лучше самъ пойду къ Иринѣ Савишнѣ: это будетъ пристойнѣй. — И старикъ отправился къ Суминой, увлекаемый нетерпѣливымъ Алексѣемъ.

— Въ бѣдномъ жилищѣ Ѳомы Прокофьевича господствовало шумное веселье. Ирина Савишна держала въ объятіяхъ Машу, которая рыдала у ней на груди; кумъ набожно крестился. На лавкѣ, поодаль отъ всѣхъ, сидѣлъ Рыбкинъ; онъ морщился, стараясь выдать слезы изъ глазъ, но его лице никакъ не хотѣло принять умильнаго выраженія, столь приличнаго обстоятельствамъ дѣла.

— Дома-ль хозяева? раздалось за дверьми, и въ комнату вошелъ голова съ сыномъ. Мое почтеніе, матушка Ирина Савишна! заговорилъ онъ; — я къ вамъ съ поклономъ да съ челобитьемъ. Не взыщи, родная! у тебя есть товаръ, а у меня купецъ, — ударимъ по рукамъ, да и подь вънецъ. Не погнѣвайся, родная: спрось не бѣда, а сватовство не безчестье, dokonчилъ Русаковъ съ низкимъ поклономъ.

— На все власть Божія, батюшка Петръ Севастьяновичъ! Благодарю за честь, да за ласку; милости просимъ садиться.

— Не садись до тѣхъ поръ, пока не прикажешь, или не откажешь.

— Мама! слышишь ли? это до тебя касается.

— Мама подняла глазки, на которыхъ еще блистали слезы радости, и скрыла пылающее личико на груди матери.

— Богъ благословить васъ, проговорила Ирина Савишна съ чувствомъ, и набожно перекрестилась. Въ это время въ комнату вошелъ губернаторъ, въ сопровожденіи предводителя, исправника и городничаго.

— Ба! сказалъ онъ, остановясь на порогъ и съ удовольствіемъ глядя на Алексѣя и на Машу; — я, кажется, опоздалъ, но все равно. Будьте счастливы и добродѣтельны, какъ ваша мать, а ты, добрая старушка, наслаждайся теперь плодами твоего честнаго поступка и счастьемъ твоей дочери. Ну, что же, надобно поздравить жениха и невесту; Ирина Савишна, поднеси намъ чего-нибудь. — Онъ сѣлъ на лавку. — Куда жъ ты? продолжалъ губернаторъ, взглянувъ на Рыбкина, который пробирался къ дверямъ. Останься мнѣ надобно кой о чемъ переговорить съ тобой; теперь это будетъ кстати.

— Между тѣмъ Ирина Савишна принесла на поднось графинъ съ водкой. — Не прогнѣвайся, батюшка, сказала она: чѣмъ богата, тѣмъ и рада.

— Ничего, ничего! отвѣчалъ съ улыбкой губернаторъ, прихлѣбнувъ изъ рюмки и высыпавъ на поднось всѣ деньги, бывшія у него въ кошелькѣ. Подавай далѣе. — Сумина обнесла все общество, и у ней на поднось явилась большая куча денегъ. — Попотчуй и его, сказалъ губернаторъ, замѣтивъ, что Сумина остановилась, когда очередь дошла до Рыбкина; — а ты выпей да отблагодари хозяйку.

Рыбкинъ былъ какъ на горячихъ угольяхъ; онъ съ поспѣшностію шарилъ въ карманахъ, и второпяхъ вынулъ вексель Суминой.

— Что это за бумага?

— Это, ваше превосходительство, вексель, по которому мнѣ должна Ирина Савишна.

— Тѣмъ лучше! клади его, братецъ, клади! со смѣхомъ сказалъ губернаторъ.

— Ваше превосходительство! началъ Рыбкинъ плачевнымъ голосомъ, (новая беда придала ему мужества), — это вексель покойнаго ея мужа, по которому она порукой, а законъ гласитъ, что въ случаѣ несостоятельности должника отвѣтствуетъ поручитель.

— Знаю, знаю! Но не захочешь же ты лишить эту добрую женщину того, что пожаловано ей милостію Государа Императора.

— Боже сохрани! вскричалъ голова. Не трогая денегъ пожалованныхъ Царскою милостію, у Алексѣя есть чѣмъ заплатить долгъ его будущей жены. Приходи ко мнѣ, Елисей Пантелеевичъ, завтра всѣ сполна получишь.

— Завтра также, началъ губернаторъ, получишь ты награду за свои дѣла, потому что я самъ займусь ревизіею городническаго правленія; и если ты тамъ поступалъ такъ же добросовѣстно, какъ съ этой доброй женщиной, то вскорѣ по опыту узнаешь, что плутни и преступленія наказываются точно также, какъ награждается добродѣтель. — Сказавъ эти слова, губернаторъ всталъ, пожелалъ жениху и невестѣ долгой счастливой жизни, ласково поклонился Суминой и вышелъ вонъ, въ сопровожденіи остальнаго общества.

Вскорѣ послѣ этого происшествія Алексѣй обвинчался съ Машей, и Русаковъ задалъ такой пиръ, который долго былъ въ памяти жителей города Муромъ.

А. ТУЛУЗЬКА.

КЕРГИЗЪ НА ПОКЛОНЕНІИ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ И ПАЛЕСТИНСКИМЪ. Птицы не садовники, и вѣтры не пахари, а иногда тѣ и другіе съютъ сѣмена, и не только хлѣбныя и травныя, но и древесныя, — и посѣянное ими не всегда погибаетъ, напротивъ произрастаетъ и даетъ плоды. И гдѣ произрастаетъ иногда? не на воздѣланныхъ поляхъ, не на доброй землѣ, а на крышахъ и потолкахъ домовъ, въ расщелинахъ скалъ и въ трещинахъ каменныхъ, старыхъ, брошенныхъ или небрежно содержимыхъ зданій. Кто видалъ дома безъ кровель, особенно крѣпости, разрушенныя непріятелями, или оставленныя за излишествомъ и неудобностію мѣста, также замки запустѣвшіе, монастыри безъ монашествующихъ, церкви безъ прихожанъ и безъ священнослуженія и проч., тотъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ вмѣстѣ видалъ, сколько на нихъ, почти въ каждой трещинѣ, растутъ и травы всякой, и хлѣба, и разнаго рода деревьевъ, особенно рябинъ и березъ. — То же, по крайней мѣрѣ подобное, бываетъ и въ мірѣ духовномъ: сѣмена слова Божія—свѣдѣнія о предметахъ вѣры, правила доброй нравственности, благоговѣйныя чувствованія и вообще все религіозное и истинно доброе—сѣются иногда людьми и не поставленными на то, и не обязанными къ тому, такими, отъ которыхъ, по видимому, вовсе и ожидать того нельзя. И, что также замѣчательно, такими людьми сѣмена слова Божія сѣются болѣею частію безъ особеннаго намѣренія, вовсе безъ желанія засѣять и оплодотворить невоздѣланное или запущенное поле чьей-либо души; не смотря на то, онѣ не про-

падаютъ даромъ, напротивъ иногда принимаются, всходятъ, растутъ и даютъ обильные плоды. (Ев. Лук., гл. 8., ст. 5—15); при томъ же съмена эти иногда всходятъ и даютъ плоды на землѣ, повидимому, неудобной и почти для него доброму негодной, по крайней мѣрѣ не приготовленной предварительно къ произращенію плодовъ сердечной вѣры, спасенія...

Въ 1848, 1849 и 1850-мъ годахъ въ Омскѣ жила у меня въ услуженіи немолодыхъ лѣтъ тобольская мѣщанка, О. Ковалѣва, женщина не грамотная, но съ отличною памятью и хорошимъ даромъ—виденное и слышанное ею рассказывать.—Живши съ первой молодости то въ горничныхъ, то въ кормилицахъ, то въ кухаркахъ и нянькахъ въ хорошихъ домахъ чиновническихъ, священническихъ и купеческихъ, заживши съ своими хозяевами въ Россію, между прочимъ въ Москву, и любя толковать съ бывавшими для богомолья въ Кіевъ, Воронежъ, на Соловкахъ и разныхъ другихъ мѣстахъ, она такимъ образомъ многое, даже очень многое, судя по ея званію и состоянію, узнала изъ житій Святыхъ и Священной Исторіи, а также о Святыхъ Мѣстахъ, какъ русскихъ, такъ и палестинскихъ; все то помнила и любила, при случаяхъ, своей братьѣ, громко, ясно и толково пересказывать, даже съ толкованіями, замѣчаніями и своего рода правоченіями. Бывало, въ свободное время, особенно въ праздники и послѣ обѣда, у нея почти всегда сидѣтъ нѣсколько старухъ и другихъ разнаго рода и пола людей, и слушаютъ ея рассказы о виденномъ и слышанномъ ею.

Въ то же время, и именно въ 1848 и началъ 1849 года, жилъ у меня въ кучерахъ *новокрещенный* изъ *Киргизъ Иванъ Вишневецкій*, парень въ то время лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ.—Вотъ краткая и вмѣстѣ полная исторія его жизни и походовъ. Новокрещенный Иванъ Вишневецкій родился около 1825 года въ Киргизской степи Кокчетавскаго приказа Аттайской волости, въ аулѣ Кулбаѣ, не въ дальномъ разстояніи отъ Омска. До крещенія, въ магометанствѣ звали его *Туржаномъ*. Лѣтъ до 18 Туржанъ, подобно многимъ изъ своихъ родичей, болѣе и болѣе русьющимъ, особенно около Омска и близъ другихъ городовъ и вообще русскихъ поселеній, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями лѣтомъ пасъ скотъ своего аула, приготовлялъ дрова и сѣно, а зимой возилъ ихъ на продажу въ Омскъ; въ иные годы нанимался къ крестьянамъ окрестныхъ селеній въ пастухи ихъ стадъ и табуновъ. Но на 19 году, отецъ, по недостаточности своего состоянія и значительности семейства, отдалъ Туржана въ работники къ крестьянину деревни Хариной, известной въ нашемъ мѣстѣ добычею въ Иртышѣ крупной нельмы, множества стерляди и хоро-

шихъ осетровъ, и вообще своимъ рыболовствомъ. Тамъ, въ доброй крестьянской семьѣ, а частію и прежде во время пастушества и зимнихъ поездокъ въ Омскъ, при столкновеніи съ Русскими, онъ выучился порядочно говорить по-русски, и тамъ же возымѣлъ первую мысль оставить вѣру, или, лучше, безвѣріе (*) своихъ отцевъ и соплеменниковъ, и принять христіанство.

Что побудило Туржана къ перемѣнѣ религіи магометанской на христіанскую? Рѣшаясь на эту вѣру, онъ не могъ имѣть въ виду какія-нибудь мірскія выгоды: въ прежнія времена новокрещеннымъ изъ сибирскихъ инородцевъ давалось отъ казны по нѣскольку аршинъ сукна на кафтанъ и холста на рубашку, и еще кой-что, но нынѣ этого нѣтъ; новокрещенные въ настоящее время только пользуются правомъ приписываться къ мѣщанскимъ, или крестьянскимъ обществамъ, не испрашивая предварительно согласія на это тѣхъ обществъ, и освобождаются на пять лѣтъ отъ государственныхъ податей и на всю жизнь отъ рекрутской повинности (**). Нѣтъ, Туржанъ иными, болѣе простыми и болѣе чистыми побужденіями руководствовался въ принятіи новой религіи. Туржана въ крестьянахъ поражало то что они ни спать не лягутъ, ни послѣ сна не встанутъ, ни за столъ не сядутъ, ни изъ-за стола не выйдутъ, не войдутъ въ домъ и изъ дома не выйдутъ, не начнутъ и не окончатъ никакого дѣла безъ того, чтобы не помолились Богу, не сдѣлали по крайней мѣрѣ на себѣ крестнаго знаменія, и что они часто и такъ въ своихъ разговорахъ и при своихъ занятіяхъ вспоминаютъ Бога, Господа Іисуса Христа, ангеловъ Божіихъ и святыхъ угодниковъ. Живя между Русскими въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ, онъ почувствовалъ сильное отвращеніе къ кочевой жизни и въ особенности къ страшной неопрятности Киргизъ въ приготовленіи и употребленіи ими пищи, въ одеждѣ, да и во всемъ. Теперь онъ уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ въ Киргизахъ и на то, что они не наблюдаютъ почти никакихъ религіозныхъ обрядовъ, что живутъ почти вовсе безъ религіи. Напротивъ, Туржану нравились въ русскихъ крестьянахъ (до 18 и 19 лѣтъ, кромѣ крестьянъ, изъ Русскихъ онъ никого еще настоящимъ образомъ не видалъ) ихъ осыдаи и, следовательно, спокойная жизнь, а также ихъ опрятность

(*) Самая большая часть Киргизъ только по имени магометане. — Мечетей имѣютъ они чрезвычайно мало, а гдѣ онѣ и есть, почти вовсе не посѣщаютъ ихъ; омовеній не соблюдаютъ, и проч. и проч.

(**) Впрочемъ, для Туржана это ни чуть не могло быть лестнымъ, потому что Киргизы всѣ безъ исключенія свободны отъ рекрутчины, да и подати они платятъ не по душамъ, а со скота; следовательно, тѣ изъ нихъ, у которыхъ стада вовсе нѣтъ, или мало (Туржаново семейство принадлежить къ симъ послѣднимъ), совершенно, или почти совершенно свободны и отъ податей.

въ содержаніи домовъ, въ приготовленіи и употребленіи пищи и во всемъ (сибирскіе крестьяне, а особенно старожилы, дѣйствительно отличаются чистотой и опрятностію).

Утвердившись въ намѣреніи креститься, Туржанъ пріѣхалъ въ Омскъ и объявилъ о томъ протоіерею Д. С. П., который своею ревностію по вѣрѣ, своимъ умомъ и своею ласковістю ко всемъ, столь уже многихъ изъ Киргизъ и Евреевъ просвѣтилъ свѣтомъ Евангелія. Но почти въ то же самое время молва о намѣреніи Туржана донеслась и до его аула, до его родственниковъ, и была причиною многихъ и сильныхъ для него огорченій, даже почти гоненій на него: старикъ отецъ, мать, братья и сестры, даже посторонніе Киргизы-прискакали въ деревню Харину, уговаривали его оставить, по ихъ словамъ, безумное намѣреніе, бранили, умоляли его, даже сами себя терзали предъ нимъ; когда же это не подѣйствовало на него, то они насильно увезли его въ свой аулъ, но онъ убѣжалъ оттуда, а они опять увезли и жестоко съкли, и это повторялось до трехъ разъ, до тѣхъ поръ, доколѣ со стороны духовнаго и гражданскаго начальства не было употреблено дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію преслдуемаго оглашеннаго.

Какъ Туржанъ учился вѣрѣ и молитвамъ христіанскимъ, какъ онъ въ 1845 году въ омскомъ соборѣ священникомъ Іоанномъ Протопоповымъ былъ, съ именемъ Іоанна, окрещенъ; кто были его воспріимниками (пограничный начальникъ генераль-маіоръ Вишневскій и полковница Анна Лембергъ); какъ онъ за тѣмъ принялся было за торговлю; какъ по неопытности въ торговыхъ оборотахъ, а главное, по своей простотѣ, добросердечію и довѣрчивости ко всемъ проторговался до того, что впоследствии едва могъ уплатить долги свои, и какъ потомъ пошелъ по кучерамъ,—все это описывать въ подробности нѣтъ нужды: все это исторіи обыкновенныя, которыя не представляютъ особенной занимательности. Нужно описать и интереснѣе знать то, какимъ образомъ возродилось въ немъ новое желаніе—совершить путешествіе ко Святымъ Мѣстамъ и русскимъ и даже палестинскимъ, и какимъ образомъ удалось ему исполнить это святое желаніе.

Переходя отъ священника къ священнику (дѣйствительно, бывшій Туржанъ жилъ преимущественно у лицъ духовныхъ), ново-крещенный Иванъ Вишневскій наконецъ въ мартѣ 1848 года поступилъ въ услуженіе ко мнѣ.—Здѣсь-то онъ встрѣтился съ бывалою и словоохотливою старухой, мещанкой Ковалевой; здѣсь-то, въ продолженіе почти цѣлаго года, въ часы свободные отъ работы, онъ слушалъ рассказы о городахъ въ Россіи, объ обителяхъ иноческихъ,

о мощахъ св. угодниковъ Божіихъ, чудотворныхъ иконахъ, кievскихъ пещерахъ, даже о Гробѣ Господнемъ и проч. и проч., и здѣсь-то возродилось въ немъ сердечное желаніе, хотя что-нибудь изъ слышаннаго имъ видѣть, хотя передъ нѣкоторыми только св. останками угодниковъ Божіихъ и чудотворными иконами помолиться и поучиться въ Святыхъ Мѣстахъ вѣрѣ, которую онъ недавно принялъ, и благочестію, которое начиналъ любить сердцемъ.

Но что было дѣлать новокрещенному? Кому ни сказывалъ онъ о своемъ намѣреніи, ни отъ кого не слышалъ слова одобренія. Напротивъ, многіе изъ-за того смѣялись надъ нимъ, даже люди степенные и тѣ, которые желали ему добра, которые принимали участіе въ судьбѣ его, и тѣ не советовали ему предпринимать столь дальное путешествіе. Они указывали ему на ничтожность, или, лучше, на совершенное неимѣніе имъ средствъ къ предпріятію и совершенію столь отдаленнаго и продолжительнаго путешествія (сколько у него въ то время было денегъ, объ этомъ будетъ сказано послѣ), указывали на разныя препятствія ему изъ-за того между прочимъ, что онъ, по крещеніи, еще не успѣлъ приписаться ни къ какому обществу, что еще не совершенно знаетъ и понимаетъ русскій языкъ, а наконецъ, и всего болѣе—на бесполезность этого путешествія для его души, для его спасенія. Какъ и почему? Потому, говорили мы (признаюсь, и я былъ въ числѣ этихъ совѣтниковъ), что ты не знаешь еще хорошо русскаго языка, и по-этому многого не будешь понимать, что станутъ разсказывать тебѣ о святыхъ и святыняхъ, что изъ всего вѣроученія христіанскаго ты знаешь только: *Вѣрую, Оплче* и еще весьма немногія молитвы, но и тѣ почти безъ всякаго разумнія,—и что потому, что ни услышишь, все для тебя будетъ чуждо, непонятно, что изъ всего того ничто не удержится въ твоей памяти, ничто не падетъ на твое сердце. Бѣднякъ, о которомъ идетъ рѣчь, по видимому, вполне и согласился съ нашими доказательствами. Онъ говорилъ, что въ Россію отправится непременно, только не для поклоненія Святыхъ Мѣстамъ, а для свиданія съ отцемъ крестнымъ, который въ то время находился на службѣ уже не въ Сибири, а въ одной изъ западныхъ губерній; «быть можетъ, присовокуплялъ Иванъ, генералъ какъ-нибудь и устроить мою судьбу, и пристроить меня къ какому-нибудь мѣсту?»—Съ этимъ увѣреніемъ онъ въ половинѣ 1849 года и отправился изъ Омска въ Россію (*).

(*) Ю. Сибирь давно уже Россія; не смотря на то, Сибиряки, даже и изъ Русскихъ, до сихъ поръ *Россіей* называютъ одно до-Уралье и *Россійскими* величаютъ только тѣхъ изъ Русскихъ, которые недавно прибыли изъ Россіи, т.е. изъ до-Уралья.—Такъ и я здѣсь говорю.

Съ тѣхъ поръ болѣе двухъ лѣтъ о новокрещенномъ Иванѣ въ Омскѣ не было, какъ говорятъ, ни слуху, ни духу; думали, если и приходило кому на мысль о немъ, что онъ или уже не живъ, или остался на всегда въ Россіи, приписавшись тамъ, по ходатайству своего воспріемника, къ какому-нибудь обществу, и поступивши къ кому-нибудь съ хорошимъ жалованьемъ въ услуженіе. Такъ думалъ между прочими и я, и тѣмъ болѣе, что онъ, при отправленіи изъ Омска, обѣщался непременно посылать письма къ отцу (*) и другимъ родственникамъ, и именно черезъ меня, между тѣмъ обѣщанныхъ писемъ отъ него во всѣ два года не было ни одного.

Но каково же было мое удивленіе, когда въ самомъ концѣ 1851 года Иванъ явился ко мнѣ здоровъ и благополученъ, явился въ хорошемъ платьѣ, съ низкими поклонами, съ большимъ запасомъ миниатюрныхъ иконъ и крестовъ перламутровыхъ и кипарисныхъ, съ пальмовой вѣтвью, свѣчей, на какія принимаютъ въ Іерусалимѣ наканунѣ Пасхи, небесный огонь, съ огромнымъ изображеніемъ самаго Святаго Града, съ камешками изъ Іордана и Геннисаретскаго озера и проч. и проч., и, что всего важнѣе, — съ изряднымъ разумѣніемъ вѣры христіанской и съ знаніемъ евангельскихъ событій и положенія многихъ Святыхъ Мѣстъ и русскихъ и палестинскихъ и частію греческихъ? — Оказалось, что Иванъ въ 1849 году говорилъ о повзвѣ изъ Сибири въ Россію, будто-бы только съ цѣлю свиданія съ своимъ отцемъ крестнымъ, единственно для того, чтобы отклонить отъ себя людскія насмѣшки, и чтобы болѣе не слышать несогласныхъ съ его пламеннымъ желаніемъ совѣтовъ (потому на западъ Россіи къ своему воспріемнику онъ совсѣмъ не ѣздилъ, и отъ офицера, который его везъ, отсталъ еще въ Москвѣ). Оказалось еще, что мы, не совѣтовавши ему предпринимать путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ, судили тогда единственно по-человѣчески, забывая слова Спасителя, что (Матѣ. гл. 5, ст. 6) *алчущіе и жаждущіе правды* — праведности и всего душеполезнаго — *насытятся*, т.-е. рано или поздно получаютъ удовлетвореніе своему пламенному желанію, что Самъ Господь будетъ содѣйствовать къ тому путями и средствами, иногда только Ему Одному вѣдомыми.

И дѣйствительно, все путешествіе новокрещеннаго Ивана Вишнеvsкаго и было дѣломъ особеннаго о немъ попеченія Божія: изъ

(*) Отецъ, братья и прочіе родственники давно уже примирились съ Иваномъ, и Иванъ какъ до повзвѣ въ Іерусалимъ, такъ и послѣ повзвѣ, бывалъ въ гостяхъ въ родномъ аулѣ, и тамъ старался родныхъ своихъ, въ особенности отца, хотя и тиетно, склонить къ вѣрѣ Христовой; и отецъ его, равно какъ и прочіе родные, бывали (и часто) у Ивана, доколѣ онъ жилъ въ Омскѣ; отецъ въ последнее время даже выдѣлялъ ему часть своего скота.

Омска онъ отправился всего съ десятью рублями на ассигн и съ платьемъ только самымъ необходимымъ; съ этими деньгами провѣтъ въ путешествіяхъ болѣе двухъ годовъ, обошелъ, объѣздилъ и оплаивалъ множество мѣстъ и Россіи и Турціи, и возвратился въ очень хорошемъ платьѣ, даже съ нѣкоторымъ количествомъ денегъ на первое обзаведеніе. Еще: куда ни приходилъ онъ, къ кому ни являлся, вездѣ и всѣ принимали его съ благоволеніемъ, ласкою, и почти никогда и ни въ чемъ ему не было отказа. Конечно, многихъ располагало въ его пользу то, что человекъ отправляется на поклоненіе Св. Мѣстамъ, между прочимъ въ Кіевъ и Іерусалимъ. изъ Сибиря, что отправляется на поклоненіе Св. Мѣстамъ, лишь просвѣщенный вѣрою Христовою, киргизъ; въ пользу его много дѣйствовали и его добросердечіе и его простота, замѣтныя въ немъ при первомъ взглядѣ на его азіатское, но, замѣчу, лучшее изъ киргизскихъ, лице, и съ первыхъ его словъ. При всемъ томъ, нужно было особенное благоволеніе Божіе, чтобы такъ хорошо и такъ благополучно устроить его путешествіе. — Впрочемъ, изъ разсказа о самомъ путешествіи это будетъ виднѣе.

Новокрещенный Иванъ Вишнеvскій, къ путешествію за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Омскъ, какъ и было уже замѣчено, денегъ имѣлъ всего 10 рублей ас. Но одинъ офицеръ, перемѣщенный на службу въ армію, увезъ его изъ Омска даромъ, съ единственною обязанностію во время дороги служить ему.

Въ Москвѣ, гдѣ Иванъ отсталъ отъ офицера, у него не было ни одного знакомаго, у кого бы могъ онъ приклонить свою голову; но не прошло и двухъ дней, какъ нашлись благодѣтели, которые пріютили его къ себѣ. — Поклонившись московскимъ чудотворцамъ, помолвившись предъ чудотворными иконами и посѣтивъ разные монастыри и храмы древней нашей столицы, Иванъ направилъ путь свой въ Троицкую Лавру на поклоненіе основателю ея преподобному Сергію, а оттуда прошелъ въ Переславль-Залвскій поклониться святымъ Столпникамъ Никитѣ и Даниилу; былъ за тѣмъ въ Ростовѣ и лобызалъ мощи, кромѣ прочихъ ростовскихъ чудотворцевъ, поборника православія и писателя житій угольниковъ Божіихъ, святителя и чудотворца Димитрія, и просвѣтителей ростовской страны Леонтія, Исаи и Аврамія. Былъ и въ Ярославлѣ при мощахъ благовѣрныхъ князей Θεодора и чады его Давида и Константина, а также и при мощахъ другихъ князей Василя и Константина. Оттуда, чрезъ монастыри Толгскій и Южскій и чрезъ города Угличъ и Тихвинъ, онъ пробрался въ Петербургъ. Въ Петербургъ онъ прожилъ полгода; но и здѣсь нужды ни въ чемъ и никакой не зналъ; добрые люди поили, кормили и одѣвали его даромъ, и такъ, какъ ему въ Киргизской степи, даже въ Омскѣ, никогда и не мечталось.

На пути изъ Петербурга, лѣтомъ 1850 года, нашъ путешественникъ поклонился угодникамъ и святынямъ новгородскимъ, тверскимъ, вторично московскимъ и наконецъ кievскимъ. Съ этого времени ему начали попадаться и спутники въ Иерусалимъ: въ Москвѣ ихъ оказалось трое, въ Кіевѣ десятеро, а въ Одессѣ уже до 60 человекъ. Изъ Одессы пароходъ доставилъ поклонниковъ въ Константинополь, а оттуда корабль, зашедши напередъ въ Смирну и Бейрутъ, въ Яффу—мѣсто пристанища всѣхъ европейскихъ пилигримовъ. Подивимся: новокрещенный Иванъ въ непродолжительное пребываніе свое въ Константинополь, благодаря благочестивой и щедрой Нат. П. Ч., успѣлъ побывать тамъ, куда только не многіе и изъ образованныхъ и знатныхъ христіанъ успѣвали и успѣваютъ проникать, а именно въ Софійской мечети.

Во Св. Землю Иванъ, въ числѣ другихъ поклонниковъ, прибылъ осенью 1850 года, и тамъ—частію на мѣстѣ въ Иерусалимъ, частію въ путешествіяхъ въ Вилеємъ, на Іорданъ, Мертвое море, въ Назаретъ, на гору Фаворъ, Геннисаретское озеро и прочія мѣста, освященные некогда присутствіемъ и чудесами Искупителя нашего, Господа Иисуса—провелъ всю слѣдующую зиму и половину лѣта 1851 года. Конечно, путешествія отъ Петербурга до Одессы и отъ Одессы до Св. Земли, а равнымъ образомъ и по самой Св. Землѣ стоили Ивану почти всѣхъ денегъ, вывезенныхъ имъ изъ Петербурга; однакожь онъ и при этомъ нужды никакой не терпѣлъ: напримѣръ, во всю бытность въ Палестинѣ его содержалъ пищей молодой тульскій ли или калужскій купецъ Сункинъ, который по благочестію своему рѣшился всю свою жизнь провести въ иноческомъ званіи при гробѣ Господнемъ.—Но важнѣе пищи тѣлесной пища духовная, которою Иванъ напился въ бытность въ Святой Землѣ: грамотные, образованные русскіе поклонники во всѣхъ святыхъ мѣстахъ, какъ для собственнаго назиданія, такъ и для наученія невѣдущихъ своихъ соотечественниковъ, читали и рассказывали относящіеся къ тѣмъ мѣстамъ евангельскія (а также и изъ исторіи Вѣтнаго Завета) событія; нашъ младенецъ во Христвѣ все это слушалъ, слогалъ въ сердца своемъ,—и вотъ онъ возвратился оттуда, если не можемъ совершеннымъ въ дѣлѣ вѣры, то все же уже и не младенцемъ. Слушая его библейскіе рассказы, право, иной, не знавшій его прежде, готовъ думать, не учился ли онъ въ дѣтствѣ Священной Исторіи, или по крайней мѣрѣ не грамотный ли онъ и не читаетъ ли самъ Евангелія.—Весьма хорошо сдѣлалъ Иванъ, что взялъ съ собой разныя вещи отъ Св. Мѣстъ, напр., пальмовую вѣтвь, съ которою стоялъ въ Иерусалимѣ при богослуженіи въ праздникъ Входа Господня въ Иерусалимъ, свѣчу, на которую принялъ свѣтъ отъ огня

небеснаго, ежегодно сходящаго наканунѣ Пасхи на Гробъ Господень, камешки изъ Іордана, ракушечки съ Геннисаретскаго озера, листья теревинфа, кусочки камня, отбитаго отъ горы Фавора, и проч. проч. Нельзя не похвалить его и за то, что запасся планомъ Іерусалима (аршина въ полтора вышины и чуть не въ сажень длины), писаннымъ на холстѣ масляными красками, съ изображеніемъ около него многихъ событій изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной Св. Исторіи... Каждая изъ упомянутыхъ вещей напоминаетъ ему мѣсто, откуда взята, да изпоминаетъ и событія евангельскія, которыя на томъ мѣстѣ случились; равнымъ образомъ зданія горъ Іерусалима и разныя лица, хотя и неискусною рукою изображенныя около него, приводятъ ему на память слышанныя имъ исторіи тѣхъ зданій и лицъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждаютъ въ немъ благоговѣйныя мысли и чувства. Смотри на описываемаго новокрещеннаго, когда онъ развѣртываетъ и разсматриваетъ планъ Св. Града и изображенныя вокругъ его библейскія событія, въ тысячный разъ видишь на опытъ, какъ умно и справедливо сказалъ св. Григорій Великій, или Двоесловъ, что *иконы для неграмотныхъ суть Свещенная Исторія*.

Богомолецъ Киргизъ возвратился изъ Св. Земли въ Россію въ августъ 1851 года, и отъ Одессы до Кіева, отъ Кіева до Москвы и отъ Москвы до Тобольска и Омска, словомъ, вездѣ находилъ себѣ самый радушный пріемъ, и отъ многихъ, сверхъ того, получалъ или вещи, для него, бѣдняка, довольно цѣнныя, или по нѣскольку денегъ на дорогу и на обзаведеніе при водвореніи въ Сибири на постоянное жительство.

Новокрещенный Иванъ Вишневскій въ настоящее время уже приписанъ въ мѣщане горъ Тюмени, и тамъ женился.—Кажется, кстати будетъ сказать здѣсь, что нѣсколько подобный разсказанному другой былъ случай въ Сибири въ началѣ 18-го вѣка—въ 1713 году. *Остлцкій*, Кондинской волости, князецъ *Алачевъ* ѣздилъ на поклоненіе святынь кievской. По какому же поводу? А вотъ по какому: Митрополитъ тобольскій Филофей Лещинскій, при обращеніи Алачева съ семействомъ въ христіанство, неоднократно говорилъ ему, что и Русскіе нѣкогда, какъ онъ теперь, перемѣнили поклоненіе идоламъ на поклоненіе Христу, что начало сего спасительнаго переворота въ жизни Русскихъ послѣдовало именно въ Кіевѣ, и что тамъ многіе изъ первыхъ христіанъ русскихъ почиваютъ нетлѣнно своими телесами.—Алачевъ и рѣшился повздкою въ Кіевъ какъ бы повѣрить истинность слышаннаго имъ отъ своего просвѣтителя.

свѣд. А. Свѣдцкій

Омскъ. 27 іюня 1853 года.

КОШКА-ВОРОВКА. Въ Москвитининѣ, помнится, за 1851 годъ было напечатано извѣстіе изъ Оренбурга о томъ, какъ коршунъ ограбилъ казака, какъ этотъ воздушный хищникъ, во время купанья казака, схватилъ лапами и унесъ красный кожаный бумажникъ, въ которомъ находились деньги, лишь вырученныя продажею скота, быть можетъ, уже зараженнаго эпидемическою болѣзнію. Многіе смотрятъ на это, какъ на случай естественный: коршуну красный бумажникъ показался кускомъ мяса, и онъ, въ надеждѣ поживы, схватилъ его. Конечно такъ; но не было ли тутъ чего-нибудь и сверхъ этого, чего-нибудь поважнѣе и повыше?

Подобный случай былъ въ Тюкаль, заштатномъ городѣ Тобольской губерніи, Омскаго уѣзда. Объ немъ я слышалъ отъ лицъ, заслуживающихъ полное довѣріе.

Въ Тюкаль и въ смѣжныхъ селеніяхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ открылся падежъ на рогатый скотъ. Смѣтливый поселенецъ NN. рѣшился предупредить бѣду распродажею скота, и началъ дѣло тѣмъ, что самую ненадежную корову продалъ одному недогадливому крестьянину за 25 рублей.—*Бѣленькую* (т.-е. двадцати-пяти-рублевую ассигнацію: въ то время ассигнаціи въ нашемъ краѣ еще ходили), полученную за корову, поселенецъ второпяхъ, а главное—за отсутствіемъ жены, у которой былъ ключъ отъ сундука, положилъ въ пустую кринку, стоявшую въ избѣ на полкѣ, и самъ за тѣмъ отправился на работу. — Къ вечеру возвратилась домой жена поселенца; пришли съ поля и оставшіяся еще не проданными коровы. Поселенка подошла ихъ, и, зная, что кринки у нея чистыя, процѣдила въ нихъ молоко, не заглядывая, тѣмъ болѣе, что были уже сумерки. — Въ числѣ прочихъ кринокъ попала подъ молоко и та, въ которой хранилась до времени 25-рублевая ассигнація.... Можно вообразить, какъ велика была досада и какъ великъ былъ испугъ поселенца, когда онъ возвратился съ работы, когда вспомнилъ о своей бѣленькой, и когда, по розыскъ и разспросахъ, узналъ, что его временная шкатулка уже подъ молокомъ! Само собою разумѣется, что кринку эту тотчасъ же отыскиали, молоко изъ нея вылили, и, къ общей радости, ассигнацію нашли хотя мокрою, но цѣлою. Нѣсколько не медля, со всевозможною осторожностію, ассигнацію разложили, расправили, и съ неменьшею также осторожностію положили на печь для просушки.—Ну, слава Богу, сказали успокоившіеся сожители; но ни тутъ-то было: едва они съ печи сошли, едва поселенка начала собирать на столъ, какъ кошка, вѣроятно, почуявъ запахъ согрѣвшагося на мокрой ассигнаціи молока, прыгнула на печь, схватила ассигнацію, какъ бы молочную пѣвку, и

начала ее жевать. Хозяева бросились было выручать деньги изъ погребеніи; но кошка соскочила съ печи и юркнула въ отворенныя на тотъ разъ, по причинѣ жара въ избѣ, двери. Нѣтъ нужды и говорить, что кошку всеми способами кликами къ себѣ, старались поймать; но все было тщетно! Послѣ поселенца даже убилъ ее, да и женѣ надавалъ порядочныхъ подзатыльниковъ; но бѣленькой все-таки лишился, какъ лишился вскорѣ и простодушный свбирякъ проданной имъ коровы.

С. А. С. Д.

Омскъ. 26 іюня 1853 года.

ЛЕКАРСТВО ОТЪ НЕЗНАДЕЖНОЙ ЛЮБВИ. (Письмо къ редактору). Спѣшу васъ уведомить о необыкновенномъ происшествіи, случившемся въ нашемъ уздномъ городѣ, происшествіи, которое можетъ подать поводъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ на попрницѣ недавно открытой таинственной силы.

Позвольте рассказать вамъ подробно, какъ было дѣло.

Только что мы прочли въ газетахъ о вертящихся столахъ, я, съ тещею, женою и свояченицею, немедленно съѣхъ за круглый столикъ, имѣющій всѣ извѣстныя данныя для круженія, и, положивъ на него руки, какъ было приказано, просидѣли, не двигаясь, болѣе часа, но, къ совершенному прискорбію нашему, безъ всякаго результата. Не желая, какъ слѣдуетъ всемъ любознательнымъ людямъ, бросить опытъ послѣ первой неудачной попытки — мы рѣшились повторить его, собрали дворовыхъ людей своихъ и стѣнныхъ дѣвушекъ и усадили ихъ вокругъ столика. Часа черезъ два, я взошелъ въ прихожую, и увѣрившись, что всѣ держать руки какъ слѣдуетъ, спросилъ, «начинаеть ли кружиться?» — «Въ головѣ давно кружится!» отвѣчалъ мнѣ мой поваръ, человекъ нѣсколько грубаго характера. Я велѣлъ имъ встать, — темъ на этотъ разъ и кончилисъ наши опыты.

Съ слѣдующею почтою получили мы вашу Москвитянинъ и Московскія Вѣдомости, въ которыхъ очевидцы рассказываютъ о вертящихся шляпахъ, тарелкахъ и проч., — и дамы мои снова принялись за опыты.

Надо вамъ сказать, что у насъ въ домѣ живетъ прекоророшенская барышня, съ добрымъ сердцемъ, но плутовка такая, какихъ мало на свѣтѣ. Она прикинулась, что вовсе не вѣрить новой силѣ, и съѣхъ съ моею свояченицею за столикъ, такъ, для шутки; на столикъ поставили стаканъ, а на стаканъ тарелку. Минуть черезъ пять не болѣе,

Барышня вскрикнула, вскочила со стула, и, не отнимая рукъ отъ тарелки, пошла кружить около столика, — сводчица за нею, тарелка за ними.

Я, какъ человекъ опытный, и по-этому менѣе легковѣрный, хотѣлъ персонально убѣдиться въ успѣхъ опыта, и немедленно повторилъ его съ сводчицей, — не вышло ничего; потомъ съ хорошенькой барышней... и тарелка ни-съ того, ни-съ сего, завертѣлась. Позвали людей, послали за сосѣдями, — тарелка вертѣлась такъ быстро, что мы едва за ней поспѣвали. Всѣ были въ восторгѣ — и въ дуракахъ: плутовка, данъ намъ натѣшиться вдоволь, вдругъ разразилась звонкимъ смѣхомъ, и, со слезами на глазахъ, призналась намъ, что она вертѣла тарелку пальцами. Я, признаюсь вамъ, разсердился не на шутку — и, какъ я у себя въ домѣ господинъ, то и запретилъ настрого повторять у себя эти глупые опыты.

Увы! какъ человекъ бываетъ опрощивъ, и какъ онъ послѣ горько раскаивается! прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и я сдѣлался самымъ ревностнымъ адептомъ новой силы.

Вотъ какъ это случилось: на дняхъ у нашего узднаго доктора былъ обѣдъ; хотя онъ молодой и холостой человекъ, но такой образованный, веселый и милый малый, что всѣ наши уздныя и городскія дамы удостоиваютъ его своимъ посвещеніемъ. Гостей съѣхалось множество, но городничій, съ дочерью, премиленною блондинкою, не знаю почему, отказался на этотъ разъ участвовать въ общемъ весельѣ. Послѣ обѣда, за которымъ въ изобиліи подавалось замороженное шампанское (мы иначе его не пьемъ), пожилые кавалеры и дамы нѣкоторыхъ лѣтъ усвѣлись за ломберные столы; молодежь, какъ водится, расхаживала по горницамъ, смѣялась и прочъ; хорошенькій ребѣнокъ лѣтъ шести, въ красной шелковой рубашечкѣ (сынъ нашего застѣвателя), присѣдая и переминая ручки, вертѣлъ безъ усталости рукоятку большого органа, который, всхлипывая и взвизгивая, игралъ всѣмъ извѣстную мазурку Ланнера, — однимъ словомъ, все происходило какъ слѣдуетъ.

Вдругъ вбѣгаетъ, или, лучше сказать, врывается въ двери, нашъ узднй учитель рисованья, молодой человекъ съ дарованіемъ и съ поэтическими наклонностями; онъ даже пишетъ стихи очень недурные, хотя и нѣсколько туманные. Вбѣжавъ въ горницу, онъ, не поклонясь никому, бросился на диванъ и закрылъ лицо руками. Длинные волосы его, которые у него всегда были въ поэтическомъ безпорядкѣ, на этотъ разъ до того взъерошились, что стояли дыбомъ, вопреки мнѣнію извѣстнаго англійскаго доктора Гопа, который доказалъ, что на волосы моральное потрясеніе нисколько не дѣйст-

вуетъ. Узелъ его галстука былъ на затылкѣ, жилетъ отстегнуть,—однимъ словомъ, по всему было видно, что бѣдный молодой человекъ былъ, что называется, внѣ себя.

Мы все любили его искренно, а потому обступили его и съ сердечнымъ участіемъ начали спрашивать, что это такое съ нимъ случилось? а онъ молчалъ и только махалъ руками. Докторъ заставилъ его почти насильно принять гошмановскихъ капель на кусокъ сахару—и молодой человекъ, успокоившись немного, проговорилъ: «все кончено: она выходитъ за—мужъ за драгунскаго офицера!»

Тутъ мы догадались, въ чемъ дѣло: онъ давно былъ страстно влюбленъ въ дочь городничаго, которая, между нами сказать, таки порядочная кокетка (воспитывалась въ институтѣ), и хотя онъ ее любилъ, какъ прилично любить поэту, т.-е. безмолвно и безнадежно, но мы все давно раскусили его тайну.

«Я этого не переживу! застрѣлюсь, или сойду съ ума!» говорить бѣдный малый, страшно поводя глазами. Что тутъ было дѣлать? какъ утѣшать въ этакомъ случаѣ? тутъ всякое утѣшеніе неумѣстно, вяло, холодно, пошло,—однимъ словомъ, утѣшать его не было никакой возможности, —и мы, молча постоявъ около него, рѣшились оставить его одного надвѣясь, что, Богъ дастъ, кризисъ пройдетъ самъ собою.

«Знаете ли что попробуемъ сдѣлать?» сказалъ намъ докторъ, когда мы все вышли въ другую комнату: «я вчера прочелъ въ медицинскомъ листкѣ, что въ Сѣверныхъ Штатахъ новую силу уже успали «приспособить къ дѣлу, и посредствомъ человѣческой цѣпи вырываютъ изъ земли столѣтнія деревья съ корнями.»

— «Что жъ изъ этого?

— «А вотъ что: окружимъ больного цѣпью--и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Вы смѣтаете? смѣтите сколько вамъ угодно,—а все-таки попробуемъ! *Опытомъ никогда не должно пренебрегать*», сказалъ докторъ, какъ съ кафедръ.

Соу, на которой полу-лежалъ бѣдный влюбленный, передвинули на середину горницы, и насъ, человекъ пятнадцать кавалеровъ и дамъ, въ молчаніи стали вокругъ нея, держась за руки. Докторъ, съ хронометромъ въ рукѣ, сталъ у окна для наблюденія.

Минуты черезъ три, вдругъ сердца у насъ забились болѣзненно, электрическая дрожь пробѣжала по жиламъ — и субъектъ нашъ задохнулся. Еще минута—онъ заплакалъ.—Браво! подумали мы все разомъ. Вдругъ молодой человекъ испустилъ пронзительный вопль, приложилъ руку къ сердцу, улыбнулся, быстро вскочилъ съ дивана—и бросился обнимать насъ всѣхъ по-очереды.

Мы вырвали у него изъ сердца любовь съ корнемъ!

Операція продолжалась 5 минутъ и 27 секундъ.

Послѣ операціи, нашъ молодой пріятель, какъ ни въ чемъ не бывало, подбѣжалъ къ зеркалу, вынулъ изъ кармана гребенку, тщательно причесалъ волосы, перевязалъ галстухъ, застегнулъ жилетъ, какъ слѣдуетъ, схватилъ за талию мамзель Катринъ (одну изъ нашихъ самыхъ хорошенькихъ барышень)—и отправился съ нею танцовать мазурку, которую, надо отдать ему справедливость, онъ танцуетъ мастерски.

Вѣрьте, не вѣрьте, М. Г.....а дѣло было такъ, какъ я имѣлъ честь вамъ разсказать,—и долгомъ считаю присовокупить, что исцѣленіе молодаго челоуѣка было не *пальятивное*, а *радикальное*: вчера поутру я получилъ отъ него записку на розовой бумажкѣ, въ которой онъ проситъ меня къ себѣ на свадьбу. Онъ женится на хорошенькой мамзель Катринъ, съ которой такъ ловко, къ совершенному удивленію всѣхъ насъ, онъ отмахнулъ мазурку.

С. Ваблюево.

М. ЖЕДЫМІРОВЪ.

ПИСЬМО КЪ МОСКОВСКОМУ ОХОТНИКУ. Милостивый государь! Читая записки ваши «Подмосковная охота», живо вспомнилъ я давно прошедшее время, и съ сожалѣніемъ вижу, какъ нынѣ бѣдна охота въ подмосковныхъ болотахъ. Надо имѣть пылкую, непреодолимую склонность, чтобъ завлечься и остаться охотникомъ. Весьма естественно, что молодой стрѣлокъ, побывавъ раза два, а много три, въ полѣ, изнурясь до безсилія и найдя въ цѣлый день пару или двѣ дичи, по которой, конечно, отъ усталости и азарта сдѣлаетъ неудачные выстрѣлы при порядочной даже стрѣльбѣ, потеряетъ желаніе попробовать еще счастья, и простится, быть можетъ, навсегда, съ охотой.

Прошли тѣ счастливые годы, когда подмосковныя болота (а ихъ было много въ окрестности) изобиловали дичью. Прошло то время, когда даже вблизи заставы, изъ Бутырскаго болота, охотники возвращались, обремененные добычей. Мнѣ часто и очень много удавалось стрѣлять въ самой чертѣ Москвы, въ Лужникахъ, по лѣвому берегу рѣки противъ бывшаго Андреевскаго монастыря, гдѣ въ настоящее время незаметно и слѣда прежней топи, о которой напоминаютъ лишь покопанные пруды и канавы, между коихъ разведены огороды. Также и въ другихъ мѣстахъ вовсе ихъ не существуетъ; на нихъ образовались хлѣбныя нивы, индѣ красивыя дачи съ роскошными садами; а съ уничтоженіемъ лѣсовъ и разработкою торфа, этого подспорья горючему матеріалу, само собою, болота уничтожились, а съ ними перевелась и дичь. Конечно, все это хорошо для промышленности, земледѣлія и хозяйства, но не утѣшительно для насъ охотниковъ.

Объ этомъ упоминаю для того, чтобъ обратить ваше вниманіе на охоту, *отчасти въ мѣхъ извѣстную*, и тѣмъ доставить обширное поле для разгула свободнаго пера нашего. Пожалуй, назовите ее хотя «*Близъ-Москвою*», или «*Дубенскою*» охоту въ низменности, лежащей по рѣкѣ Дубнѣ, которая въ охотничьемъ мірѣ извѣстна подъ именемъ болотъ Окоемовскихъ, по деревни того же названія.

Мнѣ коротко знакома эта мѣстность, и потому могу сказать вамъ, что къ деревнѣ Окоемовой, состоящей не болѣе, какъ изъ 20—30 дворовъ, принадлежитъ ничтожное количество болотъ изъ всего огромнаго пространства. Начало ихъ въ верховьяхъ рѣки Дубны, близъ села Ченцы, Александровскаго уѣзда, Владимирской губерніи, на угличской большой дорогѣ, въ 25 верстахъ отъ Сергіевскаго посада; отсюда они тянутся по обѣимъ берегамъ рѣки къ границѣ Дмитровскаго уѣзда, Московской губер., занимая болѣе 40 верстъ въ длину, и отъ 4 до 7 верстъ въ ширину. Правый берегъ захватываетъ часть Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи.

Страсть моя къ ружью развилась въ тѣхъ мѣстахъ, когда мнѣ было еще 13 лѣтъ отъ роду; и какъ не быть охотникомъ, живя въ такомъ, такъ сказать, садкѣ дичи, когда съ посредственной собакой, а чаще и вовсе безъ нея, возвращался съ поля съ 10-ю и 15-ю штуками самыхъ жирныхъ и тяжеловѣсныхъ дупелей или бекасовъ, проходивши не болѣе двухъ часовъ. Я сказалъ «тяжеловѣсныхъ» потому, что тогда еще начиналъ, или, вѣрнѣе сказать, привыкалъ стрѣлять на лету, спускалъ курокъ робко, не понимая самъ, чего боюсь, выстрѣли ли, или того, чтобъ не дать промаха, и спускалъ не иначе, какъ по той только птицѣ, которая поднималась близко и летѣла плавно, а иногда и по такой, которая, взлетѣвъ почти изъ-подъ ногъ, шаговъ чрезъ 30 опускалась, а потому случалось на половину убивать полусидячихъ.

Вы можете легко этому повѣрить, бывши въ нынѣшнемъ году лично свидѣтелемъ, когда мы съ вами въ-четверомъ возвращались съ охоты съ полными якатами, считая сдѣланные выстрѣлы не десятками, а сотнею. Но въ то время, о которомъ упоминаю, во всемъ околodкѣ былъ одинъ-единехонекъ стрѣлокъ по красной дичи,—это я, 13-ти, а впоследствии 15-лѣтній мальчикъ, когда охотники-крестьяне не имѣли и понятія о бекасахъ и называли ихъ весною — барашками, а осенью — болотными куличками, слово же дупель не доходило до ихъ слуха. Стрѣльба на лету, или, по ихъ выраженію, «на полету», казалась имъ какимъ-то волшебствомъ. Охота ихъ ограничивалась одними утками, которыхъ, статься можетъ, было не менѣе бекасовъ, и по тѣмъ стрѣляли лишь въ кучу, но отнюдь не по одной, хотя бы даже

кряковой. Это дѣлали они оттого, что не желали тратить заряда, ибо въ одну скорѣе промахнешься, но старались выждать табунокъ, чтобъ было надежнѣе вышибить за разъ штукъ пять по крайней мѣрѣ, и чтобъ послѣ трехъ или четырехъ выпущенныхъ зарядовъ, единственныхъ взятыхъ съ собой на охоту, обвѣшать себя кругомъ до отягощенія. А бывало, кто больше принесетъ, да меньше истеряетъ снаряда, тотъ и стрѣлокъ.

Тогда охотниковъ изъ Москвы и слѣда еще не было, а о мѣстахъ Окоемовскихъ никто даже и не упоминалъ. Да и то сказать, стоило ли ѣхать за 100 верстъ, когда въ двухъ-трехъ отъ заставы вдоволь можно настрѣляться, лишь бы стало силъ и пороху. Нынѣ же кому изъ нашей братіи по оружію не извѣстны мѣста Окоемовскія? Кто въ свою жизнь не побывалъ тамъ? Тотъ, кто мало-мальски надѣется на вѣрность своего выстрѣла, рассчитывая даже изъ трехъ положить въ якѣжъ хоть одну штуку, непременно ѣздитъ и возвращается изъ болота съ полной сумой дичи. Но если у кого есть желаніе стрѣлять по каждой подымающейся изъ-подъ собаки, не разбирая карастеля и курочки, которыхъ не почитаютъ тамъ даже и дичью, тому можно посоветовать взять съ собой по возможности болѣе зарядовъ, и, конечно, всѣ выпустить, въ особенности когда попадетъ ко времени, или, какъ говорится, *въ растѣ*.

Кромѣ навѣзжихъ охотниковъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, теперь рѣдкій изъ тамошнихъ помѣщиковъ не охотникъ; а коли же охотникъ самъ, то имѣетъ у себя стрѣлковъ изъ дворовыхъ. Я знаю одного моего хорошаго пріятеля, замѣчательнаго, отличнаго стрѣлка А. П. В....., который одинъ стѣдитъ десятерыхъ. Съ нимъ часто хаживалъ вмѣстѣ, и скажу по совѣсти—изъ ста его выстрѣловъ я не насчитывалъ десяти пуделей. Ему нужно только, чтобъ взялась птица хоть сколько-нибудь въ мѣру, въ кустахъ онъ съ накидки быстро схватитъ ее, а если вскочитъ она въ чистомъ болотѣ, то уложить ее съ красивой выдержкой. Кромѣ господъ, не найдется деревни изъ прилежащихъ къ болотамъ, въ которой не было бы двухъ и болѣе охотниковъ молодыхъ крестьянъ, хорошихъ стрѣлковъ, съ отлично-вѣтасканными собаками, занимающихся исключительно однимъ этимъ ремесломъ, составляющимъ постоянный ихъ промыселъ, довольно даже выгодный, ибо каждый изъ нихъ добываетъ въ лѣто и осень отъ 100 до 150 руб. сер., продавая красную дичь, тетеревей и утокъ. Но и за всѣмъ тѣмъ дичи держится и теперь очень много, а въ осенній пролетъ бываетъ баснословно. А вслѣдствіе того даже и счетъ между этими егерями усвоенъ

какой-то тарабарскій, напримѣръ: вамъ странно пока , если при встрѣчѣ съ крестьяниномъ-егеремъ на вопросъ вашъ: сколько онъ убилъ? онъ отвѣтитъ (конечно, уже не прибавитъ), положимъ, хоть примѣрно: двѣ пары дупелей «чистыхъ» и пять паръ бекасовъ «по дупелиному счету». Это значитъ, что противу пары дупелей полагаютъ они двѣ пары бекасовъ; значитъ, убито бекасовъ вдвое. Счетъ этотъ идетъ у нихъ и при продажѣ скупщикамъ, или, по мѣстному названію, куритникамъ, которые развелись также почти въ каждой деревнѣ. Промышленность сихъ послѣднихъ заключается въ томъ, что они берутъ отъ егерей дичь и каждую недѣлю возятъ изъ барыша въ Москву. Охотники-крестьяне тутъ же, по выходе изъ болота, продаютъ имъ свѣжую, по счету 2 пары бекасовъ и 4 пары турухтановъ за пару дупелей, на наличныя деньги, съ небольшою уступкою противу московской цѣны, а не рѣдко замѣнъ денегъ берутъ «пріянты» (то-есть порохъ и дробь) по цѣнамъ болѣе возвышеннымъ, основываясь на томъ, что доставать порохъ составляетъ великое затрудненіе. Здѣсь въ расчетъ обоюдная выгода—съ одной стороны за труды, лишенія и искусство, а съ другой за побѣдку въ Москву, иногда не менѣе нелегкую.

Въ пору ранней молодости судьба отбросила меня далеко отъ родныхъ мѣстъ, а слѣдовательно, и отъ этихъ дѣвственныхъ болотъ, но въ-замѣнъ того указала возможность испытать разнородныя охоты. Не знаю, въ какой губерніи пространной матушки нашей Россіи не удалось мнѣ охотиться; а за тѣмъ и на Кавказской линіи, близъ Кизляра, и при впаденіи Терека въ Каспійское море, и въ Черноморіи по Кубани, въ Дагестанѣ на южномъ берегу Каспія, въ Грузіи въ извѣстной Низинѣ, близъ Калогирскаго замка, и на Башкичети, въ Кахетіи по Алазани, на персидской границѣ по Араксу, въ Сардопѣ по рѣкѣ Куръ, близъ Эривани у подошвы горы Араратъ, въ самой Персіи за Тавризомъ, у подошвы хребта Каи-Фланку, и наконецъ въ азіатской Турціи близъ стѣны Ахалкалакъ, въ особенности около Арзума, по правому берегу рѣки Эфратъ (*); со мной постоянно были двѣ добрыя лягавыя собаки, разделявшія въ походной жизни и труды и опасности, холодъ, подчасъ и голодъ; но право, не вездѣ видалъ такъ много дичи, особенно бекасовъ, какъ, во время оно, въ Дубенскихъ болотахъ. Впрочемъ, довольно интересна и особенно замѣчательна была охота въ Сардопѣ и близъ Аслантуза по Араксу за турачами и фазанами. Послѣдніе здѣсь въ Москвѣ не рѣдки, ихъ можно почти всегда имѣть даже живыми, но турачей

(*) Здѣсь упоминаются мѣста болѣе или менѣе изобилующія болотной дичью, или, по камышамъ, турачами и фазанами.

едва ли когда сюда доставляли. Птица эта принадлежит къ семейству фазана, но не такъ красива; величиною съ нашу блую куропатку, а по вкусу и нежности много лучше своего родича, и имѣетъ совершенно блое мясо. А потому и справедливо говорятъ, что эта дичь «шахъ-мая» (то-есть царское кушанье). Держится она, какъ и фазанъ, въ камышахъ и терновыхъ кустахъ; какъ и онъ, отъ собаки бѣжить шибко, потомъ затаивается, а на подъемъ менѣе быстръ. Но объ этой охотѣ и вообще о закавказской птичьей и звѣриной, когда въ досужное время расскажу вамъ особю; теперь же единственная цѣль моя побесѣдовать съ вами о Дубенскихъ или Окоемовскихъ мѣстахъ, о которыхъ такъ много говорится въ охотничьемъ мѣрѣ, но нигдѣ и никѣмъ не было написано (*). Не допускаю мысли, чтобы это могло случиться отъ лѣни, но скорѣе думаю, что это есть слѣдствіе эгоизма. Кто имѣлъ случай удостовѣриться въ нихъ на самомъ дѣлѣ, тотъ старается не разглашать этого, приберегая заветныя мѣста для себя; а кто знаетъ объ этихъ болотахъ по однимъ слухамъ и помнитъ подмосковныя вывзды, тотъ думаетъ про себя: «славны бубны за горами! Спасибо, дескать,—нѣтъ ужъ баста! меня этими баснями не заманять».

И такъ обращусь я къ вамъ, чарующія мѣста, взмелѣвшія мою юность, желая принести вамъ хотя слабую дань признательности за сладкія минуты, проведенныя въ болотахъ вашихъ.

Противишисъ съ дальнимъ чуждымъ краемъ, я переселился въ Москву и сдѣлался постояннымъ ея жителемъ. Но можно ли забыть то, что глубоко запало въ ретивое съ самаго юнаго возраста? И потому-то пропустить хоть одно лѣто, не побывавъ на Дубнѣ, считалъ я преступленіемъ, и часто до глубокой осени проживаю тамъ и теперь. Постоянное пристанище мое въ селѣ Кучкахъ, окрестность котораго, сказать безпристрастно, составляетъ лучшія мѣста для стрѣльбы. Лишь только пройдете Проспектъ, миновавъ Ивановскій прудъ, вы сейчасъ вступаете въ болото Ваулино; съ нимъ рядомъ Полтинники, далѣе Карповъ ручей, за нимъ большая пожня—разсадникъ дупелей; потомъ, вправо чрезъ дубовый лѣсъ, пойма, на ней Чирковка, Барскій уголь, Рублевики, Семеновская Чашеба, Шатеевскій лугъ; съ ними въ непрерывной связи идутъ тоже поймы: Овсянниковская, Фроловская, Нушпольская и многія другія; далѣе Кругликъ, Голова, Мысь и наконецъ Кушиновка съ своими вѣчными бочагами, этотъ пробный оселокъ для горячихъ неопытныхъ охотниковъ, гдѣ не одинъ изъ нихъ попадалъ чуть не по самую шею

(*) Статья о мѣстахъ Окоемовскихъ уже получена въ редакцію и будетъ скоро напечатана.

въ бочагъ, или окно, то—есть пространство, не совсѣмъ затянутое слоемъ земли. Окна эти даже и для опытныхъ людей часто бываютъ незаметны и составляютъ непріятную ловушку. Правѣ идти поймы: Самотовинская, Окоемовская, Невъровская; а лѣвѣ—Костолыгинская, Островская, Новинская, Заболотская до села Меркусова и къ Ченцамъ.

Сколько удовольствій, сколько пріятныхъ минутъ напоминаютъ мнѣ мѣста эти! Охотникъ смотреть на нихъ съ необъяснимымъ обаяніемъ! Сколько дичи взято имъ оттуда, сколько выстрѣловъ сдѣлано! Сколько неподкупныхъ радостей, смѣха перечувствовано, переиспытано въ нихъ! Но въ двадцатилѣтній промежутокъ здѣсь многое измѣнилось. Охотничье племя развелось повсюду, о чемъ сказано выше. И потому при возвращеніи моемъ не нашелъ того, что было прежде. За то порадовала меня встрѣча съ А. П. В..., съ которымъ разстался еще съ дѣтскаго возраста. Онъ возмужалъ, женился и обзавелся дѣтками; да и я былъ въ той порѣ, чтобы подумать о женитьбѣ, но оставался пока холостякомъ. Само собою разумѣется, мы были обрадованы нашей встрѣчей, тѣмъ болѣе, что мы оба охотники. Весьма часто полевали мы вмѣстѣ, и каждый разъ имѣли блестящія поля.

Онъ иногда любилъ побывать въ болотѣ съ товарищами, а потому приглашалъ знакомыхъ изъ Москвы, въ числѣ которыхъ бывалъ, по справедливости прославленный, нынѣ покойный В. Н. В...., — молвить къ слову, царство небесное! Ему мы, охотники, обязаны разведеніемъ добрыхъ подружейныхъ собакъ, первоначально марковскихъ, потомъ съ 1843 года понтеровъ, и наконецъ сетеровъ. Онъ въ свою очередь также пригласилъ извѣстнаго охотника, отличнаго стрѣлка И. И. У...., впоследствии постоянно бывавшаго тамъ съ большимъ сопровождающимъ его обществомъ, который не рѣдко оставался тамъ по мѣсяцу и долѣе. Съ тѣхъ поръ многіе знатные и незнатные, званые и не званые посѣщаютъ тотъ край, одни для удовольствій, а другіе изъ вида прибыли. И такимъ образомъ мѣста Дубенскія, или, по общему названію, Окоемовскія, стали уже мѣста не дѣвственныя, дичь сдѣлалась настроченной, и не садится уже, какъ прежде, въ тридцати шагахъ, въ ожиданіи смерти. Да и мы, впрочемъ, стали стрѣлять не по прежнему, и въ свою очередь не давали ей прожить долѣе того, сколько нужно на пролетъ 30 шаговъ. Но все-таки дичи было много, да и теперь еще держится не мало.

Въ то время, (а этому уже прошло лѣтъ съ 20-ть), мы съ А. П. В.... постоянно выстрѣливали по три патронташа въ поле. Нужно замѣтить, что тогда не знали удобства имѣть дробь въ

кожаныхъ кисахъ, перекинутыхъ чрезъ плечо и вмѣщающихъ въ себя до ста зарядовъ, не знали и металлическихъ висячихъ пороховницъ съ машинками, скоро и вѣрно отдѣляющихъ зарядъ, но просто носили широкій поясъ съ 24 патронами жестяными или латуными, препорядочно-таки обминавшій бока, а про запасъ клали въ яктажъ кубышку съ пороховъ и мѣшекъ съ дробью. Бока отъ патронташа хоть и страдали, да дѣлать было нечего: наши старики, грѣхъ скрывать, любили-таки придерживаться старины, лучшаго придумать не сдумали или не хотѣли, а заморская хитрость до насъ еще не достигала. Но возвращусь къ нашему разговору: о чемъ зашла рѣчь, тѣмъ и надо кончить; а я, какъ видите, все какъ-то сбиваюсь и заговариваюсь о другомъ; но прошу не прогнѣваться: вѣдь это первый блинъ, а онъ, говорятъ, часто идетъ комомъ. Впередъ будемъ аккуративе. И такъ къ дѣлу. Я сказалъ, что выстрѣливали въ поле по три комплекта патроновъ, и, сказавъ это, нисколько не прибавилъ. Однимъ словомъ, каждый изъ насъ выпускалъ болѣе семидесяти зарядовъ въ утро, возвращаясь къ обѣду довольно еще рано. Запоздывали рѣдко, и нисколько не утомлялись, потому что дичь взималась часто, и пространство искаживали мы небольшое. Время проходило почти въ заряданіи, а иногда встречалась необходимость и промывать стволы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что случалось много забавныхъ анекдотовъ и уморительныхъ сценъ, неразлучныхъ съ охотой вообще, а въ тѣхъ топкихъ и опасныхъ мѣстахъ въ особенности; встрѣчалось много оригиналовъ. Обо всемъ этомъ не лишне было бы разсказать, чтобъ нѣсколько поразсмѣшить васъ, но, какъ настоящая цѣль моя состоитъ только въ томъ, чтобъ сдѣлать болѣе гласными Дубенскіи мѣста, то и оставляю все стороннее до другой бесѣды съ вами. Теперь же вмѣняю себя въ обязанность просить васъ осуществить мое желаніе: дать мѣсто между вашими статьями объ охотѣ, статейкѣ о мѣстахъ Дубенскихъ, и разсказать во всеуслышаніе, какъ полевали мы тамъ съ вами нынѣшнимъ августомъ.

II. II.

24 сентября, 1853 года.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГИХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ МНОГИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

а. Чрезмѣрная длиннота фразъ.

Излишняя длиннота фразъ дѣлаетъ рѣчь тяжелою, утомляетъ читателя, наводитъ на него скуку, и часто подаетъ поводъ къ тому, что онъ теряетъ нить мысли, и вынужденъ перечитывать фразу нѣсколько разъ. Но не должно впадать и въ противоположную крайность, какъ поступаютъ многіе изъ нынѣшнихъ молодыхъ писателей, т.-е., не слѣдуетъ писать сплошь *очень короткими фразами*. Отъ такой *краткости* рѣчь становится прерывчатою, и звенья состава литературнаго произведенія разъединяются между собою, и разрушаютъ цѣльность его формы. Особенно неумѣстна *излишняя краткость* эта въ серьезныхъ сочиненіяхъ, гдѣ разсуждаютъ о важныхъ предметахъ, подобно какъ *весьма длинныя фразы* наиболѣе не годятся въ легкую литературу. Въ серьезныхъ произведеніяхъ отрывочность рѣчи отнимаетъ у ней, нужную въ нихъ, ея величавость, придающую тутъ много изящества и естественности.

Примѣромъ *излишней длинноты фразъ* можетъ служить слѣдующій отрывокъ (Современникъ. Авг. 1853. Современ. Замѣтки, стр. 200):

«Такія-то именно аллегорическія гравюры, встрѣчаемыя и у крестьянъ внутреннихъ русскихъ проѣзжихъ или базарныхъ селеній, вмѣстѣ съ упомянутыми мною модными картинками, украшая занятую нами горенку монастырскаго служителя, навели меня на мысль о склонности русскаго челоѣка ко всему пластическому, начиная съ узорочныхъ карнизовъ и шеломовъ его избы, не рѣдко завершающихся деревяннымъ пѣтухомъ, грубымъ изображеніемъ солдата съ саблею, или, въ селеніяхъ приволжскихъ, баркою съ полною оснасткою, и оканчивая его рѣзною солоницею, представляющею форму кресла, стѣнками поставца, размалеванными цвѣтами, ставнями оконъ, съ какими-нибудь желтыми праниками по красному полю, не говоря уже о его клѣтѣ, увѣщенной теми или другими издѣліями названныхъ мною русскихъ графическихъ школъ, не говоря о крышкѣ хозяйкиной коробки, обклеенной вырезанными изъ бумаги лошадами и елками, не говоря о любимой лодкѣ или баркѣ судопромышленника, или даже яликѣ петербургскаго перевозчика, гдѣ на кормѣ, по бортамъ, или на носу, вы видите то страшнаго дракона, то одну какую-то пасть, то глазъ, который такъ и хочетъ васъ съѣсть не хуже какого-нибудь чудовища.»

«Отечественныя Записки», возстающія на московскій журналъ за найденную ими въ немъ *длинную фразу* (смотри «Отеч. Зап.» Июль 1853. Журналистика, стр. 65), пусть полюбуются означенною выпиской изъ великосвѣтскаго петербургскаго журнала.

А еще и того лучше «Отечественнымъ Запискамъ» восхищаться собственными своими прелестями въ томъ же родѣ, напримѣръ, слѣдующимъ мѣстомъ (см. Отеч. Зап. Июль 1853. Тяжба, стр. 214):

«Разодѣтый по самой послѣдней модѣ, въ шляпѣ, надвинутой на бекрень, на свои густые, щедро намазанные и слегка пестроватые волосы, въ сюртукѣ, подбитомъ бархатомъ, въ широкомъ атласномъ галстукѣ въ вытканными золотыми цвѣточками и двумя великолѣпными брошками, соединенными двойною тонкою золотою цѣпочкою, въ воротничкахъ, откинутыхъ на галстукъ, съ лорнетомъ, оправленнымъ въ золото и ввинченнымъ въ правый глазъ, съ туго-накрахмаленными рукавчиками, отвернутыми на рукава своего сюртука, Титмаузъ сидѣлъ въ своемъ новомъ экипажѣ, по дорогѣ въ паркъ, и держа въ рукахъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными лайковыми перчатками, свой бичъ и поводья, думалъ о томъ, какое великолѣпное зрѣлище долженъ былъ онъ представлять взорамъ прохожихъ, *на него глядящихъ* (къ чему эти три послѣднія слова? кто не глядѣлъ на Титмауза, тому, разумется, не могъ онъ представлять изъ себя зрѣлища), и о томъ, что они должны смотрѣть на него съ такого же рода чувствами, какія еще недавно возбуждаемы были подобными картинами въ его собственной страждущей груди, и въ эту минуту, при этихъ мысляхъ, его маленькій кубокъ блаженства былъ полонъ такъ, что даже лился черезъ край.»

Бѣдные мы, бѣдные! у другихъ все представляется намъ въ черномъ видѣ, а у себя—въ розовомъ блескѣ.

б. *Употребленіе такихъ, взятыхъ съ иностраннаго, словъ, которыя у насъ вовсе не нужны.*

—«Слѣпота Мильтона и раздоры семейные мешали тому разборчивому *критицизму*, который уничтожилъ бы мѣста, ускользнувшія теперь изъ-подъ его *контролирующей руки*» (Соврем. Авг. 1853. Литерат. характеръ, стр. 201.) Разборчивому *критицизму*—а почему бы не разборчивому *суду*? Изъ-подъ его *контролирующей руки*—а почему не изъ-подъ его *проверяющей руки*? *контролировать* употребляйте тамъ, гдѣ идетъ дѣло о формальной повѣркѣ суммъ, счетовъ, т.-е., тамъ, гдѣ слово это усвоено; а мѣсто ли ему въ сужденіяхъ объ изящной литературѣ и эстетическомъ вкусѣ?

—«Денежные обороты предоставлены у нихъ банкирамъ, купцамъ и *финансьерамъ*.» (Тамъ же, стр. 214.) Хотя мы и не можемъ передать *financier* однимъ русскимъ словомъ; однако, все-же лучше было бы сказать: *завѣдывающій денежными дѣлами, чѣмъ финансьеръ*; потому что сіе послѣднее слово образовано въ чисто французскомъ національномъ духѣ, и, по составу своему, не имѣетъ никакого сродства съ русскими словами.

—«Платье, которое такъ *неловко драпировало ее*.» (Отеч. Зап. Іюль 1853. Марья Ивановна, стр. 34). Русское выраженіе *сидѣло на ней* было бы вдесятеро уместнѣе, чѣмъ: *драпировало ее*; да и это понималъ бы всякій. — *Ловкимъ* можетъ быть только человекъ, потому что для ловкости нуженъ разумъ; а приписать ее, а следовательно, и неловкость, платью, какъ вещи, нельзя; вмѣсто *неловко* можно было сказать: *нескладно*.

—«Отвѣчала съ польскимъ *акцентомъ*.» (Тамъ же, стр. 52.) Право, мы не нуждаемся въ *акцентъ*; *выговоръ* нисколько не хуже этого заморскаго гостя.

—«Татьяна Алексѣевна входила въ обыкновенную *фазу* своей всегдашней будничной жизни.» (Соврем. Авг. 1853. Наденька, стр. 114.) Вмѣсто: въ обыкновенную *фазу*, было бы несравненно лучше и правильнѣе: въ обыкновенную *среду*,—во-первыхъ, потому, что здѣсь рѣчь идетъ о всегдашней, постоянной жизни, и следовательно слово *фаза*, выражающее измѣняемость, неумѣстно, во-вторыхъ, по той причинѣ, что слово это хорошо въ физической, астрономической, или подобной ученой статьѣ, но не кстати въ легкомъ разсказѣ.

— «Повторила еще разъ и еще *энергичнѣе* Эмилія Казимировна.» (Отеч. Зап. Іюль. 1853. Марья Ивановна, стр. 54). Это *энергичнѣе* такъ и вязнетъ въ зубахъ; не лучше ли было бы: *выразительнѣе, съ бѣльшимъ жаромъ*?

— «Люба совершенно *сформировалась*.» (Тамъ же, стр. 62). А мы сказали бы: Люба совершенно *развилась*.

— «Нѣсколько *сконфуженная* длинною *репликой*.» (Тамъ же, стр. 71). Вотъ ужъ истинно полуфранцузскій, пулурусскій языкъ: въ четырехъ словахъ—два русскія и два французскія! Между тѣмъ, за *сконфуженная* съ честью отвѣтила бы *смущенная*; передъ *репликой* стояли бы за себя: *возраженіе, отпоръ, отповѣдь*.

— «Моимъ *партнѣрамъ*.» (Отечеств. Зап. Іюль. 1853. Тяжба, стр. 214, 215 и 222). Слово *партнѣръ* употребляется почти исключительно въ карточной игрѣ, а страпчій могъ бы страпчихъ одной съ нимъ фирмы, о которыхъ здѣсь говорится, назвать товарищами.

— «Если бы онъ *позировалъ* передъ сэромъ Томасомъ Лоренсомъ, то не могъ бы выбрать лучшаго положенія.» (Тамъ же, стр. 255). Если бы онъ *выступилъ* было бы не хуже, чѣмъ *позировалъ*.

— «*Поза* его». (Тамъ же). По-русски: *тѣлоположеніе*.

— «Онъ имѣетъ очень хорошіе *шансы* быть выбраннымъ въ достоинство альдермена при первой вакансіи.» (Тамъ же, стр. 263). Онъ имѣетъ *большую надежду*—лучше тарабарскаго: онъ имѣетъ очень *хорошіе шансы*.

— «Воспользоваться *всѣми ресурсами*». (Тамъ же, стр. 283). Почему же: *ресурсами*, а не *средствами*?

— «Что, въ провинціи, всегда кажется чѣмъ-то *проблемматическимъ*». (Современ. Августъ 1853. Наденька, стр. 123). Если бы сказано было не: *проблемматическимъ*, а просто: *загадочнымъ*, вышло бы, право, лучше.

— «Мягкіе *контуры* лица молодой дѣвушки». (Тамъ же, стр. 126). *Округлости, очертанія* прекрасно замѣнили бы *контуры*.

— «По совершенной непривычкѣ къ неводившему въ *конспектъ* ея воспитанія, упражненію». (Тамъ же, стр. 142). *Конспектъ* былъ бы на мѣствъ въ учебной статьѣ, а здѣсь приличнѣе: *составъ*.

— «Сравнимъ ея хладнокровіе съ этой горячностью, которая выказывалась, не смотря на обыкновенный *декорумъ* ея британскаго хладнокровія». (Современ. Августъ. 1853. Наденька, стр. 156). Это *декорумъ* здѣсь ни къ селу, ни къ городу; не во сто ли кратъ лучше: *благопристойность, степенность*?

— «*Авантюриста*». (Тамъ же. Мой Романъ, стр. 434). А почему же *авантюристъ*, а не *скиталецъ*, не *искатель приключеній*?

— «Всѣ, кто только можетъ, *эмигрируютъ* за городъ и на воды». (Отеч. Зап. Авг. Смѣсь, стр. 153). Тутъ сказать бы просто-за-просто: *отправляются*.

— «Чтобъ не допустить Делямира *окомпрометировать* себя серьезнымъ образомъ». (Тамъ же. Тяжба, стр. 47). Вмѣсто *окомпрометировать* себя, мы сказали бы: *выдать* себя.

— «Почти *идіота*». (Отеч. Зап. Іюль 1853. Тяжба, стр. 228). Пусть *идіотъ* уступить мѣсто *слабоумному*.

— «Обильный запасъ сплетней, сильно-*приправленныхъ скандаломъ*». (Тамъ же, стр. 270). Что за *скандалъ*, и что за *приправа сплетней скандаломъ*? Не лучше ли бы сказать, безо всякой изысканности: *соблазнительныхъ сплетней*?

Разсудите же, сколько иностранщины употреблено безо всякой надобности! Въ чистыя струи русскаго слова бросаютъ полными пригоршнями грязь и тину—и мы не будемъ называть этого иска-

женіемъ языка?... Непризванные наши составители новыхъ русскихъ словъ изъ чужеземщины, и новыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи на тотъ же образецъ, не знаютъ, что, — въ случаѣ только совершенной невозможности удовлетворительно обозначить какой-нибудь предметъ отечественнымъ словомъ, или рѣшительнаго недостатка въ соответственномъ собственномъ своемъ выраженіи, или оборотъ рѣчи, для передачи извѣстной мысли, — позволятельно прибѣгать къ позимствованіямъ у иностранцевъ. Еще и въ такихъ случаяхъ надо предварительно пообдумать хорошенько, въ отношеніи къ нужному новому слову, нельзя ли составить его изъ русскаго корня; а устроить и располагать фразы должно какъ можно ближе къ духу роднаго языка.

в. *Несоответственные слова, выраженія и обороты рѣчи.*

— «Кто не знаетъ, что въ газетъ любопытно многое не болѣе какъ новость, и потому-то *необходимы* тамъ статьи, писанныя поспѣшно, безъ той окончательной отдышки въ изложеніи, которая требуется въ книгѣ». (Сверн. Пчела. 1853, N 162. Пчелка, стр. 646). Нѣтъ, ужъ такія статьи вовсе *не необходимы*; развѣ: *неизбѣжны*?

— «Безпокоиться о его *милей для меня участи*». (Отецъ Зап. Іюль 1853. Марья Ивановна, стр. 8). Чтѣ за *милая участь*; *столь близкая моему сердцу*—такъ.

— «Послѣ невольнаго *увлеченія* наступило *протрезвленіе*». (Тамъ же, стр. 32). *Протрезвленіе* наступаетъ послѣ *опьяненія, одуренія*; а за *увлеченіемъ* можетъ слѣдовать *обращеніе*.

— «Замѣчанію, вызванному слишкомъ-*жалкимъ* видомъ Марьи Ивановны». (Тамъ же, стр. 33). Подъ слишкомъ-*жалкимъ* видомъ Марьи Ивановны авторъ разумѣлъ, что она была небрежно одѣта и не причесана, и выразился дѣйствительно *жалкимъ*.

— «Брови, глаза, носъ, губы, подбородокъ,—все было въ высшей степени *прилично*». (Тамъ же, стр. 56). *Прилично*—не *благосвидно* ли? Слышанное ли дѣло, чтобъ говорили, что у такого-то чело-вѣка, наприм., глаза, *приличны* или *неприличны*.

— «Онъ вѣрно имѣетъ *знатныя связи*». (Тамъ же. Тяжба; стр. 206). Не *знатныя связи*, а *связи со знатію*. Въ простонародіи гово-рятъ: *знатное дѣло* (и тому подобн.), но и то, въ смыслѣ: *выгодное, удачное*.

— «*Длинное* совѣщаніе». (Тамъ же, стр. 208). Совѣщаніе измѣряютъ не *длиною* его, а *продолжительностью употребленнаго на него времени*; слѣдовательно, не *длинное*, а *длгое* совѣщаніе.

— «Титмаузь указалъ имъ на *Обри*, какъ на *средство уплаты*». (Тамъ же). Титмаузь могъ доставить *средство*, и не *уплаты*, а къ *уплатѣ*, а не самъ быть *средствомъ*.

— «Сочиненіемъ машины». (Тамъ же, стр. 209). *Машину составляютъ, устрояютъ*, а что такое: *сочиненіе машины?*

— «Въ самомъ щедромъ духъ (къ принятію и разсмотрѣнію предложенія)». (Тамъ же, стр. 211). Что за *щедрый духъ*? Мы бы сказали: въ духъ, *расположенномъ* къ тому-то.

— «Условія, которыя вы собирались *такъ любезно* опредѣлить». (Тамъ же, стр. 215). *Любезно собираться, любезно опредѣлить* (неизвѣстно, къ которому глаголу относится: *такъ любезно*) не по-русски; *такъ обязательно*—другое дѣло.

— «Вамъ данъ будетъ *широкій* срокъ». (Тамъ же, стр. 216). Срокъ измѣряется не въ *ширину*, а въ *длину* свою, или, правильно, *до какого времени*.

— «*Великольный* доходъ». (Тамъ же, стр. 233). Доходъ можетъ быть *большимъ, огромнымъ*; но какое заключается въ немъ *великолье*?

— «*Вскипятить* любопытство публики». (Тамъ же, стр. 236). Воду извольте *кипятить*, сколько угодно, а любопытство *возбуждите, воспаляйте, возжигайте*.

— «Увидѣли собственное свое оружіе, то есть *брань*, употребленное съ такимъ могущественнымъ *эффектомъ, въ рукахъ* щеголя-аристократа». (Тамъ же, стр. 245). Если оружіе—*брань*, то оно не въ *рукахъ, а въ устахъ*; притомъ, къ чему иностранное *эффектъ* тамъ, гдѣ гораздо лучше звучали бы: *успѣхъ, послѣдствіе*.

— «Экипажъ, *содержавшій* (въ себѣ) графа Дреддингтона, леди Сесилию и мистера Титмауза». (Тамъ же, стр. 251). Какъ-будто *экипажъ* есть, напримѣръ, *бутылка, боченокъ*, а графъ Дреддингтонъ и прочіе—*вино, слѣдки*.—У насъ говорятъ: экипажъ, въ которомъ сидѣли.

— «*Великольная* ответственность». (Тамъ же, стр. 284). И *великольная* ответственность такая же бессмыслица, какъ *великольный доходъ* (см. выше); ну скажите, что за *великолье* наши люди въ *ответственности*?

— «Въ обстоятельствахъ болѣе *тѣмныхъ*». (Тамъ же, стр. 258). Обстоятельства бываютъ не *тѣмныя*, а *запутанныя*.

— «*Маленького* обладателя». (Тамъ же, стр. 269). *Обладателемъ* называется тотъ, кому принадлежитъ что-нибудь *важное, огромное*; а если *маленькій*, то *владѣлецъ*.

— «Образъ миссъ Обри былъ *вытолканъ* изъ воспоминанія Титмауза». (Тамъ же, стр. 289). Образъ дѣвицы былъ *вытолканъ изъ воспоминанія* — *excellentissime!!!* точно пьяный изъ питейнаго дома; къ *вытолканъ* прибавить бы еще: *въ шею*.

—«*Надменная спѣсь*». (Тамъ же, стр. 286). Не то же ли: *спѣсивая спѣсь*?

—«Этому *бурному, беспокойному* времени». (Отеч. Записки. Июль 1853. Дмитрій Поліоркетъ, стр. 2). *Бурный* выражаетъ дѣйствіе болѣе сильное, чѣмъ *беспокойный*; а потому, последнее это прилагательное, бывъ поставлено послѣ перваго, не имѣетъ никакого значенія.

—«*Печальная и грустная вѣсть*». (Тамъ же, стр. 25). То же самое.

—«Такое *отпаденіе* отъ бывшихъ союзниковъ не могло не встрѣтить рѣзкаго *отпора*». (Тамъ же). *Отпаденіе* не натискъ, а совершенно противное; на чтѣ же тутъ *отпоръ*?

—«Селевкъ безпрестанно *покукалъ* его (Антигона)». (Тамъ же, стр. 3). Точно Антигонъ былъ лошадь.

—«Получали (Аѳины) деньги и *кормъ*». (Тамъ же). Аѳины не корова; вмѣсто *кормъ* не мѣшало бы сказать: *пищу*.

—«60 галеръ *лежало* въ гавани, чтобъ удержать натискъ, не-пріятеля со стороны моря. (Тамъ же, стр. 15). Галеры, назначенныя для отраженія не-пріятеля, ужь конечно, *стояли*, а не лежали.

—«Войско его носило совершенно азіатскій характеръ». (Тамъ же, стр. 23). *Носить характеръ* не по-русски; мы говоримъ: *имѣть характеръ*.

—«Въ Дмитріи (*н*) было слишкомъ много эгоизма, и не было той *широты* природы, которою отличался Александръ». (Тамъ же, стр. 32). Жаль, что не сказано, подъ какимъ градусомъ широты находилась природа Дмитрія.

—«Трудъ и *капиталъ*—два вида *усилій* чело-вѣка». (Тамъ же. Джонъ Ло, стр. 3). *Трудъ*, конечно, *усиліе*, но какъ можно *капиталъ* называть *усиліемъ*?

—«При отсутствіи *промышленныхъ преградъ*». (Тамъ же, стр. 16). Неужели тутъ говорится о *преградахъ, занимающихся промышленностию*? А вѣдь это значить: *промышленныя преграды*. Сказать бы: *преградъ, поставляемыхъ промышленностью*.

—«Въ *голосъ, произнесемъ* этотъ вопросъ». (Отеч. Записки. Августъ 1853. Марья Ивановна, стр. 107). Не *голосъ произносить*, а *голосомъ произносятъ* вопросъ.

—«Пожалуй! *согласился* Александръ Петровичъ». (Тамъ же, стр. 147). *Согласился* не значить: утвердительно *отвѣчалъ, сказалъ*.

—«Она (Марья Ивановна) сохранила прежнюю пріязнь къ Аннѣ Марковнѣ, которая изъ сосѣдки сдѣлалась ея *сожигательницею*».

(Тамъ же, стр. 160). Какъ это Анна Марковна стала *женою* Марьи Ивановны: потому что *сожительница* не имѣетъ другаго значенія?

—«Его собственное *безсиліе* *сознавалось* такъ глубоко и *сильно*». (Тамъ же, стр. 106). *Безсиліе—сильно*; *безсиліе сознавалось*, т.-е. признавалось, вмѣсто *проявлялось*—не дурно!

—«Какія внезапныя и *жгучія* чувства *потрясали* его сердце!» (Тамъ же. Тяжба, стр. 19). *Жгучія* и *потрясали* — слова, несоответственныя одно другому; вмѣсто *потрясали*, приличнѣе было: *пожирали, сгибали*.

—«Я умѣю *сочинить* такого рода *занозу*». (Тамъ же, стран. 19). Какихъ-то нѣтъ диковинокъ въ пресловутомъ переводѣ *Тяжбы*, помѣщенномъ въ «Отечест. Запискахъ»! Тутъ есть не только *сочинители машинъ* (см. выше), но (о, неподражаемый языкъ!) даже *сочинители занозъ!!* гдѣ предѣль этой *сочинеманіи*? *Quousque...??*

—«Изъ *пьянаго* оцѣпнѣнія». (Тамъ же, стр. 76). Видно, и оцѣпнѣніе бываетъ *пьяно!*

—«*Пылкую*, краснорѣчивую, *импровизированную* рѣчь». (Тамъ же, стр. 76). Къ человѣку, характеру идетъ прилагательное *пылкій*, но рѣчь бываетъ *пламенная*.—Не импровизированную, а *импровизованную*.

«Чтобъ *убѣжать* отъ чего-то *гнетущаго* ее». (Современ. Августъ 1853. Наденька, стр. 144). Чтò *гнететь*, отъ того *освобождаютъ, облегчаютъ* себя, а не *убѣгаютъ*.

—«Многіе и въ Москвѣ не прочь бы были представиться искателями любезной, образованной, прекрасной собою дѣвушки, но помѣхою была расчетливость. Не разъ самая горячая, самая пылкая любовь къ Эленѣ *сжигалась* на жертвенникъ этого идола: а Елена ждала и надѣялась». (Тамъ же, стр. 145). Фразою: *самая пылкая любовь сжигалась на жертвенникъ этого идола*, авторъ хотѣлъ сказать, что любовь къ Эленѣ *гасла, уничтожалась*, а сказалъ совсѣмъ противное, именно, что любовь *курила Эленѣ олимпіады*. Да и *идола*, по разстановкѣ словъ, означаетъ *Элену*, а должно относиться къ *расчетливости*.

—«Эти дни (проводимыя въ ожиданіи неизбежнаго несчастія) оставляютъ по себѣ въ сердцѣ *свинцовую* память». (Тамъ же, стр. 159). Если, вмѣсто: тяжелое, горестное воспоминаніе, можно сказать: *свинцовая память*, то и противное тому, радостное, отрадное воспоминаніе позволительно бы назвать *золотою, алмазною* памятью.

—«Величайшій геній бываетъ несправедливымъ и *ложнымъ* въ своихъ заключеніяхъ о себѣ подобныхъ *личностяхъ*». (Тамъ же.

Литературный характеръ, стр. 185). *Ложнымъ* можетъ быть заключеніе, слухъ, но не человѣкъ; *человѣкъ ложный* значило бы: *человѣкъ поддѣльный*, наприм. кукла. Вмѣсто *ложнымъ* скажите: *неправымъ*; или: *можетъ ошибаться въ своихъ заключеніяхъ*.—Слово *личность* вошло въ большую моду; но, кажется, напрасно употребляютъ его безпрестанно вмѣсто *лицо, особа, человѣкъ*. *Личность* человѣка означаетъ собственно *природу, свойства* человѣка, отдѣльно взятаго, отличающія его отъ другихъ людей.

—«Складомъ лица, *образованнымъ*, такъ сказать, по другой мѣркѣ. (Тамъ же, стр. 185). *Образованнымъ* не по мѣркѣ, а по *формѣ*.

—«*Одареннаго* такою обширною начитанностію». (Тамъ же, стр. 197). *Одаренный* значить: надѣленный отъ природы; но, какъ извѣстно, начитанности никто не получаетъ отъ природы, а каждый долженъ *пріобрѣтать ее самъ*; следовательно, не *одаренный*, а *обладающій*.

—«Онъ *изошрляетъ* когти своего мщенія» (Тамъ же, стр. 198.) *Изошрляютъ* разумъ, способности; но когти *острятъ*.

—«Когда Колло д'Эрбуа, *вслѣдствіе* различныхъ переворотовъ, достигъ власти, то *чудовищное воображеніе овладѣло имъ*». (Тамъ же, стр. 199.) Не *чудовищное воображеніе овладѣло имъ*,—что вовсе не по-русски,—а *воображеніе его распалось до чудовищной степени*.—Скажемъ также, что *вслѣдствіе* (въ слѣдствіе) принадлежитъ нынѣ къ числу любимыхъ словечекъ, и получило большой ходъ въ изысканной литературѣ; между тѣмъ какъ оно въ ней вовсе неумѣстно, будучи исключительно словомъ судебнымъ, словомъ ученой или учебной части.

—«Описать неудачный *поворотъ* своихъ дѣлъ.» (Тамъ же, стр. 203.) У насъ говорятъ: *оборотъ*, а не поворотъ дѣлъ.

—«*Упадокъ* своего роскошнаго воображенія.» (Тамъ же, стр. 202.) Къ прилагательному *роскошный* ближе шло, вмѣсто *упадка, истощеніе*.

—«Женщинами *самаго низкаго* происхожденія и едва ли не *болѣе низкихъ* наклонностей.» (Тамъ же, стр. 203.) *Болѣе низкаго, чѣмъ самое низкое*, быть не можетъ; потому что сіе последнее составляетъ уже крайнюю степень низости.

—«Неудовлетворяемая желанія *навязываютъ* чувство робости, боязни.» (Тамъ же, стр. 220.) *Навязывается* что-нибудь пріятное, уладительное, а что есть подобнаго въ робости, боязни?

—«Литературное произведеніе, требующее наиболѣе дарованій и продолжительнѣйшихъ усилій, не устоитъ въ коммерческомъ смы-

слѣ противъ наскоро составленныхъ повѣстей и романовъ, къ которымъ вкусъ публики такъ пристрастенъ (.) и которыхъ она жаждетъ не *вслѣдствіе* естественной здоровой потребности, а *вслѣдствіе* распаленной жажды къ чтенію.» (Тамъ же, стр. 222.) Чтò такое: здоровая потребность, и потребность чего? Дважды повторенное: *вслѣдствіе* (въ слѣдствіе) весьма неблагозвучно, да и здѣсь хорошо бы замѣнилось словомъ: *по*.

—«Пріобрѣту имя! Было ли это пустая *похвала*». (Соврем. Авг. 1853. Мой Романъ, стр. 444.) *Похвала*! такъ ли? не *хвастовство* ли?

—«Это дерево давало *другую улыбку* *скучному* мѣстопробыванію молодыхъ людей». (Тамъ же, стр. 421). Какая изысканная, вычурная фраза! какой нерусскій оборотъ рвчи! Не во сто кратъ ли было бы проще, понятнѣе, болѣе въ духъ языка, вмѣсто: *давало другую улыбку*, сказать: *придавало веселый видъ*?—Притомъ, отъ слова: *другую*, фраза получаетъ странный смыслъ, а именно, что *скучное* мѣстопробываніе и прежде *улыбалось*, да все не такъ, какъ стало улыбаться отъ присутствія въ немъ дерева. *Скучное, а улыбалось!!!*

—«Одѣтые въ *свободные* казакины.» (Соврем. Авг. 1853. Переѣзды по Россіи, стр. 141.) Не въ *свободные*, а въ *просторные*.

—«Дашь ли ты честное слово *сохранить* отъ мистриссъ Ферфельдъ, отъ Эвенелей,—отъ всѣхъ рѣшительно,—тò, чтò я открою тебѣ.» (Современ. Августъ 1853. Мой Романъ, стр. 441.) Не *сохранить*, а *сохранить въ тайнѣ* отъ мистриссъ Ферфельдъ, и проч.

—«Слишкомъ-*длинный* взглядъ Николая Ильича.» (Отеч. Зап. Авг. 1853. Марья Ивановна, стр. 125). Взглядъ, какъ я уже не разъ говорилъ, есть дѣйствіе кратковременное, бѣглое, а не продолжительное; далѣе,—воззрѣніе измѣряется не протяженіемъ пройденнаго пространства, а теченіемъ времени; по этому, и къ приличному здѣсь слову: *взоръ*, шло бы прилагательное: *долгій*, а не *длинный*.

—«*Дѣлаетъ* пѣшкомъ такіе длинные концы.» (Тамъ же, стр. 127). *Дѣлать концы*, въ смыслѣ, здѣсь принятомъ, выраженіе неправильное, да оно и употребительно только въ просторѣчій. *Концы* никогда не значить: *пространство пути*. Просто бы сказать: *ходитъ пѣшкомъ такъ далеко*.

г. Неприличныя слова и выраженія.

—«Нетерпѣливаго *ѣрзанья* на своемъ мѣстѣ. (Тамъ же. Тяжба, стр. 233). Кто бы подумалъ, что *ѣрзанью*, этому слову, выражающему отвратительное скотское дѣйствіе, дадутъ мѣсто въ изящной литературѣ?

—«*Изъ ихъ носовъ вырвались* звуки худо-удержаннаго смѣха.» (Тамъ же, стр. 254). *Благородный* языкъ!!! Изумительный, какъ нынѣ пишутъ, *навоось!!!*

—«*Отмахивая* поклоны.» (Тамъ же, стр. 256). Прейззячно!

—«Что жъ ты, *бестія*, не убиралась съ дороги.» (Тамъ же, стр. 276). Говорить тутъ нечего, довольно выписать такую фразу; а подобными и еще болѣе, по выраженію автора *Марьи Ивановны* (см. выше), *халатными* (см. Іюль: стр. 227, 231, 232, 233, 241, 244, 255, 260, 266, 289, 290; Августъ: стр. 31, 32, 38, 45, 74, 84, 85, 94), измаранъ, какъ грязными пятнами, весь переводъ «*Тяжбы*». Дѣйствительно, тутъ *прачешная* (см. С.-П.-Бургс. Вѣдом. 1853, N 164, фѣлет., стр. 671) причина, чѣмъ судъ литератора.

д. *Нерусскія слова и выраженія, неправильные обороты рѣчи, разныя грамматическія ошибки.*

—«Довольно равнодушно *встрѣчались* имъ (вмѣсто: *встрѣчать* онъ) прежде и неудачи.»—«Замѣчанія эти, какъ понятно, *встрѣчались* или крайней холодностію, или ужъ чрезчуръ горячими возраженіями.» (Отеч. Зап. Іюль 1853. Марья Ивановна, стр. 6 и 34). *Встрѣчаться съ кѣмъ, кому*—прекрасно; но *встрѣчаться кѣмъ*—не по-русски.

—«Онъ былъ *понатертъ* и поумнѣе.» (Отеч. Зап. Авг. 1853. Смѣсь, стр. 130). Онъ тертый калачъ—хорошо; но онъ былъ *понатертъ* прочихъ—неупотребительно; онъ *болѣе потерся* между людьми, онъ былъ *опытнѣе* прочихъ—такъ.

—«Какъ ни хороша была шляпка, Марья Ивановна нашла въ ней два важные недостатка: первый, что она синяя, а не голубая, второй, что на ней нѣтъ цвѣтовъ; впрочемъ, какъ только Марья Ивановна надѣла ее, завязала ленты и взглянула на себя въ зеркало, *недовольство* ея мигомъ прошло.» (Отеч. Зап. Іюль. 1853. Марья Ивановна, стр. 12). Существительное *довольство* есть, но слова *недовольство* нѣтъ; да если бы и вводить его, то надлежало бы придать ему не тотъ смыслъ, въ которомъ оно употреблено здѣсь авторомъ; *недовольство*, какъ противоположность *довольства*, должно бы значить: *скудость въ удобствахъ жизни*.

—«Способности для хозяйственной части.» (Тамъ же, стр. 13). Способность—къ чему.

—«Онъ живо почувствовалъ всю *скуку* и *тоску* своего одиночества.» (Тамъ же, стр. 19). *Скука* одиночества—хорошо; но *тоска* одиночества—не говорится; *тоска* въ одиночествѣ—было бы пра-

вильно. Притомъ, *скука* и *тоска* весьма близко сходятся между собою въ своемъ смыслѣ.

— «*Главнымъ образомъ.*» (Тамъ же, стр. 25). Говорится не *главнымъ образомъ*, а *главное*.

— «*У меня нѣтъ ужъ шага назадъ*, но въ то же время нѣтъ возможности шагнуть и впередъ.» (Тамъ же, стр. 47). *У меня нѣтъ ужъ шага назадъ*—не по-русски; *я не могу уже ступить назадъ ни шага*—было бы яснѣе и правильнѣе.

— «Марья Ивановна была *неузнаваема* въ новой прическѣ.» (Тамъ же, стр. 48). — «Татьяна Алексѣевна была уже *неузнаваема*». (Соврем. Авг. 1853, Наденька, стр. 114). Какъ это: *неузнаваема* дѣлаетъ фразы тяжелыми, изысканными! Чтѣ бы сказать просто: Марью Ивановну, Татьяну Алексѣевну, *нельзя было узнать*?

— «Черные волосы *пробивала* уже сѣдина.» (Отеч. Зап. Июль 1853, Марья Ивановна, стр. 56). Нѣтъ, у насъ говорятъ: сквозь черные волосы *пробивалась* уже сѣдина; *пробивать* значитъ *проламывать*, а *пробиваться*—*проходить, проглядывать*.

— «*Письмо* дочери *разсказываетъ* ей.» (Тамъ же, стр. 58). И это не по-русски; не *письмо разсказываетъ*, а *дочь разсказываетъ въ письмѣ*.

— «Чтѣ касается до *злословія*, до *оскорбленной личности* въ литературныхъ статьяхъ, онъ могъ бы послужить примѣромъ всемъ критикамъ». (Соврем. Авг. 1853. Мой романъ, стр. 462). Тутъ сказано противное тому, чтѣ было въ мысли. Мысль была та, что онъ могъ бы послужить критикамъ примѣромъ въ *избѣжаніи всякаго злословія, всякаго оскорбленія личности*, а мы читаемъ: въ немъ была величайшая страсть *злословить и оскорблять личность*.

— «*Погрузитесь еще глубже въ литературнаго нищаго*». (Тамъ же, стр. 430). Чтѣ это за фраза? неужели она должна значить: *Обирайте еще болѣе чужія литературныя произведенія*? Но чтѣ бы она ни значила, а врядъ кому придетъ въ голову *погрузаться въ нищаго*.

— «Дайте мнѣ сначала *увидѣть* его, что онъ опезпеченъ и счастливъ.» (Тамъ же, стр. 433). Неправильное словосочиненіе; по грамматикѣ слѣдуетъ, или: *увидѣть его обезпеченнымъ и счастливымъ*; или: *увидѣть, что онъ обезпеченъ и счастливъ*.

— «*Украшалъ и приводилъ въ порядокъ свои грубые и разнообразныя матеріалы въ музыку*.» (Тамъ же, стр. 438). По-моему, это наборъ словъ, не имѣющій смысла.

— «Онъ видѣлъ въ немъ *гордаго, отважнаго, убитаго духомъ*

человѣка.» (Тамъ же, стр. 438). Какъ человѣкъ можетъ быть, въ одно и то же время, *гордъ, отваженъ, и убитъ духомъ*—это непостижимо.

— «Мистеръ Кверкъ и мистеръ Снапъ *ободряютъ его расположеніе* притѣснять васъ.» (Отеч. Зап. Іюль 1853. Тяжба, стр. 214). Ободряютъ людей, а не *расположеніе*; надо было сказать: *побуждаютъ его еще болѣе притѣснять васъ*.

— «Искъ кредитора *противъ* должника.» (Тамъ же, стр. 225). Искъ *на* комъ, а не *противъ* кого.

— «Притѣсняютъ человѣка *въ* такихъ обстоятельствахъ, какъ вы.» (Тамъ же, стр. 213). Обстоятельства не люди; а потому надо сказать не *какъ* вы, а *въ* какихъ *находитесь* вы.

— «Около того времени, о которомъ я пишу, былъ *почти одинъ въ своей славѣ*». (Тамъ же, стр. 236). *Былъ почти одинъ въ своей славѣ*—что это за выраженіе? Да *въ* своей славѣ каждый не почти одинъ, а совершенно одинъ. Развѣ: *пользовался только одинъ такою огромною славой?*

— «Невозможно было устоять *противъ* такихъ вещей». (Тамъ же, стр. 237). Ну ужъ эти *вещи!* Чего ужъ не сдѣлаютъ наши писатели *вещами!* Но такъ-какъ я говорилъ объ этомъ въ моихъ «Памятныхъ Листкахъ», то здѣсь прибавлю только, что, *вмѣсто: противъ* такихъ вещей, должно было сказать: *противъ* такихъ *доказательствъ, причинъ, или что-нибудь подобное*.

— «Поставить своего угнетеннаго и обиженнаго родственника *на* то возвышенное положеніе въ свѣтъ, которое онъ долженъ былъ всегда занимать». (Тамъ же, стр. 238). По-русски говорится или: *поставить въ* то возвышенное положеніе; или: *поставить на то возвышенное мѣсто*.

— «Наденька *сдѣлаетъ хорошую партію*». (Соврем. Авг. 1853. Наденька, стр. 122). *Сдѣлать партію*, въ смыслѣ: выйти замужъ—галлицизмъ.

— «Съ ней (леди Сесиліей) происходило нѣчто въ родъ того, какъ *будто* поверхность Мертваго моря *взволнована была вдругъ свѣжимъ вѣтромъ*». (Отеч. Зап. Іюль 1853. Тяжба, стр. 239). По этому обороту рвчи подумаешь, что леди Сесилія была сама Мертвое море; притомъ *для* *взволнованья моря, свѣжиго вѣтра* слишкомъ недостаточно, а нуженъ *сильный, порывистый, бурный вѣтеръ*. А какъ легко было выразить все это порядочно! наприкладъ, хоть такъ: съ нею происходило нѣчто въ родъ того, *что бываетъ съ Мертвымъ моремъ, когда поверхность его взволнуется вдругъ бурнымъ вѣтромъ*.

— «Лордъ Дреддингтонъ былъ такъ *вознесенъ* вниманіемъ, которое онъ возбуждалъ, что все, что онъ только ни видѣлъ, относилъ къ собственному почтенію и удивленію». (Тамъ же, стр. 242). Извольте разбирать, что значить *относиль къ собственному почтенію и удивленію!* Для объясненія такихъ фразъ нужны особыя толкованія. Конечно, можно догадываться, что хотѣлъ сказать переводчикъ; но ужъ какой тотъ писатель, у котораго надо доискиваться смысла, какъ говорится, *днемъ съ огнемъ*? Еще-таки можно, и то при большой снисходительности, допустить это, въ нѣкоторой степени, въ глубокомысленно-ученыхъ статьяхъ; но простительна ли такая неясность въ произведеніяхъ легкой литературы, гдѣ главное: ясность, простота, легкость, плавность языка? Мы полагаемъ, впрочемъ, что переводчикъ хотѣлъ передать слѣдующую мысль: «Лордъ Дреддингтонъ такъ возгордился (а не напыщенное: *былъ вознесенъ*) всеобщимъ къ нему вниманіемъ, что все, видѣнное имъ (а не: *что все, что*), онъ принималъ за выраженіе почтенія къ его особѣ и удивленія ему.

— «Титмаузъ *сдѣлалъ* требуемое отъ него *извиненіе*». (Тамъ же, стр. 252). *Сдѣлать извиненіе*—faire des excuses — рѣшительно галлицизмъ; по-русски: *просить извиненія, принести извиненіе, извиниться*.

— «Дружески-расположенныхъ особъ». (Тамъ же, стр. 258). А къ кому?

— «Акомпанируя себя». (Тамъ же, стр. 259). Акомпанировать не себя, а себя.

— «Стараясь *развѣдать*». (Тамъ же). Что?

— «*Вся ихъ единственная* бутылка шампанскаго, *едва*—откупоренная, была уже выпита.» (Тамъ же). *Вся ихъ единственная*—какъ не плавно, да и *едва* значить *чуть-чуть*, а здѣсь надо было сказать: *едва-только*. — Скажите: единственная ихъ бутылка шампанскаго, едва-только-откупоренная, была уже вся выпита».

— «*Охотникъ за грибами*.» (Тамъ же, стр. 269). Говорятъ: охотникъ за дичью, за звѣрями, но переводчику «Тяжбы» вздумалось первому собирателя грибовъ назвать *охотникомъ за грибами*. Охотнику нужны: оружіе, знанія, разные приемы, отважность, иногда борьба съ непріателемъ; а на что все это человѣку, который собираетъ грибы.

— «Онъ *проводилъ* время по утрамъ, *начитываясь*, и т. д. (Тамъ же, стр. 270). Проводить время—въ чемъ.

— «Безнамеренный комплименты». (Тамъ же, стр. 271. Это что не ладится, во-первыхъ, потому, что сказавшій этотъ комплиментъ

былъ искусный льстецъ, и всѣ комплименты говорилъ съ *намыреніемъ*; во-вторыхъ, по той причинѣ, что слова: *безнамыренный* нѣтъ въ русскомъ языкѣ, да оно и не нужно: есть *неумышленный*.

— «Таковъ-то былъ мистеръ Тэотъ, большой другъ и поклонникъ «маркиза», вліянію котораго онъ былъ *обязанъ за приглашеніе*, полученное отъ Титмауза, *въ силу котораго приглашенія*, онъ теперь одѣвался въ очень маленькой комнаткѣ». (Тамъ же, стр. 273). Что за слогъ: *обязанъ за приглашеніе*, вмѣсто *обязанъ приглашеніемъ*, *приглашеніе—въ силу котораго приглашенія!* — Замѣтимъ, во-первыхъ: повтореніе одного и того же существительнаго имени *единственно* для указанія, что именно къ нему относится мѣстоименіе, или вообще, когда повтореніе это не придаетъ силы, или изящества фразѣ,—есть несомнѣнный признакъ неумѣнья дать надлежащій оборотъ рѣчи; во-вторыхъ, идетъ ли въ легкомъ разсказѣ судебное слово: *въ силу*. А трудно ли было выразиться хорошо, напримѣръ, такъ: по вліянію котораго онъ получилъ отъ Титмауза приглашеніе, и, чтобы воспользоваться имъ, одѣвался теперь въ очень маленькой комнаткѣ.

— «Онъ довольно-радъ былъ видѣть совершенное и неожиданное пораженіе бѣдлага Тэота, котораго онъ, не смотря на *короткія отношенія*, отъ всей души презиралъ. (Тамъ же, стр. 276). Отношенія—*чи и съ кѣмъ?*

— «Участіе, полнѣйшее, нежели когда-нибудь.» (Тамъ же). *Полнѣйшее*—не употребительно.

— «*Мракъ* замѣтно *отуманилъ* его лицо.» (Тамъ же, стр. 293). Было бы короче и, въ метафорическомъ отношеніи, правильнѣе: «Лицо его замѣтно *отуманилось*, или *омрачилось*. *Мракъ* не *туманитъ*, т.-е., не слегка подергиваетъ мглою, а *потемняетъ*, т.-е., придаетъ мертвенный цвѣтъ.

— «Предстоящій очеркъ *посвященъ Дмитрію*, сыну Антигова.» (Отеч. Зап. Іюль 1853. Дмитрій Полиоркетъ, стр. 1). Очеркъ *посвященъ Дмитрію*--двусмысленность, или даже и вовсе не то, что хотѣлъ сказать авторъ: «*Посвященъ Дмитрію* — значить: *поднесенъ* ему, а мысль была та, что въ очеркѣ *изображенъ Дмитрій*; надо было сказать: *посвященъ изображенію Дмитрія*.

— «*Плодомъ* похода была Мелена и нѣсколько городовъ Пелопоннеза». (Тамъ же, стран. 28). Это значить: Мелена и другіе города обязаны были происхожденіемъ своимъ походу; должно было сказать, что плодомъ похода было *пріобрѣтеніе* Мелены и другихъ городовъ.

— «Наемники, главная основа тогдашняго войска, хозяйничали вездѣ какъ въ *непріятельской землѣ*». (Тамъ же, стр. 11). Нѣтъ, въ непріятельской землѣ не дадутъ много хозяйничать; развѣ въ *забыванной непріятельской землѣ*?

— «*Пора была* и народамъ отдохнуть». (Тамъ же, стр. 27). Здѣсь *пора* не существительное имя, а нарѣчіе; слѣдовательно: *пора было*, а не *была*.

— «*Ежели* въ одномъ мѣстѣ онъ торжествовалъ, *за то*, и т. д. (Тамъ же, стр. 30). *Ежели* требуетъ послѣ себя *то*, а не *за то*.

— «*Слѣдить далѣе*». (Отеч. Зап. Іюль 1853. Джонъ Ло, стр. 14). *Далѣе* лишнее; *слѣдить* иначе нельзя, какъ *далѣе*.

— «*Сдѣлать блестящую карьеру*». (Соврем. Авг. 1853. Литерат. Характеръ, стр. 21). Галлицизмъ.

— «Первый *зимній* снѣгъ не молодыхъ лѣтъ». (Отеч. Зап. Авг. 1853. Смѣсь, стр. 100). *Зимній* лишнее; при томъ, снѣгъ этотъ выпадаетъ иногда и осенью.

— «Раздумывая *въ эти обстоятельства*». (Тамъ же. Тяжба, стр. 2). Раздумывать—не *что*, а *о чемъ*.

— «Кѣтъ писала ему не разъ, стараясь отговорить его отъ *сватовства*». (Тамъ же, стр. 3). Темно: сватовство—*за кого?* кѣ: *сватовства*—прибавьте: *за нее*.

— «Съ мыслями о денежныхъ затрудненіяхъ *въ головѣ*». (Тамъ же, стр. 11). *Въ головѣ* лишнее.

— «*Сочиненіе* этой вещи (письма). (Тамъ же, стр. 21). *Сочинять вещь*!!!

— «Объ онъ сидѣли, съ безпокойствомъ и напряженнымъ любопытствомъ *оборотивъ* лица къ дверямъ». (Тамъ же, стр. 26). У каждой было по одному только лицу; слѣдовательно: *оборотась лицомъ*.

— «Переписку *братниковаго* сочиненія». (Тамъ же, стр. 29). Прилагательное: не *братниновый*, а *братнинъ*; слѣдовательно: *братнина*.

— «Вскинется *противъ* насъ». (Тамъ же, стр. 33). Не *противъ*, а *на насъ*.

— «*Большое* множество». (Тамъ же, стр. 61 и 79). Множество не бываетъ *малое*.

— «Геній есть не что иное, какъ великія врожденныя силы, *направленныя случайно*». (Тамъ же, стр. 81). Совсе непонятно: что такое способности, *направленныя случайно*? Куда и какъ *направленныя*?

— «Бѣдетъ, *избочась* на дрожкахъ». (Соврем. Авг. 1853, стр. 99). Не *избочась*, а *избоченясь*, отъ *избочениться*.

— «Темная ночь *сходитъ надъ городомъ*». (Тамъ же, стр. 100). Ночь сходитъ не только *надъ городомъ*, а и *на городъ*.

— «Черепковъ умеръ *ударомъ*». (Тамъ же, стран. 115). Умираютъ *отъ удара*.

— «Молодая *озимь*». (Тамъ же, стр. 128). *Озимь* не имѣетъ множественнаго числа.

— «Этой олицетворенной оппозиціи *противъ* всего». (Тамъ же, стр. 147). Оппозиція—не *противъ* чего, а *чему*.

— «*Чистосердечіе* и *откровенность*». (Тамъ же стр. 148). Эти слова синонимы, а потому не должны быть употребляемы вмѣстѣ. А вотъ чѣмъ они различаются между собою. Откровенность (*franchise*)—*въ характеръ*; чистосердечіе (*sincérité*)—*въ чувствованіи*.

— «Это не только *справедливо для людей* образованныхъ, живущихъ въ благоустроенныхъ обществахъ, но даже и въ отношеніи дикихъ сыновъ природы». (Тамъ же. Библиографія, стр. 33). Это справедливо *для людей* образованныхъ, значить, что образованные люди *считаютъ* это справедливымъ, а надо было выразить, что это *слѣдуетъ сказать не только о людяхъ образованныхъ, но...* и т. д.

в. Неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ; употребленіе излишнихъ прилагательныхъ: принятіе однозначительныхъ словъ за разныя.

— «Не долженъ ли былъ этотъ *счастливый* молодой человекъ чувствовать себя совершенно довольнымъ и *счастливымъ*? (Отч. Зап. Іюль 1853. Марья Ивановна, стр. 283). Воистину такъ! *кто счастливъ, тотъ счастливъ!*

— «*Увидѣвъ таинственный видъ*». (Тамъ же. Тяжба, стр. 256). Увидѣть *видъ*—изящно.

— «*Напрягла* бы мускулы своего тѣла до высшей степени *напряженія*». (Тамъ же, стр. 274). *Напрягла до напряженія!* Чтò жъ, и это не худо!

— «Еще жили *старые ветераны*». (От. Зап. Іюль. 1853. Дмитр. Поліоркетъ, стр. 31). *Ветеранъ* ужъ и значить: *старый воинъ*.

— «Правильнымъ упражненіемъ *мускуловъ* и *мышцъ*». (Соврем. Авг. 1853. Библиограф., стр. 34). Смѣшно не знать, что *мускулы* и *мышцы* одно и то же.

— «Призрачное видѣніе». (Тамъ же. Литературный характеръ, стр. 198). *Призракъ* и *видѣніе* одно и то же, а потому, *призрачное видѣніе* не лучше, чѣмъ *призрачный призракъ*.

ж. Странныя мысли.

— «Жаль было бы (мужу жену) огорчить *хорошенькую* Марью Ивановну». (Отеч. Зап. Июль 1853. Марья Ивановна, стр. 7). Видите ли: мужу жаль огорчить свою жену только потому, что она *хорошенькая*, — а лучше ее обмануть.

— «Въ этой *короткой* жизни, среди этого *скуднаго* міра, главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ произвести ощущение — *что за дѣло, какъ?* (Гамъ же. Тяжба, стр. 242). Это говоритъ авторъ, Самюэль Варренъ, отъ своего лица -- Нтъ, г. Варренъ, для благоразумнаго чловѣка и добраго христіанина, жизнь *не коротка*, міръ *не скученъ*, и есть такіе способы производить ощущение, къ которымъ подобный чловѣкъ не прибѣгнетъ никогда.

— «Извозчики существуютъ во всѣхъ городахъ, гдѣ только *предполагается какое-нибудь пространство*». (С.-Петербургскія Вѣдом. 1853, N 182, Фельет., стр. 743). Неужели есть города, вовсе не имѣющіе пространства?

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Царское село.
7-го сентября, 1853.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ (*)

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: «кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсы!» Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ Уступомъ, по прежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь Уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово «дремучая» да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало, потому что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь шести или семи верстъ, и дремлетъ въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсническому, да старику-дровосѣку.

(*) Г. П. Данилевскій, молодой петербургскій литераторъ, известный публикѣ похвальной своею дѣятельностію, приготовилъ къ печати. Сборникъ малороссійскихъ повѣстей, подъ заглавіемъ: Слобожане. Вотъ его содержаніе: 1) Степной городокъ, 2) Слободка, 3) Маларь, 4) Изюмскія вечериницы, 5) Хуторянка, 6) Пельтетепискіе павки, 7) Дѣдушкинъ домикъ. Авторъ избираетъ въ этихъ разсказахъ мѣста, лица и событія изъ той части современной Малороссіи, которая при Алексѣ Мпхайловичѣ, въ видѣ отдѣльных полковъ, образовалась въ сторонѣ отъ Гетманщины, и продолжаетъ донынѣ существовать въ своей оригинальной картинности.

Нѣтъ въ Теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни росомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. За то въ неисчислимомъ множествѣ прыгають въ его чащѣ приземистыя, краснобурныя лисицы; за то всѣ дубки и орѣшники его усыяны бѣлками; за то волки въ немъ какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ хуторѣ Панковѣ какому-то косолапому сѣрку: за то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату — и чью бы вы думали? самого атамана, Колодажнаго-Передеря, онъ же и Хрѣновъ-Бурякъ, — отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ рѣзковѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣрку! Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими, потому что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ Уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безымянное озеро, просачиваясь изъ безымяннаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками.

На низменной просѣкѣ Черточешенскаго Уступа, на гребнѣ зеленого косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ.

Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плѣсами, по которымъ, едва пробѣжить втѣрь, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистныхъ кустарниковъ, хорошъ особенно лѣтомъ! Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмѣлемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабымъ неводомъ. Чемерка, зинзиверъ, козій-листикъ и заячья капуста, былина и рясло-головая кѣльбабка, волошки и сочныя козѣлки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козѣлки всѣхъ родовъ и свойствъ: и бѣлоголовый, дрябчатый смовдь, и сизый молочай, и голубая колючка, и рогозъ-горобинецъ и свистунъ, и наконецъ сладкіе шпинчаки; чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетѣть птицъ, и запоетъ, застонетъ кудравый лѣсъ! По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и бархатистая поверхность усыивается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись непонятными словами! Каждый кустъ, каждая

вѣтка, одѣты своею благоуханною атмосферою! А носатый дѣгарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ; или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика, и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмѣля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносится надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатая жукалка и трепетныя, сумеречныя бабочки! Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потопомъ цвѣтущія некоси! Трепчутъ и сохнутъ, отнесенный весеннею водою, буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробіраются обливныя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба! Вотъ она идетъ и подступаетъ.... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только что мелькнули желтопурпурныя пятна, и туманъ свисалъ и плыветъ надъ болотомъ, — въ недосягаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки, точно торжественный, таинственный благовѣсть раздается подъ небесами и падаетъ на землю! И вотъ, все слышнѣе и слышнѣе, все ближе и ближе, на лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ! Черканье болотныхъ веретенниковъ, сонное курруканье горлинокъ, дальніе крики гусей, точно звуки плывущихъ подъ облаками волторнъ, тилляканье пестрыхъ чернышей, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, летающій откуда-то чуть слышимый бой перепела, трескъ куличка, и печальныя перезваниванья иволги, — сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но, и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликать разбѣжавшихся и разлѣтѣвшихся дѣтей, когда въ травѣ не шныряютъ уморительныя куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плеса на плесо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багрянцѣ вѣзовъ и сквозящаго лапчатаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки, — и въ тихое осеннее время, Теплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго! Погонимъ, какъ тѣнь, скользнуть по темной ползучей шмарѣ; неугомонный дѣтель долбитъ и вѣется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами, береста, и звучно падаетъ въ пустышную тиши

изсохшій листь, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!

Дѣдушка былъ не промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ щетина у ежа. Бревна его истерчены гіероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него; онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка куетъ проволоочные крючки для своихъ удочекъ. За то, въ теплую погоду, отъ весны до весны, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и рапши. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тиликаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ! А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ! Зеленый картузь, съ гигантскимъ, овально продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головы! И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, калируя и подпиливая засохшіе сучки! И весело дѣдушка посматриваетъ съ зеленого косогора!... Тишина въ старомъ домикѣ невозмутима! Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно-бурное лѣто, птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ мочкахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей, и, съ новорожденною семьею, снова улетѣла изъ спальни.... Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: «Прійдетъ время, и онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою, своею собственною» птичкою!» Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности!—Черточешенскій Уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенка, у котораго щеки походили на спѣлые яблоки, а голова—на репейникъ, и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы, съ новонизобретенными хлопущками и незатянувшимся снѣжкомъ подъ глазомъ, и офицеромъ, въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки. владѣтельница пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвческаго смѣха, и нѣсколькихъ десятнѣхъ зеленыхъ грунтовыхъ садиновъ;—не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ!

Но что же это за дѣдушка?—Каково его начало и происхож-

деніе?—Исторія дядушки есть исторія его домика, и потому расскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И во-первыхъ, исторія древняя.

Съ давнихъ давень и старинной старины, территория Теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дядушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ земли, десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нови, по которой рыскала татарва, жили въ высокоомъ, просторномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколъ окружалъ домъ; на столбъ, среди двора, качался сторожевой колоколъ и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выезжая далѣе сосѣдняго повѣтоваго города. Въ темныя осеннія ночи, когда волки были за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ, останавливался путникъ, колоколъ звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый, сторожевой медвѣжонокъ.—Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкою, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшенной и разставленной утвари! Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный станъ не перетягивался рюмочкой, и густыя брови были какъ на шнурочкѣ! Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, и о далекихъ штурмахъ и бояхъ! Говорилъ гость, и долго по его отъѣздѣ чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу—битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая сладкая рѣчь гостя, котораго наконецъ догонила, вдали отъ нихъ, въ чужемъ краю вражья пуля! Тихо старѣлся и разрушался величественный, дубовый замокъ предковъ! Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ *ура* и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрывали на шумные заздравныя тосты.

Когда дядушка принялъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разные забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не спасли дядушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дядушка скинулъ сапорогъ, ска-

залъ: «Ну, что-же? не взяла!»—подумалъ, подумалъ, и сломалъ свой старый, большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ, изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, при чемъ владѣлецъ самъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникъ, въ куренъ старой пастки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу торною обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и игольчатыми фронтонами на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но, въ одну безснѣжную зиму, пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшение печальныхъ обстоятельствъ рушились! Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянской бешметъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у фотника, надѣлъ мерлушковый халатъ, и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пепелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ свию мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго предъ крыльцомъ стараго большаго дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену, и, по тогдашней польской модѣ, торжественно подцѣловалъ ее, передъ толпою собравшейся челяди.—Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро....

Въ древней исторіи домика есть еще одинъ, довольно замѣчательный эпизодъ, именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма.

Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣжило его жизнь,—задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго Уступа, какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерезали, глубокою водомоиною плотину, подъ холмомъ. Дѣдушка очутился въ зѣсѣдѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Однакожъ онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удоб-

ныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый разъ высокій вязъ, рѣсшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня, и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ и рухнулъ, но вмѣсто того чтобы упасть на ту сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край проваля, и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, калируя какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузь съ утинымъ козырькомъ, и замѣтилъ: «Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадью кидается?»—А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ проваля, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: «Чтобъ было и воловъ привязать!» Это событіе далеко обошло словоохотливый околодокъ.—Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который, весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатые вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало также легко, какъ брать приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточенного-кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкина козырька и халата, на всегда осталось за нимъ.

Теперь *средняя исторія* дѣдушкина домика.

Средняя исторія дѣдушкина домика обнимаетъ только одно важное событіе, именно, смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣжить его жизнь....

Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣтоваго комиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невестою на богомолье, въ сосѣднюю златоверхую пустынь. Дорѣгою неописанное горе постигло его! Простудившись подъ грозою, невеста его заболѣла и умерла, въ виду златоверхой пустыни. Дѣдушка похоронилъ ее на тихомъ погостѣ степнаго хутора, похоронилъ и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невесты, вернулся одинъ съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который съ пѣнковою трубкою стоялъ впереди всѣхъ, и подавая ему икону, сказалъ: «Вотъ теперь моя невеста!» сказалъ и вошелъ въ домикъ. И тогда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять уви-

дѣди его холостякомъ и сиротою, и вспомнилъ дѣдушка овсянку, голось его задрожалъ, но онъ пересилилъ себя и только замѣтилъ: «Ну что же? опять не взяла!» Храбрость его, впрочемъ, была притворная. Безъ гостей онъ легъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже съ той поры онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастіи и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навсегда остался холостякомъ. Никогда не заводилъ онъ съ той поры рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись, и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ, такъ что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зелено-листой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «*Покойся, моя бѣдная!*» и внизу: «*Боже! не отринь ее отъ лица Твоего.*» Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка! Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходить къ озеру, садится на берегу на обломокъ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду! Смотритъ и дожидается, пока колыхнется поплавокъ. Вода недвижима, и небо, какъ раскаленная по краямъ лхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Чтó же это рыба такъ лѣнливо ловится? Чтó же это она не играетъ и не плещется? Но, вотъ, стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно!... Дѣдушка смотритъ, дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, яснѣетъ. — Темные волосы змѣются вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины.... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, съ желтымъ воротникомъ! А вотъ и еще какое-то лицо выпло и колышется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!... Чтó жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской. — ты вспомнилъ свѣтлое, старое время! О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца! Спать твоя красавица въ могилѣ, спать въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спать, и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою! — Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна расходится кругами, и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ! — «Чтó это съ вами, баринъ?» — спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ. — «Э! врагъ бы забралъ

ту канальскую рыбу!» отвѣтъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лице свое: «всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку ни на лысаго дѣда».

Теперь, читатель, *новѣйшая исторія дядушкина домика...*

Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать объ ней?—Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое крыльцо и любитъ видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма? Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка любить свое зеленоводное болото и сладко вѣрить въ его постоянство и красоту? Не говорите старику о другихъ мѣстахъ и событіяхъ; не говорите ему о счастьи свѣта, за чертою его лѣснаго уголка! Не указывайте ему синѣющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра видной съ вершины косогора, дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни! Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется! Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ! есть у него другаго рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ! Что за пѣсни, что за звуки!

Чуть заря и день преклонился къ закату, зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ! Въ высокомъ бастыльникѣ, то тамъ, то сямъ, начинаютъ позвякивать отдѣльные голоса, позвякивать въ-разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ школьниковъ! Имъ, робко и также въ-разладъ, вторять колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ! Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье миліоновъ лягушекъ встало и поднялось въ болотъ, и окрестность потонула въ моръ вечерней музыки, до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до самаго разсвѣта!

Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленого болота, дѣдушка еще создалъ особенный міръ друзей! У него, подъ стать болоту, былъ, напримѣръ, недавно фаворитъ—пѣтухъ.... Иногда, рано по-утру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, преклонится черезъ заборъ садика, противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырываться изъ за лѣса, протягивая лучи къ бѣлой махровой маковницѣ, и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро! Онъ кричитъ и прислушивается,—кричитъ

до того, что наконецъ охрипнеть и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотреть въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнулъ?—Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ, слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, трясая головою и повторяя:—«Эка, бѣсъ-птица, какъ кричить! совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричить что-нибудь другое!»—Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. — У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то блѣокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. — Но мальчикъ ужился не долго. — Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника! Едва разожить онъ огонь и сѣсть у печки, едва подниметъ голову: три ряда фамилныхъ портретовъ, три ряда темныхъ, уже и смотреть на него во всѣ глаза! Въ первый разъ, отъ непреодолимаго ужаса истопникъ убѣжалъ домой и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ догадался, и раскаленною кочергою выжегъ глаза всѣмъ тѣтенкамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки! Нечего говорить о томъ, съ какимъ триумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки!

И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается! Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожеваго колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣженка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. За то въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа, и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба,—подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки.

Всѣ тутъ собираются, въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнату! Въ вечернемъ подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ рассказчика тихо раздается въ комнату! Кто же рассказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружокъ слушателей?—Рассказываетъ дѣдушка.

Но, вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло. Слуга, сверстникъ дѣдушки, опять таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вносить свѣчу, и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей.

И, когда свѣча, потрескивая и лѣтливо вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаютъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные усы юнкера, дядушкина крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дядушкиной внучки, склоненной надъ гаруснымъ вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печати, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ рассказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при разсказахъ дядушки, маленькихъ личекъ! Тутъ же, рядомъ, захваченное полосой свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотой перстень! И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются разсказы дядушки! Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолебѣнія, громко расхохотутся, да упадутъ съ толка на столъ сѣмечки и чиликнетъ проснувшаяся въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра!

Исторія дядушки не задолго передъ этимъ кончилась.

Дядушка умеръ....

Случилось это очень просто.—За какой-то долгишко, ключекъ земли, занимаемый болотомъ, былъ проданъ. Дядушка не унывалъ. «Ну, думалъ онъ себѣ: хоть болото теперь и не мое, а все-таки его видно, и оно точно какъ будто мое болото!» Дѣло, однако, вышло иначе.—Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то нововизобрѣтенною, нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ болото, въ постоянство и красоту котораго дядушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота! Дядушка было по прежнему сталъ храбриться и произнесъ: «Ну, что-же? опять не взяла!»—но рѣшительно не перенесъ своей потери! Точно что оборвалось у его сердца! Иногда, правда, онъ еще забывался и выходилъ, по-прежнему, на крыльце, съ намѣреніемъ взглянуть на водное зеркало въ рамѣ камышей, разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыки, музыки птицъ и лягушекъ, наполнявшей цвѣтущее, зеленое болото.... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лице руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки!—

Тихо тосковалъ и угасалъ двдушка, слушая, какъ, порою, залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вышуча смерть! Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но наконецъ махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда двдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подростшихъ яблонь, тихо покинулъ землю.

Въ околodкѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ Теплинскій лѣсъ пройдетъ предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ Южному морю желѣзная дорога. Если это справедливо, то грустно думать, что тамъ, гдѣ еще недавно былъ маленькій лѣсной домикъ, и жилъ двдушка, лягутъ желѣзные длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрее мысли, и сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ, добромъ старикѣ.

Г. ДАНКОВСКІЙ.

7 сентября, 1853 года.

ОЗНАМЕНТЪ. Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій И. Т. Кокорева, начатое печатаніемъ еще при жизни его. Кромѣ прозведеній, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ него войдутъ не напечатанные еще отрывки и планы повѣстей и очерковъ, найденные въ бумагахъ покойнаго послѣ его смерти.

Обращаюсь съ убѣдительною просьбою ко всемъ, знавшимъ Ивана Тимоѣевича, доставить мнѣ, или обнародовать печатно, свѣдѣнія о немъ, которыми я могъ бы пополнить составленную мною по оставшимся бумагамъ, отрывкамъ «дневника» и рассказамъ родныхъ поучительную біографію покойника, которая напечатается въ Москвитинѣ въ будущемъ году. Въ рукописяхъ свѣдѣнія доставить мнѣ можно черезъ редакцію Москвитянина.

Редакція проситъ также сообщить ей портретъ покойника, написанный при жизни его и оставшійся у живописца.

Въ первыхъ числахъ сентября, вслѣдъ за сыномъ, скончался родитель Ивана Тимоѣевича, Тимоѣей Григорьевичъ Кокоревъ. Теперь изъ родныхъ автора «Саввушки» остались мать и два брата.

В. ДИМИТІЕВЪ.

Печатать позволяется. Москва. Ноября 9 дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, Степановой и В. Готьѣ.

С Н Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

Н А Р А.

I.

— Такъ тдемъ ?

— Да, помилуйте, вы соскучитесь. Вы никогда на охотѣ не бывали, а я пробуду въ Нарѣ дня три.

— Чтѣ вамъ за дѣло ? Соскучусь — бѣда не ваша. У меня все есть, — ружье себѣ досталъ отличное, а на первый разъ можно и безъ собаки.

— Ну, какъ хотите.

Такъ говорили межъ собой двое молодыхъ людей, гуляя въ прекрасный осенній вечеръ по Тверскому бульвару.

Иванъ Алексѣевичъ Куликовъ, собиравшійся въ первый разъ на охоту, былъ лѣтъ двадцати-пяти отъ роду, очень неглупый, образованный и добрый малый, жившій, какъ говорится, въ свое удовольствіе. Лишняя копейка не залеживалась у него въ карманѣ, она сейчасъ же употреблялась на что-нибудь пріятное для хозяина, а подобныя употребленія отыскиваются въ столицѣ безъ труда. — Познакомившись съ Петромъ Ивановичемъ Бываловымъ и наслушавшись отъ него объ удовольствіяхъ охоты, Куликовъ захотѣлъ непременно испытать и это развлеченіе.

О Петрѣ Ивановичѣ не буду распространяться, скажу только, что онъ былъ годами двумя старше Куликова, и былъ охотникъ въ душѣ. По-моему, въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи соединено такъ много хорошихъ сторонъ, что ихъ достаточно человѣку, чтобы выдаться изъ толпы. Можетъ быть, это и пристрастіе, но оно не чуждо убѣжденія. Въ охотникѣ истинномъ видимъ мы любовь къ природѣ, ко всѣмъ не-

выразимымъ ея прелестямъ; онъ больше другихъ сочувствуетъ первому дыханью весны, первымъ лучамъ восходящаго солнца, первому аромату распускающихся деревьевъ. Въ немъ же видимъ мы любовь къ труду, къ перенесенію различныхъ лишеній, а трудъ всегда благородитъ человека. Охотникъ любитъ искусство: живописная стойка собаки, мѣткій выстрѣлъ для него то же, что удачный ударъ рѣзца для ваятеля, гармоническій аккордъ для музыканта.

Петръ Ивановичъ Бываловъ очень любилъ Куликова, но боялся, что, взявши его съ собою на охоту серьезную, онъ будетъ послѣ въ этомъ раскаяваться. И въ самомъ дѣлѣ, каждому опытному охотнику покажется страшно взять съ собою новичка-охотника на семидесятиверстное разстояніе и на кодыбу по мѣстамъ топкимъ и опаснымъ. Но Куликовъ рѣшительно настаивалъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ.

— Да вы погодите, говорилъ ему Бываловъ; въ Нару я съѣзжу одинъ, а съ вами поѣду куда-нибудь поближе.

— Вы можете не ѣхать со мною въ одномъ экипажѣ, сказалъ, нѣсколько обидѣвшись, Куликовъ; но не можете помѣшать мнѣ ѣхать вслѣдъ за вами.

— Ну, не сердитесь, отвѣчалъ Бываловъ, поѣдемъ вмѣстѣ, только чуръ не пѣнять.

На другой день часу въ десятомъ утра Куликовъ захватилъ по условію за Бываловымъ.

— Возьмите на мою долю дрови и пороху, сказалъ онъ, здороваясь съ пріятелемъ; а я запасаю на вашу долю кое-чѣмъ другимъ, необходимымъ для поѣздки.

— Вѣроятно, питьемъ и ѣдою?

— Что вамъ за дѣло? Поѣдете, увидите.

Сборы охотника не продолжительны. У него всегда все готово заранѣе. Не болѣе, какъ черезъ часъ, ямская тройка мчала нашихъ героевъ по Можайской дорогѣ.

Такъ много и часто писали о прелести троечной русской ѣзды, о пѣснѣ ямщика, прерываемой возгласомъ на лихихъ коней, что мы не станемъ повторять давно извѣстнаго, скажемъ только, что наши охотники вполнѣ сочувствовали этой прелести, какъ сочувствуетъ каждый русскій тому, что внятно говорить ему объ отчизнѣ.

— Постой-ка, сказалъ Бываловъ ямщику на одиннадцатой верстѣ отъ заставы. Здѣсь подлѣ самой дороги, продолжалъ онъ, обратив-

шись къ своему товарищу, есть небольшое мѣстечко ; мигъ случилось поднимать здѣсь бекасовъ , а иногда даже и дупелей. Сойдемте-ка и обойдемъ его.

— Охотно, охотно, отвѣчалъ Куликовъ; кстати можно и закусить; а какъ зовете вы это мѣстечко?

— Болотце это извѣстно подъ именемъ Марѣутки, отвѣчалъ Бываловъ; а вонъ вдали стоитъ кабачекъ, онъ носитъ тоже это оригинальное названіе.

— Надо однако жъ, замѣтилъ Куликовъ , чего-нибудь выпить передъ трудами и во славу Марѣутки.

— Ну, это лучше послѣ трудовъ, сказалъ Бываловъ; вооружайтесь-ка, да пойдемъ.

Когда охотникъ, имѣя при себѣ ружье и собаку, увидитъ болото, то ничто постороннее не можетъ занимать его. Велика или мала увѣренность найти дичь, а всегда есть какая-то надежда , возбуждающая нетерпѣніе.

Бываловъ вышелъ изъ тарантаса и сталъ заряжать ружье свое. Куликовъ послѣдовалъ его примѣру , однако жъ приказалъ ямщику вынуть изъ коробка бутылку и откупорить ее. Прибывая пыжи , онъ не забывалъ даннаго имъ порученія, и не разъ повторилъ :

— Не сломай, дуракъ, пробки.

Когда ружья были заряжены, Куликовъ налилъ себѣ небольшой стаканчикъ мадеры и выпилъ его, сказавши:

— Это для куража. Теперь идемте.

Болотце , въ которое зашли охотники, занимаетъ очень небольшое пространство: на пятьдесятъ квадратныхъ сажень лежатъ моховатыя кочки, поросшія кустарникомъ и окруженныя неширокою полоскою довольно мокраго болота.

Собака Бывалова веселыми прыжками очутилась въ болотѣ, подвывая морду на вѣтеръ, и, почуявъ слѣдъ, пошла осторожноѣе.

— Видите, Иванъ Алексѣичъ, какъ мы хорошо сдѣлали, что зашли сюда, сказалъ Бываловъ: Трезорка идетъ по дичи.

Куликовъ молча приблизился къ Бывалову и не спускалъ глазъ съ собаки. — Это молчаливое созерцаніе , полное какого-то удивленія и трепетнаго ожиданія , невольно рождается въ каждомъ , кто первый разъ видитъ собаку, прихватившую дичь и старающуюся ближе подойти къ пей. — И мудро ли это ощущеніе въ охотникъ-новичкѣ , когда и

опытный охотникъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ при видѣ этого процесса? У послѣдняго также стѣсняется дыханіе и бьется тревожно сердце, не смотря на то, что онъ въ это время разсуждаетъ, соображаетъ, по какой дичи идетъ собака, близко ли она отъ нея, таится ли дичь, или бѣжить.

Поступъ Трезора становилась все тише и тише.

— Приготовьтесь стрѣлять бекаса, говорилъ Бываловъ своему товарищу, подвигаясь осторожно къ собакамъ.

Выслѣженный Трезоромъ бекасъ былъ, вѣроятно, уже стрѣляя московскими охотниками: онъ не далъ собакамъ остановиться и вскопился въ кустахъ, шагахъ въ пятнадцать передъ собакою.

Бываловъ выстрѣлилъ.

— Кажется, упалъ, сказалъ онъ, обратившись къ Куликову.

— Нѣтъ, улетѣлъ, отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, опуская ружье, вскинутое было имъ къ плечу въ минуту выстрѣла, и на лицѣ его выразилось чрезвычайно грустное сожалѣніе.

— Нѣтъ, упалъ, возразилъ ему Бываловъ, указывая на собаку, несшую изъ кустовъ бекаса.

Радость Ивана Алексѣевича была неподдѣльная. Грустное выраженіе лица исчезло мгновенно, онъ бросился къ собакамъ, выхватилъ у нея птицу, и готовъ былъ разцѣловать ихъ обѣихъ.

— Bravo!... безподобно!... кричалъ онъ въ восторгѣ. А я думалъ улетѣлъ.... Ну гдѣ жъ его убить?... мелькнулъ между кустами—и нѣтъ его.... Нѣтъ, вы стрѣлокъ!... хорошо!... нѣтъ, я вижу, вы стрѣляете... А Трезорка-то!... какая милая собака!... Какъ онъ шелъ за нимъ!... Каналья!... молодецъ!... Умница, умница, дурачекъ, приговаривалъ онъ, лаская собаку.

Трезоръ обѣжалъ все болото, но кромѣ убитаго уже бекаса ничего не нашелъ.

Охотники вернулись къ тарантасу и продолжали путь свой.

Между тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ убѣдилъ Бывалова выпить послѣ трудовъ мадеры, и выпилъ самъ за здоровье Трезора.

Понскъ Трезора и удачный выстрѣлъ долго не выходили изъ головы его.

— Лихо!... право, лихо, говорилъ онъ. Бацъ!... и лежить... Нѣтъ, это не по-нашему.... а Трезорка-то какъ подбирался....

При этомъ Куликовъ разводилъ какъ-то руками, стараясь представить осторожную поступъ собаки.

— Молодецъ Трезорка !... Нѣтъ, братъ, я вижу, ты собака умная... Знаете что.... Петръ Ивановичъ? продайте мнѣ Трезорку.... возьмите что хотите, ничего не пожалѣю.

— Въ настоящее время я продать его не могу, отвѣчалъ Бываловъ: молодая собака моя еще въ натаскѣ, такъ безъ него не съ чѣмъ будетъ охотиться.

— Не продаете ? продолжалъ Куликовъ, не внимая самому основательному резону; такъ давайте мѣняться на ружье. ... ружье отличное, Лепаша.

— Ружье ваше въ самомъ дѣлѣ хорошо, и Трезорка его не стоитъ. Погодите, какъ кончится поле, я вамъ его уступаю за бездѣлицу.

— Уступите? Честное слово—уступите?... Слышишь, Трезорка, ты будешь мой.... мой, дурашка.... Ну, просто, я влюбленъ въ эту собаку, продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ; какъ онъ это подходилъ.... прелесть да и только !

Подъ Перхушковымъ было повтореніе сценъ перваго привала, съ тою разницей, что, вмѣсто бекаса, въ якташѣ Бывалова оказалась пара душелей.

Въ Подлипкахъ перемѣнили лошадей, и, вслѣдствіе частыхъ остановокъ, не смотря на скорую ѣзду, наши охотники подѣвзжали къ деревнѣ Осановой Нарѣ уже по захожденію солнца.

Слабые остатки дневнаго свѣта еще освѣщали окрестность. Въ воздухѣ была слышна сильная сырость, происходившая отъ лежащихъ вкругъ деревни болотъ. На лѣво отъ дороги висѣлъ туманъ надъ болотистымъ лугомъ, идущимъ къ деревнѣ Софину, а на право стоялъ густымъ облакомъ надъ озеромъ и окружающими его болотами.

Какое отрадное зрѣлище для охотника ! Сколько надеждъ, сколько ожиданій скрывается подъ этими туманами !

Когда тарантасъ въѣхалъ на мостъ, перекинутый черезъ рѣчку, вытекающую изъ озера, шумъ колесъ встревожилъ уснувшую на плесѣ утку. Съ крикомъ вскочила она, испуганная неожиданными посѣтителями, и скоро скрылась въ туманъ. Послышались два или три отдаленныя чирканья бекасовъ, и снова все смолкло.

Для Бывалова эти минуты были полны упоенія. Самъ Куликовъ не могъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ, и при взлетѣ утки невольно привскочилъ съ своего мѣста. Трезорка, посаженный къ вечеру въ тарантасъ, приподнял уши и жадно вдыхалъ въ себя струи воздуха, доносившія къ нему знакомые и сладкіе ароматы.

II.

Бываловъ прїѣзжалъ уже не въ первый разъ въ Нару: нѣсколько лѣтъ сряду ѣздилъ онъ въ эту деревню и полевалъ съ успѣхомъ. Последніе два года поля не оправдывали его ожиданій: появились въ округѣ охотники, дичи встрѣчалось меньше, но это его не обезкураживало; онъ ѣхалъ въ Нару и въ годъ нашего разсказа.

Почти на краю деревни стояла чистенькая изба подъ тесовою крышей; она-то служила постояннымъ мѣстомъ убѣжища Бывалову во время его охотничьихъ поѣздовъ. Хозяйка избы, старикъ и старушка, жили въ довольствѣ, отдавая изъ-полу сосѣдямъ принадлежавшую имъ землю. Сынъ ихъ, навѣщавшій стариковъ только въ храмовые праздники, жилъ въ Москвѣ у мѣста, получая большое жалованье и удѣляя изъ него известную часть на нужды старичковъ своихъ. Жизнь хозяйки разнообразилась нѣсколько присутствіемъ молодой дѣвушки, взятой ими себѣ въ пріемыши.

Ольга, которой, въ минуту нашего разсказа, было лѣтъ осмнадцать отъ роду, взята была изъ воспитательнаго дома одною изъ жительницъ Нары. Когда ей минуло лѣтъ десять, воспитательница ея согласилась отдать ее домохозяевамъ Бывалова, которые приписали ее въ мѣщанство и оставили жить у себя вмѣсто дочери. Неизвѣстно, приготовляли ли они ее въ невѣсты своему сыну, или просто хотѣли имѣть въ ней утѣху на старости; только они любили и радили ее, какъ родную дочь свою.

Приходскій священникъ выучилъ Ольгу грамотъ, полюбилъ ее за кроткій нравъ и понятливость, и часто читалъ ей мѣста Св. Писанія. Негдѣ было, конечно, развитъя природному уму Ольги; но добрый пастырь сообщалъ ей вѣрныя понятія о добрѣ и злѣ, объяснялъ ей многія явленія природы, суевѣрно понимаемая или вовсе не понимаемая въ простонародіи. Съ этими данными, ставившими ее много выше людей, въ обществѣ которыхъ она находилась, Ольга соединяла самую миловидную наружность. Она была небольшого роста, съ черными глазами, подернутыми постоянно какою-то грустью, блѣлое лице ея не было лишено румянца, худощавость и гибкость стана и черты лица отличали ее отъ другихъ крестьянокъ. Сама дѣвушка не сознавала впрочемъ, или по крайней мѣрѣ не показывала, что она живетъ въ обществѣ, сколько-нибудь ея низшемъ. Она отъ души веселилась въ хороводахъ съ подругами, плясала и пѣла на ряду съ прочими; даже считалась первою пѣвицею на деревнѣ. Оставшись одна, она иногда задумы-

валась, но о чемъ, она никому не говорила, да и никто ее не спрашивалъ.

Бываловъ, увидавъ въ первый разъ Ольгу, приласкалъ ее, а замѣтивъ ея понятливость, иногда болталъ съ нею по цѣлымъ часамъ въ минуты отдохновенія отъ охоты. Рассказывая доступныя ей вещи, онъ объяснялъ ей то, чего она не понимала, возилъ изъ города гостинцы, хвалилъ ее, можетъ быть, иногда и поцѣловалъ ее ненарочно; можетъ быть, даже питалъ къ ней не совсѣмъ братское чувство; но Ольга было такъ легко пригладушиться каждому встрѣтившему ее молодому человеку.

За ласки Бывалова, чуждыя какихъ-нибудь непристойныхъ шутокъ, она и сама привязалась къ нему. Пріѣзды добраго барина былъ для нея праздникомъ, и праздникомъ рѣдкимъ, потому что онъ повторялся только два раза въ годъ. Правда, что Бываловъ проживалъ на охотѣ иногда дня три и болѣе, и вечера послѣ поля проводилъ всегда съ Ольгою. Старики, видя его ласковое съ ней обращеніе, не мѣшали ихъ пріязни. Соберутъ, бывало, самоваръ, да еще сами спросить:

— Небось шпитонка (*) будешь чаемъ поить?

На утвердительный отвѣтъ Бывалова, являлась Оля къ самовару и садилась съ нимъ рядомъ. Иногда, уставши очень отъ ходьбы, заставлялъ онъ ее разливать чай и хозяйничать за столомъ.

Бесѣды ихъ продолжались по нѣскольку часовъ.

Наступала ночь, въ избѣ становилось жарко, отворялось окно, для прохлады, Ольга снимала платокъ съ головы своей, и Бываловъ улеталъ далеко мечтою, глядя на звѣздное небо и играя длинными прядями черныхъ волосъ своей собесѣдницы.

— Не скучно тебѣ здѣсь, Оля? спрашивалъ иногда ее Бываловъ.

— Нѣтъ, баринъ, отвѣчала дѣвушка; чего же скучать? Хожу къ батюшкѣ, старики меня любятъ, все у меня есть, дурнаго слова ни отъ кого не слышу, есть и подруги, да и ты, баринъ, нѣтъ-нѣтъ да заѣдешь.

Таковы были отношенія сироты къ охотнику въ то время, какъ пріѣхалъ онъ въ Нару съ Куликовымъ.

Рано ли, поздно ли въѣзжаетъ русскій человекъ на постоянный дворъ,

(*) Шпитонкомъ называютъ въ простонародіи ребятъ, которыхъ берутъ въ деревни изъ воспитательнаго дома; вѣроятно, это испорченное слово питомокъ, питомка.

всегда какъ-то первое воззваніе его къ хозяину состоитъ въ требованіи самовара. Такъ было и съ нашими охотниками.

Поздоровавшись съ хозяевами и намѣкнувъ имъ о чаѣ, Бываловъ представилъ имъ своего пріятеля и просилъ любить да жаловать.

Старушка не долго оставалась въ комнатѣ и отправилась на рѣчку за водой.

— Зачѣмъ же это сама Авдотья пошла съ ведромъ? спросилъ Бываловъ у хозяина; гдѣ жъ ваша Оля?

— Да хвораетъ все что-то, баринъ, отвѣчалъ старикъ.

— Лежить?

— Лежать не лежитъ, а все что-то больна бѣдная, похудѣла, покашливаетъ, ночью этакъ въ нее вдругъ жаръ вступить. Такъ ужъ мы ее по зарямъ-то наружу не выпускаемъ.

— Взглянуть бы на нее, продолжалъ Бываловъ съ участіемъ; простудилась вѣрно?

— Богъ ее въдастъ, говорилъ старикъ; сокрушила насъ совсѣмъ своей хворостью. Небось, она слышала изъ свѣтелки, что ваша милость пріѣхали.

Вѣсть о болѣзни Ольги навѣяла какое-то грустное чувство на Бывалова, и онъ присѣлъ на лавку въ ожиданіи ея прихода. Куликовъ спрашивалъ у хозяина, есть ли дичь, давно ли были охотники, и не замѣчалъ задумчивости своего товарища.

Между тѣмъ ямщикъ отложилъ лошадей и внесъ въ избу пожитки и подушки, лежавшіе въ тарантасѣ, хозяйка поставила самоваръ и приготовила на столѣ чайникъ и стаканы.

— А вѣдь безъ Оли я чаю пить не стану, сказалъ Бываловъ; что жъ она намъ не покажется?

— Ахъ, родимый ты мой! отвѣчала старушка; Олечка-то наша нездорова, измаялась сердешная: ну, да я пойду пошлю ее.

— Хорошенькая? спросилъ Куликовъ съ улыбкой, когда хозяйка вышла изъ комнаты.

— А вотъ увидите, отвѣчалъ Бываловъ.

— Да что вы какъ будто сердитесь? сказалъ Куликовъ, замѣтивъ серьезную мину своего товарища.

— За что сердиться? отвѣчалъ онъ: мнѣ жаль эту бѣдную дѣвочку. По рассказамъ стариковъ, у нея должна быть чахотка; а въ ея лѣта болѣзнь эта рѣдко проходитъ. Пожалуйста не шутите и не смѣйтесь, когда она придетъ сюда.

— За кого вы меня принимаете? возразил Куликовъ, бывший, какъ мы уже сказали, добрый малый въ душѣ и невольно раздѣлившій чувство сожалѣнія Бывалова.

Вошла Ольга.

На ней была бѣлая кисейная продуванка съ пестрымъ передникомъ, голова повязана большимъ желтымъ шерстянымъ платкомъ, падавшимъ далеко ниже плечь ея. Лице ея измѣнилось мало, щеки были еще румяныя прежняго, но глаза, еще сохранившіе блескъ свой, углубились замѣтно въ свои орбиты.

— Здравствуй, Оля! сказалъ Бываловъ, подойдя къ дѣвушкѣ и поцѣловавъ ее въ лобъ. Чтѣ ты это такъ долго не казала намъ ясныхъ очей твоихъ? А вѣдь, вѣрно, слышала, плутовка, что я пріѣхалъ.

— Слышала, баринъ, отвѣчала дѣвушка, не скрывая улыбки радости; да видишь, ты не одинъ, мнѣ было войти-то совѣстно.

— Иванъ Алексѣевичъ другъ мнѣ, продолжалъ Бываловъ, и съ нимъ перемониться нечего. Онъ также, какъ и я, полюбитъ тебя. Садись-ка къ столику, да вспомнимъ старину, какъ мы съ тобой здѣсь чай распивали.

— Вспомнимъ, баринъ, говорила Ольга, садясь на лавку, и невольный вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея.

— А ты, я слышу, хвораешь, душа моя, сказалъ ей Петръ Ивановичъ, стараясь казаться веселымъ; это, другъ мой, не хорошо. Но ты не печалься, Богъ дастъ все пройдетъ.

— Въстимо, воля Божія, проговорила Ольга.

— Полно, полно грустить-то, расскажи-ка намъ лучше, чтѣ ты здѣсь подѣлывала. Вѣдь вотъ скоро годъ, какъ мы съ тобой не видались.

— Да, на Никитинъ день годъ будетъ, баринъ. А чтѣ я дѣлала? Зимой кой-что шила себѣ и старичкамъ, тебѣ носочки связала.

— Умница.

— А лѣтомъ по грибы, по ягоду ходила. Зимой на посидѣлки собирались, а съ весны гуляли на улицѣ.

Шутливый тонъ, приданный Бываловымъ разговору, развеселилъ нѣсколько большую дѣвушку. Куликовъ принималъ тоже участіе въ разговорѣ, но, плеснувши ошибкой слишкомъ много въ стѣканъ свой рому, онъ почувствовалъ желаніе уснуть.

— Рано пойдемъ завтра ? спросилъ онъ Бывалова.

— Со свѣтомъ, другъ мой.

— Такъ вѣдь такъ пожалуй пора и спать. На дворъ не холодно; я думаю уснуть въ тарантасѣ.

— Что жь, съ Богомъ , только укройтесь потеплѣй , сказалъ ему Бываловъ.

— Ну такъ прощайте, сказалъ Куликовъ, вставая съ своего мѣста. Смотрите жь, разбудите меня, безъ меня не уйдите.

— На этотъ счетъ будьте спокойны, отвѣчалъ Бываловъ , пожимая ему руку.

— Можеть и ты, баринъ, уснуть хочешь ? спросила Ольга, когда Куликовъ вышелъ изъ комнаты. |

— Нѣтъ, я еще посижу съ тобой, моя хворая красавица, говорилъ Петръ Ивановичъ, садясь ближе къ дѣвушкамъ.

— Зачѣмъ ты не одинъ пріѣхалъ ? спросила Оля.

— Развѣ не все равно ?

— Къ тебѣ я какъ-то привыкла , при тебѣ мнѣ ничего , а при чужихъ совѣстно. Мало ли злыхъ людей , пожалуй что-нибудь про насъ выдумаютъ.

— Во-первыхъ, душа моя, нечего выдумать , а во-вторыхъ, Иванъ Алексѣевичъ добрый малый и мой хорошій пріятель.— За то, что ты обо мнѣ зимой помнила, на тебѣ московскаго гостинца.

Съ этими словами Бываловъ досталъ изъ узла красивый шелковый платокъ и отдалъ его Ольгѣ.

— Благодарю покорно, баринъ, сказала дѣвушка, но я объ тебѣ не изъ-за этого помнила.

— Вѣрю, душечка; но это тебѣ годится.

• Болѣе часу продолжался еще разговоръ за чайнымъ столомъ. Ольга повеселѣла, ласкалась къ Бывалову по прежнему, и, казалось , забыла о своей болѣзни.

— А помнишь, баринъ, сказала она, вдоволь наговорившись , помнишь—прошлаго года, ты положилъ мнѣ руку на ухо и сказалъ, что кабы твоя воля, ты бы меня въ кружокъ остригъ ?

— Помню, Оля, отвѣчалъ Бываловъ; это очень бы шло къ тебѣ , и ты этого не забыла ?

Вмѣсто отвѣта Ольга развязала и спала съ головы платокъ свой.

Куда дѣвались ся прежніе длинныя локоны, ея густая широкая коса? Ни тѣхъ, ни другой уже не было, волосы Ольги были ровно кругомъ подстрижены и закрывали ей только уши.

Она была очень хороша въ этомъ видѣ съ своими зардѣвшимися щечками и потупленными глазками. Бываловъ отъ души любовался ею, но не могъ не пожалѣть пречнихъ волосъ ея.

— Дурочка! что же ты это сдѣлала? сказалъ онъ голосомъ нѣжнаго сожалѣнія.

— Вотъ и дурочка, отвѣчала чуть не сквозь слезы дѣвушка; то говорилъ обрѣзалъ бы, а теперь дурочка.

— Да, милое дитя мое, продолжалъ тронутый охотникъ; ты такъ безподобно хороша, но какже тебѣ быть безъ косы?

— Зачѣмъ же она мнѣ? Вѣдь по-твоему я такъ лучше?

— По-моему лучше; но вѣдь, Оля, ты должна нравиться и другимъ.

— Кому жь другимъ?

— Ну, какъ кому?... Ну тому, кто вздумаетъ на тебѣ жениться... вѣдь тебѣ пора за-мужъ.

Ольга подняла на Бывалова свои черныя глаза, съ минуту посмотрѣла на него и сказала:

— Я, баринъ, не пойду за-мужъ.

— Это отчего?

— Оттого, что мнѣ за-мужъ идти некогда. Я чувствую, что я не перезимую.

— Полно, Оля, я опять назову тебя дурочкой, говорилъ Бываловъ, обнимая дѣвушку, чтобы скрыть свое собственное замѣшательство. Ну, какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи. Да это и грѣхъ. Кто можетъ знать, сколько проживетъ онъ на свѣтѣ. Ты и не подумала, что этими словами ты огорчишь меня.

— Виновата, баринъ, сказала Ольга, не отнимая головы отъ плеча Бывалова; я больше не буду говорить объ этомъ.

— Лучше пріѣзжай въ Москву, я позову доктора, продолжалъ Петръ Ивановичъ, онъ полечить тебя, и, Богъ дастъ, ты будешь скоро здорова.

— Самъ ты, баринъ, говоришь, что Богъ дастъ, а не докторъ. Такъ пусть и будетъ воля Его. Отъ судьбы въ Москву не уйдешь.

Долгій разговоръ, нѣкоторое одушевленіе, а можетъ, и поздній часъ

ночи были причиною тому, что Ольга ослабѣла, и ее бросило въ жаръ, обыкновенный у больныхъ грудью въ ночное время. Бываловъ замѣтилъ это и посоветовалъ ей лечь спать и успокоиться. Всегда послушная дѣвушка отправилась въ свою свѣтелку, и даже общалась подольше не вставать на-завтра съ постели.

III.

Грустные думы не дали уснуть всю ночь Бывалову. Онъ понималъ болѣзнь Ольги; по лицу, по кашлю, по прерывистому дыханію заключалъ онъ, что болѣзнь эта достигла послѣднихъ градусовъ, гдѣ уже бесполезна всякая помощь, и ему живо представлялось это юное существо, еще такъ недавно полное жизни, покидающимъ здѣшній міръ.

Свѣтало, и Бываловъ думалъ о томъ, идти ли будить товарища, какъ Иванъ Алексѣичъ, вѣроятно, прозавѣсивъ къ утру въ тарантасъ, вошелъ въ избу.

— Такъ-то вы меня будите ? сказалъ онъ Петру Ивановичу; а вѣдь ужъ разсвѣло, пора хватить по рюмочкѣ мадеры, да и отправляться.

Идти въ поле было въ самомъ дѣлѣ время. Ужъ и Трезоръ выльзъ изъ-подъ лавки, и, вытягивая ноги, поглядывалъ на дверь.

Бываловъ всталъ, одѣлся, на-скоро закусилъ и вышелъ.

— Обойдемъ сначала озеро, сказалъ онъ своему товарищу, переходя большую дорогу.

— Пойдемъ, куда хотите, отвѣчалъ Куликовъ, только этого озера въ цѣлый день не обойдешь.

— Издали все такъ кажется, замѣтилъ Бываловъ, перемѣняя вчерашніе пистоны.

Сейчасъ же за задворками селенія открывается глазамъ Нарское озеро, и начинаются мокрыя болотистыя мѣста.

Озеро это имѣетъ видъ величественный и занимаетъ болѣе квадратной версты. Когда наши охотники приблизились къ нему, солнце выкаатило половину своего блестящаго шара изъ-за узкой полосы горизонта, и лучами своими озолотило половину поверхности воды. Такія картины не диво для охотника; но они поражаютъ его каждый разъ новою прелестью подробностей.

— Какъ хорошо ! говорилъ Куликовъ, которому, вѣроятно, первый разъ случилось видѣть такой великолѣпный восходъ солнца.

Берега озера съ одной стороны совершенно открыты и плоски, а съ другой стороны тоже плоски, но поросли кустами. Охотник может обойти все озеро вокругъ, разумеется, осторожно обходя тѣ немногія топкія мѣста, которыя не сдержатъ его тяжести; но ихъ легко замѣтить по совершенно отличному цвѣту растущей на нихъ травы и по сильному колебанію почвы, которая перестаетъ быть твердою еще за нѣкоторое пространство до опасности. Прежде могла бы помѣшать этому обходу канава; но и та такъ затянулась въ настоящее время, что ее не трудно перепрыгнуть. Канава эта была вырыта нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ цѣлію соединить озеро съ Москвой-рѣкою, устроивъ изъ него запасный резервуаръ. Охотникамъ неизвѣстно, почему это предпріятіе не состоялось; но они вспоминаютъ о немъ всякій разъ, какъ подходятъ къ канавѣ.

На совершенно открытомъ берегу озера большею частію пасется скотина, и берегъ этотъ преимущественно изобилуетъ дупелями. Другой же берегъ болѣе топокъ, и на немъ чаще встрѣчаются бекасы.

Покуда наши пріятели любовались картиной озера, а у Бывалова отлегалъ отъ души тоска, замѣняясь охотничьимъ настроеніемъ, Трезоръ, лишенный способности восхищаться прелестями природы, причуялъ бекаса, и, остановившись, затаилъ дыханіе, въ ожиданіи прихода своего хозяина.

— Вѣдь Трезоръ-то стоитъ! вскричалъ Куликовъ, обратившійся первый въ его сторону.

— Стоитъ! повторилъ Бываловъ, и съ этимъ словомъ онъ весь отдался охотѣ.

Тѣмъ-то и хороша эта милая охота, что она способна совершенно наполнить душу человѣка, заставить его забыть, хотя на время, всѣ бури, всѣ невзгоды житейскія.

— Эка важность! скажутъ профаны въ охотѣ: убить птичку, и отъ этого забыть бури житейскія!

— Вамъ это непонятно, милостивые государи? Что жъ дѣлать?... Но подите, убейте-ка эту птичку, можетъ и вы согласитесь съ нами.

— Ужъ коли вы такъ далеко со мной повѣхали, говоритъ Бываловъ товарищу, подходя къ остановившейся собакѣ, то постарайтесь полюбить охоту. Я съ своей стороны готовъ помогать вамъ, и для начала уступаю вамъ этого бекаса.

— Merci!... да вѣдь я не убью его.

— Стреляйте изъ обоихъ стволовъ ; если не убьете, а онъ будетъ еще въ мѣру, то и я выстрѣлю.

— Что жъ теперь дѣлать ? спрашивалъ Куликовъ, приготовившись : закричать или ?

— Итъ, зачѣмъ же; подвиньтесь къ Трезоркѣ поближе.

Иванъ Алексѣевичъ сдѣлалъ шага два къ собакамъ, собака тронулась, и отъ нея близехонько поднялся бекасъ. Поднялся онъ молча и полетѣлъ тихо и прямо. Куликовъ приложился, но не стрелялъ.

— Бейте же ! закричалъ Бываловъ.

— Никакъ не поймаю его на цѣль, отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, замѣтно на себя негодуя.

Вмѣсто отвѣта Бываловъ выстрѣлилъ, и бекасъ свернулся.

— Зачѣмъ же вы стрѣляли ? сказалъ Куликовъ ; я только было изловчился.

— Долго, другъ мой, изловчаешься; бекасъ былъ почти вѣнъ выстрѣла; вѣдь хорошо, что моя Англичанка забываетъ иногда разстояніе, сказалъ Петръ Ивановичъ, съ любовью поглаживая стволы ружья своего. — Но вы не отчаивайтесь: Испанія еще за нами. Бекасъ этотъ молодой, вѣрно онъ здѣсь не одинъ. Бить ихъ не трудно : летягъ тише дупеля. Вѣдь это не то, что безхвостые старики: вскочить, такъ и поминная какъ звали. Молодаго-то вы у меня убьете. Только не зѣвайте. Вскочилъ, накиньте на него стволы — и feu ! Palssemblee ! Ни одинъ опытный охотникъ не поручится, что онъ всякаго бекаса поймасть на цѣликъ, а съ васъ этого и требовать нельзя.

Слова эти придали бодрости и надежды Куликову.

— Признаюсь вамъ, говорилъ онъ, мнѣ бы и самому очень хотѣлось убить что-нибудь. И въ Москву съ пустыми руками пріѣхать совѣстно; да и охота мнѣ почему-то нравится. Не мудрено, что я и очень люблю ее, какъ войду во вкусъ какъ слѣдуетъ.

— Полюбите непременно, увѣрялъ его Бываловъ, надѣвая пистонъ. Теперь пойдете. Начали безъ пуделя, примѣта хорошая. Лучше однако захватить сначала правую сторону, покуда не выгоняли скотины.

Полный надеждъ, Куликовъ отправился за своимъ менторомъ.

Пройдя шаговъ пятьдесятъ, Трезоръ опять прихватилъ, но пошелъ чрезвычайно осторожно, не шевели даже хвостомъ.

— Дупель, Иванъ Алексѣичъ, дупель!... говорилъ потихоньку Бываловъ. Ужъ не знаю, уступать ли мнѣ его вамъ.... однакожъ, такъ и быть, стреляйте.

— Мягъ, право, совѣстно, началъ было Куликовъ.

— Не совѣститесь, пока я самъ не отдумалъ.

Трезоръ остановился, но въ его стойкѣ замѣтна была какая-то нерѣшимость. Устремившись всѣмъ существомъ своимъ въ правую сторону, онъ какъ будто невольно взглядывалъ на лѣво.

— Должно быть, пара, сказалъ Бываловъ шопотомъ. Не можетъ быть, чтобы онъ не чуялъ, гдѣ именно сидитъ дупель. Чутье у него вѣрно, да и по росѣ нельзя ошибиться. Идите со мной рядомъ, я буду стрѣлять того, который вскочитъ правѣе, а вы другого, да не конфузьтесь же.

Охотники подошли почти вплотъ къ собакамъ, когда она, все еще недоумѣвая, въ какую сторону кинуться, бросилась на лѣво: но этого движенія ей было достаточно, чтобы побудить обоихъ дупелей. Полетѣвшій правѣе сей-часъ же упалъ отъ выстрѣла Бывалова, а полетѣвшій на лѣво перемѣстился въ виду на самомъ краю берега. Куликовъ однако жъ по немъ выстрѣлилъ.

— Это уже успѣхъ! кричалъ ему Петръ Ивановичъ, принимая отъ Трезора убитого дупеля. Сначала надо приучиться стрѣлять, а ужъ убивать будетъ не трудно. Зарядите-ка ружье, да подберемъ этого сорванца. Уйти ему отъ насъ некуда: плавать онъ не умѣетъ.

— Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ сорванецъ, замѣтилъ Куликовъ, довольный уже тѣмъ, что успѣлъ выстрѣлить. Кажется, какъ вѣрно прицѣлился.

— Есть ли что-нибудь вѣрное на свѣтѣ? возразилъ ему Петръ Ивановичъ. Вотъ ужъ, кажется, чего вѣрнѣе смерти этого дупеля? Пойдутъ къ нему съ четырьмя стволами, а чего доброго, уйдетъ пожалуй.

— Нѣтъ, не уйдетъ, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ съ самоувѣренностью. Вы-то у меня на что?... Я, батюшка, видѣлъ вчера, какъ вы стрѣляете.

До перемѣщеннаго дупеля идти было не далеко. Трезорка скоро почувчалъ его и остановился. Не обсиравшая на новомъ мѣстѣ птица, не долго держала стойку и поднялась. Бываловъ выстрѣлилъ въ нее шагахъ въ десяти, и промахнулся. Отъ выстрѣла поднялось изъ-подъ берега стадо чирятъ.

— Утокъ! утокъ бейте! закричалъ Петръ Ивановичъ, прикладываясь вторымъ стволомъ по спуделеванному дупелю.

Два выстрѣла раздалились почти въ одно мгновеніе.

Трезорка бросился за упавшимъ дупелемъ, а Бываловъ, обернувшись къ товарищу, увидалъ на водѣ бившагося чиренка.

— Съ полемъ ! поздравляю ! сказалъ онъ Ивану Алексѣвичу ; какъ видите , наука не мудрая .

— Да развѣ вы не стрѣляли ? спрашивалъ Куликовъ , не увѣренный въ своей побѣдѣ .

— Я стрѣлялъ , да не по уткамъ , а вотъ по дупелю , съ которымъ плыветъ Трезорка . — Чиренка заполевали вы , и молодцемъ .

Велика была радость Куликова , когда онъ увѣрился , что убилъ утку . Онъ все боялся , что Трезоръ не увидитъ ее , и показывалъ ему на нее пальцемъ , крича :

— Пиль ! пиль ! аппортъ !

Дичь попадалась , и наши стрѣлки , обойдя правую сторону озера , убили семь дупелей и трехъ бекасовъ , не считая утки . Одинъ дупель былъ убитъ торжественно Куликовымъ . Много было возгласовъ при этомъ убіеніи , много ласкъ и похвалъ досталось Трезору .

— Благодарю васъ , благодарю васъ отъ души , говорилъ Куликовъ Бывалову , когда они съѣли на полчаса отдохнуть и покурить на берегу озера . Вы доставили мнѣ невыразимое удовольствіе , взявши меня съ собою . Берите меня пожалуйста всегда , когда будете ѣздить на охоту , и требуйте за это услугу , какихъ угодно .

— Мнѣ пріятно не слышать вашу благодарность , отвѣчалъ ему Бываловъ , а понимать , что вы нашего поля ягода . Если бы вамъ не суждено было сдѣлаться когда-нибудь охотникомъ , вы бы давно проклинали меня . Вѣдь мы уже часа два таскаемся по этимъ кочкамъ , а вамъ еще это не надѣло .

— Помилуйте , я радъ ходить до ночи . Важное дѣло ноги ! Нѣтъ , я просто въ восторгѣ . Еще и еще благодарю васъ . Буду теперь ожидать , когда попадетъ ко мнѣ Трезорка . До него и собаки покупать не стану .

— Да и не совѣтую . Хорошей дешево не купите , а дрань-то зачѣмъ она ?

— Долго будемъ отдыхать мы ? спросилъ Иванъ Алексѣвичъ .

— А вотъ дайте докурить папироску , отвѣчалъ Бываловъ . Не торопитесь , время еще рано . Напьемтесь-ка водицы : вода въ озерѣ чудесная , холодная .

Говоря это , онъ почерпнулъ кожанымъ стаканомъ воды и подалъ Куликову .

— Всѣмъ этимъ надо мнѣ обзавестись , сказалъ Куликовъ , замѣтивъ охотничій стаканъ .

— Да, охотнику иногда эти мелочи необходимы. — Жаль однако, что нѣтъ вѣтру, прибавил Бываловъ. Солнце скоро обогрѣетъ росу, и собакѣ будетъ трудно работать.

— Въ самомъ дѣлѣ жаль, замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ, стараясь входить въ роль охотника.

— Но за то, какъ хорошо теперь это озеро! говорилъ Бываловъ. Ну, скажите, не завидна ли участь охотника? Многимъ бы любителямъ природы захотѣлось посидѣть подобно намъ на этомъ берегу, да для этого ндо ѣхать семьдесятъ верстъ, пройти версту по грязнымъ кочкамъ, чтò покажется имъ трудомъ невозможнымъ. А для насъ, это удовольствіе между прочимъ, — пожалуй, награда за трудъ, да вѣдь и трудъ-то самый такъ сладокъ, что за него награда вовсе лишнее.

— Правда, правда ваша, отвѣчалъ Куликовъ: я давно не проводилъ времени съ такимъ удовольствіемъ.

Отдохнувши около получаса, охотники перебрались черезъ канаву и стали обходить лѣвую сторону озера.

Бекасы попадались рѣдко, противъ ожиданія. Штукъ пять было поднято Трезоромъ, но убито только два. А между тѣмъ пространства обойдено довольно, да и деревня опять подъ рукой.

Бываловъ предложилъ зайти на квартиру, повѣсть чего-нибудь, отдохнуть часа два, а послѣ уже пройти къ Софьину. Уставшій Куликовъ принялъ охотно это предложеніе, и пріатели наши вошли въ избу.

Они не было дома. По словамъ хозяйки, она пошла по случаю праздника къ обѣднѣ, и еще не возвращалась. Старушка полагала, что священникъ оставилъ ее по обыкновенію у себя обѣдать.

Въ коробѣ Куликова оказалось много холодной провизіи и не одна бутылка хорошаго вина. Все это было выложено и выставлено торжественно на столъ, и аппетитъ охотниковъ, возбужденный моціономъ, удовлетворился вполнѣ. Отдохнуть до вечерняго поля легли они на лавкахъ, и оба скоро заснули.

Не смотря на бессонную ночь и утреннюю усталость, Бываловъ спалъ очень спокойно: ему все чудилась бѣдная Ольга, то живая и веселая, какъ въ первое время ихъ знакомства, то грустная и умирающая, какъ во вчерашній вечеръ. Вольное во снѣ воображеніе его создавало самыя сладкія и самыя ужасныя картины, не заботясь о ихъ быточности. То видѣлъ онъ Ольгу въ пышномъ нарядѣ, въ роскошныхъ комнатахъ, улыбающуюся толпѣ мужичковъ, и сердце его, никогда не признававшееся въ любви къ этой дѣвушкѣ, невыразимо сжималось. То снилось ему, что оба они отдѣлялись отъ земли и летятъ въ невѣ-

домья страны, что ему хочется спросить свою подругу о пѣли ихъ путешествіи; но глаза ея глядятъ такъ нѣжно, такъ глубоко въ его душу, что онъ боится прервать вопросомъ это созерцаніе. И много, много странныхъ сновъ побывало въ душѣ Бывалова, когда наконецъ, утомившись этими видѣніями, онъ проснулся.

Было два часа по полудни, можно бы еще погодить идти въ поле, но Петру Ивановичу хотѣлось развлечь себя. Онъ разбудилъ Куликова и предложилъ сходить къ Софьину.

Болотистый лугъ, начинающійся подъ Нарою и идущій къ деревнѣ Софьину, сначала кочковатъ и не очень влаженъ. Большою частію падаются здѣсь дупеля, но наши охотники подняли только одного; вѣроятно, кто-нибудь изъ окружающихъ стрѣлковъ предупредилъ ихъ и до прихода ихъ поживился дичинкой.

Дальше къ Софьину, мѣста становятся мокрѣе, и встрѣчаются такіа топкіа куги, что ходить по нимъ надо съ большою осторожностью.

Не говоря уже о томъ, что подъ вами и подъ вашей собакой сильно колышется, словно дышетъ поверхность болота, что еще не такъ опасно, но нога ваша постоянно прорывается и уходитъ въ верхнее полотно, составившееся надъ топью отъ долговременнаго сплетенія болотныхъ растений и корней. Лучшее средство для безопасности въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы легче ступать, и не застываясь на одномъ мѣстѣ, переносить ноги прежде, чѣмъ они успеютъ окончательно продавить нетвердую оболочку топи.

Всѣ эти мѣры предосторожности были, конечно, сообщены Куликову, но, основательно боясь своей оплошности, онъ не рисковалъ идти самыми площадками, а пробирался подлѣ кустовъ. Ходьба тамъ была, конечно, безопаснѣе, но за то труднѣе, потому что въ кустахъ было много воды и большія кочки.

Бекасы любятъ топь, и на софьинскихъ площадкахъ оказалось большое ихъ количество. Но такъ какъ площадки эти очень голы и водянисты, то, послѣ выстрѣла по первому вскочившему бекасу, поднималось ихъ штукъ пять-шесть неожиданно по сторонамъ, и они улетали безнаказанно. — Обстоятельство это досадовало Бывалова, но помочь горю не было средства. Бѣдный Куликовъ ходилъ безъ выстрѣла: ему было въ пору перепрыгивать съ кочки на кочку, а ужъ некогда стрѣлять бѣшеныхъ бекасовъ. Надо было однакожъ какъ-нибудь и его утѣшить. Трезоръ поднималъ пару молодыхъ бекасовъ; одного изъ нихъ сшибъ Бываловъ, а другой перемѣстился въ край площадки у самыхъ кустовъ. Куликовъ не видалъ этого, но шелъ прямо на него.

— Иванъ Алексѣвичъ ! закричалъ Бываловъ , въ десяти шагахъ передъ вами сѣлъ бекасъ ; приготовьте ружье и идите прямо : онъ сейчасъ вскочить.

Куликовъ началъ шагать осторожнѣе и тверже укрѣпляться на переходимыхъ кочкахъ. Бекасъ вскочилъ изъ-подъ самыхъ ногъ его. Пропуделявши изъ перваго ствола, вторымъ онъ захватилъ бекаса. Птица еще старалась летѣть, но полетъ ея становился все хуже и хуже, и наконецъ она упала. Убитый бекасъ чрезвычайно обрадовалъ Куликова. Теперь онъ былъ уже вполнѣ охотникомъ , — не только стрѣлялъ въ летъ, но и убивалъ.

Вообще же поле подъ Софьинымъ было не богато. Бываловъ убилъ только четырехъ бекасовъ и задалъ не мало пуделей. — Возвращаться домой предложилъ онъ товарищу по другой сторонѣ рѣчки, гдѣ лежала сухая дорога. Переходъ черезъ рѣчку, почти затавленную болотомъ, былъ не легокъ. Ширина чистой рѣчки была не болѣе полуаршина , а остальное пространство на сажень или болѣе было покрыто движущею массою. По счастью, изъ Софьина набѣжали ребятишки, и за обѣщанный гривенникъ натаскали много хворосту. Накидавъ изъ него дорожку, охотники перебрались черезъ рѣчку, зачерпнувъ однако полные сапоги воды у самаго берега.

IV.

Солнце еще не садилось , когда Бываловъ и Куликовъ вошли на мость и увидѣли передъ собою свою постоянную избу.

На завалинкѣ, обратясь лицомъ къ заходящему солнцу, сидѣла Ольга. Сверхъ вчерашняго ея наряда , на ней была накинута синяя шубейка. Она сидѣла , склонивши на руку голову, и, когда Бываловъ подошелъ къ ней, онъ замѣтилъ на глазахъ ея слезы.

— О чемъ ты плачешь, Оля? спросилъ онъ, взявши ее за руку.

— Такъ, что-то взгрустнулось, баринъ , отвѣчала дѣвушка, отирая глаза передникомъ. Долго ты погостишь у насъ ?

— Не думаю. Въ Москвѣ у меня есть дѣло , да мнѣ больно смотрѣть, что ты все грустишь и скучаешь.

— Ну, я не буду, право больше не буду, говорила Ольга, вставши съ своего мѣста и стараясь улыбнуться.

Щеки ея вспыхнули снова болѣзненнымъ румянцемъ, и она не могла удержаться отъ сильнаго кахля.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ на нее Бываловъ. Ему было ясно, что Ольга любитъ его, что ей хочется, чтобы онъ подолѣе у нихъ пробылъ; но смотрѣть на ея страданія, сознавая невозможность помочь имъ, было выше силъ его.

Онъ вспомнилъ все бывшее, вспомнилъ вчерашній вечеръ и эти волосы, которые она обрѣзала, чтобы угодить ему, и почувствовалъ, что онъ самъ не сможетъ долѣе увѣрять Ольгу, что она больна не опасно, и что она еще можетъ рассчитывать на что-нибудь въ этой жизни. Да и совѣстно было ему заставлять своего товарища раздѣлять свое горе. Охота уже не манила его. Она могла заставить его забыться въ болотъ; но здѣсь, когда передъ нимъ стояла гаснувшая красавица, душа его была полна одной безотрадною грустью.

— Пойдемъ, Оля, въ избу, сказалъ Бываловъ, рѣшившійся въ тотъ же вечеръ уѣхать изъ Нары; солнце садится, а роса для тебя нездорова.

Чтобы имѣть предлогъ передъ товарищемъ ускорить возвращеніе въ Москву, Бываловъ открылъ свою пороховницу, и, когда вошелъ въ избу, въ ней не было ни зерна пороху. Здѣсь объявилъ онъ Куликову, что какимъ-то образомъ сломался рогъ его, и что онъ разсыпалъ въ болотъ весь порохъ.

Куликовъ былъ очень огорченъ этимъ обстоятельствомъ, но дѣлать было нечего, безъ пороху не пойдешь въ болото, надо было собираться домой.

Бываловъ торопился отъѣздомъ; въ Нарѣ наняли до Подлипокъ тройку, и черезъ часъ выѣхали въ Москву.

Проститься съ Ольгой Бываловъ вошелъ въ ея свѣтелку, крѣпко обнявъ ее, горячо поцѣловалъ, и сказалъ: «до свиданія».

— Нѣтъ, прощай, баринъ, сказала дѣвушка; мы не увидимся.

— Увидимся, увидимся, говорилъ, цѣлуя ее, Бываловъ, и съ трудомъ удерживалъ слезы.

Онъ не обманывалъ впрочемъ себя надеждою: онъ зналъ, что это послѣднее свиданіе.

Когда тарантасъ выѣхалъ за мостъ, Бываловъ обернулся и увидѣлъ, что Ольга, не смотря на просьбу его не выходить провожать ихъ, стояла за воротами.

АПСЛЕЙ-ГАУЗЪ.

Нѣтъ въ Лондонѣ дома, который былъ бы извѣстнѣе и занималъ бы мѣстоположеніе красивѣе, какъ Апслей-Гаузъ, жилище герцога Веллингтона. Построенный при выходѣ изъ необъятнаго лабиринта улицъ, который составляетъ столицу соединеннаго королевства Великобританіи, въ сосѣдствѣ восхитительныхъ парковъ, видъ которыхъ ничто отъ него не заслоняетъ, окруженный триумфальными воротами и статуями, памятниками народной славы, дворецъ этотъ, самъ по себѣ, привлекаетъ вниманіе, между тѣмъ какъ вызванныя имъ воспоминанія внушаютъ участіе, смѣшанное съ почтеніемъ и любопытствомъ. Отъ этого происходило общее и живое желаніе быть допущену во внутренность дома, гдѣ поборникъ новѣйшей Англіи жилъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ; отсюда потребность приподнять завѣсу, скрывавшую частную жизнь чело-вѣка, постоянно занимавшаго самое видное мѣсто въ великихъ событіяхъ, которыя наполнили половину текущаго столѣтія. Но до сихъ поръ внутренность дворца была ограждена отъ любопытства зѣвакъ, преслѣдующаго всякую знаменитость. Правильныя привычки чело-вѣка военнаго, занятія государственнаго сановника, и врожденное уваженіе Англичанъ къ домашнему очагу, все это составляло неодолимую преграду, поставленную герцогомъ жизни публичной, которая въ другой странѣ, какъ напр. во Франціи, была бы жалкимъ вознагражденіемъ славы героя.

Послѣ кончины герцога, сынъ его, уступая общему желанію, открылъ Апслей-Гаузъ посѣтителямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тысячи людей ежедневно осматривали комнаты, тщательно сохраненныя въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находились при жизни знаменитаго покойника. Нѣтъ сомнѣнія, что среди несмѣтной толпы посѣтителей мало нашлось бы людей, которымъ особа герцога была неизвѣстна. Лице его было знакомо всѣмъ жителямъ столицы; каждому не разъ случалось встрѣчать старца, съ волосами убѣленными временемъ, котораго прямая и твердая поступь обличала полководца, хотя почтенное чело его уже склонялось подъ бременемъ лѣтъ. Сколько разъ видали его одного въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ, идущаго пѣшкомъ въ Военное Министерство, въ простомъ синемъ сюртукѣ и бѣлыхъ панталонахъ, безъ всякаго отличительнаго знака, безъ всякаго ордена. Толпа почтительно разступалась на пути его, и въ народѣ слышались произносимыя въ полголоса восклицанія : — Герцогъ ! герцогъ !

Съ точки зрѣнія архитектуры и украшеній, Апслей-Гаузь уступаетъ большей части жилищъ англійской аристократіи. Онъ построенъ при входѣ въ Гайдъ-Паркъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался трактиръ, въ который Фильдингъ приводитъ сквайра Вестерна, когда тотъ поѣхалъ въ погоню за своею дочерью и Ч. Джонсомъ. Апслей—имя лорда Канулера, который выстроилъ тутъ домъ въ концѣ минувшаго столѣтія, когда архитектура находилась въ Англіи на послѣдней степени упадка.

Въ 1810 г. маркизь Веллеслей, бывшій генераль-губернаторомъ Индіи, а въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, купилъ Апслей-Гаузь, и въ 1820 г. уступилъ его брату своему герц. Веллингтону, котораго успѣхамъ по службѣ значительно содѣйствовалъ.

Хотя маркизь Веллеслей жилъ въ Апслей-Гаузѣ на большую ногу, но домъ оказался слишкомъ тѣснымъ для герцога Веллингтона; должно было его перестроить. Прибавили къ западной сторонѣ флигель, въ которомъ находится огромная галерея, гдѣ давались ежегодные обѣды въ память 19-го іюня, и комнаты нижняго этажа, занимаемая герцогомъ.

Герц. Веллингтонъ, умѣвшій скорѣе разрушать твердыни, нежели созидать дворцы, возложилъ всѣ эти передѣлки на архитектора, который превзошелъ сдѣланный имъ смѣты вдвое и даже втрое. Издержки возвысились болѣе нежели до 3-хъ милліоновъ франковъ; а, въ заключеніе всего этого, Апслей-Гаузь остался памятникомъ безвкусіи внутри, какъ и снаружи. Съ тѣхъ поръ герцогъ возимѣлъ необыкновенное отвращеніе ко всему, что какимъ бы то ни было образомъ касалось до стройки. Массивный и совершенно безполезный портикъ придаетъ еще болѣе мрачности и безъ того уже строгой наружности фасада. Входъ защищается рѣшеткою и палисадами; двери тяжелыя, какъ въ крѣпости; окна снабжены ставнями, непроницаемыми для пуль,—предосторожности, не лишнія въ Англіи. Въ ту эпоху, когда разсуждали о биллѣ *реформы*, которому герцогъ противился, Апслей-Гаузь окружила чернь, и силу должно было отражать силою. Никогда герцогъ не позволялъ изгладить слѣды этаго буйнаго оскорбленія, не изъ чувства злобы, но какъ философъ, изъ желанія увѣковѣчить это свидѣтельство того, какъ мало должно давать цѣны народной привязанности. Самую отличительную черту жизни Веллингтона составляетъ твердость, съ которою онъ продолжалъ свое поприще, не допуская устращать себя угрозами, не подчиняясь хорошему или дурному мнѣнію толпы, переживая клики мятежныхъ скопищъ, зависть, духъ партій, и такимъ обра-

зомъ, достигая цѣли, всѣми понятой и всѣми любимый. Не прекрасное ли, не благородное ли зрѣлище представляетъ гражданинъ, который, будучи всѣхъ славнѣе и пользуясь больше всѣхъ народною любовію, не колеблясь и безъ слабости жертвуетъ этою упорительною любовію, чтобы остаться вѣрнымъ долгу и совѣсти.

При входѣ въ Апслей-Гаузь, на правой рукѣ, передняя, украшенная неаполитанскими видами и множествомъ бюстовъ: Питта, Персевала, Кастльрига, — послѣдній работы Чентри; копія въ уменьшенномъ видѣ съ превосходной статуи Блюхера, — Рауха. Бюстъ Нора III-го можно назвать образчикомъ безвкусія въ ваяніи, которое господствовало въ Англіи 50 лѣтъ тому назадъ. Чтѣ скажутъ наши праправнуки при видѣ этѣхъ головъ съ маленькими, закрученными, или вложенными въ кошелекъ косами? Изъ передней ходъ на круглую лѣстницу, узкую, худо освѣщенную, которой тѣснота тѣмъ замѣтнѣе, что она представляетъ рѣзкую противоположность съ колоссальными размѣрами статуи Наполеона, поставленной внизу перилъ. Какой примѣръ непостоянства земнаго представляетъ эта статуя во дворцѣ герц. Веллингтона! Въ 1802 году Канова былъ призванъ въ Парижъ первымъ консуломъ, который и тогда уже показывалъ царскую щедрость. Онъ заплатилъ ваятелю всѣ путевыя издержки и назначилъ ему за свою статую 120,000 франк. Въ одинъ изъ краткихъ сеансовъ, которые консулъ давалъ художнику, Канова сказалъ ему: «я рѣдко видѣлъ лице, которое было бы такимъ превосходнымъ образцомъ для ваянія, такъ что, если бы бюстъ вашъ отыли въ числѣ древностей, то всякій увидалъ бы съ перваго раза, что онъ долженъ принадлежать одному изъ величайшихъ людей того времени; но женщинамъ такое лице не можетъ нравиться.»

Подъ вліяніемъ этого античнаго характера, которому онъ удивлялся въ Наполеонѣ, Канова сдѣлалъ статую нагую и колоссальнаго роста. Когда ее привезли въ Парижъ, Императоръ вскричалъ: «Канова, вѣрно, воображаетъ, что я бьюсь на кулачкахъ!» И пораженный непріятнымъ образомъ тѣмъ, чтѣ казалось ему неприличіемъ, онъ велѣлъ поставить ее подальше въ какой-нибудь уголъ Тюильрійскаго дворца. Позже она сдѣлалась собственностію герцога Веллингтона.

Статуя имѣетъ 11 футовъ въ вышину; она отработана со тщаніемъ, которое свидѣтельствуетъ о желаніи Кановы сдѣлать изъ нея одно изъ лучшихъ своихъ твореній.

Герцогъ Веллингтонъ, не имѣвшій никакихъ познаній въ художествахъ, и, чтѣ еще рѣже, никогда не изъяснявшій претензій прослыть знаткомъ,

любилъ только такіа произведенія, которыя пробуждали въ немъ воспоминанія, или по чему-нибудь особенному ему нравились. Выборъ картинъ, находящихся въ залѣ, и даже ихъ размѣщеніе служатъ тому доказательствомъ. Самое видное мѣсто занимаетъ плохая картина Вутона, изображающая Марльборо. Герцогъ купилъ ее на аукціонѣ, гдѣ продавали движимое имущество послѣдняго потомка великаго полководца, и это происхожденіе казалось ему достаточнымъ ручательствомъ за подлинность портрета. Впрочемъ, у него были и другіе портреты Марльборо, менѣе сомнительнаго достоинства; доказательствомъ тотъ, который находится въ Стратфилдсѣ и представляетъ любимца королевы Анны на Бленгеймскомъ полѣ битвы. Ему дружкою служитъ портретъ самаго Веллингтона, побѣдителя при Витторіи, для того, говаривалъ герцогъ, чтобы показать разницу въ мундирахъ и стратегіи вѣхъ двухъ эпохъ. Еще болѣе было разницы въ характерѣ двухъ полководцевъ, самыхъ славныхъ въ лѣтописяхъ Англіи. Но какова бы ни была эта разница, а въ поведеніи ихъ на твердой землѣ во главѣ англійскихъ войскъ, встрѣчается разительное сходство. Оба припали начальство въ такую эпоху, когда Франція имѣла превосходство, а Англія — отъявленный недостатокъ силы; оба, будучи вынуждены бороться, внутри противъ партій, извнѣ противъ сомнительныхъ союзниковъ, умѣли побѣдить затрудненія съ средствами, безспорно недостаточными; оба умѣли возвратить счастье подъ свои знамена и вознести до высшей степени военную славу своего отечества.

Когда въ 1704 г. Марльборо началъ битвою при Бленгеймѣ рядъ побѣдъ, которыя прославили его имя, то онъ былъ 8-ю годами старѣе Веллингтона, окончившаго свое военное поприще Ватерлоскимъ сраженіемъ. Стало быть, примѣръ Марльборо опровергаетъ поговорку Веллингтона и Бонапарта: «побѣда благопріятствуетъ только молодымъ людямъ.» Наполеонъ, сравнивая свою молодость и свои успѣхи съ неудачами и съ долговременною опытностію своихъ противниковъ въ достопамятныхъ итальянскихъ походахъ, могъ говорить такимъ образомъ о благосклонностяхъ счастья; но если бы даже онъ опирался на примѣръ Конде, который 22-хъ лѣтъ былъ побѣдителемъ стараго Фуентеса, какъ Наполеонъ побѣдителемъ Меласа при Маренго, и тогда слова его подлежали бы опроверженію. Противниками Веллингтона были люди, которые, судя по лѣтамъ ихъ, имѣли точно такое же право на благосклонность счастья; подобно ему, Наполеонъ и Сульть родились въ 1769 г.; сверхъ того, если Веллингтонъ и Цельсонъ прославились задолго до зрѣлаго возраста, то Блэкъ, Кромвель и Марльборо почти

приближались уже къ старости, когда пожали свои первые лавры. Въ такомъ случаѣ лучше повторить то, что Наполеонъ говорилъ самъ о себѣ, въ отвѣтъ придворному, который приходилъ въ восторгъ отъ его генія: «Боже мой! но это моя натура; ужъ я такъ созданъ!» Такъ точно и Вольтеръ говорилъ о Конде: «Онъ былъ рожденъ полководцемъ. Военное искусство было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ...»

Вотъ куда завело насъ отступленіе! Напротивъ портрета Марльборо, картина Ландсира, представляющая знаменитаго Фанъ-Амбурга въ клѣткѣ дикихъ звѣрей. Это свидѣтельство торжества человеческого разума надъ животною силою было написано по указаніямъ самого герцога, который велѣлъ вырѣзать на рамѣ 26-й стихъ 4-ой главы Бытія, гдѣ сказано, что Богъ даровалъ человѣку владычество надъ всѣми животными. Картина достойна удивительнаго художника, который написалъ ее; лютость и покорность дикихъ звѣрей выражены превосходно. Что касается до фигуры Фанъ-Амбурга, то сирѣзъ Эдвинъ Ландсиръ долженъ былъ соображаться съ наставленіями герцога съ такою же точностію, какъ если бы онъ былъ его адъютантомъ; онъ представлялъ на судъ его множество очерковъ, но Веллингтонъ возвращалъ ихъ ему, говоря: «Превосходно, нѣтъ сомнѣнія; но это не то, чего я хочу. Покажите мнѣ владычество человѣка, а не воспитаніе звѣря.» Въ этой же залѣ находятся двѣ картины, служащія парюю одна другой, но только по предмету, а не по достоинству: *Инвалиды въ Чельси* и *Инвалиды въ Гринвичѣ*. Въ 1816 г. герцогъ заказалъ живописцу Уильки картину, которая должна была изображать «англійскихъ солдатъ, угощающихъ своихъ пріятелей въ Чельси». Уильки рассказываетъ въ своихъ запискахъ о многочисленныхъ посѣщеніяхъ Мценпата, въ то время, какъ онъ задумывалъ созданіе этой картины; онъ говоритъ, какимъ образомъ мысли ихъ разширялись посредствомъ этой умственной работы, и они наконецъ попали на трогательную сцену «Инвалидовъ Чельси, получившихъ бюллетень о Ватерлоской побѣдѣ.» Картина была окончена не прежде, какъ въ 1822 г., потому что Уильки работалъ медленно, совѣстливо и не щадилъ никакихъ трудовъ, чтобы достойнымъ образомъ докончить свое твореніе. Когда онъ принесъ его къ Веллингтону, то герцогъ въ ту же минуту выдалъ ему условленную цѣну—1,200 гиней (31,500 фр.) банковыми билетами, и на замѣчаніе артиста, что вексель на Каутса избавилъ бы его отъ труда пересчитывать такое множество клочковъ бумаги, отвѣчалъ:—«А вы думаете, мнѣ было бы очень пріятно посвящать конторщиковъ банкира въ тайну моихъ безумныхъ расходовъ?» Принимая эту картину, одну изъ лучшихъ Уильки, герцогъ

не сказалъ художнику ни малѣйшаго привѣтствія; но никогда не пропускалъ случая выставить всѣ ея красоты и припоминать, что самъ содѣйствовалъ къ изобрѣтенію сюжета.

Рѣзецъ Бёрнета ознакомилъ весь міръ съ превосходнымъ произведеніемъ Уильяма, который сверхъ того получилъ отъ издателей гравюры 30,000 франковъ за право собственности. Бёрнетъ три года оканчивалъ доску; герцогъ только на этотъ срокъ далъ ему на поддержаніе свою картину; наканунѣ того дня, въ который должны были исполниться три года,—это было въ субботу,—Веллингтонъ вошелъ въ лавку издателя, чтобы напомнить ему его обѣщаніе. «Ваша Свѣтлость получите свою картину въ понедѣльникъ, въ полдень, отвѣчалъ г. Грэвсъ, и дѣйствительно, въ понедѣльникъ, едва только пробило 12 часовъ, онъ входилъ въ кабинетъ герцога съ картиною въ рукахъ, и герцогъ, вынувъ часы, сказалъ ему:—съ этого дня, г. Грэвсъ, всѣ картины моей галлерей въ вашимъ услугамъ.

«Гринвичскіе Инвалиды»—картина, которая была сочинена, написана и выгравирована Бёрнетомъ на свой собственный счетъ; онъ надѣялся, что ее купитъ король, предоставивъ ему право гравировать ее, но Вильгельмъ IV испугался при мысли ссудить картину на три года. «Помилуйте, говорилъ онъ, да это цѣлая жизнь человѣка!» и отказался отъ покупки. Когда Веллингтонъ приобрѣлъ астампъ этой картины, то издатель Грэвсъ сказалъ ему, что картина еще продается, и что, купивъ ее, онъ окажетъ великую услугу художнику: въ ту же минуту герцогъ далъ цѣну, которую за нее просили. Эта картина никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ твореніемъ Уильяма, въ особенности въ отношеніи къ исполненію. Бёрнетъ гравёръ чрезвычайно замѣчательный; но приемы живописи не столько ему знакомы, какъ приемы рѣзца, и Уильямъ могъ пожалѣть, что подъ пару его «Инвалидамъ Чельси» помѣстили «Инвалидовъ Гринвичскихъ», потому что сравненіе предполагаетъ уже нѣкоторое понятіе о равенствѣ. Герцогъ Веллингтонъ видѣлъ въ томъ и другомъ одно только достоинство предмета: прославленіе англійской арміи и флота,—съ одной стороны, Абукиръ и Трафальгаръ, съ другой, Саламанку и Ватерлоо.

Большое количество картинъ фламандской школы, украшающихъ гостиную, заставило предполагать остроумнаго доктора Уагена, что должно было существовать тайное сходство между складомъ ума Веллингтона и умами Теньеровъ, Остадовъ, Япстеновъ, великихъ живописцевъ, наблюдателей и насмѣшниковъ, которые прежде всего искали природы,

даже въ самомъ пошломъ ея выраженіи. Дѣйствительно у Веллингтона было расположеніе схватывать смѣшную сторону народной сцены; онъ рассказывалъ остроумно и охотно отвѣчалъ на застольныя шутки своихъ товарищей по оружію; но тѣмъ не менѣе заключеніе, выведенное ученымъ докторомъ, несправедливо. Всѣ эти картины сдѣлались собственностію герцога не по выбору, а по праву войны; онѣ составляли часть галлерей короля Іосифа и были взяты въ обозахъ его при Витторіи; онѣ находятся въ Апслей-Гаузь въ видѣ военной добычи.

Въ слѣдующей залѣ съ удивленіемъ замѣчаемъ четыре плохія картины, купленныя герцогомъ, копіи съ 4-хъ образцовыхъ произведеній Рафаеля, самыхъ превосходныхъ послѣ *Преображенія: Жемчужина, Благовѣщеніе, Богоматерь съ рыбою*, наконецъ *Spirito*; странныя превратности судьбы этой послѣдней картины измѣнили видъ ея, не отнявъ всѣхъ ея красоть. Похищенная у Генуезцевъ королемъ испанскимъ, она долго была погребена въ пустынь Эскуріала; Наполеонъ извлекъ ее оттуда и поставилъ среди великолѣпія луврскаго, но не прежде, какъ заставилъ ее *вытерпѣть* полное возобновленіе. Когда дерево, на которомъ была написана картина, совершенно истерлось, въ ту минуту какъ готовились подложить подъ него полотно, которое теперь его замѣняетъ, открыли тайну живописи Рафаеля; онъ сначала рисовалъ остовъ своихъ фигуръ, потомъ облакалъ ихъ мускулами и тѣломъ, и наконецъ покрывалъ одеждою. Въ 1815 г. четыре оригинальныя картины, составлявшія часть Луврской галлерей, были отосланы въ Мадридъ, равно какъ и безчисленное множество другихъ драгоценныхъ добычъ, которыя французское оружіе накопило въ этой великолѣпной галлерей, по праву завоеванія. Для совершенія этой горестной отдачи потребно было повелѣніе, подписанное Шварценбергомъ, Веллингтономъ и Блюхеромъ, единственное, которое союзные фельд-маршалы когда-либо давали сообща. При этомъ-то случаѣ лордъ Веллингтонъ сдѣлался предметомъ поступка, доказывающаго глубокое негодованіе, возбужденное этою мѣрою во французской націи. Когда онъ пріѣхалъ въ Тюильри, то генералы, которые находились въ комнатѣ возлѣ королевскаго кабинета, вмѣсто того чтобы отвѣчать на его поклонъ, обернулись къ нему спиною. Изъ сожалѣнія, изъ страха, или изъ лукавства, только Лудовикъ XVIII, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, обратилъ вниманіе Веллингтона на этотъ поступокъ, громко прицая своихъ генераловъ. «Не стоить говорить объ этомъ, ваше величество, отвѣчалъ Веллингтонъ: эти господа привыкли оборачиваться спиною, лишь только меня завидятъ.»

Здѣсь, можетъ статься, не совсѣмъ не кстати будетъ упомянуть, что во время борьбы съ карлистами въ Испаніи, агентъ, прибывшій изъ Мадрида, предложилъ англійскому правительству продать ему четыре оригинальныхъ картины Рафася. Лордъ Монтигль, бывшій тогда канцлеромъ казначейства, предложилъ за нихъ два милліона франковъ, но съ такимъ условіемъ, отъ котораго дѣло не состоялось; онъ хотѣлъ, чтобы эта сдѣлка была публично утверждена обоими правительствами. Когда переговоры сдѣлались гласными, испавское министерство опровергло его съ негодованіемъ, какъ обиду, нанесенную его народной чести, давая въ то же время чувствовать канцлеру, что торгъ тѣмъ не менѣе состоится, если только возьмутъ назадъ условіе гласности; но англійское министерство не могло и не хотѣло на то согласиться.

Эта зала, какъ и всѣ другія комнаты Апслей-Гауза, походитъ на музей, гдѣ герцогъ Веллингтонъ помѣстилъ самые разнородные предметы, священные и свѣтскіе, не слѣдуя никакому правилу, кромѣ своей собственной прихоти. Тутъ же, портреты У. Питта и Персеева, представляющихъ министерство, которое поддерживало войну съ Франціею; Арбутнота, задушевнаго друга Веллингтона; герцога Брауншвейгскаго, брата его по оружію, павшаго на полѣ сраженія при Катръ-бра, наканунѣ побѣды, которая должна была отмстить за смерть отца его, убитаго при Іенѣ. Надъ портретомъ герц. Брауншвейгскаго висятъ изображенія маршала Сульта и папы Пія VII. Изъ трехъ портретовъ Наполеона, находящихся въ этой залѣ, одинъ только заслуживаетъ быть упомянутымъ и по достоинству живописи и по способу, какимъ онъ попалъ во владѣніе герцога. Наполеонъ представленъ въ красномъ мундирѣ, — обстоятельство, доказывающее, что портретъ писанъ до революціи; дѣйствительно, это то же юное художавое лице, то же остроумное выраженіе, та же матовая блѣдность, и въ высшей степени классическая красота, которой Канова удивлялся еще десять лѣтъ спустя. Этотъ портретъ Бонапарта принадлежалъ одному джентльмену, который, по ошибкѣ въ именахъ, былъ приглашенъ обѣдать къ герцогу, не имѣвъ съ нимъ прежде никакихъ сношеній. Не подозревая ошибки, джентльменъ явился въ назначенный день; онъ узналъ позже причину приглашенія; но пріемъ, сдѣланный ему герцогомъ, былъ такъ любезенъ и радушенъ, что, въ знакъ благодарности, онъ прислалъ ему этотъ портретъ, какъ рѣдкость, достойную его вниманія.

Возлѣ Наполеона портреты Жозефины и г-ни Грассини, жепы и любовницы. Далѣе Мелтонская охота и дружка къ ней, — двѣ картины,

на которыя Веллингтонъ не могъ довольно наглядѣться. Охота за лисицею была для него, въ одно и то же время, любимымъ удовольствіемъ и спасительнымъ движеніемъ; онъ находилъ въ ней воспоминанія войны, и былъ убѣжденъ, что всадникъ, когорый, не смотря на всѣ препятствія, скачетъ во весь духъ за стаею собакъ, долженъ быть отличнымъ офицеромъ генеральнаго штаба.

По выходѣ изъ этого ряда залъ, входишь въ обширную галерею, называемую Ватерлооскою, которая, какъ бы ни была она подвержена критикѣ въ архитектурномъ отношеніи, представляетъ величественный видъ, достойный ея назначенія. Длина ея 90 футовъ; она занимаетъ весь западный фасадъ дома. Свѣтъ, слишкомъ ослабленный, падаетъ сверху; что касается до окошекъ, то внутри они предствляютъ огромныя зеркала, а снаружи знаменитыя желѣзныя ставни, не пробиваемыя пулею. Впрочемъ, хотя галерея эта и обременена живописью, но главною своею занимательностію обязана не искусству, а воспоминанію ежегоднаго пира, который, въ день Ватерлооской битвы, соединялъ вокругъ главнокомандующаго тѣхъ изъ его товарищей по оружію, которые еще оставались въ живыхъ. При самомъ началѣ учрежденія, на обѣдъ приглашались одни только генералы, командовавшіе въ этотъ достопамятный день, всего около 20-ти человекъ. По мѣрѣ того, какъ смерть прочищала ряды, другіе офицеры, менѣе значительные по чину, были призываемы наполнять пустыя мѣста; мало по малу число ихъ возвысилось до 80 и болѣе. Между послѣ прибывшими было много такихъ, которые, 30 лѣтъ тому назадъ, при Ватерлоо являлись въ чинѣ подпоручика или прапорщика, и въ первый разъ видѣли въ лицѣ непріятеля. Ватерлооская галерея была обновлена въ 1830 г. королемъ Вильгельмомъ IV. Съ самой этой эпохи герц. Веллингтонъ приглашалъ на пиръ воспоминанія всѣхъ офицеровъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ и нѣкогда присутствовавшихъ при славной битвѣ.

Теперь, когда смерть положила конецъ ежегодному торжеству, Ватерлооская галерея получить болѣе занимательности отъ своихъ художественныхъ богатствъ, нежели отъ воспоминанія обѣдовъ, тѣмъ болѣе, что л. Веллингтонъ сдѣлалъ изъ своихъ драгоценнѣйшихъ картинъ родъ неприкосновеннаго майората, который долженъ переходить къ старшему въ родѣ вмѣстѣ съ его титулами и родовымъ имѣніемъ. Картины испанской школы не столь важны и многочисленны, какъ въ собраніяхъ, составленныхъ въ Испаніи маршаломъ Сультомъ и генер. Себастіяни. Слѣдующее письмо служить страннымъ доказательствомъ происхожденія картинъ герцога.

« С . Г . Веллеслию ,

Кавалеру ордена Бани.

Эйръ , 16 марта 1814 г.

« Любезный Генрихъ !

«Въ обозахъ короля Юсифа , которые попались въ мои руки и были разграблены моими солдатами въ Витторіи , я нашелъ цѣлую повозку , нагруженную гравюрами , рисунками и картинами . Сколько я могу судить по быстрому обзору , послѣднія показались мнѣ не очень замѣчательны ; нѣтъ сомнѣнія , что тутъ не было ни одного образцоваго произведенія Рафаеля и другихъ , которымъ я удивлялся въ Мадридѣ . Я лучшаго мнѣнія о рисункахъ и гравюрахъ ; они всѣ итальянской школы , что доказываетъ , по видимому , что это собраніе происходитъ скорѣе изъ Италіи , нежели изъ Испаніи . Я все отослалъ въ Англію , приказавъ , чтобы вычистили и привели въ порядокъ этѣ вещи , между которыми , какъ я узналъ впоследствии , находятся гораздо драгоцѣннѣшія , нежели я воображалъ . А какъ картины , украшавшія королевскіе дворцы , были разграблены , то вѣроятно , что нѣкоторыя изъ нихъ найдутся между тѣми , которыя достались въ мои руки , и я желаю возвратить ихъ Его В—ству . По этому вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе , если уведомите о томъ дон Л . Люяно и попросите его послать въ Лондонъ челоуѣка , который могъ бы означить картины , принадлежащія королю .

«Это можно сдѣлать или теперь , или по возвращеніи моемъ въ Англію , какъ будетъ удобнѣе . Между тѣмъ картины находятся въ рукахъ искусныхъ художниковъ , которымъ поручено ихъ реставрировать , что должно быть сдѣлано во всякомъ случаѣ , принадлежать ли онѣ , или нѣтъ , Его В—ству .

Преданный вамъ

Веллингтонъ .»

Фердинандъ VII не хотѣлъ , чтобы спаситель его возвратилъ ему картины , отбитыя у непріятеля ; онъ тѣмъ обязательнѣе просилъ его оставить ихъ у себя , что самъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ подобнымъ вещамъ . Что касается до рисунковъ и гравюръ , которыя герцогъ почиталъ драгоцѣнными , то это былъ выборъ произведеній , совершенно второстепенныхъ .

Еще одно слово о Ватерлооской галлерей, хотя бы насъ сочли такими же скучными, какъ каталогъ музеума. Во-первыхъ, распредѣленіемъ картинъ руководствовалъ по видимому болѣе всего размѣръ рамъ. Мѣста для нихъ выбиралъ не знатокъ живописи, а обойщикъ комнатъ; а отъ этого произошло то, что произведенія, которыя всего достойнѣе вниманія, — именно тѣ самыя, которыя меньше всего можно видѣть. Это иногда случается въ художественныхъ выставкахъ, но въ галлерей любителя подобное явленіе заслуживаетъ быть замѣченнымъ по своей рѣдкости. Поговоримъ сначала о Веласкецѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что его *Agua-dor* или Севильскій водоносъ написанъ имъ еще въ мастерской Герреры, въ ту эпоху, когда переворотъ, произведенный *Микель-Анджеломъ* и *Караваджіо* въ Неаполь, пріобрѣталъ народность въ Испаніи; это — торжество вѣщества надъ идеаломъ, истина, лишенная благородства и разборчивости, однимъ словомъ, искусство, имѣющее цѣлю одно искусство. Этотъ образчикъ демократической реакціи противъ Рафаеля, представляетъ удивительное матеріальное подражаніе неблагородной природѣ, захваченной на дѣлѣ. Портретъ Квеведо, знаменитаго современника Сервантеса и почти соперника его въ славѣ, заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе уже по одной странной противоположности пошлой наружности и ея грубаго выраженія съ жизнію, исполненною опасностей и любовныхъ похощеній этого несчастнаго писателя. Есть и другія произведенія Веласкеца: самое превосходное, безъ сомнѣнія, портретъ Иннокентія X-го, котораго двойникъ находится во дворцѣ Доріа въ Римѣ. Полное лице его святѣйшества показываетъ, что художникъ слѣдовалъ своей системѣ, не обращая вниманія на личности.

Въ одномъ изъ самыхъ темныхъ угловъ галлерей помѣщена знаменитая картина Корреджіо, «Христосъ на Элеонской горѣ». Этою картиною великій художникъ, котораго мнимая бѣдность была предметомъ столькихъ анекдотовъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, заплатилъ, говорятъ, счетъ своего аптекаря, а счетъ простирался до четырехъ эку. Вазари справедливо упоминаетъ объ немъ какъ о чудѣ искусства. Основатель Лондонской національной галлерей, г. Ангерстейнъ, далъ 50,000 фр. за копію этой картины, копію, которая еще находится въ этомъ музеумѣ, и которую онъ принялъ за оригиналъ, основываясь на мнѣніи В. Уэста и Лауренса; многіе утверждаютъ, что эта картина повторена самимъ художникомъ; во всякомъ случаѣ подлинность той, которая находится въ галлерей герцога Веллингтона, не подлежитъ сомнѣнію.

Что касается до Мурильо, то онъ занимаетъ бѣдное мѣсто въ собраніи герцога. Король Іосифъ, живя въ Мадридѣ, не имѣлъ такихъ же

случаевъ , какъ маршалъ Сультъ , умножить свою коллекцію. Мурильо , истинный или подложный , находящійся въ Апслей-Гаузъ , изображаетъ нищихъ , сюжетъ , который такъ часто воспроизводилъ этотъ живописецъ , и который даетъ лишь самое несовершенное понятіе о достоинствѣ его въ высшихъ областяхъ искусства. На картинѣ представлена старая женщина , которая ѣстъ похлебку , подлѣ собака , горшокъ и мальчишка , котораго широкій , смѣющийся ротъ зранѣе раскрывается въ надеждѣ получить свою долю. Колоритъ жестокъ , лица гримасничаютъ , словомъ , это одно изъ тѣхъ произведеній , которыя обличаютъ искусную кисть великаго художника , но на которое человекъ , одаренный вкусомъ , смотритъ изъ любопытства мимоходомъ , не останавливая на немъ долго своихъ взоровъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела она на герц. Веллингтона. Эта картина принадлежала одному изъ его Стратфильдсѣйскихъ сосѣдей; онъ не могъ довольно на нее налюбоваться , и когда передъ нимъ называли какое-нибудь образцовое произведение , онъ восклицалъ : «То ли дѣло *старуха* Мурильо ! Вотъ такъ картина !» По смерти владѣльца , онъ тотчасъ купилъ ее.

Портретъ Маріи Тюдоръ былъ привезенъ изъ Испаніи лордомъ Каули , братомъ герцога. На каминѣ бюстъ прекрасной леди Дэуро , жены теперешняго герцога Веллингтона , а возлѣ него произведение Кановы , голова юной женщины , увѣнчанной гирляндой. Говорятъ , что это изображеніе Полины Бонапарте , Venus Victrix дворца Боргезскаго. Этотъ бюстъ подаренъ лорду Веллингтону Кановою въ знакъ благодарности за участіе , принятое герцогомъ въ *актѣ возврата* , по которому отосланы были въ Римъ Аполлонъ , Преображеніе и другія образцовыя произведенія , не говоря уже о 100,000-хъ франкахъ , данныхъ художнику на укладку вещей и путевыя издержки. Казна папы была пуста , и безъ этого пособія возвращеніе было бы отложено на неопредѣленный срокъ. Канова послалъ также свои собственныя произведенія тремъ другимъ лицамъ , которыхъ онъ почиталъ главными виновниками своего успѣха въ данномъ ему порученіи.

Мы не упоминали о сотнѣ и болѣе картинъ , между которыми находятся образцовыя произведенія Теньера , Остада , Клодъ-Лоррена и Венеціанской школы ; онъ такъ дурно размѣщены , что ихъ невозможно рассмотретьъ.

По выходѣ изъ Ватерлооской галлерей входишь въ старый домъ черезъ комнату , называемую *маленькою залой* ; но это имя заслуживаетъ она только по сравненію. Малахитовыя вазы , главное ея украшеніе , подарены Императоромъ Александромъ , котораго портретъ , работы Жерарда , необыкновенно сходный , виситъ тутъ же рядомъ съ портретами Виль-

гельма IV, Уильки и маркиза Веллеслея въ костюмъ кавалера ордена Подвязки.. Быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ не существовало братьевъ, болѣе между собою несходныхъ характеромъ и наклонностями и болѣе отличныхъ каждый въ своемъ родѣ, чѣмъ марк. Веллеслей и герц. Веллингтонъ. Въ послѣдніе года своей жизни, маркизь, вѣрный своимъ вице-королевскимъ привычкамъ, нерѣдко заставлялъ герцога ждать у себя въ передней; Веллингтонъ терпѣливо подчинялся этому церемоніалу, и только говорилъ съ улыбкою: Братъ мой воображаетъ, что я все еще полковникъ Веллеслей, а онъ генералъ-губернаторъ Индіи.

Напротивъ этихъ портретовъ находится портретъ Наполеона въ натуральную величину, писанный Лефевромъ. Веллингтонъ ставилъ на далекое разстояніе отъ Наполеона большую часть его генераловъ, исключая Массены; онъ всѣхъ ихъ соединялъ въ одной фразѣ: *fortisque Gyas, fortisque Cleanthus*. Но и это означало похвалу въ его устахъ: такъ велико было его удивленіе къ генію самого Императора. «Присутствіе его въ войнѣ, говаривалъ онъ, равнялось сорока-тысячному подкрѣпленію.» Нѣтъ причины сомнѣваться въ искренности герцога; во всякомъ случаѣ такое сознаніе было дѣломъ благоразумной политики. возвышать достоинство противника значить возвышать наше собственное достоинство.

Не забудемъ также и портрета леди Линдгёрстъ, одной изъ совершеннѣйшихъ красавицъ, которыми славится Англія. Уильки представилъ ее въ испанскомъ костюмѣ въ мантильѣ, — по въ мантильѣ съ краснымъ подбоемъ, — такой, которую можно надѣть въ маскарадъ въ Лондонѣ, по которой никогда не встрѣтишь въ Испаніи. Уильки, столь вѣрный, столь разсудительный до путешествія своего на полуостровъ, возвратился отсюда съ воображеніемъ воспламененнымъ, которое не стало уже ни во что ставить мѣстный колоритъ, нравы и національную одежду. На шеѣ восхитительной леди замѣтно пятно; это цѣлый эпизодъ изъ жизни Веллингтона, совершившійся въ тотъ самый день, когда привезли портретъ и только что его повѣсили. Герцогъ сидѣлъ неподалеку и писалъ. Вдругъ домъ окружаетъ шайка бунтовщиковъ съ громкими криками: Долой Веллингтона! Да здравствуетъ реформа! Камень выбиваетъ окно, со свистомъ пролетаетъ надъ головою побѣдителя при Ватерлоо и ударяется въ картину. Веллингтонъ спокойно докончилъ письмо, потомъ отворилъ окно, и видя, что толпа окружаетъ безобразную статую Ахилла, воздвигнутую въ честь его при входѣ въ паркъ, затворилъ окно, говоря: «эти люди, кажется, хотятъ разбить

эту вещь.» Къ счастью для крикуновъ шайки, что они не пробовали сулутъ въ Апслей-Гаузъ; а то бы ихъ славно приняли. Изъ следующей залы герцогъ Веллингтонъ сдѣлалъ музей портретовъ семейныхъ и своихъ товарищей по оружію. Всѣ военныя знаменитости Англіи, современныя герцогу, имѣютъ тутъ своихъ представителей, исключая самого герцога: Пиктонъ, Англьсей, Гилль, Берсфордъ, Моррѣ, Комбермеръ, Ситонъ, Нельсонъ и пр. Здѣсь находятся также лица, менѣе знаменитыя въ эту эпоху, но которыхъ имена останутся тѣсно связанными съ именемъ Веллингтона: таковы адъютантъ его Фитпрой, Соммерсетъ и полковникъ Гюрвудъ, издатель «переписки» герцога. Изъ всѣхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ Веллингтонъ, въ этой залѣ находится только одна картина, изображающая Ватерлоо, и замѣчательно, что почетное мѣсто въ ней дано Наполеону; художникъ избралъ то мгновеніе, когда оба соперника находились въ виду одинъ другаго, на разстояніи пушечнаго выстрѣла; Императоръ на первомъ планѣ, Веллингтонъ въ отдаленіи. Разсказываютъ, что офицеръ, командовавшій англійскою батареею, навелъ свои пушки на группу, окружающую Императора, и что Веллингтонъ велѣлъ ему перемѣнить направленіе, говоря: «Намъ не до того теперь, чтобы стрѣлять одинъ въ другаго.»

Мы сей-часъ упоминали о перепискѣ, изданной полковникомъ Гюрвудомъ; не многимъ извѣстно, что первоначальную мысль этого изданія обязаны г-жѣ Арбутнотъ, женщинѣ необыкновеннаго ума и супругъ самаго вѣрнаго изъ друзей Веллингтоновыхъ. Герцога трудно было уговорить; но разъ рѣшившись, онъ усердно принялся за дѣло. Полковникъ Гюрвудъ, страшный рубака, не очень былъ способенъ обращаться съ перомъ; однакожъ, онъ долгое время принадлежалъ къ генеральному штабу герцога, и сверхъ того, былъ человекъ слишкомъ храбрый, чтобы не *сказать правды*, и слишкомъ прямой, чтобы сказать *болѣе нежели правду*; стало быть, онъ имѣлъ главные качества, потребныя для выполненія отеческихъ обязанностей при подобномъ изданіи. Однакожъ, Веллингтонъ предоставилъ себѣ самому пересмотрѣ написаннаго; читалъ и поправлялъ корректурные листы, исключалъ критику и сужденія, которые нанесли бы бесполезный вредъ славѣ людей, еще находившихся въ живыхъ. Такимъ образомъ, подробности, могущія доставить матеріалы для шести томовъ, были исключены изъ рукописи, приготовленной полковн. Гюрвудомъ. Столь щекотливая работа требовала самой глубокой тайны, и эта тайна была такъ тщательно хранима, что самый книгопродавецъ-издатель, г. Муррѣ, не видалъ ни одной корректуры. Онъ были однакожъ сохранены, и составляютъ единственный

экземпляръ , который никому изъ настоящаго поколѣнія не дано права открыть. «Когда свѣтъ прочтетъ мои бумаги , говорилъ Веллингтонъ , то многія статуи упадутъ съ своихъ пьедесталовъ.» Переписка, изданная подъ именемъ полковника Гюрвуда , даетъ высокое понятіе о способностяхъ Веллингтона, какъ администратора, и о качествахъ его, какъ частнаго человѣка. Эти письма имѣютъ неоспоримое достоинство : ясность слога и прямоту взглядовъ; иногда это отсутствіе всякой страсти среди самыхъ трогательныхъ происшествій, это хладнокровіе , которое такъ сильно походить на равнодушіе судьбы, производить на читателя дѣйствіе стального лезвья , которое проникаетъ медленно и холодно , безъ гнѣва и безъ усилій. Два качества особенно поражаютъ въ творцѣ этихъ депешъ: совершенное знаніе предмета, и забвеніе, или, лучше сказать , пренебреженіе всякой литературной претензіи. Отвращеніе къ синонимамъ замѣтно на каждой страницѣ : генералъ хочетъ, чтобы его поняли, повторяетъ до пресыщенія настоящее выраженіе, и ни за что не прибѣгаетъ къ однозначнательному слову, зная, сколько ошибокъ можетъ породить одинъ неправильный оттѣнокъ въ истолкованіи мысли. Нѣтъ сомнѣнія, что нигдѣ не выказывается яснѣе разница въ характерѣ двухъ націй, какъ въ слогѣ Наполеона и слогѣ Веллингтона; оба говорили языкомъ , наиболее приспособленнымъ къ чувствамъ и страстямъ людей, которыми повелѣвали , оба воспламеняли восторгъ солдатъ ; а между тѣмъ, что можетъ быть противоположеніе ихъ краснорѣчія? Спръ Робертъ Пиль замѣчаетъ объ этой перепискѣ : « Если, по истеченіи двухъ или трехъ столѣтій, иностранецъ пожелаетъ знать, какой былъ, въ наше время, слогъ хорошаго общества въ Англіи, твореніе Гюрвуда дастъ ему о томъ самое точное понятіе. У васъ только два отличныхъ романиста, но и тотъ и другой удаляются отъ истины во всемъ, что относится до англійскихъ нравовъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ ничего, что, въ этомъ отношеніи, стоило бы писемъ герц. Веллингтона.»

Столовая, которая слѣдуетъ за «маленькою» залою, украшена портретами въ натуральный ростъ Государей , участвовавшихъ въ Священномъ союзѣ; они подарены Л. Веллингтону ими самими. Отсюда спускаются, по извилистой и темной лѣстницѣ, въ родѣ переходовъ и подземныхъ комнатъ, гдѣ сотни ящиковъ навалены одни на другіе, какъ Пеліонъ на Оссу. Эти ящики, обдѣланные въ латунь, удобные для переноски и поставленные каждый на подвижное подножіе, заключають бумаги герцога въ такомъ совершенномъ порядкѣ, что при помощи каталога и номера въ одну минуту можно достать вужный документъ. Видъ этихъ длинныхъ полокъ, обрѣме-

ненныхъ лицами, дастъ понятіе о разнообразіи и важности занятій герцога. Тутъ же находятся и бумаги Георга IV-го, который избралъ его своимъ душеприкащикомъ. Невольный трепетъ овладѣваетъ вами при мысли, что одной искры достаточно для обращенія въ пепелъ цѣлаго собранія документовъ, столь драгоценныхъ для современной исторіи. Въ послѣдніе года своей жизни, Веллингтонъ имѣлъ привычку держать свѣчу между собою и бумагою, которую читалъ, и не разъ случалось ему зажигать ее, засыпая во время чтенія.

Когда выйдешь изъ этого лабиринта, заваленнаго ящиками, то находишься подъ Ватерлооскою галлереею, въ комнатахъ, гдѣ собранъ фарфоръ, который герцогъ получилъ въ подарокъ: фарфоръ северскій, китайскій, саксонскій, прусскій, австрійскій и пр. Невольно удивляешься, что такіе тѣнные предметы были единодушно выбраны вѣчнымъ свидѣтельствомъ благодарности Государей; но это собраніе прелестное, представляющее большую художественную занимательность, и такъ какъ фарфоровыя вещи перемѣшаны съ золотыми и серебряными, то все вмѣстѣ представляетъ зрѣлище истинно очаровательное. Между послѣдними въ особенности привлекаютъ вниманіе столовый *сюрту* и золотой подносъ. *Сюрту*, изъ чистаго серебра, даръ принца-регента португальскаго, превосходной работы, достойный занимать мѣсто на столѣ, вокругъ котораго собирались, въ воспоминаніе блистательнѣйшей своей побѣды, генералы, почти всѣ пожавшіе въ Португаліи свои первые лавры. Подносъ, или, какъ говорятъ въ Англіи, *щитъ*, былъ поднесенъ герцогу въ 1823 лондонскимъ купечествомъ. Мы не станемъ сравнивать его со щитомъ Ахилловымъ, изобрѣтеннымъ Гомеромъ и выкованнымъ Вулканомъ, но скажемъ, что изъ всѣхъ подносовъ, которые въ такой модѣ у англійской аристократіи, и назначенныхъ для украшенія буфета, это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ художественномъ отношеніи: самъ Бенвенуто Челлини не отказался бы отъ такой работы. Толпа удивляется ему за качество, еще болѣе доступное Англичанамъ, за внутреннюю его цѣнность. Что это стоитъ? говорятъ они безъразличія, идетъ ли дѣло о человѣкѣ, или о блюдѣ. Этотъ «*щитъ*» стоитъ 245,000 франковъ и ни къ чему не служить. Л. Веллингтонъ съ радостію принялъ это доказательство уваженія лондонскаго Сити; но можно полагать, что онъ чувствовалъ себя еще болѣе гордымъ и счастливымъ, когда ему поднесли пару старыхъ литавръ, покрытыхъ краснымъ бархатомъ, которыя находятся въ той же залѣ: это былъ его первый трофей въ Индійскую войну.

Отъ этого великолѣпія, достойнаго тысячи и одной ночи, перейдемъ

въ покои герцога, представляющіе образецъ спартанской простоты. Здѣсь все находится въ томъ же видѣ, въ какомъ оставилъ хозяинъ: каждое мѣсто, каждый уголъ устроенъ для работы; тамъ, дубовыя шкатулки; здѣсь ящики, обитые желѣзомъ; вездѣ червилицы и другія принадлежности письма; на маленькомъ столѣ сундучокъ еловаго дерева, не окрашенный, не покрытый лакомъ, съ крѣпкимъ желѣзнымъ замкомъ; это шкатулка, въ которую Веллингтонъ клалъ самыя секретныя свои бумаги; она сопровождала его во всѣхъ походахъ; мулъ, называемый *муломъ со шкатулкой*, былъ, особенно предназначенъ для этой должности и всегда долженъ былъ находиться по близости герцога; сундукъ служилъ ему пюпитромъ, когда онъ писалъ депеши, или развѣтывалъ передъ собою ландкарту.

Трудно составить себѣ понятіе о числѣ писемъ, ежедневно получаемыхъ герцогомъ Веллингтономъ: просьбы о пособіи, просьбы о мѣстахъ, частныя дѣла. дѣла государственныя, присылки книгъ отъ авторовъ, посвященія, мнѣнія о политикѣ, вопросы о прошедшемъ, совѣты для будущаго. Чтобы отвѣчать на всѣ эти письма, достало бы работы на 40 секретарей; но они легко распределяются на небольшое число категорій, и исключая легкихъ измѣненій въ формѣ, сущность писемъ такъ часто была одинакова, что Веллингтонъ велѣлъ автографировать отвѣты, въ которыхъ оставалось только помѣстить имя и число. Собиратели автографовъ не упускали случаевъ писать къ нему, въ надеждѣ обогатить свои коллекціи, и зная, что герцогъ поставяетъ себѣ въ обязанность отвѣчать на всякое письмо; онъ тотчасъ увидалъ разставленную ему ловушку, и съ тѣхъ поръ находилъ чрезвычайно забавнымъ разстронвать намѣренія подобныхъ корреспондентовъ тѣмъ, что помѣщалъ въ нѣсколькихъ строчкахъ своего отвѣта замѣчаніе, или выраженіе, которыми они не очень расположены были бы хвалиться. Онъ имѣлъ отвращеніе къ фальшивымъ деньгамъ, которыя люди праздныя пускаютъ въ оборотъ подъ именемъ учтивостей; правило его на счетъ употребленія времени заключалось въ слѣдующемъ: «дѣловаго человѣка посѣщайте только за дѣломъ; исполните дѣло, для котораго пріѣхали, и ступайте, занимайтесь другими дѣлами, чтобы и онъ также могъ заняться своими.» Точность была для него необходимою; приходскій священникъ не болѣе его былъ точенъ въ часѣ службы, и между причожанами никто не былъ обѣданъ съ такимъ вниманіемъ. Уже конечно во всемъ Великобританскомъ королевствѣ ни одинъ чловѣкъ не водилъ больше его къ вѣщу невѣсть, не приносилъ къ купели большедѣтей, не было адъюганта аккуратнѣе его на маневрахъ, ни

одного похороннаго подрядчика точнѣе его на похоронахъ, ни одного камергера, болѣе внимательнаго въ исполненіи свѣтскихъ обязанностей. Герцогъ Веллингтонъ не искалъ въ своемъ величіи предлога избавиться отъ наблюденія правилъ общежитія.

Комната его—образецъ жилища занятаго человѣка: все тутъ подъ рукою, и нѣтъ ни одного безполезнаго предмета. Онъ вставалъ рано, и главнѣйшее дѣло дня было его первымъ занятіемъ; онъ сосредоточивалъ все свое вниманіе на одномъ предметѣ, убѣжденный, что лучшій способъ подвигаться впередъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть въ головѣ только одну мысль; отсюда происходила способность къ работѣ, которая въ практикѣ давала ему превосходство надъ людьми, быть можетъ, болѣе его даровитыми въ ихъ разныхъ специальностяхъ.

Эта рабочая комната соединяетъ въ себѣ всѣ условія комфорта, къ которому стремятся Англичане; ни сквознаго вѣтра, ни шума извнѣ; кресла, для всѣхъ положеній, благопріятствующихъ покою; подъ рукою полки съ самыми употребительными книгами,—вотъ орудія ежедневной работы. На спинкѣ одного изъ креселъ сдѣлана ватерлооская медаль; самыя кресла сдѣланы изъ дерева, подъ которыми стоялъ герцогъ во время сраженія; другое кресло, дубовое,—воспоминаніе и обломокъ корабля *Отважнаго*. При первомъ взглядѣ, комната кажется заваленною и въ безпорядкѣ; но скорѣе усматриваешь, что всякая вещь на своемъ мѣстѣ и готова для непосредственнаго употребленія. Въ самой ея серединѣ, на столѣ, шинели и сюртуки для всѣхъ возможныхъ температуръ; на стѣнахъ развѣшены портфели для депешъ, курьерскіе чемоданы, носящіе слѣды долгаго употребленія; на конторкѣ шкатулка съ банковыми билетами для непредвидѣнныхъ случаевъ; она одна могла бы рассказать многоразличныя благодѣянія, которыя расточалъ герцогъ, не посвящая никого изъ ближнихъ въ тайну своей благотворительности. Великодушіе его нерѣдко было употребляемо во зло.

Однажды герцогъ получаетъ письмо отъ молодой дѣвушки, оставшейся сиротою послѣ солдата, который умеръ, защищая свое знамя. Находясь въ послѣдней крайности, она прибѣгала къ нему, умоляя его спасти ее отъ голодной смерти, или отъ посрамленія. Герцогъ послалъ ей 40 гиней. Скорѣе потомъ новая просьба помочь ей открыть лавочку, и новый даръ герцога. Немного спустя, торговля пошла худо, появились безжалостные займодавцы, покупателей мало: вельзя ли одолжить займы сумму, которая вывела бы изъ этого минутнаго затрудненія; герцогъ далъ займы денегъ. Потомъ пришло увѣдомленіе о намѣреніи выдти

за мужъ за молодого человека, честного и трудолюбиваго; нечего и говорить, что невестъ былъ посланъ свадебный подарокъ; по истеченіи приличнаго срока приходитъ извѣстіе о рожденіи ребенка, и герцогъ послалъ на зубокъ. Увы! дитя занемогло; герцогъ заплатилъ по счету аптекарю. Дитя скончалось; родители, въ отчаяніи, рѣшились переехать въ Америку, въ надеждѣ найти тамъ лучшую участь; герцогъ заплатилъ за переездъ. Онъ уже готовился вручить имъ сумму денегъ для перваго обзаведенія по прибытіи въ незнакомую страну, какъ вдругъ полиція открыла случайно, что *молодая двушка* была мнѣ, чистое изобрѣтеніе стараго плута, который жилъ на счетъ людей легковѣрныхъ и благодѣтельныхъ.

На каминѣ, хронометръ, стѣнные часы и множество карманныхъ. Веллингтонъ столько же любилъ часовое мастерство, какъ и Карлъ V, и Брегетъ, котораго разговоръ онъ цѣнилъ наравнѣ съ его произведеніями, былъ для него тѣмъ же, чѣмъ былъ Япуэло для славнаго императора въ его іустскомъ уединеніи. У него никогда не было менѣе поддюжины часовъ, и онъ хвастался, что они идутъ чрезвычайно вѣрно, а между тѣмъ всѣ они шлп врознь, потому что онъ забывалъ завести ихъ, или заводилъ по два раза въ день, въ видѣ вознагражденія. Часы, которые онъ особенно любилъ, принадлежали нѣкогда Типпо-Самбу; онъ носилъ ихъ во всѣхъ своихъ походахъ. Однажды, застигнутый Французами и принужденный отступить, онъ забылъ ихъ на травѣ, на холмѣ, гдѣ стоялъ съ своимъ генеральнымъ штабомъ; онъ воротился назадъ, подвергся опасности быть взятому непріятелемъ, и такъ былъ счастливъ, что нашелъ часы на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ оставилъ. Надъ каминомъ, герцогъ помѣстилъ портретъ герцогини Дуро, и другой, въ профиль, Женинъ Лендъ; подъ ними маленькій бюстъ Наполеона консула, и такихъ же размѣровъ бюсты лордовъ Брума и Линдгёрста, работы графа Орсея; буддійскій идолъ, полузолотой, полуалебастровый, вывезенный изъ Индіи, довершаетъ это странное собраніе разнородныхъ предметовъ.

Веллингтонъ не собиралъ памятниковъ дѣтства и юношества; жизнь его была слишкомъ полна, чтобы прошедшее обременяло настоящее. Такимъ образомъ, между столькими драгоцѣнными или занимательными предметами, ни одинъ не относится къ первымъ годамъ его воспитанія въ Итоль, ни къ голландскимъ походамъ, гдѣ онъ выступилъ на военное поприще, среди ошибокъ и неудачъ своихъ товарищей, ни къ пребыванію его въ Индіи, кромѣ литавръ и идола, о которомъ мы упоминали.

Кабинетъ сообщается съ спальнею; вся мебель послѣдней стоитъ изъ нѣсколькихъ стульевъ и узкой походной кровати. Герцогъ Веллингтонъ обладалъ рѣдкою и завидною способностію спать, такъ сказать, по произволу, на полу, на лавкѣ, гдѣ-ни попало, и пробуждался, послѣ нѣсколькихъ минутъ сна, совершенно подкрѣпленнымъ. Три года, проведенные въ Индіи въ лагеряхъ, приучили его спать на голой доскѣ, и онъ сохранилъ эти привычки до самаго конца своей жизни; поношенная военная шинель, которую возлѣ него клали, служила ему одѣяломъ, если ему было холодно; онъ одѣвался ею въ послѣднюю ночь своей жизни. Надъ дверью очень посредственный портретъ женщины среднихъ лѣтъ и довольно безобразной лицемъ; это портретъ одной табачной торговки въ Лондонѣ, которая питала къ герцогу обожаніе, доходившее до помѣшательства; она ставила на столъ своею бюстъ герцога Веллингтона, клала передъ нимъ приборъ и подчивала его обѣдомъ. Наскучивъ доказательствами удивленія, которыя его обожательница ежедневно ему присылала, онъ принялъ, чтобы отъ нея отвязаться, портретъ ея, а чтобы отвязаться отъ портрета, назначилъ ему мѣсто, которое онъ и по сю пору занимаетъ. Напротивъ кровати, онъ повѣсилъ два рисунка карандашемъ Джона Гейтера, изображающіе герцогиню Дуро, для того, чтобы первая и послѣдняя мысли его останавливались на его прелестной невѣсткѣ, къ которой онъ оказывалъ самую нѣжнѣйшую привязанность. Уборная была бы достойна женщины, прилагающей особенное попеченіе о своей красотѣ. Веллингтонъ доводилъ до послѣдней крайности страсть къ опрятности; омовенія холодною водою, которыя онъ продолжалъ до конца своей жизни, безъ сомнѣнія, много способствовали къ сохраненію тѣлеснаго здоровья и умственной дѣятельности, столь замѣчательныхъ въ его преклонныхъ лѣтахъ.

Недавно издали написанную слогомъ, который приличенъ былъ бы Гершелю для описанія млечнаго пути, толстую книгу о 27 орденахъ, которыми былъ пожалованъ герцогъ; но онъ самъ никогда ими не гордился. Только, когда ему случалось принимать приглашеніе какого-нибудь знатнаго иностранца, то онъ, изъ вѣжливости, поставилъ себя въ обязанность надѣвать ордена и принимать титулъ, полученный имъ отъ государя той націи, къ которой принадлежалъ иностранецъ; никогда не подписывалъ онъ писемъ своихъ къ Белгійскому посланнику иначе, какъ князь Ватерлоо, ни къ Испанцу иначе, какъ герцогъ Ціудадъ-Родриго. Ватерлооская медаль, съ простою надписью «Артуръ, герцогъ Веллингтонъ», равно какъ и медали *безпорочнаго поведенія* и *тридцати-лѣтней службы*, — вотъ знаки отличія, которые онъ предпочиталъ

всѣмъ другимъ. Онъ велѣлъ разломать звѣзду орд. Св. Духа, великолѣпный подарокъ Людовика XVIII-го, котораго брилліанты стоили болѣе 700,000 фр., и сдѣлаиое изъ нихъ ожерелье подарилъ леди Дуро; равнымъ образомъ онъ далъ леди Веллеслей алмазы со звѣзды орд. Подвязки, принадлежавшей его старшему брату. Одна изъ дверей спальни выходитъ въ садъ: герцогъ гулялъ въ немъ каждый день передъ завтракомъ, даже въ дурную погоду. Этотъ образъ жизни объясняетъ его прекрасную и долгую старость, потому что, въ молодости, подобно Тюрепню, онъ былъ подверженъ различнымъ болѣзнямъ. Въ эту эпоху своей жизни, до первой французской революціи, онъ провелъ въ Анжерѣ два года, не вставая съ дивана, и вмѣсто всякаго развлечения забавлялся только ласками своей собаки. Климатъ Индіи былъ его врачомъ; тамъ началъ онъ жить; солнце дало ему силу и здоровье, а военная служба приготовила къ труднымъ походамъ, которые онъ вскорѣ предпринялъ въ Португалію и Испанію.

Окна его комнатъ снабжены желѣзными рѣшетками; а неподалеку отъ нихъ будка часового. Этѣ предосторожности не всегда были безполезны; изъ того, что Веллингтонъ не доступенъ былъ страху, не должно заключать, чтобы онъ былъ внѣ всякой опасности. Приводятъ странный примѣръ и опасности, когорой онъ подвергался, и хладнокровіа, которое показалъ при этомъ случаѣ. Одинъ изувѣръ проникнулъ въ его комнаты въ то время, какъ онъ писалъ въ своей библіотекѣ. Готовясь умереть! сказалъ ему безумецъ; небо повелѣло мнѣ предать тебя смерти! — Не лѣзя ли тебѣ подождать? возразилъ Веллингтонъ, не вставая съ мѣста: мнѣ очень нужно написать нѣсколько писемъ; воротись черезъ часъ. Безумный, покоренный взоромъ герцога и приведенный въ замѣшательство его хладнокровіемъ, удалился не говоря ни слова.

Когда покинешь домъ, гдѣ все говорить о Веллингтонѣ и гдѣ не достаетъ его одного, воспоминаніе о великомъ полководцѣ наполняетъ исключительно всѣ ваши мысли. Если долгая жизнь есть благословеніе небесное, то немногіе были въ этомъ отношеніи такъ счастливы; онъ равно былъ счастливъ и въ образѣ своей смерти. Ю. Цезарь умеръ подъ ударами убійцъ; Аннибалъ былъ отравленъ; Александръ великій сдѣлся жертвою безпорядочной жизни; Кромвель жертвою угрызений и страха; Наполеонъ угасть въ пытку изгнанія и заточенія; Веллингтонъ заснулъ безъ страданій, въ кругу семейства, исполненный лѣтъ и славы; послѣ того какъ онъ совершилъ дѣло, возложенное на него Провидѣніемъ, долгіе годы были ему еще дарованы, для того, чтобы

наслаждаться послѣдствіями своихъ подвиговъ и готовиться къ вѣчности. Жизнь его, по выраженію надгробной рѣчи, была подобна теченію солнца въ безоблачномъ небѣ. За лучезарнымъ блескомъ полудня наступили долгіе сумерки чистаго и кроткаго сіянія.

Слишкомъ продолжительная прогулка истощила силы старца. Пробудившись на другой день, 14 сент., онъ сталъ жаловаться, что чувствуетъ себя нехорошо, велѣлъ позвать доктора; но тутъ сдѣлался съ нимъ ударъ, и онъ лишился языка. По данному имъ знаку, его посадили въ кресла, и двадцать минутъ спустя, онъ тихо испускалъ свой послѣдній вздохъ, 84 лѣтъ отъ рода.

18-го ноября смертные его остатки были перенесены изъ Апслей-Гауза въ великолѣпной погребальной процессіи; по неожиданному случаю похоронная колесница остановилась на нѣсколько минутъ подъ триумфальными воротами, которые служатъ подножіемъ конной статуи Веллингтона. Отъ лучей заходящаго солнца тѣнь колоссальной статуи упала на Апслей-Гауза, и на одно мгновеніе образъ героя отразился на стѣнахъ его жилища и исчезъ въ воздушномъ пространствѣ. За нѣсколько дней до похоронъ дождь не переставалъ идти; но въ ту минуту, когда гробъ опускали въ могилу, солнце прорѣзало тучи и освѣтило лучами своими городъ; по окончаніи церемоніи туманъ снѣга разослалъ свои покровы, и дождь опять началъ идти. То же обстоятельство замѣтили и на похоронахъ Нельсона, 9 янв. 1806 года.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГІХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ МНОГИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. (Продолженіе).

Вмѣсто Предисловія, — Отвѣтъ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ.

На длинный фѣлетонъ 206 N С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (1853), устремленный почти весь противъ моихъ «Памятныхъ Листковъ», я не вижу надобности писать отдѣльный отвѣтъ, а считаю достаточнымъ сказать нѣсколько словъ, вмѣсто Предисловія къ нынѣшнему моему «Памятному Листку». Дѣйствительно, къ чему много распространяться въ отвѣтахъ на такія статьи, гдѣ очень мало существеннаго, а лишь данъ полный разгулъ воображенію и вымыслу? По этому, не касаясь вовсе *иносказаній* означеннаго фѣлетона, я подберу только немногія крохи того, что идетъ къ дѣлу.

Начинаю.

Я сказалъ: «Посудимъ теперь о словѣ: *беллетристъ*; оно означаетъ у насъ писателя по части легкой литературы; по Французы, изъ чьего слова *belles-lettres*—изысканнаго искусства, изысканная словесность, у насъ составили слово *беллетристъ*, не имѣютъ его, а довольствуются словомъ *литераторъ*. Не смотря на то, нельзя ничего сказать противъ словъ *беллетристъ*, *беллетристика*; они составлены удачно, благозвучны, и, принимаемая въ смыслъ, не собственно литератора, литературы, а видоизмѣненія этихъ словъ, могутъ быть усвоены нашему языку.»

Вмѣсто того, чтобы выписать всю мою замѣтку, и рассмотреть, справедлива ли она, въ чемъ, главное, и заключалась обязанность моего критика, онъ приводитъ только первый періодъ замѣтки, и, подчеркнувъ слова отъ: *но Французы до: словомъ литераторъ*, говорить, что подчеркнутыя слова грѣшатъ противъ ясности слога и удачнаго размѣщенія словъ, а почему—неизвѣстно. Что мнѣ отвѣчать на это?—Сверхъ того, послѣ словъ моихъ: «у насъ составили», спрашиваютъ меня: *кто? Французы?*—Такой вопросъ могъ сдѣлать только неизвѣстный критикъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Если бы *составили* относилось къ *Французамъ*, тогда надобно было бы сказать: не *составили*, а *они составили*; очевидно, что *составили* употреблено здѣсь *безлично*, подобно какъ мы читаемъ: *говорятъ, пишутъ*, и т. д.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (май 1853, Слов., стран. 95) напечатано: «совершенно—*апатично*». На это я замѣтилъ: «почему же не *равнодушно*»?—Критикъ возражаетъ, что *апатія* есть болѣзненное состояніе души, а *равнодушіе* есть болѣе слѣдствіе разсудочнаго мышленія, сравненія предметовъ между собою, и что потому эти два понятія совершенно различны (? ?).

Не угодно ли г. критику выслушать меня. Греческое слово *ἀπάθεια* происходитъ отъ *ἀ*—безъ, не, и *πάθος*—страсть, и значить *безстрастіе*. Слѣдовательно, вмѣсто *апатично*, слова, какъ-то дико звучащаго для русскаго слуха, весьма можно сказать *равнодушно*; а еще ближе было бы къ настоящему значенію, если бы употребить здѣсь нарѣчіе *безстрастно*. Во всякомъ случаѣ,—какъ видно изъ вышесказаннаго,—мнѣніе г. критика, будто-бы *апатія* и *равнодушіе* суть два понятія совершенно различныя, вовсе несправедливо.

Въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ» (мартъ 1853. Дина, стр. 28) сказано: «Совѣтчики не *отставали*». Замѣьте: совѣтчики, а не совѣтники, не *и*, а *ч*. Моя замѣтка на это слѣдующая: «Слово это изобрѣтено, вѣроятно, въ отличіе отъ должности и чина:

совѣтъ. Но новое это издѣліе неблагозвучно, и ужь всё бы лучше охотника совѣтовать называть просто *совѣтователемъ*.» Я былъ въ тѣхъ мысляхъ, что авторъ придумалъ,—разумѣется отъ слова *со-вѣтъ*,—новое слово *совѣтъчикъ*, по образцу того, какъ отъ слова *отвѣтъ* образовано *отвѣтъчикъ*; и вотъ почему, слово *совѣтъчикъ* названо у меня *новымъ издѣліемъ*. Чтò можетъ быть яснѣе и удобопонятнѣе этого? Но г. критикъ, не справившись съ *главнымъ* подлинкомъ, т.-е. съ «Отечественными Записками», подумалъ,—кому бы могло придти это въ голову?—будто не *совѣтъчикъ*, а старинное слово *совѣтъникъ*, выдается у меня за новое издѣліе, и написалъ противъ меня ни въсть чтò. Непостижимо!!

Прочитывая «Петербургскій Вѣстникъ» 3-го N° «Пантеона» на нынѣшній годъ, стран. 15, я нахожу, что и тамъ, при разсмотрѣніи слога «Дины», *совѣтъчикъ* причисленъ къ словамъ неудачнымъ.

По поводу напечатанной также въ «Отечественныхъ Запискахъ» фразы: «Она (больная) была худа, *прозрачна*», въ моемъ «Памятномъ Листкѣ» замѣчено: «Какъ бы ни былъ худощавъ человекъ, все не натурально и смѣшно называть его прозрачнымъ: пусть у него выставились кости, жилы, мышцы, — все это не *прозрачность*, которая придаетъ свойство быть видимымъ насквозь.» Г. критикъ, конечно, не нашедъ сказать ничего въ опроверженіе справедливаго моего замѣчанія, привязался къ выраженію моему: «прозрачность *придаетъ* свойство быть видимымъ насквозь», говоря, что *прозрачность* есть сама свойство быть видимымъ насквозь», и что такъ и слѣдовало бы выразиться. Нечего сказать, огромный промахъ: вмѣсто *есть* свойство—*придаетъ* свойство!

На-счетъ замѣтки моей: «Слова, какъ звуки, замереть могутъ, но не *застываютъ*», вызванной фразой: «Слова замерли, *застыли* на губахъ ея.» (Отеч. Зап. Февр. 1853. Дина, стр. 253),—г. критикъ говорить: «Какъ то, такъ и другое выраженіе—фигуры. (Какая новость!) Слово, собственно, не можетъ ни *умереть*, ни *застынуть* (это ужь еще новѣе!!); а если г. Покровский позволилъ слову «умереть», то оно послѣ этого имѣетъ полное право «застынуть».

Нѣтъ; вашъ выгодъ, г. критикъ, ложень. Вмѣсто того, чтобы провозгласить извѣстное послѣднему школьнику, удостойте выслушать слѣдующее. Слова *замираютъ*, какъ замираютъ вообще звуки; зѣвнымъ замиравіемъ можетъ слѣдить слухъ всякаго, кто не глухъ; слѣдовательно, выраженіе слова *замираютъ* натурально; но прошу постигнуть *застываніе* словъ, вещественное охлажденіе звуковъ!

Въ 268 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1852) помѣщенъ переводъ двухъ французскихъ стиховъ:

Elle excellait dans l'art de charmer les humains,

Mais oubliait souvent de se laver les mains.

Переведено:

«Своимъ искусствомъ вѣсхъ прельщала,

Но руки мыть нерѣдко забывала».

Я замѣтилъ: «Авторъ говорить: «Она обладала въ высшей степени искусствомъ привлекать къ себѣ людей, но часто забывала мыть себѣ руки.» Сами видите, то ли въ фельетонномъ переводѣ? Тамъ: своимъ искусствомъ, а какимъ? забывала мыть руки, но кому? Вѣдь не всему же свѣту ей было мыть руки!»

Г. Посторонній, скрывъ замѣчаніе мое о бессмысленности перевода перваго стиха, пространно декламируетъ на счетъ вопроса моего: кому забывала мыть руки? Почтенный критикъ! независимо отъ утаенной вами бессмысленности перевода перваго стиха, повѣрьте, и во второмъ, выраженіе: *руки мыть*, не хорошо; для ясности, надо было прибавить: *себя*.

Чтобы, однако, не слишкомъ стѣснить пространство, нужное для новыхъ замѣтокъ, которыя долженъ представить мой нынѣшній «Памятный Листокъ», я объяснюсь, какъ можно короче, на-счетъ остальныхъ возраженій фельетона.

Я писалъ, что въ періодѣ: «Въ ней не было слышно обычнаго воя шакаловъ (,), ни заунывнаго вскрика ночнаго филина», слѣдовало сказать: *ни воя шакаловъ, ни вскрика филина*. Кажется, справедливо; нѣтъ, изъ словъ моихъ, что частицу *ни* слѣдуетъ повторять (разумѣется, въ такихъ случаяхъ, какой представляла разсматриваемая мною фраза), г. критикъ выводитъ, что, по моему, вмѣсто: *ни разу*, на-примѣръ, должно писать: *ни ни разу*. Странно, было бы возражать на это!

Вмѣсто: «какъ ее ни учили, ни вразумляли», было бы, по моему мнѣнію, правильнѣе—не *ее*, а *я*. Г. критикъ возражаетъ, что я, вѣроятно, смѣшалъ частицу *ни* съ частицей *не*. Дѣльно! Да вѣдь, въ упомянутой фразѣ, *ни* и значить *и не*, а слѣдовательно, и управлять тѣмъ же падежемъ, какъ *не*.

Не жалуемое г. Постороннимъ *черезчуріе* ужъ, право, лучше ут-рированности..

Вмѣсто: «Персіяне кушаютъ на женской половинѣ», я предлагалъ: «Персіяне имѣютъ, держатъ столъ». Конечно, въ этомъ согласится

со мною из ста человекъ девяносто девять; но г. Постороній выпи-
сываетъ замѣтку, а говоритъ о *постороннемъ*.

Г. критикъ выразился, что поправка, сдѣланная мною въ одной
фразѣ «Сѣверной Пчелы», еще болѣе *запутала эту неясную фразу*.
Я замѣтилъ, что не говорится: *еще болѣе запутывать неясности*,
а говорятъ: *еще болѣе затемнять неясности*. И вотъ гг. критики,
жестоко вопіющіе противъ меня, если случится имъ найти въ моихъ
выраженіяхъ близкое повтореніе мѣстоименій: *этотъ, тотъ, что*
(см. тотъ же фел. 206 N), входятъ въ сильный гнѣвъ, и видятъ въ
моемъ замѣчаніи неведомо какую излишнюю *нецеремонность*. Да что
же, милостивые государи, неужели же, изъ угожденія вамъ, говорить
неправду?

Что касается до замѣчанія фельетона (въ Критикъ подъ N 4) о
неумѣстности предлагаемаго мною, вмѣсто словъ: *грамматическій*
геній, выраженія: *духъ грамматики*, въ періодъ: «Въ разныхъ частяхъ
Америки, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, встрѣчаются при-
мѣры того же *грамматическаго генія*, который можно бы назвать
исключительной принадлежностью Новаго Свѣта»; то я не могу опре-
дѣлительно отвѣчать на это дотолъ, пока растолкуютъ мнѣ, сперва,
что значить: *грамматическій геній*, а потомъ, какой это *граммати-
ческий геній* можетъ быть исключительно принадлежностію какой-нибудь
части свѣта. Выраженіе: *духъ грамматики*, — умѣстно ли оно, не-
умѣстно ли оно въ означенной фразѣ, — все-же имѣетъ смыслъ и понят-
но вскому; но что хотѣли сказать словами: *грамматическій геній*,
составляющій исключительную принадлежность Новаго Свѣта — пока-
мѣстъ загадка.

Я сказалъ, что, вмѣсто: *спекулируетъ имѣніемъ своей жены*,
можно бы, избѣгая иностраннаго слова, написать: *пускаетъ въ обо-
ротъ имѣніе своей жены*, и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи.
Спекулировать, или, лучше сказать, *spéculer*, вопреки мнѣнію моего
критика, не заключаетъ въ себѣ понятія объ *одностороннихъ, несо-
вѣсьмъ-чистыхъ* оборотахъ, а значить просто: *пускать въ оборотъ*,
разсчитывать на что-нибудь.

Наконецъ: если г. критикъ полагаетъ, что *обыкновенное* можетъ
возвышать душу, то, вѣроятно, онъ придаетъ этому прилагательному
не тотъ смыслъ, въ какомъ оно вообще принято.

Остальное въ разразившемся на меня фельетонѣ, заключается, или
въ новыхъ толкахъ о томъ, на что уже я отвѣчалъ прежде, или въ
аллегоріяхъ, вымыслахъ, риторическихъ упражненіяхъ въ составленіи

цвѣтистыхъ фразъ, или въ повтореніи задовъ, или въ общихъ мѣстахъ. Весь этотъ балластъ не подлежитъ взвѣшиванію.

Прошу читателей замѣтить, что фельетонъ, о которомъ шла рѣчь, состоитъ изъ 3-хъ статей, подъ NN 1, 11 и 111-мъ, и, явно, написанъ тремя разными лицами; подъ N 1-мъ выставлено только: Москва, 26 августа; подъ N 11-мъ — Ф. Г., Москва; подъ N 111-мъ — Посторонній. И такъ, однимъ залпомъ выстрѣлили въ меня три критика. Много чести!... Vive, г. Посторонній съ компаніей!!!

На этотъ разъ довольно; надо же оставить мѣсто и для новаго обозрѣнія журналовъ.

А.) Неприличныя выраженія и картины.

— «Въ тѣхъ закоулкахъ, куда я послѣдовалъ за Филатомъ, была постоянная *вонь*.» (Пантеонъ, 1853, N 3 Изящн. Слов., стр. 7). Вмѣсто слова *вонь*, какъ не употребляемаго въ хорошемъ обществѣ, не мѣшало бы сказать: *зловоніе*; а вмѣсто: *послѣдовалъ*, можно бы выразиться попроще: *пошелъ*.

— «Даже сказала хозяйкѣ какую-то шутку, въ отвѣтъ на которую Ѳекла Ѳоминишна *высморкалась*.» (Тамъ же, Авг. Медальонъ, ст. 54). *Выморкалась* — фи!

— «*Катай-валый*.» (Отеч. Зап., сент. 1853. Тяжба, стр. 172). Выраженіе, нечего сказать, *изящное*!

— «Игра *заваривается*.» (Тамъ же, стр. 991). Пошло!

(И сентябрьская часть перевода «Тяжбы» переполнена пошлыми восклицаніями. См. стр. 106, 107, 108, 109, 113, 115, 119, 138, 139, 169, 170, 171, 172, 186, 187).

Б.) Ненужныя иностранныя слова.

— «*Элегантныя маски*.» (С.-П.-бург. Вѣд. 1853, N 203, фельет., стр. 828). Чтò за *элегантныя*; почему же не *изящныя*, *щегольскія*?

— «Протягивая мнѣ отлично *гантированную* руку.» (Т. ж. N 204, фельет., стр. 831). И вмѣсто: *гантированную*, можно было бы довольно хорошо сказать: *обтянутую перчаткой*; впрочемъ, выраженіе: *гантированная*, по краткости своей, не дурно.

— «*Цитовалъ* Шекспира.» (Т. же, стр. 832). А ужъ *цитовалъ* слово совершенно лишнее; чѣмъ худо: *ссылался на* Шекспира, *приводилъ* Шекспира?

— «Она играла, во время пробы, три или четыре *тирады* изъ луч-

шихъ ролей своихъ.» (Тамъ-же, N 199, фельет., стр. 812). *Мпста* было бы не хуже, чѣмъ *тириды*.

— «Совершенная *некомфортабельность* въ матеріальныхъ потребностяхъ.» (Т. же, N 209, стр. 851). *Неудовстворительность* замѣнила бы хорошо *некомфортабельность*.

— «Что за привлекательное, *симпатичное* мѣсто, долина Салгира ! (Т. ж., стр. 852). Ужъ мало было употреблять слово *симпатичный* во взаимныхъ отношеніяхъ людей, втерли его и туда, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніи челоѣка къ мѣсту. Но тутъ ужъ оно совсѣмъ не имѣетъ смысла; потому что *симпатичный* — *sympathique* — значитъ *сочувственный*, а ни мѣста не могутъ быть *сочувственными*, ни къ нимъ нельзя имѣть *сочувствія*, которое требуетъ *взаимности*.

— «У этого писателя, которому, конечно, нельзя отказать въ талантъ (Ламартину, какъ-бы въ родѣ милости, не отказываютъ въ талантъ !!), *аффектація* пробивается повсюду; чувствительность у него непремѣнно переходитъ въ слезливость, и *претензіи* замѣтны на каждомъ шагу.» (Тамъ же, N 215, фельет., стр. 877). Весьма можно бы избѣгать ненужныхъ словъ: *аффектація* и *претензіи*, замѣнивъ первое *принужденностью*, *натянутостью*, а послѣднее *притязаніями*.

— «Опершись обѣими руками на красивую и *солидную* трость.» (Павт. 1853, Авг., Медальонъ, стр. 18.) Ужъ пусть людямъ, а тростямъ-то къ какой стати быть *солидными*; довольно съ нихъ быть *крѣпкими*, *прочными*.

— «Вы не должны *исглижировать* ея милостію (своею женой).» (Отеч. Зап. Сент. 1853. Тяжба, стр. 106.) Почему бы не: вы должны быть *внимательны* къ ея милости ?

— Отскочилъ отъ Геммона съ *бѣшенными жестами*.» (Т. ж., стр. 112). Ужъ будто *бѣсятся* и *жесты* ? Достаточно *бѣситься* и людямъ, животнымъ. Но это лишь къ слову, а главное въ томъ, что если *жестъ* получилъ у насъ нѣкоторую общность, то ограничимъ употребленіе его тѣми случаями, гдѣ онъ есть какъ-бы техническій терминъ, наприм., когда говорится о театрѣ, декламаци; внѣ же этихъ предѣловъ, пусть живетъ родное наше *тѣлодвиженіе*.

В.) *Неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же, или однозначительныхъ словъ.*

«*Покрытое — покрывалами.*» — «*Накрыли — покрываломъ.*» (С.

П.-бург. Вѣд. 1853, N 203. Фѣлет. стр. 827). Объясненіе, кажется, не нужно.

— «Безтолковость — толкований.» (Тамъ же). То же самое.

— «Все это вмѣстѣ было въ такомъ гармоническомъ согласіи.» (Пантеонъ 1853, N 3, Изящ. слов. стр. 41). Гармонія есть то же согласіе.

Г.) *Неправильныя метафоры, хотя и картинныя; метафора совершенно неудачная.*

— «Поднимался мѣсяцъ — и тихій лампадный свѣтъ его, увлажненный парами ночи, преображалъ весь городъ, засыпающій (засыпавшій?) на каменныхъ холмахъ, въ какое-то прекрасное фантастическое видѣніе.» (Пант. 1853, N 3, Изящ. слов. стр. 41). Лампадный свѣтъ мѣсяца — выраженіе, дышащее чѣмъ-то успокоительно-сладостнымъ; но жаль, что метафора заимствована здѣсь отъ искусства природы, а не отъ природы искусства; въ обратномъ порядкѣ было бы хорошо. Природа всегда выше искусства, и вы не возвысите естественнаго сравненіемъ его съ искусственнымъ.

— «Черезъ минуту на сосѣдней кровлѣ не было уже никого, кромѣ кирпичной трубы, съ одной стороны побѣлѣвшей отъ лучей мѣсяца, съ другой стороны темной, какъ одежда схимника.» (Тамъ же, стран. 13). Темной, какъ одежда схимника — и эта метафора имѣетъ то же достоинство (кромѣ-того, еще отличается новостью), но, къ сожалѣнію, тотъ же недостатокъ, какъ и лампадный свѣтъ мѣсяца.

— «Солнце едва окрашивало еще всѣ предметы.» (Пант. 1853. Авг. Панфилъ Иванов., стр. 2). Солнце не маляръ.

Д.) *Неудачная строфа.*

Въ «Современникѣ» нынѣшняго года помѣщено слѣдующее стихотвореніе г. Полонскаго:

Воротилась весна, воротилась,
Подъ окномъ я встрѣчаю весну.
Просыпаются силы земныя,
А усталого клонить ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приносить ночной вѣтерокъ,
Я сижу и тружусь; сердце плачетъ,
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты любовь—праздной жизни подруга—
 Не сумела ужиться съ трудомъ.
 Со слезами со мной ты простилась,
 И другимъ улыбнулась тайкомъ.

И лукаво подмазавши петли
 У дверей, что нескромно скрипятъ,
 Для другихъ заставила лампаду
 И окно занавѣсила въ садъ.»

Какое плѣнительное стихотвореніе! задушевно, заунывно тоска сердца высказывается въ трехъ первыхъ строкахъ! Этими тремя строками должна бы и окончиться піеса, тѣмъ болѣе, что въ нихъ заключается полный ея смыслъ. Но, увы! къ нимъ приклеена четвертая строфа, которой первые два стиха рѣшительно какъ безобразный червякъ на розѣ. Послѣ поразительнаго противопоставленія пробуждаемыхъ весною земныхъ силъ—склоненію истомленнаго страдальца ко сну; послѣ поэтико-философической сцены, представляющей этого труженика, который, съ плачущимъ сердцемъ, вытверживаетъ урокъ, заданный ему нуждою, напрасно порывався ухнуть запахомъ черемухи, приносимымъ ночнымъ вѣтеркомъ, послѣ грустнаго прощанья съ любовью, не сумѣвшей ужиться съ трудомъ, вдругъ читать *о подмазкѣ любовью петель у нескромно скрипящихъ дверей!* Отъ высокаго, трогательнаго—къ самому пошлому вещественному! Да и отсутствіе остальныхъ двухъ стиховъ послѣдней строфы, при всей ихъ художественности, было бы выгодно; потому что тогда стихотвореніе сохранило бы вполнѣ свою *идеальную чистоту*.

Не говоримъ о легкихъ промахахъ, наприм. «сердце плачетъ» (нѣсколько изыскано); «И напрасно черемухи запахъ—мнѣ приносить ночной вѣтерокъ» (выходитъ, что вѣтерокъ приносится запахомъ черемухи); «петли у дверей, что нескромно скрипятъ» (у *чьихъ* дверей? что вмѣсто *которыхъ*—обветшало).

«Пантеонъ» (1853, N 8, Пет. Выстп. стр. 12), при разборѣ «Современника», только выписываетъ помянутые стихи и восхищается ими. Не восхищаться ими, конечно, нельзя; но всякой человѣкъ съ сердцемъ и душою, сдѣлаетъ это и безъ указанія, невольно. Лучше бы заняться литературнымъ образомъ *Весною*, какъ произведеніемъ изящной словесности. Это было бы полезно изшему юному поколѣнію писателей, а можетъ быть не противно и г. Полонскому.

Е.) *Неправильное определение.*

— «Мелодрама, обыкновенно, не имѣетъ литературнаго достоинства, и потому не заслуживаетъ занять мѣсто въ ряду литературныхъ произведеній. Она напоминаетъ иногда комедію по нѣкоторымъ дѣйствующимъ лицамъ, возбуждающимъ смѣхъ публики, трагедію по катастрофѣ, составляющей всегда ея основу, а драму, по той средѣ, въ которой происходитъ дѣйствіе; но развивается отъ всѣхъ трехъ неправильностью слога, плоскаго и высокопарнаго, отсутствіемъ всякаго искусства въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ и ложностью и неестественностью характеровъ, которые силится представлять.» (С. П.-бург. Вѣд. 1853, N 245, фѣлет. стр. 877). И вамъ думается, г. фѣлетонистъ, что вы дали намъ опредѣленіе *мелодрамы*? Ни чуть не бывало; вы сказали только, какими недостатками отличается *дурная мелодрама*, т. е., произведеніе, не заслуживающее и названія мелодрамы. А *хорошій мелодрама* имѣетъ свои литературныя достоинства; пишется правильнымъ, чистымъ, благозвучнымъ языкомъ; плѣняетъ художественностію въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ, и правдивостію, натуральностію характеровъ. — Мы нарочно привели напередъ именно качества, противоположныя тѣмъ, которыя г. фѣлетонистъ считаетъ условіемъ мелодрамы. А теперь прибавимъ, что достоинство мелодрамы возвышается еще *музыкаю*. У Нѣмцевъ, Французовъ, есть мелодрамы, принадлежащія къ прекраснымъ сценическимъ представленіямъ. Если мы допускаемъ серьезныя оперы, трагедіи съ хорами, то на какомъ основаніи изгонимъ мелодраму? Напиши ее талантливый писатель, обработай музыкальную въ ней часть виртуозъ съ дарованіемъ, и мелодрама будетъ украшеніемъ театра; а вѣдь отъ безталанности не ждите ничего хорошаго и въ другихъ родахъ драмы.

Ж.) *ненужное, новосоставленное изъ русскаго корня слово.*

— «Ей казалось, что ея сокровище отъ нея отнять скоро, что она ему временная *хранилица*.» (Пант., 1853, авг. Медальонъ, стр. 49). Напрасно придумано слово: *хранилица*, потому что есть *хранительница*.

З.) *Ненатуральность.*

— «*Неподвижно* стояли въ садахъ темныя, пирамидальныя тополи, вытянувшись къ верху, и какъ будто *желая достать* на воздухъ все выше и выше уходящій (уходившій) въ небо блескъ вечерняго солнца.» (Пант. 1853, N 3, Изящн. слов., стр. 10). Чтò за неестественно-при-

чудливая игра воображения: заставить тополи тянуться къ небу *достать* солнечнаго блеска! Да и уж если тополямъ это вздумалось, то они не могутъ стоять *неподвижно*.

И.) *Неправдоподобіе.*

Нина, кокетничавшая прежде съ молодымъ человѣкомъ Чеварскимъ, и вышедшая потомъ замужъ, по расчетамъ, за пожилаго Добромышева, подходитъ, въ самый день своего брака, на своемъ свадебномъ балу, къ Чеварскому, и жалуется ему, что «нужда матери принудила ее къ неровному браку»; а Чеварскій «разгорячился, наговорилъ Нинѣ кучу непріятностей, даже угрозы.» — Вотъ что разсказывается, между прочимъ, въ повѣсти: «Медальонъ.» (Пант. 1853, авг. стр. 13). Пусть посудятъ, сбыточное ли дѣло, чтобы «злая кокетка» поступила такъ неосторожно, когда не только пріатели ея мужа, но и самъ онъ, легко могли услышать такіа, обидныя для него, рѣчи, изъ чего вышло бы, пожалуй, ни вѣсть что? Вѣроятно ли также, чтобы и Чеварскій, человѣкъ благовоспитанный, наговорилъ при этомъ Нинѣ кучу непріятностей, даже угрозы.

І.) *Слова удобоусвоимыя русскому языку.*

— «Я началъ, по праву *пріятельства*, его допрашивать.» (Пант. 1853, N 3, Изящ. слов., стр. 8). Хотя слово *пріятельство* попадаетъ мнѣ въ первый разъ; однако, я нахожу его благозвучнымъ, правильно, въ духъ нашего языка составленнымъ, и, главное, нужнымъ; потому что, для обозначенія выражаемаго имъ понятія, мы не имѣемъ другаго слова.

— «*Непроглядные*.» (Тамъ же). Новое это прилагательное, въ смыслъ *густые*, выразительно, живописно, и, кстати, не лишнее.

К.) *Несогласія въ мысляхъ.*

— «Въ Греціи, подъ ея вѣчно-голубымъ небомъ, съ видами вѣчно зеленѣющей природы, и т. д. — Въ Греціи климатъ гораздо суровѣе и требуетъ заботъ, труда.» (Пант., Авг. 1853. Исторія и Теор. Искусства, стр. 1.). Двѣ эти фразы, отдѣленные одна отъ другой лишь не многими строками, взаимно противорѣчатъ.

Л.) *Галлицизмы.*

— «Онъ *имѣлъ* два жилета.» (Отеч. Зап., 1853, сент., стр. 97). Чисто французское выраженіе. Мысль не въ томъ, что онъ *имѣлъ* два жилета, а что на немъ *надѣто* было ихъ два.

— «*Не рѣшаясь, какой отвѣтъ ему сдѣлать.*» (Т. ж., ст. 118).
Сдѣлать отвѣтъ—faire la réponse — галлицизмъ; по-русски: *дать отвѣтъ*. Скажемъ еще, что: *не рѣшаясь, какой*—неправильное выраженіе; надо было сказать: *не зная, какой*.

—

М.) Неосновательное возраженіе.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи доктора Иноевса «Руководство къ распознаванію, леченію и предохраненію себя отъ болѣзней, происходящихъ отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни», между прочимъ, сказано:

— «Всѣ возможныя болѣзни, которыми страдаетъ человѣческій родъ, могутъ поразить гораздо легче людей, преданныхъ продолжительнымъ умственнымъ занятіямъ, сопровождаемымъ сидячею жизнію: потому что при такой жизни мозгъ находится въ непрерывно возбужденномъ и раздраженномъ состояніи, а тѣло въ недѣятельномъ и лѣнивомъ положеніи.»

На это, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (авг. 1853, Нов. сочин., стр. 101), возражаютъ:

«Если это правда, то надобно удивляться, какъ всѣ люди, преданные умственнымъ занятіямъ, до сихъ-поръ не перемерли еще отъ холеры. Авторъ забылъ, что ученымъ свойственны лишь нѣкоторыя и притомъ особенныя, а не «всѣ возможныя» болѣзни, потому что иначе не было бы никакой надобности писать особенныя книги о болѣзняхъ ихъ.»

По нашему мнѣнію, критикъ не правъ со всѣхъ сторонъ. Сказанное г. Иноевсомъ умно и справедливо. Дѣйствительно, при безпрестанномъ возбужденіи мозга и при недѣятельности тѣла, люди легче могутъ подвергаться и чахоткамъ, и параличамъ, и водянкамъ, и воспаленію мозга, и мало ли еще какимъ недугамъ, а исчисленные нами болѣзни суть самыя важныя и опасныя, и слѣдовательно, въ упомянутомъ случаѣ, позволительно было сказать: *всѣмъ болѣзнямъ*. Далѣе: что пишутся особенныя книги о болѣзняхъ людей ученыхъ, то это нисколько не противорѣчитъ первой части періода; потому что книги такія разсуждаютъ о болѣзняхъ, преимущественно свойственныхъ ученымъ. Какъ не повторить при этомъ:

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

—

II.) *Не-русскія, несообразныя выраженія и такіе же обороты рѣчи, слова несоотвѣтственныя, неупотребительныя, излишнія, поставленныя не въ своемъ значеніи.*

— «Крупный, неправильный носъ.» (Пант. 1853, авг., Панафилъ Ивановичъ, стр. 4). *Крупный носъ!* Помилуйте, носъ не огурецъ!

— «Странно людямъ остроумія и фантазіи упяжать людей знанія и пытливости» (Соврем. Авг. 1853. Литерат. характ., стр. 186). *Люди остроумія и фантазіи, люди знанія и пытливости*—выраженія заморскія; а русскіе пишутъ: *люди остроумные и съ живымъ воображеніемъ, люди съ познаніями и пытливые.*

— «Удовлетворился ли онъ (геніальный писатель) своимъ произведеніемъ, за которое вы приписываете ему столько гордости.» (Т. же, стр. 194.) Последняя, подчеркнутая часть фразы отзывается буквальнымъ переводомъ, и составлена тарабарски. Хорошій писатель сказалъ бы: *произведеніемъ, которое, по мнѣнію вашему, дѣлаетъ его такимъ гордымъ, придаетъ ему столько гордости, или: которымъ онъ такъ гордится.*—Вотъ сколько правильныхъ, ясныхъ оборотовъ рѣчи! И при такой податливости, такомъ богатствѣ русскаго языка, выражаться ни вѣсть какъ!!

— «Многое, слишкомъ многое изъ семейнаго благополучія, вырывается литературнымъ характеромъ.» (Тамъ же, стр. 213). *Вырывается* можетъ значить и *выкапывается*, и *похищается*, и *истребляется*—выбирайте любое.

— «Чтобы снова мочь располагать своими идеями.» (Т. ж. с. 22). *Мочь* обветшало.

— «Такъ говорилъ Одлей Эджергонъ лорду д'Эстренджу, съ которыми они только (только-что?) кончили прогулку верхомъ.» (Тамъ же, Мой ромашъ, стр. 405). *Лорду д'Эстренджу, съ которыми они*—следовательно всѣхъ было никакъ ужъ не менѣе троихъ, а на повѣрку оказывается только двое.

— «Неужели Шекспиръ, въ теченіе своей жизни, когда-нибудь вслушивался въ рукоплесканія, которыми осыпались представители созданий его воображенія.» (Т. же, стр. 455). *Въ теченіе своей жизни*—лишнее; по смерти своей, Шекспиръ ужъ конечно не могъ вслушиваться въ рукоплесканія. — *Осыпались*—не чистый русскій языкъ; скажите: *осыпаемы были.*

— «Весна, лѣто, осень, зима—каждая имѣла своихъ аллегорическихъ представителей.» (С.-П.-бургс. Вѣд., 1853, N 182, Фѣльет., стр. 743). Неужели и *лѣто*—каждая? Лучше: *всѣ времени года имѣли, и т. д.*

— «Онъ *лучше* простоять цѣлый день безъ сѣдока, но уже не уронить своей цѣны.» (Тамъ же, стр. 744). *Лучше* — *чѣмъ*, а не *но*; вмѣсто *уронить*, точнѣе *сбавить*.

— «Избавить *людской* родъ.» (Т. ж., N 189, Фѣльдст., стр. 771). Не хотимъ говорить, какъ общепринято: *человѣческій* родъ, скажемъ, по-новому, *людской* родъ. Зачѣмъ намъ знать, что *люди*, сами по себѣ, *собирательное* существительное имя?

— «Изъ числа *цвѣточныхъ* новостей (.), много говорятъ о *Dielytra* съ желтыми цвѣточками.» (Т. же). Новостей, или *цвѣточныхъ*, ни *животныхъ*, ни *минеральныхъ*, на нашемъ языкѣ нѣтъ, а есть новости изъ царства *цвѣтовъ*, *животныхъ*, *минераловъ*.

— «Баравля шапка, изъ которой торчалъ (ли?) заржавлѣнный книжалъ и кусокъ арбуза». (Пант. 1853, N 3, Квартира въ татарск. кварт., стр. 3). Не *заржавлѣнный*, а *заржавѣлый*: первое заключаетъ въ себѣ понятіе о намѣренномъ заржавленіи книжала; послѣднее — о произвольномъ заржавленіи отъ времени или чего-нибудь другаго.

— «На всклокоченныхъ червухъ и пыльныхъ волосахъ.» (Тамъ же, стр. 4). — *Всклокоченныхъ* происходитъ отъ глагола *клокотать*, что значитъ *кипеть*; а здѣсь надо было сказать: *всклоченныхъ* (отъ *всклочить*), т.-е., между собою перепутанныхъ, скомканыхъ.

— «Двѣмъ соломенный *картузъ*, вечеромъ круглая черная *шляпа* и свѣтлогороховое пальто, нисколько не отличали отъ другихъ его невысокое и необъемистое *туловище*.» (Т. же, стр. 6). Значитъ, *картузъ* и *шляпа* были не на голову, а на *туловище*.

— «Много лѣтъ тому назадъ, однажды въ позднее сентябрьское время.» (Пант. Авг. 1853, Медальонъ, стр. 1). Сентябрьское время — выраженіе неупотребительное; сентябрьскіе дни, или осеннее время — такъ. Время, принимаемое въ значеніи времени, только и бываетъ, разумеется, весеннее, лѣтнее, осеннее, зимнее; а нельзя тутъ брать для него названіе отъ мѣсяцевъ. — Сверхъ-того, или *тому*, или назадъ, что-нибудь одно.

— «Лучъ лампы обливалъ слабымъ свѣтомъ ея исхудалое лице.» (Т. же, стр. 4). Глаголь *обливалъ* предполагаетъ обиліе свѣта, а если оцъ былъ *слабъ*, то лучъ *мерцалъ*.

— «Возможно ли, чтобы счастье наше было такъ шатко и неосновательно.» (Т. же, стр. 6). *Счастье неосновательно* — такъ не говорится; развѣ не твердо, не прочно, ненадежно; но это уже почти выражено прилагательнымъ: *шатко*.

— «Дѣтей еще сильнѣе, чѣмъ Пинну, *интриговалъ* роскошный быть

сосѣда.» (Т. же, стр. 9). Глаголь *интриговать*, если и допустить его въ изыщную литературу, вовсе неумѣстенъ въ отношеніи къ дѣтямъ, существамъ невиннымъ и открытымъ, безхитростнымъ; почему бы не сказать: *завлекать*?

— «Не смотря на *влюбленные* мысли, которыя влекли его къ замку.» (Сѣв. Пч. 1853, N 188, Графъ Просперъ, стр. 751). *Человѣкъ* можетъ *влюбляться мысленно*, или пусть и въ мысляхъ, и слѣдовательно быть *влюбленнымъ*; но сами *мысли не влюбляются*, и потому, нельзя имъ называться *влюбленными*.

— «Жениться на Жаннѣ, крестьянкѣ, крестьянской дочери, было бы *влюбленной глупостью*.» (Т. же, N 191, Гр. Просп., стр. 263). И *глупость*, потому же, не бываетъ *влюбленною*.

— «Изданіе французскаго перевода должно отнести къ *половинѣ* царствованія во Франціи Людовика XV.» (Сѣверн. Пчела 1853, N 185, Пчелка, стр. 737). Если къ *половинѣ*, то къ *какой* — первой или послѣдней? скажите: къ *средины*, — *середина одна*.

— «Аполлинарій Контскій, мой *музыкальный* любимецъ. (Сѣв. Пч. 1853, N 190, Пчелка, стр. 757). Авторъ хотѣлъ сказать: *мой любимый музыкантъ*, а сказалъ: *мой музыкальный любимецъ*, что значить: любимецъ мой, *который — музыкантъ*.

— *Покрасѣла до лба* (Сѣв. Пч., 1853, N 191, Графъ Просп., стр. 763). Надо ужъ было прибавить: *до ушей и до подбородка*, потому что румянецъ разливается во всѣ стороны.

— «Жакъ и Жанета (управитель и ключница) пользуются уваженіемъ, *подобающимъ* ихъ должности.» (Т. ж.). Довольно: *приличнымъ*, вмѣсто: *подобающимъ*.

— «Собравшись въ залу Александринскаго театра, зрители не знали, что представленіе 24 Августа имѣетъ *роковое* значеніе.» (С.-П.-бургск. Вѣд. 1853, N 198, стр. 807). Авторъ принялъ здѣсь прилагательное *роковой* въ смыслѣ рѣшенія дѣла и въ хорошую, и въ дурную сторону; но это ошибка, потому что *роковой* имѣетъ только послѣднее значеніе: *роковой* то же, что *гибельный*.

— «На это *хватитъ* силъ не у всякой пѣвицы.» (Тамъ же, N 202, фельет. стр. 829). Вмѣсто: *хватитъ*, было бы поблагороднѣе: *достанетъ*.

— «Съ правильностію и отчетливостію пѣнія и вѣрностію интонаціи г-жа Лагранжъ соединяетъ изысканный вкусъ.» (Т. же). *Изысканность* — недостатокъ, а не достоинство, а въ мысляхъ было послѣднее.

— «*Блѣкурые вьюшіеся волосы.*» (Пант. 1853, авг., Медальонъ, стр. 29). *Блѣкурымъ* бываетъ лицо, а волосы мы называемъ *русыми*.

— «Она жила среди роскоши и довольства.» (Т. же, стр. 30). Ужъ если въ роскоши, то конечно въ довольствѣ, которое означаетъ не болѣе, какъ достаточность вещественныхъ потребностей.

— «*Прекраснымъ утромъ* обитательница маленькой дачи выходила къ своимъ цвѣтамъ.» (Т. же, стр. 40). *Выходитъ утромъ* правильно, потому что тутъ *утромъ*—нарѣчіе; но *выходитъ прекраснымъ утромъ* сказать нельзя, такъ-какъ здѣсь *утромъ* существительное имя; въ одно прекрасное утро—было бы хорошо.

— «Дурныя *стѣсти*, какъ болѣзни, растутъ, питаются терзаніями, которыя онѣ сами производятъ. Чеварскій былъ боленъ (боленъ) *сомнѣніемъ*.» (Тамъ же, стр. 41). Сомнѣніе названо дурною страстью; но оно вовсе не страсть, а простое состояніе души. Ближе было бы *мнительность*, *недовѣрчивость*, да и тѣ суть боленныя душевныя расположенія, а отнюдь не *страсти*.

— «Обуреваемый безумною жаждою испить чашу страданій.» (Т. же, стр. 57). Во-первыхъ, жажда не обуревается, а *томитъ*, *мучитъ*, *снѣдаетъ*; во-вторыхъ, къ ней не идетъ эпитетъ *безумная*, а жажда бываетъ *неистовая*.

— «Рѣшилась примириться съ грѣхами своей молодости (,) и кончила свои послѣдніе дни въ молитвѣ и смиреніи въ одной изъ жепскихъ обителей. (Тамъ же, стр. 58). Да вѣдь что значитъ: *примириться съ грѣхами?*—*Начать опять грѣшить*. А то ли хотѣлъ сказать авторъ? Надо было выразиться совсѣмъ противоположнымъ о бразомъ: *примириться съ Небомъ*.

— «Надъ сѣренькими глазками, не перестававшими.... *свѣтлѣть*.» (Пант., 1853, Авг. Панфилъ Иванов., стр. 1). Въ мысли было просто: *сіять*, а сказано: *дѣлаться болѣе свѣтлыми (свѣтлѣть)*.

— «Въ своихъ жилистыхъ объятіяхъ.» (Т. же, стр. 7). *Жилистыя руки*—такъ; но *объятія* выражаютъ понятіе отвлеченное, а потому, къ нимъ не идетъ прилагательное: *жилистый*, означающее *вещественность*.

— «Лицо ея было довольно-блѣдно и обращеніе *безпокойно*.» (От. Зап. 1853. Сент., Тяжба, стр. 97). Не: *безпокойно*, а: *обличало, показывало безпокойство*.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Царское-Село.

5 октября 1853.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТОЛАХЪ ДВИГАЮЩИХСЯ ПРОСТО, И О СТОЛАХЪ, КОТОРЫЕ ПРЕДСКАЗЫВАЮТЪ БУДУЩЕЕ, УГАДЫВАЮТЪ ПРОШЕДШЕЕ И ОТВѢЧАЮТЪ ПИСМЕННО НА ВСЯКІЕ ВОПРОСЫ.

Столы *просто* двигающіеся составляютъ до сихъ поръ еще одну безвредную и, такъ сказать, *невинную забаву*. — Но эта *забава* можетъ со-временемъ имѣть самыя полезныя послѣдствія, какъ то уже не однократно было, при нечаянныхъ открытіяхъ новыхъ неизвѣстныхъ прежде силъ природы.

Пары, электро-магнитизмъ, гальванизмъ, и проч. и проч., служатъ яснымъ тому доказательствомъ.

Но столы, которые, предсказываютъ, угадываютъ, и на разные вопросы писменно отвѣчаютъ !!! (хотя впрочемъ самымъ плохимъ почеркомъ, такъ что можно читать буквы и толковать ихъ по собственному произволу), — это дѣло другое.

Сужденіе о такомъ сверхъ естественномъ явленіи завело бы слишкомъ далеко; мы ограничиваемся указаніемъ только на трактатъ Тертуліана въ защищеніе Христіанъ противъ язычниковъ, написанный въ 217 году по Р. Х., то-есть за 1636 лѣтъ тому назадъ.

Тертуліанъ, укоряя языческихъ жрецовъ въ шарлатанствѣ, обманѣ и чародѣйствѣ, и описывая средства, употребляемыя ими для помраченія разсудка маловѣрныхъ людей, далѣе въ этомъ же трактатѣ доказываетъ, что Всемогушій нашъ Творецъ удостоиваетъ даромъ пророчества и предвидѣнія только тѣхъ, кто угодили Ему благочестивою жизнію и добрыми дѣлами.

Всякій, кто знаетъ по-французски, можетъ прочесть объ этомъ въ книгѣ подъ названіемъ: *Choix des Monuments primitifs de l'église Chrétienne*, на стр. 22, въ статьѣ 23.

Къ трактату Тертуліана можно бы было присовокупить сужденіе о томъ, какое вредное вліяніе имѣютъ эти опыты на здоровье, нравственность и умственные способности людей, дѣлающихъ оныя надъ этими столами и вѣрующихъ предсказаніямъ и отгадкамъ ихъ, но кажется, слишкомъ достаточно будетъ для русскихъ православныхъ христіанъ, поставить имъ въ виду и напомнить слова Спасителя нашего Іисуса Христа: *имѣй уши слыщати, да слышишь*.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Г-нъ Бартепевъ, въ ученой своей статьѣ о родѣ Пушкиныхъ, помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ От. Зап., *пропустилъ* семерыхъ Пушкиныхъ, подписавшихся подѣ грамотою объ избраніи на царство Государя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Да развѣ тамъ они ?

Тамъ.

Г. Бартепевъ *позабылъ* также и стихъ самаго Пушкина, который объ ней упоминалъ.

Г. Бартепевъ *позабылъ* еще сказать, что одного изъ своихъ предковъ Пушкинъ вывелъ на сцену въ «Бориса Годуновъ», и вложилъ въ уста послѣдняго стихъ: «противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный.»

ЖУРНАЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Ѳ. В. Булгаринъ, старшій и опытнѣйшій нашъ журналистъ, замѣтилъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ нѣкоторые петербургскіе журналы и газеты съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаютъ другъ на друга, и очень характеристично назвалъ такой образъ дѣйствія на энергическомъ языкѣ своемъ битьемъ по карманамъ, имѣя, вѣроятно, въ виду наступающую подписку. Досталось, по той или другой причинѣ, въ ноябрѣ и Москвитянину отъ благороднаго Современника и благороднѣйшихъ Отечественныхъ Записокъ. «Малочисленнымъ читателямъ Москвитянина, объявляетъ первый, (слышите — малочисленнымъ, замѣчайте), «извѣстна повѣсть г-жи Вельтманъ: Викторъ.» А эта повѣсть напечатана была въ январѣ мѣсяцѣ и вышла особой книжкой тогда же! Что же, теперь вздумалъ Современникъ разбирать повѣсть г-жи Вельтманъ? Нѣтъ, онъ вздумалъ обвинить г-жу Вельтманъ въ неуваженіи къ покойному Гоголю, и выписалъ въ доказательство съ трагическими гримасами нѣсколько строкъ, принадлежащихъ сумасшедшему дѣйствующему лицу повѣсти. Можно одобрять или не одобрять литературный вымыселъ, придуманное положеніе, — на это имѣетъ право всякій, но приписать г-жѣ Вельтманъ злое намѣреніе унизить память о Гоголѣ, — признаемся, на это достанетъ духу развѣ только у Современника — и Отечественныхъ Записокъ, которые поступили еще отчаяннѣе, но объ нихъ послѣ. Москвитянинъ отмститъ имъ обоимъ молчаніемъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, и не будетъ говорить о нихъ ни слова, желая имъ многочисленныхъ и многочислѣннѣйшихъ читателей.

Москвитинъ имѣтъ для напечатанія въ слѣдующихъ книгахъ вышшняго и будущаго года:

Записки студента (продолженіе). Бытъ русскаго дворянина, автора Семейства Холмскихъ. Отъ *М. А. Дмитріева*: Запасы изъ моей памяти (воспоминаніе о русскихъ литераторахъ). *С. П. Шевырева*: Стихотворенія *Домоносова*, эпиграмматическія и шутивыя. Извѣстіе о мѣстѣ погребенія *Лефорта*, документальное. Письмо *Шувалова* къ *Миллеру* на франц. языкъ объ Исторіи Петра Великаго, писанной *Вольтеромъ*. Письмо *Прокофія Акинѣевича Демидова* къ *Миллеру*, весьма любопытное въ отношеніи къ сборнику пѣсень, извѣстнѣмъ подъ именемъ *Кирши Давилова*. Два письма французскихъ *Богдановича* къ *Миллеру*. Отъ *В. Н. Лешкова*: О мѣрахъ въ древности для народнаго здравія. Отъ *А. М. Кубарева*: *Саллустій* и его время, по источникамъ. Отъ *И. И. Срезневскаго*: О хроникѣ *Никифора Грегорья*. Статья *Макоел* по поводу сочиненія *Ранке* о Папахъ. Двѣ статьи изъ воспоминаній *И. О. Тимковскаго*. Инструкція дворцкому для управленія вотчинами, временъ Петра Великаго, дост. *И. К. Купріяновымъ*. Письма *Карамзина* къ *А. И. Тургеневу*. Романъ изъ Итальянской жизни, *М. П. Бибикова*. Повѣсти и рассказы *Сумарокова*, *Григорьева*, *Писемскаго*, *Рамазанова*, *Потѣхина*, *Дріанскаго*, *Корженевскаго*, *Мартынова*. Біографія *Кулибина*, написанная его сыномъ. Повѣсть о *Бельегорѣ*, изъ *Махіавелли*, *Шоповалова*. Психея, изъ *Апудея*, князя *Кострова*. Персы, трагедія *Эсхила*, переводъ съ примѣчаніями, *Б. И. Ордынскаго*. О Кметяхъ, *П. И. Лавровскаго*. Картины полярныхъ странъ, *Д. Е. Мина*. Питеръ Симплъ, романъ *Кап. Марріета*. Монастырма, повѣсть; и проч. и проч.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 4 дни, 1853 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій*.

Въ типографіяхъ : Университетской, В. Готье и Степановой.

М О Д Ы.

— Никогда еще костюмы парижанокъ не были такъ роскошны и великолѣпны, какъ въ настоящее время. Прекрасная императрица первая подаетъ примѣръ роскоши своимъ подданнымъ, и безъ того уже любящимъ роскошь болѣе всего. Она, говорятъ, не надѣваетъ два раза даже самое великолѣпное платье.

— Роскошь нынѣшнихъ туалетовъ проявляется не въ одномъ только богатствѣ матерій, но и въ богатствѣ украшеній, безъ которыхъ не обходится ни одно даже самое простое платье.

— Утреннія платья отдѣляются оборками бахромой, пуговицами различной формы, бархатомъ; вечернія вышиваютъ шелкомъ, золотомъ, убираютъ кружевами, блондой и лентами. Особенно въ модѣ ленты, 160 и 180 нумера т.—е. чрезвычайно широкія, большую частью клетчатая яркаго цвѣта, съ золотыми разводами. Ими обшиваютъ оборки креповыхъ и тюлевыхъ платьевъ, употребляютъ вмѣсто длинныхъ поясовъ *chanoinesse* и проч.

— Шляпы такъ фантастичны, что ни на что непохоже. Особенно шляпки знаменитой парижской модистки *Alexandrine*. Она ихъ отдѣлываютъ *ad libitum*, по бархату золотымъ и шелковымъ шитьемъ, соломкой, гагачьимъ и лебяжьимъ пухомъ и т. д.—Поля по прежнему очень маленькія, круглыя, тулья упадающая назадъ, мармоты изъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ блондой, или бантиковъ узенькихъ атласныхъ и бархатныхъ лентъ.

— Пардесю дѣлаютъ изъ бархата и *loutre de laine* (толстой двухсторонней матеріи); болѣе простыя изъ драпу и альпага, съ отдѣлкой изъ бархата.

— Вотъ нѣсколько образцовъ лучшихъ пардесю.

— *Pelisse duchesse*, на манеръ лѣтней шубки, гладкая спереди, собранная сзади крупными складками, оканчивающимися у плечъ, съ широкими и четверугольными рукавами; она сдѣлана изъ черпаго бархата и подбита сризovýmъ плюшемъ. Вмѣсто кружева, опушка изъ черныхъ строусовыхъ перьевъ.

— *Stéphane*, родъ тальмы изъ бархата, шитый гладью чернымъ же шелкомъ и украшенный въ-край широкой бахромой.

— *Touriste*, плащ простой из толстой материи шине, убранный бархатными полосками, вырезанными зубцами, и бархатными же пуговицами; онъ подбитъ клетчатымъ плюшемъ яркаго цвѣта, который въ настоящее время въ большомъ употребленіи. Для спектакля дѣлаютъ превосходные чепчики. Вотъ нѣсколько изъ нихъ, самые изящные.

— Чепчикъ, составленный изъ великодушнаго бѣлаго блондоваго кружка въ видѣ звезды, накинутаго на пунцовые и черные бархатные банты, перемѣшанные съ маленькими колокольчиками и маргаритками изъ перушекъ и бѣлаго стеклярусу.

— Чепчикъ блондовый, убранный голубыми бархатными лентами, съ серебрянымъ краемъ и какими-то большими фантастическими цвѣтами бѣлаго и розоваго цвѣта.

— Чепчикъ изъ тюлю *illusion*, весь отделанный бантиками и *flots* изъ узенькихъ атласныхъ лентъ и бархатцу.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Платье шелковое, съ чернымъ бархатомъ; кружевной воротничекъ и такіе же подрукавники. Визитное платье изъ муару антикъ кашемировая шаль; шляпка атласная, отделанная пухомъ.

